
Стенограмма
Нюрнбергского процесса
Том X

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том X / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация)

Том десятый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 8 - 17 апреля 1946. В ходе этих заседаний участники процесса завершили допрос подсудимого Кейтеля. Были допрошены свидетели Ламмерс, Вестхоф, Вилен, Рикке, Нойбахер, Хёсс. Защита завершила представление доказательств по делам Кейтеля и фон Риббентропа. Защита представила доказательства по делам Кальтенбруннера и Розенберга. Были допрошены подсудимые Кальтенбруннер и Розенберг.

Содержание

День сто второй

Понедельник, 8 апреля 1946

Утреннее заседание

Максвелл-Файф[1]: Я хочу задать вам несколько вопросов о расстреле офицеров сбежавших из лагеря Саган. Как я понял из ваших показаний, вскоре после побега у вас был разговор с Гитлером[2] на котором точно присутствовал Гиммлер[3]. Правильно, не так ли?

Кейтель: Через день после побега состоялось совещание с фюрером и Гиммлером.

Максвелл-Файф: Да. Итак, вы говорите, что на этом совещании Гитлер сказал о том, что заключенных не должны передать Вермахту, а оставить у полиции. Это были ваши слова. Правильно, не так ли?

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: Вы так сказали. Вы сказали, что так происходило. Вы были внутренне удовлетворены, когда покинули совещание, тем, что этих офицеров собирались расстрелять, не так ли?

Кейтель: Нет, не был.

Максвелл-Файф: Итак, вы согласились с этим? Вы были удовлетворены, что есть серьезная вероятность, что этих офицеров расстреляют?

Кейтель: Когда я ехал домой я подсознательно беспокоился об этом. Я не выражал этого на совещании.

Максвелл-Файф: Затем вы послали за генералами фон Гравеницем[4] и Вестхофом[5], не так ли?

Кейтель: Да, верно.

Максвелл-Файф: Я не знаю, сможете ли вы вспомнить, потому что генерал Вестхоф являлся сравнительно младшим офицером в сравнении с вами, но он сказал о том, что это было первый раз, когда вы послали за ним. Вы помните это?

---

1 Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

2 Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основательтоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии(1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

3 Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

4 Ганс фон Гравениц (1894 – 1963) – генерал-лейтенант Вермахта. В 1938-1943 начальник управления по вопросам военнопленных ОКВ.

5 Адольф Вестхоф (1899 – 1977) – генерал-майор Вермахта. В 1943-1944 начальник службы по делам военнопленных в ОКВ.

Кейтель: Нет, я не вызывал его. Но его взяли, чтобы представить мне. Я не знал его. Я вызвал только генерала фон Гравеница.

Максвелл-Файф: Вы никогда ни встречали его раньше? Вы согласны с тем, что вы никогда не видели генерала Вестхофа раньше, с тех пор как он получил работу?

Кейтель: Я никогда не видел его раньше.

Максвелл-Файф: Так он сказал. Итак, вы согласны, как я понял из ваших показаний, что вы были очень взволнованы и нервозны?

Кейтель: Да, я очень сильно выражал свое несогласие и раздражение.

Максвелл-Файф: Значит, вы согласны с генералом Вестхофом в том, что вы сказали об этом: «Господа дела плохи» - или - «это очень серьезное дело» - или что–то такое?

Кейтель: Да, я сказал что: «Это чрезвычайно серьезный вопрос»

Максвелл-Файф: Итак, в следующей фразе, генерал Вестхоф говорит о том, что вы сказали: «Этим утром Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера о том, что я допустил ещё один побег ВП[6]. Это было неслыханно».

Кейтель: В этом ошибка со стороны Вестхофа. Это было днем позже. Мы находились в Берхтесгадене и генералы фон Гравениц и Вестхоф были вызваны ко мне на следующее утро. И здесь также ошибка в том, что я упомянул в связи с этим имя рейхсмаршала Геринга.

Максвелл-Файф: Значит вы не очень уверены в этом, не так ли, по поводу того присутствовал ли Геринг. Вы не очень уверены, не так ли?

Кейтель: Я стал сомневаться в этом только на предварительном следствии, затем мне было сказано о том, что свидетель заявил, что присутствовал Геринг; впоследствии я сказал, что это было совершенно невозможно, о том, что я не помню такого.

Максвелл-Файф: Что же, чтобы понимать, когда вас допрашивали, американский офицер представил вам тоже самое предложение, что я представил вам сейчас. Он представил вам предложение из заявления генерала Вестхофа. Вы помните, что он читал тоже, что и я вам сейчас? Вы сказали: «Этим утром Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера о том, что я допустил ещё один побег ВП. Это было неслыханно». Вы помните дознавателя, говорившего вам это? Нет?

Кейтель: Что–то такое было на предварительном следствии, но я сказал о том, что не уверен, что Геринг присутствовал.

Максвелл-Файф: Я собираюсь представить именно то, что вы сказали - и вы послушайте внимательно, если у вас есть какие–либо возражения, скажите об этом трибуналу. Вы сказали: «Я прошу, чтобы вы допросили Йодля об инциденте и об отношении, которое я выражал во время всего совещания в присутствии Геринга, о чьем присутствии на совещании, я не совсем уверен, но там находился Гиммлер». Таким был ваш взгляд, когда вас допрашивали 10 ноября, не так ли? Вы сказали: «…

6 «Военнопленные» (прим. – переводчика).

в течение всего совещания в присутствии Геринга, в чьем присутствии я не совсем уверен…». Таким был ваш взгляд 10 ноября?

Кейтель: Должно быть, есть неправильная интерпретация в протоколе, который я никогда не читал. Я выразил свою неосведомленность о присутствии Геринга, и в этой же связи попросил допросить об этом генерала Йодля, поскольку, по моему мнению, я не был уверен, что Геринг не присутствовал.

Максвелл-Файф: Вы согласны с тем, что попросили допросить генерала Йодля?

Кейтель: Да я предложил это.

Максвелл-Файф: Что же, вы пожалуетесь на следующее предложение? «…в течение всего совещания присутствовал Геринг, в чьем присутствии я не совсем уверен…» Разве это не ваш взгляд?

Кейтель: Да, я был довольно удивлен на этом допросе, и когда мне сказали о том, чтобы свидетель подтвердил присутствие Геринга, я был немного неуверен в этом вопросе и попросил допросить генерала Йодля. В то же время мне стало совершенно ясно, что Геринг не присутствовал и, что я был прав, как я сказал вначале.

Максвелл-Файф: Вы обсуждали это с Герингом, пока вы оба ждали суда?

Кейтель: После моих допросов у меня были случаи обсудить вопрос с рейхсмаршалом и он говорил мне: «Но знайте, что меня там не было», и тогда я полностью вспомнил.

Максвелл-Файф: Да, как вы говорите, рейхсмаршал сказал вам, что он не присутствовал при разговоре. Правильно, не так ли?

Кейтель: Генерал Йодль также подтвердил мне то, что рейхсмаршал не присутствовал.

Максвелл-Файф: Что же, вы рассказали генералам фон Гравеницу и Вестхофу о том, что вмешался Гиммлер и он пожаловался, что ему нужно предоставить еще от 60 до 70 тысяч человек для Landwache[7]? Вы сказали им об этом?

Кейтель: Нет, это тоже недопонимание. Я не говорил этого. Это не верно.

Максвелл-Файф: Вы сказали о том, что вмешался Гиммлер.

Кейтель: Я лишь сказал о том, что Гиммлер доложил о факте побега, а я не намеревался докладывать об этом Гитлеру в тот день, поскольку многих бежавших возвращали в лагеря. Я не намеревался докладывать фюреру в тот день.

Максвелл-Файф: Итак, чтобы вы ни сказали генералу фон Гравеницу, вы согласны с тем, что генерал фон Гравениц протестовал и сказал: «Побег не позорное правонарушение. Это особо изложено в конвенции». Он так не говорил?

Кейтель: Да, это правда, он так сказал. Но я хочу добавить, что заявление генерала Вестхофа это воспоминание спустя несколько лет.

Максвелл-Файф: Да, но вы согласны, как я понял из ваших показаний с тем, что генерал фон Гравениц заявил протест принятию таких действий, не так ли?

Кейтель: Да, он так сделал.

---

7 Разновидность добровольного ополчения.

Максвелл-Файф: И затем, когда он заявил протест, вы высказались об этом? Я зачитаю прямо из заявления генерала Вестхофа: «Чёрт с ним, мы обсуждали это в присутствии фюрера, и это нельзя изменить». Такие слова вы сказали на это?

Кейтель: Нет, это было не так, но мне кажется, я сказал что–то похожее.

Максвелл-Файф: Похожее?

Кейтель: Но мы не касались…

Максвелл-Файф: Похожее, на это?

Кейтель: Я сказал, что–то похожее.

Максвелл-Файф: И после этого вы сказали, чтобы ваша организация, Kriegsgefangenenwesen[8], опубликовала уведомление в тюремных лагерях, где содержались военнопленные, рассказывающее всем военнопленным о том, какие действия предприняли в этом случае, с целью устрашить остальные лагеря?

Вы проинструктировали этих генералов, ваших начальников организации по делам военнопленных, опубликовать уведомление в лагерях говорившее, какие действия были предприняты с целью устрашения?

Кейтель: Я обратил на это внимание, прочитав доклад британского правительства, и я пришел к заключению, что может быть некоторое заблуждение о том, когда я дал эти указания. Я уверен, что не делал этого на этом совещании. Это было позднее, несколько дней спустя.

Максвелл-Файф: Что же, вы найдете это в заявлении генерала Вестхофа, которое мы представили, внизу страницы 3. Генерал Вестхоф сказал:

> «Фельдмаршал дал нам подробные указания опубликовать в лагере список приводивший имена расстрелянных, в качестве предупреждения. Это был прямой приказ которому мы не могли не подчиниться»

И в заявлении, которое представил ваш защитник, генерал Вестхоф говорит:

> «Эти следует прекратить. Мы не можем позволить этому случиться снова. Офицеров которые сбежали расстреляют. Я должен сообщить вам, что вам, что большинство уже мертвы и вы опубликуете уведомление в лагерях пленных где содержат военнопленных говорящее о том, какую акцию предприняли в данном случае для того, чтобы отпугнуть их от других побегов»

Кейтель: Могу я сделать заявление об этом?

Нельте: Британский обвинитель ссылается на документ, который я представил в своей документальной книге. Я признаю это правильным. И это тот документ, который французское обвинение хотело приобщить, и в отношении которого я возражал, поскольку он является компиляцией допросов, которую подготовил полковник Уильямс. Я представил этот документ, чтобы оформить подтверждение

8 «Организация по делам военнопленных» (нем.)

того, что слышанное генералом Вестхофом не согласуется с 23 пунктами показаний данных им. Он предоставил мне необходимую информацию. Но завтра он впервые будет на месте свидетеля. Поэтому, я прошу, если британский обвинитель ссылается на свидетеля Вестхофа, представить, по крайней мере, его заявление, которое он сделал под присягой по просьбе американского обвинителя полковника Уильямса. Эти письменные показания до сих пор не представили, в то время как все остальные части его показаний содержатся в докладах, которые никогда не представляли Вестхофу для подписи, или для его ознакомления, ни подтверждены его присягой.

Максвелл-Файф: Моя мысль заключалась в том, что я не предъявляю ничего из первого заявления, чего не содержится в документальной книге подсудимого. Я думал, что жалоба будет о другом, что если бы я взял только наши собственные доказательства тогда можно было сказать, что они немного отличаются, так как разница в документах, представленных в документальной книге подсудимого несущественная. Я тщательно сопоставил обе. Между ними практически нет различий, но я думал честнее сопоставить оба набора слов.

Председатель: Трибунал думает, что перекрестный допрос совершенно правильный. Конечно, если доктор Нельте вызывает генерала Вестхофа в качестве свидетеля, он сможет получить от него любые поправки, которые генерал Вестхоф посчитает необходимыми для своих письменных показаний.

Максвелл-Файф: Да, милорд.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, что я хочу знать: вы отдали приказы генералам фон Гравеницу и Вестхофу, чтобы уведомление о том какие меры были приняты против этих офицеров было опубликовано в лагерях?

Кейтель: Да, но несколько дней спустя; не в тот же день, когда у меня находились эти офицеры.

Максвелл-Файф: Через сколько?

Кейтель: Мне кажется, спустя 3 или 4 дня, но я уже не скажу точно; в любом случае, не ранее чем я понял, что произошли расстрелы.

Максвелл-Файф: Что же, 3 или 4 дня спустя после начала расстрелов, но что было опубликовано? Что вы сказали нужно было опубликовать о принятых мерах?

Кейтель: В лагере было должно было быть опубликовано предупреждение. По моему мнению, мы не упоминали расстрелы, а только предупреждали, что пойманные при побеге не вернуться в лагерь. Я не могу вспомнить точные слова. Это вытекало из приказа, который я получил от фюрера по результатам совещания состоявшегося с ним по вопросу расстрелов.

Максвелл-Файф: Что же, честно представить ваши воспоминания таким образом: что, вероятно, согласно вашим воспоминаниям, что тех, кто пытался сбежать передадут СД, и конечно будут приняты, очень суровые меры? Это честный способ напомнить вам о приказе?

Кейтель: По моим воспоминаниям это предупреждение, то есть угроза, должна

была быть опубликована о том, что тот, кто пытается сбежать не вернётся в лагерь. Таким было содержание этой публикации которую я переслал, по моим воспоминаниям. Это не лично моя формулировка. Кроме того, только администрация лагеря, или даже Люфтваффе должны были быть уведомлены.

Максвелл-Файф: Итак, генерал Вестхоф не уступил устному приказу и вернулся к вам с письменным проектом приказа, не так ли?

Кейтель: Мне не кажется, что он приходил ко мне. Мне кажется, он отправил мне это.

Максвелл-Файф: Извиняюсь, но когда я сказал «пришёл к вам», я говорил в общем, вы совершенно правы в том, что он направил вам на рассмотрение проект письменного приказа для вашего одобрения; правильно, не так ли?

Кейтель: Мне не кажется, что это был приказ, однако насколько я помню это был просто меморандум, записка. Однако, я должен добавить, что мне впервые напомнили об этом вопросе в ходе допроса полковником Уильямсом.

Максвелл-Файф: Что же, генерал Вестхоф, говорит:

> «Вопреки приказам Feldmarschall[9] Кейтеля – я сделал вид, что правильно не понял– я проработал вопрос на бумаге. Я сказал Oberstleutnant[10] Крафту: «Я хочу включить слово «расстрел», чтобы Кейтель мог видеть это в письменном виде. Тогда он может занять другое отношение»
>
> Теперь немного дальше:
>
> «Когда я получил вещь обратно, он написал следующее на полях: «Я не говорил определённо «расстрел», я сказал: «Передача полиции или передача Гестапо»
>
> Затем генерал Вестхоф добавляет:
>
> «Таким образом, это было частичное понижение»

Итак, вы поставили на ней пометку: «Я не говорил определённо «расстрел», я сказал: «Передача полиции или передача Гестапо». Не так ли?

Кейтель: Я не могу дословно вспомнить пометку – так же как и генерал Вестхоф. Но я сделал пометку такую пометку на полях: «Я не сказал «расстрелять…»

Максвелл-Файф: Вы понимаете, на, что я указал вам подсудимый? Я хочу, чтобы вы это четко понимали. Правильно или неправильно, генерал Вестхоф считал, что вы вставили слово «расстрелять»; и генерал Вестхоф защищая себя, вернул это вам, и тогда вы сказали: «Я определенно не сказал «расстрелять» - я сказал: «переданы СД или Гестапо»

Кейтель: Нет, я тоже не говорил слова «расстреляны», но полковник Уильямс сказал, что я написал это на полях: «Я не сказал расстреляны». Это есть в протоколе моего допроса.

---

9 «Фельдмаршал» (нем.)
10 «Подполковник» (нем.)

Максвелл-Файф: Что же, что я хочу знать - и это совершенно ясно – вы отрицаете, что суть, представляющая то, что вы внесли в документ: «Я определенно не сказал «расстреляны» - я сказал: «Переданы полиции или переданы Гестапо»? Вы поставили в документе такие слова?

Кейтель: Возможно что, я написал что–то похожее, на это так как хотел прояснить то, что я сказал этим двум офицерам. В том, что я сказал, не было ничего нового, но это было разъяснение того, что я сказал.

Максвелл-Файф: Итак, следующее положение, на которое я хочу обратить ваше внимание: у вас был офицер вашего штаба по имени Oberst[11] фон Реурмон[12], в вашем штабе по ВП, Kriegsgefangenenwesen?

Кейтель: Нет, он никогда не был в моем штабе.

Максвелл-Файф: Какую должность он занимал в ОКВ[13]?

Кейтель: Мне кажется, был полковник Реурмон. Он был начальником отдела и не имел никакого отношения к системе военнопленных; он был начальником отдела в общем управлении Вермахта.

Максвелл-Файф: В вашем ведомстве.

Кейтель: В ведомстве, в общем управлении Вермахта под руководством генерала Рейнеке[14], да.

Максвелл-Файф: Вам известно, что 27 марта, то есть в понедельник, было совещание, на котором председательствовал полковник фон Реурмон, с участием группенфюрера Мюллера[15] от Гестапо, группенфюрера Нёбе[16], и полковника Вильде из министерства авиации, от их инспекции по ВП 17; вы знаете об этом?

Кейтель: Нет, я никогда ничего об этом не слышал. Это осталось для меня совершенно неизвестным.

Максвелл-Файф: Вы говорите трибуналу о том, что в вашем ведомстве находился такой полковник, полковник из министерства авиации, два чрезвычайно важных сотрудника полиции, и они обсуждали вопрос 2 дня спустя после первой встречи, через 1 день после вашей встречи с фон Гравеницем и Вестхофом, и вы ни слова не знаете об этом?

Кейтель: Нет, я ничего не знал об этой встрече. Я не могу вспомнить.

Максвелл-Файф: Итак, большинство из нас хорошо знакомы с работой служебных

---

11 «Полковник» (нем.)

12 Альфред фон Реурмон (1898 – 1984) – Полковник Вермахта. В 1943-1945 начальник отдела в составе общего управления ОКВ.

13 ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

14 Герман Рейнеке (1888 — 1973) — германский военный деятель эпохи Третьего Рейха, генерал пехоты (1 июня 1942 года). Начальник общего управления в составе штаба верховного главнокомандования Вермахта. Американским трибуналом был приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно в 1954.

15 Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

16 Артур Нёбе (1894 — 1945) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции и рейхскриминальдиректор, начальник уголовной полиции Рейха. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

ведомств. Я прошу вас быть честным с самим собой рассматривая это. Вы говорите трибуналу, что вам никогда не делали никакого доклада об этой совместной встрече между представителем ОКВ, высокими сотрудниками полиции и министерства авиации? Об этом вам никогда не докладывали? Итак, хорошо подумайте, прежде чем отвечать.

Кейтель: Я при всем желании не могу вспомнить. Я был удивлен сообщением об этом совещании, и я ничего не могу вспомнить об этом.

Максвелл-Файф: Вам известно это – я предъявил заявление полковника Вельдера, когда проводил перекрестный допрос подсудимого Геринга – он сказал, что на совещании объявили о том, что этих офицеров должны были расстрелять и многих из них уже расстреляли? Вам не докладывали о том, что этих офицеров расстреливают и должны расстреливать?

Кейтель: Нет, не 27–го. Это уже обсуждалось раньше, когда я получил первый доклад. Тогда я ничего не знал об этом, в этот день, или даже на следующий день после этого совещания.

Максвелл-Файф: Хотя вы согласны с тем, что вы узнали, как я понял вас, что их расстреливали 29–го, что было в четверг?

Кейтель: Я уже не скажу, в какой день, но я помню, что это было позднее. Мне кажется это было спустя несколько дней.

Максвелл-Файф: Что же, подсудимый, позвольте нам, принять каждый пункт в вашу пользу. Давайте возьмём, что это скажем было в субботу 31–го, или даже в понедельник, 2 апреля. В понедельник, 2 апреля – то есть спустя 9 дней после побега – тогда вы знали о том, что этих офицеров расстреливают?

Кейтель: Я услышал об этом в течение этих дней, возможно в районе 31–го, через адъютанта фюрера, когда я снова прибыл в Берхтесгаден для доклада об обстановке. При этом, мне даже не сказали о том, что всех этих офицеров расстреляли, некоторых из них застрелили при попытке побега. Мне рассказали об этом незадолго до начала совещания.

Максвелл-Файф: Они все не были расстреляны до 13 апреля, что было почти через две недели. Вам рассказывали о том способе, что их вывели из машин, чтобы облегчиться и затем их застрелил кто-то из револьвера в затылок? Вам об этом рассказывали?

Кейтель: Нет, только от адъютанта узнал о том, что фюреру вручили доклад, о том, что расстрелы последовали за побегом.

Максвелл-Файф: Итак, далее я хочу перейти к другому положению. Вы помните, что мой коллега, господин Иден[17], по поручению британского правительства,

---

17 Антони Иден (1897 — 1977) — британский государственный деятель, аристократ, член консервативной партии Великобритании, в 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 министр иностранных дел, в 1951—1955 заместитель премьер-министра, в 1955—1957 64-й премьер-министр Великобритании.

позднее сделал заявление в Палате общин[18], ближе к концу июня. Помните это?

Кейтель: Да. Я вспоминаю.

Максвелл-Файф: И это верно, как сказал генерал Вестхоф, что вы сказали своим офицерам не связываться с министерством иностранных дел или Гестапо, оставив этот вопрос и не пытаться выяснять, что–либо о нём? Правильно?

Кейтель: Я сказал им о том, что поскольку Вермахта не касались средства розыска и поимки этих сбежавших, ни касался того что случилось потом, управление по делам военнопленных не могло предоставить какой–либо информации по вопросу, так как оно само не занималось вопросом и не знало, что произошло на самом деле. Вот, что я сказал.

Максвелл-Файф: Тогда ответ это, да, что вы сказали своему ведомству оставить вопрос и не связываться с министерством иностранных дел или полицией?

Кейтель: Нет, не совсем верно. Начальник зарубежного отдела был связан с министерством иностранных дел. Я только дал указания, чтобы офицеры не давали какой–либо информации об этом деле или каких-нибудь вопросах связанных с ним, поскольку они не участвовали и знали о нем только по слухам о случившемся.

Максвелл-Файф: Склонен думать, что мой предыдущий вопрос – вы просто повторились по поводу моего предыдущего вопроса, я не хочу спорить с вами. Я перехожу к следующему пункту. У вас был в штабе офицер по имени адмирал Бюркнер[19], не так ли?

Кейтель: Да, он был начальником зарубежного отдела.

Максвелл-Файф: Он был связным между вашим ведомством и министерством иностранных дел?

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: Итак, вы отдали ему приказы подготовить ответ Англии, ответ на заявление господина Идена?

Кейтель: Возможно, что я сказал ему об этом, хотя он и не мог получить никаких подробностей у ведомств Вермахта.

Максвелл-Файф: Я не хочу снова вам это читать, я читал ответ, день или два тому назад. Но в итоге я думаю, ответ был подготовлен министерством иностранных дел в сотрудничестве с Oberstleutnant Крафтом из вашего ведомства, не так ли?

Кейтель: Нет, тогда…

Максвелл-Файф: Вы не помните Крафта…

Кейтель: Я дал указания о том, чтобы ответом занималось РСХА, но не управление по делам военнопленных. Я не давал никаких указаний подполковнику Крафту.

Максвелл-Файф: Но разве он не отправился в Берхтесгаден для содействия представителю министерства иностранных дел и Гитлеру в подготовке ответа?

Кейтель: Я не знаю. Я не говорил с ним и не видел его.

---

18 Палата общин — наименование нижней палаты парламента Соединённого королевства Великобритании.
19 Леопольд Брюкнер (1894-1975) – немецкий вице-адмирал. В 1944-1945 начальник зарубежного отдела ОКВ.

Максвелл-Файф: Вам известно, что когда они увидели ответ, согласно генералу Вестхофу, все ваши офицеры схватились за голову и сказали: «Безумие». Вы видели это заявление, не так ли: «Затем, когда мы прочли ноту Англии в газете, все мы были потрясены. Мы схватились за головы. Безумие! Мы не могли иметь к делу никакого отношения». Все ваши офицеры и вы сами, знали, что ответ - полная и бесстыдная ложь. Не так ли, полная и бесстыдная ложь. Вы все это знали?
Кейтель: Все они знали это. Я тоже узнал об ответе, и мне было ясно, что он не основан на правде.
Максвелл-Файф: Значит, получается так, подсудимый, не так ли, что вы дошли до этого: вы присутствовали на встрече с Гитлером и Гиммлером. Так вы говорите. На этой встрече Гитлер сказал, чтобы заключенные пойманные полицией остались в руках полиции. У вас имелась сильная вероятность того, что эти заключенные будут расстреляны и, что вы использовали этот инцидент как устрашение для предотвращения других побегов военнопленных. Все это вы признаете, так я понял ваши ответы этим утром, не так ли?
Кейтель: Да, я признаю, но меня не допрашивали по вопросу о том, в чём заключалась моя позицию у Гитлера, и я не свидетельствовал об этом, и что я не делал это предупреждение, но что это предупреждение было приказом Гитлера и было причиной еще одного жесткого столкновения между Гитлером и мной, когда ко мне пришёл первый доклад о расстрелах. Вот как это было.
Максвелл-Файф: Я не буду снова вдаваться в детали.

Еще одно положение: Когда вы узнали об использовании кремации и отправке кремационных урн в этот лагерь?
Кейтель: Мне это осталось неизвестно, и я не помню, чтобы, когда-нибудь слышал об этом. В дальнейшем вопрос был чисто заботой Люфтваффе, в чём я принял участие только в виду присутствия, я не знаю, слышал ли я об этом когда-нибудь или видел что–нибудь об этом.
Максвелл-Файф: Но подсудимый, вы согласитесь со мной, что любой в мире, кто должен был заниматься проблемами военнопленных, ужаснулся бы от мысли о том, что тела расстрелянных офицеров кремировали; этим напрашивались неприятности, не так ли, от гарантирующих держав и любого другого, называвшего это низостью? Вы согласитесь с этим; я уверен вы занимались военнопленными больше чем я. Вы не согласны, что это ужаснуло бы любого, кто должен был заниматься военнопленными, что тела должны были кремировать, что гарантирующие державы сразу же начнут подозревать?
Кейтель: У меня совершенно такое же мнение о том, что это ужасно.
Максвелл-Файф: И если бы какая–нибудь служба узнала, что лагеря получили 50 урн с прахом кремированных тел бежавших военнопленных, это должно было быть самым серьезным вопросом, которым занимались бы высшие чины любой службы, не так ли?

Кейтель: Да, при том, что я не имел никакого отношения к лагерям военнопленных Люфтваффе помимо инспекционных полномочий.
Максвелл-Файф: Я не хочу вас больше спрашивать о Люфтваффе. Итак, я думаю, мы можем довольно коротко рассмотреть вопрос линчевания союзных лётчиков.

[*Документы передали подсудимому и трибуналу*]

Максвелл-Файф: Итак, подсудимый, я хочу напомнить вам, что был доклад о совещании от 6 июня, документ PS-735, который предъявили против подсудимого Риббентропа; это доклад генерала Варлимонта[20], экземпляр GB–151, относительно критерия подлежавшего принятию для решения о том, что такое лётчики-террористы; Вы можете вспомнить документ, потому что вы сами рассматривали в пятницу пометку…
Кейтель: Да.
Максвелл-Файф:…вопреки правовой процедуры, которую вы уже разбирали.
Кейтель: Да.
Максвелл-Файф: Итак, вы сказали во время своих показаний – вы помните, вы рассказывали нам, почему вы не хотели правовой процедуры: потому что решение военно–полевого суда было сложной проблемой и также это означало трёхмесячную отсрочку для сообщения о смертном приговоре гарантирующим державам.
Кейтель: Да, я сделал такие заявления.
Максвелл-Файф: Итак, это неточно, не так ли? Потому что я просто хочу показать вам, что случилось. Этот документ, который вы упоминали, был 6 июня. И 14 июня…
Кейтель: Да.
Максвелл-Файф: …это документ D–774, который будет экземпляром GB–307, с инициалами Варлимонта – ваше ведомство направило проект письма в министерство иностранных для сведения Риттера[21], отправив эту формулировку о том чем являлись лётчики-террористы. И если вы просмотрите его, он говорит о том, что необходимо однозначно сформулировать, концепцию фактов, которые должны образовывать уголовное деяние. И затем проект письма, документ D–775, экземпляр GB–308, главнокомандующему воздушными силами, для сведения полковника фон Браухича[22], в котором сказано:

«Руководствуясь предварительными беседами и согласованием с

20 Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.
21 Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник министерства иностранных дел Германии. В 1940—1945 годах являлся офицером связи МИДа при Верховном командовании вермахта. После окончания Второй мировой войны в качестве подсудимого был привлечён к суду Американского военного трибунала по делу «Вильгельмштрассе». 11 апреля 1949 года был приговорён к 4 годам тюремного заключения. Освобождён досрочно.
22 Бернд фон Браухич (1911 – 1974) – полковник Люфтваффе. В 1941 – 1945 адъютант Г. Геринга.

рейхсминистром иностранных дел и начальником полиции безопасности и СД» - подсудимым Кальтенбруннером – «следующие факты нужно рассматривать как террористические акты, которые нужно принимать во внимание, когда предаются огласке случаи линчевания или которые оправдывают передачу вражеских летчиков из пересыльного лагеря воздушных сил в Оберурзеле СД для специального обращения».

И затем вы излагаете, что было согласовано:

«Пожалуйста, получите согласие рейхсмаршала такой формулировке фактов, при необходимости, передайте коменданту пересыльного лагеря воздушных сил в Оберурзеле устные инструкции действовать соответствующим образом.

В дальнейшем запрашивается, чтобы вы также получали согласие рейхсмаршала на намеченную процедуру передачи публичных объявлений»

И затем если вы посмотрите на документ D–776, экземпляр GB–309, письмо от вас министерстве иностранных дел, проект письма для сведения Риттера, датированный 15 июня, об этом же. Вы просили его подтвердить к 18–му. И затем документ D–777, экземпляр GB–310, это похожий проект письма Герингу, отмеченный для сведения полковника фон Браухича и просивший ответить на него до 18–го. Затем документ D–778, экземпляр GB–311, запись телефонного звонка от Риттера говорящая, что министерство иностранных дел отложит на несколько дней представление своего мнения. Документ D–779, экземпляр GB–312, представляющий первое замечание от подсудимого Геринга. Там сказано на 19 июня:

«Рейхсмаршал сделал следующие замечания относительно вышеуказанного письма:

Реакция населения, в любом случае, не находится в наших руках, но, по возможности нужно предотвратить действия населения против остальных вражеских летчиков» - я прошу вас заметить слово «остальных», то есть, вражеских летчиков, которые не входили в категорию лётчиков-террористов – «к которым вышеуказанное положение не применяется. По моему мнению, вышеуказанное положение дел может также» - и я прошу вас заметить слово «также» - «в любое время рассматриваться судом, так как здесь стоит вопрос убийств, которые противник запрещает своим лётчикам».

Затем в документе D–780, экземпляр GB–313, это ещё одна копия меморандума министерства иностранных дел, который я подробно зачитывал, когда я представлял дело против подсудимого Риббентропа; и оно перемежается с комментариями вашего офицера, генерала Варлимонта, в общем согласии с

меморандумом. Я не хочу снова обращаться к нему.

Затем, в документе D–781, экземпляр GB–314, ваше ведомство хотело выяснить, что имел в виду подсудимый Геринг, поэтому вы снова написали ему на для сведения фон Браухича:

> «К сожалению, из вашего письма невозможно понять согласен ли рейхсмаршал с фактами, сообщенными ему, относительно обнародования случаев линчевания касающихся террористических действий, и готов ли он дать коменданту пересыльного лагеря в Оберурзеле устные указания об этом.
>
> Настоящим снова запрашивается, чтобы рейхсмаршала убедили дать согласие, и чтобы данное ведомство было уведомлено, по возможности, до 27-го включительно».

Затем, немного пропустив, документ D–782, экземпляр GB–315 – он говорит о том, что министр иностранных дел ответит через день или два; и в документе D–783 от 26–го, что будет экземпляром GB–316, поступает ответ, телефонный меморандум, телефонный звонок, от адъютантской службы рейхсмаршала, капитана Браунера:

> «Рейхсмаршал согласен с высказанной формулировкой о концепции лётчиков-террористов и с предлагаемой процедурой. Он просит информацию в этот же день о предпринимаемых мерах»

Значит не правильно, не так ли, подсудимый, что подсудимый Геринг не соглашался с процедурой? Здесь звонок от его адъютантской службы – и он принят вашим ведомством – говорящий, что он согласен с формулировкой концепции и с предлагаемой процедурой. Это должно быть правильно, не так ли?

Кейтель: Да. Я никогда не видел этот документ, но я понимаю под применением мер, перевод в лагерь Оберурзель для военнопленных воздушных сил, не линчевание. Возможно, я могу добавить, что–нибудь о дискуссии с рейхсмаршалом…

Максвелл-Файф: Это совершенно ясно. Я не собираюсь снова разбирать переписку. Я отметил то как мы шли. Ваши письма говорившие и о линчевании и о мерах подлежавших принятию при обнародовании линчевания и другой процедуры отбора этих людей в руки СД, в ожидании подтверждения причастности к лётчикам-террористам. Это совершенно ясно. Я прошёл с вами почти 10 писем, в которых безоговорочно сказано, что оба этих пункта представили рейхсмаршалу представлены, публикации о линчевании и отбор из остальных военнопленных. Он сказал: «Я согласен с предлагаемой процедурой».

Кейтель: Могу я, кое-что добавить?

Максвелл-Файф: Добавьте.

Кейтель: Я очень отчетливо помню свою дискуссию с рейхсмаршалом Герингом в Бергхофе. Он ожидал Гитлера, который должен был выступить с речью перед

генералами. Это должно было быть в тоже самое время. В этой дискуссии упоминались два положения. Первое положение заключалось в желаемой концепции – или как я должен сказать – запланированном или задуманном линчевании. Второй вопрос заключался, в том, что мое влияние на Гитлера не было достаточно сильным, для четкого разрешения данного вопроса. Об этих двух положениях в тот день я разговаривал с Герингом. Мы установили, что весь способ обсуждавшийся здесь должен был быть предварительным условием для вольного использования линчевания, что мы согласны с тем, что как солдаты мы отвергали это; и во–вторых, я очень срочно попросил его снова использовать своё влияние на Гитлера, чтобы он мог воздержаться от таких мер. Эта дискуссия состоялась в Бергхофе в приемной зала, где Гитлер обращался к генералам. Я помню это очень отчетливо.

Я сейчас просмотрел переписку, который мы все обменивались. Я могу узнать только некоторые фрагменты. Они касаются размышлений о мерах желаемых Гитлером, которые, слава богу, никогда не принимались, так как соответствующие приказы не отдали.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на следующий документ, документ D–784, экземпляр GB–317. Это записка вам от генерала Варлимонта. Параграф 1 говорит, что министерство иностранных дел согласовало; посол Риттер телефонировал 29–го, о том, что министр иностранных дел Рейха согласовал проект. Параграф 2 говорит:

«Рейхсмаршал согласовал формулировку концепции «лётчиков-террористов» предложенную ОКВ и предлагаемый метод»

Это направили вам, и здесь есть карандашная отметка, с инициалами Варлимонта:

«Мы должны, наконец, действовать. Что еще нужно для этого?»

Вы действовали в соответствии с этим?

Кейтель: Нет.

Максвелл-Файф: Тогда, почему…

Кейтель: Фактически…

Максвелл-Файф: Тогда почему, если вы не действовали в соответствии с этим, вы спросили Люфтваффе, 4 дня спустя о том направили ли они указания в лагерь Оберурзель? Посмотрите на документ D–785, экземпляр GB–318.

Председатель: Сэр Дэвид, кажется он с инициалом подсудимого – D–784.

Максвелл-Файф: Моя копия с инициалами «В», Варлимонт.

Председатель: D–784, на копии, что у меня, есть инициал «К» сверху, рядом с запиской Варлимонта.

Максвелл-Файф: О, да. Извиняюсь, милорд. Это полностью моя ошибка. Милорд совершенно прав.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, прежде чем я оставлю D–784, это вам представили и поставили свой инициал?

Кейтель: Нет, я только поставил своё «К» на документе D–784, чтобы показать, что я видел его. Я ничего не написал на нём.

Максвелл-Файф: Но документ представили вам, и вы видели этот документ? Вы знали о том, что и министерство иностранных дел и Геринг согласились с принятием такой процедуры?

Кейтель: Я читал его. Я написал на нём «К».

Максвелл-Файф: И 4 дня спустя, в D–785, ваше ведомство запросило Геринга через Браухича о том осуществили ли они:

> «Пожалуйста, сообщите о том отданы ли указания коменданту пересыльного лагеря воздушных сил в Оберурзеле в смысле заявлений оперативного штаба верховного главнокомандования вооруженных сил от 15 июня, или же когда планируется сделать это»

Кейтель: Я раньше не видел документ, но мне кажется, он подтверждает точность моей точки зрения, что в этих запросах рейхсмаршалу о переводе в Оберурзель был лишь пункт вопроса, а не то хотел ли он линчевания, одобрял ли его, и считал ли его правильным. Мне это кажется совершенно очевидным из этого вопроса. Я ничего не знаю о самом вопросе.

Максвелл-Файф: Пожалуйста, посмотрите на документ D–786, экземпляр GB–319. На следующий день вы вышли за такие рамки. Это 5 июля. Это на самом деле доклад о встрече 4 июля. Он говорит о том, что Гитлер распорядился о следующем:

> «Согласно сообщениям прессы, англо–американцы также намерены в будущем атаковать с воздуха небольшие города, которые не имеют никакого военного значения или для военной экономики, как ответную меру против «V-1[23]». При подтверждении данной новости как правдивой, фюрер желает дать знать по радио и в прессе, что с любым вражеским летчиком, принимающем участие в такой атаке и сбитым, не будут обращаться как с военнопленным, но, как только он попадет в немецкие руки, с ним будут обращаться как с убийцей и убивать. Данная мера применяется ко всем атакам на небольшие города, которые не являются военными объектами, центрами связи, целями вооружений, и подобным, и следовательно, не являющимися важными для ведения войны.
>
> В настоящий момент ничего не приказано; единственная сделанная вещь это обсуждение такой меры с Wi.Ru[24] и министерством иностранных дел»

Таким образом, весьма далеко от модификации данного вопроса, вы

---

23 «Фау-1» — самолёт-снаряд (крылатая ракета), состоявшая на вооружении армии Германии в середине Второй мировой войны. Это название происходит от нем. Vergeltungswaffe-1 («оружие возмездия-1»). Фау-1 была оснащена пульсирующим воздушно-реактивным двигателем и несла боевую часть массой 750—1000 кг. Дальность полёта — 250 км, позже была доведена до 400 км.

24 Аббр. с нем. Wehrwirtschafts-und Rüstungsamt – управление военной экономики и вооружений ОКВ.

увеличили суровость мер подлежавших принятию, то есть, Гитлер усилил суровость мер подлежавших принятию.

Кейтель: Я не помню этого, но если эта пометка была тогда сделана, что–нибудь такое должно было упоминаться им на этом совещании, но я не помню инцидента.

Максвелл-Файф: Я только хочу представить вам это положение. Вы дважды сказали, в пятницу и снова сегодня, что Вермахт не отдавал никакого приказа. Не нужно было приказа Вермахта для поощрения населения линчевать лётчиков потерпевших крушение. Все что требовалось для того, чтобы достичь этого результата, чтобы полиция воздерживалась от ареста лиц, которые убивали их, не так ли? Вам не требовалось приказа Вермахта, чтобы поощрять население убивать потерпевших крушение лётчиков, не так ли?

Кейтель: Нет, исключительно Вермахт имел право задерживать сбитых или приземлившихся летчиков, и защищать их от линчевания населением, и предотвращать что–либо подобное.

Максвелл-Файф: Вы согласитесь со мной, что у американского или британского летчика переданного СД, шанс на выживание не был – чем – одним на миллион? Его бы убили, не так ли?

Кейтель: Я тогда этого не знал, я только здесь услышал об этом. Я не знал этого тогда.

Максвелл-Файф: Вы согласитесь, что такое фактически случалось, когда летчика передавали СД, его бы убивали, не так ли? Вот, что случалось?

Кейтель: Я не знал, что так было, но в этом…

Максвелл-Файф: Я не говорю, что вам кажется. Теперь мы знаем, что бы случилось?

Кейтель: Нет.

Максвелл-Файф: Вы говорили нам несколько раз, что вы ничего не знали о СД. Однажды фактически, вы были своего рода апелляционным судом для СД во Франции, не так ли? Вы утвердили убийства СД во Франции, не так ли?

Кейтель: Я не помню, чтобы я устанавливал, какие-то правила.

Максвелл-Файф: Французский экземпляр, документ номер RF–1244. Боюсь, что у меня нет немецкой копии, но сказано вот, что:

> «Париж, 6 августа 1942.
>
> В уголовном процессе в отношении французских граждан:
>
> (1) Жана Марешаля, родившегося 15 октября 1912.
>
> (2) Эммануэля Тэпо[25], родившегося 4 июня 1916.
>
> «Фельдмаршал Кейтель, действуя в рамках полномочий предоставленных ему фюрером 26 и 27 июня 1942 как главнокомандующим армией, отказал в помиловании этих двух мужчин осуждённых к смерти и приказал привести приговоры в

25 Эммануэль Тэпо (1916 – 1942) – член Коммунистической партии Франции. Расстрелян как заложник.

исполнение в рамках общих наказаний».

Они были осуждены трибуналом de la Feldcommandantur at Evreux[26], и это направили Commandant de la Police de Surete et du SD[27] – направлен командиру полиции Surete и СД. Это не демонстрирует, что вы занимались утверждением смертных приговоров и передавали подтверждение СД?

Кейтель: Весь инцидент для меня загадка. Случалось несколько раз, что фюрер, которому я представлял все решения, которые, как верховный главнокомандующий, он должен был одобрить – что я мог поставить подпись. «По приказу главнокомандующего армией, Кейтель». По приказу – это могло быть возможным, иначе я об этом ничего не знаю.

Максвелл-Файф: Что же, не похоже, что так. Позвольте мне напомнить вам слова: «Marechal Keitel, dans le cadre des pouvoirs qui lui ont ete donnes les 26 et 27 Juin 1942[28]». Это дата. Действуя в рамках полномочий предоставленных вам фюрером. Вам не давали такие полномочия?

Кейтель: Нет, я не имел, в этом случае каких–либо полномочий. Это ошибка. Однако, я мог поставить подпись «По приказу главнокомандующего армией, Кейтель, фельдмаршал».

Председатель: Вы закончили с этим?

Максвелл-Файф: Да, я собирался закончить.

Председатель: Что же, разве документ D–775 относится к этому? Последняя строчка первого абзаца.

Максвелл-Файф: Милорд, я вам признателен.

Председатель: D–775. Как я его понимаю, подсудимый сказал, что он не знал о том, что обязательно происходило с этими заключенными, если бы их передавали СД. Это были последние слова первого абзаца.

Максвелл-Файф: Очень хорошо, милорд.

[*Обращаясь к подсудимому*] Слова: «…передача летчиков из пересыльного лагеря воздушных сил в Оберурзеле СД для специального обращения».

Подсудимый нам известно, что «специальное обращение» означает смерть. В 1944, вы не знали, что означало «специальное обращение»?

Кейтель: Да, я знаю, что означало «специальное обращение». Я знаю это.

Максвелл-Файф: Итак, есть еще одно положение в документе, который мой друг генерал Руденко представил вам – в субботу, я думаю, это было в пятницу вечером – документ ЕС–338. Вы помните, его предъявлял генерал Руденко. Данный документ это доклад адмирала Канариса[29] об обращении с военнопленными, касающийся положения Советского Союза как не подписавшего конвенцию[30]. Вы помните

---

26 «Полевой комендатуры в Эвре. (фр.)

27 «Командиру полиции безопасности и СД». (фр.)

28 «Маршал Кейтель действуя согласно полномочиям предоставленным 26 и 27 июня. (фр.)

29 Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

30 Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была

положение о том, что адмирал Канарис высказал вам, что хотя они не являлись подписантами, поскольку с 18–го века было установлено на практике, что военный плен не был ни местью ни наказанием, но просто превентивным заключением. Вы помните этот документ? Это был доклад Канариса, вам от 15 сентября 1941, определявший положение военнопленных страны не подписавшей конвенцию. Вы помните, вы сказали, что согласны с этим, но что вы должны были прибавить к этому заявлению, что это было бессмысленно с точки зрения нынешней обстановки, потому что это вытекало из военной концепции рыцарской войны, что это было разрушением идеологии. Вы сказали, что должны были прибавить это по указанию Гитлера. Вы помните?

Кейтель: Я представил ему процедуру и попросил, чтобы он прочел это, и исходя из этого, я написал эту пометку.

Максвелл-Файф: Да. Итак, здесь есть параграф 3– аа, который я хочу, чтобы вы сейчас запомнили про положение которое я разбираю:

> «Обследование гражданских и политически нежелательных военнопленных, как и решение об их судьбе, осуществляется подразделениями полиции безопасности…»

Полиции безопасности – это подчеркнуто фиолетовым, то есть, вы подчеркнули, и напротив ваша карандашная пометка: «Очень эффективно». То есть «действия подразделений полиции безопасности, очень эффективны». Затем продолжается: «… и СД». Затем адмирал Канарис говорит: «…в совокупности с принципами, которые неизвестны органам Вермахта». И вы поставили напротив «неизвестны органам Вермахта»: «вовсе нет». Вы помните, что сделали это?

Кейтель: Я не могу вспомнить это в настоящий момент. Я должно быть сделал это замечание в связи с фактом, что это было неизвестно Вермахту. Я думаю так правильно.

Максвелл-Файф: Поймите, это совершенно ясно. Адмирал Канарис сказал, что это неизвестно органам Вермахта, и вы поставили напротив этого, вашу карандашную пометку: «Вовсе нет». Вам это не досталось от Гитлера, это должно было быть вашей собственной точкой зрения, если вы поставили карандашом: «Вовсе нет»? Вы должно быть думали, что они известны Вермахту.

Кейтель: Вовсе нет.

[*Подсудимый читает документ*]

Кейтель: Я не могу разъяснить это заявление. Я внёс эти замечания в спешке. Я не могу узнать или определится с ними, как и не могу дать четкого объяснения, потому что я не знаю. Однако, я вспоминаю, что я хотел сделать или сделал пометку о том,

---

подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

что это оставалось неизвестным Вермахту, и что это правильно.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу лишь подвести вас к своим последним пунктам, и затем задать вам один вопрос об этом. Вы сказали трибуналу, я думаю, возможно, по крайней мере 25 раз, что вы не были заинтересованы в политике, что вы просто исполняли свои приказы по военным приготовлениям. Я лишь хочу немного спросить вас об этом.

Прежде всего, возьмем австрийскую проблему. Я лишь хочу представить вам один документ. Вы помните, что подсудимый генерал Йодль внес в свой дневник запись о притворных военных передвижениях, которые согласно, подсудимому Йодлю - я понял из того, что вы сказали, что генерал Лахузен[31] имел иную точку зрения – имели незамедлительный эффект в Австрии? Вы помните это? Вы должны это вспомнить.

Кейтель: Да.

Максвелл-Файф: Итак, вы предложили, не так ли, эти обманные военные передвижения?

Кейтель: Нет, я не разрабатывал ни предлагал их, но они являлись указанием фюрера, когда он отпустил меня в тот вечер. Я бы не придумал это сам по себе.

Максвелл-Файф: У вас есть документальные книги, что я дал вам. Посмотрите. Это 113 в немецкой документальной книге.

Это 131 в документальной книге вашей светлости, большая документальная книга.

Итак, подсудимый это ваш документ 13.

Кейтель: Да, я помню.

Максвелл-Файф: И он гласит, если вы посмотрите на параграф 1, не предпринимать никаких действительных подготовительных мер в армии или Люфтваффе, никаких передвижений или передислокаций войск, распространять ложные, но вполне правдоподобные новости, которые могли привести к выводу о военных приготовлениях против Австрии. И через людей в Австрии и ваши таможенные службы и через агентов, которым вы отправили новости, и правдоподобным обменом радиосообщениями и путем маневров.

Итак, вы представили это Гитлеру, и к 14–му капитан Эберхард передал по телефону информацию о том, что фюрер одобрил это по всем пунктам. Вы предложили, чтобы ложные новости и ложные приготовления проводились с целью политического эффекта в Австрии, не так ли?

Кейтель: Я сделал предложение на основе руководящих указаний, которые были даны мне по моему возвращению в Берлин.

Максвелл-Файф: Что же, я лишь хочу кратко разобраться с этим, и я думаю могу, но я хочу показать вам тоже самое в отношении Чехословакии.

---

31 Эрвин Лахузен (1897 — 1955) — австрийский военачальник. В 1939-1944 занимал ряд руководящих постов в военной разведке Германии.

До того как вы стали начальником ОКВ вы находились под руководством Бломберга[32] в военном министерстве. Вы видели план фон Бломберга по вторжению в Чехословакию, директиву датированную 24 июня 1937?

Кейтель: Да, я знал её.

Максвелл-Файф: Знали?

Кейтель: Да. Директивы о вторжении не было, была ежегодная подготовительная работа по мобилизации. Вот, чем она являлась и это я знал.

Максвелл-Файф: Что же, параграф 2 говорит:

> «Задача германского Вермахта подготовиться таким образом, чтобы основной костяк неожиданно с огромной силой мог быстро ворваться в Чехословакию».

Я должен думать, что это являлось приготовлением к вторжению. Все, что я хочу сейчас, это знать: вы знали об этом плане, подсудимый, не так ли?

Кейтель: Мне кажется, да, я читал его тогда, но конечно я уже не помню подробностей.

Максвелл-Файф: Итак, вы сказали трибуналу, что впервые услышали о планах фюрера против Чехословакии в 1938 во время беседы с фюрером, которая состоялась 21 апреля 1938. Подсудимый, очень легко что–то забыть, и я не говорю, что вы лжете об этом подсудимый. Но это не точно, не так ли? Вы вели переписку об этом с подсудимым фон Риббентропом уже 4 марта, раньше на 6 недель, не так ли, о связях с венгерским высшим командованием? Это неправильно?

Кейтель: Я не помню этого, не имею ни малейшего представления.

Максвелл-Файф: Посмотрите на это. Вы понимаете о чём я? Вы заявляете, что вы не занимались политикой, но если вы посмотрите на тот документ, что я передам вам сейчас – это PS-2786 – вы увидите, что это видимо письмо подсудимого фон Риббентропа вам:

> «Глубокоуважаемый генерал: настоящим приложением направляю вам протокол совещания с местным венгерским послом для вашего конфиденциального ознакомления. Как вы можете судить из этого, господин Стояи[33] предложил, чтобы возможные военные цели против Чехословакии были обсуждены между между германской и венгерской армиями. У меня есть много сомнений по поводу таких переговоров. В случае обсуждения с Венгрией возможных военных целей против Чехословакии, существует вероятность того, что иные стороны будут информированы об этом.
>
> Я был бы весьма признателен, если вы кратко меня уведомите о том

32 Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.

33 Дёме Стояи (1883 — 1946) — венгерский генерал и дипломат сербского происхождения, премьер-министр Венгрии в период 2-й мировой войны, занимавший прогерманскую позицию. Премьер министр Венгрии в марте – августе 1944. Расстрелян по приговору венгерского суда

были ли сделаны какие–либо обязательства в каком-нибудь отношении».

Кейтель: Я помню это инцидент, лишь постольку поскольку это касалось приглашения генерала фон Раца. Я вообще не знал, что должны были обсуждать. Фон Бломберга также пригласил фон Рац, и при моём неведении я спросил Гитлера должен ли я совершить такой визит. Гитлер согласился и сказал мне о том, что он считает это подходящим. Однако, встреча оперативного генерального штаба не состоялась, это было просто посещение охоты с генералом Риттером фон Рацем.

Председатель: Суд прервется.

[*Объявлен перерыв*]

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хочу задать вам еще несколько вопросов по этой части дела. Вы помните, вы сказали трибуналу, что 21 апреля, когда вы увидели Гитлера, что он либо прочитал вам или вручил вам копию протокола, который появился здесь, подготовленного Шмундтом[34], об основе «Fall Grun[35]» против Чехословакии?

Председатель: Сэр Дэвид, разве это больше не вопрос спора, нежели вопрос для перекрестного допроса? Свидетель говорит о том, что поскольку он участвовал в этих вопросах, они являлись военными. Дело обвинения заключается в том, что он принимал политическое участие.

Максвелл-Файф: Милорд, если я так могу так сказать, это очень честный комментарий и я принимаю его с величайшим уважением. Сложность заключается в том, когда свидетель несколько раз говорил: «Это политическое» - я подразумеваю - «это только военное». Я хотел показать положение как политическое и не хотел пересекаться с чем–то о чем думает трибунал.

Председатель: Что же, я думаю трибунал имеет у себя все документы, по которым он действительно может судить, до тех пор пока у вас нет новых документов.

Максвелл-Файф: Милорд, их нет; и милорд, я конечно, уступаю сказанному трибуналом. Милорд, я хотел бы отметить один документ.

Председатель: Сэр Дэвид, я думаю, трибунал чувствует, что перекрестный допрос, немного затянулся и где-то слишком подробный.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, я извиняюсь если так сделал, но милорд, свидетеля допрашивали, я думаю, целых 2 дня и допрашивали остальные защитники половину дня, и обвинение потратило только 4 часа. Так что я надеюсь, ваша светлость, вы не имеете много против нас. Милорд, единственный документ, который я хочу – я не развиваю точку зрения, о которой говорил ваша светлость – это страница 31 документальной книги. Я лишь хочу, чтобы вы запомнили это,

34 Рудольф Шмундт (1896 — 1944) — генерал пехоты Вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Главный адъютант А. Гитлера в 1938-1944. Умер от ран после покушения на Гитлера 20 июля 1944.

35 «Зелёный план» (нем.)

потому что ваша светлость вспомнит, что свидетель сказал, что состояние немецких приготовлений было таким, что он лично и остальные генералы не думали о том, что кампания против Чехословакии будет успешной. Ваша светлость поймёт, что в этот же день генерал Гальдер[36], тогдашний начальник штаба, сказал, что операция будет определенно успешной и будет почти достигнута на второй день. Милорд, я лишь хочу, пройти это и я думаю это единственно честно, чтобы трибунал помнил об этом. Я не думаю, что на это ссылались раньше. Я оставляю это положение, как указал ваша светлость, и я оставляю остальные положения данной части дела, которые я планировал сделать. Я лишь хочу разобраться с совершенно другим положение и затем я закончу.

[*Обращаясь к подсудимому*]. Подсудимый, документ который я передал вам этот документ который приводит отчёт о совещании между Гитлером и вами 20 октября 1939 относительно будущего устройства польских отношений, и я хочу чтобы вы посмотрели на параграф 3, второй пункт. Я хочу представить вам одну беседу возникшую в связи с этим. Параграф гласит:

> «Следует предотвратить формирование правящего класса польской интеллигенции. Уровень жизни в стране остается низким. Мы хотим только вытащить отсюда трудовые ресурсы».

Итак, вы помните показания генерала Лахузена? Он сказал о том, что адмирал Канарис категорически протестовал против, прежде всего, запланированных мер по расстрелам и уничтожению, которые были направлены против польской интеллигенции, знати и духовенства, а также элементов которое можно было считать пополнением для элементов национального-освободительного движения. Согласно генералу Лахузену, Канарис сказал:

> «Однажды мир также сделает вооруженные силы, на чьих глазах происходили эти вещи, ответственными за эти события».

Вы помните, что адмирал Канарис говорил вам это или слова об этом?

Кейтель: Я знаю лишь то, что генерал Лахузен давал здесь показания. Я ничего не знаю о чём говорил адмирал Канарис.

Максвелл-Файф: Лахузен никогда не предупреждал вас о том факте, что вооруженные силы могут признать ответственными за действия, предпринятые в Польше?

Кейтель: Нет. Моё мнение также заключалось в том, что вооруженные силы сделают ответственными, если такие действия предпринимались без их одобрения и без их разрешения. Это также являлось причиной совещания.

Максвелл-Файф: И это было тем, что заставило вас волноваться больше всего?

Кейтель: Да, я чрезвычайно волновался и имел серьезные дискуссии об этом, но не в это конкретное время.

---

36 Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

Максвелл-Файф: И не будет честным выразить это так, что если бы вы тогда знали все то, что вы знаете сейчас, вы отказались, даже со всем рассказанным вам, вы бы отказались иметь какое-либо отношение к акциям приводившим к концентрационным лагерям, массовым убийствам, и нищенству миллионов людей, или вы скажете, что, все еще зная об этом сейчас, совершили бы все эти действия?
Кейтель: Нет, я убежден, что если бы германские вооруженные силы и их генералы знали об этом, тогда бы они боролись против таких вещей.
Максвелл-Файф: Спасибо.
Додд: С позволения уважаемого суда, у меня есть только один вопрос.

[*Обращаясь к подсудимому*] Несколько дней тому назад, утром 3 апреля, когда вы были подвергнуты прямому допросу, мы поняли из ваших слов, что вы считаете, что должны принять на себя ответственность за приказы, издававшиеся от вашего имени — за приказы, которые вы издавали, но которые исходили от Гитлера. Когда вас допрашивал сэр Дэвид, вы сказали, как мы поняли вас, что вы, как старый профессиональный солдат, конечно, понимали традиции и даже принципы этой профессии, которые обязывают солдата не проводить в жизнь любой приказ, который, как он считает, носит преступный характер. Правильно ли мы вас поняли?
Кейтель: Да, я понимаю это.
Додд: Итак, будет справедливым признать, что согласно обязательствам, возложенным на вас присягой, вы признаете, что вы проводили в жизнь преступные приказы?
Кейтель: В такой форме этого нельзя сказать. Надо сказать, что - государственная форма и полномочия главы государства, которыми он обладал тогда, объединяли в себе законодательные полномочия, которые придавали исполнительным органам сознание того, что эти действия не являются противозаконными, если их проводила инстанция, которая обладала такими полномочиями. Я, конечно, сознавал, что совершались и такие действия, которые нельзя было согласовать с правовыми понятиями и справедливостью.
Додд: Итак, я понял вас, что вы, зная об этом, проводили в жизнь и издавали преступные или противозаконные приказы. Это правильно?
Кейтель: Разрешите сказать, что у меня не было внутреннего убеждения, что эти приказы были преступными, так как глава правительства сам объединял в себе функции законодательства, и вследствие этого я сам не был убежден, что совершал преступные действия.
Додд: Что же я не хочу занимать этим много времени, кроме того, что хочу предложить вам, что я думаю ваш ответ не был содержательным.

Вы сказали нам, что некоторые из этих приказов являлись нарушением существующего международного права. Приказ, изданный в такой форме и на такой

основе, является преступным приказом, противозаконным приказом, не так ли?
Кейтель: Да, это правильно.
Додд: Итак, когда вы проводили эти приказы в жизнь, вы проводили в жизнь преступные приказы, вне зависимости от того, кем они издавались?
Кейтель: Да, это правильно.
Председатель: Доктор Нельте, вы желаете провести повторный допрос?
Нельте: Господин председатель, я не предлагаю задавать подсудимому дальнейшие вопросы относительно действительных фактов связанных с делом. Мне кажется, что после его откровенных заявлений, объективные факты разъяснены перед этим судом насколько возможно.

Относительно фактов выглядящих субъективно, необходимо согласно моей концепции, в особенности со ссылкой на последний вопрос заданный американским обвинителем, чтобы было сделано определенное дополнительное заявление.

[*Обращаясь к подсудимому*] Поэтому, я еще раз, показываю вам документ Канариса, СССР – 356, из которого генерал Руденко представил вам ваши рукописные пометки, а также документы, представленные британским обвинителем, D–762, 764, 766, 765 и 770.

Согласно заявлениям, сделанным во время перекрестного допроса, ваши пояснения относительно ответственности, кажется, требуют дополнительного разъяснения. Вы сказали о том, что вы передавали приказы Гитлера зная об их содержании. И теперь я возвращаюсь к вопросу господина Додда и в свете предстоящего вынесения в отношения вас приговора, я должен спросить вас, так как у этого величайшее значение, как было возможно и как вы хотите объяснить то, что эти беспощадные приказы, в нарушение законов войны, могли исполняться вами или, как сказано в пометке на документе Канариса, вы могли их поддерживать? Вы имели возражения. Вы нам так говорили. Это вопрос который можете объяснить только вы сами, поскольку это личное дело и не может быть выяснено с помощью документов, как таковых. Много раз вы говорили мне, и теперь снова, вы подчеркнули то, что вы желали помочь нам найти полное и правдивое объяснение всему.

Таким образом, я спрашиваю вас, насколько было возможно и как вы объясняете, что эти приказы и инструкции исполнялись и передавались вами, и что с вашей стороны не было эффективного сопротивления?
Кейтель: По поводу этого разъяснения, я осознаю, что многие приказы и также пометки, которые я делал на документах, что находятся в приказах, которые я передавал, кажутся непостижимыми третьим лицам, посторонним, и в особенности иностранцам.

Чтобы найти этому объяснение, я должен сказать, что следовало знать фюрера, что следовало знать, в какой атмосфере днями и ночами я работал годами;

вы не можете не учитывать те обстоятельства, в которых происходили события. Я часто свидетельствовал здесь о том, что я хотел выразить свои сомнения и возражения, и я так делал. Фюрер затем развивал аргументы, которые казались ему решающими и он делал по своему, я должен сказать, сильным и убедительным способом, приводя военные и политические потребности и заставляя чувствовать его заботу о благе его солдат и их безопасности, как и заботу о будущем нашего народа. Я должен заявить, что из-за этого, но также, из-за всё возрастающей чрезвычайности, говоря по-военному, в которой мы оказались, я убеждал себя и часто позволял себе становиться убежденным в необходимости и правоте таких мер. Таким образом, я передавал отданные приказы, и одобрял их, не позволяя себе оценить какие–либо возможные эффекты которые они могли вызвать.

Наверное, это можно считать слабостью и возможно, я виновен в этом. Но в любом случае, то, что я сказал, это правда. Во время допроса сэром Дэвидом я сам признавал и подтверждал, что я часто имел серьезные конфликты совести, и что я часто обнаруживал себя в состоянии в котором я сам мог сделать те или иные выводы о последствии вопросов. Но мне никогда не приходило на ум восстание против главы государства и верховного главнокомандующего вооруженных сил или об отказе в верности ему. Что касается меня, и как солдата, верность для меня священна. Меня можно обвинить в наличии ошибок, и также в наличии слабости перед фюрером, Адольфом Гитлером, но никто не скажет, что я был трусливым, непорядочным и неверным.

Вот, что я должен был сказать.

Нельте: Господин председатель, я завершил свой допрос. Я хочу попросить вас если могу, чтобы документы, которые представлены трибуналу во время допроса, имеющие номера 1 и 2 в документальной книге 2, под именем документов Кейтель–8 и Кейтель–9, были допущены в качестве доказательства без необходимости чтения чего-либо из них. Обвинению известны эти документы и оно согласно.

Председатель: Подсудимый, есть один вопрос, который я хочу вам задать. Вы предлагаете, что когда-либо представляли ваш протест или возражения приказам Гитлера в письменном виде?

Кейтель: Однажды я вручил ему протест в письменном виде, да. Это я точно знаю. В остальных случаях, насколько я вспоминаю, вопросы обсуждались устно.

Председатель: Вы сохранили копию этого протеста?

Кейтель: У меня ничего не осталось, господин председатель, ни одной бумаги.

Председатель: Вы сохранили копию протеста? Я не спрашиваю вас, имеете ли вы копию; я спрашиваю вас, вы сохранили копию. Вы делали копию?

Кейтель: Я имел проект, также как и рукописный документ, который я также передал ему через его главного адъютанта. Я думаю, у меня был проект в моих личных делах, но я больше не имею его и я не знаю, куда эти дела пропали. Они возможно в руках начальника общего управления вооруженных сил, который

занимался личными вопросами в моем ведомстве, или позднее они могли попасть в руки главного адъютанта фюрера, генерала Шмундта, я не знаю. Есть, я думаю, оригинал того документа посланного мной тогда.

Председатель: И что за повод был у протеста?

Кейтель: Он был в связи с очередным кризисом в наших отношениях во время которого он выразил свое недоверие, и в связи с текущими разногласиями по основным вопросам ведения войны.

Председатель: Но когда?

Кейтель: Мне кажется, это было в 1940 – 1939–1940, зимой 1939–40.

Председатель: И вы не можете сказать о нем больше, чем то, что он касался общих вопросов?

Кейтель: Я четко попросил разрешения на отставку из-за обвинений в отношении меня и по причине, которую я цитировал.

Председатель: На этом все. Подсудимый может вернуться на свое место.

[*Подсудимый покидает место свидетеля*]

Нельте: Могу я попросить разрешения предъявить трибуналу два документа? Я их ранее упоминал.

Председатель: Да, конечно. Вы собираетесь вызывать ещё свидетелей?

Нельте: Я просил трибунал вызвать для дачи показаний свидетеля, доктора Ламмерса[37].

Председатель: Очень хорошо.

Нельте: Свидетель, доктор Ламмерс, пожалуйста.

[*Свидетель Ламмерс занял место свидетеля*]

Председатель: Вы повторите за мной следующую присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.

Нельте: Свидетель, принципиально я хотел спросить вас об ОКВ, его компетенции, и положении подсудимого, фельдмаршала Кейтеля как начальника ОКВ. Мы

37 Ганс Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.

обсуждали этот вопрос во время наших бесед, но поскольку это достаточно прояснил своими заявлениями Геринг и подсудимый, и другие свидетели в своих заявлениях, и для экономии времени, я не предлагаю спрашивать вас в целом или в частности об этой теме. Но я хочу, чтобы вы как начальник рейхсканцелярии ответили на вопросы о которых другие не знают также как вы – вы, кто тем или иным образом принимал участие, когда готовились определённые указы, и в частности указ от 4 февраля 1938. Поэтому, могу я попросить, прежде всего сказать мне, о том, что привело к большой перестановке от 4 февраля 1938?

Ламмерс: Фюрер проинформировал меня о том, что военный министр фон Бломберг собирался покинуть свой пост, и что в связи с этим он хотел провести определённые перестановки в составе германского правительства и в частности, чтобы министр иностранных дел фон Нейрат ушёл в отставку и там тоже произошла замена, кроме того, в высшем командовании армии, тоже следовало провести перемены. Соответственно, фюрер отдал мне приказ подготовить указ о руководстве Вермахта. Я должен был взаимодействовать с управлением Вермахта в военном министерстве. В качестве руководящего принципа фюрер для мне следующие указания:

> «В будущем я не хочу военного рейхсминистра, и в будущем я не хочу главнокомандующего Вермахтом который стоит между мною как верховным главнокомандующим и главнокомандующими родами войск Вермахта».

Соответственно был разработан указ, в котором, сначала, высшее командование вооруженных сил стало военным штабом который должен был находится в прямом подчинении фюрера. Фюрер желал, чтобы там не было самостоятельной власти, которая бы находилась между ним и главнокомандующими родами войск Вермахта. Соответственно, назначенный тогда начальником ОКВ, генерал артиллерии Кейтель не имел никаких непосредственных командных полномочий над родами войск Вермахта. Такие командные полномочия исключались хотя бы по причине авторитета.

Председатель: Разве это не проходил сам подсудимый Кейтель? Ему не задавали никаких вопросов в перекрёстном допросе оспаривающих какие-либо его заявления об организации ОКВ, поэтому трибунал не понимает зачем это вообще нужно.

Нельте: Господин председатель, в своих предварительных словах я уже попросил свидетеля рассказать мне только о том как произошла перестановка от 4 февраля 1938 и поэтому ему можно немного рассказать об указе от 4 февраля 1938. Я постараюсь, чтобы допрос доктора Ламмерса был как можно короче. Мне также кажется, что обстоятельства окружавшие начальника ОКВ полностью выяснили, но, в конце концов, это фундаментальный вопрос. Если человек в положении доктора Ламмерса может подтвердить это, то возможно увеличить ценность доказательств.

Председатель: Если бы обвинение задало какие-нибудь вопросы в перекрёстном

допросе предлагающие, что есть какая-то неточность в доказательствах, которые представил подсудимый подсудимый Кейтель о предмете, тогда, конечно, для вас это было бы открыто и вам бы пришлось приводить другие доказательства этого, но когда тему не оспаривали ни в каком виде или форме, то это не нужно подтверждать.

Нельте: Господин председатель, в таком случае, мне вообще не нужно задавать вопросы, поскольку тема по которой я собирался его допросить была положением подсудимого Кейтеля как начальника ОКВ, его положение министра, его функции в качестве так называемого председателя совета обороны Рейха, и его функции в качестве члена коллегии трех человек. Во всех этих случаях, обвинение не затронуло никаких вопросов.

Председатель: Доктор Нельте, обвинение поднимало вопрос о том принимал ли подсудимый Кейтель участие в какой-либо политической акции и об этом вы можете его спросить.

Нельте: Большое спасибо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Доктор Ламмерс, что вы можете сказать о своих собственных сведениях по вопросу о том, должен ли был подсудимый, фельдмаршал Кейтель заниматься политическими вопросами в силу своего положения начальника ОКВ или занимался ими?

Ламмерс: Как начальник ОКВ, он, в реальности, не имел никакого отношения к политическим вопросам. Я понял ваш вопрос, как то, что вы хотите, чтобы я сказал о том, занимался ли господин Кейтель политическими вопросами. Я не совсем понял ваш вопрос.

Нельте: Это не имело отношения к его положению как начальника ОКВ или начальника штаба, как и не имело отношения к его функциям в военном министерстве. О чём я хочу ваших показаний – известно ли вам, подсудимый Кейтель, во время, когда занимал должность начальника ОКВ, занимался политическими вопросами, то есть, в основном внешнеполитическими вопросами?

Ламмерс: Я не могу сделать никакого заявления о крупных политических вопросах, в частности внешнеполитических делах, относительно господина Кейтеля, поскольку, лично я, не имел никакого отношения к этим вопросам.

Нельте: Хорошо. В таком случае, я хочу задать вам конкретный вопрос: вам известно, что фельдмаршал Кейтель присутствовал на приёмах, когда прибыл президент Гаха[38], когда были другие встречи с другими государственными деятелями. В некоторых случаях, вы наверное присутствовали. Вы можете сказать, являлось ли функцией фельдмаршала Кейтеля во время таких приёмов принимать участие в политических дискуссиях или нет?

Ламмерс: Насколько мне известно, господин Кейтель часто принимал участие в

38 Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. Умерь находясь под арестом чехословацких властей.

таких дискуссиях с зарубежными государственными деятелями. Лично, я, как правило не принимал участия. Вы назвали президента Гаху. Это было исключением, что я был там, так как вопросы по поводу Протектората[39] мы не рассматривали как внешнеполитические. Я вряд ли, когда-либо присутствовал на внешнеполитических дискуссиях с компетентными людьми из за рубежа, на дискуссиях политического характера, и я не могу, следовательно, сказать, в какой мере господин Кейтель участвовал во время совещаний. При этом я полагаю, что он часто присутствовал во время таких совещаний.

Нельте: Другими словами, вы не можете ответить на этот вопрос по собственным сведениям. В таком случае, я спрашиваю вас, согласно пожеланий Гитлера, автора указа от 4 февраля 1938, с которым вы обсуждали его задачи, человек занимавший должность начальника ОКВ имел какие-нибудь политические функции?

Ламмерс: У меня никогда не было такого впечатления.

Нельте: Господин председатель, у меня больше нет вопросов в свидетелю, поскольку всё о чём он должен был сделать заявление уже выяснили.

Председатель: Доктор Нельте, трибунал считает, что вы могли неправильно понять, то, что я сказал вам о том, что вы должны задать любые вопросы о подсудимом Кейтеле как члене совета обороны Рейха. Если свидетель может дать какие-нибудь показания об этом, вы можете его об этом спросить.

Нельте: Свидетель, законом об обороне Рейха от 1938, вы, как начальник рейхсканцелярии, были назначены постоянным членом совета обороны Рейха. Вам известно, вступил ли, когда-нибудь в силу этот закон об обороне Рейха, включавший совет обороны Рейха?

Ламмерс: Закон об обороне Рейха подготовили, но не никогда как таковой не приняли. Таким образом, по моему мнению, он никогда не стал законом. Содержание закона об обороне Рейха частично применялось, так сказать, по секретным указаниям фюрера. Закон об обороне Рейха предусматривал совет обороны Рейха. Этот совет обороны Рейха, как таковой, насколько мне известно, никогда не собирался. Я, в любом случае, никогда не получал приглашения присутствовать на заседании, и по моим воспоминаниям, я никогда не принимал участия ни в каком заседании совета обороны Рейха.

Однако, два заседания, предположительно состоялись, как я слышал, которые назывались заседаниями совета обороны Рейха. Но, мне кажется, что эти заседания, ввиду большого количества лиц присутствоваших на них, думаю было 60 или 80 – были заседаниями созванными делегатом четырёхлетнего плана в таком качестве. Я не помню участия в таких заседаниях. Кроме этого, после формулирования закона об обороне Рейха, я слышал настолько мало о нём в следующие годы, что лично я не помнил о том, что меня назначили постоянным

39 Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

членом этого совета обороны Рейха. В любом случае, в таких заседаниях, если они были заседаниями совета обороны Рейха, в которых я участвовал, не обсуждались вопросы прямо связанные с обороной Рейха.

Нельте: Вам, что-нибудь известно о задачах которые предположительно должен был иметь совет обороны Рейха?

Ламмерс: Я не знаю большего о его задачах чем содержалось в законе, который не был опубликован, и насколько я могу вспомнить, это были только общие описания, очень общие, о задачах подлежащих осуществлению, касавшихся обороны Рейха.

Нельте: Обвинение здесь заявило о том, что совет обороны Рейха был инструментом планирования агрессивной войны. Во всяком случае, инструментом агрессий и перевооружения. Вам, что-нибудь известно о том предпринимал ли совет обороны Рейха или осуществлял такие задачи?

Ламмерс: Ничего из этого мне неизвестно.

Нельте: Я хочу задать вам несколько вопросов о тайном кабинетном совете, членом которого, согласно закона, вы предположительно являлись. Подсудимый Кейтель должен был быть членом тайного кабинетного совета, и фактически, так сказано в законе. Что вы можете сказать об этом законе?

Ламмерс: Когда фон Нейрат ушёл в отставку с министра иностранных дел, фюрер хотел дать фон Нейрату как можно больше признания в глазах мира, и он приказал мне разработать указ о тайном кабинетном совете президентом которого должен был быть господин фон Нейрат, с титулом президента тайного кабинетного совета. Остальными членами, насколько я могу вспомнить, были рейхсминистр иностранных де; заместитель фюрера, рейхсминистр Гесс; фельдмаршал Кейтель, и лично я. Думаю это всё.

Но я понял из заявлений фюрера, что создание этого совета было чисто формальным вопросом, который должен был предоставить господину фон Нейрату особое положение в глазах мира. Я был убеждён в том, что фюрер никогда не созывал заседание тайного кабинетного совета. Фактически, тайный кабинетный совет никогда не собирался, даже на организационное заседание. Он никогда не получал от фюрера через меня какую-либо задачу, он просто существовал на бумаге.

Председатель: Свидетель, если он был тайным, как он мог проявляться на публике?

Ламмерс: В результате производства рейхсминистра фон Нейрата, публике показали, что не существовало никаких фундаментальных разногласий во мнениях между фюрером и рейхсминистром иностранных дел фон Нейратом оправдывающих его отставку. Это демонстрировало, что между фюрером и фон Нейратом всё хорошо, что, фактически, из-за своих ценных сведений во внешнеполитических вопросах, господину фон Нейрату дали, так сказать, более высокую должность во внешнеполитической сфере путём назначения президентом тайного кабинетного совета.

Нельте: Это, другими словами, была своего рода маскировка его отставки?

Ламмерс: Да.
Нельте: У меня другой вопрос. Фельдмаршал Кейтель, как начальник ОКВ, обвиняется в контрассигновании[40] отдельных законов, и я спрашиваю вас о том, в чём заключалось значение того факта, что начальник ОКВ контрассигновал законы?
Ламмерс: Поскольку он осуществлял полномочия военного министра он был обязан контрассигновать эти законы. Он принял ответственность, vis-à-vis[41] фюрером, за то чтобы вооружёнными силами и всем связанным с бывшим военным министерством занимались как положено.

Кейтель мог осуществлять свои министерские полномочия по мандату фюрера, как гласил указ, и в результате он был обязан спрашивать фюрера может ли он контрассигновать или нет. Его полномочия как военного министра были ограничены в сравнении, с тем или другим министром который просто ставил свою подпись как обычный министр, в то время как фельдмаршал Кейтель мог осуществлять свои военно-министерские полномочия по мандату фюрера.
Нельте: Другими словами, если я правильно вас понимаю, вы хотите сказать, что фельдмаршал Кейтель не был министром?
Ламмерс: Он не был министром как ясно из указа, который прямо говорит, что он только имел ранг министра.
Нельте: Другими словами, вы имеете в виду, что если бы он был министром, вам бы не пришлось предоставлять ему полный ранг министра? Но тогда, он также был членом совета министров по обороне Рейха. Это не сделало его министром?
Ламмерс: Ничего не изменилось в его положении в правительстве Рейха в результате такого членства.
Нельте: Вы имеете в виду «нет», не так ли?
Ламмерс: Да, я имею в виду, «нет».
Нельте: Большое спасибо.
Председатель: Трибунал прервётся до 14 часов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать вопросы данному свидетелю?
Зейдль: Свидетель, вы можете вспомнить, что говорил Гитлер на заседании

40 Контрасигнатура, контрасигнация, контрасигиляция — порядок, при котором утверждённые главой государства или парламентом законы подлежат обязательному заверению подписью премьер-министра или уполномоченного министра для придания этому акту юридической силы.
41 «Лицом к лицу» (фр.)

кабинета, о своих политических целях и программе нового правительства?

Ламмерс: Гитлер произнёс очень длинную речь, в ходе которой отдельные министры также имели возможность выступить. Одну деталь я запомнил особенно, что фюрер, прежде всего говорил о ликвидации безработицы, как о том, чего нужно четко добиться. Во-вторых, он говорил о том факте, что нужно обеспечить экономическое возрождение Германии. И, в-третьих, он подробно говорил о том, что нужно повлиять на пересмотр Версальского договора[42], и что мы попытаемся положить конец позору Германии, который содержался в Версальском договоре, и что нужно стремиться к достижению равенства прав Германского Рейха в рамках круга наций.

Все эти заявления Гитлера затем были записаны в специальную правительственную декларацию. Я также вспоминаю, что в этой правительственной декларации особо отмечалась защита позитивного христианства[43]. Я не могу вспомнить отдельные детали. Но это, я убеждён, является основными пунктами.

Не обсуждалось ничего что требовало особой секретности. И то, что обсуждалось в основном содержалось в правительственной декларации которую опубликовали в прессе.

Зейдль: Гитлер, вообще, что-то говорил, во время этого заседания кабинета, о том факте, что он собирался изменить систему правительства и, что он хотел править по-диктаторски?

Ламмерс: Господин Гитлер выразил своё мнение о том, что нынешняя парламентская система преобладавшая тогда в Германии оказалась неудачной.

Председатель: Вы говорите о заседании. Какая дату у заседания о котором вы говорите?

Ламмерс: Это было первое заседание кабинета о котором спросил защитник. Оно состоялось 30 января 1933, день спустя после захвата власти. Фюрер заявил о том, что нынешняя правительственная система была неудачной. Кроме того, он сказал о том, что в результате такой неудачи рейхспрезидент был обязан, при чрезвычайном положении, согласно статье 48 Веймарской конституции, править посредством чрезвычайных указов, и это единственная возможность создать стабильное правительство Рейха, правительство которое будет у власти многие годы. И, далее, то как создать такое правительство будет тем, что сначала нужно согласовать с рейхспрезидентом и Рейхстагом.

Зейдль: Свидетель, Гитлер говорил, во время этого заседания кабинета, что он хотел уступить НСДАП особо благоприятную властную позицию?

Ламмерс: Он сказал о том, что НСДАП, как сильнейшая партия, естественно должна была иметь подобающее влияние в германском правительстве. Он ничего не

---

42 Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

43 Христианство которое с нацистской точки зрения отвечало принципам расовой теории, в противоположность «отрицательному» христианству.

сказал о том, что он хотел покончить с другими партиями которые существовали и были представлены в кабинете, германскими националистами[44] и группой «Стальной шлем[45]».

Зейдль: Свидетель, Гитлер объяснял свои внешнеполитические цели во время этого первого заседания и говорил, в частности, о том, что Германия точно освободиться от оков Версальского договора и снова займет место соответствующее ей в сообществе наций?

Ламмерс: Я уже ответил на этот вопрос утвердительно. Такими были внешнеполитические цели, полный пересмотр Версальского договора.

Зейдль: Гитлер также упоминал тогда, что для достижения этих внешнеполитических целей нужно идти на риск ещё одной войны, возможно даже превентивной войны?

Ламмерс: Насколько мне известно, и насколько я помню, война никак не упоминалась, конечно, не превентивная или агрессивная война.

Зейдль: Свидетель, Гитлер, в следующий период, на заседаниях кабинета или других встречах со всеми или рядом министров, представлял обширный план достижения своих внешнеполитических целей?

Ламмерс: Нет, я не знал ни о каком обширном плане за исключением указанных мной общих пунктов. Ни во время этого заседания, ни во время последующих заседаний Гитлер не раскрывал общий план. По моему мнению, он никогда не обсуждал и подробно не описывал никаких обширных планов долгосрочного характера вообще.

Зейдль: Свидетель, что заставило Гитлера: а) назначить Гесса заместителем фюрера НСДАП и б) сделать его рейхсминистром?

Ламмерс: Он назначил Гесса заместителем фюрера, как мне кажется, потому что он, как рейхсканцлер, больше не хотел заниматься делами партии и должен был иметь ответственного человека для технического руководства партией.

Он назначил Гесса рейхсминистром для того, чтобы создать связь между партией и государством, чтобы иметь в кабинете того кто был в состоянии представлять пожелания и взгляды партии в кабинете. Наверное он соответственно надеялся создать объединённый фронт между партией и государством, нечто, что потом стало законом.

Зейдль: Свидетель, были ведущие генералы а) до и б) после захвата власти, в контакте с рейхсляйтунгом[46] и руководящим составом партии?

Ламмерс: До захвата власти, насколько мне известно, контакта между партией и

44 Немецкая национальная народная партия — националистическая консервативная партия в Германии во времена Веймарской республики. До образования НСДАП являлась главной националистической партией в Веймарской Германии и состояла из националистов, реакционных монархистов, народников и антисемитов. Существовала в 1918 – 1933.

45 Стальной шлем, союз фронтовиков» — немецкая правоконсервативно-монархическая политическая и боевая организация в 1918—1933 гг.

46 Рейхсляйтунг НСДАП – высший коллективный орган управления нацистской партией.

генералами не существовало. Могли быть только случаи личного контакта между отдельными членами партии и отдельными генералами.

После захвата власти, у меня была возможность присутствовать, когда фюреру в начале февраля 1933 представляли высокопоставленных генералов, главнокомандующих, и у меня сложилось впечатление, что фюрер не знал большинство этих людей, так как всех их ему представляли – я стоял рядом – и по моему впечатлению он знал ранее немногих из них.

После захвата власти, конечно, отношения между партийным руководством и высокопоставленными генералами стали ближе – после укрепления партии в государстве. Но, что я хочу сказать это то, что отношения, отношения в целом, между партией, то есть между рейхсляйтунгом партии и руководящим политическим составом партии с одной стороны, и высокопоставленными генералами и наверное, также генералами более низкого звания, с другой стороны – эти отношения никогда не выходили за рамки чисто формальных, за рамки так называемых общественных отношений, которые основывались на служебных обязанностях, на случайных встречах, на торжественных поводах и публичных демонстрациях, и т.д. Я считаю, что отношения в целом между рейхсляйтунгом и политическим руководящим составом партии с одной стороны и генералами с другой были не были ближе этого.

Зейдль: Свидетель, характер этих отношений изменился после того как Гитлер стал главой государства и верховным главнокомандующим вооружённых сил?

Ламмерс: Что касается высокопоставленных генералов, по моему мнению принципиально ничего не изменилось, так как высокопоставленные генералы считали фюрера не лидером партии, а главой государства, и они считали его верховным главнокомандующим вооружённых сил. Соответственно, им не казалось, что они должны устанавливать с партией особо тесные отношения.

Зейдль: Свидетель, на совместных заседаниях и совещаниях между правительством Рейха, рейхсляйтунгом и высокопоставленными генералами вели политические дискуссии?

Ламмерс: Такие совместные заседания или совещания не обсуждаются. Такого не было. Это было невозможно из-за большого количества людей.

Зейдль: Свидетель, члены правительства Рейха, рейхсляйтунга и высокопоставленные генералы могли представлять свои взгляды Гитлеру в отношении важных вопросов, включая благополучие нации, в частности по вопросам войны и мира?

Ламмерс: Вместе, эти три группы, если я могу так сказать, естественно вообще не могли озвучивать мнение, так как они не имели никакой связи друг с другом. Но ни одна из этих групп - рейхсляйтунг партии, правительство Рейха и генералы - не могла высказать своего мнения, в первую очередь потому, что они вообще не были информированы. Какое отношение они могли занимать? Их заставало врасплох само

исполнение, свершившиеся факты, и последующее озвучивание мнения могло означать «нож в спину» политике фюрера.

Зейдль: Свидетель, значит общеполитический план Гитлера – в котором самые важные группы были активными участниками – вообще не существовал, и таким образом нельзя говорить о заговоре?

Ламмерс: Я не знаю о таком всеобщем плане, но я могу заверить вас в одной вещи, что, большинство министров никогда ничего не знало о таком общем плане. О том как фюрер индивидуально информировал их об этом плане, я не знаю. Я не присутствовал по таким случаям. Фюрер мог обсуждать какие-то планы с тем или другим человеком, наверное, с членом партии из рейхсляйтунга или генералами, но о том, что обсуждали по таким поводам, я не знаю. И, конечно, я не могу сказать соглашались или нет господа с фюрером. Я также не знаю о том, чтобы незадолго до осуществления каких-либо масштабных политических планов, таких как например поход в Чехословакию или нечто вроде этого, могли ли они сообщать фюреру о том согласны ли они или возражают, или же они просто получали приказ который должны были выполнять.

Зейдль: Свидетель, если я правильно вас понял, тогда вы очевидно хотите сказать, что все решения любого масштаба принимались Гитлером в одиночку?

Ламмерс: Крупномасштабные политические решения разумеется он принимал в одиночку, по большей части при консультациях и участии немногих людей, но никогда при участии правительства Рейха, так как правительство Рейха, если я могу быть более подробным с этим, это было, когда мы вышли из Лиги наций[47], чтобы Гитлер в последний раз проинформировал правительство Рейха перед тем как предпринять акцию. Затем последовала крупная, важная акция, поход в Рейнланд[48].

Кабинет проинформировали о том, что мы собираемся выйти из Лиги наций, это было заранее.

Никого не информировали о походе в Рейнланд, фюрер проинформировал рейхскабинет только после того как поход состоялся. По случаю похода в Австрию, похода в Судеты[49], похода в Прагу, начала польской войны, начала других кампаний против Норвегии, Франции, России и так далее, фюрер не консультировался с правительством Рейха ни до не после, и соответственно были плохие чувства среди всех министров, потому что их ни в одном случае не информировали заранее о

47 Лига Наций — международная организация основанная в 1919 году. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

48 Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

49 Судетская область, также Судеты и Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатая полезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии, получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

таких масштабных планах, которые имели определённые последствия и для невоенных ведомств, и потому что правительство Рейха не знало до того как свершались факты.

Таким образом, в данной степени, я могу сказать, что все эти решения принимались фюрером в одиночку, и то в какой степени он консультировал лиц индивидуально я не знаю. Однако, в целом, большинство министров вообще не информировали об этих акциях, они имели общую информацию, такую как любой читатель газеты и радиослушатель, или они, как например я, иногда слышали о таких вопросах за несколько часов, когда это доводили до прессы. Предварительных вопросов к фюреру или информации от него не было.

Зейдль: Пожалуйста, расскажите мне, как получилось так, что вся правительственная власть была передана фюреру?

Ламмерс: Этот переход состоялся, можно сказать, путём постепенного развития государственно-правового обычая.

Зейдль: Пожалуйста, медленнее.

Ламмерс: Прежде всего, фюрер и правительство Рейха получили, по известному закону о чрезвычайных полномочиях Рейхстага, полномочия изменять конституцию. Правительство Рейха пользовалось такими полномочиями в своём законодательстве и конечно же, использование осуществлялось посредством пассивной длительности и созданием государственно-правового обычая, что признается во всех странах. Таким образом в течение первых лет, а также в течение следующих лет, совершенно естественно это получилось в результате государственно-правового обычая, что фюрер действовал всё более независимо нежели было возможно согласно Веймарской конституции. С самого начала все важные политические вопросы фюрер забрал из компетенции кабинета.

Даже в 1933 и 1934, когда Гинденбург[50] был жив, фюрер не желал, чтобы общеполитические вопросы поднимал какой-то министр в кабинете. Я постоянно должен был информировать разных министров о том, что им следует воздерживаться от вынесения вопросов которые прямо не касались их ведомства на обсуждение в кабинете.

Например, я должен был передавать такую информацию тем господам которые хотели обсудить церковную политику. Мне запретили вносить всякие общеполитические вопросы в повестку заседания кабинета. Если, несмотря на это, министр затрагивал политический вопрос во время заседания кабинета, тогда фюрер в целом прерывал и заставлял замолчать соответствующего министра, или обращался к нему в частной дискуссии. Такие вещи возникали в это время.

После смерти фон Гинденбурга, когда фюрер стал главой государства,

---

50 Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

такие дебаты в кабинете полностью прекратились. Больше ничего подобного нельзя было обсуждать. Министрам не позволяли ощущать, что они были политическими министрами. Мне постоянно приходилось информировать разных господ, по приказу фюрера, о том, что их просят воздерживаться от озвучивания своих мнений по таким вопросам во время заседаний кабинета.

Затем настало время, которое я уже описывал, во время масштабных акций и больше не было заседаний кабинета. В связи с этим фюрер действовал в одиночку и все декларации от имени правительства Рейха он делал в одиночку, действуя сам по себе и без предыдущих консультаций с кабинетом. Я должен признать, что кабинет часто жаловался на это, но не мог совладать с фюрером.

Таким образом правительственной власти – если я перевожу «правительство» согласно концепции «правительства» изложенной в англо-саксонском праве – тогда, после 1936 больше не существовало никакого полного правительства Рейха включавшего рейхсканцлера и рейхсминистров, то есть, коллективного единого органа. Фюрер был правительством Рейха, и власть ускользала в его руки – и естественно можно сказать, что она не должна была ускользать в его руки. Всё, что я могу сказать, это то, что это ошибка, может быть глупость, но это не преступление. Это являлось политическим развитием таким как постоянно происходило в истории. Я могу вспомнить такой факт, что в древнем Риме, где сенат имел власть и, что там…

Председатель: Трибуналу на самом деле не нужно слушать об истории древнего Рима.

Ламмерс: Очень хорошо.

Зейдль: Свидетель, вы описали развитие перехода правительственных полномочий в руки Гитлера…

Ламмерс: Да, но не полностью.

Зейдль: В таком случае, пожалуйста, продолжайте ваш отчёт. Но все описания…

Председатель: С нас довольно. Мы полностью поняли, что он сказал о том, что Гитлер взял все полномочия и не слушал никакие дебаты. Совершенно ясно, что он сказал.

Зейдль: Да.

Свидетель, будьте добры рассказать мне ещё одну вещь в связи с последним вопросом? Пожалуйста расскажите мне, вы, как рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии считали законным развитие которые вы описали?

Ламмерс: Я рассматривал такое развитие, в первую очередь, с точки зрения конституционного права. Я постоянно обсуждал эти вопросы с Гитлером, и считаю такое развитие совершенно законным и если хотите, могу подробно объяснить детали.

В частности, я считал такое развитие законным в виду известного закона о чрезвычайных полномочиях и последующих законов которые предоставляли

правительству Рейха обширные полномочия из-за которых в свою очередь правительство Рейха, было в состоянии передать некоторые из этих полномочий фюреру и передать эту власть. Таким образом, это правительство Рейха, как только…

Председатель: Доктор Зейдль, трибунал на самом деле не интересует было это законным или нет. Трибунал интересует совершались ли преступления против других наций. Мы, конечно же не хотим заслушивать такие подробности.

Зейдль: Да, но основной пункт обвинительного заключения это пункт один обвинительного заключения, и он касается заговора вменяемого обвинительным заключением.

Председатель: Основной пункт обвинительного заключения это не то, соответствовало ли германскому праву, что Гитлер должен был принять полномочия своего правительства. Такого пункта нет в обвинительном заключении.

Зейдль: Свидетель, сейчас я перехожу к некоторым вопросам, которые касаются подсудимого, доктора Франка. С какого времени вам известен доктор Франк? Чем он занимался до начала войны?

Ламмерс: Я познакомился с господином Франком в течение 1932 года. Если я правильно вас понял, вы хотите слышать о его деятельности только с начала войны?

Зейдль: До начала войны.

Ламмерс: Он был начальником юридического отдела партии, затем начальником национал-социалистического союза юристов, который позднее стал так называемым союзом правоведов. Затем он стал членом Рейхстага и к захвату власти в 1933 он стал министром юстиции в Баварии. Одновременно он стал рейхскомиссаром по реформе права.

Позже – и я не помню точный год – он стал рейхсминистром без портфеля, и он был президентом Академии германского права[51]. Наконец он стал генерал-губернатором[52].

Председатель: Нам уже подтвердили посты подсудимого Франка. Я думаю больше чем однажды. Мы не просили их у доктора Ламмерса.

Зейдль: Я могу задать свидетелю другой вопрос.

Свидетель, какими были отношения между Франком и Гитлером?

Ламмерс: Отношения между ними были сначала, хочу сказать, хорошими и подобающими, но не особо близкими. В любом случае, в течение всего времени он не относился к тем, кого можно назвать ближайшими советниками фюрера.

Зейдль: Каким было отношение Франка к «полицейскому государству» и вопросу концентрационных лагерей?

Ламмерс: Франк постоянно произносил на публике речи, в которых он стоял за

---

51 Академия германского права – научное учреждение созданное в 1933. Задача академии заключалась в формировании национал-социалистического права.

52 Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

конституционное государство, за права и закон, атакуя «полицейское государство» и в которых – хотя и не в самых сильных выражениях – он всегда выступал против интернирования в концентрационных лагерях, потому что интернирование не имело правовой основы. Эти речи Франка часто являлись поводом для неодобрения Гитлера, поэтому фюрер проинструктировал меня о запрете ему произносить речи и ему запретили публикацию напечатанной версии этих речей. Наконец деятельность Франка за конституционное государство привела к его удалению с должности рейхсляйтера юридического управления партии.

Зейдль: Разве его не уволили с должности президента Академии германского права по этим причинам?

Ламмерс: Да, это случилось тогда же – и также с его должности начальника союза юристов.

Зейдль: Ещё один вопрос: Франк как генерал-губернатор имел значительную власть, или не было такого, чтобы его власть во многих отношениях ущемлялась?

Ламмерс: Можно сказать, что во многих отношениях его власть ущемлялась.

Был ряд причин – прежде всего, самоочевидно, вооруженные силы. Но они волновали его меньше всего, так как на оккупированных территориях, рейхскомиссары никогда не были сотрудниками высшего командования вооруженных сил. Всегда было по-отдельности.

Затем Геринг, как делегат четырёхлетнего плана имел обширные полномочия отдавать приказы и партии и государству на всех оккупированных территориях, поэтому также в Генерал-губернаторстве, и таким образом отдавать приказы генерал-губернатору и мог, при необходимости в интересах в целом, отменять или аннулировать указы последнего.

В-третьих, полномочия Франка как генерал-губернатора значительно ограничивались полицией, поскольку Гиммлер как глава германской полиции имел прямые полицейские полномочия которые он, точнее, которые он объединял с полномочиями генерал-губернатора, но которые он не всегда мог осуществлять. Генерал-губернатор страдал от дальнейшей утраты власти в результате того, что Гиммлер был рейхскомиссаром по сохранению немецкой нации и как таковой мог проводить переселения и делать так без консультаций с генерал-губернатором Франком.

Затем, были некоторые ущемления в пользу уполномоченного по распределению рабочей силы, но по моему мнению ущемление власти в этой сфере было небольшим, так как гауляйтер Заукель всегда, когда возможно, приходил к договорённости с местными ведомствами заранее.

Наконец были полномочия зарезервированные за рейхсминистром Шпеером в сфере вооружений и технологий. Были другие полномочия зарезервированные за почтовой службой, железными дорогами и т.д. Но в основном, были пробелы, как вы, доктор Зейдль можете их назвать, в полномочиях Франка.

Зейдль: В чём, по вашим наблюдениям заключалось отношение Франка к польскому и украинскому народам, и какую политику он старался проводить?
Ламмерс: По моему мнению Франк всегда старался следовать умеренной политике и создавать атмосферу дружбы к Германии в Польше. Точнее, он очень часто не мог добиться своей цели, в особенности, из-за того факта, что полномочия полиции и полномочия Гиммлера были слишком большими в сфере переселения, поэтому его мероприятия и его намерения страдали от неудач. Ему было трудно достичь своих целей.
Зейдль: Доктор Франк лично занимался целями германизации или же скорее, везде где мог, возражал переселенческой политике Гиммлера как рейхскомиссара по сохранению немецкой нации?
Ламмерс: Я не склонен думать, что Франк был настолько глуп, чтобы иметь планы по германизации или хотеть сделать из поляков немцев. Он наверное пытался склонить народ немецкого происхождения в Польше к идее германизма. У него было много сложностей в связи с переселенчеством, поскольку с ним не консультировались заранее и поскольку, в результате переселенчества, людей просто спихивали в Генерал-губернаторство. В этом он и я полностью соглашались. Я постоянно говорил фюреру о том, чтобы такие массовые переселения не производились, внезапно, без согласования с генерал-губернатором, и о том, что генерал-губернатор не мог править не зная заранее об этих переселенческих мерах и если он не мог оказывать влияния в связи с этими мерами.
Зейдль: Свидетель, вы ранее сказали о том, что вся полиция безопасности и СД в Генерал-губернаторстве находилась в прямом подчинении Гиммлера или высшего начальника СС и полиции. Генерал-губернатор Франк не пытался протестовать против силовой политики использовавшейся двумя этими людьми, чтобы улучшить обстановку?
Ламмерс: По этому поводу он направлял мне постоянные жалобы, для того, чтобы я мог вручать их фюреру, что, однако, я мог делать только отчасти. Однако, в одном, мы хотели ему помочь. В Генерал-губернаторстве был создан государственный секретариат по системе безопасности. Он находился в подчинении Крюгера[53], тогдашнего начальника СС и полиции. Однако, он функционировал только 4-6 недель и затем разногласия во мнениях снова привели к разрыву. Государственный секретарь по безопасности Крюгер заявлял: «Я получаю свои приказы только от Гиммлера». Если генерал-губернатор жаловался на это, тогда Гиммлер говорил: «Всё это малозначительно. Я конечно же должен руководить ими напрямую». Генерал-губернатор говорил: «Но для меня это не незначительно, даже эти вещи важны для меня».

Командные каналы и взаимодействие с генерал-губернатором не

53 Фридрих Крюгер (1894 — 1945) — один из руководителей оккупационного режима в Польше, обергруппенфюрер СА (1934), обергруппенфюрер СС (25 января 1935 года), генерал войск СС (20 мая 1944 года), генерал полиции (8 августа 1944 года). Высший руководитель СС и полиции Генерал-губернаторства. Покончил жизнь самоубийством

соблюдались, и поэтому совершенно понятно, что господин Франк находился в очень трудном положении в отношении полицейской системы.

Зейдль: Верно, что генерал-губернатор постоянно, и устно и в письменном виде выражал свои намерения об отставке и своих причинах для неё?

Ламмерс: Он постоянно подавал в отставку, ввиду этих острых конфликтов которые он имел, в частности с Гиммлером и потому что Гитлер обычно решал о том, что он ошибается и прав Гиммлер. Многие заявления о его намерении или желании отставки доставляли мне, некоторые из которых мне даже не разрешили представить фюреру. Но я информировал фюрера о намерениях генерал-губернатора, и фюрер несколько раз отказывал в прошении Франка об отставке.

Зейдль: Вам известно о том, что рейхсфюрер СС Гиммлер работал над устранением Франка?

Ламмерс: Рейхсфюрер Гиммлер лично был бесспорным оппонентом Франка. Об этом я могу полагать из разных неодобрительных высказываний Гиммлера о Франке сильно хотевшего отстранения Франка от должности, и рейхсляйтера Бормана который который тоже этого хотел.

Зейдль: Кто в Генерал-губернаторстве имел юрисдикцию над концентрационными лагерями и был компетентным чиновником, по части их создания и управления?

Ламмерс: Концентрационные лагеря находились в подчинении Гиммлера, и органы и ведомства в подчинении Гиммлера были ответственными за управление и организацию. Существовало экономическое управление, как мне кажется, в составе СС которое было ответственным за администрацию, но концентрационные лагеря как таковые находились в компетенции Гиммлера.

Зейдль: Кто был ответственным за все вопросы связанные с так называемой еврейской политикой в Генерал-губернаторстве?

Ламмерс: Могу сказать, на оккупированных территориях, еврейской политикой, в основных чертах, руководил Гиммлер, который направлял её. Но, конечно же, генерал-губернатор, тоже был связан с вопросами в области еврейской политики или мерах против евреев, например, борьбой с тифом, и как я думаю, отмечая их видимым знаком. Все личные меры предлагались генерал-губернатору полицией. Но основной политикой в еврейских вопросах, как я потом узнал, руководил полностью Гиммлер, которому дал полномочия фюрер.

Зейдль: Это правда, что генерал-губернатор, ещё в 1940, постоянно заявлял жалобы на деятельность высшего начальника СС и полиции Крюгера?

Ламмерс: Я могу это подтвердить. Это происходило несколько раз. В частности эти жалобы заявляли из-за того, что суды СС и полиции брали на себя полномочия которых у них не было в Генерал-губернаторстве. Соответственно, их лишалось Генерал-губернаторство, единственный компетентный орган в данном отношении, по отправлению правосудия. Там были также расстрелы заложников. Он постоянно жаловался на это. Я хочу заявить, что все жалобы направлялись мне – не было

жалоб мне, их просто направляли мне – для того, чтобы я представил их фюреру.

Зейдль: Верно, что генерал-губернатор постоянно высказывал возражения на широкие требования Рейха к Генерал-губернаторству, в частности о поставках пшеницы?

Ламмерс: Он часто заявлял возражения, но требования которые ему предъявляли возрастали. Он, по большей части их выполнял, что должно было быть для него очень трудным.

Зейдль: Вам известно о том, что генерал-губернатор протестовал против вывоза культурных ценностей организацией Гиммлера?

Ламмерс: Да, у меня очень смутные воспоминания об этом. Возможно, что он также жаловался на вывоз культурных ценностей, но я не могу вспомнить подробностей этого.

Зейдль: И теперь последний вопрос. Это правда, что генерал-губернатор, ещё с 1940, вносил фюреру предложения об улучшении условий жизни населения Генерал-губернаторства, и что фюрер позднее признавал, что высокая политика за которую выступал Франк с самого начала была правильной?

Ламмерс: Господин Франк часто возражал политике эксплуатации и высказывался в пользу политики восстановления, также и в культурных вопросах. Например он предлагал, чтобы польские консультативные комитеты придали властям подчинённым генерал-губернатору и районным начальникам, и так далее. В этом отказали. Он выступал за создание высших школ, богословских семинарий и похожие культурные цели, всему этому отказали.

По одному поводу, он представил длинный меморандум. Он ссылался на польскую организацию под названием «Плуг и меч[54]». Она взаимодействовала с немцами и Франк внёс детальные предложения в длинном меморандуме, говоря о том, что поляков можно склонить к сотрудничеству только на подобающих условиях. Все эти предложения, поступившие от Франка, Гитлер отверг. Неправильно говорить, доктор Зейдль, что фюрер до последнего момента с ними не соглашался, все, что я могу сказать, это то, что их все без исключения отклоняли.

Зейдль: Больше нет вопросов.

Тома: По указу от 17 июля 1941 подсудимый Розенберг был назначен рейхсминистром оккупированных восточных территорий. Будьте любезны, очень кратко рассказать трибуналу о том какие средства ограничивали его полномочия на Востоке?

Ламмерс: Я могу сделать это очень коротко, повторив то, что я уже говорил. Те же ограничения которые применялись к генерал-губернатору также применимы и к нему – те ограничения которые я сейчас привёл, но я добавлю к этому ещё кое-что.

Положение рейхсминистра Розенберга была особенно трудным из-за того

54 «Меч и плуг» - польская подпольная организация основанная в 1939. С 1943 сотрудничала с немецким оккупационным режимом. Прекратила существование в 1944.

факта, что разница во мнениях существовавшая между ним и министром Геббельсом[55] в сфере пропаганды особо ему вредила. При этом по мнению фюрера Розенберг должен был решать о восточной политике, а Геббельс о пропаганде, и эти две вещи не всегда получалось согласовать. Были сильные разногласия между Розенбергом и Геббельсом которые получалось урегулировать в длительных дискуссиях. Но практический успех был слабым, потому что разногласия, которые с трудом разрешали, снова незамедлительно возникали спустя две недели. Было ещё одно ограничение которое отличалось в случае Генерал-губернаторства, то есть, Розенберг имел двух рейхскомиссаров оккупированных восточных территорий, рейхскомиссара Лозе[56] и рейхскомиссара Коха[57].

Тома: Я перейду к этому позже.

Вы можете вспомнить, что до указа от 17 июля 1941 с фюрером было совещание, за день до этого, 16 июля 1941 во время которого, с самого начала Розенберг жаловался на то, что его министерству не предоставили полицейских полномочий, и что все полицейские полномочия должны были передать Гиммлеру?

Ламмерс: Господин Розенберг, конечно же, был не совсем согласен с возложением полицейских полномочий на Гиммлера. Он возражал этому, но безуспешно. Полицейские вопросы в других оккупированных территориях разрешались также как и в данном случае. Фюрер не отступал от своих взглядов.

Тома: В общих инструкциях рейхскомиссарам есть отрывок где сказано, что высшие начальники СС и полиции прямо подчиняются самому рейхскомиссару. Это означало, что начальники полиции также могли отдавать приказы рейхскомиссару в технических вопросах?

Ламмерс: Обычно, нет. Гиммлер оставлял за собой технические инструкции. Начальника СС и полиции инструктировали связываться с рейхскомиссаром и конечно, принимать во внимание политические инструкции последнего, но не технические.

Тома: Не технические? Пожалуйста, расскажите трибуналу, но также довольно кратко, в чём заключались политические концепции Розенберга с самого начала до конца, в связи с обращением с восточными народами.

Ламмерс: По моему мнению он всегда хотел следовать умеренной политике. Без сомнения он возражал политике уничтожения и политике депортаций, как часто

55 Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин в апреле 1945.

56 Генрих Лозе (1896 — 1964) — высокопоставленный деятель НСДАП и Третьего Рейха, один из организаторов и руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд. Немецким судом был приговорён к 10 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

57 Эрих Кох (1896 — 1986) — деятель НСДАП и Третьего Рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944). Рейхскомиссар Остланда (1944). Польским судом был приговорён к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

провозглашалось. Он прилагал усилия для создания порядка в сфере сельского хозяйства путём своей аграрной политики, также создавая порядок в сфере образования, церковных вопросах, университетах, школах и так далее. Но у него был небольшой успех, так как один из двух рейхскомиссаров, а именно Кох, в Украине, возражал мерам Розенберга или даже не воспринимал приказы Розенберга по данным вопросам.

Тома: Я думаю о крупных политических концепциях. Он, когда-либо говорил вам о том, что у него была идея привести восточные народы к некой автономии и позволить им такую автономию?

Ламмерс: Да, я могу ответить на это утвердительно.

Тома: Он также говорил вам о том, что он планировал распространить суверенные права и на оккупированные восточные территории?

Ламмерс: Говорил ли он так, я не могу вспомнить. Во всяком случае он выступал за создание определенной независимости для восточных народов.

Тома: То есть автономию. И это было по причине, что он был глубоко заинтересован в обеспечении культурной жизни восточных народов?

Ламмерс: Да. Он особо этим интересовался. Я знаю об этом, потому что он также проявлял интерес к школьной системе, церкви и университетам.

Тома: Это являлось возможной причиной конфликта который у него был с рейхскомиссаром Кохом?

Ламмерс: Эта и много других вещей. Кох прежде всего был сильным оппонентом аграрной политики. Ту аграрную политику которую Розенберг считал особо благоприятной в интересах своих целей, Кох саботировал.

Тома: Вы можете назвать какие-либо другие сферы в которых Кох создавал затруднения министру восточных территорий?

Ламмерс: Я сейчас не могу, что-нибудь вспомнить.

Тома: Вам известно о том, что была финальная черта между ними, когда вам отдали приказ, в сотрудничестве с Борманом провести переговоры между двумя, и что Розенберг отказался и потребовал вынесения вопроса перед фюрером?

Ламмерс: Разногласия между Розенбергом и Кохом были самыми многочисленными. Они заполонили тома и тома материалов. Фюрер отдал приказ о том, чтобы Борман и я изучили вопрос. Много недель длилось изучение, и после изучения, должен сказать, что фюрер никогда так и принял решения. Фюрер постоянно откладывал принятие решения по данным вопросам. Однажды, наверное, это случай о котором вы думаете, доктор Тома, разногласия были особенно острыми. Тогда фюрер послал за Розенбергом и Кохом и вместо урегулирования этих разногласий, снова не было никакой договорённости. Вместо реального решения, был создан компромисс о том, что эти два господина должны ежемесячно встречаться и сотрудничать. Естественно, это была невыносимая ситуация для Розенберга, что он, ответственный министр, должен в каждом случае

договариваться с подчинённым ему рейхскомиссаром, во-вторых, это вряд ли можно было выполнить на практике. Во-первых, оба господина встречались как самое большее два раза, и затем, когда они встречались не было никакой договорённости, и в долгосрочной перспективе фюрер думал, что Кох был прав.

Тома: Из чего было понятно, что Коха считали правым?

Ламмерс: Потому что фюрер не принимал никакого решения по жалобам Розенберга, которые по моему мнению были оправданными. Таким образом оставалось сделанное Кохом.

Тома: Подсудимый Розенберг говорит о том, что результатом было то, что Гитлер отдал ему приказ ограничить себя управлением восточными территориями в общих чертах. Это правильно?

Ламмерс: Приблизительно таким был приказ фюрера. Оба согласились прийти к взаимопониманию в вопросе, о котором у фюрера были сомнения.

Тома: Какое отношение имел к фюреру Розенберг, и когда Розенберг последний раз докладывал фюреру?

Ламмерс: Насколько мне известно, Розенберг посетил фюрера в конце 1943 в последний раз, и даже до этого у него были значительные трудности, чтобы увидеть фюрера. У него часто не получалось.

Тома: Такая напряжённая ситуация привела к тому, что Розенберг подал в отставку осенью 1940?

Ламмерс: Да, на самом деле это не было прошение об отставке, поскольку фюрер запретил такие прошения, но он говорил о том, что он не может удовлетворительно вести дела, он хочет уйти с должности, таким образом, в конечном счете, это можно считать прошением об отставке.

Тома: Вы можете рассказать трибуналу в какой мере Розенберг имел влияние и популярность среди населения оккупированных восточных территорий? В частности, верно, что ряд церковных лидеров на оккупированных восточных территориях направляли ему благодарственные телеграммы из-за его терпимого отношения и, потому что он позволил им свободно практиковать свою религию?

Ламмерс: Я знаю об этом поверхностно, по личным заявлениям Розенберга. Он мог однажды говорить мне, что-то такое.

Тома: У меня есть другой вопрос. На процессе постоянно проливается свет на то, что военное окружение Гитлера считало его военным гением. Какой была ситуация в административной сфере? Гитлер был прежде всего верховным законодателем, верховным главой правительства и главой государства. Его административное окружение поощряло в нём уверенность в том, что все его решения были правильными, и что он делал нечто экстраординарное или кто укреплял его в такой уверенности?

Ламмерс: И в этой области фюрер имел экстраординарно быструю силу восприятия и почти всегда правильно оценивал вопросы. Он мог часто использовать

масштабную политику которой он в одиночку определял законодательство и управление. Тогда задачей господ которые должны были осуществлять это, прежде всего министров, моей тоже, в определённой степени было, придать подходящую форму этим предложениям и мыслям которые он сформулировал. Если возникали какие-то возражения в связи с этим, фюрер по большей части был готов их выслушивать, до тех пор пока это не касалось принципа, таким образом он был готов слушать по вопросам тяжести, смягчения или сильного ужесточения, при необходимости, или по вопросам формулировки и конструкции, но не тогда, когда атаковалась основная тенденция. Тогда возникали трудности.

Тома: Что касается индивидуальных проблем, принимал ли он лично соответствующие решения во всём, или ему каким-либо образом препятствовали в его цели, некой цели, которую он задумал?

Ламмерс: Ему очень мало докладывали. Обычно, в последние годы я делал официальные доклады каждые 6 или 8 недель, другими словами шесть или восемь раз в год или наверное, как самое большее 10 раз. По этим поводам, не обсуждались проблемы. В целом фюрер оставлял управление на своих министров…

Председатель: Мы снова и снова слышали это про Гитлера.

Тома: У меня всего один вопрос. Вы знали, что-нибудь о том факте, что Гитлер решил разрешить еврейский вопрос окончательным решением, то есть уничтожением евреев?

Ламмерс: Да, я много знаю об этом. Об окончательном решении еврейского вопроса впервые мне стало известно в 1942. Тогда я услышал о том, что фюрер предположительно, через Геринга отдал приказ обергруппенфюреру Гейдриху[58] добиться решения еврейского вопроса. Я не знал о точном содержании приказа и соответственно, поскольку это не входило в мою компетенцию, в начале я занял негативное отношение, но затем, так как я хотел, что-то узнать, я конечно же, должен был связаться с Гиммлером. Я запросил его о том, что на самом деле означала идея окончательного решения еврейского вопроса. Гиммлер ответил о том, что он получил приказ от фюрера добиться окончательного решения еврейской проблемы – или даже Гейдрих и его преемник имел этот приказ – и что основной смысл приказа заключался в том, чтобы эвакуировать евреев из Германии. Таким заявлением я на время был удовлетворён и ожидал дальнейшего развития событий, поскольку полагал, что я каким-то образом – на самом деле у меня не было в этом компетенции – получу какую-то информацию от Гейдриха или его преемника Кальтенбруннера.

Поскольку ничего не поступило, я захотел узнать об этом информацию, и в 1942 я объявил о докладе фюреру, соответственно фюрер сказал мне о том, что это

58 Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

правда, что он отдал Гиммлеру приказ об эвакуации, но что он не хотел дальнейшего обсуждения еврейского вопроса во время войны. Тем временем или вскоре – это было уже начало 1943 – РСХА направило приглашения о присутствии на встрече по теме «Окончательное решение еврейского вопроса». Я ранее направил своим сотрудникам приказ о том, что я не определился со своим отношением к данному вопросу, поскольку хотел представить его фюреру. Я просто приказал о том, что если приглашения на встречу отправили, один из моих сотрудников должен был присутствовать в качестве так называемомого «поста прослушивания».

Встреча действительно состоялась для обсуждения этого вопроса, но безрезультатно. Вели стенограмму, и разные ведомства должны были выразить своё отношение. Когда я получил эту стенограмму, я понял, что в ней нет ничего жизненного важного. Во второй раз, я запретил занимать четкое отношение. Лично я отказался выражать позицию и очень хорошо помню это, потому что я получил письмо которое прежде всего, было подписано каким-то незначительным человеком, что касалось меня, не имевшим права подписи. Он спрашивал меня, почему я не выразил позицию. Во-вторых, тон запроса был очень недружественным, он говорил о том, что каждый выразил мнение кроме меня. Я приказал о том, чтобы ответ был о том, что я отказываюсь выражать свои взгляды поскольку хотел обсудить вопрос с фюрером.

Тем временем я снова обратился к господину Гиммлеру. У него было мнение о том, что нужно было обсудить этот вопрос, так как нужно было решить ряд проблем, в частности, поскольку намерение добиться окончательного решения еврейского вопроса наверное распространялось на лиц смешанной крови первой степени и также распространялось на так называемые «привелигированные» браки, то есть браки в которых только один был арийцем, а другая сторона евреем. Фюрер снова заявил о том, что он не желал доклада об этом, но у него не было возражений консультациям по данной проблеме. Тем временем мне стало известно о том, что происходят какие-то эвакуации. Тогда, во всяком случае, не было известно ни малейших вещей об убийстве евреев, если возникали грубые отдельные случаи, я всегда обращался к Гиммлеру и он всегда с готовностью разрешал отдельные дела.

Наконец, однако, в 1943 росли слухи о том, что евреев убивали. У меня не было компетенции в этой сфере, лишь случайно я получал жалобы и на основе этих жалоб изучал слухи. Но, насколько я могу сказать, во всяком случае, эти слухи подтверждались только как слухи. Каждый говорил о том, что слышал об этом от кого-то и никто не хотел говорить определённо. Фактически, по моему мнению эти слухи в основном основывались на зарубежных передачах и на том, что люди просто не хотели говорить о том откуда у них информация.

Это снова заставило меня предпринять расследование этого дела. Прежде всего, поскольку я, со своей стороны, не мог инициировать расследования дел в компетенции Гиммлера, я снова лично обратился к Гиммлеру. Гиммлер отрицал

какие-либо законные убийства и сказал мне, в связи с приказом фюрера о том, что его обязанностью было эвакуировать евреев и о том, что во время таких эвакуаций, которые включали старых и больных людей, конечно были случаи смерти, были несчастные случаи, были воздушные атаки. Он также добавлял, что были бунты, которые он вынужден был жестко и с кровопролитием подавлять, в качестве предупреждения. В остальном, он говорил о том, что этих людей размещали в лагерях на Востоке. Он показывал много фотографий и альбомов, и показывал мне выполнение евреями работ в лагерях и то как они работали на военные нужды, обувные мастерские, швейные мастерские и так далее. Он говорил мне:

> «Это приказ фюрера, если вам кажется, что вы должны выступать против этого, тогда скажите фюреру и скажите мне имена тех людей которые вам сообщают».

Конечно же я не мог назвать ему имена, прежде всего потому, что они не хотели этого, и во-вторых, они знали об этих вещах по слухам, как я сказал, я вообще не мог привести ему какой-то точный материал.

Вместе с тем, я снова сообщил об этом вопросе фюреру, и по этому поводу он дал мне точно такой же ответ, который мне дал Гиммлер. Он сказал: «Я позже решу куда забирать этих евреев и пока о них позаботятся».

Затем он сказал, тоже самое, что и Гиммлер, что создало у меня впечатление о том, что Гиммлер сказал фюреру о том, что Ламмерс придёт и наверное сообщит о чём-то таком.

Но вместе с тем окончательное решение еврейской проблемы оставалось в моём портфеле, и я решился снова поднять вопрос у фюрера. Я добился этого по поводу какого-то особо вопиющего дела в связи с этим вопросом, дело было таким, что позволило мне поговорить с фюрером. Как пример мне нужно рассказать об этом случае.

Если еврей женился на немецкой женщине, тогда его считали привелигированным, то есть, не подлежащем эвакуации. Но если жена умирала…

Председатель: Минуточку, пожалуйста…

Тома: Господин председатель, лично я хочу попросить свидетеля говорить короче. Но я прошу о том, чтобы этот конкретный вопрос допустили. По моему мнению свидетель пытался описать как в тайне проводилось окончательное решение еврейской проблемы и обман который практиковало всё окружение Гитлера, и вот почему я прошу, чтобы свидетелю разрешили закончить заявление, так как это самый решающий пункт в дискуссии.

[*Обращаясь к свидетелю*] Но, свидетель, пожалуйста будьте кратким. Я задаю вам вопрос: Гиммлер, когда-нибудь говорил вам о том, что окончательное решение еврейской проблемы состоится путём уничтожения евреев?

Ламмерс: Об этом никогда не говорилось. Он говорил только об эвакуации.

Тома: Он говорил только об эвакуации?

Ламмерс: Да, только об эвакуации.
Тома: Когда вы услышали, что эти 5 миллионов евреев уничтожены?
Ламмерс: Я услышал об этом недавно.
Тома: Другими словами, вопрос держали в полной тайне и только несколько человек знали об этом?
Ламмерс: Я полагаю, что Гиммлер организовал это так, что никто ничего не знал об этом и что он сформировал свои коммандос таким образом, чтобы никто о них не знал. Конечно, должно было быть много людей которые должны были что-то об этом знать.
Тома: Вы можете рассказать мне о том, что должны были знать об этом люди, помимо тех кто исполнял эти уничтожения? Кто, кроме этих людей, должен был, что-то об этом знать?
Ламмерс: Что же, начнём с того, что Гиммлер должен был передать свой приказ другим людям, и должны быть какие-то ведущие чиновники, и эти ведущие чиновники должны, конечно, были иметь других ведущих чиновников подчинённых им которые принимали ответственность за коммандос и которые хранили всё в тайне.
Тома: Больше нет вопросов.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Панненбекер: Свидетель, вы уже говорили по ряду вопросов которые также имеют значение для защиты подсудимого Фрика, поскольку он был членом рейхскабинета. Вы можете рассказать в силу какого положения, и в чём заключалось это положение, вы способны дать такие ответы? Повторю, вы можете рассказать мне о вашем положение в рейхскабинете которое позволило ответить на эти вопросы?
Ламмерс: О моём собственном?
Панненбекер: Да.
Ламмерс: Я был государственным секретарём в рейхсканцелярии и я был посредником между фюрером и рейхсминистрами за двумя исключениями: фюрер либо прямо связывался с этими господами или заинтересованные люди в установленном порядке обращались к фюреру мимо меня. Был ряд вещей который не шёл через мои руки, но которые министры представляли напрямую фюреру. Всё это было вопросами высокой политики, в частности высокой внешней политики. Только в 1937 по поводу некоторых перемен в кабинете, я получил титул «рейхсминистра», но мои задачи не изменились. В частности, я также не имел аппарата.
Панненбекер: Вы можете мне рассказать, когда состоялось самое последние заседание рейхскабинета?

Ламмерс: Рейхскабинет последний раз собрался в ноябре 1937. Точнее, в 1938, в начале февраля, было ещё одно так называемое «информационное совещание» министров, во время которого фюрер объявил об изменениях которые он провел в кабинете включавших господина фон Бломберга и господина фон Нейрата. Последнее заседание кабинета на котором действительно проводились консультации состоялось в отношении проекта уголовного кодекса, в ноябре 1937.

Панненбекер: Вы можете мне, что-то рассказать о каких-нибудь попытках после этой даты собрать министров вместе?

Ламмерс: После этой даты я постоянно пытался повлиять на сбор кабинета, можно сказать, восстановление. Фюрер в этом постоянно отказывал. Я даже подготовил проект, проект указа согласно которому министры должны, по крайней мере, собираться вместе, для консультаций друг с другом раз или дважды в месяц под председательством рейхсмаршала Геринга или если он не мог присутствовать, со мной как председателем. Министры должны были собираться вместе и заслушивать формальные доклады. Фюрер это отверг. Несмотря на это, министры имели срочное желание собраться. Моё следующее предложение заключалось в том, что я приглашал министров раз или два в месяц на общественный вечер, пивную вечеринку, для того, чтобы мы могли собраться и поговорить. На это фюрер ответил: «Господин Ламмерс, это не ваша забота, это моя забота. В следующий раз как я поеду в Берлин, я сделаю это».

Председатель: К чему эти подробности о выпивке? Если они не собирались, и он обратился к фюреру, попросив их встретиться, и они это не сделали, этого достаточно. К чему вдаваться в подробности?

Панненбекер: Таким образом, правильно сказать, что рейхсминистры должны были работать сами по себе в своих ведомствах, в их конкретной сфере деятельности, и что рейхскабинет как таковой который решал о вопросах политики и был информирован и проводил дискуссии, больше не существовал?

Ламмерс: На самом деле министры были не больше чем административными начальниками своих ведомств. Они не могли действовать в кабинете правительства Рейха как политические министры. Я уже попытался это описать. Больше не было заседаний, даже совещания запретили. И как они могли обмениваться взглядами?

Панненбекер: Вам, что-нибудь известно о заявлении Гитлера рассматривавшего рейхскабинет как клуб пораженцев, который он больше не хотел видеть?

Ламмерс: В связи со своими попытками возобновить рейхскабинет с помощью определённых встреч, фюрер сказал мне о том, что это нужно прекратить так как может возникнуть атмосфера которая ему не нравится. Он не использовал слово «клуб пораженцев» в моём присутствии, но рейхсляйтер Борман сказал мне о том, что он говорил: «Министрам не нужно встречаться, это может стать клубом пораженцев».

Панненбекер: Здесь часто обсуждали, что рейхсминистр сам по себе не мог подать

в отставку. Вам известно, что-нибудь о попытке Фрика уйти в отставку с поста рейхсминистра?

Ламмерс: Несмотря на запрет фюрера, Фрик постоянно высказывал своё желание об освобождении от должности если он уже не пользовался полным доверием фюрера и если фюрер больше не принимал его. Он часто мне это говорил, но я не могу вспомнить письменное прошение об отставке. Пожелания об отставке Фрика всегда передавали фюреру через меня, хотя фюрер всегда твердо отказывал в таких сообщениях.

Панненбекер: В августе 1943 Фрик покинул свой пост рейхсминистра внутренних дел. Вам известны какие-нибудь детали о том, что он сам говорил об этом?

Ламмерс: Тогда господин Фрик говорил мне: «Я рад уйти с поста министра внутренних дел, но пожалуйста проследите за тем, чтобы фюрер не назначил меня рейхспротектором Богемии и Моравии, как он планирует сделать. Я не хочу эту должность. Я хочу уйти». И я сказал об этом фюреру.

Фюрер приказал Фрику явиться в ставку. Перед тем как Фрик пошёл на встречу с фюрером наедине, он сказал мне о том, что он ни при каких обстоятельствах не хочет принимать должность рейхспротектора, но когда он вернулся от фюрера он, несмотря на это передумал и принял эту должность. Если я прав это должно было быть в августе 1943.

Панненбекер: Положение Фрика как генерального уполномоченного по администрации Рейха также один из пунктов вменяемых ему в качестве обвинения. Вам, что-нибудь известно о назначении на эту должность?

Ламмерс: В качестве уполномоченного Рейха по администрации у него была задача согласования с другими министерствами. Согласование было следующим: министр внутренних дел, министр юстиции, министерство образования, министерство церквей и национальное управление регионального планирования. Он координировал их в своей администрации и представлял их, так сказать, в совете министров по обороне Рейха который возник в 1939 с началом войны.

Панненбекер: Вы можете сказать мне на основе каких норм Фрик был назначен генеральным уполномоченным Рейха по администрации? Есть два закона об обороне Рейха один от 1935 и другой от 1938.

Ламмерс: Закон об обороне 1935, я уже не помню. Проект закона об обороне Рейха от 1938, который не опубликовали, ставил генеральному уполномоченному по администрации Рейха большое количество задач, которые однако, никогда ему не поручали. Он просто имел задачу координации разных ведомств которые я назвал. Во всяком случае он никогда не осуществлял фактические полномочия генерального уполномоченного Рейха по администрации в той мере в которой их поставил закон об обороне Рейха.

Панненбекер: В связи с этим можно говорить о полномочиях так называемой коллегии трёх человек. Она включала генерального уполномоченного Рейха по

администрации Фрика, генерального уполномоченного по экономике Шахта – позднее Функа – и начальника ОКВ. Вы можете рассказать какие полномочия осуществляли эти трое?

Ламмерс: Выражение коллегия трех человек это прежде всего полная ложь, это не концепция конституционного права, а просто удобный термин, чиновничий термин. Эти трое, генеральный уполномоченный по администрации, генеральный уполномоченный по экономике и начальник ОКВ, каждый имел власть принимать указы, но они были обязаны иметь согласие двух других – то есть, согласие других, любого кто мог отдавать приказы в данной сфере. Встреча этого комитета, этой так называемой коллегии трёх человек никогда не имела места. Она издала очень мало указов, незначительных, полностью малозначительных. Например, я могу вспомнить, что этот комитет распорядился по вопросу уменьшения количества судей в дисцилинарных коллегиях, это вопросы гражданской службы. Вторая задача в этой сфере – всего было шесть-восемь указов как самое большое, но все маловажные.

Панненбекер: В дополнение позднее был совет министров по обороне Рейха. Вы можете сравнить эти две группы, этих троих и совет министров по обороне Рейха?

Ламмерс: Вы имеете в виду коллегию трёх человек с советом министров?

Панненбекер: Да.

Ламмерс: Прежде всего, после создания совета министров по обороне Рейха, моим принципом было прекратить эту коллегию трёх человек, поскольку она вообще была не нужна. Совет министров по обороне Рейха имел задачу издания указов с правовым эффектом, но по сути не имел никакого отношения к обороне Рейха. Военные вопросы никогда не обсуждали в совете министров по обороне Рейха, также он не занимался внешней политикой и пропагандой. В основном он издавал указы которые имели эффект законов. Заседания проводились только до декабря 1939, а потом члены связывались друг с другом в письменном виде с целью издания указов. Политические дебаты никогда не вели.

Панненбекер: В министерстве внутренних дел было основано центральное управление для оккупированных территорий. Это центральное управление приводилось обвинением как доказательство того факта, что Фрик имел значительные административные полномочия и отсюда ответственность за оккупированные территории. Вы можете, что-то об этом сказать?

Ламмерс: Центральное управление имело в основном, две задачи. Одна заключалась в наборе гражданских служащих, другая в содействии при издании законов и указов на оккупированных территориях. Такое ведомство было необходимо, потому что оккупированные территории требовали кадры, и потому что рейхскомиссары на оккупированных территориях прямо находились под командованием фюрера. Письменные сообщения отчасти шли через меня. Если кадры следовало предоставить в рамках такой работы, тогда мне следовало этим

заниматься. Но у меня не было для этого инструмента. У меня был штаб из 12 старших чиновников, и я не имел организации в стране, у меня не было исполнительных сотрудников в этих странах. Таким образом, предоставили министра внутренних дел, поскольку он имел в своём распоряжении аппарат гражданской службы.

Панненбекер: Вы только, что сказали, что центральное управление оказывало некоторое содействие в издании указов на оккупированных территориях. Скажем было возможно, чтобы центральное управление издало указ для Норвегии?

Ламмерс: Для чего?

Панненбекер: Издать указ для какой-то оккупированной территории, например Норвегии.

Ламмерс: Нет, само по себе нет – по большей части после согласования с рейхскомиссаром.

Панненбекер: Было ли заведено, чтобы центральное управление, когда-нибудь издавало указ для отдельной оккупированной территории?

Ламмерс: По моим сведениям такое никогда не случалось. Я не знаю ни единого случая в котором центральное управление издавало указ.

Панненбекер: Цитировалось распоряжение рейхсминистра внутренних дел, которое разрешало вопрос гражданства также в связи с оккупированными территориями.

Ламмерс: Да, наверное, о немецком гражданстве.

Панненбекер: Да.

Ламмерс: Да, но это разумеется был внутренний немецкий вопрос.

Панненбекер: Центральное управление имело какое-либо право принимать инструкции как для германского уполномоченного на оккупированной территории, скажем рейхскомиссара Норвегии…

Ламмерс: Нет, оно вообще не имело такого права.

Панненбекер: Или же имело право принимать инструкции низшим ведомствам – германским ведомствам – или самим оккупированным территориям?

Ламмерс: Нет, оно не имело право принимать инструкции.

Панненбекер: Обвинение далее заявляет, что центральное управление также имело право давать указания на тех территориях для которых оно особо не предназначалось. Есть какие-то правовые нормы или практический пример в котором центральное управление вмешивалось в компетенцию на оккупированных территориях?

Ламмерс: Такой случай мне неизвестен.

Панненбекер: Правильно сказать, что начальники гражданской администрации на оккупированных территориях всегда непосредственно подчинялись Гитлеру как фюреру, независимо от того как они официально обозначались?

Ламмерс: На оккупированных территориях рейхскомиссары из так называемых начальников гражданских администраций подчинялись напрямую фюреру.

Панненбекер: Фрик как министр внутренних дел, имел власть отдавать приказы для оккупированных территорий постольку поскольку германская полиция действовала на оккупированных территориях?

Ламмерс: Нет, полицейские полномочия на оккупированных территориях возлагались исключительно на Гиммлера который должен был действовать по согласованию с рейхскомиссарами. Министр внутренних дел не имел никакого отношения к полиции на оккупированных территориях.

Панненбекер: Не следует ли заключить из этого, что этот вопрос входил в компетенцию рейхсминистра внутренних дел поскольку Гиммлер был подчинённым рейхсминистра внутренних дел?

Ламмерс: По большей части это были полномочия отдавать приказы для Германии, но не для оккупированных территорий и то в какой мере эта власть существовала для Германии тоже проблематично.

Панненбекер: Я позже подробнее перейду к этому. Вы можете сказать какие полномочия имел министр внутренних дел в сфере полиции в то время, когда полиция находилась в компетенции провинций Пруссии, и т.д., то есть с 1933 по 1936?

Ламмерс: Что же, его полномочия в любом случае были очень ограничены, но я не могу сказать вам о подробностях.

Панненбекер: Рейх имел право надзора?

Ламмерс: Да, старое право, как было раньше – имел только окончательный надзор.

Панненбекер: Конечно, вам известно, что позднее, в результате указа, Гиммлер был назначен рейхсфюрером СС и главой германской полиции в министерстве внутренних дел, не так ли? Вам известно кто создал такое обозначение «рейхсфюрер СС» и так далее?

Ламмерс: Да, я имел к этому кое-какое отношение в то время. Предложение о таком титуле первоначально виделось Гиммлеру. Я с самого начала возражал такому титулу по двум причинам. Два совершенно разных вопроса смешали в кучу: рейхсфюрер СС который является партийной структурой и полиция, которая государственное учреждение. С одной стороны был рейхсфюрер СС который имел звание рейхсляйтера партии, которое равно рейхсминистру, с другой стороны глава полиции, который имел позицию государственного секретаря министерства внутренних дел и который подчинялся министру внутренних дел. Но Гиммлер настаивал на таком обозначении и фюрер посчитал это правильным.

Мои возражения такому обозначения оказались правильными на практике, для министра внутренних дел право давать полиции указания стало проблематичным, так как рейхсфюрер Гиммлер, что касалось офицеров полиции, одновременно был фюрером СС, и мог отдавать им приказы в качестве рейхсфюрера СС, и министр внутренних дел не мог вмешиваться. Также практикой было то, что он обычно производил других полицейских чиновников в фюреров СС.

Поэтому никогда нельзя было знать в каком качестве действовало соответствующее лицо, действовал ли он как член СС или как сотрудник полиции. И вопрос полномочий в министерстве внутренних дел потому стал почти лишен смысла, потому что Гиммлер выбросил последние слова обозначения: «Глава германской полиции в рейхсминистерстве внутренних дел» и полностью отделил себя от министерства внутренних дел, что касалось кабинетов в здании и процедурного порядка, и больше не считал себя подчинённым.

Когда министр Фрик через меня направил жалобу на это, которую я должен был вручить фюреру, фюрер сказал мне: «Скажите господину Фрику, что он не должен слишком сильно ограничивать Гиммлера как главу германской полиции, с ним полиция в хороших руках. Он должен дать ему как можно больше свободы!»

Таким образом, во всех практических смыслах, при том, что и не специальным указом, полномочия министра внутренних дел отдавать приказы были резко ограничены, если даже не прекратились.

Панненбекер: Вы только, что сказали о том, что Гиммлер сам по себе, произвольно осуществлял юрисдикцию над полицейскими организациями не затрудняя себя тем, чего хотел Фрик. Но затем был ещё один командный канал для полиции, приказы отдавал сам Гитлер. Он отдавал их Фрику как компетентному министру или отдавал их Гиммлеру?

Ламмерс: Обычно фюрер давал эти указания Гиммлеру. Если он вручал мне инструкции которые касались вопросов полиции, тогда я в целом передавал их министру внутренних дел, или по крайней мере информировал его о них.

Панненбекер: Вам, что-нибудь известно о том включались ли концентрационные лагеря в бюджет Рейха или они находились в бюджете СС?

Ламмерс: Насколько мне известно, но я не могу сказать точно – фонды для концентрационных лагерей не отражались в бюджете Рейха. Скорее было так: рейхсминистр финансов ежегодно выплачивал единую сумму партии через казначея Рейха, который должен был распределять её по различным партийным организациям. Рейхсфюрер СС получал общую сумму от СС которые наверное финансировали этот вопрос. Я также не могу вспомнить, чтобы когда-либо видел какую то часть в бюджете Рейха в которой упоминались концентрационные лагеря.

Панненбекер: Вам, что-нибудь известно о том факте, что Гиммлер возражал праву министра внутренних дел вмешиваться в его сферу, приводя своей причиной тот факт, для чего предоставлялись фонды для концентрационных лагерей?

Ламмерс: Нет, я ничего об этом не знаю.

Панненбекер: У меня есть некоторые вопросы относящиеся к другой области. Вам, что-нибудь известно о попытках Гитлера безболезненно убивать неизлечимо больных людей?

Ламмерс: Да, эта мысль впервые пришла Гитлеру осенью 1939. По этому поводу

государственный секретарь в министерстве внутренних дел, доктор Конти[59] получил приказ изучить этот вопрос. Ему сказали обсудить правовой аспект вопроса со мной. Я выступал против осуществления какой-то такой программы. Но поскольку фюрер настаивал на этом, я предложил, чтобы этому вопросу предоставили все правовые гарантии и ввели как закон. Я также имел соответствующий проект закона в разработке, соответственно государственного секретаря Конти освободили от этой задачи, и в 1940 её передали рейхсляйтеру Боулеру[60]. Рейхсляйтер Боулер докладывал фюреру, но я не присутствовал. Затем он пришёл на встречу со мной. Я показал ему свой проект закона и высказал возражения вопросу, и он снова ушёл. Затем я представил проект закона фюреру, он его не одобрил, но и совсем не отказался. Однако, позднее, игнорируя меня, он предоставил рейхсляйтеру Боулеру и медицинскому сотруднику, профессору, доктору Брандту[61], приданному ему, общие полномочия по убийству неизлечимо безумных людей. Я не имел никакого отношения к разработке этих общих полномочий. Что касается меня, вопрос был урегулирован, так как фюрер не хотел меня и дал работу другим.

Панненбекер: Вы только, что сказали о том, что фюрер поручил задачу государственному секретарю доктору Конти в министерстве внутренних дел. Этот приказ от Гитлера передали Конти через Фрика?

Ламмерс: Я не знаю. Государственного секретаря Конти вызвал по телефону адъютант фюрера или рейхсляйтер Борман и проходило ли это через Фрика или нет, я не знаю.

Панненбекер: Вам, что-нибудь известно о том участвовал ли лично Фрик в этих мерах в той или иной форме?

Ламмерс: Об этом мне ничего неизвестно.

Панненбекер: Тогда у меня есть последняя группа вопросов, относящаяся к Протекторату Богемии и Моравии. Когда, в августе 1943 Фрик был назначен протектором Богемии и Моравии формальные полномочия рейхспротектора оставались прежними?

Ламмерс: Нет. Эти полномочия умышленно изменили и таким образом, что рейхспротектор с тех пор стал более-менее декоративной фигурой. Политическое руководство Протекторатом следовало передать государственному министру

59 Леонардо Конти (1900 — 1945) — партийный и государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь министерства внутренних дел Рейха по здравоохранению, рейхсгесундхайтсфюрер, начальник Главного управления здравоохранения НСДАП, руководитель Национал-социалистического союза врачей, обергруппенфюрер СС. Покончил жизнь самоубийством.

60 Филипп Боулер (1899 — 1945). Партийный деятель НСДАП, начальник канцелярии руководителя партии (17 ноября 1934 года — 23 апреля 1945 года), рейхсляйтер (2 июня 1933 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года). Покончил жизнь самоубийством.

61 Карл Брандт (1904 — 1948) — рейхскомиссар здравоохранения, личный врач Гитлера, военный преступник. По образованию врач-хирург, профессор. Член НСДАП. Ответственный за проведение программы по умерщвлению людей, в ходе которой уничтожались инвалиды, душевнобольные и люди с ограниченными возможностями. Группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС (20 апреля 1944 года), генерал медицинской службы (1 марта 1943 года). Казнён по приговору американского военного трибунала

Франку[62]. Рейхспротектор был просто германским представителем в Протекторате с очень небольшой властью. Он взаимодействовал при формирования правительства в Протекторате. Кроме того, у него имелось ограниченное, довольно небольшое право выдвигать гражданских служащих, которое в основном применялось к среднему и низшему звену гражданских служащих, и затем он имел право давать помилование. И в целом государственный министр Богемии и Моравии Франк был обязан информировать рейхспротектора. В основном такими были права рейхспротектора. Кроме этого желание Гитлера заключалось в том, чтобы рейхспротектор не проводил много времени в Протекторате. Фактически я должен был передавать ему такую информацию несколько раз.

Панненбекер: Вы сказали о том, что рейхспротектор Богемии и Моравии во время Фрика был главой германской администрации. Государственный министр Франк подчинялся Фрику?

Ламмерс: Да, он был подчинённым, но отношение было скорее таким как у главы государства с главой правительства, государственный министр Франк имел политический контроль.

Панненбекер: Но неправильно сказать о том, что министр Франк прямо подчинялся фюреру?

Ламмерс: Мне не кажется, что ситуация такой была. Я не помню указ. Он не подчинялся непосредственно ему – я не могу точно сказать. В любом случае фюрер принимал только Франка, а не рейхспротектора для политических дискуссий.

Панненбекер: У меня с собой нет указа. Я выясню это позже.

Вам, что-нибудь известно о том факте, что Фрик прямо требовал разделения полномочий и что такое разделение полномочий не произошло до тех пор, пока он не сказал, что не может взять на себя внешнюю ответственность за то, что не входило в его внутреннюю ответственность?

Ламмерс: Я уже говорил о том факте, что министр Фрик отказывался принять этот пост, и затем, когда появился указ, в котором излагались права рейхспротектора – указ который не был опубликован – доктор Фрик совершенно верно имел сомнения, думая: «Что касается внешнего мира, у меня должна быть ответственность о которой вообще не известно». Таким образом, мы опубликовали уведомление в прессе. В нём говорилось о том, что новый рейхспротектор имел бы только такие права, как я здесь перечислил, такие как выдвижение гражданских служащих, право помилования и право взаимодействовать при формировании Протектората. Таким образом, внешнему миру говорилось о том, что Фрик больше не имел полной ответственности которую имели предудыщие рейхспротекторы.

Панненбекер: Вам, что-нибудь известно о том факте, что причиной этого разделения ответственности в Протекторате было то, что Гитлер не думал о том, что

62 Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнён по приговору чехословацкого суда.

Фрик будет достаточно твёрдым, чтобы руководить там делами?

Ламмерс: Да, очевидно это было причиной.

Панненбекер: В таком случае у меня больше нет вопросов.

Заутер: В качестве дополнения к заявлениям уже сделанным свидетелем, у меня есть ещё несколько вопросов.

Доктор Ламмерс, подсудимый Функ начиная с 1933 был начальником прессы правительства Рейха. Вам это известно?

Ламмерс: Да.

Заутер: Лично вы тогда уже находились в должности, не так ли?

Ламмерс: Да.

Заутер: Подсудимый Функ в качестве начальника прессы правительства Рейха осуществлял какое-нибудь влияние на решения принимаемые рейхскабинетом или по содержанию законопроектов рейхскабинета?

Ламмерс: На этот вопрос следует ответить отрицательно. По большей части, он мог иметь влияние с журналистской точки зрения, то есть, привлекательным заголовком закона, или некого рода популярной формулировкой или чем-то подобным. Но он не голосовал по содержанию законов. На посту начальника прессы, он сначала был министериальдиректором, а затем государственным секретарем, ему нечего было сказать о содержании.

Заутер: Тогда почему он, как начальник прессы правительства Рейха приглашался на все заседания рейхскабинета в то время?

Ламмерс: Что же, для того, чтобы сообщать прессе потом.

Заутер: То есть, только для информирования прессы о дискуссиях и решениях рейхскабинета? И он вообще не имел влияния на решения или законопроекты?

Ламмерс: Да, правильно.

Заутер: Но не имея никакого влияния на решения или полномочия предлагать законы.

Ламмерс: Да, правильно.

Заутер: В качестве начальника прессы правительства Рейха, подсудимый Функ, как вам известно, регулярно докладывал по вопросам прессы рейхсканцлеру Гитлеру. Вам известно, когда эти регулярные доклады начальника прессы правительства Рейха Гитлеру прекратились?

Ламмерс: Как самое позднее они прекратились год спустя. Это были совместные совещания. Функ и я, в начале имели почти три-четыре встречи в неделю с фюрером, и это длилось до лета 1933. В течение зимы встречи становились реже, затем стали более частыми, и полностью прекратились в 1934 после смерти фон Гинденбурга.

Заутер: Кто проводил пресс-доклады Гитлеру после этого?

Ламмерс: Начальник прессы доктор Дитрих[63].

63 Отто Дитрих (1897 — 1952), партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер (2 июня

Заутер: Исключая доктора Функа?
Ламмерс: Да.
Заутер: Доктор Ламмерс, подсудимый Функ позже стал президентом Рейхсбанка. Вам, что-нибудь известно о том кто решал о выдаче кредитов, или предоставлял их Рейху от Рейхсбанка?
Ламмерс: Это было решением фюрера. Практика заключалась в том, что министр финансов представлял заявку на кредит. Это делалось с копией. Одно письмо с соответствующим приказом направлялось рейхсминистру финансов, а второе письмо с таким приказом направляли президенту Рейхсбанка.
Заутер: Доктор Ламмерс, эти технические детали нас на самом деле не интересуют. Нас интересует только вот, что: доктор Функ как президент Рейхсбанка имел какое-нибудь влияние на вопрос того в какой мере Германский Рейх мог просить кредита у Рейхсбанка? Нас интересует только это.
Ламмерс: Я могу ответить на это, только приводя детали. Все, что я получал было этими двумя документами от министра финансов. Это полностью был вопрос их подписания. Фюрер подписывал их за одну секунду и отправлял обратно. Я никогда не имел приказа вести переговоры с господином Функом или с господином Шахтом или с министром финансов. Это был просто вопрос подписи, ничего больше.
Заутер: Значит согласно вашим сведениям эти указания поступали от Гитлера, а не от президента Рейхсбанка?
Ламмерс: Инструкции подписывал фюрер.
Заутер: Доктор Ламмерс вы уже однажды упоминали так называемый комитет трёх или коллегию трёх человек, которая сформировалась в последние годы. Относительно этого комитета трёх обвинение также утверждает, что Функ также являлся членом этого комитета, и что этот комитет представлял, так сказать, высший суд, что касалось законодательства правительства Рейха во время войны.
Ламмерс: Вообще нельзя так сказать. Я уже сказал, что эти три человека, каждый действовал самостоятельно, имел право издавать указы с согласия двух других, и что это были незначительные и немногие указы.
Заутер: Вы имеете в виду указы малого значения, указы для его ведомства.
Ламмерс: Да.
Заутер: Кроме того, доктор Ламмерс, подсудимый Геринг заявил во время своего допроса о том, что полномочия доктора Функа как уполномоченного по экономике – я думаю в 1938 – передали по большей части делегату четырёхлетнего плана, в общем, существуя только на бумаге. Мне бы хотелось знать были ли эти полномочия уполномоченного по экономике переданы делегату четырёхлетнего

1933 года — 8 мая 1945 года), пресс-секретарь НСДАП (1 августа 1931 года — 31 марта 1945 года), руководитель прессы НСДАП (с 28 февраля 1934 года), пресс-секретарь правительства Рейха (26 ноября 1937 года — 31 марта 1945 года), государственный секретарь рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, президент палаты печати Рейха (апрель 1938 года — 31 марта 1945), обергруппенфюрер СС (20 апреля 1941 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

плана, другими словами Герингу, формально и фактически.
Ламмерс: Это основывалось на указе фюрера и специальном приказе отданном фюрером.
Заутер: Когда это приблизительно было?
Ламмерс: Четырёхлетний план создали в 1936, и его продлили в 1940 ещё на четыре года. Эти специальные полномочия, которые позже господин Функ сдал четырёхлетнему плану основывались на соглашении между рейхсмаршалом Герингом и министром Функом, соглашении, которое, насколько мне известно, имело одобрение фюрера.
Заутер: Доктор Ламмерс вы уже рассказывали трибуналу о том, что с 1938, как я думаю, больше не было заседаний кабинета и что в конце Гитлер даже запретил неформальные дискуссии среди министров. Вы можете нам, что-нибудь рассказать о том так ли это, и если так, как часто подсудимый, доктор Функ имел возможность, в течение 7 лет, что был министром, беседовать с Гитлером, докладывать ему, и так далее?
Ламмерс: Что же, в течение первых лет, как я говорил, он часто докладывал как начальник прессы.
Заутер: А позже как министр экономики?
Ламмерс: Позже, как министр экономики он очень редко приходил к фюреру. На многих совещаниях с ним не консультировались, даже на совещаниях на которых с ним должны были консультироваться. Довольно часто он жаловался мне на это. Я всячески пытался делать всё возможное, чтобы включать его в такие совещания, но мне это не всегда удавалось.
Заутер: Доктор Ламмерс, я заметил, что здесь зачитывали стенограммы в которых чётко сказано, и я думаю вами, что подсудимый Функ как министр экономики просил вас о том, чтобы ему позволяли участвовать в том или ином совещании, и в этом протоколе вы прямо заявляли о том, что фюрер отказывал в этом, или о том, что фюрер запрещал это. Могу я показать вам пример? Я помню заседание от 4 января 1944, документ PS-1292, по поводу вопросов использования рабочей силы. В этой стенограмме сказано – снова сказано вами, что в просьбе Функа принять участие отказано. Вы можете вспомнить такие случаи и можете привести нам причины?
Ламмерс: Да, я могу вспомнить такие случаи, но я не знаю, упоминались ли они в стенограмме. Наверное, я информировал господина Функа о том, что я прилагал огромные усилия для его участия в этих совещаниях, однако, фюрер отказывал.
Заутер: Причина?
Ламмерс: Фюрер часто высказывал возражения, они были разными в случае Функа. Он скептически к нему относился и не хотел его там.
Заутер: Свидетель, в апреле 1941 вы предположительно должны были проинформировать подсудимого, доктора Функа о получении приказа Гитлера о

единообразном обращении с проблемами восточных территорий. Кроме вручения этого сообщения Функу вы предположительно передали его Герингу и Кейтелю. Из данного факта обвинение сделало вывод о том, что Функ был одним из влиятельных людей связанных с подготовкой агрессивной войны против России.

Вы можете рассказать нам, так ли это, и если так почему в то время, вы также передали это сообщение подсудимому Функу?

Ламмерс: Либо фюрер сказал мне так сделать – я не думаю, что так было – или мне казалось, что с экономической точки зрения Функ был бы заинтересован в этой информации. Я передал это ему как особый личный жест, я сейчас не помню какой-то конкретной причины. Конечно же я должен был передать это же самое сообщение остальным, но не в письменном виде, другие наверное получили его устно.

Когда Гитлер поручил задачу Розенбергу, вообще не стояло вопроса агрессивной войны. Он предполагался быть просто некого рода политическим коммисаром для восточных территорий. Он должен был изучать условия о народах там.

Заутер: Доктор Ламмерс, приблизительно в это же время, то есть, весной 1941, незадолго до начала русской кампании, вы предположительно имели некие дальнейшие дискуссии с подсудимым Функом на предмет изменения внешнеполитической ситуации в отношении России возможного в ближайшем будущем. По этому поводу вы предположительно сказали подсудимому Функу нечто о причинах почему Гитлер верил в возможность войны против России. Что вы говорили подсудимому Функу относительно этих приготовлений к войне в то или иное время?

Ламмерс: Должно быть, это было то, что я знал в то время, а именно информацию которую предоставил мне фюрер, о том, что наблюдались концентрации войск в России, что позволяло сделать вывод о том, что вооружённый конфликт с Россией может случиться. Такие слова использовал фюрер. Он верил в то, что дело идет к столкновению с Россией и поэтому хотел, чтобы один человек, и это был Розенберг занялся восточными вопросами, поскольку возможность вооружённого конфликта с Россией существовала. Вот, что я наверное сказал Функу. Я не могу представить, что ещё я ему сказал.

Заутер: Доктор Ламмерс, тогда вы предположительно упоминали не только концентрации войск на русской стороне вдоль восточной границы Германии, но также и русский поход в Бессарабию.

Ламмерс: Да, возможно, что так и было. Во всяком случае юго-восток, и, наверное, я говорил о том, что дискуссии, которые вели с Россией, с Молотовым[64], были

64 Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

неудовлетворительными.

Заутер: В связи с этим, поскольку вы сейчас сослались на дискуссию с Молотовым, вы предположительно, сказали подсудимому Функу в частности о том, что Россия заявила значительные требования по Балканам и в отношении Балтики, и что из-за этих требований Гитлер рассматривал возможность войны. Могло это быть правильным?

Ламмерс: Возможно, что мы говорили об этом, но я точно не помню.

Заутер: Доктор Ламмерс, и вам известно, что в связи с этим была создана организация под названием «центральное планирование»? Вам это известно?

Ламмерс: Да.

Заутер: Подсудимый Функ также стал членов центрального планирования и я думаю, это был конец 1943. Правильно, что Функ, когда он присоединился к центральному планированию, уже вообще был незаинтерсован в использовании рабочих для немецкого производства и почему так было?

Ламмерс: Мне кажется, что единственным интересом Функа в центральном планировании должно было быть получение сырья для гражданского производства.

Заутер: Для гражданского производства внутри страны?

Ламмерс: Да, внутри страны. В этом заключался его интерес в центральном планировании, поскольку он был ответственным за распределение этих экономических товаров, и гражданское производство передали министру Шпееру.

Заутер: Когда?

Ламмерс: Я думаю, это был именно тот момент, когда министр вооружения и боеприпасов преобразовался в министра вооружения и военной промышленности. Думаю, это было в 1942. Таким образом, Функ, конечно же, очень интересовался сырьем, но использование рабочей силы, по моему мнению, его мало интересовало, поскольку он вообще не имел достаточно сырья, чтобы позволить работать гражданскому производству.

Заутер: Тогда, доктор Ламмерс, у меня последний вопрос: вы можете вспомнить, что подсудимый Функ в 1944 году – предположительно в феврале и также несколько раз в течение следующих месяцев – посещал вас и говорил вам о своих затруднениях, ввиду неудовлетворительного положения, которое он занимал как министр экономики и уполномоченный по экономике и что, в связи с этим он говорил с вами по вопросу о том, позволит ли его совесть оставаться в должности президента Рейхсбанка и рейхсминистра экономики, и если так, почему он так сделал и почему он не передал кому-нибудь эту должность? Наверное, вы, что-то можете об этом сказать?

Ламмерс: Я часто обсуждал с Функом эти вопросы.

Заутер: Когда?

Ламмерс: В 1943, но в особенности потом, в 1944. Я знаю о том, что он серьёзно беспокоился об этом и, что он сильно хотел иметь возможность лично донести своё

беспокойство фюреру. Если он тогда остался на посту, то лишь потому, что он сознавал, что во время войны он не могу уйти в отставку со своего поста, это было бы неправильно для хорошего немца, уйти во время войны. Но у него было самое пламенное желание иметь возможность сообщить фюреру об экономической ситуации и в основном о конкретных впечатлениях, которые имели гауляйтеры отдельных округов. У него было самое пламенное желание, раз и навсегда, сообщить фюреру и узнать, что-нибудь о военной обстановке и побеседовать по вопросу окончания войны. Это было с начала сентября. Я предпринял несколько попыток донести вопрос до фюрера, и почти смог, замаскировав подлинную причину и представив дело так, что есть другая важная причина, какой-то финансовый вопрос.

Я донес вопрос до фюрера, но фюрер оценил обстановку, и хотя господин Функ ожидал в моём кабинете днями для доклада, он отказал в просьбе, наверное из-за усилий Бормана. При всё желании Функ не смог увидеть фюрера, и я не смог привести его к фюреру.

Заутер: Господин председатель, в таком случае у меня больше нет вопросов.

Дикс: Господин председатель, если вы желаете завершить заседание в 5 часов, я должен сказать, что я не закончу до 5 часов, я не хочу прерывать свой допрос. Я оставляю на трибунал то, следует ли нам продлить заседание или прерваться.

Председатель: Доктор Дикс, думаю нам лучше продолжить, у нас почти десять минут.

Дикс: Свидетель, другие свидетели, и вы тоже – вы в силу своего обширного опыта и своего положения как начальника рейхсканцелярии с захвата власти до краха – заявляли о том, что прошения об отставке запрещались Гитлером. Поэтому я не хочу задавать какие-либо другие вопросы по теме, я просто хочу обсудить попытки Шахта действительно подать в отставку. Прежде всего я прошу отвечать на общие вопросы «да» или «нет».

Шахт направлял прошения об отставке или нет?

Ламмерс: Да.

Дикс: Я хочу обсудить с вами отдельные прошения об отставке. Я не могу ожидать от вас, без какой-либо помощи, вспоминать отдельные поводы. Поэтому я позволю немного помочь вашей памяти в связи с первым вопросом.

Пожалуйста, вспомните март 1937, когда Шахт остановил кредитование Рейхсбанком, то есть, уведомил об этом, и вы посетили его в связи с этим. Это было первое прошение об отставке?

Ламмерс: Я очень точно это помню, так как прошение господина Шахта об отставке было очень неприятным для Гитлера, и он дал мне задачу урегулировать вопрос с Шахтом. Таким образом я нанёс несколько личных визитов к Шахту, но он отказался отозвать своё прошение об отставке и привел в качестве своей причины, тот факт, что он больше не мог одобрять кредитную политику фюрера и, что он

опасался инфляции и хотел бы защищить от этого немецкую нацию. Что касается свободы акции, он должен был…

Председатель: Доктор Дикс, нужно вдаваться в такие детали? Мы поняли, что было несколько прошений об отставке. Нужно вдаваться в детали по каждому?

Дикс: В таком случае мы оставим это. Доктор Ламмерс, для меня достаточно, если бы подтвердили, что в марте 1937 Шахт подал своё первое прошение об отставке.

Ламмерс: И затем был компромисс и господин Шахт, прежде всего должен был остаться в должности ещё на 1 год, хотя закон указывал срок на 4 года.

Дикс: Пожалуйста, попытайтесь вспомнить, что случилось дальше в августе 1937? Геринг издал указ о шахтах. Взгляд Шахта заключался в том, что это было неправомерное вмешательство в его компетенцию. Последовало второе прошение об отставке?

Ламмерс: Да.

Дикс: И разве Шахт, 5 августа не написал в связи с этим письмо адресованное Герингу, копию которого он направил Гитлеру? Вы можете это вспомнить?

Ламмерс: Да. Из-за этого письма Гитлер впоследствии уволил Шахта.

Дикс: Теперь мы переходим к войне. Шахт также повторял свои прошения об отставке во время войны? Пожалуйста, вспомните, лето 1941 и меморандум который Шахт направил Гитлеру о необходимости заключения мира?

Ламмерс: Первое прошение об отставке вручили из-за того, что было запрещено слушать зарубежные радиостанции. Шахту соответственно запретили слушать многие зарубежные станции, он пожаловался на это и вручил прошение об отставке, либо устно либо письменно, я не знаю. В прошении было отказано, и позднее он представил меморандум в котором он обсуждал конец войны и политическую и экономическую обстановку. Я должен был сказать Шахту, в ответ на его меморандум, что фюрер прочёл его и ничего не сказал в ответ. Соответственно, в 1942, Шахт снова попросил меня попросить фюрера расположен ли он принять ещё один меморандум. При этом фюрер вручил мне приказ написать Шахту и сказать ему о том, чтобы он воздержался от представления дальнейших меморандумов.

Дикс: Господин председатель, я могу напомнить свидетелю важные пункты меморандума лета 1941. Если трибунал знаком с деталями меморандума, которого у нас нет и которые мы можем установить только на основе памяти свидетеля, задав ему вопросы, тогда я хочу представить ему точное содержание этого меморандума. Если с другой стороны трибунал считает…

Председатель: У вас есть меморандум?

Дикс: Нет, у нас нет меморандума – только в памяти – то есть, Шахт его помнит.

Председатель: Если меморандум утрачен и вы можете подтвердить утрату, вы можете предъявить содержание свидетелю. Если содержание не относится к делу это неправильно даже для свидетеля. Содержание документа относится к делу?

Дикс: Те пункты, которые я хочу предъявить, я считаю относящимися к делу. Это

не очень долго. Недолго.

Председатель: Что касается вопроса доказательств, правило, как я думаю такое, если документ утрачен, вы можете подтвердить его содержание и можете предъявить его свидетелю. Да, вы можете предъявить ему основные пункты, доктор Дикс.

Дикс: Вопрос который вы мне задали включает значительную ответственность. Сейчас я просто могу заверить вас в том, что я убеждён в том, что меморандум утрачен, но то могу ли я подтвердить это, негативный факт, что он утрачен, это нечто, что я не могу сейчас сказать. Я убеждён в том, что он утрачен.

Председатель: Господин Шахт предположительно собирается сказать о том, что он утрачен. Вы, конечно же не можете подтвердить это сами, но я имею в виду, что вы можете подтвердить это Шахтом.

Дикс: Да, Шахт подтвердит это, когда будет давать показания.

[*Обращаясь к свидетелю*] Это был сентябрь 1941, то есть, после большого успеха германской армии в России. Тогда Шахт написал в этом меморандуме Гитлеру о том, что Гитлер достиг пика успеха и, что это наиболее благоприятный момент в направлении мира. В случае дальнейшего ведения войны…

Додд: Я предлагаю, не будет ли правильнее для защитника спросить свидетеля, прежде всего, о том не помнит ли он о содержании меморандума до оглашения того, что предполагается как содержимое?

Председатель: Думая, да, должен.

Дикс: Я не напоминал ему содержание, я лишь хотел напомнить ему отдельные пункты. Доктор Ламмерс уже сказал это.

Председатель: Думаю, лучше, чтобы представить ему это фразу за фразой, а не целиком.

Дикс: Но, я не предлагаю читать это, уважаемый суд, я просто пытался повторить содержание как его запомнил Шахт. Я, конечно не могу его прочесть, так как не знаком с ним.

Председатель: Не спросите ли вы свидетеля о том помнит ли он о том, что это за содержание, не предъявляя это в наводящей форме.

Дикс: Да, разумеется я спрошу его. Но, я думаю, он уже ответил, о том, что больше не помнит все детали, поэтому я хотел помочь его памяти напомнив основные пункты.

Председатель: Спросите его о том, что он помнит.

Дикс: Что же, доктор Ламмерс, не предъявляя вам основные пункты, что вы помните?

Ламмерс: Думаю, что в этом меморандуме господин Шахт изложил экономические характеристики Германии и зарубежных стран, что он отмечал, что этот период в 1941 – мне кажется это была осень – был наиболее благоприятным моментом для мирных переговоров, для того, чтобы положить конец войне. Он также объяснял

мировую обстановку, но я не помню как. Он обрисовал политическую обстановку в других странах. Он говорил об Америке, Италии, Японии и он сравнивал факторы. После того как фюрер просмотрел меморандум, он отложил его в сторону и сказал: «Я уже не одобрил это, я этого не хочу».

Дальнейшие детали, я не помню.

Дикс: Когда вы упоминаете «другие страны», вы помните, что он заявил о том, что выход Италии был просто вопросом времени, так как оппозиционная группа вокруг короля не успокоилась бы пока не избавилась от Муссолини[65]?

Ламмерс: Да, возможно, что так было сказано, но я не помню точно.

Председатель: Минуточку. Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 9 апреля 1946*]

День сто третий

Вторник, 9 апреля 1946

65 Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

Утреннее заседание

[*Свидетель Ламмерс вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Да, доктор Дикс.
Дикс: Свидетель, заметили, что я задаю свой вопрос слишком скоро после ваших ответов, и что вы отвечаете на мои вопросы слишком быстро.
Джексон: Я хочу, попросив извинения у трибунала, поднять вопрос до допроса свидетелей.

С сожалением скажу, что вопрос печати документов дошёл до таких злоупотреблений, что я вынужден закрыть документальную комнату для печати документов немецкой защиты. Итак, это резкий шаг, но я не знаю, что ещё могу сделать и довожу ситуацию до трибунала.

Мы получили из офиса генерального секретаря заказ на печать и напечатали документальную книгу I для Розенберга. Эта документальная книга не содержит ни одного пункта на своих 107 страницах, которой бы при всём воображении мог относится к данному процессу. Это жестокий антисемитизм и Соединнённые Штаты просто не в состоянии, даже по заказу – который я не сомневаюсь был злонамеренным – секретаря трибунала, печатать и распространять в прессе прямой антисемитизм, и вот о чём этот документ. Итак, я прошу вас учитывать, что это такое.

Должен сказать, что она состоит из двух видов вещей: антисемитизм и то, что я бы назвал, с величайшим уважением к тем кто думает по другому, чушью. И такую чушь нас просят напечатать за счёт Соединённых Штатов, и я просто не могу молчать об этом:

> «Философский метод подходящий буржуазному обществу подвержен критики. Это является правдой также и в отрицательном смысле. Преобладание чисто рациональной формы, подчинение природы, освобождение самостоятельной личности, все это содержится в мыслительном методе классически сформулированном Кантом[66], также изоляция индивидуума, глубокое исчерпание природы и общественной жизни, связь с миром формы которая содержится в себе и которой касается всякое критическое мышление».

Итак, во имя чего же нас просят это печатать?

Посмотрим на что-то про антисемитизм. Итак, взглянем на то, что нас просят распространять, страница 47 этой документальной книги:

> «На самом деле, евреи, как и хаананиты в целом, подобно финикийцам и карфагенянам, представляют помесь населения…».

---

66 Иммануил Кант (1724 — 1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, человек, оказавший широчайшее влияние на историю современной западной философии.

И тему развивают сильнее. Затем продолжается:

«Евреи высокомерны в успехе, угодливы в неудаче, злобные и бесчестные везде где можно, жадные, заметно умные, но при этом не созидательные».

Я не хочу занимать этим время трибунала, но прошлой ночью мы получили ещё один заказ на печать ещё 260 копий такого же рода, и я вынужден был остановить прессы, и мы не можем принять обязанность печатать такие вещи пока это не рассмотрел трибунал.

Большая часть этой книги, насколько мы смогли проверить, уже отклонена трибуналом, и никто не уделил ни малейшего внимания отказу трибунала, и нам заказали печать. Итак, с величайшим почтением, я хочу сказать, что Соединённые Штаты напечатают любой документ который удостоверит член или запасной член трибунала, но мы не можем печатать такие вещи по запросу немецкой защиты ни по неправильным указаниям которые мы получили.

Тома: Сейчас я просто хочу объяснить, что 8 марта 1946 трибунал дал мне прямое разрешение цитировать фрагменты из философских книг в своей документальной книге. Соответственно, я исходил в своей работе из предположения о том, что идеология Розенберга это потомок так называемой неоромантической философии и процитировал философские фрагменты из серьезных неоромантических работ, работ которые признаны наукой.

Во-вторых, уважаемый суд, я честно стремился не предъявлять антисемитские книги. То, что прочли должно быть просто ошибки перевода.

Я процитировал работу знаменитого евангелического теолога, Гоман-Гарлинга[67], и во-вторых, я цитировал работу признанного еврейского учёного, Исмы Эльбогена[68], и в-третьих, я цитировал фрагмент из журнала «Kunstschatz[69]» написанный еврейским университетским профессором, Морицем Гольдштейном[70]. Я умышленно воздержался от предъявления в этом зале суда антисемитской пропаганды. Поэтому, я прошу, чтобы документы цитированные мною были исследованы на предмет того являются ли они на самом деле мусором и литературными отбросами. Я также утверждаю, что работы которые я процитировал написаны американскими, английскими и французскими учёными – признанными учёными – и, что цитаты которые прочёл господин судья Джексон о помесной нации, и т.д., исходят, насколько мне известно, от не немецких учёных. Но я хочу снова взглянуть. Во всяком случае, могу я просить трибунал о том, чтобы мою компиляцию фрагментов исследовали на предмет того является ли она не научной или не имеющий значения.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал считает, что должно быть была

67 Отто фон Гарлинг (1866 – 1953) – немецкий ученый. В 1903-1935 директор Института еврейства в Мюнстере.
68 Исмар Эльбоген (1874 – 1943) – немецкий учёный и раввин.
69 «Сокровища искусств» (нем.)
70 Мориц Гольдштейн (1880 – 1977) – немецко-американский писатель и журналист.

ошибка при направлении в отдел переводов книги документов без их предварительного представления представителю обвинения. Трибунал недавно распорядился о том, что представители обвинения должны иметь право возражать любому документу перед тем как его направили в отдел переводов.

Возникла некоторая трудность, потому что документы в основном на немецком языке. Была сложность для представителей обвинения обдумать свои возражения до того как их перевели. Об этой трудности нам сообщили несколько дней тому назад, думаю вас не было тогда в суде, но несомненно были другие представители Соединённых Штатов. Мы полностью обсудили предмет, и было согласовано, что представитель обвинения встречается с представителем защиты и насколько возможно, обсуждает с ним и отмечает ему документы которые по мнению представителя обвинения не следует переводить, и в случае разногласия, было приказано, чтобы вопрос ставили перед трибуналом. Таким образом, что касается трибунала, он делает всё, что можно для того, чтобы облегчить работу отдела переводов. Конечно, постольку поскольку в отдел переводов представляют документы в которых трибунал уже отказал, должно быть это происходит по ошибке, потому что офис генерального секретаря, без сомнения, должен отказывать в передаче в отдел переводов любого документа в котором трибунал уже отказал. Но общие принципы которые я пытался объяснить кажутся трибуналу единственными принципами, с которыми мы можем продолжать, для того, чтобы облегчить работу отдела переводов. То есть, чтобы представитель обвинения и представитель защиты встречались и отмечали им какие документы, настолько очевидно не относятся к делу, чтобы их не следует переводить.

Джексон: Что же, с позволения уважаемого суда, я не думаю, что это ошибка. Это вытекает из фундаментальной разницы которую, как я думаю, этот трибунал не уяснил.

В чём здесь заключается вопрос – представитель говорит о том, что считает, что он должен рассмотреть неоромантизм Розенберга. Мы обвиняем его в убийстве 4 или 5 миллионов человек. Единственный вопрос здесь идеология. Единственная цель где-то ссылаться на антисемитские сантименты это мотив. Здесь нет цели рассматривать вопрос антисемитизма или превосходства рас, фундаментальная разница это точка зрения. Им кажется – и, конечно, если они могут рассматривать этот вопрос используя трибунал как громкоговоритель, это согласуется с их целью – им кажется, что они исследуют вопрос.

Первое, это то, что мы получили эту книгу с заказом на печать. Мы не можем сказать, когда они собираются представить, что-то в документальную комнату. Я не собираюсь становиться участником этого шабаша антисемитизма. Соединенные Штаты не могут допусить этого. И распоряжения трибунала просто игнорируют, в этом сложность.

Председатель: Я не знаю, имеете ли вы в виду приказ который мы приняли 8 марта

1946 в таких терминах:

> «Для того, чтобы избежать излишнего перевода, защита покажет обвинению конкретные фрагменты во всех документах которые она предлагает использовать, для того, чтобы обвинение могло иметь возможность возражать не относящимся к делу фрагментам. В случае разногласий между обвинением и защитой по вопросу относимости любого конкретного фрагмента, трибунал будет решать о том какие фрагменты достаточно относятся к делу, чтобы их переводили. Необходимо переводить только цитируемые фрагменты, если обвинение не запросит перевод документа целиком».

Итак, конечно же, если вы в принципе возражаете такому распоряжению, пусть так, но распоряжение казалось трибуналу, во всяком случае до настоящего времени, лучшим распоряжением которое можно установить и мы подтвердили его после большой дискуссии несколько дней назад.

Джексон: Я обращаю внимание уважаемого суда на тот факт, что приказ уважаемого суда не соблюдают, и что нам вручают эти документы для печати без предварительного уведомления. Парни в пресс-комнате не адвокаты, они не в состоянии пропускать эти вещи. У меня нет сотрудников, моих сотрудников, как хорошо известно трибуналу, очень серьезно сократили. Я не могу предпринимать это в пресс-комнате после того как поступают заказы из офиса генерального секретаря – делать обзор того, что нужно.

Председатель: Что же, но вы…

Джексон: Приказ не выполняют, в этом сложность.

Председатель: Вы имеете в виду, что ни один из этих документов не вручили представителю обвинения.

Джексон: Документы не вручили представителю обвинения. Они пришли в пресс-комнату с заказом на печать из офиса генерального секретаря. Вот на, что я жалуюсь, и мне требуется средство защиты моего права. Здесь мы в очень своеобразном положении, ваша честь, побыть пресс-агентами подсудимых. Нам заказали печать 260 копий этих трафаретов. Соединенные Штаты не могут выступать в качестве пресс-агентов для распространения этой антисемитской литературы, которой давно протестовали как одному из пороков нацистского режима, в частности после того как они выступали и отрицались этим судом. Это, как мне кажется, грубейший случай неуважения к суду, предъявлять эти документы после того как трибунал распорядился об их отклонении и отклонил всю документальную книгу Розенберга.

Председатель: Разумеется, поскольку в этих документах отказали, их не должны были представлять в отдел переводов. Не может ли трибунал заслушать сэра Дэвида Максвелл-Файфа, потому что он был здесь по предыдущему поводу, последнему поводу по которому мы рассматривали этот предмет?

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, я понимаю вопрос так, что документы Розенберга обработали – нас проинформировали об этом – перед тем нашим последним обсуждением, и поэтому я предложил трибуналу это практическое решение о начале процедуры с документами подсудимого Функа. Вот, что я сказал трибуналу.

Председатель: По моим воспоминаниям, после того как вынесли распоряжение от 8 марта 1946, представитель обвинения – думаю все четыре обвинителя, думаю даже поступил документ подписанный Соединенными Штатами, но я не уверен – отметили, что есть большие трудности в выполнении распоряжения от 8 марта, потому что представителям обвинения трудно обдумывать то какие документы не относятся к делу, учитывая то, что их нужно было переводить. Разве не так?

Максвелл-Файф: Эта трудность возникла с доктором Хорном по документам Риббентропа.

Председатель: Но трибуналу заявили письменное ходатайство об изменении данного распоряжения от 8 марта 1946 и затем в ходе дискуссии в открытом заседании, когда мы пришли к выводу, что нам лучше придерживаться распоряжения от 8 марта 1946. И я вижу по Розенбергу, что документы, эти документы, были обработаны раньше.

Максвелл-Файф: С нашей последней дискуссии, конечно же, мы попытались идти по такой процедуре. Доктор Дикс встретился с господином Доддом и мной по поводу документов Шахта, и я понял, что другие учёные защитники провели подготовку с разными членами в своей части. Но до этого времени, до того как вопрос остро возник по документам Риббентропа, не было никакого обсуждения с представителями обвинения. Положение такое.

Председатель: Но я отмечаю, что это было из-за того, что обвинение не выполняло распоряжение от 8 марта 1946. Может быть его невозможно выполнить, но оно его не выполняло.

Максвелл-Файф: Я точно не знаю, что имеет в виду ваша светлость под: «Обвинение не выполняло это».

Председатель: И обвинение и защита, я полагаю, потому что к нам поступило ходатайство после распоряжения от 8 марта 1946 от имени обвинения о том, что у него имеются такие сложности в получении переводов документов, что они предложили другое распоряжение.

Максвелл-Файф: Виноват, милорд, если мы его не выполняли. Это первый раз, чтобы кто-то предложил мне такое…

Председатель: Я не критикую вас.

Максвелл-Файф: Все мы сталкиваемся с неминуемыми затруднениями. Каждый оказывает содействие всеми способами. Я не был осведомлен, что мы, что-то не сделали, мне очень жаль, если так получилось.

Председатель: Сэр Дэвид, я не это имел в виду, но я думаю, что была трудность в

выполнении этого, и я думаю было предложение о том, что нужно изменить. Я изучу это и посмотрю прав ли я в этом. Я помню, что видел такое ходатайство, и затем была дискуссия в открытом заседании в котором мы решили придерживаться этого распоряжения от 8 марта, и несомненно возникла эта трудность, как вы отметили, потому что документы Розенберга обработали раньше.

Наверное, лучше всего было бы…

[*Была пауза в слушаниях пока судьи совещались*]

Председатель: Господин судья Джексон, не будет ли лучше если бы вы заявили в письменном виде свои возражения всем документам которым возражаете и затем их рассмотрит трибунал после аргументации.

Джексон: Но, ваша честь, трибунал уже отказал в этих документах, и при этом мы получили заказ на печать. Приказы трибунала не соблюдают – и я не хочу критиковать защитника, но у нас нет никакой возможности пропускать такое. Те трафареты которые я остановил прошлой ночью это то, что нам не представили. Они не могут иметь места как легитимные доводы в данном трибунале, мы никуда не придем обсуждая их с доктором Тома. Он считает свою философию доводом.

Вот, что я думаю нужно сделать, если мы хотим это разрешить, это, чтобы трибунал – если я могу внести предложение, что я делаю с большим почтением, я могу быть предвзятым судьей в том, что нужно сделать, я никогда не претендовал на полную беспристрастность – чтобы трибунал назначил главного для работы с передачей таких вещей. Мы не хотим заканчивать это дискуссией между доктором Тома и кем-либо кого я могу назначить. Моё предложение заключается в официальной передаче этих документов до их перевода. Если главный обнаружит спорный момент, он может обратиться к вам. Нам, конечно же не нужно будет ни соглашаться ни не соглашаться с ними в каком-то окончательном смысле. Я понимаю, что это слишком большое бремя для трибунала передавать эти бумаги заранее и слишком большое бремя для Соединённых Штатов по их печати. Бумага сегодня дефицитный товар. Более 25000 листов потратили на печать книги в которой отказали. Думаю, нет никакого возможного пути кроме как юрист с каким-то соображением об относимости и неотносимости для трибунала при предварительной передаче этих документов, нежели оставлять это на защитника.

Я не собираюсь сидеть с доктором Тома, потому что мы начинаем с совершенно разных точек зрения. Он хочет оправдать антисемитизм. Думаю здесь это не довод. Это убийство евреев, людей, вот, что здесь довод, не то нравилась или нет еврейская раса немцам. Для нас это всё равно. Это вопрос урегулирования таких вопросов.

Покровский: Я хотел бы, с разрешения суда, добавить несколько слов к тому, что сказал мистер Джексон.

Я тоже не собираюсь критиковать защиту, но трибунал высказал предположение о возможной ошибке, я просил бы обратить внимание суда на то обстоятельство, что эти ошибки начинают повторятся слишком часто, я позволю себе напомнить о документах связанных с Версалем, которые суд отверг как не относящиеся к делу в самом решительном виде, несмотря на это суд помнит, что большое количество времени было потрачено на заслушивание этих документов представленных доктором Штамером, представленных доктором Хорном, я хотел бы напомнить, что имел место случай, когда и другое решение трибунала было нарушено, я не знаю может быть по ошибке, может быть нет. Когда один из документов представленных доктором Зейдлем попал в печать до того как он был принят судом в качестве доказательства, мне кажется, что было бы очень полезным если бы трибунал нашёл возможным в целях экономии времени, как-то более решительно гарантировать выполнение не только обвинением, которое всегда очень тщательно выполняет любое решение трибунала, но и защитой, тех решений которые трибунал находит нужным принять.

Председатель: Да, доктор Тома?

Тома: Я весьма расстроен упреком в том, что я не выполнил инструкции трибунала. Во время обсуждения того, какие документы были допустимыми, я подробно объяснял именно те философские работы которые я хочу процитировать и почему. Во время дела обвинения, утверждалось о том, что Розенберг придумывал свою философию с целью агрессивной войны и для совершения военных преступлений, и т.д. Я считал своим долгом подтвердить, что эта так называемая национальная…

Председатель: Вы скажите трибуналу где обвинение говорило о том, что он придумал свою философию, это в обвинительном заключении или в презентации?

Тома: Я могу это подтвердить. Это появилось в речи Черчилля[71], а также в рече судьи Джексона есть похожие выражения о том, что философия Розенберга привела к этому.

Председатель: Вы говорите это появилось в речи Черчилля?

Тома: Да.

Председатель: Как это к нам относится? Я спросил вас утверждало ли обвинение в обвинительном заключении или предполагало в презентации обвинения, и вы ответчаете мне о том, что господин Черчилль…

Тома: Нет, не Черчилль, а скорее господин судья Джексон. В своей презентации он говорил вещи, смысл которых приблизительно был такой же. Соответственно, я чувствовал своим долгом представить трибуналу ту философию которая, до Розенберга выдвигала подобные аргументы и которая на самом деле является философией всего мира.

Относительно презентации документальной книги, получилось

---

71 Уинстон Черчилль (1874-1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940-1945 и 1951-1955 годах.

следующее: отдел переводов попросил меня представить мою документальную книгу без задержки, так как они тогда имели время до её передачи трибуналу. Поэтому отдел переводов на самом деле получил этот документ раньше чем трибунал. Но трибунал в своей резолюции от 8 марта 1946 прямо дал мне разрешение использовать цитаты из этих философских работ, он отказал мне только в антисемитских работах Гольдштейна, Эльбогена и Гоман-Гарлинга. Соответственно я немедленно проинформировал трибунал о том, что в моей документальной книге были документы которые мне не одобрили.

И теперь, уважаемый суд, кое-что самое важное: я только, что удостоверился в том, что цитата которую прочёл господин судья Джексон исходит от французского исследователя господина Ларуша[72].

Во-вторых, я отметил красным карандашом те отрывки в своей документальной книге которые нужно было перевести. Отрывок цитированный господином судьей Джексоном не был отмечен красным и не подразумевал то, что будет включен в документальную книгу. Это досадная ошибка.

В-третьих, я хочу сослаться на тот факт – моё внимание только, что обратили на это – что отрывок буквально гласил: «Розенберг разрабатывал философскую технику заговора и таким образом создал систему воспитания для агрессивной войны». Таким было выражение в презентации господина судьи Джексона. Поэтому я считаю оправданным заметить, что вся эта философия уже витала в воздухе и являлась философской необходимостью которая должна была проявиться. Поэтому мне кажется, что я очистил себя от обвинения в том, что не выполнил распоряжение трибунала.

Председатель: Что же, доктор Тома, эти документы направили в пресс-комнату или их направили в отдел переводов?

Тома: По моему мнению их направили в отдел переводов, так как этот отдел сказал мне о том, что у них было время, но ожидали ужасной спешки. Мой документ был готов и я отдал его в отдел переводов.

Председатель: Господин судья Джексон, видимо сказал о том, что их направили в пресс-комнату и распространили публично таким образом, но на обложке каждой документальной книги есть уведомление о том, что их не следует публиковать до тех пор пока их не представили трибуналу в открытом заседании и только такой фрагмент который приобщили в качестве доказательства. Таким образом, любые документы которые направляют в отдел переводов не подлежат распространению, и не должны распространяться в прессе и не должны публиковаться пока их не представили трибуналу.

Кажется, должно быть есть недопонимание об этом, которое принципиально возникло из-за того, что вы представили ваши книги в отдел

---

72 Жорж де Лапуж (1854 — 1936) — французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма.

переводов до того как их представили трибуналу, и поэтому некоторые из них перевели которые впоследствии отклонил трибунал. Это так?

Тома: Нет, уважаемый суд, это неправильно. Прежде всего, это на самом деле был вопрос внутренней процедуры различных служб отдела переводов. Я отдал отделу переводов эту документальную книгу, потому что они попросили меня так сделать и затем…

Председатель: Я не говорил о том кто кого спрашивал. Я сказал о том, что отдел переводов получил документы для перевода. Он получили их до того как их представили трибуналу, и, впоследствии, он перевёл отдельные документы в которых впоследствии отказал трибунал.

Тома: Как известно, единственными работами в которых отказали были антисемитские работы. То, что эти документы из зала суда попали в прессу я ествественно не знал. Я просто пытался облегчить работу отдела переводов. Я впоследствии проинформировал генерального секретаря, что я представил документальную книгу и сослался на них. Цитаты из моих философских трудов, однако, мне одобрили позже. Я хочу снова заметить, что у меня всегда было мнение о том, что это полностью внутренний вопрос, и что эти документы никак не могут попасть в прессу. Меня об этом не информировали. Мне отлично известно, что цитаты не оглашаемые в суде не должны доходить до прессы. Я придерживался этого правила. Пока это не сказано в суде это не должно доходить до прессы.

Председатель: Как вам несомненно известно, первое одобрение документов, когда о них ходатайствовали было непосредственно временным, и потом вы должны были предъявлять свои документы в открытом заседании, как сделал доктор Хорн, а затем трибунал распоряжался бы об их допустимости, и ещё одно такое правило было введено с целью предотвращения ненужного перевода. Затем было решено, о том, что после предоставления трибуналом временного распоряжения о том, что является временно относящимся к делу, затем вы должны предъявлять отрывки которые вы хотели процитировать представителю обвинения, чтобы предоставить им возможность возражать, для того, чтобы отдел переводов не обременялся без нужды. Это, как вы объяснили и как сказал сэр Дэвид Максвелл-Файф, не было выполнено в данном случае, отчасти, возможно, потому что, как вы говорите, отдел переводов был готов выполнить определенную работу. Таким образом, им представили документы, о которых трибунал распорядился как о недопустимых.

Джексон: Могу я, поправить то, что привело к недопониманию? Я не имел в виду, что защитник направил документы прессе в смысле газетной прессы. Их направили на пресс, печатный пресс. Их, конечно же напечатали. Было заказано 260 копий имевших обычное уведомление о том, что их не нельзя выпускать до момента использования. Они не попали в прессу, и я не хотел сказать, что их направили в газетную прессу, их направили на наш печатный пресс.

Председатель: Да, доктор Дикс?

Дикс: Уважаемый суд, до принятия резолюции по обсуждаемому вопросу, я хочу сделать несколько замечаний, относящихся не к делу Розенберга, а к защите в целом. В отношении защиты предъявили очень серьёзные обвинения. Использовалось выражение, что обвинение не является пресс-агентом защиты. Высказывалось обвинение в том, что защита пытается вести пропаганду, и затем эти обвинения достигли пика в самом серьёзном обвинении которое только можно сделать в адрес стороны процесса, неуважении к суду.

От имени всей защиты я возражаю этим тяжким обвинениям всеми возможными аргументами, с абсолютно чистой совестью. Любой кто слышал дебаты последние 30 минут должен признать, что разница во мнениях, которая возникла здесь и о которой трибунал теперь примет решение, снова появилась из недопонимания которое случилось в зале суда.

Господин судья Джексон великодушно пояснил, что он не говорил о газетной прессе, когда сказал «пресс», а о печатном прессе. Мой коллега доктор Тома заявил о том, что единственная причина почему эти документы попали в отдел переводов заключалась в том, что отдел переводов, весьма понятно и разумно с их точки зрения сказал: «У нас сейчас не так много работы. Пожалуйста дайте их нам, и мы можем начать их переводить». Мне кажется, что можно было избежать всех этих трудностей если бы мы взаимно согласовали, что обе стороны: обвинение и защита, работают с доброй волей и терпимостью, и что мы далеки от мысли осознанно игнорировать распоряжения трибунала. Ошибки и помарки всегда случаются. Могу я напомнить вам, что эта утечка в прессу, что какие-то заявления доводили до прессы до того как они стали предметом разбирательства в суде, что это случалось довольно часто в начале процесса. Я не хочу приводить примеры, так как трибуналу известно, что это не была защита. Я не знаю кто это был, во всяком случае это не была защита. Но я не предъявляю обвинений. Такие вещи случаются, и такой аппарат как у этого процесса должен иметь слабые звенья. Здесь тоже не было злого умысла. Но я напоминаю вам, что это мы, защита, - я выступал – энергично поддержали распоряжение о том, чтобы в прессу шли только такие вопросы которые оказались в материалах дела на открытых заседаниях, и после этого трибунал принял решение. До этого было по-другому.

Я никогда не считал это оскорблением, а скорее богом данной зависимостью людей. Например, мне невозможно было получить устав, основу нашего процесса, в начале процесса, но в конце концов его любезно предоставила в моё распоряжение пресса.

Таким образом везде где работает такой сложный аппарат, естественно есть ошибки и промахи. Но мы уже начали рассматривать с сэром Дэвидом вопросы о документах самым практичным образом. До тех пор пока у нас есть только немецкий текст, мы совещались с обвинением для того, чтобы понять каким фрагментам обвинение кажется может возражать. Есть технические трудности,

языковые трудности, пока мы имеем текст на немецком языке, а обвинители говорят на других языках. Я говорю с обвинением, и мы понимаем проблему с которой сталкиваются стороны. Но и это можно решить доброй волей, при необходимости мы пользуемся переводчиком. Таким образом это был превосходный и практичный метод, в первую очередь, избавляющий отдел переводов от ненужной работы, и во-вторых, избавляющий трибунал от ненужный решений. И это прекрасно работало, это хорошее начало. Я хочу заявить от имени защиты – и уверен, сэр Дэвид не возразит мне, что это на самом деле была наша идея, как и практика взаимодействия в достижении неофициальной договорённости о предварительном совещании с обвинением.

Защита в данном процессе находится в очень трудном положении. Думаю каждый из вас признает, что человеческие способности и почти исключительная степень политического такта требуются для того, чтобы защищать на данном процессе не допустив даже небольшой ошибки. Во всяком случае, я, сам по себе, не говорю о том, что я полностью уверен в себе в данном вопросе или, что я не допущу никаких небольших faux pas[73]. Мы находимся в очень трудном положении, трудном по части мира, трудном по части трибунала, и трудном по части немецкой публики.

Могу я призвать господина судью Джексона учитывать нашу трудную задачу и не заявлять подобных обвинений, которые, к сожалению, мы часто читаем в немецкой прессе. Мы не всегда можем, когда нас атакуют в газетных статьях в которых нам предъявляют несправедливые обвинения, бежать к трибуналу и говорить: «Пожалуйста, помогите нам». У трибунала есть задачи поважнее чем постоянно охранять защиту.

Однако, так как здесь предъявили обвинение в том, что здесь ведётся национал-социалистическая или антисемитская пропаганда, думаю, могу сказать с чистой совестью, что ни один защитник, независимо от того какова его собственная философия или какими могли быть его политические взгляды в прошлом, никогда не мечтал пытаться использовать этот зал суда для ведения идеологической пропаганды умершего – я подчеркиваю слово «умершего» мира Третьего Рейха. Это было бы не просто ошибкой, это было бы гораздо хуже чем ошибка, я могу сказать, используя слова Талейрана[74], это было было невыносимой глупостью делать подобные вещи.

Но из-за нападок на нас и, потому что мы не можем себя защитить, и потому что мы не можем достойно просить трибунал защищать нас от каждого обвинения, я прошу господина судью Джексона как-то разрядить атмосферу и сказать нам, что такие серьезные обвинения – неуважение к суду, антисемитская пропаганда или национал-социалистическая пропаганда, и тому подобное – на

73 «Бестактностей» (фр.)

74 Шарль де Талейран-Перигор (1754 — 1838) — французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. Известный мастер политической интриги.

самом деле не предъявлялись всерьез.

Думаю, что в дружественном сотрудничестве которое существовало между нами и обвинением до сих пор – я должен открыто признаться, что я оглядываюсь на это сотрудничество с благодарностью и от всего сердца признаю помощь и товарищество которые выразили мне эти господа. Это нужно сохранить. Куда это нас приведет, если мы будем стоять друг против друга как бойцовые петухи? У всех нас одинаковая цель.

Я не только прошу его сделать это, зная его как знаю я, я уверен в том, что даже без моей просьбы, он выскажется для того, чтобы разрядить атмосферу по поводу данного обвинения, которое крайне болезненное не только для защиты, но и всего суда.

Могу я поблагодарить вас, ваша честь за то, что вы любезно выслушали меня так долго, но мне кажется, что вопрос был достаточно важен, чтобы воззвать о дальнейшем сотрудничестве, без трения и в интересах дела, между обвинением и защитой.

Тома: Уважаемый суд, я прошу несколько слов для того, чтобы внести фактическую поправку.

Я хочу конкретно процитировать в каком отрывке стало видно, что Розенбергу вменяется исключительная ответственность за ошибочную идеологию. Это сказано в презентации дела американского обвинения на странице 2254[75] немецкой расшифровки, что Розенберг перестроил немецкую образовательную систему для того, чтобы подчинить немецкий народ воле заговорщиков и психологически подготовить немецкую нацию к агрессивной войне. Такая цитата есть у меня в распоряжении.

Во-вторых, ещё одно слово, я вынужден лично ответить на обвинение господина судьи Джексона – я должен кое-что сказать, что обычно не произносят в зале суда, что я постоянно говорю господину Розенбергу: «Господин Розенберг, я не могу защищать антисемитизм, это нужно делать вам самому». По этой причине я значительно ограничил свои документы, но считал своим долгом предоставить Розенбергу все средства необходимые для его защиты по данному пункту.

Я хочу снова обратить внимание на тот факт, что этот фрагмент который цитировал господин судья Джексон не был отмечен в документальной книге и попал туда по ошибке.

Джексон: Я конечно же не хочу быть нечестен к нашим противникам, я знаю об их трудной работе. Однако, я надеюсь трибунал ранее имел – и я должен отозвать все характеристики и оставить только факты – приказ от 8 марта 1946, его третий абзац. Я обращаю внимание трибунала на тот факт, что он гласит: «Следующие документы отклоняются как не относящиеся к делу: Розенберг...». И затем следует список

75 См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 47.

документов: «Kunstwart», «История евреев в Германии», «История еврейского народа». Это только три на которые я обращаю ваше внимание.

Спустя два дня после этого приказа защитник Розенберга вручил это трибуналу, 10 марта 1946, довольно длинный меморандум в котором он повторил свою просьбу о цитатах из перечисленных книг.

23 марта 1946, данный трибунал снова отказал в этой просьбе как не относящейся к делу.

Я вручаю вам трафареты которые нам заказали, заказ от 8 апреля 1946, на печать. Их немного трудно читать. Первая цитата из «Истории еврейского народа», одна из запрещённых книг. Следующая цитата из «Kunstwart», ещё один запрещённый документ. И третий из «История евреев в Германии», третья книга которую я назвал.

У нас не было времени изучить все эти трафареты, но скорое их изучение указывает на то, что это в основном, если не полностью, цитаты из запрещенных документов.

Я их не характеризую, я просто полагаюсь на эти факты.

Председатель: Господин судья Джексон, разве всё это не из-за даты, когда документы представили в отдел переводов? Доктор Тома сказал о том, что вследствие готовности отдела переводов принять документы, он вручил их до того как в них отказал трибунал. И если это так, не будет ли очевидно, не так ли…

Джексон: Милорд, я не знаю, что он сказал. Я не понял, что их передали до 8 марта 1946. Но в любом случае, даже если их перевели, заказ на печать датирован 8 апреля 1946 и был доставлен им 8 апреля. Итак, конечно же после отказа было время остановить нашу трату денег и усилий печатая вещи которые запретили и которые запретили дважды.

Я не буду это характеризовать, факты говорят сами за себя.

Председатель: Доктор Тома, вы можете помочь нам в датах? Вы может нам помочь? Господин судья Джексон сказал о том, что после того как в этих трёх документах отказали в первом случае, вы повторили вашу просьбу о них от 10 марта 1946 и, что 23 марта 1946 в них окончательно отказали.

А теперь, когда вы направили документы в комнату переводов?

Тома: Как мне кажется, документы передали в отдел переводов до 8 марта. Было заседание о допустимости документов, и было время до принятия решения, когда отдел переводов связался с моим секретарём и попросил её передать документальную книгу, так как они слышали о том, что она готова.

Затем я стремился в зале суда к тому, чтобы философию допустили и у меня сложилось впечатление о том, что трибунал не хочет соглашаться с этими документами. Соответственно я сразу же представил трибуналу письменное ходатайство для того, чтобы эти документы допустили. Когда меня потом проинформировали о том, что антисемитские книги не допускаются – и это было

несколько дней спустя после даты этого решения – я проинформировал трибунал о том, что я хотел обратить его внимание на тот факт, чтобы книги которые не одобрили не переводили.

Председатель: Совершенно ясно, что вы сейчас не можете указать нам точные даты, но мы тщательно изучим вопрос.

Тома: Я снова хочу обратить внимание на тот факт, что я лично отметил, что есть фрагменты в документальной книге в которых отказали. Я прошу вас сделать из этого вывод о том, что я не пытался делать, что-то, что недопустимо.

Председатель: Думаю, если в документе было отказано, правильным было бы отозвать документы, или сообщить отделу переводов уведомив их о том, что их нужно отозвать.

Однако, трибунал считает, что трибуналу лучше рассмотреть предложение господина судьи Джексона. То есть, для того, чтобы освободить обвинение от задачи решать или возражать документам которые подлежат направлению в комнату переводов, чтобы вопрос изучался кем-то кто назначен трибуналом как главный.

Трибунал считает, что господин судья Джексон или комитет обвинителей должен обращаться в письменном виде для исключения всех не относящихся документов о которых оно жалуется в документальной книге от имени подсудимого Розенберга, которую представили.

В-третьих, сейчас трибунал будет придерживаться системы которая возникла с согласия обвинителя.

Единственная вещь которую мне нужно добавить, это то, что я нахожу, что я был прав говоря о том, что комитет обвинителей обратился к трибуналу 29 марта 1946 – у меня есть документ, с просьбой к трибуналу изменить распоряжение которое он принял, а именно, распоряжение 297, от 8 марта 1946.

Тома: Я на самом деле посещал офицера и сказал ему о том, что документы нужно изъять, чтобы они не остались. Однако, оказалось, что были сшиты и готовы сотни копий и мне сказали: «Что же, в конце концов, их не должны цитировать, поэтому они могут остаться, так как их не будут цитировать». Я прямо попросил изъять их из документальной книги.

Председатель: Конечно же, я не имел в виду, что трибунал попросил обвинение письменно ходатайствовать об исключении документов в которых уже отказали. Конечно, такие документы изымаются без какого-то ходатайства, но если и постольку есть другие документы находящиеся в документальной книге Розенберга которым возражает обвинение, оно может как обычно ходатайствовать, конечно о том, чтобы вопрос обсуждался в открытом заседании.

Как я уже отметил, допуск любых документов прямо предусматривался как временный, и ходатайство об окончательном допуске документов следует принимать в открытом заседании.

Трибунал об этом запросит доклад от генерального секретаря по поводу дат этих вопросов. И теперь трибунал прервётся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал пришёл к выводу о том, что это сэкономит время если подсудимых вызывать как первых свидетелей по делу каждого подсудимого, и поэтому, в будущем подсудимого нужно вызывать первым кроме каких-нибудь исключительных причин, о которых защитник может ходатайствовать перед трибуналом и трибунал будет рассматривать эти причины для вызова подсудимого позднее чем первого свидетеля

Да, доктор Дикс.

Дикс: Свидетель, я начал говорить о том, что мне заметили, что я задавал свои вопросы слишком быстро, после того как вы давали ответы и, что вы отвечали слишком быстро после того как я задавал вопрос. Переводчики и стенографисты не успевали. Поэтому, я прошу вас, - я буду делать тоже самое – делать паузу после каждого вопроса. Я уверен в том, что трибунал не будет интерпретировать эти паузы как означающие, что вы не уверены в своих ответах.

Вчера вы сделали трибуналу подробные заявления о различных прошениях об отставке которые Шахт подавал Гитлеру и разных ходах и предложениях о мире которые Шахт предпринимал или хотел предпринять, и устных и письменных, во время войны которые вы доставляли Гитлеру. Мы говорим о таком меморандуме лета 1941, и я почувствовал, что трибунал имеет процедурные возражения, потому что я предъявлял свидетелю содержание документа и просил его подтвердить это. Копия документа находится в сейфе который уже постоянно упоминался и который был конфискован в поместье Шахта Красной армией, когда в него вступила Красная армия. Несмотря на все усилия, русская делегация пока не смогла найти сейф.

Хотя в нем содержались довольно хорошие фрагменты, я полностью готов на этом прерваться и предъявить эти документы господину Шахту если трибунал предпочтёт это. Могу я получить решение трибунала по данному вопросу, при необходимости я могу снять дискуссию о меморандуме.

Председатель: Трибунал не имел никакого возражения тому, чтобы вы спросили об этом свидетеля, но он думал, что вам не следовало задавать наводящие вопросы и что вам следовало спросить свидетеля о том помнит ли он документ и каким было содержание документа, не говоря ему о том, что в документе было это и то, или какой-то другой фрагмент в документе, а спрашивать его о том в чем заключалось содержание документа.

Дикс: Черта между наводящими вопросами и предъявлением содержания документа свидетелю, документа который свидетель не помнит точно, довольно гибкая. Поэтому, я предпочту, чтобы господин Шахт привёл остальное содержание

меморандума, тогда мы сможем избежать таких трудностей. Поэтому я оставляю этот пункт и перехожу к другой области.

Свидетель, вы совершенно правы сказав в ответ на вопрос в связи с защитой Функа моим коллегой доктором Заутером, о том какой была практика в 1939, что Гитлер просто распоряжался о том, чтобы Рейхсбанк предоставлял столько кредита. Я хочу избежать ошибочного впечатления со стороны трибунала в отношении предыдущего положения Рейхсбанка в данном вопрсое.

Вам известно, что по указу Гитлера, Рейхсбанк в январе 1939, утратил свою былую независимость. В этом указе Гитлер распорядился о том, что он будет решать о том какие кредиты предоставляет Рейхсбанк, и этот ограничительный указ Гитлера был объявлен и вступил в силу в июне 1939.

Таким образом, для того, чтобы у трибунала сложилось впечатление в целом, а также о предыдущем положении Рейхсбанка, я спрашиваю вас о том, какой была ситуация до января 1939, то есть, во время пребывания Шахта в должности президента Рейхсбанка, что закончилось, как известно в январе 1939. Было возможным, чтобы Гитлер просто распоряжался, чтобы было предоставлено столько-то кредита, или Рейхсбанк был таким же независимым и мог отказать в таком кредите или отменить его?

Ламмерс: Я не помню правовые нормы которые существовали в связи с этим, чтобы можно было дать полный ответ на то, когда и как они изменились. Однако, я могу подтвердить одну вещь, что в течение времени, когда господин Шахт был президентом Рейхсбанка, он явно имел определённые трудности с фюрером в связи с одобрением этих кредитов. Я не присутствовал на этих дискуссиях между фюрером и Шахтом, но я знаю по заявлениям фюрера по поводу этих кредитов, что он сталкивался со значительными трудностями и ограничениями со стороны Шахта, ограничениями которые в конце привели к отставке Шахта с поста президента Рейхсбанка. С другой стороны, я знаю, что когда Функ стал президентом Рейхсбанка, эти трудности прекратились. Очевидно это устранили путём правовых норм, а также по приказам отданным фюрером, так, когда Функ стал президентом Рейхсбанка с этими кредитами обращались, так как я описывал вчера, когда описывал техническую процедуру, в основном приказы о кредитах и займах Рейха из Рейхсбанка были для фюрера просто вопросом подписи. Это был вопрос…

Председатель: Я не думаю, что он в самом деле способен ответить на этот вопрос. Я не думаю, что он способен ответить на вопрос который вы ему задали, о том какое положение было до 1939, поэтому я думаю вы должны полагаться на указы и документы.

Дикс: Минуточку, господин Ламмерс: я должен выяснить прямо сейчас. Вы сказали о том, как дела вели на практике в 1939, в книгах. Вы не помните, что Рейхсбанк ранее был независимым от правительства?

Ламмерс: Да, я помню. Я также вспоминаю, что вносились определённые правовые

изменения, но я не могу вспомнить когда. Не глядя в сборники законов я не могу вам точно сказать о содержании этих правовых норм, а также об ограничениях по части цифр. Все, что мне известно это то, что положение президента Рейхсбанка согласно приказам поступившим от фюрера, позже значительно ослабло.

Дикс: Довольно. Итак, та же самая тема: даже немцу который прожил здесь всё время очень сложно, не говоря об иностранце, понять мощь механизма Третьего Рейха. Думаю, что несмотря на заявления которые вы сделали вчера в ответ на вопросы которые задал мой коллега Заутер, пока ещё не всё сказано из того, о чём вы можете проинформировать трибунал. Если бы я не знал о том, что вам известно, если бы я был посторонним, тогда после вчерашних заявлений у меня бы сложилось впечатление: что же, было так – рейхсминистр внутренних дел не мог отдавать приказы полиции, рейхсминистр экономики не мог самостоятельно руководить экономикой, все рейхсминистры не имели никаких официальных полномочий и не могли давать никаких указаний которые касались рейхскомиссаров оккупированных территорий.

Додд: С позволения уважаемого суда, я покорно полагаю, что доктор Дикс сам даёт показания. Думаю, наверное он мог бы задавать свои вопросы проще и мы могли понимать быстрее и лучше понимать ответ.

Дикс: Я буду задавать свои вопросы точнее, но я не могу точно задавать вопросы пока я прежде всего не удостоверился, путём заявлений, о том, о чём пока не сказали. В противном случае нельзя задать самый точный и самый короткий вопрос, так как трибунал не поймет, какова моя цель. Я могу заверить господина Додда, я не буду спрашивать ни о чём неясного характера, скорее я задам очень точный вопрос. Приступим.

[*Обращаясь к свидетелю*] Мы уже говорили о должности президента Рейхсбанка. Теперь я хочу вас спросить: если все эти министры были ущемлены в своих правах, кто был людьми и кто был властью кто мог вмешиваться в ведомственную компетенцию и кто имел реальную власть? Вот мой вопрос. И я могу отметить по части Франка, что уже упоминалось вмешательство Гиммлера. Но нам следует глубже вникнуть в этот вопрос для того, чтобы трибуналу было яснее о чём мы говорим.

Ламмерс: Ущемление полномочий отдельных министров возникло из-за ряда учреждений, которые фюрер создал очевидно совершенно сознательно в качестве противовеса, можно сказать, разным министрам. Это одна часть. Во-вторых, это делали через ведомства созданные на высшем уровне, которые, в интересах некого единообразия в конкретных сферах, должны были иметь единственную власть. В последней категории типичным примером является, в первом случае, четырёхлетний план. В связи с этим фюрер желал широкого единообразного руководства, которое не зависело от пожеланий министров или ведомств, и соответственно он создал четырёхлетний план. В других секторах, тем или иным

образом, министру противопоставляли двойника, например назначением господина Лея рейхскомиссаром по жилью министр труда утратил свою компетенцию в важной сфере жилья. Его освободили от одной из его основных задач назначением генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, господина Заукеля в сфере использования рабочей силы. Что касалось экономики, министр экономики, как я уже говорил, был значительного ограничен в своих полномочиях созданием четырёхлетнего плана и полномочиями предоставленными ему, кроме этого, полномочия которые передали министру вооружения и военного производства. В министерстве внутренних дел фактическая власть главы германской полиции…

Председатель: Доктор Дикс, трибунал считает, что свидетель уже раз объяснил общий аспект вопроса, вопрос могут объяснить сами подсудимые с их точки зрения. Я имею в виду, что свидетель объясняет нам, и наверное отмечает, что он сделает это долго, что в связи с четырёхлетним планом, например, должно было быть единообразное командование в которое не вмешивались отдельные министры. Это объясняет общую систему и когда придёт черед отдельных подсудимых они смогут объяснить то как это относилось к ним, поэтому мы не хотим долго или подробно это рассматривать.

Дикс: Я приму это во внимание и задам просто немного конкретных вопросов.

Ваша светлость, это не просто вопрос, о министрах которые должны были передать отдельные сферы в своих ведомствах третьим лицам, но также есть факт, что третьи лица, ввиду своей власти, на самом деле вмешивались в сферу которая находилась в компетенции министра. И теперь я дам свидетелю наводку, каким, например было положение рейхсляйтера Бормана?

Ламмерс: Рейхсляйтер Борман был преемником рейхсминистра Гесса.

Дикс: И что касалось вмешательства в министерства?

Ламмерс: Фюрер назначил его секретарём фюрера и соответственно включил его в государственный сектор. Как начальник партийной канцелярии он был просто преемником рейхсминистра Гесса, который предполагался для представления пожеланий и мыслей партии. Тот факт, что он был назначен секретарём фюрера, что означало в государственном секторе значительное количество вещей проходивших через руки Бормана дал ему сильное положение в государственных делах. Мне пришлось лично это испытать, так как, я, кто изначально мог, по случаям, докладывать фюреру наедине, уже не мог это делать и мог попасть к фюреру только через Бормана. Большинство моих докладов доводились в присутствии Бормана и всё, что раньше я мог доводить до фюрера напрямую, даже чисто государственные вопросы, должны были проходить через секретаря фюрера, через Бормана.

Дикс: Конечно же, это привело к влиянию Бормана в разных министерствах?

Ламмерс: Да, у него имелось такое влияние, так как все ведомственные вопросы которые я не мог урегулировать доложив фюреру напрямую или попросив его решения нужно было проводить в письменном виде и проводить через Бормана.

Затем я получал слово от Бормана о том, что решение фюрера то или иное. Возможность личного доклада, которая позволила бы мне выступать от имени министра о котором я докладывал, отсутствовала. Это всегда были не мои собственные дела, а всегда жалобы или протесты или разногласия во мнениях членов кабинета которые я уже не мог донести до фюрера лично.

Дикс: Спасибо, довольно.

И то, что вы говорите о Бормане, не применимо в некоторой степени к гауляйтерам, которые вмешивались в министерства?

Ламмерс: Гауляйтеры, как таковые, конечно имели вход через партийную канцелярию, для них был установлен такой канал. Так как, однако, гауляйтеры как правило, одновременно являлись главами прусских провинций или рейхсштатгальтерами эти две позиции были конечно, в какой-то мере перемешаны, и ряд вопросов, вместо того, чтобы идти по установленным каналам от заинтересованного министра через меня, шли напрямую от гауляйтеров рейхсляйтеру Борману. Фактически были случаи в которых этот канал выбирали умышленно.

Дикс: Спасибо, Относительно положения Гиммлера в такой же мере, о назначении третьего лица с полномочиями, вы вчера сделали заявления в связи со случаями Франка и Фрика. Вы можете распространить своё заявление, фактически, на всех ведущих министров, в связи с усилением власти отданной Гиммлеру и СС и полиции?

Ламмерс: Я не совсем понял вопрос.

Дикс: Вы не расслышали вопрос?

Ламмерс: Я не полностью понял вопрос.

Дикс: Что же, под названием «вмешательство в другие ведомства» вы говорили о Бормане и вы говорили о гауляйтерах, вчера вы говорил о Гиммлере, его полиции, и его СС в связи с делами Фрика и Франка. Сейчас я спрашиваю вас о том, не имела ли эта нараставшая власть Гиммлера и СС схожего влияния на другие министерства?

Ламмерс: В значительной степени в самых разных областях.

Дикс: На этом вопрос исчерпан.

Теперь я возвращаюсь к Шахту. Мы говорили о прошениях об отставке. Теперь мы переходим к самой отставке. Министрам которых увольняли обычно вручали письмо об увольнении от Гитлера?

Ламмерс: Да.

Дикс: И это письмо об увольнении, я полагаю, было подготовлено вами и обсуждалось с Гитлером?

Ламмерс: Да.

Дикс: Гитлер уделил значительное внимание формулировке этого благодарственного письма в связи с увольнением?

Ламмерс: Гитлер обычно внимательно за этим следил, и он часто вносил свои изменения, более резкие или более мягкие формулировки.

Дикс: Уважаемый суд, два письма об увольнении, которые касаются увольнения Шахта с его должности президента Рейхсбанка и министра без портфеля включены в мою документальную книгу в качестве доказательств. Поэтому я не предлагаю как-нибудь предъявлять их свидетелю. Есть только две фразы из письма об увольнении от Гитлера Шахту в связи с его увольнением с должности президента Рейхсбанка: «Ваше имя в особенности всегда будет связано с первым периодом национального перевооружения». Шахт считает, что эта фраза была вписана умышленно, и что она содержит небольшой упрёк, ограничение его похвалы. В чём заключается ваш взгляд на этот вопрос, как того кого касался проект этого письма об увольнении?

Ламмерс: Насколько я могу вспомнить, я подготовил письмо таким образом, что Шахту выражалась общая благодарность. Эта дополнительная фраза была из-за вставки фюрера, насколько я могу вспомнить, потому что на меня не похоже проводить такую тонкую разницу.

Дикс: В письме об увольнении от 22 января 1943, не подписанном Гитлером, а вами по приказу фюрера, сказано:

> «Фюрер, учитывая ваше общее отношение в нынешней судьбоносной борьбе немецкого народа, решил временно освободить вас от должности рейхсминистра».

Чувства господина Шахта о его личной безопасности не могли быть особо приятными, когда он прочёл такую фразу.

Могу я спросить вас, поскольку вы готовили это письмо по приказу Гитлера, волнение Шахта было оправданным?

Ламмерс: Что касается причин которые заставили фюрера уволить Шахта, я знаю только о том, что письмо Шахта рейхсмаршалу Герингу заставило фюрера уволить Шахта с его должности. Фюрер не информировал меня о подлинных причинах. Он был очень резок и приказал мне использовать такой текст, подразумевая, что он даже хотел, чтобы оно было суровее, но я придал ему довольно приемлимую форму которая видна в письме. Фюрер не сказал мне, конечно, о каких дальнейших мерах он планировал против Шахта. Но он прямо приказал мне использовать слово «временно».

Дикс: Последний вопрос: первоначально я планировал подробно спросить вас, как человека информированного об этих положениях, о медленном развитии с 1933 до полной автократии Гитлера. Ответы, которые вы вчера дали мои коллегам, в основном, разрешили эти вопросы. Я не хочу их повторять. Но я хочу выяснить два вопроса. Указ о чрезвычайныйх полномочиях 1933 – то есть закон которым Рейхстаг лишил себя своих полномочий – закон уполномочил Гитлера, рейхскабинет или правительство Рейха?

Ламмерс: Указ о чрезвычайных полномочиях предоставил законодательные полномочия и право изменять конституцию правительству Рейха, а правительство Рейха в свою очередь, используя это право изменять конституцию, прямо и по смыслу, создавало публичное право основанное на обычае, который…

Дикс: Да, спасибо. Вчера вы это объясняли. Вам не нужно снова проходить это. Вчера вы отмечали, что это правительство Рейха состояло не только из национал-социалистов, но что большинство его членов принадлежало к другим партиям. Вы упоминали только членов Немецкой национальной партии, таких как Гугенберг[76], доктор Дорпмюллер[77] и Гюртнер[78] и вы упоминали «Стальной шлем», главой которого был Зельдте[79], но вы забыли – и вот почему я спрашиваю вас – назвать партию Центра[80]. Это правда, что господин фон Папен пришёл из партии Центра?

Ламмерс: Да, я признаю, что это правильно, но я не знаю был ли господин фон Папен членом партии Центра или нет.

Дикс: По моему мнению вы говорите скорее в научных и эвфеместических терминах про публичное право основанное на обычае. Я бы дал этому другое название, но не будем это обсуждать. Все, что я хочу, чтобы вы сказали мне о том, были ли в течение постепенного развития полной диктатуры Гитлера другие законы которые были важными и как таковые значимыми.

Вы не считаете закон после смерти Гинденбурга которым объединили должности рейхсканцлера и рейхспрезидента с результатом, что лицо занимавшее эту должность одновременно, стало верховным военным командиром которому прясягал Вермахт – вы не считаете, этот закон дальнейшим краеугольным камнем в таком развитии?

Ламмерс: Этот закон был одним из наиболее важных краеугольных камней в таком развитии, в частности, потому что по указу правительства Рейха, это подтвердили на плебесците почти 100 процентов голосов.

Дикс: И не издавались никакие другие законы в поддержку такого развития?

Ламмерс: Нет, я о таких не знаю.

Дикс: Я тоже.

И другой вопрос, можно ли называть комбинацию террора и уловок публичным правом основанном на обычае и нужно ли это так называть. Этот вопрос я не хочу сейчас затрагивать, думаю у нас разные мнения на этот счет.

---

76 Альфред Гугенберг (1865 — 1951) — влиятельный немецкий предприниматель и политик. Министр первого кабинета Адольфа Гитлера в 1933 году.

77 Юлиус Дорпмюллер (1869 — 1945) — государственный деятель Германии. Министр путей сообщения Германии в 1937-1945.

78 Франц Гюртнер (1881 — 1941) — рейхсминистр юстиции в кабинете Гитлера.

79 Франц Зельдте (1882 — 1947), государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем», рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер находясь под арестом.

80 Партия Центра, Партия католического Центра — политическая партия в Германии, одна из самых влиятельных в период Германской империи и Веймарской республики. Выражала интересы католической части населения страны. Существовала в 1870-1933. Распущена нацистами.

Ваша светлость, я закончил со своими вопросами к свидетелю Ламмерсу от имени своего клиента. Но мой коллега доктор Кубушок отсутствует по делу. Я не думаю, что самолёт вылетел вчера и поэтому я не думаю, что он может вернуться. Он попросил меня спросить свидетеля от имени господина фон Папена, и я хотел спросить трибунал могу ли я сейчас задать свидетелю вопрос– всего лишь короткий вопрос – или же мне нужно подождать пока защита Папена прибудет в надлежащее время.

Председатель: Нет, сейчас, потому что этого свидетеля нельзя будет вернуть обратно за исключением очень особой причины.

Дикс: Нет, я имел в виду, вы хотите, чтобы я задал вопрос позже сегодня, когда придет очередь фон Папена в перечне подсудимых?

Председатель: Можете продолжать. Думаю вам лучше спросить сейчас.

Дикс: [*Обращаясь к свидетелю*] Пожалуйста подумайте о путче Рёма[81]. Опыт Папена во время этого мятежа будут обсуждать позднее. Но вы помните о том, что фон Папен, который был вице-канцлером, потребовал своей отставки у Гитлера 3 июля 1934 и получил эту отставку?

Ламмерс: Да, я не могу сказать правильная ли дата, но это случилось прямо тогда.

Дикс: Вы также помните, спустя короткое время, наверное всего несколько дней спустя, между 7 и 10 июля, вы пошли на встречу с фон Папеном по приказу Гитлера и спросили его, не готов ли он принять должность посла в Ватикане?

Ламмерс: Я могу вспомнить, что я посетил фон Папена, действуя по приказу фюрера, должен был предложить ему другую должность и, что это касалось должности при святом престоле. Но был ли у меня приказ сделать ему прямое предложение, я не могу сейчас вспомнить.

Дикс: Вы помните, что на это ответил Папен?

Ламмерс: Тогда он был не сильно склонен принять эту должность.

Дикс: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Серватиус: Свидетель, 21 марта 1942 Заукель был назначен уполномоченным по распределению рабочей силы. В чём заключались причины выбора Заукеля для этой должности?

Ламмерс: Фюрер считал, что распределение рабочей силы не продвигается с необходимой интенсивностью рейхсминистром труда, и что эту задачу, поэтому, нужно передать особо энергичному человеку.

Серватиус: Фюрер категорически требовал использовать иностранных рабочих?

Ламмерс: Он требовал, чтобы все рабочие которые могли быть доступны использовались.

Серватиус: В частности в связи с зарубежными рабочими?

Ламмерс: Да, зарубежные страны также упоминались в связи с этим, потому что

81 «Ночь длинных ножей» — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

дома у нас были исчерпаны все возможности.

Серватиус: Вы получили задачу информировать высшие ведомства на оккупированных территориях о требовании стараться оказывать поддержку задаче Заукеля?

Ламмерс: Это случилось гораздо позже. Сначала состоялось назначение уполномоченного по распределению рабочей силы и объявили всем важным ведомствам. Я не думаю, что я что-то добавил к этому требованию. Но в начале 1944 в ставке фюрера состоялось совещание касавшееся программы распределения рабочей силы на 1944 год. В конце этого совещания, в течение которого Заукелю дали ряд наказов выраженных в конкретных цифрах, у меня была задача написать во все заинтересованные ведомства и сказать им о том, что они должны оказывать поддержку задаче которую дали Заукелю, с учетом всех полномочий которые у них имелись.

Серватиус: Вы говорите о встрече в начале января 1944. Доступен обширный доклад который вы подготовили о ней. Согласно этому докладу, Заукель во время этой встречи сказал, что в отношении количества иностранных рабочих, он считал трудным или наверное даже невозможным выполнить требования установленные программой. В чём заключалась причина которую он привёл?

Ламмерс: Заявление верное, и причина которую он привел заключалась в том, что исполнительная власть необходимая для осуществления этой задачи отсутствовала в разных секторах. Он сказал о том, что если он должен выполнить свою задачу, тогда при любых обстоятельствах он должен был полагаться на зарубежную рабочую силу, как например, в случае Франции, но при этом должна была быть немецкая исполнительная власть которая поддерживала его акции.

Серватиус: Он не говорил о том факте, что выполнение требования было невозможным из-за угрозы от партизан?

Ламмерс: Он постоянно отмечал эти трудности, а именно, угрозу партизан, и считалось самоочевидным, что никакой вербовки рабочей силы нельзя проводить на территориях где всё ещё сражались партизаны.

Серватиус: Он требовал умиротворения этих беспокойных партизанских территорий и требовал исполнительных полномочий в связи с этим?

Ламмерс: Да, правильно.

Серватиус: Он желал иметь власти защищавшие от таких движений сопротивления?

Ламмерс: Да, он хотел, чтобы местные ведомства предпринимали акцию, для того, чтобы у него были развязаны руки.

Серватиус: Я цитирую одну фразу из доклада и хочу, чтобы вы пояснили мне как это следует понимать. Здесь сказано:

> «Рейхсляйтер СС пояснил, что сил в его распоряжении крайне мало, но он попытается их увеличить и использовать их более интенсивно

для обеспечения успеха акций Заукеля».

Как это следует понимать?

Ламмерс: Это в основном относилось к русским территориям, на которых были партизаны, и господин Заукель думал, что он не сможет действовать там до того как эти территории не будут очищены. Гиммлер который присутствовал, пообещал постараться сделать всё возможное, но у него были сомнения о том достаточно ли у него имеется полицейских батальонов или других сил.

Серватиус: Значит правильно говорить, что это было вопросом обеспечения безопасности властей, обеспечения безопасности территорий, а не передачей вербовки СС?

Ламмерс: Передача вербовки СС, как таковая не предусматривалась. Германская исполнительная власть требуемая Заукелем относилась в каждом случае к какой угодно доступной власти. Например во Франции, это были не СС, а полевое командование которое должно было следить за этим, и в России отчасти, нужно было необходимо, чтобы полицейские батальоны умиротворяли партизанские районы.

Серватиус: Итак, у меня есть вопрос о руководящем составе. Был представлен документ под номером D-720. Он имеет подпись гауляйтера Шпренгера[82] и не имеет даты, но очевидно даты это весна или начало 1945. В этом письме упоминается новый закон о здравоохранении Рейха, и он предположительно содержит норму об уничтожении людей которые страдали от сердечных и лёгочных заболеваний. Говорилось, что этот закон должен был храниться в тайне в настоящее время. В силу этого закона такие семьи больше не могли оставаться в обществе и не могли производить потомства. Вам, что-нибудь известно об этом законе?

Ламмерс: Я не понял слово. Вы сказали безумные или какого рода люди?

Серватиус: Это закон о здравоохранении Рейха ссылающийся на людей страдавших от сердечных и лёгочных заболеваний.

Ламмерс: Я вообще ничего не знаю об этом законе.

Серватиус: Я вас не понял.

Ламмерс: Я ничего об этом не знаю.

Серватиус: Вы бы должны были знать о нём?

Ламмерс: Да, министр внутренних дел должен был о нём знать. Вопросами здравоохранения занимались в его министерстве. До меня это не дошло.

Серватиус: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Штейнбауэр: Свидетель, день спустя после похода германских войск в Австрию был опубликован закон – 13 марта 1938 – который назывался «Закон о воссоединении Австрии с Германским Рейхом». Зейсс-Инкварт и его правительство были удивлены содержанием этого закона. Я спрашиваю вас, известны ли вам

82 Якоб Шпренгер (1884-1945) — партийный деятель нацистской Германии, рейхсштатгальтер Гессена, обергруппенфюрер СА (1938). Покончил жизнь самоубийством

подробности того как этот закон был принят в Линце 13 марта 1938.

Ламмерс: Как и всякий радиослушатель я услышал о походе германских войск в Австрию по радио. После этого я полагал, что мне потребуется ехать в Вену. В тот момент закон уже был подписан и опубликован. Я не участвовал в подготовке этого закона, министр внутренних дел и государственный секретарь Штуккарт[83] подготовили этот закон. Я вообще над ним не работал, потому что я даже не знал о том, что должна состоятся эта акция.

Штейнбауэр: Эти господа которых вы назвали, сказали вам, наверное, почему этот закон был опубликован настолько поспешно?

Ламмерс: Это было желанием фюрера.

Штейнбауэр: Спасибо. В это же время доктор Зейсс-Инкварт был назначен обергруппенфюрером СС, не генералом СС, как заявляет обвинение и кроме того фюрер пообещал ему, что в течение года он будет назначен членом правительства Рейха. В 1939 он действительно стал министром без портфеля. Зейсс-Инкварт в качестве обергруппенфюрера СС и министра без портфеля осуществлял какие-то функции?

Ламмерс: Насколько мне известно, Зейсс-Инкварт стал не обегруппенфюрером, а группенфюрером. Это просто было почётное звание которое ему присвоили. Он не имел никаких полномочий в СС и никогда не служил в СС, насколько мне известно. Он просто носил форму и позже стал обергруппенфюрером.

Штейнбауэр: Другими словами, это было чисто почётное звание, вопрос формы, как вы правильно сказали?

Ламмерс: Да, своего рода почетное звание.

Штейнбауэр: Спасибо.

Год спустя Зейсс-Инкварт был назначен рейхскомиссаром Нидерландов и в правовой газете для Нидерландов «Verordnungsblatt[84]», а также в «Reichsgesetzblatt[85]» было опубликовано это назначение. Вам известно, помимо этого опубликованного указа которым он был назначен рейхсштатгальтером, ему также поручили обязанность в рамках четырёхлетнего плана?

Ламмерс: С момента назначения рейхскомиссаром Нидерландов, Зейсс-Инкварт испытывал такие же ограничения полномочий какие я описал вчера в связи с господином Франком и господином Розенбергом. Другими словами, отдельные полномочия находились в резерве делегата четырехлетнего плана, который повсюду осуществлял широкие командные полномочия. В такой мере его положение было

83 Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года), государственный секретарь министерств внутренних дел Рейха и Пруссии (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности рейхсминистра внутренних дел и рейхсминистра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), Американским трибуналом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

84 «Бюллетень распоряжений» (нем.)

85 «Правительственная газета» — газета правительства Германии издававшаяся с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

ограничено с самого начала.

Штейнбауэр: Каким было положение германской полиции в Нидерландах? Германская полиция непосредственно подчинялась подсудимому Зейсс-Инкварту или находилась в подчинении рейхсляйтера СС Гиммлера?

Ламмерс: Условия там были именно такими же, или схожими, как я описывал вчера в связи с Генерал-губернаторством. Высший руководитель СС и полиции находился в распоряжении рейхскомиссара, но технические инструкции поступали от Гиммлера.

Штейнбауэр: Спасибо.

Свидетель, вы вспоминаете, что в начале 1944 вы передали подсудимому, как рейхскомиссару Нидерландов приказ фюрера согласно которому, он должен был отобрать 250000 рабочих в Нидерландах, и что Зейсс-Инкварт отказал в этом?

Ламмерс: Это письмо которое я уже упоминал, когда мне задавали вопросы о Заукеле. Это циркулярное письмо в котором каждого просили оказать поддержку акциям Заукеля и отдельным ведомствам дали приказы о количестве рабочих которых они должны были поставить. Однако, я не могу вспомнить, было ли в случае Зейсс-Инкварта числом 250000. Но я знаю о том, что Зейсс-Инкварт говорил мне о том, что у него были значительные сомнения в получении цифр приказанных ему. Он хотел донести эти сомнения до фюрера.

Штейнбауэр: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Латернзер: Свидетель, Гитлер пришёл к власти в 1933 при помощи Рейхсвера[86], то есть, тогда использовалось какое-то военное давление?

Ламмерс: Лично я прямо не участвовал в захвате власти. Поэтому я не могу сказать вам о конкретных подробностях. Во всяком случае, мне ничего не известно о каком-то влиянии Рейхсвера на захват власти. Я полагаю, что если бы дело было так, об этом бы услышали.

Латернзер: В 1934 последовало объединение должностей главы государства и рейхсканцлера в лице Гитлера. Военное руководство могло отказаться присягать на верность Гитлеру не нарушив закон?

Ламмерс: Закон о главе государства был введен конституционно и соответственно фюрер стал верховным главнокомандующим вооруженных сил. Никакой возможности сопротивляться не существовало. Это было бы прямым мятежом, это было бы восстанием.

Латернзер: Вы, когда-нибудь слышали о том, что военное руководство вносило предложения о начале или подготовке агрессивной войны?

Ламмерс: Нет, никак.

Латернзер: Хорошо известно, что Гитлер никак не позволял военному руководству влиять на свои политические решения. Вам известны высказывания Гитлера в

86 Вооружённые силы Веймарской Республики, Рейхсвер— вооружённые силы Германии в период с 1919 года по 1935 год, ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 года.

которых он отказывал генералам в праве на политическое суждение?

Ламмерс: С военной точки зрения фюрер восхвалял генералов как группу, а также очень высоко отдельных генералов. Что касалось политики, он всегда считал, что они ничего не понимают в политике и что нужно, насколько возможно, держать их дальше от положения в котором нужно решать о политической обстановке.

Латернзер: Также известно, что Гитлер не выносил никаких возражений. Не это являлось реальной причиной увольнения Бломберга и увольнения Фрича[87] и Бека[88] – тот факт, что они постоянно ему возражали?

Ламмерс: Да, я могу полагать, что такие личные разногласия в конце концов привели к увольнению Шахта, Бломберга, Нейрата и Фрича. Но я никогда не присутствовал на таких совещаниях и поэтому не могу сообщить о том, что говорилось. Но я думаю, что они часто возражали фюреру.

Латернзер: Гитлер не доверял генералам, в частности из армии?

Ламмерс: Нельзя это обобщать. Фюрер был довольно сдержанным в отношении большинства людей. Он говорил каждому только о том, что его касалось. Если вы можете назвать это недоверием, тогда такое недоверие присутствовало в отношении почти всех министров и генералов, так как никому не говорили больше того чем фюрер хотел, чтобы они слышали.

Латернзер: В кругу лиц к которым Гитлер имел полное доверие был какой-то военный руководитель?

Ламмерс: Мне так не кажется, я не знаю ни одного.

Латернзер: И последний вопрос. В чём заключалась причина передачи большинства оккупированных территорий рейхскомиссарам и только немногих под военную администрацию?

Ламмерс: Как правило это было желанием фюрера, чтобы оккупированные территории управлялись политическим руководством. Он считал генералов неподходившими этой задаче, потому что он обвинял их – можно так сказать – в отсутствии политического инстинкта.

Латернзер: Не было плана заменить военную администрацию в Бельгии гражданским комиссаром даже до 1944?

Ламмерс: Это задумывалось задолго до этого. Подготовка уже шла, но фюрер не мог решить о введении этого, потому что он всегда говорил о том, что в случае Бельгии были очень важные военные причины не вводить гражданскую администрацию, так как Бельгия могла стать зоной военных действий. Поэтому решение отложили на год и дальше.

Латернзер: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

---

87 Вернер фон Фрич (1880 — 1939), генерал-полковник Вермахта. Главнокомандующий сухопутными войсками в 1935-1938. Убит в бою под Варшавой.

88 Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян после провала заговора против Гитлера.

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?
Джонс: Свидетель, есть один вопрос о котором я хочу вас спросить – о полномочиях рейхсминистров согласно конституции нацистской Германии. Из ваших показаний кажется, что они были людьми с небольшими полномочиями, или компетенцией, или командной властью, любого рода, что они были слабаками. Это так?
Ламмерс: Что же, слишком сильно сказать, что не было полномочий. Я имею в виду в политике…
Джонс: Но они были очень ограниченными. Вы это говорите трибуналу, не так ли?
Ламмерс: В основном они были административными начальниками в своих министерствах. Они не являлись политическими министрами с которыми консультировались в отношении масштабных политических вопросов.
Джонс: Меньше полномочий чем имели министры Германии согласно предыдущей конституции?
Ламмерс: Так несомненно обстояло дело, так как согласно бывшей конституции проводились голосования и министр по крайней мере мог выразить свои полномочия проголосовав против чего-то в кабинете.
Джонс: Я собираюсь предъявить вам несколько замечаний, которые вы сами сделали в 1938 о полномочиях министров в государстве фюрера. Я ссылаюсь на документ PS-3863. Это ваш комментарий о Staatsfuhrer[89] в Третьем Рейхе.

> «В результате такой полной концентрации верховной власти в лице фюрера однако, не имеется сильной и излишней централизации управления в руках фюрера. В своих основных работах об основной концепции государства фюрера я уже отмечал, что уважение полномочий подчинённого» - Unterfuhrer – «находящегося ниже его, запрещает вмешательство в каждый его отдельный приказ или мероприятие. Данный принцип использован фюрером в его руководстве правительством таким образом, что, например, положение рейхсминистров на самом деле гораздо более самостоятельное нежели раньше, даже при том, что сегодня рейхсминистры подчиняются неограниченной командной власти фюрера, в отношении их официальной области и в отношении каждой отдельной меры и решения по повседневным вопросам. Готовность нести ответственность, решительность, энергичность, удвоенные инициативностью и настоящими полномочиями, вот те качества которых прежде всего требует фюрер от своих подчинённых. Поэтому он позволяет им величайшую свободу при ведении своих дел и при выполнении своих задач. Он далёк от осуществления мелочной или даже придирчивой критики».

Такая картина полномочий рейхсминистров, весьма отличается от той

89 Государство фюрера (нем.)

картины которую вы нарисовали трибуналу, не так ли?

Ламмерс: По моему мнению, здесь нет ни малейшего противоречия. Всё, что я здесь сказал это то, что каждый министр обычно не мог иметь слова в масштабной политике. Однако, в собственной сфере, он был верховным административным начальником. Я объяснял там, что как подчинённый он имел широчайшие полномочия, постольку, поскольку фюрер оставил ему такие полномочия, и что фюрер бессмысленно не вмешивался в эти полномочия. Он об этом не задумывался. Это касалось второстепенных и третьестепенных вопросов, масштабную политику там не обсуждали.

Джонс: Понимаете, ваша картина администрации этого большого государства нацистской Германии, это картина одного человека решавшего по всем принципиальным вопросом исходя из своей силы интуиции. Такую картину вы стремитесь представить трибуналу?

Ламмерс: Да. Министр был верховным руководителем в своей собственной сфере и постольку поскольку он не был ограничен, он имел большие полномочия нежели имел любой министр раньше, потому что фюрер не вмешивался в небольшие вопросы.

Джонс: В случае подсудимого Функа, например, вы говорите, что он был маленьким человеком без полномочий, без влияния в решениях по делам. Это так?

Ламмерс: Относительно масштабных политических вопросов он не имел никаких полномочий. Но внутри своего ведомства он имел существенное влияние. Но это были второстепенные или третьестепенные вопросы.

Джонс: Но решения, как то обосновать важные экономические вопросы подобные количеству товаров подлежавших извлечению из оккупированных территорий, решения фюрера основывались на доводах и рекомендациях министров подобных Функу, не так ли?

Ламмерс: Я не знаю. Финансовой политикой на оккупированных территориях руководил министр восточных территорий или рейхскомиссары совместно с рейхсминистром финансов.

Джонс: Но, что касалось решений по экономическим вопросам связанным с оккупированными территориями, подобным рекомендациям по стоимости оккупации, по технике приобретения на чёрном рынке, люди подобные Функу должны были давать рекомендации по определению политики в таких вопросах, не так ли?

Ламмерс: Да, он сотрудничал, но он не имел никакой власти, такой как у рейхскомиссара на оккупированных территориях. Рейхскомиссары подчинялись напрямую Гитлеру.

Джонс: Все эти министры сотрудничали в своей сфере и были незаменимы для работы нацистского государства, не так ли?

Ламмерс: Да, конечно сотрудничество было необходимо. Это не означает, что Функ

имел полномочия отдавать приказы на оккупированных территориях. Он конечно такого не имел.

Джонс: Вы, что касалось Функа, занимались тем, чтобы уточнять в чём заключалось его положение в государстве. Вы вспоминаете, чтобы вы занимались уточнением вопроса о том, прямо ли подчиняется Функ фюреру или нет? Вы это помните?

Ламмерс: Да, конечно Функ, как министр, подчинялся фюреру.

Джонс: И он лично советовал фюреру, не так ли?

Ламмерс: Он очень редко видел фюрера.

Джонс: Но, в жизненно важной сфере финансирования перевооружения, например, он должен было доводить до фюрера важные решения и советовать фюреру, не так ли?

Ламмерс: Я не знаю в какой мере фюрер направлял за ним, так как я не присутствовал на совещаниях по поводу кредитования вооружения и перевооружения.

Джонс: Я хочу задать вам ещё один вопрос относительно министерских вопросов. Министры без портфеля продолжали получать сообщения рейхскабинету, не так ли?

Ламмерс: Они получали тексты тем для обсуждения.

Джонс: Например, подсудимый Франк как министр без портфеля?

Ламмерс: Да.

Джонс: Он продолжал получать сообщения в качестве министра без портфеля?

Ламмерс: Он получал все тексты которые получали другие министры, с учётом общей рассылки.

Джонс: И на самом деле, когда он был генерал-губернатором Генерал-губернаторства, он сохранял министерский офис для того, чтобы заниматься вопросами поступавшими в рейхскабинет?

Ламмерс: О ком вы говорите? Франк?

Джонс: Я говорю о подсудимом Франке, да.

Ламмерс: Франк имел кабинет в Берлине куда ему доставляли министерские вопросы.

Джонс: Таким образом, рейхскабинет на самом деле не собирался, но продолжал существовать, не так ли?

Ламмерс: Рейхскабинет существовал только для таких законодательных и административных вопросов, которыми можно было руководить в письменном виде и путём циркулярных писем.

Джонс: И члены рейхскабинета, подобные Франку продолжали получать сообщения о законодательных задачах и решениях рейхскабинета, при том, что они не могли совещаться или встречаться?

Ламмерс: Они получали такие сообщения.

Джонс: Думаю время прерваться.

Председатель: Да.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Джонс: Свидетель, я хочу задать вам несколько вопросов о подсудимом Франке. Франк ваш друг, не так ли?
Ламмерс: Франк?
Джонс: Да.
Ламмерс: Нет, у меня не очень близкая связь с Франком.

Перед тем как ответить на этот вопрос, я хочу разрешения вернуться к документу который вы мне ранее предъявили, который я смог дочитать только сейчас. Я хочу сказать два слова в связи с этим документом.
Джонс: Если защитник пожелает, чтобы вы к нему вернулись, я не сомневаюсь, что вы обратите ваше внимание на соответствующий вопрос.

А теперь не рассмотрите ли вы вопрос который я вам задал о подсудимом Франке? Вы говорите он не был вашим другом?
Ламмерс: Я его не особо хорошо знал, и у меня не было никакой тесной связи с ним нежели чем с другими людьми в правительстве Рейха.
Джонс: Не будет правильно сказать, что как и вы, он был одним из ведущих нацистских юристов?
Ламмерс: Что же, я никогда не думал о себе как о ведущем национал-социалистическом юристе.
Джонс: Вы говорите, что не были ведущим юристом, или что вы не были национал-социалистом?
Ламмерс: В первую очередь я считал себя юристом, экспертом по конституционному праву, которым я являлся многие годы, фактически с 1920 и при других правительствах, затем я вступил в национал-социалистическую партию и естественно при моём положении в национал-социалистическом государстве я прилагал все усилия для распространения национал-социалистической идее о праве.
Джонс: И вы сказали о том, что касалось Франка, он был юристом который возражал произвольному использованию силы полицей.
Ламмерс: Он сделал это в нескольких речах, и фюрер не одобрил такие речи.
Джонс: Он был человеком который верил в справедливые суды, не так ли?
Ламмерс: Какого рода суды вы имеете в виду? Я вас не слышу, здесь так шумно.
Джонс: Уголовные суды.
Ламмерс: Я не расслышал слово.
Джонс: Он был за честные суды, и он сопротивлялся произвольной власти СС? Такие ваши показания, не так ли?

Ламмерс: Он постоянно мне это говорил, и он часто высказывал это в своих речах.

Джонс: И вы говорите, что он был человеком который был за либеральное управление на территории где он был генерал-губернатором? Это так?

Ламмерс: Извиняюсь, но я не смог понять. Здесь так шумно, что я еле слышу половину того, что вы говорите, другая половина полностью теряется.

Джонс: Что же, попробуем снова. Вы, когда-нибудь слышали про «акцию АВ[90]» за которую Франк был ответственным в Генерал-губернаторстве?

Ламмерс: Это акция о которой я вообще ничего не знаю. Кто-то говорил мне название приблизительно неделю назад и говорил о том, что Франк обвиняется в «акции АВ». Я не знаю ни про какую «акцию АВ».

Джонс: Вы часто получали доклады Франка об управлении его территорией, не так ли?

Ламмерс: Между делом доклады направляли.

Джонс: Вы говорите о том, что Франк никогда не информировал вас об «акции АВ»?

Ламмерс: Да. Я не знаю, что это за «акция АВ».

Джонс: Я вам напомню. Это была акция, которая привела к резне цвета польской расы, польской интеллигенции.

Ламмерс: Я ничего не знаю о такой акции.

Джонс: Если вы взглянете на документ PS-2233, который уже предъявили как СССР-223, и который дневник Франка, вы увидите историю этой акции и возможно вспомните, что-то о её обстоятельствах.

Ламмерс: Пожалуйста, какая страница?

Джонс: На странице 8 приложения к этому тексту. Вы увидите на этой странице, что акция началась 16 мая с совещания на котором присутствовали Франк, генерал-губернатор, и рейхсминистр доктор Зейсс-Инкварт, государственный секретарь Бюлер[91], бригадефюрер Штреккенбах[92], полковник Мюллер. Вы увидите, что Франк незамедлительно распорядился, о том, чтобы задача выполнения чрезвычайной программы умиротворения была поручена начальнику полиции безопасности. Обсуждались самые важные детали акции, и бригадефюреру Штреккенбаху формально были предоставлены необходимые полномочия от генерал-губернатора. Генерал-губернатор приказал о том, чтобы подробный доклад представили к 30 мая.

Затем, я хочу, чтобы вы посмотрели на вторую страницу текста, доклад о совещании от 30 мая, где вы, и что ещё более важно, данный трибунал, сможет

90 Чрезвычайная акция по умиротворению (нем. Außerordentliche Befriedungsaktion) — операция по переводу отрядами СС и Гестапо интеллигенции в Генерал-Губернаторстве (часть оккупированной Польши во время II мировой войны) в концентрационные лагеря, во время Второй мировой войны, разработанная и проконтролированная Гансом Франком и его заместителем Артуром Зейс-Инквартом.

91 Йозеф Бюлер (1904 — 1948) — нацистский военный преступник, секретарь и заместитель генерал-губернатора Ганса Франка. Казнён по приговору польского суда.

92 Бруно Штреккенбах (1902 — 1977) — один из руководителей СС; группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС и полиции (1941). В 1940-1942 начальник управления I РСХА. После войны осуждён судом в СССР к 25 годам лишения свободы. В 1955 передан ФРГ.

судить о том в какую юриспруденцию верили нацистские юристы.

Вы увидите на странице 43 английского текста PS-2233, доклад полицейского совещания от 30 мая, на котором присутствовали Франк и Крюгер и другие.

Ламмерс: Я никогда не присутствовал на совещаниях Губернаторства.

Джонс: Я хочу, чтобы вы поняли насколько далек Франк, апостол достоинства в администрации, от настоящего Франка который был генерал-губернатором Польши. Вы увидите, что Франк заявил: «Если бы я не имел здесь в стране старой нацистской гвардии бойцов полиции и СС, с кем бы я мог проводить такую политику?». Доклад, с которым уже знаком трибунал, продолжает описывать как, в то время как германские агрессии на Западе шли полным ходом, что для Франка было возможно провести эту акцию против польской интеллигенции.

Ламмерс: Если записи в дневнике генерал-губернатора не согласуются с тем, что я понял из речей которые он произносил на публике, я не могу дать никакого комментария. Я не знаю, что он говорил об этом. Может быть, что многие его речи противоречили другим речам которые он произносил в разное время. То, что я сказал касалось только тех речей которые не одобрил фюрер, которым он возражал, и которые привели к запрету Франку произносить речи или печатать их. Я ссылался на такие речи. Я сейчас не могу сказать какие другие речи произносил генерал-губернатор, и что записывал в свой дневник.

Джонс: Давайте поймем. Вам известно, что режим Франка в Генерал-губернаторстве был режимом убийцы?

Ламмерс: Я никогда об этом не слышал.

Джонс: Вы получали от него какие-нибудь доклады, или из других источников о злоупотреблениях в Генерал-губернаторстве?

Ламмерс: Жалобы на злоупотребления в Генерал-губернаторстве часто поступали от самого Франка, а также из других ведомств против Франка.

Джонс: У вас имелись сведения о безграничной жестокости методов Франка в Генерал-губернаторстве?

Ламмерс: Я услышал только половину вашего вопроса.

Джонс: Вы получали доклады от Франка о том, что он делал в Генерал-губернаторстве, не так ли?

Ламмерс: Да. Доклады были частыми и я немедленно передавал их фюреру. Большинство из них шли к рейхсляйтеру Борману или в адьютантский отдел фюрера. Это были доклады…

Джонс: Минуточку. Если вы задумаетесь над вопросами которые я вам задаю, мы пойдем гораздо быстрее. Просто ответьте на заданный вопрос, кратко. Я собираюсь предъявить вам одно сообщение, которое как указывает дневник Франка вы получили. На странице 41 английского текста дневника Франка, есть запись от 5 августа:

«Генерал-губернатор направил следующий телетайп рейхсминистру доктору Ламмерсу:

Город Варшава по большей части объят огнём. Сжигание домов также является самым верным способом лишения мятежников укрытий. После этого восстания и его подавления ее заслуженная судьба полного уничтожения по праву настигнет Варшаву или ждет её».

Вы вспоминаете получение этого телетайпа?

Ламмерс: По моим сведениям этот доклад поступал и был немедленно передан фюреру. Однако, я не касался самой акции, это была военная мера и военные доклады обычно напрямую шли к фюреру. По всей вероятности я передал это сообщение по телетайпу не только фюреру, но и возможно начальнику ОКВ.

Джонс: Меня не касается то, что вы делали в этих обстоятельствах, меня интересуют ваши сведения, потому что вы отрицали в этом трибунале, снова и снова, что вы, когда-либо знали об этих мерзостях которые совершались при нацистском режиме. Просто рассмотрите вопрос вашей осведомленности.

Вы сказали…

Ламмерс: Я знаю, что этот доклад получили…

Джонс: И это было характеристикой сообщения Франка, не так ли?

Ламмерс: И о том, что распорядились об акции уничтожения в Варшаве, и что в Варшаве шли бои. В конце концов, я не имел права отдавать приказы генерал-губернатору. Я могу только передать его доклад фюреру. Доклад имел значение для фюрера, но не для меня лично.

Джонс: Вы говорите, что Франк возражал учреждению концентрационных лагерей. Такие ваши показания, не так ли? Это ваши показания, что Франк возражал концентрационным лагерям?

Ламмерс: Да. Франк лично говорил мне о том, что он принципиально возражает интернированию в концентрационных лагерях, так как он соглашался с моим взглядом о том, что такая процедура должна по крайней мере иметь правовую основу.

Джонс: Это он вам говорил?

Ламмерс: Да, так он мне говорил. Да.

Джонс: Позвольте мне прочесть вам один короткий фрагмент из его дневника, чтобы показать почему он не одобрял концентрационные лагеря. Я читаю со страницы 45 дневника. Он ссылается на польскую интеллигенцию и говорит:

«Первое, нам не следует депортировать такие элементы в концентрационные лагеря в Рейхе, потому что тогда у нас будет только беспокойство и ненужная переписка с их семьями, вместо этого мы должны снимать вопросы в самой стране».

Затем он продолжает говорить, что:

«…мы не намерены создавать концентрационные лагеря в подлинном

> смысле слова, здесь в Генерал-губернаторстве. Любых заключённых из Генерал-губернаторства которые находятся в концентрационных лагерях Рейха следует передавать нам для акции АВ, или разбираться с ними здесь. Всякого подозреваемого нужно немедленно ликвидировать здесь».

Вот почему Франк возражал введению концентрационных лагерей. Он верил в незамедлительное убийство, не так ли?

Ламмерс: Может быть, что дневники Франка и его действия не согласуются с тем о чём он мне говорил, но я знаю только о том, что он мне говорил как о своём мнении о концентрационных лагерях. Я не знаю о чём он писал в своих дневниках, как и не знаю, что делал на практике, я не имел никакого права осуществлять надзор за Генерал-губернаторством.

Джонс: Вы говорили о битве между Франком и различными рейхскомиссарами, и рейхсминистрами и СС. Я предложу вам, что битва между Франком и бригадефюрером СС Крюгером была битвой за власть, битвой между личностями, и никак не связана с желанием Франка видеть достоинство и справедливость определявшими управление Генерал-губернаторством.

Ламмерс: Если вы имеете в виду, что заявления Франка не согласуются с его действиями, вы должны спросить об этом господина Франка. Я не ответственен за его действия. Я могу сказать только о том, что мне говорил господин Франк.

Джонс: Поймите, вы получали доклады не только от самого Франка, но и от СС, не так ли?

Ламмерс: Мне поступало много докладов и они передавались обычным образом, так как я был не более чем каналом для таких докладов. Во всяком случае, доклады от СС в большинстве случаев не проходили через моё ведомство.

Джонс: Вы были ещё одним из этих высокопоставленных почтовых ведомств которые основали в нацистком Рейхе, не так ли?

Ламмерс: Извиняюсь, я это не понял.

Джонс: Вы помните связь с Гиммлером о ситуации в Генерал-губернаторстве?

Ламмерс: Да, конечно. Я знаю о том, что Гиммлер хотел устранить генерал-губернатора Франка из Генерал-губернаторства. Он бы предпочёл иметь кого-то другого генерал-губернатором.

Джонс: Вы представили Гиммлеру доклад в силу вашей дискуссии которая была у вас с генералом СС Крюгером, не так ли?

Ламмерс: Я сейчас не могу вспомнить дискуссию с генералом Крюгером, пока мне не дали более точную информацию о том, когда она состоялась.

Джонс: Вы посмотрите на документ PS-2220, который экземпляр USA-175. Это доклад Гиммлеру. Вы увидите, что этот доклад датирован 17 апреля 1943, адресован Гиммлеру в связи с обстановкой в Генерал-губернаторстве. Я прочту кое-что из него, это раньше не оглашали:

> «Дорогой господин рейхсфюрер:
>
> На нашем совещании 27 марта сего года мы согласились о том, что необходимо подготовить письменный материал по обстановке в Генерал-губернаторстве на основе которого можно подготовить совместный доклад фюреру».

Это был совместный доклад вас и СС, и затем следующий абзац гласит: «Материал…

Ламмерс: Это был доклад подготовленный по инструкциям данным мне фюрером о расследовании определённых жалоб на Франка. Поступила серия жалоб на Франка и фюрер дал указания, чтобы Гиммлер и я изучили вопрос. Этот вопрос мы сейчас рассматриваем.

Джонс: И вы и ваш коллега Гиммлер, поймите, весьма были заинтересованы в этом вопросе. Я лишь хочу, чтобы вы дальше посмотрели в доклад. Вы увидите, что в самом докладе это озаглавлено, в абзаце A:

> «Задачи германской администрации в Генерал-губернаторстве.
>
> Германская администрация в Генерал-губернаторстве должна выполнять следующие задачи:
>
> 1. С целью гарантирования поставок продовольствия для немецкого народа, увеличивать сельскохозяйственное производство и уборку настолько полную насколько возможно, предоставлять достаточные пайки местному населению занятому работой важной для военных усилий и поставлять излишек вооружённым силам и родине».

Затем он продолжает с трудностями извлечения достаточной рабочей силы и товаров с территории Генерал-губернаторства в пользу Третьего Рейха. И затем в конце он особо рассматривает использование рабочей силы, и это тот абзац на который я особенно хочу обратить ваше внимание. Вы нашли абзац названный: «Мобилизация рабочей силы» рассматривающий трудности с которыми столкнулась администрация Генерал-губернаторства? Я обращаю на это ваше внимание, потому что здесь имеется фраза: «Ясно, что эти трудности возрастают в результате устранения еврейской рабочей силы».

Ламмерс: Где это, пожалуйста?

Джонс: Это абзац под названием: «Мобилизация рабочей силы».

Ламмерс: Да, но это не мой доклад.

Джонс: Но вы сказали в своём сопроводительном письме о том, что меморандум был проверен с обергруппенфюрером СС Крюгером, который полностью с ним согласен. Вы вспоминаете, что в своём сопроводительном письмо вы указали, что этот меморандум принят вами к сведению. Итак, писали вы это или нет, это не тот вопрос который меня сейчас касается. Что я хочу, чтобы вы пояснили трибуналу, это прежде всего, вы признаете, что этот доклад содержал фразу: «Ясно, что эти трудности возрастают в результате устранения еврейской рабочей силы?».

Ламмерс: Можно, пожалуйста дать мне время прочесть этот документ полностью? Я не могу ответить на документ длинной в несколько страниц пока не прочёл их. Я считаю это совершенно невозможным, и я прошу времени прочесть доклад длинной в несколько страниц.
Джонс: У вас было требуемое время, но я хочу, чтобы вы затронули одну фразу, поймите. Вы можете принять, что в предпоследнем абзаце доклада есть фраза об устранении еврейской рабочей силы, и что я вам предлагаю это…
Ламмерс: Нет – где это? Я не прочёл фразу. Я пока не нашёл место. Где мне это найти? Это вверху или внизу страницы? Если бы я мог прочесть всю страницу, я найду страницу, мне нужно для этого несколько минут. Вы можете указать мне приблизительное место? Очевидно это доклад Крюгера и возможно он имеет в виду дальнейшую эвакуацию евреев на Восток. Я не знаю, что вы имеете в виду под «устранением». При всём желании я не могу дать вам в спешке объяснение об одной фразе взятой из контекста на 14 страницах. Это абсолютно невозможно.
Джонс: Вы говорите, что устранение еврейской рабочей силы нужно переводить как эмиграцию еврейской рабочей силы?
Ламмерс: Я не знаю. Мне нужно прочесть документ целиком, чтобы дать вам объяснение доклада. Здесь 14 страниц мелким шрифтом, не написанные мною, и я не знаю с чем он связан.
Джонс: Вам известно, не так ли, что Ганс Франк лично выступал за политику уничтожения еврейского народа?
Ламмерс: Я не знаю разделял ли он такой взгляд. Он говорил мне прямо противоположное, и как свидетель я могу рассказать вам о том, что он говорил мне, а не то, что он говорил везде.
Джонс: Поймите, трибуналу читали фрагменты из дневника Франка в котором он говорит, что: «Моё отношение к евреям…» - и это находится на странице 12 немецкой копии – «моё отношение к евреям такое, что я ожидаю, что все они исчезнут». И он говорил, о 3 ½ миллионах евреев Генерал-губернаторства, что: «Нельзя их расстрелять или потравить их, но мы можем предпринять шаги для того, чтобы успешно уничтожить их. Генерал-губернаторство должно стать свободным от евреев как и Рейх».

Вы говорите, что Франк не высказывал вам похожие взгляды?
Ламмерс: Если Франк сделал такие записи в своём дневнике и если он действительно так говорил, то это противоречит тому, что он говорил мне. Вот, всё, что я могу об этом сказать.
Джонс: Вы знали о том, что дневник Франк указывает на то, что к 9 сентября 1941 в Генерал-губернаторстве было 3 ½ миллиона евреев и когда он сделал запись от 2 августа 1943, он сказал о том, что осталось несколько рабочих рот? Вы об этом не знали?
Ламмерс: Я не знаю, что это случилось, потому что он ничего мне об этом не

говорил. Лично он должен отвечать за то, что он говорил в своём дневнике. Он сам должен установить делал ли он это или нет. Я ничего не знал об этих вещах.

Джонс: В виду вашего перевода «устранения» как «эмиграции», Франк говорил в связи с этими миллионами, которые как известно трибуналу были убиты: «Как и остальные, скажем, эмигрировали». Вы используете слово «эмигировали» в одинаково циничном и жестоком смысле?

Ламмерс: Я не в состоянии комментировать дневник господина Франка. Господин Франк должен сделать это сам.

Джонс: Вы, свидетель, были с самого начала этой истории террора вовлечены в содействие разработке законодательства о достижении цели расового преследования, не так ли? Это не так? Вы не поставили свою подпись на указе фюрера уполномочившего Гиммлера осуществлять необходимые меры для устранения с территории Рейха расовых элементов которые вы, нацисты, не одобряли?

Ламмерс: Я не помню, чтобы когда-нибудь подписывал нечто такое.

Джонс: Что же, я обращаю ваше внимание. Это документ PS-686, который экземпляр USA-305. Это указ Гитлера об укреплении немецкого фолькдома. Это его название. Он датирован 7 октября.

Ламмерс: Да, я знаю указ.

Джонс: Я думал, что он вас не удивит.

Ламмерс: Но он ничего не говорил о том, что вы утверждали.

Джонс: Посмотрим на первый пункт. Он гласит:

> «Рейхсфюрер СС ответственен, согласно моим указаниям:
>
> 1. За окончательное возвращение в Рейх всех немецких граждан и расовых немецев за рубежом;
>
> 2. За устранение вредного влияния таких враждебных частей населения, представляющих угрозу Рейху и немецкому народу».

Затем он продолжает: «Формирование новых немецких поселенческих районов, путём переселения…», и сказано:

> «Рейхсфюрер СС уполномочен предпринимать необходимые меры для исполнения своих обязанностей».

Вы подписали этот указ, не так ли?

Ламмерс: Это верно, но он ничего не говорит об убийстве евреев. Он говорит об устранении вредного влияния оказываемого вражебным населением. Не говорится об устранении чужаков, а только об устранении влияния враждебных элементов населения, устранение влияния человека не означает устранение самого человека.

Джонс: Вы, как глава рейхсканцелярии, человек который знал обо всех тайнах Третьего Рейха, говорите трибуналу о том, что не имели сведений об убийстве миллионов и миллионов которых убивали при нацистском режиме?

Ламмерс: Я хочу сказать, что я ничего не знал об этом до момента краха, то есть,

конца апреля 1945 или начала мая, когда я услышал доклады зарубежных станций. Тогда я им не поверил, и только позднее я нашёл здесь материал, в газетах. Если мы говорим сейчас об устранении вредного влияния это далеко по смыслу от уничтожения. Фюрер не говорил ни слова об убийстве, никогда не упоминался такой план.

Джонс: Я хочу обратить ваше внимание на подсудимого Розенберга. Вы сказали нам о том, что впервые слышали о нескольких важных военных операциях Третьего Рейха из газет. Из газет вы услышали о нацистских планах вторжения в Советский Союз?

Ламмерс: Я узнал об агрессивной войне против России только, когда всё свершилось. Фюрер до этого ни говорил ни слова об агрессивной войне против России. Он говорил только о военных осложнениях с Россией которые могли быть неминуемы, но я не интерпретировал это как означавшее агрессивную войну против России.

Джонс: Вы знали о том, что война между нацистской Германией и Советским Союзом была оборонительной войной со стороны нацистской Германии?

Ламмерс: Фюрер никогда не говорил мне ничего кроме того о чём я уже сказал, что наблюдалась концентрация войск которая привела нас к выводу о том, что можно ожидать военных осложнений с Россией. «Я хочу быть готов к любой возможности» - и поэтому господин Розенберг должен заниматься восточными вопросами». Вот всё, что я слышал и был совершенно не осведомлен о факте, что агрессивную войну будут вести против России.

Джонс: Минуточку.

Ламмерс: Из разных инцидентов можно было прийти к выводу о том, что нам следует ожидать атаку, по крайней мере, нам это так представляли, насколько мы были информированы.

Джонс: Но вы, вы знаете, свидетель, что уже 20 апреля 1941 Гитлер планировал и разрабатывал детали акции против Советского Союза. Взгляните на документ PS-865, экземпляр USA-143, не так ли? Это, как видите, указ фюрера от 20 апреля 1941, и позвольте мне напомнить вам, что вторжение в Советский Союз нацистской Германии не состоялось до 22 июня. 20 апреля вы подписали этот указ в котором Гитлер назначил Розенберга «моим уполномоченным по централизованному контролю в вопросах связанных с восточноевропейским регионом».

Ламмерс: Да, правильно. Я никогда не свидетельствовал ни о чём другом. Это была задача, первая задачу которую дали Розенбергу, и по этому поводу фюрер выступал о возможных военных осложнениях с Россией и дал Розенбергу его полномочия.

Джонс: Минуточку. Ответьте на вопрос. Я сейчас вам это предъявляю. Вы можете дать пояснения позже. Посмотрите ниже документа PS-865. Вы увидите письмо от вас Кейтелю, от 21 апреля, в котором вы говорите:

«Настоящим направляю вам копию указа фюрера от 20-го сего месяца

которым фюрер назначил рейхсляйтера Розенберга в качестве своего уполномоченного по централизованному контролю в вопросах связанных с восточноевропейским регионом. В данном качестве рейхсляйтер Розенберг должен проводить всю необходимую подготовку к возможной чрезвычайной ситуации с большой скоростью».

Вы говорите, что такая ваша и Розенберга деятельность, в то время, не была связана с агрессивными планами со стороны нацистской Германии?

Ламмерс: Я категорически так не скажу. Под чрезвычайной ситуацией фюрер подразумевал, как я уже сказал, что фюрер верил в то, что может быть война с Россией. Это была чрезвычайная ситуация которая привела к назначению Розенберга. Здесь нет ни слова об агрессивной войне и на самом деле, такой вопрос не стоял.

Джонс: Вы знаете, что Розенберг был на связи с другими правительственными ведомствами Третьего Рейха, в связи с этой подготовкой агрессии против Советского Союза, за недели до того как состоялось вторжение, не так ли?

Ламмерс: На кого он должен был предлагался влиять? Я не расслышал, на кого он предлагался влиять.

Джонс: Наверное меня неправильно поняли. Он сотрудничал с другими ведомствами Третьего Рейха за недели до вторжения.

Ламмерс: Он мог работать с другими ведомствами при осуществлении своей задачи, но я не знаю в какой мере или с какой целью. Как и не знаю какие другие задачи ему дал фюрер.

Джонс: По крайней мере вы знаете о том, что Гитлер дал понять Розенбергу до того как он принял должность, в чём должны были заключаться основные принципы нацистской политики к покорённым территориям Советского Союза? Вы присутствовали на совещании Гитлера 16 июля 1941, когда он изложил принципы и цель в отношении Советского Союза?

Ламмерс: Это случилось после начала войны, а не до неё. До этого, никогда не было никакой дискуссии об агрессивной войне в моём присутствии.

Джонс: Вы сказали о том, что Розенберг был человеком который снова верил в либеральное обращение с теми кого завоевали нацистские армии, но вы были на совещании с Гитлером в июле 1941, в самые первые недели ответственности этого человека, и вы слышали Гитлера на этом совещании произносившего программу террора и жестокости, и эксплуатации, не так ли?

Ламмерс: 16 июля господин Розенберг уже заявил возражения этому.

Джонс: Но были сомнения которые не заставили его оставить свой пост и он продолжал пока Красная армия сделала своё положение немного некомфортным на Востоке, не так ли?

Ламмерс: Да, но он всегда следовал принципам умеренности. Я обсуждал

деятельность Розенберга общо. Я не могу свидетельствовать обо всех специальных мерах которые он предпринимал и не могу говорить ничего кроме того, что Розенберг говорил мне, он лично подавал мне жалобы и то, что он описывал мне свои цели. Если он действовал совсем по-другому, я ничего об этом не знаю.

Джонс: Вы были знакомы с конфликтом между Розенбергом и Кохом, рейхскомиссаром Украины, не так ли?

Ламмерс: Да, я знаю об этом всё. Розенберг всегда выступал за умеренное и разумное применение всех политических мер. Кох склонялся к более радикальному решению.

Джонс: Когда вы говорите «более радикальное решение», что вы имеете в виду «массовое убийство»?

Ламмерс: Нет, я совсем не это имел в виду.

Джонс: Но фактически вы знали о том, что Кох был убийцей, не так ли?

Ламмерс: Что Кох был убийцей?

Джонс: Да.

Ламмерс: Я не знаю подробностей. Я это не контролировал.

Джонс: Тогда я обращу на них ваше внимание. Посмотрите на документ PS-032, который будет экземпляром GB-321, документ который пока не предъявляли. Это доклад от 2 апреля 1943 от Розенберга Гиммлеру с копией для вас. Это доклад об убийстве людей в Цуманском лесном районе, для того, чтобы можно было создать место для охоты рейхскомиссара Коха.

Ламмерс: Я знаю об этой жалобе и даже представил её фюреру. Господин Розенберг объяснил, что рейхскомиссар Кох должен был иметь крупный лесной район очищенный от всех городов и деревень, потому что хотел там охотиться. Это представил Розенберг фюреру как жалобу.

Джонс: И это слово «очищены» - не означает эмиграцию или означает убийство?

Ламмерс: «Очистить» означает освободить район.

Джонс: Я не хочу, чтобы вы закрывали этот документ. Я хочу, чтобы вы посмотрели на этот документ, потому что вы отрицали сведения о том, что Кох был убийцей. Во втором абзаце доклада вы видите:

> «Я только, что получил следующий доклад от старого партийного товарища который 9 месяцев работал в Волыни и Подолье с целью подготовки передачи районного комиссариата или главного комиссариата в генеральном округе Волынь и Подолье. Отчёт гласит:
>
> По приказам высших квартир, должны были быть предприняты шаги для эвакуации целого района Цуман. И немцы и украинцы заявляют о том, что это было сделано потому что весь лесной район Цуман должен стать частным охотничьим угодьем рейхскомиссара. В декабре 1942, когда уже было сильно холодно, началась эвакуация. Сотни семей вынудили за ночь собрать свои пожитки и затем

> эвакуировали на расстояние более 60 километров. Сотни людей в Цумани и его окрестностях были расстреляны при помощи целой полицейской роты, ввиду коммунистических симпатий. Никто из украинцев не поверил этому…».

Свидетель, вы нашли это, свидетель? Так как я хочу, чтобы вы следили. Вы нашли это?

Ламмерс: Нет, пока не нашёл.

Джонс: Очень сложно следить за этими затруднительными частями документа, вам известно.

Ламмерс: Да, я нашёл место.

Джонс: Я прочту последнюю фразу, для того, чтобы освежить вашу память об этих убийствах:

> «Сотни людей в Цумани и его окрестностях были расстреляны при помощи целой полицейской роты, ввиду коммунистических симпатий. Никто из украинцев не поверил этому и немцы тоже были запутаны такой аргументацией, потому что даже если бы это сделали ради безопасности страны, то, одновременно, было необходимо казнить элементы заражённые коммунизмом в других регионах. Напротив по всей стране прямо утверждали, что этих людей безжалостно расстреляли без суда просто потому, что эвакуация была слишком обширной и не могла пройти за короткое время имевшееся у них в распоряжении и потому, что, во всяком случае, не было достаточно пространства на новом месте куда должны были расселять эвакуированных».

Вы хотите сказать, что после чтения этого доклада вы не знали о том, что Кох был убийцей?

Ламмерс: Получив этот доклад я сделал всё в своей власти. Доклад немедленно представили фюреру, и если это правда, я признаю, что это было убийством, но я не помню этот доклад. Если он убил этих людей, он убийца, но я не судья господину Коху.

Розенберг очень горько жаловался на это, и это немедленно передали фюреру.

Джонс: Розенберг остался в должности с этим человеком в качестве одного из своих рейхскомиссаров, не так ли?

Ламмерс: Фюрер попросил Бормана и меня решить, и он попытался успокоить Розенберга. Розенберг постоянно пытался подать в отставку, но не мог так сделать.

Джонс: Я хочу перейти к другой территории для того, чтобы вы могли дать суду дальнейшую информацию об условиях на оккупированных территориях, потому что то, что я предъявляю вам в целом, поймите, что битвы которые шли были битвами между беспощадными людьми боровшимися за власть и что было полное

отсутствие на этой сцене нацистского контроля любого человека который настаивал на человеческом достоинстве, настаивал на человеческой жалости. Вы тоже не настаивали на таких вещах, не так ли?

Ламмерс: Я не слышал, что бы я инициировал? Есть постоянные неполадки в этом канале. Вы повторите вопрос.

Джонс: Вы, в том положении в котором находились, не действовали на стороне человеческого достоинства при таком режиме, не так ли?

Ламмерс: Я всегда был на стороне человеческого достоинства и жалости. Я всегда делал такие вещи. Я спас жизни, наверное 100000-220000 евреев.

Джонс: Всё, что вы были должны, это передавать отчёты об уничтожении гиммлерам и борманам, и гитлерам, не так ли?

Ламмерс: Я никогда не передавал приказы об уничтожении.

Джонс: Есть один вопрос относящийся к подсудимому Кейтелю и безжалостной политике которую проводил Тербовен[93] против норвежского народа, который прошёл через ваши руки. Я обращаю ваше внимание на документ…

Ламмерс: Я только попросил господина Кейтеля определить свою точку зрения и снова возразил фюреру против расстрела заложников. Мои подчинённые могут ручаться за это.

Джонс: Я только хочу обратить ваше внимание на документ PS-871, который будет экземпляром GB-322, который письмо от Кейтеля вам и относится к докладу Тербовена в документе PS-870, который мой учёный друг сэр Дэвид Максвелл-Файф предъявил в связи с подсудимым Кейтелем.

Итак, вы увидите, что это письмо, PS-871, письмо Кейтеля вам, и в первом абзаце сказано:

> «В связи с проблемой контроля саботажа в Норвегии, я согласен с точкой зрения рейхскомиссара оккупированных норвежских территорий в такой мере, что я ожидаю результатов от репрессалий[94] только если они должны проводиться безжалостно и если рейхскомиссар Тербовен уполномочен расстреливать правонарушителей».

Ламмерс: Я представил это фюреру в то же время выразив свои взгляды на расстрел заложников, и мои доводы фюреру оказались успешными.

Джонс: Вы оказались успешным в этом?

Ламмерс: Фюрер, в дискуссии в которой участвовал Тербовен прямо сказал о том, чтобы расстрел заложников не проводился в таком масштабе как хотел он и кое-кто другой. Заложников должны были брать только из близкого круга правонарушителя.

Джонс: Значит эффект вашего вмешательства заключался в том, чтобы убийства не

---

93 Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством

94 Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

совершались в таком масштабе в каком хотел Тербовен, не так ли?

Ламмерс: Да, Тербовен хотел расстреливать заложников в большем масштабе, но фюрер не одобрил это и я возражал всякому расстрелу заложников. Чиновники рейхсканцелярии знают об этом и могут ручаться об этом.

Джонс: И в результате…

Ламмерс: Да, это правда, что я получил это письмо. Дело было так: сначала я получил просьбу Тербовена и затем написал фельдмаршалу Кейтелю и сказал ему о том, что намерен представить просьбу Тербовена фюреру. Я попросил его прокомментировать это. Затем от Кейтеля поступил телетайп и просьбу представили фюреру.

Просьбу Тербовена сгладили. Фюрер занял позицию о том, что самой важной вещью должна была быть поимка нарушителя и заложников должны были брать только в случае необходимости. Не говорилось об их расстреле.

Джонс: Свидетель, вам прекрасно известно, что на всех территориях где правила нацистская власть брали заложников, отцов и матерей убивали за действия их сыновей против нацистского режима. Вы говорите, что не знаете об этом?

Ламмерс: Нет, я не знал об этом, так как я не был контроллером оккупированных территорий и никогда там лично не был.

Джонс: Но вы получали оттуда регулярные доклады и вы были звеном между министрами оккупированных территорий и Гитлером. Минуточку – вы были звеном между – итак, будьте любезны выслушать мой вопрос? Вы были звеном между министрами оккупированных территорий и Гитлером, не так ли?

Ламмерс: Не во всех случаях. Многие от них шли через Бормана, в особенности Тербовен. Мои подчинённые в канцелярии могут ручаться за это. Тербовен постоянно избегал направления докладов через меня и направлял их через Бормана.

Джонс: Вы работали рука об руку.

Ламмерс: Да, я должен был с ним сотрудничать.

Джонс: Вы работали с рукой в перчатке с Борманом, вы знаете, не так ли?

Ламмерс: Да, я должен был с ним работать.

Джонс: Вы должны были с ним работать? Вы были главой рейхсканцелярии.

Ламмерс: Для того, чтобы представлять предложения фюреру я должен был работать с Борманом. Я должен был тесно с ним сотрудничать для того, чтобы иметь санкцию партии в бесчисленных примерах в которых предписывалась санкция партии, и по этой причине я был вынужден работать с Борманом.

Джонс: Вы находили неприятной работу с Борманом?

Ламмерс: Я не находил её неприятной. Моя обязанность заключалась в работе с ним.

Джонс: Конечно, я предлагаю вам, поймите, что власть которую имели вы и Борман была очень большой.

Ламмерс: Да, это осуществлялось очень односторонним образом, так как Борман

мог видеть фюрера каждый день, а я мог видеть его только раз в 6-8 недель. Борман передавал мне решения фюрера и имел личные беседы с фюрером, но я не имел.

Джонс: Вы до самого конца стремились сохранять своё сотрудничество с Борманом, не так ли?

Ламмерс: Я должен был работать с Борманом, это был единственный путь по которому можно было довести до фюрера определённые вещи. В течение последних 8 месяцев режима фюрера я не имел никаких бесед с ним и мог добиться только через Бормана вещей которых хотел.

Джонс: Вы написали Борману, помните, даже первого января 1945, письмо, документ D-753(a), экземпляр GB-323.

Ламмерс: Да, я помню. Письмо содержало – я могу рассказать вам это по памяти не читая письма – мои жалобы на то, что меня больше не допускали к фюреру и я говорил, что такое положение больше не может продолжаться.

Джонс: И вы говорите в этом письме в предпоследнем абзаце:

> «В наше предыдущее гармоничное сотрудничество длившееся долгое время вставили занозу разные личности которые хотели бы настроить нас друг против друга».

Это предпоследний вопрос вашего письма, почти в конце.

Ламмерс: Где это место?

Джонс: Предпоследний абзац вашего письма, третье предложение с конца.

Ламмерс: Фраза перед концом?

Джонс: Перед ним.

Ламмерс: «В заключение я хочу сказать» - вы говорите об этом абзаце?

Джонс: Предложение перед этим: «В наше предыдущее гармоничное сотрудничество…».

Ламмерс: Да, но я хочу добавить, что в конце я повторил своё пожелание наших сердечных личных отношений и я повторяю, что это было новогоднее письмо, и когда я пишу кому-то желая ему удачи в новом году, я не могу писать, что дела шли плохо в прошлом году, поэтому для того, чтобы сохранить сердечные отношения я говорю, что всё шло хорошо.

Джонс: Вы не стремитесь переложить ответственность в этом деле на Бормана. Вы были звеном между оккупированными территориями и Гитлером.

Ламмерс: Был, но не исключительно, только в вопросах второстепенной важности. Рейхскомиссары напрямую были ответственными перед фюрером.

Джонс: Я хочу задать вам некоторые вопросы, не про террор который существовал на территории оккупированной Германией, а о терроре в самой Германии. Вы свидетельствовали о том, что подсудимый Фрик как министр внутренних дел был на самом деле человеком без власти, слабаком. Такие, грубо ваши показания, не так ли?

Ламмерс: Я сказал, что он не имел влияния на полицию.

Джонс: Вы не знали о том, что апелляции на аресты в концентрационных лагерях поступали к Фрику?

Ламмерс: Да, много дел ссылались на Фрика.

Джонс: Вам известно осуществлял ли он свою власть каким-то существенным образом ради жертв которые находились в этих лагерях? Вы не услышали мой вопрос?

Ламмерс: Я вообще не слышу, я могу слышать половину от того, что вы говорите. Другие голоса идут по моему каналу. Наверное, мне лучше снять наушники.

Джонс: Нет, наденьте. Попытайтесь снова, просто наденьте их? Наденьте свои наушники, попробуйте и попытайтесь – спокойно, поймите, спокойно.

Это не факт, что Фрик был человеком которому шли обращения об освобождении из концентрационных лагерей?

Ламмерс: Фрик конечно получал такие обращения, но много обращений такого рода поступали ко мне, и я занимался ими. Я обращался с ними как с обращениями к фюреру. Их внимательно изучали и часто обеспечивали освобождение отдельных людей.

Джонс: Но, что делал Фрик как имевший полномочия в этих вопросах?

Ламмерс: Фрик часто передавал такие жалобы для доклада фюреру. Мне невозможно знать, что он делал с остальными жалобами.

Джонс: Я хочу, чтобы вы послушали письменные показания доктора Сидни Менделя, доктора права, которые экземпляр GB-324 (документ номер PS-3601). Он сказал, что он доктор права, что до конца 1938 он был членом берлинской коллегии и допущен в качестве адвоката в немецких судах. Его юридический адрес сейчас 85-20 Элмхёрст авеню, Элмхёрст, L.I., штат Нью-Йорк.

В качестве адвоката он вёл многочисленные дела по концентрационным делам в 1933-1938 годах. Он отчётливо помнит, что в 1934 и 1935 он обращался, в нескольких случаях, в министерство внутренних дел Фрика как вышестоящее ведомство над Гестапо за освобождением заключенных концентрационных лагерей. Министерство Фрика имело особые контрольные функции над концентрационными лагерями.

Лицо давшее показания далее заявляет, что он информировал министерство о незаконных арестах, избиениях, пытках и плохом обращении с заключёнными, но министерство отказало в освобождении и оставило в силе решения Гестапо.

Таким было отношение Фрика к этим вопросам, не так ли?

Ламмерс: Я на самом деле не знаю, какие шаги предпринимал Фрик в отношении полученных жалоб. Вам нужно спросить доктора Фрика.

Джонс: Но вы свидетельствовали в его интересах, поймите – о Фрике. Если теперь вы говорите, что ничего не знали о нём, тогда я не буду затруднять вас далее делом подсудимого Фрика, но вы дали о нём показания, вам известно.

Ламмерс: Я могу говорить только в общем о его отношении к полиции, но я не могу знать какие шаги он предпринимал в отношении писем которые он получал.

Джонс: Вы сказали о том, что в Протекторате Богемия и Моравия, Фрик снова был человеком без власти. Об этом были ваши показания, не так ли?

Ламмерс: Тогда я сказал о том, что он был в основном декоративной фигурой. Это не означает, что он не получал обращений или просьб, но я не знаю, что он считал правильным делать.

Джонс: Вы говорите он был декоративной личностью. Это вопрос вкуса. Но одна из его функций, во всяком случае, заключалась в том, что он был человеком решавшим о том исполнять ли на его территории смертные приговоры. Это не маленький вопрос для людей в Протекторате Богемия и Моравия, вы знаете.

Ламмерс: Да, пожалуйста уберите слово «декоративной». Я имею в виду более декоративной нежели активной, как глава государства, например, который обычно занимается только определёнными делами. Фрик был в таком положении. Он был главой германской организации и имел власть смягчать приговоры. Это, конечно был очень важный вопрос, я это не оспариваю.

Джонс: Свидетель, вы, совершенно прекрасно знаете, что в рамках власти Фрика было смягчать смертные приговоры которые исполняли на территории Богемии и Моравии, не так ли?

Ламмерс: Да, разумеется, это было в его власти, в этом нет сомнения.

Джонс: И я предлагаю вам, что Фрик не осуществлял помилование или влияние для смягчения, а напротив вводил жестокие средства против жертв нацистской администрации в этой несчастной части Европы.

Ламмерс: Фрик был уполномочен использовать своё собственное суждение в вопросе смягчения приговоров. Я не знаю на каком принципе он основывал свои действия.

Джонс: Вас с Фриком и министерством юстиции касалась разработка уголовных законов против поляков и евреев в аннексированных восточных территориях, не так ли?

Ламмерс: В министерстве юстиции одно время предусматривалось разбирательство, и министерство юстиции переписывалось со мной, но мне кажется ничего не продвинулось.

Джонс: Вы не принимали никакого участия в разработке этого законодательства, не так ли?

Ламмерс: Нет, я не знаком с этим. Мне кажется не было принято никакого специального закона, насколько я помню это оставили на гауляйтеров, вводить законы. Я не знаю.

Джонс: Законы оставили на гауляйтеров, на кохов и франков, и розенбергов, так получилось?

Ламмерс: Нет, мы говорим о провинциях Западная Пруссия и Позен, вот о чём была

наша переписка.
Джонс: Сейчас я хочу, чтобы вы ответили на некоторые вопросы о Заукеле.
Председатель: Нам нужно прерваться на 10 минут?
Джонс: С позволения вашей светлости.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Ламмерс вы слышите, что я говорю?
Ламмерс: Да.
Председатель: Что же, будьте любезны постараться и отвечать на вопросы после того как вам их задают и не прерывать вопросы? Постарайтесь и немного ждите до того как задают вопрос, потому что переводчики и стенографисты считают очень трудным записывать сказанное вами и переводить то, что вы говорите.
Джонс: Сейчас я хочу рассмотреть ваши отношения, с Зейсс-Инквартом. Вы получали от него доклады о его управлении в Нижних странах[95], не так ли?
Ламмерс: Было так: каждые три месяца или где-то так, направляли общий доклад и затем передавали фюреру. Мы также получали индивидуальные доклады.
Джонс: И в Нижних странах, как и везде, вам известно, что целью германской администрации было насколько возможно извлечение и эксплуатация этой территории в немецких целях, не так ли?
Ламмерс: Наша цель естественно заключалась в том, чтобы пользоваться оккупированными странами для нашего военного производства. Я ничего не знаю о каких-нибудь приказах об эксплуатации.
Джонс: Снижать их уровень жизни, доводить их до голода, это было одним из результатом нидерландской политики. Вы знали это, не так ли?
Ламмерс: Мне не кажется, что заходило настолько далеко. Лично я имел друзей и родственников в Голландии и знаю, что народ Голландии жил гораздо лучше чем мы в Германии.
Джонс: Я хочу, что вы взглянули на документ PS-997, который уже экземпляр номер RF-122, который включает письмо, которое вы направили Розенбергу, подсудимому, с приложением доклада направленного вам штабсляйтером Шикеданцем[96] фюреру, вместе с докладом подготовленным рейхскомиссаром доктором Зейсс-Инквартом, о периоде с 20 мая по 19 июля 1940. Если вы посмотрите на страницу 9 вашего текста, страница 5 английского текста, PS-997, вы увидите здесь первое заявление о чертах германской экономической политики в Нижних странах. Вы увидите абзац отмеченный в вашей копии, таким образом ваше

95 Нижние страны, нижние земли — термин для обозначения совокупности исторических государственных образований в нижнем течении и в дельтах западно-европейских рек Рейн, Шельда и Маас.
96 Арно Шикеданц (1892 — 1945) — партийный деятель Третьего Рейха, начальник штаба внешнеполитического управления НСДАП, айнзацштаба Розенберга. Занимал должности в оккупационных администрациях Польши, Норвегии. Перед началом битвы за Берлин покончил жизнь самоубийством.

затруденение в поиске этих фрагментов можно устранить. Вы видите, он гласит: «Необходимо снизить потребление населения…»

Ламмерс: Само собой разумеется, что в военное время потребление населения следует снижать. В этом нет намерения получения припасов для Рейха.

Джонс: Минуточку и я прочту вам отрывок:

> «Ясно, что с оккупацией Нидерландов следовало предпринять большое количество экономических и кроме того, полицейских мероприятий. Первые из них были направлены на снижение потребления населения для того, чтобы отчасти, получить припасы для Рейха, и частично, обеспечить единообразное распределение оставшихся запасов».

Это весьма ёмкое заявление об экономической политике которую Зейсс-Инкварт продвигал в голландском народе, не так ли?

Ламмерс: Да, и это тоже самая разумная политика. Нужно было снизить поставки для того, чтобы равномерно их распределять и получать, что-то для Рейха. Во всяком случае, доклад не мой, а был подготовлен господином Шикеданцем, и я не знаю правильный ли он.

Джонс: Но целью такого снижения потребления населения должна была быть польза для Рейха, для этого, таким образом территорию Нижних стран нужно было грабить для того, чтобы обогащался Рейх. Такой была общая политика, не так ли?

Ламмерс: Конечно же нет. Здесь, во-первых сказано, что поставки нужно приобретать для Рейха, и во-вторых, что различные поставки нужно равномерно распределять, это значит среди голландского народа. Здесь ни слова о политике эксплуатации.

Джонс: С позволения трибунала, у них есть документ и можно читать на языке оригинала.

[*Обращаясь к свидетелю*] Теперь я хочу обратить ваши мысли к подсудимому Заукелю. Вы, свидетель, прекрасно знали о широкой программе порабощения народов покорённых нацистскими силами которую применял Заукель, не так ли?

Ламмерс: Я видел программу Заукеля, а также правила подготовленные им для её применения. У меня не сложилось впечатление, что это была программа рабского труда. Заукель всегда был очень благожелательным и очень умеренным в своих взглядах и прилагал всяческие усилия для вербовки необходимых квот зарубежных рабочих путём добровольного найма.

Джонс: Вы предлагаете, что вы думали, что миллионы зарубежных рабочих которых Заукель притащил в Рейх прибыли добровольно?

Ламмерс: Не все они прибыли добровольно. Например, они прибывали из Франции в результате закона об обязательном труде введенного французским правительством. Они не прибывали добровольно, но из-за мер введённых

французским правительством.

Джонс: Я хочу, чтобы вы посмотрели на один из первых докладов которые вы получили от Заукеля о его трудовой программе. Это документ PS-1296, экземпляр номер GB-325. Он начинается с письма Заукеля вам от 29 июля 1942:

> «Дорогой рейхсминистр,
> Прилагаю для вашего сведения копию доклада фюреру и рейхсмаршалу великогерманского Рейха. Хайль Гитлер! Ваш преданный» - подписано – «Фриц Заукель».

Ламмерс: Да, этот отчёт должен был поступить ко мне.

Джонс: Да. И предположительно вы должны были его изучить, не так ли?

Ламмерс: Да, не сейчас, его представили мне для сведения.

Джонс: И вы изучали его тогда?

Ламмерс: Полагаю, что я его читал, быстро просмотрел его. Для меня он не представлял интереса.

Джонс: Вы увидите на первой странице самого доклада, что он отмечает, например, что в период с апреля по июль 1942, что было первым периодом деятельности Заукеля как генерального уполномоченного по рабочей силе, он всего получил 1 639 794 зарубежных рабочих и из них, как вы видите 221 009 были советско-русскими военнопленными. Вы видели это, не так ли?

Ламмерс: Возможно я читал это. У меня не было причины возражать ему. Заукель мне не подчинялся. Он на самом деле находился в подчинении четырёхлетнего плана, как показывает подпись. Он направлял доклады напрямую фюреру, и единственная причина почему я лично не передал этот доклад фюреру заключалась в том, что я знал, что этот же доклад дошёл до фюрера через рейхсляйтера Бормана. Иначе я не имел к этому никакого отношения.

Джонс: Но вы прекрасно знали, что это было решительно неправильно, не так ли, заставлять солдат которых взяли в плен в бою идти работать против собственной страны?

Ламмерс: Работа Заукеля заключалась в том, чтобы организовывать это с ведомствами с которыми он работал. Меня никогда не волновал этот вопрос. Это было дело Заукеля подготовить с соответствующими ведомствами, с Вермахтом, и возможно, в отношении международного права, с министерством иностранных дел. Более того, я не вижу упоминания здесь военнопленных.

Джонс: Я не хочу предлагать, чтобы вы…

Ламмерс: Я пока не прочёл ничего о военнопленных.

Джонс: Просто взгляните на первую страницу доклада. Знаете, в этом нет тайны. Вы прекрасно можете прочесть на немецком языке.

Ламмерс: Да, но я не могу прочесть за одну минуту несколько страниц.

Джонс: Взгляните на первую страницу доклада.

Ламмерс: Да, теперь вижу.

Джонс: И вы знали это в начале допроса по данной теме…[*Свидетель попытался прервать*]. Минуточку, если угодно. Когда я говорю, старайтесь ждать пока я закончу прежде чем прерывать. В противном случае механизм перевода не может обеспечить правильный перевод. Из этого доклада вы совершенно ясно видите, не так ли, что в те самые первые 4 месяца карьеры Заукеля как рабовладельца, он получил 221 009 советских военнопленных для работы в этом трудовом механизме?
Ламмерс: Подробности меня не интересовали. Я не имел полномочий надзирать за Заукелем. Был направлен доклад о том как он это сделал. Что касается того имел ли он право это делать, это вопрос который он должен был урегулировать с соответствующими ведомствами. Я не исследовал вопрос, потому что доклад мне направили только для сведения.
Джонс: Вы свидетельствовали в интересах Заукеля о том, что он сопротивлялся предложению о том, что СС должны были работать в его области трудовых кадров. Вы не говорили этого?
Ламмерс: Нет, я так не говорил. Я просто сказал, что он не хотел иметь только СС, а он хотел поддержки от любой исполнительной власти которая была доступна, это очевидно, конечно, что в партизанском районе это бы в основном были полиция и СС.
Джонс: И довольно просто, вы знали о том, что Заукель просил помощи от СС, чтобы получить больше рабочей силы. Вот так было потом, не так ли?
Ламмерс: Да. В противном случае он не мог работать в этих районах, если бы не поддерживался порядок.
Джонс: Посмотрите на документ PS-1292, который экземпляр USA-225 и RF-68. Это отчёт о совещании о распределении рабочей силы в 1944, 4 января, протокол который вы сами написали, поэтому если на, что и полагаться то на ваш доклад. Вы увидите, что на этом совещании был Гитлер, Заукель, Шпеер, Кейтель, Мильх[97], Гиммлер.
Ламмерс: Была подготовлена новая рабочая программа на 1944 и меня проинструктировали проинформировать заинтересованные ведомства. Я принял участие в этом совещании только потому, что это касалось меры о которой должен был знать ряд ведомств. В противном случае я бы в ней не участвовал.
Джонс: И на этом совещании Гитлер сказал о том, что Заукель должен получить по крайней мере ещё 4 миллиона рабочих для пула рабочей силы, не так ли?
Ламмерс: Возможно. Фюрер просил от Заукеля больше чем он мог предоставить.
Джонс: И Заукель сказал может ли он сделать это полагаясь в основном на германских агентов принуждения, его проект нельзя было осуществить внутренними агентами принуждения. И затем протокол продолжает:

«Рейхсфюрер СС объяснил, что оперативников предоставленных в его

97 Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

распоряжение очень мало, но что он» - то есть, Гиммлер – «постарается помочь проекту Заукеля увеличив их количество и сильнее нагружая их. Рейхсфюрер СС незамедлительно подготовил 2000-2600 человек из концентрационных лагерей пригодных для противовоздушных мер в Вене».

То есть, из этого доклада ясно, не так ли, что Заукель искал больше помощи от СС и, что Гиммлер сказал, что он приложит все усилия, чтобы ему помочь? Это не так?

Ламмерс: В этом нет сомнения, но Заукель не хотел помощи только от СС, он хотел получить любую необходимую помощь в соответствующей стране от соответствующей службы, как я уже сказал, например, полевой комендатуры.

Джонс: Есть последний документ который я хочу предъявить вам по Заукелю. Это документ PS-3819, экземпляр номер GB-306, небольшая часть которого оглашалась под протокол сэром Дэвидом Максвелл-Файфом. Это доклад Заукеля Гитлеру, от 17 марта 1944. Я понимаю, что вы возможно видели копию этого доклада, не так ли?

Ламмерс: Не знаю.

Джонс: Взгляните на него, потому что это наиболее иллюстрирующее об отношении Заукеля о содействии от СС и германской полиции.

Ламмерс: Да, он датирован 11 июля 1944. У меня тот, что датирован 11 июля 1944.

Джонс: Да.

Председатель: Господин Элвин Джонс, он говорит, что у него на руках документ от 11 июля 1944. Вы назвали документ от 17 марта, не так ли?

Джонс: Да.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы имеете протокол совещания. К нему не приложен доклад Заукеля от 17 марта?

Ламмерс: Здесь приложен доклад от 5 апреля.

Джонс: Милорд, я не трогаю эту часть документа.

[*Обращаясь к свидетелю*] Если вы перейдете к документу от 12 июля, это меня устроит. Вы помните, это ваш собственный доклад о совещании от 12 июля 1944 по вопросу увеличения получения зарубежной рабочей силы. И вы открыли это совещание, свидетель, не так ли?

Ламмерс: Я всегда был нейтральным агентом. Если были какие-то разногласия во мнениях, я предлагал свои услуги как посредник.

Джонс: В чём заключался ваш нейтралитет, свидетель?

Ламмерс: Я не имел ответственной должности. Другие ведомства имели собственные ведомственные интересы.

Джонс: Вы не были честным брокером между Заукелем и Гиммлером, не так ли?

Ламмерс: Я часто пытался стремиться к компромиссу между разными людьми, включая случаи Гиммлера и Заукеля, когда возникали споры, и думаю, без тени смущения в таком случае я был честным брокером. Я хотел добиться согласия

между этими двумя для того, чтобы не требовалось втягивать фюрера в эти разногласия.

Джонс: Взгляните на то как вы открыли это совещание. Вы сказали – это второе предложение ниже вашего имени:

> «Он ограничил предмет обсуждения изучением всех возможных средств достижения цели при нынешнем дефиците зарубежных рабочих».
>
> Затем вы говорите в следующем вопросе:
>
> «Следует выдвинуть на первый план вопрос о том можно ли и в какой форме более сильным принуждением заставить людей принять работу в Германии».
>
> Как вам известно, рабочее слово «принуждение».

Ламмерс: Да, возможно они думали о женском труде и снижении возрастных границ для несовершеннолетних рабочих.

Джонс: Продолжим со следующим предложением вашего заявления:

> «В данной связи мы должны рассмотреть, как оперативные сотрудники, недостаток которых это предмет сильных жалоб уполномоченного по рабочей силе, могут быть усилены с одной стороны путём осуществления влияния на зарубежные правительства и другим путём распространяя наши оперативные силы и интенсифицируя использование Вермахта, полиции и других германских служб».
>
> Как вы знаете, вы так открыли совещание.

Ламмерс: Так точно. Это были проблемы подлежавшие обсуждению.

Джонс: Обеспечивать больше принудительной рабочей силы и понять каких результатов можно добиться терроризируя полицией и давлением Риббентропа? В этом заключалась цель совещания, не так ли?

Ламмерс: Нет, наша целью заключалась не в том, чтобы рассматривать то как мы можем терроризировать людей, а то как мы можем исполнять официальные указы при необходимой поддержке исполнительной власти. Разумеется не предусматривались никакие террористические меры говоря о том, что нужно делать в данном вопросе. Я могу описать например случай Франции. Рабочие вербуемые Заукелем во Франции доставлялись на железнодорожную станцию сотрудниками транспорта как предписывал французский указ об обязательном труде. Всё было в порядке…

Джонс: Просто отвечайте на мои вопросы, ответите? Вы уходите в другой вопрос.

Ламмерс: Я не предлагал террористические меры. Нужно было применять какое-то принуждение каждому органу власти, но говорить об обязательности это никоим образом не терроризм, не преступление или нарушение.

Джонс: Я обращу ваше внимание на вклад генерала Варлимонта в эту дискуссию,

где он сказал:

«Войска используемые в борьбе с партизанами должны дополнительно принять задачу вербовки рабочей силы в партизанских районах. Всякий кто не сможет представить удовлетворительной причины своего пребывания в таких районах подлежит принудительной вербовке»

И вы сказали:

«По дальнейшему запросу рейхсминистра, доктора Ламмерса» - это страница 10 английского материала – «о том нельзя ли уводить пригодное к работе население вместе с войсками, полковник Заас, уполномоченный в Италии, заявил о том, что фельдмаршал Кессельринг[98] уже распорядился о том, чтобы население района уходящего в глубину 30 километров от фронта «захватывали».

Общий настрой этого совещания был про использование силы, не так ли, и взаимодействие исполнительных служб государства для получения необходимой принудительной рабочей силы для Рейха?

Ламмерс: Несомненно, нужно было применять определённую степень принуждения.

Джонс: Милорд, есть только ещё два вопроса, которые я считаю своим долгом предъявить свидетелю.

[*Обращаясь к свидетелю*] На вопрос об истреблении еврейского народа, вы сказали в своих показаниях до перерыва, что вы лично спасли 200000 евреев. Вы помните как сказали это трибуналу.

Ламмерс: Да.

Джонс: Я так понимаю, что вы спасли их от уничтожения.

Ламмерс: Нет. Я просто спасал их от эвакуации и ничего другого. Я потом узнал, конечно – сейчас – что на самом деле я спас их от смерти. Вы…

Джонс: Как вам известно, вы дали показания – секундочку – вы свидетельствовали трибуналу о совещании которое состоялось уже в 1943 куда вас пригласило Reichssicherheitshauptamt[99] направить представителя на совещание касавшееся еврейской проблемы. Вы помните, что говорили это трибуналу?

Ламмерс: Да, вопрос обсуждали. Это было совещание экспертов.

Джонс: Это было известное совещание под председательством Эйхмана[100], вы помните?

---

98 Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.

99 Главное управление безопасности Рейха (нем.)

100 Адольф Эйхман (1906—1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом Гестапо IV B 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». Оберштурмбаннфюрер СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был судим, приговорён к высшей мере наказания и казнён.

Ламмерс: Это я не знаю. Я лично не присутствовал, я просто направил подчинённого.

Джонс: Приглашение присутствовать на совещании, пришло от Кальтенбруннера, не так ли?

Ламмерс: Приглашение пришло от РСХА.

Джонс: Не от Кальтенбруннера лично.

Ламмерс: Не знаю.

Джонс: И вы направили на совещание представителя, не так ли?

Ламмерс: Кто-то должен был пойти как мой представитель, и он имел особый приказ слушать и не делать никаких комментариев во время совещания, потому, что я оставил за собой право доложить об этом фюреру.

Джонс: Вашего представителя проинструктировали не выражать никакого отношения на этом совещании? Вы это сказали трибуналу?

Ламмерс: Ему дали прямые приказы не делать никаких комментариев. Мой государственный секретарь, который дал ему инструкции, может это подтвердить. Он в любом случае не мог этого делать, так как не было достигнуто никаких решений. Но он не должен был давать никаких комментариев по собственной инициативе, потому что я планировал обсудить этот вопрос, который тогда описывали как «окончательное решение еврейской проблемы», с фюрером. По этой причине, я специально отдал приказ: «Без комментариев».

Джонс: Вы направили Готтфрида Боле как своего представителя на это совещание, не так ли?

Ламмерс: Не я его направил, мой государственный секретарь его направил и он даже не был компетентным экспертом, но между прочим…

Джонс: Просто отвечайте на мои вопросы, кратко, не так ли? Готтфрид Боле сделал вам доклад, не так ли?

Ламмерс: Я получил краткий письменный доклад, не устный доклад.

Джонс: А этот доклад показал вам, что Эйхман планировал уничтожение?

Ламмерс: Нет, ничего такого не было, и мы не знали об этом. По крайней мере, я не могу вспомнить, что там было, что-то такое, чтобы меня заставило предпринять немедленные меры.

Джонс: Вчера вы сказали трибуналу, что концентрационные лагеря не указывали в бюджете Рейха. Вы помните, что это говорили?

Ламмерс: Что было включено?

Джонс: Вчера…

Ламмерс: Не знаю. Я ничего не находил и не читал об этом.

Джонс: Вчера вы сказали трибуналу, что в бюджете Рейха не указывали ничего о концентрационных лагерях.

Ламмерс: Я ничего не находил об этом и ничего не читал об этом предмете. Я ничего об этом не знаю. Такие вопросы всё равно меня не интересовали.

Джонс: Теперь вы говорите, что вы не знаете были ли какие-либо ссылки на концентрационные лагеря в бюджете или нет?

Ламмерс: Не могу сказать точно. Я не помню никакого конкретного упоминания концентрационных лагерей в бюджете.

Джонс: Вы удивитесь, узнав, что в бюджете 1939 для вооружённых СС и концентрационных лагерей в бюджете министерства внутренних дел была сумма 104 000 000 марок и 21 000 000 марок установленная в качестве расходов на эти пункты? Вы знали об этом?

Ламмерс: Я не изучал каждый пункт бюджета подготовленного министром внутренних дел. Я вообще ни читал никаких бюджетов. Меня интересовали только мои бюджеты в рейхсканцелярии, я не читал бюджеты других ведомств. У меня не было причины для этого.

Джонс: Вы знали о том, что в нацистской Германии было около 300 концентрационных лагерей?

Ламмерс: Нет, я об этом не знал.

Джонс: О существовании скольких вы знали как глава рейхсканцелярии?

Ламмерс: Я знал только о нескольких.

Джонс: Только о нескольких.

Ламмерс: Как самое большее о трёх.

Джонс: Вы торжественно, под присягой…

Ламмерс: Но я знал, что существуют другие.

Джонс: Вы торжественно, под присягой, говорите трибуналу, что вы, в самом центре паутины нацизма, не знали о существовании более чем трёх концентрационных лагерей?

Ламмерс: Да, я так хочу сказать. Я не находился в самом центре нацизма. Я был головным административным чиновником который выполнял для фюрера административную работу. Я не занимался концентрационными лагерями. Я знал о некоторых концентрационных лагерях, то есть о двух или трёх, и мне было ясно, что должны существовать другие. Я не могу сказать большего под присягой.

Джонс: Я говорю вам, что вы хорошо знали об этом режиме террора, но продолжали служить ему до последнего. Это не так?

Ламмерс: Какой режим террора? Существовала система концентрационных лагерей. Я знал об этом, каждый об этом знал.

Джонс: Но это не затрудняло вашу совесть, я так понимаю.

Ламмерс: То, что они существовали? Я представил свои предложения в отношении концентрационных лагерей фюреру, и он исключил меня из этого дела ещё в 1934 после внесения ему предложений о концентрационных лагерях, и передал весь вопрос Гиммлеру, которому я должен был передавать все жалобы на концентрационные лагеря. Я вообще не имел никакого отношения к концентрационным лагерям за исключением получения жалоб, которые я считал

подлежавшими передаче фюреру. Я насколько возможно содействовал им и отчасти смягчал положение.

Джонс: Вы, конечно же, были обергруппенфюрером СС. Наверное вы не узнавали террор, когда вы слышали и видели его.

Ламмерс: Я был обергруппенфюрером СС, что было почётным званием, также как я сказал о Зейсс-Инкварте. Я не выполнял официальных обязанностей в СС, я не имел ни командования, ни власти, ничего.

Джонс: И вы сильно обогатились, вы и ваши нацистские коллеги, от этого режима, не так ли? Вы, как контроллёр фондов рейхсканцелярии, возможно можете нам в этом помочь?

Ламмерс: Что я сделал? Значительно, что?

Джонс: Фонды, деньги, марки, рейхсмарки.

Ламмерс: Да. Конечно, у меня был доход.

Джонс: И вы были ответственным за распределение…

Ламмерс: Не как фюрер СС.

Джонс: Как рейхсканцлер вы были ответственным за распределение даров нацистов между собой, не так ли?

Ламмерс: Я был ответственным за фонды фюрера, и по его инструкциям я производил необходимые платежи из этих фондов. Я не мог тратить деньги как мне заблагорассудится.

Джонс: Вы, как рейхсканцлер, передали миллион рейхсмарок доктору Лею, не так ли?

Ламмерс: Это было пожертвование которое фюрер особо предоставил Лею. Я не делал этого по собственной инициативе.

Джонс: И Риббентроп был ещё одним получателем миллиона, не так ли?

Ламмерс: Он получил миллион в рассрочку, сначала одну половину потому другую.

Джонс: И Кейтель был ещё одним миллионером, не так ли? Он получил миллион, не так ли?

Ламмерс: Он получил денежную сумму и поместье, потому что фюрер возобновил практику старых прусских королей жаловать землю и деньги своим генералам.

Джонс: И вы сами получили 600 000 рейхсмарок, не так ли?

Ламмерс: Я получил 600 000 на свой 65-й день рождения. Я получил эту сумму, потому что я никогда ничего не получал на своих предыдущих должностях, так как я никогда об этом не просил – также потому, меня дважды разбомбили и у меня не было никакого дома и имущества. Фюрер пожелал, чтобы я купил небольшой дом.

Джонс: Это всё.

Если ваша светлость позволит мне пояснить номера экземпляров документов которые я предъявил: документ PS-3863 это экземпляр GB-320; PS-2220 это USA-175; PS-686 это USA-305; PS-865 это USA-143; PS-032 это GB-321; PS-871 это GB-322; D-753(a) это GB-323; PS-3601 это GB-324; PS-997 это RF-122; PS-1296

это GB-325; PS-1292 был USA-225 и RF-68; PS-3819 был GB-306.

Председатель: Господин Элвин Джонс, вы приобщаете бюджет который показывает цифры которые вы нам привели?

Джонс: Это страница 1394 бюджета 1939 года. Для целей протокола, это будет GB-326 (документ PS-3873).

Председатель: Спасибо.

Джонс: Милорд, обвинение получит фрагмент из этого толстого тома, для целей материалов дела.

Председатель: Очень хорошо.

Полковник Покровский, трибунал думал, что планируется только один перекрёстный допрос свидетелей которые не являются подсудимыми.

Покровский: Советская делегация предполагала разбить вопросы свидетелю Ламмерсу на две группы, часть этих вопросов должна была быть задана британской делегацией, а часть нами.

Джонс: С позволения вашей светлости…

Председатель: Это один из указанных случаев?

Джонс: Милорд, это исключительный случай и договорённость была до введения нового режима перекрёстного допроса. Мой коллега, полковник Покровский, и я согласились разделить работу, и есть очень немного вопросов на которые хочет обратить внимание полковник Покровский, и в этом заключалась договорённость обвинения.

Председатель: Очень хорошо.

Покровский: 6 ноября 1945 вы были допрошены представителем советского обвинения. Вы помните этот допрос?

Ламмерс: Да, я помню допрос представителем советского обвинения.

Покровский: Вы показали, что Гитлер…

Ламмерс: Да. Я свидетельствовал.

Покровский: Вы же не знаете о чём я буду говорить, не спешите.

Вы показали, что Гитлер поручил вам оказывать помощь Розенбергу, вы помните это?

Ламмерс: Да, Розенберг должен был принять политическую работу в связи с восточными проблемами.

Покровский: Правильно. В чём выразилась ваша помощь Розенбергу?

Ламмерс: Начнем с того, что это означало, что я только имел с ним беседу, на которой он обсуждал свои планы по созданию возможной администрации. Фюрер дал ему указания рассмотреть то как, в случае войны с Россией, можно оккупировать и управлять страной. Для этого господин Розенберг…

Покровский: Подождите, свидетель. Я вас не спрашиваю, что поручил фюрер Розенбергу, я задаю вопрос вам, что вам поручил фюрер. Вы говорите: «Помогать Розенбергу». В чём выразилась ваша помощь, вы принимали участие в разработке…

[*Свидетель попытался прервать*] Подождите, подождите, выслушайте вопрос, свидетель. Вы принимали участие в разработке положения об организации администрации в восточных областях? Вы поняли меня?

Ламмерс: Я не принимал участия в разработке организации экономики.

Покровский: Я хочу, чтобы вы посмотрели документ имеющий номер PS-1056. Вспоминаете ли вы этот документ?

[*Документ вручили свидетелю*]

Ламмерс: Я сначала должен посмотреть.

Покровский: Да, для этого его вам и передали.

Ламмерс: Я не узнаю этот документ, как и не верю, что его готовил. Очевидно это план подготовленный господином Розенбергом.

Покровский: Значит вы утверждаете, что вам ничего неизвестно об этом документе?

Ламмерс: Возможно, что господин Розенберг вручил мне подобный план, но сейчас я не могу сказать держал ли я в своих руках эти 30 страниц или нет. Я не знаю.

Покровский: Вчера вы давали суду очень пространные показания по вопросу об организации администрации на Востоке, как же вы могли давать правдивые показания если вы не знали этого основного документа? Ведь именно этим документом определялось построение администрации в местностях подчинённых Розенбергу. Вы поняли меня?

Ламмерс: Я не могу дать вам какое-нибудь мнение о том, что содержится в этом документе. Я не могу сейчас сформировать мнение о документе на 30 страницах. Пожалуйста, дайте мне прочесть документ целиком. Мне не кажется, что я, когда-либо держал этот документ в своих руках. Розенберг занимался организацией на Востоке. Я просто взаимодействовал в указе, основном приказе, в котором Розенбергу предоставили полномочия на Востоке. Меня вообще не интересовали детали.

Покровский: Если у вас такое ослабление памяти в отношении этого документа, то потрудитесь посмотреть другой документ, он занимает место меньше чем 30 страниц. Сейчас вам покажут документ, подписанный вами, он касается вопроса о советских военнопленных. Это документ СССР-361. На этом документе отмечено одно место, где речь идет о том, что советские военнопленные в изъятие из общего правила подчиняются, точнее находятся в ведении министра по управлению восточными оккупированными областями. Вы нашли это место? [*Ответа не последовало*] Свидетель Ламмерс я вас спрашиваю…

Ламмерс: Я не нашёл место.

Покровский: На второй странице посмотрите.

Ламмерс: Приложение?

Покровский: Да, да, в приложении. Там отчёркнуто для вашего удобства.
Ламмерс: Не здесь. В том, что есть у меня, нет отмеченного фрагмента.
Председатель: Полковник Покровский, документы которые у меня – если это тоже самое – PS-073 в параграфах. Может, вы сошлетесь на параграф?
Покровский: Сию минутку.

В той выписке, которая имеется у меня, к сожалению, не указан параграф. Сейчас свидетелю покажут это место точно.

[*Свидетелю показывают место в документе*]

Покровский: Это место у него отмечено, он просто не замечает.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы нашли, свидетель Ламмерс?

Ламмерс: Да, теперь нашёл.
Покровский: И убедились в том, что оно отмечено?
Ламмерс: Да, министерство иностранных дел…
Покровский: Так я не об этом вас спрашиваю, меня интересует другое место, где сказано: «Исключением из этого правила являются» - вы нашли? – «советские военнопленные». Вот это меня интересует. «Которые подчинены министру по управлению оккупированными областями, так как в отношении их» - и т.д. Нашли это место?
Ламмерс: Да, нашёл место.
Покровский: Вы подписывали этот документ?
Ламмерс: Я не подписывал этот документ, потому что его подготовило министерство иностранных дел. Я просто подписал письмо, пересылающее этот меморандум из министерства иностранных дел министру Розенбергу для его сведения.
Покровский: Со своей служебной запиской при своём письме?
Ламмерс: В этом сопроводительном письме я говорю, что я прилагаю меморандум министерства иностранных дел: «Министерство иностранных дел прокомментировало ваше письмо, и т.д., и я могу информировать вас об этом». Я просто действовал в качестве посредника и пересыльного ведомства.
Покровский: Таким образом, разрешите вас понять…
Ламмерс: Я не готовил и не подписывал этот меморандум.
Покровский: Таким образом, разрешите вас понять, в том смысле, что вы подтвердили подлинность этого документа, который прошёл в своё время через ваши руки.
Ламмерс: Я не знаю, я могу только подтвердить…
Покровский: Как не можете сказать? Вы же сказали, что вы были передаточной инстанцией. Вы передавали этот документ кому-нибудь, пересылали его в чей-нибудь адрес?

Ламмерс: Я направил подписанный документ. Я подписал письмо информирующее господина Розенберга об отношении министерства иностранных дел. Является ли приложение аутентичным или нет, я не знаю.

Покровский: Этот ответ меня вполне удовлетворяет. Подождите.

8 апреля, здесь на суде вы заявили, что решение еврейского вопроса Гитлер поручил Герингу и Гейдриху, а впоследствии преемнику Гейдриха Кальтенбруннера. Я хочу, чтобы вы сказали, в чём выразилось участие Геринга, Гейдриха и Кальтенбруннера в решении этого еврейского вопроса?

Ламмерс: Я знал только о том, что приказ фюрера был передан рейхсмаршалом Герингом Гейдриху, который тогда был главой РСХА. Мне кажется затем это передали в ведение Кальтенбруннера. Приказ назывался: «Окончательное решение еврейской проблемы», но никто не знал чего он касался или, что означал термин. В последующий период я приложил некоторые усилия для того, чтобы выяснить подлинное значение термина «окончательное решение», и что должно было происходить. Вчера я попытался объяснить этот вопрос, но мне не позволили сказать всё, что я хотел.

Покровский: Но недостаточно ясно, в частности через кого и каким путём вы пытались установить, что значит это «окончательное решение еврейского вопроса»? К кому вы обращались, кого вы спрашивали об этом?

Ламмерс: Сначала я обратился к Гиммлеру и спросил его о том, в чём заключался смысл. Гиммлер сказал мне о том, что фюрер приказал ему эвакуировать евреев которые всё ещё находились в Германии, и это привело к ряду проблем относящихся к «окончательному решению еврейской проблемы». Вот, что я сказал вчера.

Покровский: Подождите, свидетель. Вы сказали, что Гитлер поручил Герингу и Гейдриху, а затем Кальтенбруннеру решение этой проблемы. Вы обращались с этим вопросом к Герингу, Гейдриху и Кальтенбруннеру? С тем вопросом как вы говорите вас интересовал?

Ламмерс: Нет, я не могу вспомнить, чтобы делал это, потому что верил в то, что Геринг просто передал приказ фюрера. У меня не было сведений об участии Кейтеля. До сих пор я об этом не слышал.

Покровский: Какой Кейтель? Гейдрих. Вам очевидно неправильно перевели.

Ламмерс: Гейдрих имел эту задачу. Я выяснил из докладов своих помощников, что такое задание существовало. Меня интересовало установить в чём заключалась эта задача, и я обратился к Гиммлеру за информацией.

Покровский: И так вам не удалось установить?

Ламмерс: Я не видел письменный приказ.

Покровский: Вчера вы сказали: «Все кроме меня высказали своё мнение по еврейскому вопросу»? Кто это все кроме вас? Вы помните это ваше заявление вчера?

Ламмерс: Вчера я свидетельствовал о том, что поговорил по этому вопросу с Гиммлером и, что я оставил за собой право на доклад фюреру. Я также свидетельствовал о том, что у меня была эта беседа с фюрером, но, что фюрера было очень трудно убедить в этих вопросах. Я также свидетельствовал вчера о том, что были слухи об убийстве евреев, которые заставили меня провести расследование. Далее, я вчера свидетельствовал о том, что эти слухи, насколько я смог узнать, оказались сплетнями. Таким образом, мне не оставалось ничего, как пойти к фюреру с данным вопросом – сначала пойти к Гиммлеру, а потом к фюреру.

Покровский: Свидетель, я не спрашиваю вас о том, что вы говорили вчера. Я не хочу слушать второй раз ваших показаний. Меня интересует уточнить один момент о котором вы говорили вчера. Вы сказали: «Все кроме меня высказали мнение по еврейскому вопросу». Кто это все? Назовите фамилии? Кого вы имели в виду? И отвечайте на мой вопрос прямо.

Ламмерс: Я не понял вопрос «все».

Покровский: Я могу повторить третий раз, чтобы вы поняли лучше, если это надо. Вы сказали вчера, когда давали показания о решении еврейской проблемы: «Все кроме меня определили своё отношение по еврейскому вопросу. От меня тоже требовали, чтобы я определил своё отношение». Вы вспомнили наконец?

Ламмерс: Да, я это помню.

Покровский: Пожалуйста. Очень хорошо.

Ламмерс: Слово «все» относится ко всем ведомственным представителям приглашённым на совещание. Глав заинтересованных ведомств приглашали на все эти совещания РСХА. Вот к чему относится «все».

Покровский: Кто из подсудимых присутствовал?

Ламмерс: Там вообще не было министров. Это было просто совещание экспертов. Меня там не было. Я не знаю, кто присутствовал на этом совещании.

Покровский: Вы присутствовали на совещании у Гитлера 16 июля 1941? Вы понимаете, о каком совещании я вас спрашиваю? Там говорилось о целях войны против СССР, вы поняли меня? Присутствовал ли там Кейтель?

Ламмерс: По моим сведениям, да.

Покровский: Не помните ли вы, высказывался ли Кейтель по вопросу о целях войны против СССР?

Ламмерс: Я не могу вспомнить упоминалась ли эта тема.

Покровский: Вы были до конца совещания?

Ламмерс: Полагаю, что я остался до конца.

Покровский: И Кейтель тоже был до конца?

Ламмерс: Я не могу этого сейчас вспомнить. Полагаю, что да, но может он ушёл раньше.

Покровский: Вы этого не может утверждать, определённо?

Ламмерс: Нет, не уверен.

Покровский: 15 октября 1945 года вы были допрошены подполковником американской службы, вы показали ему, что Розенберг был назначен министром по делам восточных территорий, по личному желанию фюрера? Вы помните это ваше показание?

Ламмерс: Я знаю, что давал показания.

Покровский: Вы показали далее, тогда же, в тот же день, на том же допросе, что вы не рекомендовали Розенберга, так как у вас имелись возражения против этой кандидатуры. Какие у вас были возражения против кандидатуры Розенберга?

Ламмерс: Назначению Розенберга было много возражений. Их особо поднимал Борман. Рейхсляйтер Борман не хотел Розенберга на этой должности.

Покровский: Вы скажите о ваших возражениях. Какие у вас были возражения?

Ламмерс: Я поставил вопрос перед фюрером, нужен ли такой человек для Востока если возникнут военные затруднения, и если так, является ли Розенберг правильным человеком для организации дел.

Покровский: Это было в апреле 1941 года?

Ламмерс: Я уже не помню, это было весной.

Покровский: По приказу рейхсминистра Розенберга, 16 августа 1941 года были введены принудительные работы для еврейского населения восточных областей, в возрасте от 14 до 60 лет, лица еврейского происхождения должны были работать в обязательном порядке, за отказ от работы им грозила смертная казнь. Вы знаете об этом указе или нет?

Ламмерс: Я не знал, я не могу вспомнить.

Покровский: Взгляните на этот документ, постарайтесь вспомнить.

Господин председатель, этот документ отпечатан на странице 50 второй части «Зеленой папки» Геринга, которая была уже предъявлена трибуналу под номером ЕС-347.

Ламмерс: Я не могу вспомнить этот документ.

Покровский: Хорошо. Оставим этот документ в покое. Посмотрите другой документ. Может ваша память окажется лучше в отношении этого документа.

Председатель: Полковник Покровский, в этом последнем документе на который вы ссылались, эти параграфы указа оглашались под протокол?

Покровский: Я не берусь, господин председатель, вам ответить на вопрос о том, вошли ли именно эти параграфы. Вся вторая часть «Зеленой папки» Геринга, она была предъявлена трибуналу и попала в протокол под номером USA-320, следственный номер у неё был ЕС-347. Она принята в качестве доказательства. Я думаю, что поскольку свидетель не помнит сейчас об этом документе, мы вернёмся к нему тогда, когда в нём появится более острая необходимость, при допросе другого лица.

[*Обращаясь к свидетелю*] Посмотрите на указ фюрера от 29 июня 1941, этот документ, вам, несомненно, будет очень легко вспомнить, так как на нём стоит

и ваша подпись. Это указ о хозяйстве вновь оккупированных восточных территорий.

Этот документ, господа судьи, также один из документов второй части «Зеленой папки» Геринга, он передан трибуналу на английском языке.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы узнаете этот документ, свидетель?

Ламмерс: Да, я подписал этот документ. Это мера, о которой распорядился фюрер по предложениям рейхсмаршала.

Покровский: Очень хорошо. Чем вы объясняете, что Кейтель подписывал указы подобные этому указу. Указы общегосударственного…[*Свидетель попытался прервать*] Подождите, подождите. Дослушайте до конца вопрос. Что Кейтель подписывал указы общегосударственного, а не военного характера. Чем вы это объясняете, почему здесь подпись Гитлера, Кейтеля и Ламмерса?

Ламмерс: Это был указ фюрера, указы фюрера заверялись мной, а также Кейтелем, как начальником ОКВ, если каким-то образом был заинтересован Вермахт. Они могли быть подписаны также и Борманом как третьим членом, если затрагивались партийные интересы. Это приводило к подписи Бормана…

Покровский: Подождите, но здесь нет подписи Бормана. А здесь есть подпись Гитлера, Кейтеля и вас. Это правильно?

Ламмерс: В первую очередь это было подписано Кейтелем, потому что это касалось оккупированных районов на Востоке.

Покровский: Хорошо. Что, Кейтель отвечал за всё законодательство на оккупированных областях? Свидетель Ламмерс, вы слышите мой вопрос? Подсудимый Кейтель нёс ответственность за всё законодательство на оккупированных областях? Вы слышите мой вопрос?

Ламмерс: Подпись не включала никакую ответственность…

Покровский: Почему же его подпись? А для чего же была поставлена его подпись, для декорации?

Ламмерс: Поскольку он был заинтересован или касался вопроса, он заверил это, вместе с нами, но говоря об ответственности…

Покровский: Кому как не вам лучше остальных знать об этом? Тем более непонятно почему потребовалась его подпись на документе, а его подпись стоит над вашей подписью, в чём же дело?

Ламмерс: Возможно, предполагалось, что этот указ воздействует на интересы Вермахта. Фельдмаршал Кейтель должен знать лучше меня, почему он его тогда подписал.

Покровский: Вы прочитали этот указ сами, и вы прекрасно видели, что интересы вооружённых сил этим указом не затрагивались. У меня к вам ещё два вопроса.

Вы заявили сегодня, что Зейсс-Инкварт получил эсэсовское звание и форму, но никаких прав командира СС он не имел. Это правильно?

Ламмерс: Да, правильно.

Покровский: Следует ли после этого сделать вывод, что само по себе звание

полицейского и полицейская форма являлась почётным отличием в Рейхе?

Ламмерс: Зейсс-Инкварт не относился к полиции, а к общим СС.

Покровский: Но СС осуществляли полицейские функции, не так ли?

Ламмерс: Нет, общие СС не имели полицейских полномочий, это неправильно.

Покровский: И мундир эсэсовца был особым отличием в Рейхе, не так ли? Ведь он получил его в качестве вознаграждения за какие-то заслуги?

Ламмерс: Да.

Покровский: Теперь я хочу задать вам последний вопрос…

Ламмерс: Это не всегда было наградой за исключительную службу, но отдельные ведущие личности в Рейхе получили…

Покровский: Хорошо, я удовлетворён вашим ответом. Мне не нужны подробности. Мне не нужны дальнейшие подробности. Теперь я хочу задать вам последний вопрос. 17 января подсудимый Кейтель обратился с ходатайством в суд о том, чтобы вы были вызваны в качестве свидетеля. Он указал, что вы можете показать, здесь на суде, что он Кейтель, как глава военных органов и военные органы ему подчинённые в оккупированных областях действовали против грабительских оперативных команд Розенберга, и отдавали приказы об арестах. Вы были вызваны в суд именно для того, чтобы ответить на этот вопрос, по какой-то непонятной причине только этот вопрос вам не был задан. Я хочу, чтобы вы ответили на него сейчас, что вы знаете по этому поводу? О борьбе Кейтеля и вооружённых сил с грабительскими оперативными командами Розенберга как пишет Кейтель.

Ламмерс: Я знаю лишь о том, что Розенбергу поручили скупать предметы искусства и ему также поручили доставать мебель на западных оккупированных территориях, которая требовалась для ведомств на Востоке. Он получил задачу в качестве рейхсминистра.

Покровский: Свидетель вы, очевидно, меня не поняли. [*Свидетель попытался прервать*] Подождите, подождите. Здесь речь идёт… Подождите свидетель. Здесь речь идёт не о заботе Розенберга, а я вас спрашиваю, что вам известно о том, как военные власти говоря словами заявления Кейтеля боролись против грабительских отрядов Розенберга? Вы поняли мой вопрос или нет? Вы знаете, что-нибудь по этому поводу или ничего не знаете?

Ламмерс: Нет, я ничего об этом не знаю.

Покровский: Хорошо, я удовлетворён. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Полковник Покровский, точности ради: я понимаю, что вы сказали в связи с документом который вы предъявили свидетелю от 29 июня 1941, что этот документ не имел ссылки на военные власти. Но параграф 2 этого документа гласит: «В достижении данной цели, он» - то есть Геринг – «может отдавать прямые приказы соответствующим военным властям на восточных оккупированных территориях». Таким образом, неточно говорить, что документ вообще не относился

к военным властям.

Покровский: Я предполагаю, что трибунал помнит показания, которые давались здесь по вопросу об обстоятельствах, в силу которых Кейтель подписывал общеимперские указы, он объяснял это тем, что указы эти носили оперативный характер, штабной характер.

В данном же случае речь идёт об общегосударственном указании не имеющем непосредственной связи к штабным делам. Это я и хотел выяснить и как мне кажется уточнил.

Председатель: Я не хочу с вами спорить. Я только хочу заметить, что неточно говорить о том, что документ вообще не относится к военным вопросам.

Доктор Нельте, вы хотите допросить повторно?

Нельте: Господин председатель, я был бы благодарен если бы полковник Покровский пояснил свой последний вопрос свидетелю, доктору Ламмерсу. Он заявил о том, что подсудимый Кейтель вызвал доктора Ламмерса как свидетеля того факта, что он, Кейтель, возражал усилиям проводимым айнзацштабом Розенберга на восточных территориях. Я правильно его понял? Возможно перевод с русского языка на немецкий был не очень хорошим.

Председатель: Я не уверен, что я понял вопрос, но я понял, что свидетель не смог на него ответить. Но я не думаю, что это имеет очень большое значение. Свидетель не смог ответить на вопрос.

Нельте: Нет, я подумал, что советский обвинитель имел в виду, что доктора Ламмерса вызвали в качестве свидетеля для дачи определённых показаний, и я не задал свидетелю какой-то такой вопрос. Я лишь хочу дать понять, что дело не в этом, в противном случае у меня нет вопроса по теме, и у меня лично нет дальнейших вопросов к свидетелю от имени подсудимого Кейтеля.

Председатель: Не думаю, что трибунал считает, что вам нужно в это вдаваться. Вы полностью прошли тему в своём допросе. Доктор Нельте, у вас есть какие-то ещё свидетели для вызова?

Нельте: Я могу закончить за полчаса завтра утром. У меня больше нет свидетелей для допроса.

Биддл: Я хочу задать вам два-три вопроса о рейхскабинете. Вы сказали о том, что первое заседание было 30 января 1933 и последнее в ноябре 1937. Какие-то другие заседания были в 1937?

Ламмерс: Нет, заседания кабинета не заменяли другими заседаниями.

Биддл: Я спросил не об этом. Вы послушаете? Вы сказали о том, что было заседание в ноябре 1937. Какие-то другие заседания были в 1937 году?

Ламмерс: Да, были до того. Было несколько заседаний кабинета, но не очень много. Было сравнительно мало в 1937.

Биддл: Сколько бы вы сказали, было в 1937?

Ламмерс: Сколько? Могло быть пять-шесть заседаний кабинета. Я не думаю, что

было больше.

Биддл: Вам известно, сколько было в…

Ламмерс: Было меньше.

Биддл: Вам известно, сколько их было в 1936?

Ламмерс: Тогда было больше заседаний кабинета, но не так много как в начале 1933 и 1934. Ряд заседаний кабинета…

Биддл: Достаточно, спасибо.

Председатель: Да, доктор Латернзер?

Латернзер: Господин председатель, у меня нет вопросов к свидетелю, я просто хотел вставить несколько замечаний о следующем вопросе:

Мой, коллега, доктор Нельте отказался от допроса дальнейших свидетелей. Сделав это, он отказался, среди прочих от генерал-полковника Гальдера, и конечно же, он вправе это сделать, хотя при отказе от допроса свидетеля Гальдера, он ограничил мои права. Трибунал вспомнит, что, когда предъявили письменное заявление свидетеля Гальдера, трибунал…

Председатель: Доктор, если доктор Нельте не вызывает генерала Гальдера, тогда вы можете ходатайствовать о его вызове сами и вопрос будет рассмотрен. Предположительно вы уже просили о нём и вы ссылались на тот факт, что он был указан доктором Нельте. Итак, доктор Нельте его не вызвал. Вы можете заявить своё ходатайство о нём в письменном виде.

Латернзер: Господин председатель, мне не кажется, что такая точка зрения является правильной. Когда русское обвинение представило письменное заявление было сказано, на возражение защиты, что свидетель Гальдер должен быть вызван для перекрёстного допроса, и по согласованию с другими моими коллегами, я изменил это так, чтобы Гальдера заслушали во время дела подсудимого Кейтеля. Отказ от этого свидетеля посягает на мои права. Соответственно, мне кажется, что у меня есть право просить о предоставлении мне свидетеля для допроса.

Председатель: Доктор Латернзер, мы рассмотрим вопрос генерала Гальдера и дадим вам знать утром. Сейчас 5 часов.

Латернзер: Да.

Зейдль: Господин председатель, я бы хотел задать свидетелю несколько вопросов которые вызвал перекрёстный допрос и которые затрагивают определённые вопросы…

Председатель: Вы всё равно не сможете это сделать сегодня вечером. Мы рассмотрим это и дадим вам знать завтра утром, но вы не сможете сделать этого сегодня вечером.

Зейдль: Я просто хотел донести то, чтобы свидетель был в наличии завтра утром.

Председатель: Очень хорошо, он будет в наличии.

Додд: Ваша светлость, если я могу занять минуту времени трибунала, судья Джексон попросил меня довести до сведения трибунала свою информацию о фактах

по поводу обсуждавшегося этим утром.

Мы получили от полковника Достера[101] подлинник расшифровки который вручил ему доктор Тома, и он показывает, что там была красная линия на полях за тем отрывком который перевели и мимеографировали и включли в документальную книгу. Доктор Тома этим утром посчитал, что он не подчеркнул это, и он также считал, что там была несомненно ошибка в переводе и полковник Достер сказал нам, что ошибки в переводе нет и это было подчеркнуто.

Председатель: А теперь, доктор Нельте мы хотим знать вашу позицию о генерале Вестхофе и – я думаю, это обергруппенфюрер Вилен или как-то так. Вам предоставили возможность вызвать этих свидетелей, и мы понимаем, что вы этого не желаете.

Нельте: Уважаемый суд, думаю,что проведённый перекрёстный допрос даёт понять, что обвинение отказалось от первоначального обвинения против Кейтеля, а именно, о том, что он отдал или передал приказ от Гитлера, о том, чтобы расстреляли 50 офицеров Королевских воздушных сил.

Сэр Дэвид Максвелл-Файф предъявил подсудимому четыре пункта в которых он обвинил подсудимого Кейтеля в связи с этим делом, и подсудимый признал эти четыре пункта.

Поскольку я назвал генерала Вестхофа в качестве свидетеля только для дачи показаний о том, что Кейтель не отдавал приказ и не передавал его и так как Вестхоф не присутствовал на совещании в Оберзальберге и не имел сведений из первых рук, мне нет необходимости вызывать свидетеля.

Председатель: Доктор Нельте, вам конечно же решать вызваете вы его или нет. Но пока сэр Дэвид Максвелл-Файф не сказал о том, что он отзывает какие-нибудь обвинения в отношении Кейтеля, я не думаю, что вам следует воздержаться от его вызова исходя из того, что обвинение сняли. Не было никакого отказа от обвинения. Ссылаясь на, что-то сказанное сэром Дэвидом Максвелл-Файфом, думаю не будет правильной причиной не вызвать его, но вопрос полностью зависит от вас.

Да, сэр Дэвид?

Максвелл-Файф: Милорд, нет никакого отказа от обвинения. Фактически, обвинение стоит на том, что заявил генерал Вестхоф в своём заявлении, которое я предъявил подсудимому Кейтелю. Это доказательство обвинения и обвинение стоит на том как оно предъявлено.

Нельте: Могу я спросить, желает ли обвинение утверждать, что генерал Вестхоф дал показания о том, что Кейтель отдал этот приказ или передал его?

Председатель: Доктор Нельте, вы видели документ, который находится в отрывке из заявления генерала Вестхофа. Поэтому вам известно, что он говорит в заявлении. Трибунал ссылаясь на то, что защитник желает донести до него – он, конечно,

101 Леон Достер (1904 – 1971) - американский филолог французского происхождения. Начальник отдела переводов США на Нюрнбергском процессе.

заслушает их, но трибунал предлагает вызвать самого генерала Вестхофа для того, чтобы выслушать его заявление о том придерживается ли он своего заявления, а также Вилена, показания Вилена, конечно же, принципиальны против подсудимого Кальтенбруннера.

Нельте: Тогда могу я попросить обвинение представить трибуналу письменные показания генерала Вестхофа по данному вопросу, для того, чтобы понять…

Председатель: Когда вы говорите письменные показания, вы имеете в виду заявление?

Нельте: Нет, я имею в виду аффидевит, а не показания без присяги. До сих пор, обвинение рассматривало только заявления без присяги. Кроме этого, однако, полковник Уильямс запросил и получил аффидевит свидетеля Вестхофа и этот аффидевит содержит точное заявление Вестхофа о том, что он не желает говорить и никогда не говорил о том, что Кейтель, когда-либо отдавал или передавал такой приказ.

Максвелл-Файф: У меня нет аффидевита. Я проверил вместе с господином Робертсом и у нас его нет. Было два допроса, если мои воспоминания правильные, один из которых был раньше и один 2 ноября. Было два допроса, один из которых я приобщил. Они в документальной книге доктора Нельте. У меня нет аффидевита. Если бы у меня был, я сразу бы его приобщил. Я не знаю откуда доктор Нельте получил информацию, но разумеется до моего сведения не доводили никакого аффидевита.

Председатель: Единственная вещь которую имел трибунал это заявление генерала Вестхофа которое прилагается к докладу некого бригадира чьё имя я забыл. О, да, бригадира Шэпкотта. Курс который предлагает трибунал это вызвать генерала Вестхофа и спросить его о том является ли его заявление в этом документе точным и правдивым.

Максвелл-Файф: Обвинение не имеет этому ни малейшего возражения.

Председатель: Пристав доставит генерала Вестхофа, а также Вилена – они будут здесь завтра утром в 10 часов.

Пристав: Да.

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 10 апреля 1946*]

День сто четвёртый

Среда, 10 апреля 1946

Утреннее заседание

Тома: Высокий трибунал, господин председатель, вчера я заявил о том, что отрывок Лапужа не был отмечен в моей документальной книге и не должен был оглашаться. Моё утверждение неправильное. Я сделал это утверждение по следующим причинам:

Мой клиент, господин Розенберг, направил мне вчера следующую записку пока я выступал по делу: «Отрывки в документальной книге подлежавшие цитированию конечно же отмечены красным, остальные части вообще не нужно было переводить». Соответствующие отрывки во французском тексте не отмечены. Я соответственно полагал, что отрывки не нужно переводить. Это сообщение от Розенберга, однако, имело иной смысл. Розенберг дал знать в отдельных документах, то, что было отмечено красным указывало на то, что эти отрывки не

нужно читать. Это включает цитату из Лапужа, и поэтому произошла ошибка.

Я также вчера сказал о том, что отрывок процитированный господином судьей Джексоном неправильно перевели. И это, также ошибка с моей стороны, видимо из-за того, что подчеркивание слова «ублюдизация» шокировало меня. Я предполагаю, что подразумевались «смешанные браки». Я прошу отдел переводов извинить меня. Сама по себе документальная книга…

Председатель: Доктор Тома, трибунал совершенно понимает, что должно быть была какая-то ошибка, и не одна, надеюсь – и конечно же не трибунал – обвинял вас в какой-то злонамеренности. Трибунал полностью понимает, что может быть какое-то недопонимание или ошибка, которое ведёт к чему угодно.

Тома: Большое спасибо.

Нельте: Господин председатель, позвольте мне задать трибуналу короткий вопрос по процедурным вопросам в отношении Вестхофа. Вчера я заявил о причинах почему я считал, что смогу отказаться от вызова свидетеля Вестхофа. Согласно пояснению британского обвинения ошибка прояснилась и поэтому моё предположение уже не является правдой. Я хочу спросить трибунал: «Восстанавливается ли автоматически первоначальное положение, и могу я требовать допроса данного свидетеля перед судом как свидетеля защиты, или должен заявить формальное ходатайство о разрешении снова вызвать свидетеля?».

Председатель: Нет, доктор Нельте, трибунал не желает, чтобы вы заявляли какое-то формальное ходатайство. Вы можете задать свидетелю любые вопросы, когда он ответит на вопросы заданные ему трибуналом и обвинение конечно сможет, задать ему вопросы.

Нельте: Спасибо.

Председатель: Итак, доктор Зейдль, думаю вы хотели задать свидетелю какие-то вопросы, не так ли, от имени подсудимого Франка? Мы надеемся это будет не очень долго.

Зейдль: Свидетель, обвинение вчера задало вам вопрос в связи с «акцией АВ». Для вашего сведения «акция АВ» означает чрезвычайные операции умиротворения. Она была необходимой в связи с восстаниями в течение 1940 в Генерал-губернаторстве. В связи с этим обвинение зачитало вам цитату из дневника Франка от 16 мая 1940. Я хочу прочитать вам, прежде всего, ещё одну фразу из той же самой цитаты, из той же самой записи. Она гласит следующее:

> «Всякую произвольную акцию следует предотвращать жесткими мерами. В каждом случае нужно выдвигать на первый план точку зрения которая принимает во внимание необходимость охраны авторитета фюрера и Рейха. Более того, акция будет отсрочена до 15 июня 1940».

Затем обвинение огласило вам дальнейшую цитату от 30 мая из которой можно сделать вывод…

Председатель: Трибунал не думает, что вы на самом деле можете оглашать свидетелю фрагменты из дневника Франка. Я имею в виду, вы повторно допрашиваете. Он не видел дневник.

Зейдль: Мне нужно задать ему вопрос. Однако, перед этим, я должен зачитать ещё один короткий отрывок, в противном случае он не сможет понять вопрос.

Председатель: Что за вопрос? Вы можете предъявить дневник Франка, когда вызовите Франка.

Зейдль: Свидетеля вчера заслушали в связи с этой «акцией АВ» и ему представили отрывок из этого дневника который должен был создать у него впечатление о том, что довольно большое количество поляков было расстреляно без каких-либо судебных процедур.

Председатель: Какой вопросы вы хотите задать?

Зейдль: Я хочу спросить его, известен ли ему министериальрат Вилле[102], какую должность он занимал в Генерал-губернаторстве, и какого рода содействие этот доктор Вилле мог оказать если бы имел какое-то отношение к этой акции.

Председатель: Что же, спросите его об этом, доктор Зейдль, если хотите, но дневник вообще не относится к этому вопросу.

Зейдль: Но, господин председатель, на вопрос можно осмысленно ответить, только прочитав ему соответствующий отрывок из дневника. В противном случае он точно не поймет связи.

Председатель: Трибунал тоже не видит связи, и трибунал считает, что нет смысла зачитывать ему дневник.

Зейдль: Господин председатель, тогда получается, что мне нужно позволить зачитать ещё один отрывок из дневника, а именно от 12 июня 1940.

Председатель: Нет, доктор Зейдль. Вы можете задать ему вопрос, но вы не можете читать ему дневник. Вы заявили в чём заключается вопрос, знал ли он кого-то кто занимал некую должность в Генерал-губернаторстве. Вы можете задать ему вопрос.

Зейдль: Свидетель, вам известен министериальрат Вилле?

Ламмерс: Нет, я его не помню.

Зейдль: Вам также неизвестно, что он был главой главного управлению юстиции Генерал-губернаторства?

Ламмерс: Нет, это тоже, я не помню.

Зейдль: Тогда один вопрос уже решён.

Второй вопрос который я должен представить свидетелю снова относится к дневнику Франка в связи с концентрационными лагерями. Однако, я могу задать этот вопрос только если заранее я могу прочесть свидетелю соответствующий отрывок из дневника.

Председатель: Скажите нам, в чём заключается вопрос.

---

102 Курт Вилле (1894 – 1945) – немецкий юрист. В 1939-1945 начальник главного управления юстиции Генерал-губернаторства. Предположительно умер находясь в советском плену.

Зейдль: Вопрос будет гласить: «Точка зрения высказанная в дневнике Франка» - которую я собирался прочитать – «правильная точка зрения? Это согласуется с его первым пояснением в понедельник, или взгляд высказанный в отрывке из дневника который вчера представило обвинение является правильным?

Председатель: Что же, трибунал думает, что вы можете задать вопрос если вы зададите его в форме: «Вам известно в чём заключалось отношение Франка к концентрационным лагерям?» - если вы скажете так – «и в чём оно заключалось?».

Зейдль: Господин председатель, свидетель уже отвечал на этот вопрос в своём допросе. Он заявил о том, что Франк занимал отрицательное отношение к концентрационным лагерям. Однако, вчера ему огласили фрагмент из дневника Франка который может подтвердить противоположное. Однако, есть дюжины записей в дневнике Франка которые подтверждают точку зрения свидетеля и которые противоречат тому, что представило обвинение. Поэтому я могу задать свидетелю осмысленный вопрос только если я оглашу ему, что-то из дневника.

Председатель: Доктор Зейдль, все эти вопросы можно пройти с Франком. Вы можете подтвердить каждый отрывок по завершению аргументации, вы можете подтвердить каждый отрывок в дневнике который относится к делу, и вы можете предъявить самые нужные отрывки Франку.

Зейдль: Третий вопрос был бы в связи с телеграммой…

Председатель: Доктор Зейдль, это очень исключительная привилегия, что вам, защитнику Франка, вообще разрешили повторно допросить, и трибунал высказал вам мнение о том, что он не считает это вопросом о котором вы вправе повторно допрашивать. Повторно допрашиваемый человек это тот кого в первую очередь вызывают свидетелем. Мы не можем позволить, в обычных случаях, повторный допрос для каждого.

Зейдль: Тогда я отказываюсь от дальнейшего вопроса к свидетелю.

Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: И теперь трибунал желает доставления генерала Вестхофа.

Сэр Дэвид, вы можете найти мне немецкую версию заявления Вестхофа в этих бумагах?

Максвелл-Файф: Я искал это, но не смог найти, милорд.

Председатель: Не смогли найти?

[*Свидетель Вестхоф занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете своё полное имя?

Вестхоф: Адольф.

Председатель: Ваше полное имя?
Вестхоф: Адольф Вестхоф.
Председатель: Вы повторите за мной присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящем, что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Генерал Вестхоф, вы сделали заявление бригадиру или капитану Дж. Е. Парнеллу, не так ли?
Вестхоф: Я не знаю имени капитана. Я сделал заявление в Англии.
Председатель: Да. 13 июня 1945?
Вестхоф: Возможно, да.
Председатель: Вы не знаете английский язык, я полагаю?
Вестхоф: Нет.
Председатель: Что же, я прочту вам – у обвинения есть ещё одна копия этого документа?
Максвелл-Файф: Да.
Председатель: Да. Что же, сэр Дэвид, если бы вы следили пока я это читаю и обращали моё внимание на любые отрывки которые на самом деле относятся…
Максвелл-Файф: Да.
Председатель: Так как это сильно длинный документ. Я не желаю читать его свидетелю целиком.

Что трибунал хочет знать, генерал Вестхоф, придерживаетесь ли вы данного заявления или вы желаете внести в него какие-нибудь изменения. И я прочту вам, для того, чтобы вы могли вспомнить его, материальные фрагменты из заявления.
Вестхоф: Очень хорошо.
Председатель:

> «Я был ответственным за «общий» отдел, когда состоялся расстрел бежавших ВП РАФ[103] из шталага[104] авиации III. Это был первый раз, когда фельдмаршал Кейтель послал за мной. Я поехал с генералом фон Гравеницем. Он направил за мной и я сопровождал его. Ряд офицеров сбежали из лагеря Саган».
>
> Я говорю слишком быстро?
>
> «Я не помню сколько, но мне кажется около 80…»

Нельте: Господин председатель, я могу послужить трибуналу вручив ему немецкий

---

103 Аббр. с англ. Royal Air Force, RAF – Королевские воздушные силы.
104 Шталаг (сокращение от нем. Stammlager — основной лагерь) — общее название лагерей германских вооружённых сил (вермахта), люфтваффе (Шталаг Люфт) и кригсмарине (Марлаг) для военнопленных из рядового состава во время Второй мировой войны.

перевод который передало в моё распоряжение обвинение?

Председатель: Да, спасибо.

Максвелл-Файф: Я весьма благодарен доктору Нельте.

Председатель: Генерал Вестхоф, не прочитаете ли вы это своё заявление как можно тщательнее? Вы сможете увидеть, что является материальными фрагментами и затем сказать трибуналу верное ли заявление.

Вестхоф: Да.

Нельте: Господин председатель, есть ещё одна часть заявления которую я также получил от обвинения. Это была очень обширная подборка. Могу я также дополнительно вручить её свидетелю?

Председатель: Вы имеете в виду, что у него нет полного документа?

Нельте: Нет, пока его у него нет.

Председатель: О да, конечно.

Нельте: Я получил его от обвинения в трёх частях и хочу дать ему эти три части, чтобы у него было полностью.

Председатель: Заявление которое есть у нас на английском языке выполнено на пяти печатных страницах, и удостоверено следующим образом:

> «Данное приложение содержит точный перевод устного заявления сделанного генерал-майором Вестхофом 13 июня 1945 в ответ на вопросы о расстреле 50 офицеров РАФ из шталага авиации III. 23 дня девятого месяца 1945. Дж. Е. Парнелл, капитан, корпус разведки».
>
> Это…

Нельте: Господин председатель, я не знаю не допрашивали ли генерала Вестхофа несколько раз. В данном документе он также сделал заявления об общей политике в отношении военнопленных – другими словами, не только по делу Сагана. Здесь мы рассматриваем продолжительный доклад и свидетель…

Председатель: Единственный документ который является доказательством, это документ который у меня в руках, который прилагается к докладу бригадира Шэпкота.

Максвелл-Файф: Милорд, я посмотрел немецкий документ, часть которую имеет доктор Нельте. Думаю моего немецкого достаточно, чтобы установить это. Это тот же самый документ. Если ваша светлость посмотрит на страницу 2, ваша светлость увидит фрагмент: «Generalinspekteur[105], генерал Рёттиг[106]». Милорд, вот где начало, и я проверил это с последним абзацем. Он такой же: «Я не могу вспомнить получение каких-либо докладов…». Насколько я владею немецким, здесь тоже самое, поэтому эта часть документа это последняя часть документу который есть у вашей светлости.

Председатель: Понимаю. Да, доктор Нельте и сэр Дэвид, возможно, будет лучше если сэр Дэвид предъявит свидетелю фрагменты, на которые он ссылается

---

105 Главный инспектор (нем.)

106 Отто Рёттиг (1887 – 1966) – генерал пехоты Вермахта. С середины 1943 занимал должность главного инспектора по делам военнопленных ОКВ.

свидетелю, и тогда свидетеля можно будет спросить о том точные ли они.

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: И доктор Нельте может задать какие-либо вопросы которые он пожелает задать после этого.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, представитель собирается задать вам вопросы о документе, поэтому вам не нужно читать.

Максвелл-Файф: Свидетель, у вас получилось прочитать первый абзац заявления?

Вестхоф: Да, я прочел.

Максвелл-Файф: И оно правильное? Это правда?

Вестхоф: Есть несколько вещей которые не совсем правильные. Например, на первой странице есть…

Максвелл-Файф: Давайте так, я вам его прочитаю и мы поймем насколько оно правильное:

> «Я был ответственным за «общий» отдел (Abteilung «Allgemein»), когда состоялся расстрел бежавших ВП РАФ из шталага авиации III»
>
> Это правильно, или нет?

Вестхоф: Здесь пропущена фраза: «…когда состоялся расстрел».

Максвелл-Файф: Итак:

> «Это был первый раз, когда фельдмаршал Кейтель послал за мной. Я поехал с генералом фон Гравеницем. Он направил за мной и я сопровождал его».
>
> Правильно?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф:

> «Ряд офицеров сбежали из лагеря Саган. Я не помню сколько, но мне кажется около 80»
>
> Это тоже правильно?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Итак, следующее предложение:

> «Когда мы вошли, фельдмаршал был очень взволнованным и нервным, и сказал: «Господа дела плохи».
>
> Правильно?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Затем:

> «Нас всегда обвиняли, когда бы ни бежали ВП. Мы не могли привязать их к нашим нарам!»

Это ваш собственный комментарий. Затем вы продолжаете о том, что сказал фельдмаршал Кейтель:

> «Этим утром Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера о том, что я допустил ещё один побег ВП. Это было неслыханно!».

Вы продолжаете собственным комментарием:

«Тогда у них должен был быть спор, потому что лагерь нам не подчинялся, это был лагерь ГАФ[107]».

Это правильно, что фельдмаршал сказал:

«Этим утром Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера о том, что я допустил ещё один побег ВП»?

Вестхоф: Не в присутствии Гиммлера, а в присутствии Гитлера. Присутствии Гитлера.

Максвелл-Файф: Должно быть присутствие Гитлера?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Итак, следующее предложение:

«Все лагеря ГАФ непосредственно подчинялись самим ГАФ, но инспектор по лагерям ВП был ответственным за все лагеря в инспекционных целях. Я ещё не был инспектором».

Нам всё это объясняли. Не думаю, что есть какой-то спор об организации. Я не затрудняя вас этим. Мы подробно изучали это в суде. Если трибунал не хочет этого, я не намерен затруднять этим свидетеля. Вы говорите: «Я ещё не был инспектором. Инспектором был генерал фон Граveниц, и все лагеря подчинялись ему в вопросах инспекции и администрации».

Затем вы говорите:

«Геринг винил Кейтеля в допущении побега этих людей. Такие постоянные побеги плохое зрелище. Затем вмешался Гиммлер – я могу сказать только то, что сказал нам Feldmarschall – и он пожаловался на то, что ему потребуется ещё 60 000 или 70 000 людей как «Landwachen», и т.д.

Правильно? Фельдмаршал говорил это?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Итак, второй абзац:

«Feldmarschall Кейтель сказал нам: «Господа, эти побеги следует прекратить. Мы должны показать пример. Мы должны предпринять самые суровые меры. Я могу лишь сказать вам, что людей которые сбежали расстреляют, возможно большинство из них уже мертвы». Кейтель сказал нам это на совещании».

Это правильно?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Затем вы говорите:

«Мы изумились тому, что здесь была концепция с которой мы никогда не сталкивались раньше. Дело должно было случиться в марте. Нас

107 Аббр. с англ. German Air Foce – германские воздушные силы.

> направили к Feldmarschall в Берлин несколько дней спустя после побега, не из-за этого, а по каким-то другим делам. Мы знали о том, что они сбежали, и нас застало врасплох заявление на совещании».
>
> Затем вы снова продолжаете свой отчёт о совещании:
>
> «Генерал фон Гравениц сразу же вмешался и сказал: «Но, сэр, это не обсуждается. Побег не позорное правонарушение. Это особо изложено в конвенции[108]».
>
> Верно, что генерал фон Гравениц сказал такие слова?

Вестхоф: Генерал фон Гравениц заявил возражения в связи с Женевской конвенцией, но здесь в этом докладе пропущено то, что фельдмаршал сказал генералу фон Гравеницу о том, что речь идёт об указе фюрера. Здесь это пропущено.

Максвелл-Файф: Что же, если вы посмотрите на следующую фразу которую я собираюсь вам прочитать, вы говорите:

> «Он» – то есть генерал фон Гравениц – «заявил эти возражения, потом Кейтель сказал: «Чёрт с ним, мы обсуждали это в присутствии фюрера, и это нельзя изменить».
>
> Это правильно?

Вестхоф: Нет. Фельдмаршал сказал: «Для меня это безразлично. Это мне безразлично».

Максвелл-Файф: Думаю было бы проще, генерал, если бы вы сейчас сказали трибуналу, постаравшись вспомнить, что сказал фельдмаршал Кейтель после заявления генералом фон Гравеницем своих возражений?

Вестхоф: Я дал суду об этом заявление под присягой, которое я возможно могу прочесть:

> «Относительно присутствия генерала фон Гравеница и меня в ставке в марте 1944, фельдмаршал Кейтель…»

Максвелл-Файф: Генерал Вестхоф, трибунал может захотеть это позже. Было бы лучше если бы вы попытались придерживаться сейчас этого заявления – правильное оно или нет – и затем мы сможем рассмотреть любое другое. Есть один пункт, если вы сможете подумать об этом: после того как генерал фон Гравениц заявил своё возражение, как вы нам сказали, на основе конвенции, что сказал фельдмаршал Кейтель? Что он об этом сказал? Если вы постараетесь и сделаете это, это было бы для нас большой помощью.

Вестхоф: Фельдмаршал сказал: «Это безразлично, мы должны показать пример».

Максвелл-Файф: Я думал вы сказали, что он упомянул, что был указ фюрера об этом или приказ, или что-то такое. Он это упоминал?

Вестхоф: Это он уже сказал в самом начале, что это был вопрос указа фюрера.

---

108 Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

Максвелл-Файф: В следующем абзаце вы отмечаете в своём заявлении – думаю для вас честнее прочитать это, это вторая фраза:

«Но в данном случае никто из наших людей» - военнослужащих Вермахта – «не расстрелял никого из ВП. Я сразу же выяснял это».

Затем вы говорите:

«Никого из них не застрелил солдат, а только гестаповцы или кто-то из полицейской охраны. Возможно это подтверждает, что Гиммлер – конечно, я не знаю, внёс ли он предложение фюреру, или как это организовали. Возможно, выяснить это у Геринга который присутствовал на совещании. Естественно я не знаю».

Вы помните, что давали эти ответы?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Затем вы снова говорите:

«Во всяком случае, ясный факт, что никого из них не расстреляли наши люди, должно быть их расстреляли полицейские».

И вы заметили в последней фразе:

«Но в этом конкретном случае, тех кого поймали наши люди, вернули в лагерь, то есть, пойманных солдатами».

Итак, в следующем абзаце вы говорите, что не имели полномочий отдавать полицейские приказы, и вы повторяете, что военнослужащие Вермахта никого из них не застрелили. И затем в третьей фразе вы говорите:

«Мне сразу же поступил доклад, и я сказал генералу фон Гравеницу: «Сэр, единственная вещь которую мы можем сделать это проследить за тем, чтобы мы не оказались ни в каком грязном деле».

Это правильно: генерал, это правильно описывает то, что вы делали?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Итак, вы продолжаете говорить, фразой или двумя после, что вы столкнулись с fait accompli[109]; и затем вы говорите, после повторения протестов генерала фон Гравеницу фельдмаршалу Кейтелю, когда он сказал: «Это совершенно невозможно, мы не можем расстреливать никаких людей»:

«О том, как производились расстрелы я услышал от представителя гарантирующей державы, господина Навиля[110] из Швейцарии».

Это правильно?

Вестхоф: Нет.

Максвелл-Файф: Как вы услышали о расстреле?

Вестхоф: Я обратился в Гестапо и хотел подробностей о расстреле для

109 Свершившийся факт (фр.)

110 Франсуа Навиль (1883 - 1968) — швейцарский врач. Приват-доцент неврологии (1912), профессор кафедры судебной медицины (1928), а затем профессор и директор Института судебной медицины (1934) Женевского университета. Декан медицинского факультета (1948—1950). Президент Швейцарского общества неврологии (1930—1932). В 1943 в составе немецкой комиссии проводил исследование тел захороненных в Катынском лесу.

министерства иностранных дел, и я их не получил. Представитель Швейцарии, господин Навиль, которого я отправил в лагерь, посетил меня по возвращении, и от него я узнал единственную вещь, которую, когда-либо слышал об этом деле, а именно, что видимо военнопленные которых вернули в лагерь видели, что сбежавших лётчиков увезли в тюрьму Гёрлица на грузовике закованными и под сильной охраной. Это единственная вещь которую я вообще узнал, и до сих пор я не знал, что эти лётчики погибли. Гестапо отказалось информировать меня об этом.

Максвелл-Файф: Но верно, что в целом в этом заключалась информация которую вы получили от представителя гарантирующей державы. Я не знаю помните ли вы его имя был Навиль или нет. Но это так, не так ли?

Вестхоф: Я не понял вопрос.

Максвелл-Файф: Ту информацию, что вы получили – вы сказали нам, что её было очень мало – вы получили от представителя Швейцарии, гарантирующей державы. Это правильно?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: А теперь, я хочу рассмотреть следующий кусок, в заявлении где вы пытались связаться с министерством иностранных дел, и если вы взглянете на абзац ниже вы найдете, что вы говорите:

> «Во всяком случае, мы не получили никаких известий, и поэтому заметили фельдмаршалу, что такое положение дел невозможно, что мы должны связаться с министерством иностранных дел. Тогда он категорически заявил о том, что запрещено связываться с министерством иностранных дел».

Это правильно?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Я прочту, два предложения:

> «Затем вопрос подняли в Палате общин в Англии, и тогда с нашей стороны была направлена нота. Тогда меня внезапно вызвали к адмиралу Бюркнеру из зарубежного отдела (Amtsgruppe Ausland) в ОКВ, который держал связь с министерством иностранных дел. Он ночью позвонил мне по телефону и сказал: «Feldmarschall отдал мне приказы немедленно подготовить ответ Англии. К чему всё это? Я ничего об этом не знаю». Я сказал: «Господин адмирал, виноват, но генерал фон Гравениц получил строжайшие приказы ни с кем об этом не говорить. Также ничего не позволено излагать в письменном виде. Кроме этого, мы сами столкнулись со свершившимся фактом. Этот приказ видимо отдал Гиммлер, и положение было таким, что мы ничего не могли с этим поделать».

Это верный отчёт?

Вестхоф: Здесь снова слово «Гиммлер» стоит вместо слова «Гитлер».

Максвелл-Файф: Должно быть Гитлер. Кроме этого, это верно? Я имею в виду, по сути это правильный отчёт о беседе между адмиралом Бюркнером и вами?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Затем вы продолжаете говорить, что адмирал Бюркнер хотел, чтобы вы рассказали ему о деле, что вы знали только о том, что сказал вам господин из Швейцарии, и что вы предпринимали различные попытки обратиться в Гестапо. И затем, если вы посмотрите немного перед концом абзаца:

> «Затем само министерство иностранных дел связалось и занялось этим делом. Затем ещё один человек, подполковник Крафт, поехал в Берхтесгаден пока я был в отъезде. Тогда должны были готовить ноту Англии. Затем, когда мы прочли ноту Англии в газете, все мы были потрясены. Мы схватились за головы. Безумие! Мы не могли иметь к делу никакого отношения».

Это правильно? Вы так сказали, и это правильно?

Вестхоф: Вопрос передали министерству иностранных дел и министерству иностранных дел поручили подготовку ноты для Англии. На эту дискуссию подполковника Крафта вызвали как специалиста по делу Сагана для снятия любых сомнений, если бы таковые имелись. Однако это вовсе не означает, что подполковник Крафт каким-либо образом занимался подготовкой ноты, это был чисто вопрос министерства иностранных дел. Министерство иностранных дел только вызвало его для того, чтобы если были бы какие-то сомнения, они были бы сняты на месте.

Максвелл-Файф: Итак, генерал, следующую часть заявления я не буду читать если только этого не хочет трибунал, потому что вы совершенно ясно дали понять, что по вашему мнению главный инспектор Рёттиг, вообще не имел никакого отношения к делу. И если вы примите от меня, что в этом заключается суть следующих абзацев, я не затрудняю вас деталями. Вы дали понять, что генерал Рёттиг не имел к этому никакого отношения. Правильно?

Вестхоф: Нет.

Максвелл-Файф: Что же, извиняюсь. Если вы посмотрите на первую фразу – я думал, что честно её представил. Посмотрите на первую фразу:

> «Generalinspekteur генерал Рёттиг не имел никакого отношения к этому, вообще никакого. Он вообще не занимался этим делом. Его полностью исключили из этого ввиду того факта, что эти вопросы забрали у него из рук, видимо на том совещании утром у фюрера, то есть на совещании между Гиммлером, фельдмаршалом Кейтелем и Герингом, которое состоялась в присутствии фюрера».

Правильно? Я лишь хотел вкратце сказать, что вы пытались, и совершенно правильно, если это правда, довести свой взгляд о том, что генерал Рёттиг не имел к этому никакого отношения. Это правильно, то есть, эта фразу которую я прочёл

вам?

Вы сказали: «Да»?

Вестхоф: Главный инспектор был ответственным за мероприятия по предотвращению побега, но не имел к этому делу никакого отношения.

Максвелл-Файф: В этом между нами нет разногласия. Это я и предлагаю. Итак, я хочу, чтобы вы посмотрели на следующий абзац. Он также касается генерала Рёттига. Затем, после этого, вы объясняете позицию офицеров. Вы говорите:

«Я знаю только о том, что существовал приказ о том, чтобы только офицеров, и, мне кажется, только тех кого поймало Гестапо, должны были передать ему».

Затем вы говорите – вы говорите о разведке – я не хочу затруднять вас этим. Затем, если вы взглянете на следующий абзац:

«Я получил доклад из лагеря говоривший о том, что столько-то и столько-то людей расстреляли при попытке побега. Я вообще не слышал об этом от Гестапо. Это так. Доклады должны направлять в лагерь. Затем лагерь проинформировал нас о том, что ряд людей поймали и ряд расстреляли. Так сообщали о вещах. Гестапо вообще не направило мне информацию, они просто говорили нам, когда бы мы не делали запросы, что они поймали определённое количество».

Теперь следующая фраза, на которую я хочу, чтобы вы внимательно посмотрели:

«Фельдмаршал дал нам подробные указания опубликовать список в лагере, приводивший имена расстрелянных, в качестве предупреждения. Это был прямой приказ которому мы не могли не подчиниться».

Это верно?

Вестхоф: Было приказано о том, чтобы список тех, кого расстреляли вывесли в лагере в качестве предупреждения.

Максвелл-Файф: И затем следующее предложение говорит:

«Видимо тела были сожжены и прахи положили в урны и направили в лагерь».

И затем здесь организация похорон.

Затем вы говорите, что возникли большие трудности. Фразой или двумя после вы говорите, что дела такого рода всегда передавали высшей власти. Они шли в партийную канцелярию и затем там были адские неприятности. Кремация военнопленных была запрещена.

И затем после, когда вы говорите, что вы подняли вопрос противоречия конвенции, вы говорите:

«Всякий раз, когда я обращался к офицерскому корпусу и говорил: «Господа, мы действуем только в соответствии с конвенцией, кто-то

из высшей власти в партийной канцелярии прибывал на следующий день и говорил: «Господа, конвенция это клочок бумаги который нас не интересует».

Это верно в отношении общей процедуры?

Вестхоф: Не совсем верно. ОКВ заняло точку зрения, что нужно соблюдать конвенцию, но дела военнопленных как таковые в Германии только для видимости находились в руках ОКВ. Людьми которые реально формировали решения по вопросам военнопленных были партийные и экономические ведомства. Таким образом, например, моё ведомство должно было направлять заместителю партийной канцелярии каждый отданный приказ, и партийная канцелярии, а не ОКВ решала о том как нужно отдавать этот приказ.

Максвелл-Файф: Я не хочу вдаваться в детали. У вас была беседа с заместителем Бормана, Фридрихом[111], в партийной канцелярии. И затем начинается длинный абзац: «Лагеря ВП воздушных сил находились под управлением ГАФ…». Мы рассматривали это, если ваша светлость согласится, в деталях – со стороны воздушных сил. Я не намерен развивать это.

Затем я хочу, чтобы вы перешли к тому где сказано, в абзаце после того, где вы говорили по вопросу передачи лагерей военнопленных организации Гиммлера – вы видите они гласят: «Нам сказали, что всех людей кто сбежит должны расстреливать!» Это может быть начало следующего абзаца в моей английской версии. Вы видите это после длинного абзаца о лагерях воздушных сил?

Вестхоф: Пожалуйста, какая страница?

Максвелл-Файф: Трудность в разнице страниц, но это начинается: «Нам сказали, что всех кто сбежит расстреляют…». Это треть последнего абзаца документа. Если вы начнёте с конца документа, вы увидите абзац: «Я не могу вспомнить…». Перед ним: «Мы организовали с Feldrnarschall…». Это перед ним: «Нам сказали, что всех кто сбежит расстреляют…». Вы нашли?

«Feldmarschall запретил излагать всё по этому поводу в письменном виде. Вообще ничего. Только лагерь должен был быть проинформирован, чтобы иметь картину. Я снова обсуждал вопрос с Гравеницем. Я не могу вам сказать более подробные детали. Мы связывались с Гестапо по поводу возвращения тел. Мы их вернули. Затем фон Гравениц убыл на фронт».

И следующий кусок к которому я хочу вашего внимания.

«Затем я сказал Oberstleutnant Крафту: «Я не хочу делать это так, я собираюсь прикрыть себя любой ценой, чтобы мы не были потом замешаны. Правда, что Feldmarschall запретил излагать в письменном виде, но я хотел иметь это в письменном виде. Это должно быть

111 Гельмут Фридрихс (1899 — 1945) — фюрер СС, начальник отдела в штабе заместителя фюрера Рудольфа Гесса. Депутат Рейхстага. С апреля 1945 пропал без вести. Объявлен умершим в 1951.

подписано фюрером».

То, что вы сказали Крафту – сравнительно неважно.

Вестхоф: Это не совсем правильно.

Максвелл-Файф: Скажите нам как бы вы хотели это изменить.

Вестхоф: Я хотел это в письменном виде, подписанном фельдмаршалом, и с этой целью я подготовил меморандум с описанием дискуссии. И таким образом я имел подпись фельдмаршала для своего ведомства при дальнейших событиях, для того, чтобы у меня было что-то в письменном виде, чтобы подтвердить, что это на самом деле правда.

Максвелл-Файф: Итак, взгляните на следующую фразу. Думаю это полностью согласуется с тем, что вы сказали:

> «Вопреки приказам Feldmarschall Кейтеля – я притворился, что не понял правильно – я проработал вопрос на бумаге. Я сказал Oberstleutnant Крафту: «Я хочу включить слово «расстрел», чтобы Кейтель мог видеть это в письменном виде. Тогда он может занять другое отношение.
>
> Когда я получил вещь обратно, он написал на полях следующее: «Я не говорил определённо «расстрел», я сказал: «Передача полиции или передача Гестапо».

Максвелл-Файф: Генерал, какое изменение вы хотите внести?

Вестхоф: Я чётко заявил это в своём заявлении под присягой, что фельдмаршал написал на полях: «Я не сказал «расстрел», а «передача Гестапо».

Максвелл-Файф: Также как и в заявлении? Говорится, что он написал на полях: «Я не говорил определённо «расстрел», я сказал: «Передача полиции или передача Гестапо».

Вестхоф: Что же, правильно.

Максвелл-Файф: Я хотел ясности с этим, генерал. Проект приказа или докладная записка которую вы представили фельдмаршалу содержала слово «расстрел»?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Итак, есть всего один кусок. Вы продолжаете говорить:

> «Мы организовали с Feldmarschall доклад вопроса фюреру. Мы считали, что что-то не в порядке».

И затем вы говорите, что вы обратились к полицейским властям немного меньшего уровня и приблизительно 10 строчками ниже вы говорите:

> «В конце концов, я не мог понять где и чего мне хотеть по этому делу. Поэтому я лично поехал в Берлин – это был единственный раз, когда я видел Кальтенбруннера – и сказал Кальтенбруннеру: «Этот все же чрезвычайный вопрос. Нужно поставить его перед фюрером. Я не могу это исполнять. Нужно когда-то принять решение. Но кроме этого, я считаю, что всё дело нужно прекратить. Всё это безумие. Это

уже привело нас к таким неприятностям и настолько ужасно, что я всё ещё считаю, что это дело нужно прекратить каким-то образом или разубедить фюрера продолжать такое дальше».

И снова, это в целом, по сути, правильная версия того, что вы сказали подсудимому Кальтенбруннеру?

Вестхоф: Однако, это прямо не относится к вопросу, а скорее к приказу который должен был отдать Вагнер[112] в связи с этим и представить фюреру двумя путями, одним через начальника ОКВ и другим через Гиммлера. Этот приказ представили Кейтелю в форме проекта, который затем пошёл в Гестапо. Гестапо прочитало этот проект и затем вопрос дальше не исполнялся. Я никогда не смог выяснить почему так было, и по этой причине соответствующим образом обратился к Кальтенбруннеру по данному вопросу.

Максвелл-Файф: Этот приказ в своей окончательной форме был о том, что сбежавших военнопленных следовало передавать Гестапо или полиции?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Понимаю. Таким образом это, генерал Вестхоф, если я могу занять ваше внимание, касалось будущего, не так ли? Это касалось того, что нужно делать в будущем?

Вестхоф: Да.

Максвелл-Файф: Милорд, я не думаю, что снова нужно вдаваться в детали, если того не пожелает трибунал. Милорд, остальное заявление это общий отчёт об отношении к британским военнопленным, и я на это вообще не жалуюсь.

Милорд, есть одна проблема которая возникла, которую возможно трибунал рассмотрит сейчас как в удобное время. Мой друг, полковник Покровский, имеет некоторые иные темы в отношении обращения с советскими военнопленными которые он хотел поднять с данным свидетелем и возможно трибунал сочтёт это удобным временем для этого.

Председатель: Наверное, было бы более удобнее если бы доктор Нельте задал свидетелю вопросы, если он имеет какие-нибудь, первым, до полковника Покровского.

Максвелл-Файф: Я покорно согласен выяснить данную тему первой.

Председатель: До тех пор пока вопросы полковника Покровского могут относиться к подсудимому Кейтелю?

Максвелл-Файф: Они, конечно же относятся к положению ОКВ с военнопленными, но они не имеют отношения к делу Сагана.

Председатель: Доктор Нельте, у вас есть какие-нибудь вопросы которые вы хотите задать свидетелю?

---

112 Эдуард Вагнер (1894 — 1944) — немецкий генерал артиллерии, бывший также генерал-квартирмейстером в немецкой армии и членом заговора 20 июля. Покончил жизнь самоубийством после провала попытки покушения на Гитлера.

Нельте: Свидетель, то, что вам только что прочитали называлось «заявление» и было представлено здесь. Вы, когда-либо делали это заявление полностью в устной или письменной форме?

Вестхоф: Меня допрашивали по разным поводам и этот допрос который представили мне, это суммирование моих показаний. Конечно, я нашёл ошибки здесь и там, ввиду его суммирования, и вопросы опущены.

Нельте: Другими словами, это суммирование ответов которые вы дали на вопросы при различных допросах?

Вестхоф: Да.

Нельте: Вам, когда-либо представляли это суммирование?

Вестхоф: Нет.

Нельте: У меня сложилось впечатление, что зачитанные вам отрывки случайно оказались очень длинными и что вы на самом деле всегда отвечали на последнюю часть отрывков. Я хочу спросить вас, допрашивали ли вас снова после этого допроса в Лондоне?

Вестхоф: Меня допрашивали здесь в Нюрнберге.

Нельте: Полковник Уильямс?

Вестхоф: Да.

Нельте: Что сказал вам полковник Уильямс по завершении допроса? Что он у вас попросил?

Вестхоф: По завершении допроса, полковник Уильямс попросил меня кратко описать основной пункт моих показаний и суммировать это в заявление под присягой.

Нельте: Вы поклялись в этом заявлении полковнику Уильямсу?

Вестхоф: Да, поклялся.

Нельте: Итак, я хочу прежде всего пройти с вами допрос который был у вас с полковником Уильямсом, и который находится в документе RF-1450. Я передаю вам этот документ.

Председатель: Что вы имеете в виду под документом 1450?

Нельте: RF-1450 находится в документальной книге, в моей документальной книге как номер 5.

Председатель: Но вы имеете в виду RF-1450, не так ли?

Нельте: Да, RF. Этот документ называется «Сводка о допросе генерала Адольфа Вестхофа полковником Кёртисом Л. Уильямсом 2 ноября 1945».

Председатель: Минуточку доктор Нельте. Доктор Нельте, трибунал думает, что вы можете сказать свидетелю: «Вы делали или нет разные заявления в допросе в то или иное время?». Но документ на который вы ссылаетесь сейчас это документ в котором трибунал отказал по вашим возражениям. Когда француз представлял документ, вы возразили ему и таким образом его не разрешили приобщить, таким образом правильно задать вопрос это: «Вы говорили полковнику Уильямсу такое и

такое»?

Нельте: У меня здесь подборка таких пунктов в документе или записях полковника Уильямса которая согласно вашему заявлению предположительно неправильная. Я спрашиваю вас, о чём вас спрашивал или не спрашивал полковник Уильямс…

Председатель: Доктор Нельте, вы не правы говоря о том, что они разные – вы должны задавать ему вопросы об этом, а не делать самому заявления.

Нельте: Что вы говорили полковнику Уильямсу на его вопрос о том, подчинялись ли полностью лагеря военнопленных ОКВ и фельдмаршалу Кейтелю?

Вестхоф: Лагеря военнопленных подчинялись ОКВ только в такой мере, что ОКВ имело юридический контроль за ними и поскольку это касалось гарантирующих держав, то есть, Международного Красного Креста. ОКВ не имело власти отдавать приказы или назначать наказание в лагерях.

Нельте: Что вы ответили на вопрос полковника Уильямса о праве ОКВ инспектировать лагеря?

Вестхоф: ОКВ было вправе инспектировать. Это можно понять из моих официальных приказов в которых чётко говорится, что инспектор вправе инспектировать лагерь.

Нельте: Что вы ответили на вопрос полковника Уильямса о том кому подчинялся шталаг авиации III, Саган?

Вестхоф: Шталаг авиации III, Саган подчинялся главнокомандующему Люфтваффе, потому что главнокомандующий Люфтваффе, по собственному желанию и уже в начале войны, имел лагеря военнопленных содержавшие лётчиков переданных ему.

Нельте: Вы ответили на один из вопросов полковника Уильямса, что Геринг, Гиммлер, Кейтель и Гитлер решили расстрелять офицеров бежавших из Сагана?

Вестхоф: Нет, это ошибка. Полковник Уильямс спросил меня, что фюрер сказал фельдмаршалу Кейтелю, соответственно я чётко ответил, что я не могу предоставить информацию об этом, так как не принимал участия в совещании. Я мог сделать заявления только о совещании которое фельдмаршал Кейтель имел с генералом фон Гравеницем.

Нельте: Вы ответили полковнику Уильямсу, что фельдмаршал Кейтель, во время совещания с Гравеницем сказал: «Это мой приказ?».

Вестхоф: Нет, фельдмаршал не мог отдать приказ о расстрелах, так как расстрелы не находились в компетенции Вермахта, а Гестапо.

Нельте: Во время вашего допроса, в частности также полковником Уильямсом, вы чётко сказали о том, что это никогда не было вопросом приказа отданного самим Кейтелем или приказа который Кейтель мог передать вам по вышестоящим приказам?

Вестхоф: Это касалось информации поступившей генералу фон Гравеницу. Это также безоговорочно сказано в моём заявлении под присягой.

Нельте: Значит, если я правильно вас понял, вы заявляете о том, что фельдмаршал

Кейтель никогда не отдавал своего собственного приказа и никогда не выражал идею о том, что он вообще хотел отдать вам приказ о расстреле офицеров?
Вестхоф: Нет, он не мог это сделать.
Нельте: Во время предыдущего допроса обвинителем была беседа о докладе который комендант лагеря в Гёрлице предположительно направил вам. Это также есть в записях. Вы просили о получении доклада от коменданта лагеря?
Вестхоф: Я вообще не имел никакой личной связи с комендантом лагеря в Гёрлице. Должно быть, здесь есть путаница с заявлением швейцарского представителя, Навиля.
Нельте: Верно, что во время дискуссии между Кейтелем с одной стороны и генералом фон Гравеницем и вами с другой, поднимались два вопроса: первый, случай сбежавших офицеров королевских воздушных сил, и второе, вопрос о том, что нужно делать в будущем, или как следует предотвращать побеги?
Вестхоф: Да, это так.
Нельте: Теперь у меня есть вопросы на которые я прошу вас отвечать, по возможности, «да» или «нет». Это правда, что в первом случае, а именно, случае 50 пилотов королевских воздушных сил, только беседа предоставила возможность получить информацию о том, что случилось в высших кругах?
Вестхоф: Да.
Нельте: Другими словами, из всей вашей беседы с Кейтелем ясно, что это был вопрос приказа отданного Гиммлеру Гитлером?
Вестхоф: В отношении расстрела, да.
Нельте: После посещения профессором Навилем лагеря Саган, он сказал вам о том, что у него сложилось впечатление о том, что конечно мощные силы работали там, против которых ОКВ ничего не могло поделать?
Вестхоф: Да, он так сказал.
Нельте: В связи со сбежавшими пилотами, ОКВ имело отношение к их поимке или обращению, или было ясно, что в данном отношении этот вопрос решился неудачно, что касалось ОКВ?
Вестхоф: ОКВ дальше не могло ничего сделать, так как вопрос полностью вырвали из его рук.
Нельте: Значит, соответственно, неправильно сказать, что после этой дискуссии между Кейтелем, Гравеницем и Вестхофом, ОКВ снова созвало совещание?
Вестхоф: Нет, не было дальнейшего совещания в ОКВ.
Нельте: Был предъявлен документ в котором полковник Вальде – это документ D-731, господин председатель – в котором полковник Вальде дал показания, чтобы быть точным, он говорит в начале, что он вынужден восстановить по памяти, что случилось, согласно его воспоминаниям, ему казалось, что ОКВ созвало совещание которое состоялось на Принц Альбрехтштрассе. Вам, что-нибудь об этом известно?
Вестхоф: Я знаю об этом совещании только от вас. Его бы не созвало ОКВ, так как

тогда мы бы провели его в Торгау. Однако, без сомнения, его провели в Берлине, как вы мне сказали, и это не совещание созванное ОКВ.

Нельте: Верно, что офицеров-военнопленных пойманных Вермахтом снова вернули в лагерь Саган и оставили там?

Вестхоф: Да, правильно.

Нельте: Пойманных военнопленных, которых передавали лагерю, в любом случае, снова отдавали?

Вестхоф: Нет.

Нельте: С другой стороны, это правда, что вы отдали коменданту лагеря строгие приказы со стороны ОКВ о том, чтобы пойманных пленных не при каких обстоятельствах не выпускали из лагеря?

Вестхоф: Приказ был отдан мной не коменданту лагеря, а командующим военными административными округами ответственными за военнопленных.

Нельте: Но через них в лагеря?

Вестхоф: В лагеря, да.

Нельте: Приказ упоминал то, чтобы были опубликованы имена сбежавших пленных которые не вернулись. Вы ранее сказали «в качестве предупреждения». Для того, чтобы выяснить этот вопрос – цель приказа, который, конечно поступил свыше, я хочу спросить вас не сказал ли фельдмаршал Кейтель в оправдание: «Надеюсь, однако, что пленные будут шокированы этим и в будущем не сбегут снова».

Вестхоф: Да, фельдмаршал это сказал.

Нельте: Вы дали показания, или даже, вам прочитали, что фельдмаршал Кейтель сказал вам и генералу фон Гравениц, что в целом ничего не следует излагать в письменном виде о деле, как и обсуждать с каким-нибудь другим ведомством.

Вестхоф: Да.

Нельте: Значит правильно сказать, что вы подготовили меморандум по вопросу, а именно, совещании и передали его Кейтелю?

Вестхоф: Да.

Нельте: Верно, что фельдмаршал Кейтель не нашёл в этом ничего плохого как можно было ожидать на самом деле, а написал свой инициал «К» в верхнем углу меморандума?

Вестхоф: Да.

Нельте: Кроме того, правильно, что вы, потому что должны были докладывать, постоянно были на связи с главным управлением безопасности Рейха для того, чтобы выяснить, что-то о судьбе этих несчастных офицеров?

Вестхоф: Не только я был на связи с главным управлением безопасности Рейха, но так как я не добился успеха в этом, я также доложил о вопросе в общее управление Вермахта, но насколько известно, оно также не добилось успеха.

Нельте: Далее, верно, что вы попросили представителя Международного Красного Креста, доктора Навиля, посетить лагерь Саган в связи с этим событием?

Вестхоф: Я добился этого визита, да.

Нельте: Кроме того правда, что фельдмаршал Кейтель вызвал вас и сказал вам о том, что министр иностранных дел должен был иметь точные сведения о случившемся, для того, чтобы подготовить ответную ноту?

Вестхоф: Да.

Нельте: И соответственно вы должны были рассказать министерству иностранных дел о случившемся во всех подробностях?

Вестхоф: Да.

Нельте: Кейтель говорил по этому поводу, что вы должны, что-то скрывать или представлять в ложном свете?

Вестхоф: Нет.

Нельте: ОКВ участвовало в составлении ноты в той форме как её направили?

Вестхоф: Нет.

Нельте: Верно, что ваш представитель, подполковник Крафт, явился в министерство иностранных дел, чтобы присутствовать на встрече в Берхтесгадене с единственной целью предоставить правильную информацию в ответ на возможный запрос представителя министерства иностранных дел, в случае необходимости информации?

Вестхоф: Да.

Нельте: Наконец, верно, что подполковник Крафт сообщил вам о том, что министерство иностранных дел представило ноту Гитлеру, и Гитлер отклонил её и сам составил текст?

Вестхоф: Насколько я помню, это правильно.

Нельте: Вторая часть совещания между Кейтелем, Гравеницем и Вестхофом касалась вопроса того какую акцию нужно предпринимать в будущем. В связи с этим вы заявили о том, что должен был быть подготовлен приказ и что это был вопрос определённых сфер компетенции который нужно было обсудить с главным управлением безопасности Рейха. Скажите мне в связи с чем, если вообще, главное управление безопасности Рейха или Гиммлер имели бы отношение к управлению военнопленными?

Вестхоф: Гиммлер был ответственным за безопасность в Рейхе и, что касалось всех военнопленных, он должен был заниматься розыском всех бежавших пленных.

Нельте: Он, ввиду этого, любым образом вступал в конфликт с вашим ведомством по делам военнопленных ОКВ?

Вестхоф: Постольку поскольку нас часто запрашивали, когда бы ни бежали военнопленные о том, что с ними сделали и не получали никакой информации, или информацию с которой мы ничего не могли сделать, от которой не было пользы.

Нельте: Это означает, что возможно, Гиммлер или его ведомство не предоставляли вам никакой информации, когда они ловили военнопленных?

Вестхоф: Это абсолютно возможно, и мы также предполагали, что такое часто

происходит.

Нельте: Вы, однажды, готовя или проектирую приказы которые касались обращения со сбежавшими военнопленными, использовали слова «Разряд III»?

Вестхоф: Нет.

Нельте: Вы знаете, было ли вообще известно в ОКВ значение этих слов обозначающих смертный приговор.

Вестхоф: Мне они были неизвестны. Меня спросили об этом впервые в Лондоне и я вынужден был сказать, что не могу предоставить об этом информацию.

Нельте: Когда вы говорите, лично вы, тогда вы возможно также имеете в виду также организацию, поскольку вы относились к ОКВ.

Вестхоф: Да.

Нельте: У меня здесь есть документ, номер PS-1514. Он касается коллективного приказа командира IV военного округа об обращении со сбежавшими военнопленными. Вы увидите в этом приказе целый ряд ссылок даже на 1942.

Я спрашиваю вас, согласно вашим сведениям и опыту, не мог ли приказ быть отдан 4 марта 1944 как вписано здесь, имея такое важное содержание?

Вестхоф: Если это было вопросом секретного приказа, да.

Нельте: Это в немецкой…

Председатель: Минуточку доктор Нельте. Вы не уходите слишком далеко от предмета о котором допрашивали свидетеля? Я имею в виду, его допрашивали о беседе которая была у него с фельдмаршалом Кейтелем, а здесь вы спрашиваете его о чём-то, что не имело никакого отношения к этому, насколько я могу понять.

Нельте: Мне кажется, что я должен выяснить, что это имело отношение к второй части совещания, а именно, об обращении с пойманными сбежавшими офицерами. Это подготовительные вопросы которые я должен задать, чтобы выяснить, по моему мнению…

Председатель: Но это очень длинный перекрёстный допрос свидетеля которого вы вообще не желали вызывать. Трибунал желает, чтобы вы были как можно более кратким.

Нельте: Я сделаю это настолько кратко насколько позволяют интересы подсудимого.

[*Обращаясь к свидетелю*] В германской системе отдачи приказов непривычно ссылаться на приказ отданный высшими властями приводя дату и архивный номер?

Вестхоф: Да, всегда.

Нельте: Вы, когда-либо предоставляли какую-нибудь информацию представителям гарантирующей державы или Международном Красному Кресту о том, что военнопленных, о поимке которых вы знали, повторно не поймали?

Вестхоф: Нет.

Нельте: Вам, что-нибудь известно о – и здесь у меня есть последний документ

PS-1650…

[*Документ PS-1650 передали свидетелю*]

Председатель: В чём был смысл показывать ему PS-1514? Ему вообще не задавали о нём уместных вопросов.
Нельте: Из этого документа я через свидетеля нахожу подтверждение ответа подсудимого о том, что если этот приказ издали 4 марта 1944, как здесь представлено, это бы содержалось в документе.
Председатель: Трибунал считает это тратой времени, доктор Нельте.
Нельте: Я закончу за несколько минут, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, будьте любезны взглянуть на страницу 3 документа, под номером 3. Он гласит:

> «ОКВ попросило информировать лагеря военнопленных, что в интересах маскировки пойманные офицеры не должны передаваться напрямую в Маутхаузен[113], а местным органам полиции».

Вы когда-либо в своей деятельности в ОКВ знали, что-нибудь о просьбе или таком приказе?
Вестхоф: Мне это не знакомо. Это также происходило, когда я не был начальником.
Нельте: Но взяв 1 апреля 1944, вы должны были знать обо всех важных событиях или должны были принимать их к сведению?
Вестхоф: Да.
Нельте: Вы, когда-нибудь узнавали, в связи с этим, что такой документ представили?
Вестхоф: Нет, я об этом не знаю.
Нельте: И последний вопрос. Посмотрите на первую страницу этого документа. Это телетайп от начальника Зипо и СД от 4 марта 1944. Он гласит на первой странице:

> «ОКВ приказало о следующем: каждый пойманный сбежавший офицер-военнопленный» - и т.д. – «после поимки, должен передаваться начальнику Зипо и СД с кодовым словом «Разряд III»…

Подсудимый Кейтель заявил здесь о том, что ему неизвестно о таком приказе ОКВ.

Я спрашиваю вас, вы обнаружили такую директиву, такой приказ в материалах, в делах которые вам представили, когда вы приняли должность 1 апреля 1944?
Вестхоф: Я не находил такого приказа, но приказ такого рода без сомнения существовал.
Нельте: Каким образом?

---

113 Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

Вестхоф: Насколько я помню, генерал Гравениц доставил этот приказ либо из ставки или из общего управления Вермахта.
Нельте: Как возможно, что такого приказа не оказалось в ваших материалах?
Вестхоф: Из-за того, что был приказ о том, что этот приказ должен был существовать только устно.
Нельте: Тогда, пожалуйста скажите мне в чём заключалась процедура, когда такой приказ отдавали устно.
Вестхоф: Его могли передать устно.
Нельте: То есть, ваше ведомство?
Вестхоф: Тогда его передали через начальника управления по делам военнопленных.
Нельте: Начальника?
Вестхоф: Да.
Нельте: И вам известно, что такой приказ передали?
Вестхоф: Насколько я знаю, генерал фон Гравениц доставил этот приказ с собой, приказ также передали дальше.
Нельте: Тогда вам конечно известно, что означал «Разряд III»?
Вестхоф: Нет, я этого не знал. Я сказал о том, что я знал только о том, что был приказ о передаче пойманных пленных Гестапо, но я не могу вспомнить детали, потому что никогда не видел письменный приказ.
Нельте: Значит вы можете заявить, что этот приказ, как вы его видите перед собой, был издан ОКВ?
Вестхоф: Нет, я не могу так сказать.
Нельте: Спасибо.
Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Кауфман: Господин председатель, позвольте мне задать несколько вопросов которые относятся к подсудимому Кальтенбруннеру. Свидетель…
Председатель: Доктор Кауфман, мы собираемся вызвать следом свидетеля Вилена. Вы это понимаете?
Кауфман: Да.
Председатель: Но вы хотите задать свидетелю вопросы, не так ли?
Кауфман: Здесь назвали имя Кальтенбруннера, и у меня есть совсем мало вопросов.
[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы немного раньше упоминали, что вы говорили с Гестапо, и что вы не получали от Гестапо никакой информации. Вам известно с кем вы тогда говорили?
Вестхоф: Нет. Совещания с Гестапо проводились постоянно. В случаях, когда мы теряли военнопленных и мы не знали где они были, мы постоянно направляли

запросы в Гестапо. Но, по одному поводу я был с Кальтенбруннером – а именно, по какому-то другому поводу который не имел отношения к союзным военнопленным – и поскольку этот повод предоставил мне возможность побеседовать с господином Кальтенбруннером лично, я сразу же поставил перед ним вопрос на обсуждеие и попытался отменить этот приказ. Кальтенбруннер и Мюллер присутствовали тогда.

Кауфман: Позже в Берлине после случая Сагана, вы лично говорили с Кальтенбруннером?

Вестхоф: Да.

Кауфман: Там обсуждалось дело Сагана?

Вестхоф: Я говорил о вопросе Сагана с Кальтенбруннером, и прямо высказался о том, что это была невыносимая ситуация.

Кауфман: Сколько прошло времени с дела Сагана?

Вестхоф: Не могу вам теперь сказать, может быть 4 недели спустя.

Кауфман: В чём заключался взгляд Кальтенбруннера на эту проблему? Что он вам сказал?

Вестхоф: Сам Кальтенбруннер ничего мне не сказал, но скорее Мюллер вёл беседу, и я ушёл не получив ни «да» ни «нет».

Кауфман: Мюллер также присутствовал во время второго совещания в Берлине.

Вестхоф: Я был в Берлине только один раз.

Кауфман: Разве не являлось предметом этой беседы каким-то образом вопрос о том как формировать систему по делам военнопленных в будущем?

Вестхоф: Нет.

Кауфман: Другими словам, обсуждалось исключительно дело Сагана?

Вестхоф: Не исключительно дело Сагана. Но я явился на встречу с Кальтенбруннером по другой причине, из-за немецких военнопленных, но воспользовался случаем обсудить это дело. Это вообще был единственный раз, что я видел Кальтенбруннера.

Кауфман: Во время этого совещания вы не получили ни отрицательного ни положительного ответа?

Вестхоф: Правильно.

Кауфман: Какое у вас сложилось впечатление с которым вы покинули совещание?

Вестхоф: Впечатление о том, что видимо много здесь не сделать.

Кауфман: Вы сообщили своим начальникам об этом совещании?

Вестхоф: Да, я надлежащим образом проинформировал об этом общее управление Вермахта.

Кауфман: В чём заключалось содержание доклада?

Вестхоф: О том, что я снова говорил об этом с господином Кальтенбруннером.

Кауфман: Что же, только этого, свидетель, точно недостаточно. В таком важном вопросе вы должны были конечно же сообщить о делах на этом совещании, не только о факте?

Вестхоф: Конечно, я сообщил о делах, что я снова поднял вопрос, и что Гестапо заняло отношение, что им нужно подождать.

Кауфман: Господин председатель, вопросов больше не имею.

Штамер: Свидетель, в заявлении вы дали показания по своим собственным сведениям или узнали об этом факте только от фельдмаршала Кейтеля, а именно, том факте, что названная вами встреча между Гитлером, Гиммлером и Кейтелем по поводу побега 80 лётчиков предположительно состоялась в присутствии рейхсмаршала Геринга?

Вестхоф: Я узнал об этом от фельдмаршала Кейтеля.

Штамер: Больше нет вопросов.

[*Доктор Латернзер подошёл к трибуне*]

Председатель: Доктор Латернзер, если вы собираетесь задать вопросы от имени высшего командования – вы это хотели сделать?

Латернзер: Я собирался задать свидетелю несколько вопросов от имени ОКВ и генерального штаба.

Председатель: Свидетель дал свои показания о том факте, что ОКВ не имело никакого отношения к вопросам в связи с лагерями военнопленными и перекрёстно не допрашивался в связи с этим обвинением, таким образом этот вопрос не обсуждается. И поэтому трибуналу кажется, что вам не нужно задавать вопрос.

Вам лучше уточнить свой вопрос.

Латернзер: Господин председатель, до сих пор процедура была такой, что когда бы ни явился свидетель, каждый защитник имел возможность задать свидетелю вопросы которые он считал нужными. Вы собираетесь отступить от этого?

Председатель: Я не просил вас выступать по этому вопросу, я попросил вас уточнить свои вопросы.

Латернзер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы сами участвовали в Восточной кампании?

Вестхоф: Да.

Латернзер: В каком качестве?

Вестхоф: Сначала я командовал батальоном, а потом полком.

Латернзер: В каком секторе действовало ваше подразделение?

Вестхоф: Начал с Украины, позднее Ленинград, а потом Старая Русса.

Латернзер: Перед началом восточной кампании вы давали своим командирам рот особые указания?

Вестхоф: О чём?

Латернзер: После получения приказа об атаке, я полагаю, вы. как командир батальона должны были собрать вместе своих командиров рот и обсудить с ними

какие-то приказы перед началом кампании.

Вестхоф: Я сказал им о том как они должны вести себя в бою, как они должны вести себя в отношении русского населения, и как они должны вести себя в отношении военнопленных.

Латернзер: Да, и какого рода указания вы дали своим командирам рот?

Вестхоф: Я очень кратко дал указания командирам рот о том, чтобы с каждым военнопленным обращались как если бы они сами стали военнопленными.

Латернзер: Вы это специально сказали?

Вестхоф: Да, об этом было приказано.

Латернзер: Как вели себя войска в походе?

Вестхоф: Мы сражались практически весь путь до Киева, и маршировали, и вряд ли имели какой-то контакт с гражданским населением.

Латернзер: Во время наступления в России вы замечали значительные разрушения?

Вестхоф: Частично, да, частично, деревни были уничтожены. Также были уничтожены небольшие города.

Латернзер: Железные дороги?

Вестхоф: Да, железные дороги тоже?

Латернзер: Промышленные производства?

Вестхоф: Да, я видел потом снаружи Ленинграда, да так точно!

Латернзер: В вашем секторе исполнялся приказ по которому советско-русских комиссаров нужно было расстреливать после пленения?

Вестхоф: Мы не имели к этому никакого отношения. Всех военнопленных которых мы брали, сразу же направляли в тыл дивизии. Мы сами, войсковые командиры – полковые и батальонные командиры – не имели к этому никакого отношения, не имели никакой возможности иметь к этому отношение.

Латернзер: Свидетель, вы не ответили на мой вопрос правильно. Я спросил о том исполняли ли вы приказ.

Вестхоф: Я ничего об этом не знаю.

Латернзер: Вы, когда-либо получали приказ предпринимать действия против еврейского населения в России?

Вестхоф: Нет.

Латернзер: Ваши войска плохо обращались или расстреливали гражданских лиц или пленных?

Вестхоф: Нет! Был специальный приказ о поддержании дисциплины, говоривший о том, что это не допускается.

Латернзер: Допускался грабеж?

Вестхоф: Нет, это строго запрещалось.

Латернзер: Случался ли какой-нибудь грабёж?

Вестхоф: Не в моих войсках.

Латернзер: Военнослужащие вашего подразделения совершали изнасилование?

Вестхоф: Нет, мне неизвестно ни об одном случае.

Латернзер: Гражданское население принуждали полностью освобождать дома для войск?

Вестхоф: Нет. Просто был приказ говоривший о том, что те дома в которых создаются ведомства следует освобождать. Остальные дома не нужно было эвакуировать, и как правило система была такой, что я, например, однако, где-бы не проживал, всегда спал в той же самой комнате, что и люди живущие там.

Латернзер: Вы имеет опыт уничтожения которое не вытекало из военной необходимости?

Вестхоф: Нет.

Латернзер: Вам случалось между делом или часто кормить голодное местное население из полевых кухонь?

Вестхоф: Полк приказал о том, чтобы всё продовольствие которое оставалось в полку раздавали населению в основном в полдень или вечером, пока мы имели какой-то контакт с населением.

Латернзер: Да. И последний вопрос: вы считаете возможным, чтобы германские солдаты приглашали русских детей на кофе, и затем убивали этих детей давая им отравленное пироженое?

Вестхоф: Нет.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Вы не предполагаете, не так ли, что это один из свидетелей высшего командования?

Латернзер: Нет, нет.

Председатель: Вы предлагаете, что вы вправе допрашивать от имени высшего командования каждого свидетеля который имел военное звание.

Латернзер: Господин председатель, насколько я понимаю, до сих пор это было правилом, и процедура была такой, что всякое средство доказывания – таким образом, свидетелей которых сюда доставляют – может допрашивать любой защитник, и я до сих пор придерживался этого правила, и считал, что мой долг заключался в том, чтобы задать свидетелю эти вопросы.

Председатель: Доктор Латернзер, я задал простой вопрос: вы предлагаете, что вы вправе задавать вопросы от имени высшего командования любому человеку имеющему военное звание которого вызвали?

Латернзер: Да, господин председатель.

Председатель: Что же, мне это кажется весьма кумулятивным. У нас будут показания от имени высшего командования возможно от 30 или 40 свидетелей. И когда вы говорите, о том, что разрешалось в прошлом, любой другой защитник ограничивался показаниями, которые насколько возможно не являются кумулятивными. В этом заключается причина почему я вас прервал, потому что мне кажется, если вы собираетесь так делать, требовать права задавать вопросы каждому

у кого есть военное звание и вы делали это до сих пор – доказательства будут крайне кумулятивными с вашей стороны.

Латернзер: Господин председатель…

Председатель: Поймите, доктор Латернзер вопросы заданные вами свидетелю это вопросы направленные на то, чтобы показать, что полковые офицеры и солдаты германской армии правильно себя вели и нельзя было ожидать неправильного поведения. Это на самом деле не кажется относящимся к вопросам о том является ли высшее командование преступной организацией или нет. И во всяком случае – по моему мнению, в любом случае – то, что вы делает кумулятивно.

Латернзер: Господин председатель, в отношении Вермахта представлено уже много инкриминирующего материала, в особенности русским обвинением, так что у русского обвинения определенно мнение о том, что соответствующие приказы отдавались свыше, то есть, издавались людьми составляющими круг генерального штаба и ОКВ. Опрашивая этого свидетеля, который был командиром полка, я хотел установить, распространялись ли какие-нибудь эффекты ниже. Данное заявление подтвердило мне тот факт, что такого не было. В противном случае, я должен…

Председатель: Во всяком случае, доктор Латернзер, мы поняли вашу позицию и трибунал рассмотрит то насколько вам можно позволять это в будущем.

Латернзер: Очень хорошо.

Председатель: Теперь, полковник Покровский.

Покровский: Мне кажется, свидетель, что 28 декабря 1945 года вы были допрошены представителем советского обвинения, не так ли?

Вестхоф: Так точно.

Покровский: Вы давали правильные показания?

Вестхоф: Так точно.

Покровский: Не подтвердите ли вы некоторые из ваших ответов на те вопросы которые вам были заданы тогда, если я помогу вам вспомнить о чём вы говорили?

Вестхоф: Так точно.

Покровский: В вашем отделе, как вы сказали было шесть групп, это правильно?

Вестхоф: Так точно.

Покровский: Вы говорили, что первая группа отдела, то есть я имею в виду общий отдел по делам военнопленных во главе которого вы стояли с 1 марта 1943 по 31 марта 1944, так, кажется?

Вестхоф: Так точно.

Покровский: Так вот, первая группа этого отдела занималась в целом вопросами обращения с военнопленными, в частности вопросами о судебных делах, о наказаниях, эта группа получала доклады о настроениях и вела переписку с контрразведкой? Это правильно?

Вестхоф: С Абвером, да.

Покровский: Вот, в связи с вашим ответом на этот вопрос, я хотел бы, чтобы вы

сказали трибуналу, что вам было известно относительно обращения с советскими военнопленными, в самих лагерях, и тогда, когда военнопленных переводили из одного лагеря в другой?

Вестхоф: Насколько мне известно, до 1942, с русскими военнопленными обращались на основе чисто политических соображений. После 1942 это изменилось, и в 1943, пока я находился при германском высшем командовании, с военнопленными обращались в соответствии с Женевской конвенцией, то есть, во всех пунктах обращение с ними приравнивалось к другим военнопленным. Их пайки были такими же как у других, и их работа и их обращение во всех деталях соответствовали обращению предоставленному военнопленным других держав, с определёнными исключениями.

Покровский: Если я не ошибаюсь, четвёртая группа вашего отдела, специально ведала вопросами питания, обмундирования военнопленных, не так ли?

Вестхоф: Задача четвёртой группы заключалась в вопросах администрации. Она должна была разрабатывать инструкции о пайках, совместно с министерством продовольствия и сельского хозяйства. Также она должна была заниматься одеждой.

Покровский: Значит, если я правильно понял ваш ответ, то вы сказали, что до вашего прихода в общий отдел, по сведениям которые вы получили, с советскими военнопленными не обращались так как это требовалось международным правом. Я правильно вас понял?

Вестхоф: Нет, я сказал, что с военнопленными в течение первых лет обращались исходя из политических соображений, что исходило не от ОКВ, а лично от Гитлера.

Покровский: То есть, что вы этим хотите сказать?

Вестхоф: Я хочу сказать, что с ними не обращались в соответствии с Женевской конвенцией до 1942.

Покровский: То есть, не в соответствии с требованиями международного права?

Вестхоф: Я не могу дать вам об этом более подробную информацию, так как тогда я ещё служил на фронте и не знал деталей относительно этих норм.

Покровский: Хорошо. Скажите, была ли вы ОКВ специальная группа, которая занималась вопросами перевозок военнопленных по железным дорогам?

Вестхоф: ОКВ придала ко мне группу которая занималась перевозкой военнопленных. Сами по себе перевозки не относились к ОКВ, а были делом отдельных комендатов лагерей.

Покровский: Вам известно, в каких условиях происходили эти перевозки военнопленных?

Вестхоф: О перевозке военнопленных приказывало ОКВ. Осуществление таких перевозок военнопленных являлось вопросом отдельных комендантов лагерей которые получали свои приказы об этом от командиров по делам военнопленных в военно-административных округах. ОКВ не имело никакого отношения к самой перевозке.

Покровский: Я задал вам вопрос, известно ли вам в каких условиях происходили эти перевозки, известно ли вам, что во время этих перевозок гибли от холода и голода тысячи военнопленных? Вы, что-нибудь об этом знаете или нет?

Вестхоф: Перевозки, во время которых умирали военнопленные, можно как самое большее отнести к ранним годам, когда я ещё не был в высшем командовании. Пока я там был, не было никаких докладов в большом масштабе о том, что люди лишались жизни в больших количествах. Приказы, которые отдавало ОКВ о перевозках военнопленных были чёткими и таким образом возлагали на комендантов лагерей ответственность за осуществление этих перевозок нормальным образом.

Покровский: Вы сейчас подтвердили, что вам известно о том, что при перевозках военнопленные массами умирали. Сейчас я вам предъявлю документ за номером PS-1201, СССР-292. Документ этот, представляет собой, господа судьи, документальную запись из управления военной экономики ОКВ, он не предъявлялся, этот документ суду. Документальная запись произведена 19 февраля 1942 года в 10 часов утра в государственной экономической палате, где заслушивался доклад министериального директора, доктора Мансфельда[114], генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Те три строчки, которые меня особенно интересуют, отмечены в вашем экземпляре красным карандашом. Посмотрите, свидетель, на этот документ. Там сказано:

> «Использование этих русских исключительно упирается в вопрос транспорта, бессмысленно перевозить эти рабочие руки в открытых или нетопленных закрытых товарных вагонах, чтобы на месте прибытия выгружать трупы».
>
> Не так ли? Вы нашли это место?

Вестхоф: Так точно.

Покровский: Слышали ли вы, что-нибудь о таких перевозках, когда вместо эшелона живых людей выгружали на месте прибытия трупы. До вашего прихода в ОКВ вам никто не рассказывал о таких порядках?

Вестхоф: Я ничего не слышал об этих перевозках, так как это не находилось в компетенции ОКВ, но попадало, как ясно видно из документа в область оперативных секторов. Компетенция ОКВ в основном включала Германский Рейх и приграничные государства и только там ОКВ имело полномочия над военнопленными – не в оперативном секторе, не в тыловом районе армии. В такой мере, это вопрос который вообще не относился к ОКВ. Мы получали военнопленных от армии, и затем нас информировали о том, что мы получим столько-то военнопленных и мы забирали их в наши лагеря. Что происходило с этими людьми в оперативном районе было тем, что мы не могли контролировать в

114 Вернер Мансфельд (1893 – 1953) – сотрудник рейхсминистерства труда в 1933 - 1942. В январе – марте 1942 генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы.

деталях.

Кроме этого, эта история уходит к 1942 – времени, когда я всё ещё был на фронте.

Покровский: Посмотрите на левую сторону этого документа, вверху. Там, кажется, сделана отметка, что это из управления военной экономики и промышленности ОКВ. Не так ли? В левом углу наверху. Там где стоит номер К 32/510.

Вестхоф: Моё ведомство никогда не имело никакого отношения к управлению вооружений.

Покровский: Хорошо. Не кажется ли вам, что этот документ подтверждает, что ОКВ знало об этих перевозках?

У меня больше нет вопросов к этому свидетелю, господин председатель.

Председатель: Полковник Покровский, так как этот документ не предъявлялся ранее, и так как кажется, его не перевели, не следует ли вам зачитать первый абзац из него? Кажется, он содержит материальные доказательства.

Покровский: Сейчас я это сделаю. В первом абзаце этого документа в том виде как он у меня выписан в русском переводе, сказано:

> «Документальная запись. Касательно: доклад министериального директора, доктора Мансфельда, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы по общему вопросу об использовании рабочей силы.
>
> Время: 19 февраля 1942 года. 10 часов. Место: Государственная экономическая палата. Присутствовали: от управления военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил, доктор Гротиус.
>
> Современные трудности в вопросе использования рабочей силы не возникли бы, если бы мы своевременно решились на использование русских военнопленных в больших масштабах».

Это первый абзац, господин председатель. Дальше в этом документе меня интересовали вот эти три строчки.

Председатель: Продолжайте.

Покровский:

> «3,9 миллиона русских находились в нашем распоряжении, в настоящее время их осталось всего 1,1 миллиона. Только в ноябре 1941 года - январе 1942 года умерло полмиллиона русских».

Достаточно ли уделено внимания чтению этого документа? Мне кажется, что дальше, очевидно его нет смысла читать.

Председатель: Вам лучше продолжить.

Покровский:

> «Вряд ли представится возможным увеличить количество занятых теперь русских военнопленных до 400 000, если снизится цифра

заболеваний тифом, то появится вероятно возможность привлечь в хозяйство ещё 100 000 – 150 000 русских. Напротив использование русских гражданских лиц получает всё большее значение. В общей сложности в нашем распоряжении находится 600 000 – 650 000 русских гражданских лиц из которых 300 000 промышленных квалифицированных рабочих и 300 000 – 350 000 сельскохозяйственных рабочих. Использование этих русских упирается исключительно в вопрос транспорта, бессмысленно перевозить…» - и так далее.

Председатель: Вы это уже читали, не так ли?

Покровский: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Покровский: Я ещё раз прошу обратить ваше внимание, что документ этот имеет штамп: «Управление военной экономики и промышленности штаба вооружённых сил» - то есть ОКВ, в левом углу наверху.

Председатель: Полковник Покровский, кажется этого нет у нас в переводе, но я думаю вы правы. По крайней меря, я это не вижу. Не могли бы вы дать нам посмотреть на подлинный документ?

Покровский: Подлинник сейчас передан вам, милорд. В левом углу сверху.

Председатель: Эти буквы и цифры обозначают ОКВ, хотя они это не говорят?

Покровский: Так.

Председатель: Почемы вы так говорите? Я имею в виду, сами буквы выглядят для меня как Ru III Z St AZ i K 32/510 Wi Ru Amt/Ru III Z St.

Покровский: При расшифровке этих обозначений которая была произведена нашими американскими коллегами это и расшифровывается, так как я доложил трибуналу, в соответствии с теми данными о структуре ОКВ которыми располагают наши американские коллеги это обычная служебная зашифровка цифрами номерами отделов и буквами.

Председатель: Трибунал хочет спросить свидетеля известно ли ему, что-нибудь об использовании человека указанного немного ниже справа, доктора Гротиуса.

Я спрошу его.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы знаете кем был доктор Гротиус и работал ли он в ОКВ или в армии?

Вестхоф: Нет, я никогда не слышал имени «доктор Гротиус», я также никогда не имел к нему отношения.

Председатель: У вас есть документ?

Вестхоф: Нет, уже нет.

Председатель: Понятно. Взгляните на него и посмотрите, указывают ли буквы поставленные перед именем доктора Гротиуса, на то, что он был сотрудником ОКВ?

Покровский: Я, господин председатель, не задавал ему вопроса о Гротиусе, в связи

с тем, что он ранее мне сказал, что в управление вооружённых сил он пришёл значительно позднее в 1943, а документ датирован 20 февраля 1942 года.

Председатель: [*Свидетелю*] Эти буквы перед именем доктора Гротиуса указывают на то, что он был сотрудником ОКВ?

Вестхоф: Я не знаю, что предположительно означают буквы, ОКВ также не имело никакого отношения к этому делу.

Председатель: Вы знаете, что означают буквы на левой стороне документа – те, что я вам только, что прочёл?

Вестхоф: Ru[115] III?

Председатель: Да.

Вестхоф: Наверное, это отдел вооружений III. Возможно, означает это.

Председатель: Что же, это бы означало связь с ОКВ, не так ли?

Вестхоф: Я не информирован об этом, так как я никогда не имел никакого отношения к ведомствам вооружений. Высшее командование армии, по крайней мере моё ведомство, имело письменную связь только с генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы и министерством Шпеера. То как это было организовано в подробностях мне неизвестно.

Председатель: Вы знали о, или знали доктора Мансфельда?

Вестхоф: Я не понял вопрос.

Председатель: Вы знали доктора Мансфельда?

Вестхоф: Нет, я его не знал и никогда не слышал его имя.

Покровский: Вопрос о докторе Мансфельде очевидно можно будет задать Заукелю.

Председатель: Полковник Покровский, технически говоря, трибунал не может принять от вас то, что эти буквы вверху означают ОКВ. Это может быть совершенной правдой, но вы не можете привести доказательства этого. Возможно вы можете подтвердить это как-то по-другому.

Покровский: Здесь докладывалась трибуналу схема ОКВ. Те лица которые расшифровывали эти буквы, они в достаточной степени знакомы с этой схемой и мне кажется, что подтверждение свидетеля, сделанное здесь устанавливает, что речь идет о третьем военном управлении, он так назвал. Но вообще это очень легко, конечно, доказать сопоставив со схемой. Мы это можем сделать.

Председатель: Очень хорошо. Тогда свидетель может удалиться.

Трибунал делает перерыв и он хочет, чтобы другой свидетель Вилен был здесь в два часа.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

115 Аббр. с нем. Rustung – вооружения.

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Милорд, не знаю хочет ли ваша светлость слова обозначающие эти сокращения. У меня это есть если этого хочет ваша светлость – в последнем документе PS-1201.

Председатель: Ох, большое спасибо, да.

Максвелл-Файф: Милорд, думаю всё, что требуется вашей светлости, посмотреть туда где указано имя доктора Гротиуса.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Wi Ru Amt это Wirtschaftsrustungsamt, управление экономики и вооружения, которое как вспомнит ваша светлость, управление генерала Томаса[116] в ОКВ.

Милорд, остальные буквы «KVR» это Kriegsverwaltungsrat, советник по военной экономике.

Милорд, не думаю, что есть какой-то спор о том, что документ исходит из ведомства генерала Томаса в ОКВ.

Председатель: Да.

Латернзер: Господин председатель, могу я кое-что сказать в отношении этого документа. Я хочу только отметить некоторые соображения. Следует установить откуда возник заголовок, то есть, первая строка. Вторая строка, на которую сослался сэр Дэвид, начинается с букв «AZ». AZ (Aktenzeichen) означает «номер дела», другими словами, ссылку на письмо из управления экономики и вооружения. Однако это не объясняет автора этого документа, что можно установить только, когда мы выясним, что означает заголовок, или первая строка.

Председатель: Что же, вы это понимаете?

Латернзер: Да, понимаю.

Председатель: Очень хорошо.

Латернзер: Автора написанного можно установить только если мы выясним, что означает первая строка, потому что вторая строка это только документальный номер дела, что можно видеть по первым двум буквам AZ, что значит Aktenzeichen, и в этом письме кажется сделана ссылка на письмо из управления экономики и вооружения.

Вот всё, что мне нужно сказать об этом.

Максвелл-Файф: Не знаю хочет ли ваша светлость дальнейшей информации. Мне кажется, что всё ясно. Это из материалов ведомства названного мной, Wirtschaftsrustungsamt.

Председатель: Да. Вы имеете в виду относится к таким же буквам.

Максвелл-Файф: Таким же буквам, да.

---

116 Георг Томас (1890 — 1946) — генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии. В 1938-1942 начальник управления военной экономики и вооружений ОКВ.

Председатель: Мне сейчас объяснили, что сказал доктор Латернзер, это то, что буквы «AZ i. K. 32/510» лишь означают, что это дела этого ведомства.

Максвелл-Файф: Да, милорд. Значит, найдя ведомство чьё это дело, вы снова получаете Wi. Ru, что Wirtschaftsrustungsamt, что управление экономики и вооружения и это отдел вооружения, номер III.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Сэр Дэвид, трибунал подумал, что лучше всего было бы посадить свидетеля за стол и оставить его на представителей обвинения и защиты.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, мой друг, господин Робертс собирается заняться этим свидетелем, и милорд, он довольно кратко отобрал фрагменты из заявлений которые будут зачитаны.

Председатель: Очень хорошо.

[*Свидетель Вилен занял место свидетеля*]

Председатель: Свидетель, вы не встанете, пожалуйста?

Вилен: Да, конечно.

Председатель: Как ваше имя?

Вилен: Макс Вилен.

Председатель: Ваше полное имя?

Вилен: Макс Вилен.

Председатель: Повторяйте за мной данную присягу: «Я клянусь господом, всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Можете сесть.

Робертс: Макс Вилен, вы сделали два заявления в Лондоне через полковника Хичли Кука.

Вилен: Да.

Робертс: И это фотокопии двух заявлений – первое датировано 26 августа 1945 и второе датировано 6 сентября 1945?

[*Документы передали свидетелю*]

Робертс: Это фотографии ваших подлинных заявлений? Вы опознаете их? Вы видите подпись в конце каждого?

Вилен: Да.

Робертс: И эти два заявления говорят правду?

Вилен: Да, я сказал правду.

Робертс: Милорд, возможно мне следует прочитать несколько отрывков для того, чтобы они могли попасть в протокол.

[*Обращаясь к свидетелю*] Не возмете ли вы сначала первое заявление, заявление которое начинается с вашего имени и должностей которые вы занимали в СС и криминальной полиции. Это правильно, не так ли?

Вилен: Да.

Робертс: И теперь, следите за началом данного заявления.

Вилен: Какого заявления, 6 сентября?

Робертс: Я сказал первого.

Вилен: Первого? Понятно.

Робертс: Следите пока я читаю. Я полностью прочитаю первую страницу:

«Оберрегинрунгсрат и криминальрат, оберштурмбаннфюрер СС…»

Вилен: Оберрегинрунгсрат и криминальрат криминальной полиции, а не СС…

Робертс: Я не хочу, чтобы вы читали, просто слушайте меня.

«…бывший офицер ответственный за криминальную полицию в Бреслау.

Я должен заявить в ответ на вопрос, о том известно ли мне, что-нибудь о расстреле английских военнопленных, офицеров воздушных сил из лагеря Саган, что я имею сведения по делу и желаю сделать следующее заявление:

Расстрел состоялся по прямым личным приказам бывшего фюрера, Адольфа Гитлера и был исполнен сотрудниками Geheime Staatspolizei[117].

Ответственным офицером Staatspolizei в Бреслау был оберрегинрунгсрат, оберштурмбаннфюрер СС, доктор Шарпвинкель[118]. Его непосредственными начальниками были начальник Зипо, обергруппенфюрер, доктор Кальтенбруннер, и начальник управления IV из Reichssicherheitshauptamt, группенфюрер СС Мюллер. Я не способен назвать имена ответственных офицеров других районов Geheime Staatspolizei, которые проводили расстрелы в своих районах.

Я добавляю здесь небольшую схему показывающую организацию Sicherheitspolizei[119]…»

Я перехожу вниз страницы 3 в английской копии, и это внизу страницы 3 в копии на немецком языке, которую свидетель имеет на руках:

«С течением времени» - и это сказано про шталаг авиации III – «было

117 Тайная государственная полиция (нем.)

118 Вильгельм Шарпвинкель (1904 — 1947) — немецкий юрист, оберштурмбаннфюрер СС, руководитель Гестапо в Бреслау, командир айнзацкоманды 1 в составе 3-й айнзацгруппы в Польше. Умер находясь в советском плену.

119 Полиция безопасности (нем.)

прорыто 99 туннелей для побега. Все они были обнаружены военными. Сотый туннель, вырытый в марте 1944, способствовал тому, что 80 офицеров смогли бежать.

Приняв телефонное сообщение из штаба лагеря в Kniminalpolizeileitstelle[120], я отдал приказ о «Kriegsfahndung[121]» согласно установленным чрезвычайным инструкциям. По предложению доктора Абсалона[122], и учитывая задержку по времени был приказан «Grossfahndung[123]». Более того, ответственный офицер из Reichskriminalpolizeiamt[124] должен был быть проинформирован, который одобрил и подтвердил приказ о «Grossalarm».

Постепенно розыск, который вели во всех частях Германии привел к аресту практически всех бежавших английских офицеров за исключением, мне кажется троих. Большинство из них поймали всё ещё в Силезии. Несколько добрались до Киля, Страсбурга и Альгау.

Затем, однажды в полдень я получил телеграфное указание от генерала Небё немедленно прибыть в Берлин для информирования о секретном приказе. Когда, тем вечером я прибыл в Берлин, я встретил генерала Небё в его ведомстве на Вердешер маркт 5/7. Я представил ему короткий, сжатый доклад о состоянии дела. Затем он показал мне приказ по телетайпу подписанный доктором Кальтенбруннером, в котором говорилось о том, что по прямым личным приказам фюрера, более половины офицеров сбежавших из Сагана должны были быть расстреляны после их поимки. Ответственные офицеры из управления IV, группенфюрер Мюллер, получил соответствующие приказы и дал указания Staatspolizei. Проинформировали военные ведомства.

Генерал Небё сам был шокирован этим приказом. Он был сильно подавлен. Потом мне говорили о том, что ночью он не пошёл спать, а провёл ночь в кабинете.

Я тоже был возмущен ужасным шагом который должны были предпринять и возражал его исполнению. Я сказал о том, что это противоречило законам войны, и это обязательно приведёт к репрессалиям против наших собственных офицеров которые были военнопленными в английских лагерях, и что я абсолютно отказываюсь принимать какую-либо ответственность. Генерал Небё ответил, что в этом конкретном случае, я на самом деле вообще не имел ответственности, потому что Staatspolizei будет действовать

120 Отдел криминальной полиции (нем.)
121 «Военная тревога» (нем.)
122 Гюнтер Абсалон (1912 – 1947?) – гауптштурмфюрер СС. Начальник криминальной полиции Бреслау. Предположительно умер находясь в советском плену.
123 «Общая тревога» (нем.)
124 Управления криминальной полиции Рейха (нем.)

полностью самостоятельно, и что, в конце концов приказы фюрер нужно выполнять без сомнения. Я хочу отметить, что, когда я впервые отказался, я действовал импульсивно и чувствовал, хорошо зная, что я не могу надеется на успех в виду условий которые недавно возникли в Sicherheitspolizei.

Затем Небё добавил, что я, со своей стороны, конечно находился под обязательством соблюдать абсолютную секретность, и что после демонстрации подлинного приказа у меня не должно было быть никаких трудностей vis-a-vis Staatspolizei.

В связи с этим я хочу объяснить, что до этого, возвращение пленных в лагерь являлось ответственностью Kriminalpolizei, либо она сама возвращала их в лагерь, или содержала их до того как их забирали сотрудники лагеря. В ответ на вопрос, я заявляю о том, что оберрегинрунгсрат, доктор Шульце[125] присутствовал на дискуссии с генералом Небё. Он кивнул головой согласившись с моим возражением, но иным образом не принял в нём участия.

По возравщению в Бреслау, я узнал от доктора Шарпвинкеля о том, что Geheime Staatspolizei надлежащим образом проинформировано группенфюрером Мюллером. Меня не уведомили о самих указаниях. Я также не знаю был ли отдан похожий приказ каждому ответственному офицеру из Staatspolizeileitstellen[126], и были отданы приказы только в тех районах где производились аресты и казни.

Согласно инструкциям, полиция в районах где производились аресты должна была информировать Reichskriminalpolizeiamt (Kriegsfahndungszentrale[127]) телеграммой или по телефону о том, что военнопленных взяли под арест. Kriminalpolizeileitstelle Бреслау также нужно было информировать.

Как производился расстрел мне неизвестно, но я предполагаю, что после сбора Staatspolizei соответствущих офицеров из тюрем, их застрелили в каком-то отдалённом месте, и т.д. – из пистолетов, служебных пистолетов Stapo. В ответ на вопрос о том забивали ли офицеров до смерти, я заявляю о том, что мне так не кажется, потому что приказ фюрера особо указывал «расстрел».

Staatspolizei, согласно указаниям полученным от РСХА, управления IV, описало расстрелы как если бы они произошли в целях самообороны или для предотвращения побега. Об этом я

125 Рихард Шульце (1898 – 1969) – оберштурмбаннфюрер СС. Заместитель начальника отдела в управлении криминальной полиции Рейха в 1942-1945. Американским трибуналом был осуждён к смертной казни, приговор заменен лишением свободы. Освобожден досрочно.

126 Отдел государственной полиции (нем.)

127 Центр военной тревоги (нем.)

впоследствии узнал от доктора Шарпвинкеля.

Позднее Kriminalpolizeileitstelle Бреслау получило письмо от РСХА, управление V, которое нужно было довести до коменданта лагеря с просьбой о том, чтобы текст сделали известным английским военнопленным офицерам для того, чтобы запугать их. Письмо объясняло, что расстрел произошёл по вышеуказанной причине. Текст письма довели до Oberst[128] Линдейнера[129] или одного из сотрудников штаба лагеря.

Что касается выбора офицеров подлежавших расстрелу, список подготовили лагерные власти, по просьбе управления V, в котором особо указывались офицеры которых считали элементами беспокойства – заговорщики и руководители побега. Имена выбрал либо комендант или один из его офицеров. Соответственно расстрел указанных офицеров был приказан управлением IV и соответствующие инструкции направили Staatspolizei соответствующего района».

Я опускаю следующий абзац, и перехожу вниз английской копии, страница 4, внизу копии свидетеля - страница 7. Свидетель вы перевернете на страницу 7, пожалуйста. Вы найдете отрывок отмеченный карандашом внизу страницы 7. Вы нашли страницу? Я аккуратно пронумеровал страницы.

Вилен: Здесь ничего не отмечено.

Робертс: Знаю, но если вы перевернете страницу вы найдете, то, что отмечено.

Вилен: На странице 7 ничего не отмечено, а на странице 8…

Робертс: Вы найдете кое-что отмеченное в самом низу страницы 7. Во всяком случае, следуйте за этими словами – следите за этими словами, не так ли:

«Чтобы предотвратить расстрел…».

Вилен: Да, теперь нашёл.

Робертс:

«…приблизительно 40 английских офицеров которых арестовало не Staatspolizei, а Kriminalpolizei между тем вернули в лагерь».

Когда вы сказали – ответьте на вопрос, свидетель, вы сказали приблизительно 40 офицеров – вы не знали точные цифры, не так ли?

Вилен: Цифра неправильная. Было не 40. Я тогда не знал.

Робертс: Правильно, потому что это не правильная цифра. Думаю 50.

Вилен: Тогда я допустил ошибку.

Робертс: Правильно.

«Им вообще не причинили вреда. Я должен полагать, что…»

Вилен: Дополнительно пятнадцать вернули обратно.

---

128 Полковник (нем.)

129 Фридрих фон Линдейнер-Вальдау (1880 – 1963) – Полковник Вермахта. В 1942 – 1945 комендант шталага авиации III.

Робертс: Да, да. Я только хочу, чтобы вы послушали, если вы будете достаточно любезны:

> «…я должен полагать, что обращение с ними было совершенно корректным. Невозможно было обойтись без помещения их в полицейские тюрьмы ввиду преобладавших условий.
>
> Я не знаю кто допрашивал офицеров в полицейских тюрьмах. Полагаю, что сделали местные полицейские власти, так как за каждым уведомлением об аресте должен был следовать допрос. Я не знаю имен сотрудников Staatspolizei или Gemeindepolizei[130] (небольшого местного полицейского отряда) которые взаимодействовали в этом деле, но доктор Абсалон должен дать ответ на данный вопрос».

Я перехожу в начало абзаца: «Урны…». Если угодно вашей светлости:

> «Урны содержавшие прах офицеров которых застрелили, Staatspolizei передала Kriminalpolizei. Какой крематорий использовала Staatspolizei я не могу сказать. Урны передали коменданту лагеря по приказу РСХА для военных похорон. Таким образом возвращая урны через Крипо – Staatspolizei маскировало свою связь с делом».

Затем я пропускаю следующий абзац. Затем я читаю одно предложение, следующая строка:

> «Я не знаю, почему пятерых офицеров допросили в Берлине».

И затем, милорд, я перехожу к странице 6.

И, свидетель, переходите вниз страницы, вашей страницы 10 – внизу страницы, вашей страницы 10 – просто переверните страницу как обычно. Милорд, я беру абзац в середине. Всего два абзаца со страницы 6:

> «В общем может представлять интерес, что ещё до моего отбытия в Берлин, криминалькомиссар, доктор Абсалон сказал мне о том, что он слышал в лагере Саган – ему об этом сказали самым тайным образом – что должны пройти расстрелы для того, чтобы устрашить офицеров. Из этого можно сделать вывод о том факте, что лагерь уже проинформировали по военным каналам про приказ о расстреле от доктора Кальтенбруннера.
>
> Было бы полезнее установить, что известно об этом деле Герингу, потому что фюрер конечно же проинформировал его о приказе, так как это касалось лагеря Люфтваффе». (документ номер UK-48)

Милорд, это всё из заявления, что я считаю нужным прочитать. Милорд, я стремлюсь избежать оглашать много из второго заявления насколько смогу, потому что это во многом повторение.

Свидетель вы возьмете второе заявление? Боюсь, это то, которое не

130 Местная полиция (нем.) – как правило полиция охраны общественного порядка находившаяся в подчинении местных властей.

отмечено.

Милорд, третий абзац, третий и четвёртый абзацы на первой странице заявления:

«Что касается того, когда Staatspolizei начала расстрелы, я не в состоянии сказать, но я представляю, что это случилось, когда совсем немного пленных находились на свободе и их поимки уже нельзя было ожидать.

Что касается промежутка времени между приказом о «Grossfahndung» и демонстрацией приказ о расстрелах, это могло быть вопросом нескольких дней. Я уже не помню точные даты. Однако, я точно знаю, что нигде не состоялось никаких расстрелов, когда мне показывали приказ».

Затем, я могу прочитать предпоследний абзац на этой странице:

«Перед тем как состоялся массовый побег, я ничего не слышал о необходимости принятия более решительных мер против пленных. Я услышал об этом только после окончательного побега, но перед этим в Берлине мне показали приказ о расстрелах. Тогда доктор Абсалон сказал мне о том, что он слышал в лагере Саган – от кого, я не знаю, хотя мне кажется, что от полковника Линдейнера – что в будущем состоятся расстрелы. Когда этот приказ показали мне в Берлине, мне это показалось, просто доказательством того, что военные стояли за этой жестокой мерой или по крайней мере имели сведения об этом до РСХА.

Что касается выражения «больше половины» в приказе Кальтенбруннера, это то как формулировка отложилась у меня в голове. Однако, вполне возможно, что была указана конкретная цифра, и что я, быстро просмотрев приказ, интерпретировал это таким образом: «Но это больше чем половина» - и так это осталось в моей памяти».

Милорд, возможно я могу прочитать – опустив первые несколько абзацев которые повторяются – абзац немного дальше половины внизу страницы. Он начинается:

«Я не знаю как Geheime Staatspolizei забирало из местных полицейских тюрем офицеров подлежавших расстрелу. Однако, возможно, что Stapo связалась с местными отделами Kriminalpolizei.

В Нижней Силезии, расстрельные отряды были проинструктированы ответственным офицером доктором Шарпвинкелем или по его приказам. Я никогда не слышал о том кто относился к этим отрядам.

Затем последний абзац на этой странице:

«Я заявляю, в ответ на вопрос о том, почему Крипо не проводило

расстрелы, тем, что при исполнении своих обязанностей Kriminalpolizei считало себя связанной нормами Staatsprozessordnung[131] и Reichsstrafgesetzbuch[132], и её личный состав был подготовлен в соответствии с такими стандартами. С другой стороны, во время войны, Staatspolizei, настроенная Гиммлером, стала менее скурпулёзной. Они проводили казни по приказам РСХА или с одобрения этого ведомства, всегда, когда требовалось. В этом заключается причина того, почему отвращение немецких граждан к Staatspolizei не распространялось на Kriminalpolizei.

Урны очевидно вернули Kriminalpolizei с единственной причиной, чтобы вмешательство Staatspolizei не стало публичным, то есть, английские офицеры в лагере не должны были об этом знать».

Милорд, думаю это всё, что нужно прочитать.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать свидетелю какие-нибудь вопросы?

Нельте: Свидетель, в течение вашей деятельности и во время этого ужасного дела, вы каким-либо образом находились на связи с ОКВ или подсудимым, фельдмаршалом Кейтелем?

Вилен: Ни с ОКВ, ни с фельдмаршалом Кейтелем, ни с кем-нибудь из других высших офицеров.

Нельте: Я правильно вас понял, когда вы заявили о том, что приказ о котором мы здесь говорим, насколько вам известно, шёл по следующим каналам: от Гитлера к Гиммлеру, в главное управление безопасности Рейха, и затем в ведомства ниже?

Вилен: Да, это правильный организационный путь.

Нельте: Кто потребовал список о котором вы говорили, список который содержал имена беспкойных элементов?

Вилен: Об этом попросило главное управление безопасности Рейха.

Нельте: Во второй половине прочитанного сейчас, содержалось предложение: «Комендант лагеря должен был быть заранее информирован от военных офицеров о запланированном расстреле …»

В отношении этого предложения…

Вилен: Что же, я бы не повторил это настолько сильно. Это возможно, так как расстрелы могли обсуждать в лагере, или факт, такой серьёзной готовности использовать оружие в отношении английских офицеров если продолжатся побеги, но в связи с этим я не знал ничего конкретного, а именно, в связи со сделанным замечанием.

Нельте: Значит вы не хотите настаивать на том факте, что здесь мы касаемся замечаний сделанных до побега?

131 Государственного процессуального кодекса (нем.)
132 Уголовный кодекс Рейха (нем.)

Вилен: Что же, не настолько, чтобы это касалось расстрелов, по крайней мере не в прямой взаимосвязи с конкретным побегом.
Нельте: Но невозможно знать заранее, если кто-то собирается бежать. По этой причине я спрашиваю вас, относится ли это замечание к какой-то дискуссии которая состоялась после побега этих офицеров и которая была направлена на будущее предотвращение побегов?
Вилен: Это полностью возможно, потому что попытки побега в Сагане совершались ежедневно.
Нельте: Значит вы хотите прояснить заявление согласно которому полковник Линдейнер как сказано, заявил о том, что военные офицеры стояли за этими мерами и заранее были информированы о них? Вот как…
Вилен: Мне не кажется, что я так выразился. Вы могли бы это повторить?
Нельте: Согласно моим записям, вы сказали о том, что полковник Линдейнер заявил о том, что военные офицеры стояли за этой мерой и были информированы о ней заранее.
Вилен: Я не думаю, что мог сделать такое заявление.
Нельте: Значит вы хотите сказать, что вы не можете заявить о том, что полковник Линдейнер делал такое утверждение?
Вилен: У меня никогда не было впечатления, что Линдейнер был человеком информированным об этом вопросе. Во всяком случае, у меня не было для этого ни малейшей причины.
Нельте: Спасибо, больше нет вопросов.
Штамер: Свидетель, согласно протоколу, вы заявили о том, что криминалькомиссар Абсалон проинформировал вас ещё до отбытия в Берлин о том, что он слышал в лагере Саган, что состоятся расстрелы.
Вилен: Я сейчас говорил в связи с тем же самым, да.
Штамер: Это то, что вы…
Вилен: Это тоже самое.
Штамер: Другой вопрос: во время дискуссии с генералом Небё в Берлине, генерал Небё сказал вам о том, что были информированы военные ведомства, и заявил более точно, о том какие военные ведомства были заинтересованы?
Вилен: Нет, об этом мне не сказали. Я не знаю было ли вообще реализовано такое намерение, потому что военные ведомства на самом деле не должны были информировать, и дело нужно было рассматривать как секретное и держать в тайне.
Штамер: В своих показаниях, вы также упоминали, рейхсмаршала Геринга. У вас есть какие-нибудь документальные доказательства того, что рейхсмаршал Геринг знал об этих расстрелах, или это просто ваше соображение?
Вилен: Нет, пожалуйста учтите из того, что было сказано и как сказано, что я хотел оставить этот вопрос совершенно открытым. Таким образом, я также сказал о том, что я не знал об этом положительно, и не имел доказательств этого, но так это

касалось лагеря Люфтваффе, я прошу о том, чтобы был выслушан рейхсмаршал, так как он сможет предоставить об этом информацию.

Штамер: Другими словами, это было лишь предположение с вашей стороны о допросе рейхсмаршала о том был ли он информирован?

Вилен: Потому, что я должен был оставить этот вопрос открытым, я предложил это, чтобы дальше идти по делу.

Штамер: На этом всё.

Кауфман: Свидетель, вы заявили о том, что приказ отдали Кальтенбруннер и Мюллер. Сейчас я вас спрашиваю, этот приказ был в форме телетайпа или телеграфного сообщения или вы видели приказ с подлинной подписью?

Вилен: Мне кажется, я могу заявить совершенно чётко, что это был приказ по телетайпу.

Кауфман: Вам точно известно, что это не была подлинная подпись?

Вилен: Это не была подлинная подпись. Фактически я имел сомнения в этом позднее. Вы весьма можете представить, что я думал об этом сотню раз, удивляясь возможно ли такое…

Кауфман: Говорите медленнее.

Вилен: …что это была подпись Гиммлера, но с организационной точки зрения это должен был быть Кальтенбруннер, кто его подписал.

Кауфман: Таким образом, если я правильно вас понимаю, вы не можете чётко сказать, что телетайп на самом деле имел подпись Кальтенбруннера, но скорее полагаете это по своим сведениям об организации.

Вилен: Меня настолько впечатлило содержание сообщения, результаты, и необходимость подготовить разработку дела, что я уделил мало внимания механическим вопросам, то есть, внешней стороне. Как результат, они не отпечатались в моей памяти как таковые, чтобы я мог сделать о них заявление с точной надёжностью.

Кауфман: Спасибо.

Робертс: Больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Доктор Нельте на этом дело подсудимого Кейтеля завершено?

Нельте: Что касается свидетелей, дело Кейтеля закончилось. У меня есть несколько замечаний в отношении презентации доказательств.

Трибунал своим распоряжением от 6 апреля 1946 одобрил письменные показания Кригера. Я прошу трибунал позволить мне предъявить эти письменные показания в качестве доказательства как документ Кейтель-15. У меня есть подлинник? и я хочу зачитать только ту часть письменных показаний которая описывает отношения между Гитлером и Кейтелем. Это включает три коротких абзаца:

«Отношения между Гитлером и бывшим фельдмаршалом Кейтелем

были официально корректными, и со стороны Гитлера, казались в целом доверительными, вытекавшими из почета и уважения старательного сотрудника. Отношение Кейтеля было прямым и солдатским. Однако, между ними не было более дружественного или доверительного настроя. Помимо официальных приёмов, и так далее, Кейтель, как можно установить, вряд ли принимал участие в неформальных беседах Гитлера, не разделял с ним стол. Также, вызовы на дискуссии с Гитлером за рамками официальных совещаний, когда не было стенографистов, не наблюдались.

При подготовке решений или формулировании приказов, Кейтель выражал свои собственные взгляды, даже отличавшиеся, в беспристрастной, чёткой, солдатской манере. Видимо он точно знал, за многие годы сотрудничества с Гитлером, границы возможного, по части влияния своего мнения или решений или изменения его мыслей. По этой причине он в целом принимал решения Гитлера как приказы в солдатской манере. В отдельных случаях, он категорически пытался и добивался изменения решений, или по крайней мере откладывал их для того, чтобы изучить.

То, что Гитлер временами полностью не доверял Кейтелю я могу заключить по одному из замечаний Гитлера…»

Председатель: Доктор Нельте, трибуналу кажется, что на самом деле это не нужно читать. Кейтель уже говорил это, это кумулятивно в отношении него, и сам по себе документ приобщен в качестве доказательства, поэтому мы сами сможем его прочитать.

Нельте: Это не нужно, но просто подтверждает то о чём здесь свидетельствовали. Поэтому, я могу…

Председатель: Достаточно того, что вы нам это сказали.

Нельте: Далее, я получил ответы на несколько опросных листов которые допустил трибунал.

Первое, есть ответ господина Ромилли[133] на опросный лист. Я могу приобщить этот опросный лист под присягой в качестве доказательства в трибуналу, и могу отказаться от его оглашения.

Тоже самое, правда об ответах на опросные листы представленные свидетелям Ротрауду Рёмеру по вопросу клеймения русских военнопленных.

Опросные листы профессора Навиля и посла Скапини[134] пока не на руках. Я представлю их как только они придут. Остается…

Председатель: Обвинение имеет эти документы?

Нельте: Да.

133 Гилл Ромилли (1916 – 1967) – английский журналист. Племянник У. Черчилля. В 1940-1945 военнопленный.

134 Жорж Скапини (1893–1976) — французский юрист и политик. Представитель Франции в Германии по делам военнопленных в ранге посла.

Председатель: Вы присвоили им номера? Вы присвоили документ Кейтель-15 последним письменным показаниям. Вы должны пронумеровать остальные.

Нельте: Ромилли это документ Кейтель-16, и Рёмер это документ Кейтель-17.

У меня есть только одни письменные показания покойного фельдмаршала фон Бломберга. Как решил трибунал 26 февраля, было разрешено, чтобы его допросили. Я направил подлинник обвинению и прошу позволить приобщить в качестве доказательства ответы под присягой фон Бломберга. Это в документальной книге 1 и известно и трибуналу и обвинению.

Председатель: Да.

Нельте: На этом моё дело закончено.

Председатель: Спасибо – итак, доктор Хорн, думаю – доктор Нельте, вы вручили эти подлинные документы которые пронумерованы Кейтель-16, 17 и 18, вы вручили их генеральному секретарю?

Нельте: Да.

Председатель: Их перевели?

Нельте: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Доктор Нельте, мы не видели перевода Кейтель-16, но вы уверены в том, что его перевели, не так ли?

Максвелл-Файф: Я видел его английский перевод.

Председатель: Видели?

Максвелл-Файф: Его показали мне, когда он пришёл. Я вполне уверен, что помню как читал его.

Председатель: Очень хорошо, возможно ведомство генерального секретаря проследит за подготовкой копий.

Да, думаю вот он. Это Кейтель-16.

Максвелл-Файф: Конечно, думаю Ромилли это Кейтель-16. Я его смотрел.

Председатель: Очень хорошо.

Доктор Хорн, вы помните, что мы прочли эти документы в то время, когда одобряли их допустимость?

Хорн: Да, господин председатель.

Председатель: Возможно, поэтому вы не займете долго представлением их в качестве доказательств?

Хорн: Я ограничу себя по минимуму, господин председатель.

Председатель: Спасибо.

Хорн: Я хочу попросить трибунал сначала принять судебное уведомление о документе Риббентроп-75 находящемся в томе III, на странице 191 документальной книги Риббентропа. Здесь вопрос соглашения между союзными и присоединившимся державами и Польшей от 1919 года. Это соглашение определяет права немецкого меньшинства в Польше. В статье 2 этого договора, которая на

странице 3 данного документа, сказано, что Польша согласна, что поскольку нормы вышеуказанной статьи применяются к лицам расовых, религиозных и языковых меньшинств, эти нормы формируют основу для обязательств международного интереса и передаются под надзор Лиги наций.

В последующие годы Польша постоянно нарушала данный договор. Это можно видеть из двух следующих документов, документ Риббентроп-82, на странице 208 документальной книги номер 4.

Это юридическое решение Постоянного международного суда[135]. Это от 19 сентября 1923. Для того, чтобы сэкономить время я могу прочитать вывод, где сказано:

> «Суд считает, что отношение польского правительства определённое пунктами «a» и «b» не соответствует международным обязательствам Польши».

Я прошу трибунал принять судебное уведомление об этом документе, а также следующем документе Риббентроп-84, который на страницах 212 и 212-а документальной книги Риббентропа номер 4. Это, также заявление со стороны судебного комитета Лиги наций по вопросам меньшинств. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом докладе.

Незамедлительно после принятия Гитлером правительства, это правительство предприняло попытку установить хорошие отношения с Польшей. В доказательство этого, я ссылаюсь на документ Риббентроп-85, который на странице 213 документальной книги. Я читаю со страницы 2 этого документа.

Председатель: Минуточку. Это документальная книга Риббентропа 4?

Хорн: Это документальная книга Риббентропа 4, господин председатель, страница 213. Я читаю со страницы 214, центр последнего абзаца, как следующий:

> «Он, канцлер, желал только того, чтобы ожидавшие решения политические вопросы существовавшие между Германией и Польшей можно было изучить и спокойно разрешить государственным деятелям обеих стран. Он был убеждён в том, что может быть найден выход из сложившегося неправильного положения. Германия желала мира. Принудительная экспроприация польской территории не являлась его намерением, но он оставлял за собой те права на которые он был вправе согласно пакту, и он бы настаивал на них в любое время, когда бы не посчитал подходящим».

По поводу конференции, по просье польского посла были изданы два официальных коммюнике. Это документ Риббентроп-86, который германское

---

135 Постоянная палата международного правосудия - судебный орган, учреждённый под эгидой Лиги Наций в 1920 году, согласно принятому в 1920 г. статуту. Состояла из 11, позднее 15 судей. Резиденция в Гааге, затем, после оккупации Нидерландов Германией, в Женеве (с 1940 года). Рабочие языки: английский, французский. В 1940 году работа Палаты была прервана второй мировой войной. Вместе с Лигой Наций была распущена в 1946 году; преемником Палаты стал Международный суд ООН.

коммюнике и я прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление, а также следующем документе, документе Риббентроп-87, на странице 216 документальной книги, который польское коммюнике. Для экономии времени, я не предлагаю читать эти коммюнике.

15 июля 1937 значительные части германо-польского пакта[136] который был подписан в Женеве в 1922, относительно Верхней Силезии, истекли. Поэтому возникла необходимость создать новый пакт между двумя странами, в частности поскольку возникли новые трудности из-за вопроса меньшинств и обращения с немецкими меньшинствами. В качестве доказательства этого я ссылаюсь на документ Риббентроп-117, на странице 257 документальной книги, и я хочу прочитать второй абзац где сказано:

> «Рейхсминистр также отметил польскому послу, что неизменная польская точка зрения на изгнание тех кто выражает предпочтение Германии является для нас неприемлимой».

Председатель: Я не вижу это на странице 254.
Хорн: Страница 257, господин председатель.
Председатель: Да, вижу.
Хорн: Результат этих конференций между Польшей и Германией это пакт который представлен как документ Риббентроп-123, на странице 263 документальной книги. Это совместная декларация польского и германского правительств относительно охраны соответствующих меньшинств, которая была опубликована 5 ноября 1937. Таким образом, экономя время, я могу отметить, что германским меньшинствам были предоставлены такие права какие являются обычными между цивилизованными государствами в похожих случаях. Могу я также заметить, что это соглашение не содержит ничего, что можно было считать санкционированием чего-либо неправильного совершенного в данной сфере, точка зрения которую недавно представило обвинение.

Что касается устранения сложностей между Вольным городом Данциг[137] и польским правительством которые возникли в отношении меньшинств и экономических вопросов, соглашение было достигнуто 5 августа 1933, что документ Риббентроп-127 и находится на странице 270 документальной книги. Могу я также попросить трибунал вынести судебное уведомление об этом документе?

Поскольку, несмотря на эти договорные соглашения по вопросу меньшинств и проблеме Вольного города Данциг, продолжали возникать сложности между двумя нациями, Гитлер отдал подсудимому Риббентропу приказ после решения судето-германского вопроса в октябре 1938, приступить к переговорам

---

136 Германо-польская конвенция о Верхней Силезии от 15 мая 1922 – соглашение о создании органов взаимного контроля за правами меньшинств в частях Силезии находившихся у Германии и Польши.
137 Вольный город Данциг — город-государство (вольный город), образованный 10 января 1920 года согласно 11-му разделу 3-й части Версальского договора 1919 года. На его территории находились собственно город Данциг и свыше 200 более мелких населённых пунктов бывшей Германской империи.

относительно вопросов Данцига и коридора[138], а также вопроса меньшинств. По этой причине польского министра иностранных дел, полковника Бек[139] пригласили в Берхтесгаден. Дискуссии которые состоялись по этому поводу между Гитлером и польским министром иностранных дел содержатся в документе Риббентроп-149, на странице 301, документальной книги Риббентропа номер 5. Могу я процитировать со страницы 2 документа, чтобы пояснить в чём заключались основные черты этой конференции? На странице 6 сказано:

> «Для Германии это не только вопрос Мемеля[140], который будет решен способом соответствующим немецким взглядам – так как она присматривается готовы ли литовцы сотрудничать в поиске разумного решения – но и в рамках прямых германо-польских взаимоотношений подлежит решению также проблема Данцига и коридора, которая, с точки зрения чувств, была очень серьёзной для Германии».

На странице 3 этого же документа, последняя строка предпоследнего абзаца, сказано, что министр иностранных дел Бек пообещал, что «он бы, однако, был рад спокойно рассмотреть проблему».

Из этого Германия посчитала, что переговоры относительно этой проблемы начались.

24 января, то есть, на следующий день, тогдашний рейхсминистр фон Риббентроп имел ещё одну дискуссию с польским министром иностранных дел Беком во время которой снова затронули вопрос меньшинств. Эта дискуссия находится в документе Риббентроп-150, на странице 304. Я прошу трибунал вынести об этом документе судебное уведомление.

По приглашению тогдашнего министра иностранных дел Бека, рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп поехал в Варшаву 24 января 1939. Там снова обсуждалась проблема в целом.

21 марта, после разрешения чешского вопроса, стала необходимой реорганизация на Востоке. 21 марта 1939 тогдашний рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп, таким образом, попросил польского посла посетить его. Отчёт об этом совещании находится в документе Риббентроп-154, на странице 310 документальной книги. Могу я процитировать третий абзац, страница 2, что ведущий пункт относительно совещания:

> «В целом, решение о коридоре рассматривается тяжелейшим

---

138 Польский коридор (Поморское воеводство и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору. «Коридор» обеспечивал доступ к Балтийскому морю из Польской Померании вдоль нижнего течения реки Висла. На этой территории была создана новая административно-территориальная единица — Поморское воеводство.

139 Юзеф Бек (1894 — 1944) — польский государственный деятель, министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.

140 Клайпедский край, или Мемельский край, или Мемельланд — часть Малой Литвы, ранее входившая в состав Восточной Пруссии, расположенная севернее реки Неман с центром в Клайпеде (Мемеле).

бременем навязанном Германии Версальским договором».

Несколькими строчками ниже рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп пояснил:

«Однако, предпосылкой этого было то, что чисто немецкий город Данциг должен вернуться в Рейх, и чтобы между Рейхом и Восточной Пруссией было создано экстерриториальное автомобильное и железнодорожное сообщение.

Он пообещал, что Германия в обмен гарантирует коридор.

Посол Липски[141] пообещал соответственно проинформировать господина Бека и затем дать ответ».

Могу я попросить трибунал вынести судебное уведомление также об этом документе?

Хотя германское правительство тогда ожидало, что в силу этих дискуссий вопрос меньшинств и вопрос Данцига и коридора получат некое решение, эти дискуссии имели обратный эффект.

Из документа Риббентроп-155 видно, на странице 313, и документ Риббентроп-156, на странице 314 документальной книги, что Польша тогда приказала о частичной мобилизации. Такая частичная мобилизация могла быть направлена только против Германии.

Более того, решение чехословацкого вопроса 15 марта 1939 привело к изменению отношения со стороны Британии. Тогдашний премьер-министр Чемберлен[142] под давлением оппозиции, начал консультации с различными европейскими государствами. Как докзательство этого факта, я ссылаюсь на документ Риббентроп 159, который на странице 317 документальной книги. Это беседа рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа с польским послом Липски в Берлине 28 марта 1939. Могу я процитировать начало, как следующее:

«21 марта британское правительство предложило сначала в Варшаве, также как в Париже и Москве, что следует принять «формальную декларацию» британского, французского, русского и польского правительств».

Я пропущу несколько строчек и далее цитирую следующее – строка 7 снизу:

«Польское правительство, которое 23 марта приказало о частичной мобилизации, никоим образом не удовлетворено таким британским предложением о переговорах, а скорее потребовало гораздо более конкретных обязательств Англии в пользу Польши. Таким образом, также 23 марта, министр иностранных дел Бек проинструктировал

---

141 Юзеф Липски (1894 — 1958) — польский дипломат. В 1934—1939 годах занимал должность посла в Германии, в этом качестве играл ключевую роль во внешней политике Польши перед Второй мировой войной.

142 Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

польского посла в Лондоне, графа Эдварда Рачинского[143] представить британскому правительству следующее предложение об англо-польском союзе:

Касательно английского предложения» - говорится далее – «от 21 марта, я прошу вас спросить лорда Галифакса[144] если: (1) в виду затруднений и неизбежных осложнений и вытекающей потери времени…».

Додд: С позволения вашей чести, я не вижу никакой причины – если я могу так сказать с большим уважением – читать, какую-нибудь часть из этих документов. Все они приобщены в качестве доказательств, или будут, как я полагаю. Всё, что нужно сделать, как нам кажется, это присвоить им номера. Я знаю, что мы читали и комментировали, когда представляли дело обвинения, но причин вынуждавших к этому сейчас нет и это нельзя применять в отношении подсудимых.

Председатель: Господин Додд, трибунал хотел бы знать на какие вынуждающие причины вы ссылаетесь.

Додд: Да, буду рад. Тогда для обвинения было физически невозможно иметь свой материал переведённым на все четыре языка или три языка в дополнение к одному на котором написан оригинал. Сейчас подсудимые имеют такие возможности. Будь мы способны перевести все наши бумаги, мы бы представили их и не комментировали бы их, но необходимость комментировать казалась нам очень реальной, потому что мы должны были зачитывать всё, чтобы всё, что мы хотели попало в протокол по системе выступлений, и если бы мы прочли много разрозненных отрывков из документов, мы бы не смогли представить трибуналу никакой причины доказывания перед трибуналом. Но я скажу, что теперь защита может это сделать, она может представить весь документ, и позднее, как я понимаю распоряжения и устав, защитник будет иметь возможность выступать и комментировать его как доказательство.

Председатель: Но вы вспомните, что данный вопрос обсуждался – думаю это было неделю или где-то так тому назад. И если я правильно помню, доктор Дикс выступал за право защитников читать те фрагменты какие они хотят, с короткими связывающими замечаниями, и мы придерживались такого правила.

Додд: Я не понял, что уважаемый суд уже распорядился. Я помню заявление доктора Дикса. Одна из его принципальных причин заключалась в том, что он хотел возможности довести эту информацию до прессы или публики. Если это также является его причиной, всё это доступно, пресса может получать это не оглашая это по микрофону. Однако я не настаиваю на вопросе если суд уже распорядился.

Председатель: Думаю так.

143 Эдвард Рачинский (1891 — 1993) — польский политик, дипломат, писатель, президент Польши (в изгнании) в период 1979—1986 годов.

144 Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

Руденко: Мне бы хотелось сказать несколько слов по поводу предложения господина Додда. Я полностью поддерживаю…

Председатель: Генерал Руденко, я сейчас заметил господину Додду, что мы приняли специальное распоряжение по данному предмету, и по мнению трибунала, доктор Хорн выполняет свою задачу с большой осмотрительностью.

Руденко: Я бы хотел только сделать несколько замечаний в связи с предложением господина Додда.

Как помнит трибунал, накануне допроса подсудимого Кейтеля, обвинение дало подробное заключение по представленным документам защитником Хорном. Трибунал специально рассмотрел каждый документ и вынес определение по существу приобщать такой документ в качестве доказательства, а какой отклонить, я должен напомнить трибуналу…

Председатель: Генерал Руденко, если вы повторяетесь, вы повторяете те же самые слова, которые я использовал в отношении доктора Хорна, когда он начал, и, я скажу, по мнению трибунала, доктор Хорн удовлетворяет взглядам трибунала и делает чтение этих документов разумно коротким.

Руденко: Я понимаю, господин председатель, я хотел только заявить, что обвинение считает, что эти комментарии излишни, ибо подсудимые комментировали слишком пространно здесь.

Председатель: Доктор Хорн, я уверен вы продолжите использовать все возможные средства сокращая настолько насколько вы можете.

Хорн: Надеюсь, господин председатель, что я убедил трибунал в том, что я буду как можно более кратким и что я зачитаю как можно меньше, только то, что необходимо для понимания того почему я представляю документы.

Председатель: Нам прерваться?

[*Объявлен перерыв*]

Хорн: Я уже процитировал несколько фрагментов из документа Риббентроп-159, страница 317 документальной книги, и я желаю кратко суммировать то к чему относятся эти документы.

Данный документ содержит просьбу Англии к польскому правительству сформулировать консультацию в конкретное соглашение. Данное соглашение было фактически заключено, между 21 марта и 26 марта, между Англией и Польшей.

Кроме того, и параллельно этому, есть политика коалиции со стороны Англии, которая подтверждается документами Риббентроп-182 по 186, на страницах 370 и следующих документальной книги Риббентропа номер 5. Как показано в документе 182, следующие государства были заинтересованы. Я цитирую из документа 182, внизу страницы 6:

«Говорится о том, что следующие страны пригласили к участию в

> вопросе гарантий: Россия, Польша, Турция и Югославия. Сказано, что это чётко определено». – далее говорится – «что к Венгрии не обращались. На Польшу оставили обращение к Литве, Эстонии и Латвии. Тоже самое предполагается применить к Турции в отношении Греции».

Как доказательство такой политики коалиции, я ссылаюсь на документ Риббентроп-185, страница 372 документальной книги. Это телеграмма от германского поверенного в Лондоне в министерство иностранных дел, и я хочу кратко процитировать из неё несколько отрывков. Они гласят:

> «Доступные новости четко подтверждают, что план о декларации предварительно объявленный телеграммой со стороны Британии можно на самом деле разделить на две части. Первая часть касается гарантий Бельгии, Голландии и Швейцарии, вторая часть направлена на защиту от агрессии восточных стран. Говорится, что британский кабинет проинформировал военного представителя о том, что Румыния, ввиду своих нефтяных запасов, определённо нуждается в защите от военного захвата Германией».

Этот же предмет рассмотрен в документе Риббентроп-186. Я прошу трибунал вынести судбное уведомление о нём не читая из него. И я также прошу о том, чтобы о документе Риббентроп-183, который на странице 375 документальной книги, вынесли судебное уведомление, и снова для экономии времени я не предлагаю его читать.

Руководствуясь политикой коалиции со стороны Британии которая была направлена против Германии, 22 мая 1939 между Германией и Италией был заключён договор о дружбе и союзе. Я представляю его как документ Риббентроп-187, на странице 376 из документальной книги Риббентропа. Я прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление не читая из него.

Результатом гарантии предоставленной Англией Польше было то, что посол Липски 26 марта 1939 по случаю конференции с рейхсминистром иностранных дел фон Риббентропом заявил – и здесь я ссылаюсь на документ Риббентроп-162 и цитирую из третьего абзаца:

> «Господин Липски ответил, что его неприятный долг заключается в том, чтобы отметить, что любое дальнейшее преследование этих германских планов, в частности относительно возвращения Рейху Данцига, будут означать войну с Польшей».

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом документе. Тоже самое относится к предыдущему документу, документу Риббентроп-160, на странице 320 документальной книги, который относится к консультациям между Британией и ранее указанными правительствами.

В силу декларации Липски которую я прочёл – а именно, что дальнейшее

преследование попытки изменить status quo[145] относительно коридора и Данцига будет означать войну – рейхсминистр иностранных дел, 27 марта 1939 заявил польскому послу – я снова цитирую из документа Риббентроп-163, на странице 335 документальной книги – что такое отношение Польши не может быть основой для урегулирования этих вопросов, что касалось Германии. Соответствующий фрагмент это предпоследний абзац на странице 2 этого документа, где сказано:

«В заключение министр иностранных дел заметил, что он теперь не знает, что определяет отношение польского правительства. Оно дало отрицательный ответ на великодушные предложения которые Германия направила Польше. Министр иностранных дел не может считать предложение, поданное вчера польским послом, основой для урегулирования проблем. Отношения между двумя странами, таким образом, являются всё более и более напряжёнными».

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом документе.

Таким образом, чтобы подтвердить, что англо-польский пакт о взаимопомощи был чётко направлен против Германии, я представляю трибуналу в качестве доказательства документ Риббентроп-164, который на странице 338 документальной книги. Я цитирую две последних строчки, где сказано:

«…этот пакт применяется только в случае нападения Германии. Польское правительство подтверждает, что это так».

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление о документе.

Результатом англо-польского соглашения от 6 апреля 1939, которое обвинение представило как документ номер ТС-72, и который появляется на странице 337 моей документальной книги, было прекращение польского-германского соглашения от 26 января 1934[146], поскольку Германия была убеждена в том, что англо-польская декларация о гарантии противоречила духу данного соглашения.

Впоследствии был ряд эксцессов против немецких меньшинств в Польше. Документы относящиеся к этому содержатся в моей документальной книге как документы Риббентроп-165 по 181. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этих номерах и экономя время, я ограничу себя очень краткими цитатами.

Я ссылаюсь на документ Риббентроп-166, который заявляет, что серьёзные инциденты произошли в Поммерелене, Нево и Бромберге.

Я также ссылаюсь на документ Риббентроп-167, на странице 353

145 Положение, бывшее до войны (лат.) - в международном праве под «статус-кво» подразумевается какое-либо существующее или существовавшее на определённый момент фактическое или правовое положение, о восстановлении или сохранении которого идёт речь.

146 «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсу́дского — Гитлера) — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

документальной книги. Этот документ показывает, что в последние дни там было публичное заявление в Варшаве, которое открыто призывало к бойкоту немецкой торговли и ремёсел.

Кроме того, как доказательство своего заявления, могу я сослаться на документ Риббентроп-180, который на странице 368 документальной книги Риббентропа. Могу я кратко прочитать короткий отчёт, который я цититую следующим образом:

> «В течение последних нескольких месяцев германское министерство иностранных дел постоянно получало доклады от германского консульства в Польше о жестоком обращении которому поляки, которые всё сильнее и сильнее возбуждаются и скатываются к необузданному фанатизму подвергают расовых немцев. В приложении 38 собраны особо тяжкие случаи».

Из документа Риббентроп-181, на странице 369 документальной книги, видно, что эти стычки, фактически, проводились с ведома и при охране польских государственных деятелей и высших чиновников. Как доказательство этого, я ссылаюсь на документ Риббентроп-181, но по причинам времени я не собираюсь читать из него, но прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление.

В начале августа 1939 возник острый кризис в германо-польских отношениях. Как доказательство этого я представляю документ Риббентроп-188, на странице 381 моей документальной книги. Причина на самом деле была небольшой. Был спор о функциях таможенных чиновников на границе Данцига. Ввиду этого спора, дипломатический представитель Польской республики в Данциге заявил протест президенту сената Вольного города Данциг. Данный протест содержится в документе Риббентроп-188. Он содержит ультиматум, что ясно из абзаца 3 документа.

7 августа, тогдашний президент Вольного города Данцига ответил на это, как видно в документе Риббентроп-189. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление также об этом документе.

В документе Риббентроп-190, на странице 383, правительство Рейха предупреждает Польшу не предъявлять никакого ультиматума. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом документе, и я не предлагаю читать из него.

Следующий документ который я представляю это документ Риббентроп-192, который на странице 385 документальной книги. Это документ от заместителя государственного секретаря польского министерства иностранных дел германскому поверенному в Варшаве, и он датирован 10 августа 1939. Из последних двух строчек документа видно, что Польша сочтёт любое вмешательство правительства Рейха на ущемление прав Данцига агрессивным актом.

Эти ноты создали ещё более критическую ситуацию в германо-польских отношениях. Правительство Рейха и его ведомства попытались, в следующее время,

избежать угрожавшего конфликта. Как доказательство этого я представляю документ Риббентроп-193, который на странице 404 документальной книги, и я прошу трибунал вынести об этом судебное уведомление.

Это меморандум государственного секретаря министерства иностранных дел относительно – это документальная книга Риббентропа 6, страница 404 – это меморандум относительно визита французского посла к государственному секретарю министерства иностранных дел Вайцзеккеру[147]. Во время этой беседы тогдашний государственный секретарь Вайцзеккер, подчеркнул, что Германия не имела более срочного желания чем германо-польская договорённость о Данциге. Французский посол заверил его в том, что его правительство будут содействовать в этих попытках.

Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом документе, документе Риббентроп-193, и следующем документе, номер 194, на странице 406 документальной книги.

Последний документ касается дискуссии между государственным секретарем и британским послом, сэром Невилом Гендерсоном[148], во время которой германский государственный секретарь отметил серьезность обстановки.

Я читаю со страницы 1 документа, третий абзац, пятая строка, следующее предложение которое характеризует обстановку:

«Данциг лишь защищал себя от своего протектора».

Кроме этого, государственный секретарь отметил, что обстановка относительно Данцига достигла крайней напряженности.

Следующий документ на который я ссылаюсь это документ Риббентроп-195, на страницах 408-415 документальной книги. Этот документ ссылается на совещание между Гитлером и послом Гендерсоном 23 августа 1939. Это совещание находится в документе Риббентроп-199, на странице 422 документальной книги Риббентропа. Я также прошу трибунал вынести судебное уведомление об этом документе, и, чтобы кратко выяснить содержание совещания, я собираюсь сослаться на страницу 4 документа, где сказано:

> «Он снова обратил внимание на Данциг и польский вопрос в связи с которым отношение Англии заключалось в: «Лучше война чем, что-то в пользу Германии».
>
> Второй абзац после этого, гласит:
>
> «Фюрер заявил, что тот факт, что Англия противостоит Германии в вопросе Данцига глубоко потряс немецкий народ.
>
> Затем Гендерсон заявил о том, что можно просто возражать принципу силы, соответственно фюрер хотел узнать пришла ли Англия к

147 Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии в 1938-1943. Американским трибуналом был приговорен к 7 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

148 Невил Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939.

разрешению каких-нибудь идиотизмов Версаля в результате переговоров.

Посол не ответил на это, и тогда фюрер заявил о том, что согласно немецкой пословице, для дружбы нужны двое».

Ввиду напряжённых отношений покойный премьер-министр Чемберлен, 22 августа 1939 написал письмо напрямую Гитлеру. Это письмо это документ Риббентроп-200, на странице 426, документальной книги. Я прошу трибунал вынести об этом документе также судебное уведомление.

Следующий документ это документ Риббентроп-201, и он содержит ответ Гитлера британскому премьер-министру Чемберлену.

25 августа 1939 была ещё одна встреча между Гитлером и послом сэром Невилом Гендерсоном. Эта встреча содержится в документе Риббентроп-202, который на странице 431 документальной книги Риббентропа. Могу я сослаться на абзац 5, где Гитлер снова подчеркнул, что: «Проблема Данцига и коридора будет решена». На следующей странице, в абзаце 3 на странице 2, Гитлер говорит:

«Но после решения этой проблемы он готов и решился обратиться к Англии с крупным, всеобъемлющем предложением».

Это предложение подробно содержится в этом же документе номер 202.

Гендерсон сделал запись об этой дискуссии в дневнике, который экземпляр Риббентроп-195, и на странице 415, он ссылается на эту вышеуказанную встречу от 25 августа 1939:

«Моя беседа по этому поводу с Гитлером» - говорит Гендерсон – «на которой также присутствовали господин фон Риббентроп и доктор Шмидт[149], длилась более часа. Канцлер говорил спокойно и видимо искренне. Он описал свои предложения как последнюю попытку ради обеспечения хороших отношений с Великобританией и предложил, что я должен лично лететь с ними в Лондон».

Под номером 8, на этой же странице, 415, Гендерсон продолжает говорить:

«В чём бы не заключался подспудный мотив данного финального жеста со стороны канцлера, это то, что нельзя игнорировать…».

Следующий документ, который подробно приводит ход событий и кризис который привёл к началу войны это документ Риббентроп-208, на странице 451 документальной книги. В той мере в какой я из него не читаю я прошу трибунал вынести о нём судебное уведомление, о документе в целом.

Первый фрагмент из этого документа, который телеграмма лорда Галифакса сэру Кеннарду[150] в Варшаве, говорит следующее и я цитирую:

«Наш предполагаемый ответ господину Гитлеру проводит чёткую

---

149 Пауль(-Отто) Шмидт (1899 — 1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего Рейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер (с 1940).

150 Говард Кеннард (1878 – 1955) – британский дипломат. Посол Великобритании в Польше (при польском правительстве в изнании) в 1937-1941.

> разницу между методом достижения соглашения по германо-польским разногласиям и характером решения к которому нужно прийти. Что касается метода, мы желаем выразить наш чёткий взгляд на то, что прямая дискуссия в равных условиях между сторонами подходящее средство».

Данная просьба о прямых переговорах важная часть последовавших событий.

Под номером 5 этого же документа, на странице 452 документальной книги, сказано следующее:

> «Так как, видимо польское правительство в своём ответе президенту Рузвельту[151] приняло идею прямых переговоров, Правительство Его Величества искренне надеется на то, что в свете соображений изложенных в предыдущем абзаце, польское правительство уполномочит его проинформировать германское правительство о том, что Польша снова вступает в прямые дискуссии с Германией».

В следующем документе, который имеет такой же номер и на той же самой странице, это телеграмма сэра Невила Гендерсона лорду Галифаксу, которая была принята 29 августа 1939. Снова разъяснялась роль Великобритании как посредника. Это сказано под номером 3 этого документа:

> «Нота отмечала, что германские предложения никогда не имели своей целью какое-либо принижение польских жизненных интересов и заявляет о том, что германское правительство принимает посредничество Великобритании в виду визита в Берлин некоего польского уполномоченного. Германское правительство, добавляет нота, рассчитывает на прибытие такого уполномоченного завтра, среда, 30 августа.
>
> Я заметил, что данная фраза звучит подобно ультиматуму, но после нескольких жарких замечаний, и господин Гитлер и господин фон Риббентроп заверили меня в том, что это лишь направлено на то, чтобы подчеркнуть срочность момента, когда две полностью мобилизованные армии стоят лицом к лицу».

Эти предложения, которые я ранее представил в специальном экземпляре, имели следующую реакцию в Великобритании – я читаю со страницы 453 документальной книги Риббентропа. Это телеграмма лорда Галифакса сэру Невилу Гендерсону от 30 августа 1939. Она гласит:

> «Мы внимательно изучим ответ германского правительства, но, конечно же, неразумно ожидать, что мы можем обеспечить польского представителя в Берлине сегодня, и германское правительство не должно этого ожидать».

---

151 Франклин Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США в 1933-1945.

Между тем обстановка стала настолько серьёзной, что сэр Невил Гендерсон не считал возможным успех британской акции. Это показано в этом же документе на странице 454. Это телеграмма от сэра Невила Гендерсона лорду Галифаксу. Я читаю только короткую цитату, экономя время, с пункта 3 телеграммы:

> «В то время как я все же рекомендовал, чтобы польское правительство проглотило эти одиннадцатичасовые усилия по созданию прямого контакта с господином Гитлером, даже если это только будет, чтобы убедить мир в том, что они готовы принести собственные жертвы ради сохранения мира…».

Польское правительство, вместе с тем, было не готово вступить в прямые переговоры. Это можно видеть из этого же документа на странице 455, из которого я прочту только первые три строчки. Это телеграмма от британского посла в Варшаве лорду Галифаксу, и в ней сказано:

> «Я чувствую уверенность в том, что будет невозможно склонить польское правительство незамедлительно направить господина Бека или какого-нибудь другого представителя в Берлин…».

В этой же телеграмме британский посол подчеркивает, под номером 4, и я цитирую:

> «Я, конечно же, не выразил польскому правительству никаких взглядов, как и не сообщил ему ответ господина Гитлера пока не получу указания, которые, как я доверяю, последуют без задержки».

В результате неудачи передачи предложений германского правительства польскому правительству, прямые переговоры были расстроены. Как доказательство факта, что польского правительство, тоже не имело намерения вступить в такие прямые переговоры, я ссылаюсь на страницу 465 этого же документа, который телеграмма лорда Галифакса сэру Кеннарду в Варшаву. Он снова просит посла пригласить польское правительство к вступлению в прямые переговоры. Я не цитирую из этого документа, но я процитирую из следующего документа, страница 466, который фрагмент из британской «Синей книги[152]» и который ссылается на польскую реакцию. Это телеграмма сэра Кеннарда лорду Галифаксу, 31 августа 1939.

Я собираюсь прочитать первые три абзаца из этого документа. Из этих абзацев становится ясно, в чём заключалось польское отношение в отношении возможности прямых переговоров. Я цитирую:

> «Господин Бек сейчас вручил мне в письменном виде польский ответ на мой demarche[153] прошлой ночью».

---

152 «Синяя книга» - британский сборник документов кануна Второй мировой войны. Издан в 1939.

153 Демарш — дипломатическое выступление правительства или дипломатических органов одного государства перед правительством другого государства. Демарш может содержать просьбу, протест, предостережение и тому подобное и быть выражен в письменной или устной форме.

Второй абзац гласит:

«Я спросил господина Бека о том какие шаги он предлагает предпринять для того, чтобы установить контакт с германским правительством. Он ответил, что проинструктирует господина Липски искать беседы с министром иностранных дел или государственным секретарём для того, чтобы сказать, что Польша приняла британские предложения. Я призвал его сделать это без задержки.

Затем я спросил его каким будет отношение польского посла если господин фон Риббентроп, или кто-угодно кого он увидит, вручит ему германские предложения. Он сказал о том, что господину Липски не разрешили принять такой документ так как, в виду опыта прошлого, он может сопровождаться некого рода ультиматумом».

Данный фрагмент из британской «Синей книги» подтверждает, что касалось Польши, во всех возможностях прояснения вопроса Данцига или меньшинств было отказано. Таким образом германскому правительству или британскому правительству было невозможно дальше обсуждать этот вопрос с Польшей. Как доказательство дальнейших усилий, я представляю трибуналу документ Риббентроп-209, на странице 494, о котором я прошу трибунал вынести судебное уведомление. Я не цитирую из него, или из документа Риббентроп-210, который я также предъявляю трибуналу для судебного уведомления.

Следующий документ это документ Риббентроп-213, который на странице 504-b моей документальной книги. Этот последний документ, это германский доклад по теме и основе переговоров в ходе польско-германского кризиса.

Так как Польша была неспособна обсуждать эти вопросы Данцига или коридора с Германией, возникла война между двумя странами. В своей заключительной речи, я буду особо обсуждать правовой аспект этой войны и её характер в отношении международного права. Что я хочу сегодня сказать это то, что нехватка какого-нибудь международного учреждения для изменения непоколебимого status quo явилась окончательной причиной которая привела к началу войны в 1939.

Следующая группа документов которые я представляю трибуналу это те которые относятся к оккупации Германией Дании и Норвегии. Это документы Риббентроп-216(a) – на странице 509 документальной книги – 216(b), и 217. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этих документах и, что касается доказательств и подлинных событий, я ссылаюсь на документы и заявления которые мой коллега, доктор Симерс представит трибуналу, когда он выступит от имени Рёдера.

Следующая группа документов это те которые относятся к оккупации Голландии и Бельгии. Это документы номер 218 и следующие, на странице 518 документальной книги. Документы находятся в документальной книге номер 7.

Чтобы объяснить немецкую точку зрения, я цитирую из документа Риббентроп-218, страница 518 в документальной книге номер 7. Я собираюсь процитировать следующие короткие отрывки, абзац 2:

> «Как было задолго осведомлено правительство Рейха, подлинная цель Англии и Франции это аккуратная подготовка и теперь незамедлительная неминуемая атака на Германия с Запада, для продвижения через Бельгию и Голландию в района Рура. Германия признавала и уважала неприкосновенность Бельгии и Голландии, естественная предпосылка заключалась в том, что эти две страны, в случае войны между Германией и Англией и Францией, сохранят строжайший нейтралитет.
>
> Бельгия и Нидерланды не выполнили данное условие».

На странице 2 этого же документа, под номером 8, сделана ссылка на доказательства которые были известны в то время германскому правительству и которые я приобщу надлежащим образом в поддержку этого утверждения. Он гласит:

> «Документы находящиеся в распоряжении германского правительства доказывают, что уже далеко продвинулась подготовка Британии и Франции на бельгийской и нидерландской территории.
>
> Таким образом, за некоторое время, все препятствия на бельгийской границе в сторону Франции которые могли препятствовать вступлению английской и французской армии вторжения были тайно убраны. Аэродромы в Бельгии и Нидерландах были рекогносцированы английскими и французскими офицерами, и было приказано их расширение. Бельгия предоставила транспортные средства на границе, и недавно передовые партии штабного личного состава и подразделений французской и английской армии прибыли в различные части Бельгии и Нидерландов. Данные факты, совместно с дальнейшей информацией которая накоплена за последние несколько дней, обеспечивают решительные доказательства того, что английское и французское нападение против Германии неминуемо и что такой напор будет направлен против Рура через Бельгию и Нидерланды».

В качестве доказательства этих заявлений и ссылаюсь на документы Риббентроп-221-229, которые я представляю трибуналу для судебного уведомления. Они, это англо-французские планы по подготовке нарушения голландского и бельгийского нейтралитета по согласованию с этими странами.

Председатель: Доктор Хорн, трибунал должен перейти в 5 часов в закрытый режим. Он весьма надеется, что вы завершите своё исследование этих документов к этому времени.

Хорн: Очень хорошо, господин председатель. Поэтому экономя время, я буду лишь

кратко заявлять о чём эти документы. Документ Риббентроп-221 - доказательство запланированной интервенции в Бельгию. Это доклад военного атташе французского посольства в Лондоне, генерала Лелонжа[154], адресованный начальнику французского генерального штаба национальной обороны. Я собираюсь очень коротко процитировать отрывок из него который гласит:

> «Интервенция в Бельгию.
>
> Британская делегация с готовностью признала то насколько неточны условия для окончательной интервенции в Бельгию. Предложено, что мы, для того, чтобы предотвратить битву на перекрёстке бельгийской низменности, должны запланировать организацию нашей обороны по крайней мере вдоль Шельде, или предпочтительнее, вдоль канала Альберта. По просьбе британской делегации, рассматриваются следующие пункты:
>
> (1) Возможность интервенции вдоль линии Антверпен-Брюссель-Намюр, предполагая, что возможно организовать такую позицию в подходящее время.
>
> (2) Значение удержания бельгийской и голландской территории как базы для возобновления наступления против Германии».

Вновь, экономя время, я не буду ссылаться на какие-то другие документы в связи с данной группой. Я просто прошу трибунал, чтобы о документе Риббентроп-219, на странице 521 документальной книги, который меморандум германского правительства правительству Люксембурга от 9 мая 1940, и документе Риббентроп-220 следует вынести судебное уведомление, для того, чтобы я мог сослаться, когда представлю своё дело. Кроме того, я прошу трибунал вынести судебное уведомление о документах номер 230, 230(а), 231, 231 (а), 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244 и 245, которые снова документы исходящие от французского генерального штаба и ясное доказательство того, что со стороны Британии и Франции до 9 мая 1940 готовились детальные планы военного взаимодействия, и что британские и американские[155] передовые партии уже находились на бельгийской и голландской территории до того как германские войска пересекли границу. Это конец этой конкретной группы.

Теперь я перехожу к тем документам, которые я намерен представить трибуналу в связи со ссылкой на оккупацию Югославии и Греции. Это документ Риббентроп-272 и следующие, страница 604 и следующие документальной книги. И снова, мы касаемся документов которые отчасти поступили из материалов французского генерального штаба. Первый документ такого типа это документ Риббентроп-272 который нота германского правительства югославскому

154 Альбер Лелонж (1880 – 1954) – французский генерал-майор. В 1936-1940 военный атташе Франции в Великобритании.

155 Вероятно доктор Хорн имел в виду сказать «британские и французские передовые партии» вместо британские и американские – примечание по IMT, v. XXIV, стр. 773.

правительству датированная мартом 1941. Это касается присоединения Югославии к Пакту трёх держав[156]. Этот документ показывает, что Германия и державы оси вообще не планировали предъявлять Югославии требования во время войны, по крайней мере в связи с маршем войск через югославскую территорию. Документы Риббентроп-273 и 274 содержат протокол вступления Югославии в Пакт трёх держав от 25 марта 1941 и связан с нотой правительства Рейха югославскому правительству. Документом Риббентроп-277 я представляю трибуналу ноту правительства Рейха греческому правительству, которую вручили этому правительству, после оккупации греческой территории британскими войсками. Со страницы 3 я цитирую следующее предложение:

> «В течение последних дней, Греция стала оперативным районом британских войск».

Документом Риббентроп-278 я представляю трибуналу официальное заявление правительства Рейха от 6 апреля 1941, которое адресовано Югославии и Греции. В этой ноте высказаны причины, которые после мятежа Симовича[157], привели к военной акции Германии в Югославии. Эти причины можно найти на странице 4 данного документа. Как доказательство того, что документы содержащиеся в нём являются правдой, я ссылаюсь на так называемые «материалы Шарите» которые являются материалами французского генерального штаба.

На этом завершается группа документов в связи с Югославией и Грецией, но я хочу снова добавить, что я буду полагаться на дальнейшие доказательства которые представит мой коллега доктор Симерс для подсудимого Рёдера и который также сошлётся на германскую акцию против Греции.

Следующая группа документов относится к России. Это те, что в документах Риббентроп-279 и следующих, которые можно найти в документальной книге. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление о номерах 279, 280, 282, 283 и 284. В ходе презентации своей аргументации я потом сошлюсь на эти документы.

Следующая и последняя группа документов это те которые ссылаются на обвинение против подсудимого Риббентропа относительно Антикоминтерновского пакта[158] и его политику в связи с Японией и США.

Первый документ такого типа, это документ Риббентроп-291, на странице 652 документальной книги. Этот документ содержит текст Антикоминтерновского пакта. Документ Риббентроп-281 ссылается на расширение Антикоминтерновского

---

156 Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

157 Душан Симович (1882 — 1962) — югославский военачальник, премьер-министр Югославии (27 марта 1941 — 12 января 1942; с апреля 1941 в изгнании)

158 «Антикоминтерновский пакт» - дата заключения — 25 ноября 1936 г. Место заключения — Берлин — международный договор (пакт), заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала.

пакта, Пакт трёх держав от 27 сентября 1940. Я представляю эти документы трибуналу как доказательство того факта, что Риббентроп и правительство Рейха посредством такой политики предпринимали усилия удержать от войны Соединённые Штаты. Несмотря на такую политику, имела место активная поддержка Соединёнными Штатами наших оппонентов. Как доказательство этого я ссылаюсь на документы в документе Риббентроп-306 и документ Риббентроп-308, страницы 700 и 702 и следующие документальной книги. Эти документы последние которые я представляю трибуналу со ссылкой на политику Германии в течение лет, когда подсудимый фон Риббентроп был министром иностранных дел. Наконец я кратко сошлюсь на документ Риббентроп-313. Это письменные показания легационного советника Бернда Готтфридсена[159]. Эти письменные показания на самом деле не имеют никакого отношения к агрессивной войне, а ссылаются на вопросы которые подняло обвинение в связи с делом Риббентропа, и эти письменные показания содержат заявления относительно недвижимого имущества подсудимого Риббентропа и относительно его владения предметами искусства.

Могу я отметить, что легационный советник Готтфридсен, как он заявляет в своих письменных показаниях, руководил финансовыми делами министерства иностранных дел и в частности министра иностранных дел. Я процитирую короткий отрывок в связи с этим из вопроса номер 5:

> «Вопрос: Какова ситуация в отношении владения фон Риббентропом художественным имуществом?
>
> Ответ» - легационного советника Готтфридсена – «господин фон Риббентроп был обеспеченным человеком до того как вошёл в дипломатическую жизнь. Во время своей деятельности в вышеуказанном ведомстве он приобрёл несколько полотен, по большей части на художественном рынке в самой Германии. Каждое из этих полотен приобреталось надлежащим образом, и прежде всего, по правильным ценам, и конечно оплачивалось из личных фондов рейхсминистра иностранных дел.
>
> В свою бытность министром иностранных дел, господин фон Риббентроп приобретал предметы искусства за рубежом в целях меблировки министерства иностранных дел и германских миссий в зарубежных странах, что становилось государственным имуществом и соответственно использовалось. Все эти предметы искусства вносились в каталог и инвентаризационные ведомости. Никакие зарубежные предметы искусства не приобретались незаконно, то есть под давлением, и т.д. Личные предметы искусства господина фон Риббентропа также вносились в каталог, и сами предметы отчетливо

159 Бернд Готтфридсен (1912 – 1992) – немецкий дипломат. Штурмбаннфюрер СС. Личный адъютант фон Риббентропа в 1937-1945.

мне запомнились».

Я пропускаю один абзац и читаю конец заявления который гласит:

«Во время войны он незаконно не приобретал никаких предметов искусства на любых территориях оккупированных германскими войсками, будь то для личного пользования или рейхсминистерства иностранных дел».

Я хочу добавить, что легационный советник Готтфридсен подробно знал о личных имущественных делах подсудимого фон Риббентропа, и ежегодно составлял совместно с ним отчёт со справкой в целях налогообложения и инвентаризации.

Наконец, я хочу процитировать абзац из письменных показаний которые документ Риббентроп-317, и которые в документальной книге на странице 749. Это письменные показания госпожи фон Риббентроп данные нотариусу в Нюрнберге. Они ссылаются на обвинения поднятые обвинением в связи с русской политикой которой следовал Риббентроп. Я цитирую, следующее:

«В 1940 мы имели самое неадекватное бомбоубежище в министерстве иностранных дел (официальной резиденции). Поэтому во время воздушных налётов по приказу Адольфа Гитлера мы использовали бомбоубежище рейхсканцелярии, так как он считал важным, чтобы мой муж, как рейхсминистр иностранных дел и документы министерства иностранных дел были в безопасности от воздушных налётов. Тогда я ждала своего младшего ребёнка, который родился 19 декабря 1940 и могу чётко вспомнить воздушный налёт который произошёл незадолго до этого события, который заставил нас пойти в бомбоубежище рейхсканцелярии. По этому случаю, Адольф Гитлер также находился там и вошёл в нашу комнату в убежище. Он, мой муж и я сидели за столом в этой комнате. В ходе нашего пребывания мой муж долго говорил о своих усилиях убедить Россию присоединиться к Тройственному пакту. Он развивал возможности такой дипломатической акции и свои мысли о том как он воображал заключение такого пакта. Я чётко помню, что Адольф Гитлер завершил беседу словами: «Риббентроп, зачем нам нужно стремиться к этому, когда мы и так достигли многого?»

Мой муж представил свои идеи с большим élan[160] и сильной впечатлительностью. После того как он закончил, я заметила, что Адольф Гитлер, который воспринял заявления моего мужа без заметных замечаний, казалось был немного отстранён, поэтому у меня сложилось впечатление, что заявления моего мужа не произвели на него никакого убедительного впечатления».

Я предъявил эти письменные показания для того, чтобы доказать, что

160 Порыв (фр.)

тогда Риббентроп всё ещё стремился избежать конфликта с Россией.

На этом завершается презентация документов от имени подсудимого фон Риббентропа.

Председатель: Сэр Дэвид вы можете нас проинформировать о том насколько вы смогли разобрать с доктором Тома его документы, то есть, документы Розенберга?

Максвелл-Файф: Милорд, американская делегация, советская и французская занимаются Розенбергом.

Председатель: Возможно, господин Додд сможет нам сказать.

Додд: Капитан Кригер из нашего персонала, ваша честь, консультируется с доктором Тома и продолжит это, с целью следовать процедурам установленным судом.

Председатель: Да.

Додд: Пока мы на этой теме, если можно, я хочу проинформировать суд о том, что мы закончили наши беседы с доктором Диксом и мы, думаю так честно сказать, имеем кое-какие разногласия. Думаю будет нужно заслушать в суде те вопросы которые мы не согласовали. Однако, мы согласовали значительное количество пунктов по Шахту.

Председатель: Да, но в чём я хочу удостовериться это то, что не будет никакой задержки в конце дела Кальтенбруннера в связи с делом Розенберга. И как я понял, документы по делу Розенберга, которые предположительно мы можем рассмотреть весьма многочисленны, и вскоре трибунал лучше их поймет.

Додд: Мы сможем побеседовать с доктором Тома в любое время и начнём прямо сейчас – вечером, если он позаботиться этим заняться.

Председатель: Наверное это желательно, как мне кажется, представить трибуналу документы которые перевели раньше других, я имею в виду, не все вместе, потому что, есть, без сомнения, разные тома.

Додд: Пока есть три, я понимаю, будет больше. Но мы займемся этим и продолжим беседовать с доктором Тома и как только возможно, по готовности первой книги мы будем готовы заслушать это в суде.

Председатель: Доктор Тома, не будет ли лучше для вас, представить суду тома которые перевели для того, чтобы он мог рассмотреть их заранее, как мы сделали с книгами доктора Хорна?

Тома: Да, милорд, это возможно. Документы уже в обработке. В связи с моими документальными книгами номер 2 и 3, я обсудил их с капитаном Кригером в комнате 216, и мы договорились.

Председатель: Да, что же вы сможете уточнить эту договорённость по книгам. Я полагаю вы сможете показать, какие документы вы готовы отозвать.

Тома: Да.

Председатель: Что же, тогда, как можно скорее вы вручите эти книги генеральному секретарю, показав договорённость с капитаном Кригером, правильно?

Тома: Но я хочу отметить, что я договорился с капитаном Кригером в комнате 216, только в связи с книгами 2 и 3, что это относится только к айнзацштабу и рейхсминистру оккупированных восточных территорий.

Я пока не договорился по философии и сочинениям Розенберга, но я сделаю как положено.

Председатель: Нет, эта – это книга 1?

Тома: Да.

Председатель: Что же, если вы не способны прийти к договоренности, вы можете указать на это, и мы рассмотрим эти вопросы. Возможно вы сможете воспользоваться временем с капитаном Кригером – освободив время для суда – для того, чтобы договориться в отношении книги 1 и в отношении остальных книг.

Сколько книг у вас есть?

Тома: Всего четыре книги.

Председатель: Ещё четыре?

Тома: Всего четыре документальные книги.

Председатель: О, да. Понятно. Значит нужно перевести ещё одну.

Тома: Да.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 11 апреля 1946*]

День сто пятый

Четверг, 11 апреля 1946

Утреннее заседание

Заутер: Доктор Заутер от подсудимого Функа.

Господин председатель, в прошлую субботу, когда болезнь помешала мне присутствовать на заседании, возник вопрос в каком порядке следует проводить защиту подсудимых доктора Функа и доктора Шахта, и председатель выразил пожелание заслушать моё выступление по теме как можно скорее. Я обсудил вопрос со своим клиентом и защитником доктора Шахта и согласен и предлагаю, чтобы защита подсудимого доктора Шахта состоялась первой и чтобы дело подсудимого Функа по причинам удобства, последовало после завершения доказательств подсудимого Шахта. Для сведения трибунала я хотел проинформировать вас об этом, господин председатель. Спасибо.

Председатель: Да, конечно.

Додд: С позволения уважаемого суда, я хочу обратить внимание трибунала на тот факт, что в отношении документов подсудимого Розенберга, мы закончили наши беседы с доктором Тома по ряду вопросов которые потребуют заслушивания перед трибуналом. Мы не смогли договориться по ряду из них и как я сказал вчера, готовы быть заслушаны по ходатайствам доктора Шахта.

Председатель: Очень хорошо, мы выделим для этого время. Итак, доктор Кауфман.

Кауфман: Господин председатель, я начинаю защиту представлением доказательств по делу подсудимого Кальтенбруннера. Мне не нужно подчеркивать насколько тяжёлой является эта защита, учитывая необычайную тяжесть предъявленных ему обвинений. Я намерен представить доказательства следующим образом: с разрешения трибунала, я сначала прочту два небольших документа из краткой документальной книги, затем с разрешения трибунала, я вызову подсудимого для дачи показаний и после этого допрошу двух свидетелей.

Председатель: Трибунал считает, что будет правильно если я обращу ваше внимание…

Доктор Кауфман, было четверо свидетелей которых вызвало обвинение, Олендорф[161], Хёлльригель[162] и Вислицени[163] – на ранней стадии, вы просили

161 Отто Олендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА (1939—1945), занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзацгруппы D (1941—1942). Казнён по приговору американского военного трибунала.

162 Алоиз Хёллригель (1909 – 1948) – унтершарфюрер СС. Сотрудник концентрационного лагеря Маутхаузен. Казнён
по приговору американского трибунала.

163 Дитер Вислицени (1911 — 1948) — гауптштурмфюрер СС, сотрудник СД и гестапо, работал под руководством

оставить, чтобы перекрёстно допросить свидетелей вызванных обвинением, Олендорфа, Хёлльригеля, Вислицени и Шелленберга[164], и трибунал тогда распорядился о том, что их можно вызвать для перекрёстного допроса, но что это нужно сделать до ваших свидетелей. Поэтому, трибунал хочет знать желаете ли вы вызвать кого-либо из этих свидетелей для перекрёстного допроса? Вы не хотите?

Кауфман: Нет, господин председатель, я не желаю вызывать Олендорфа, Вислицени, Хёлльригеля или Шелленберга.

Председатель: Очень хорошо.

Кауфман: Могу я теперь прочитать эти два документа? Для начала в документальной книге есть письменные показания свидетеля, доктора Мильднера[165]. Я прошу о том, чтобы о них вынесли уведомление. Это документ Кальтенбруннер-1. Я читаю:

> «Письменные показания. Я, нижеподписавшийся, доктор Мильднер, находящийся в тюрьме в Нюрнберге, дал следующие письменные показания в ответ на вопросы заданные мне адвокатом, доктором Кауфманом для представления Международному военному трибуналу в Нюрнберге:
>
> Вопрос номер 1: Укажите подробности своей карьеры.
>
> Ответ: Мне поручались определённые задачи в Гестапо на протяжении приблизительно 10 лет. С 1938 по 1945, я подчинялся управлению IV, что Гестапо главного управления безопасности Рейха в Берлине. Я находился в самом РСХА в Берлине только приблизительно три месяца, то есть, с марта по июнь 1944. Остальное время я в основном был начальником провинциальных отделов Гестапо.
>
> Вопрос номер 2: Что вы можете сказать о личности Кальтенбруннера?
>
> Ответ: По мои собственным сведениям я могу подтвердить следующее: я лично знаю подсудимого Кальтенбруннера. В своей частной жизни он был безупречен. По моему мнению его производство из высшего руководителя СС и полиции было ввиду того, что Гиммлер в июне 1942 после смерти Гейдриха, своего главного противника, не потерпел бы рядом или в подчинении никакого человека кто мог бы угрожать его положению. Подсудимый Кальтенбруннер, без сомнения, был менее опасным человеком для Гиммлера. Кальтенбруннер не имел никакой амбиции получить

Адольфа Эйхмана в центральном управлении Рейха по делам еврейской эмиграции. Причастен к уничтожению евреев в Венгрии, Словакии и Греции. Казнён по приговору чехословацкого суда.

164 Вальтер Шелленберг (1910 — 1952) — начальник внешней разведки службы безопасности (SD-Ausland — VI управление РСХА), бригадефюрер СС Член НСДАП с 1933 года. Осужден американским военным трибуналом к 6 годам лишения свободы.

165 Рудольф Мильднер (1902 — после 1949) — австрийский юрист, штандартенфюрер СС, руководитель Гестапо в Катовице и командир полиции безопасности и СД в Дании.

влияние путём специальных поступков и отстранения Гиммлера. В его случае не стояло вопроса жажды власти. Неправильно называть его маленьким Гиммлером.

Вопрос номер 3: В чём заключалось отношение Кальтенбруннера к управлению IV (Гестапо)?

Ответ: Я не знаю ни о каком особом ограничении власти подсудимого Кальтенбруннера в отношении ведомств подчинённых РСХА. С другой стороны, я могу сказать, что Мюллер, начальник управления IV, действовал самостоятельно ввиду своего длительного опыта и не давал никому, даже начальникам других управлений РСХА, никакого доступа к своим задачам и методам своего управления IV. В конце концов, он имел, непосредственную протекцию Гиммлера.

Вопрос номер 4: Вы, когда-либо видели приказы об экзекуциях от Кальтенбруннера?

Ответ: Я никогда не видел никакого подлинника приказа – то есть, нечто подписанное от руки – от подсудимого Кальтенбруннера. Я довольно хорошо знаю, что приказы о превентивном заключении имели факсимильные подписи или напечатанные подписи. Такой порядок возник во время Гейдриха.

Вопрос номер 5: Приказы об экзекуциях оставались в руках Кальтенбруннера или Гиммлера? Кто был ответственным за создание и управление концентрационными лагерями?

Ответ: Я знаю, что приказы об экзекуциях оставались в руках Гиммлера. Насколько мне известно ни один другой сотрудник РСХА не мог отдавать такие приказы без его разрешения. Кроме того, я знаю, что концентрационными лагерями руководило специальное главное управление, а именно, главное административно-хозяйственное управление СС, начальником которого был Поль[166]. Концентрационные лагеря не имели никакого отношения к РСХА. Это относится к администрации в целом, продовольствию, обращению, лагерному распорядку, и т.д. Инспектором концентрационных лагерей был Глюкс[167]. Таким образом официальным каналом был: Гиммлер, Поль, Глюкс, комендант лагеря.

Вопрос номер 6: Кальтенбруннер приказывал об эвакуации каких-нибудь концентрационных лагерей?

Ответ: Мне неизвестно о том, чтобы подсудимый Кальтенбруннер

166 Освальд Поль (1892 —1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского трибунала.

167 Рихард Глюкс (1889 — 1945), руководитель системы нацистских концентрационных лагерей (3 марта 1943 года — 8 мая 1945 года), группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС (9 ноября 1943 года). Главный инспектор концентрационных лагерей в 1943-1945. Покончил жизнь самоубийством.

отдавал какие-либо приказы относительно эвакуации концентрационных лагерей.

Вопрос номер 7: Кальтенбруннер отдал приказ арестовать всех датских граждан еврейской религии и перевезти их в концентрационный лагерь Терезиенштадт[168].

Ответ: Нет. Причина, почему я могу ответить на данный вопрос заключается именно в том, что я лично, как сотрудник Гестапо, занимался этим вопросом в Дании в сентябре 1943. Начальник полиции безопасности и СД в сентябре 1943 получил приказ арестовать всех датских евреев и перевезти их в Терезиенштадт. Я вылетел в Берлин для отмены этого приказа. Вскоре в Данию поступил приказ Гиммлера согласно которому антиеврейскую акцию нужно было проводить. Таким образом, Кальтенбруннер не отдавал приказа. Я не поговорил с ним, фактически он даже не находился в Берлине.

Прочитано и является верным.

Нюрнберг, 29 марта 1946, подписано, доктор Мильднер».

Затем следует удостоверение.

Следующие письменные показания поступили от доктора Хёттля[169].

Додд: Мы столкнулись с новой проблемой. Я не думаю, что этот вопрос возник сейчас. Обвинение представило этому человеку доктору Мильднеру перекрёстный опросный лист, и мы не совсем уверены в том как нам следует поступить. Следует ли нам приобщить наш перекрёстный допрос сейчас или позднее?

Председатель: Думаю, вы должны прочесть его сейчас.

Кауфман: Господин председатель, могу я сказать об этом одну вещь. Это первый раз, что я слышу, о том, что обвинение также задало вопросы на которые ответил тот же самый свидетель. Я думаю это первый подобный случай который поставили перед трибуналом.

Не было бы правильнее сообщить мне об этих вопросах, так как я очень давно представил свои письменные показания в распоряжение обвинения?

Председатель: Они конечно же так сделают. Трибунал считает, что они конечно же должны были сообщить вам о них в то же время, что получили их.

Кауфман: Несмотря на это, нужно оглашать ответ? Я бы хотел заявить формальное возражение этому и прошу решения трибунала.

Председатель: Господин Додд, почему это не представили доктору Кауфману?

Додд: Перекрёстныё письменные показания и опросный лист взяли только вчера, и

168 Терезиенштадт (Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы Гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим и другие лагеря смерти и были убиты.

169 Вильгельм Хёттль (1915 – 1999) – офицер СС. Руководил разведкой в Восточной и Юго-Восточной Европе. С марта 1945 находился в контакте с американской разведкой.

материал не был готов до этого утра. Мы сожалеем об этом, и по готовности он конечно же, будет ему передан. Если он хочет иметь какое-то время, чтобы просмотреть их, конечно мы не возражаем.

Председатель: Доктор Кауфман, в таких обстоятельствах мы отложим оглашение этих перекрёстных допросов для того, чтобы вы могли их рассмотреть, и если вы думаете, что это правильно, вы можете возражать любым вопросам и ответам и мы рассмотрим вопрос.

Кауфман: Спасибо.

Могу я прочитать второй и последний документ:

«Письменные показания. Я, нижеподписавшийся, доктор Вильгельм Хёттль, дал следующие письменные показания в ответ на вопросы заданные мне адвокатом доктором Кауфманом для представления Международному военному трибуналу».

Председатель: Вы можете присвоить этому документу номер?

Кауфман: Да, документ Кальтенбруннер-2.

> «Вопрос номер 1: Укажите о себе подробности. Каким было ваше официальное положение в СД? Откуда вам известен доктор Кальтенбруннер?
>
> Ответ: Я родился 19 марта 1915 в Вене, по профессии историк. Моим занятием до немецкого краха было начальник отдела в управлении VI, зарубежное разведывательное управление РСХА. После аншлюса Австрии в 1938, я добровольно поступил в СД. Выходец из национального католического молодёжного движения, я сделал своей целью добиться умеренного политического курса для своей страны.
>
> Я познакомился с Кальтенбруннером в 1938, он знал о том, что вышеуказанное являлось моей целью.
>
> В 1941 по личным приказам Гейдриха меня вызвали в суд СС и полиции из-за наличия религиозных связей и за недостаток политической и идеологической надёжности, и я вынужден был вступить в ряды как обычный рядовой. После смерти Гейдриха меня помиловали и в начале 1943, меня командировали в ведомство Шелленберга, начальника управления VI РСХА. Там я был ответственным за вопросы относившиеся к Ватикану, а также вопросам относящиеся к некоторым государствам на Балканах.
>
> Когда в начале 1943 Кальтенбруннер был назначен начальником РСХА, я постоянно находился с ним в соприкосновении по работе, в частности поскольку он стремился подтянуть ближе к себе группу австрийцев в РСХА.
>
> Вопрос номер 2: Оцените количество сотрудников главного управления РСХА в Берлине.

Ответ: Главное управление в Берлине, управление IV (Гестапо) имело приблизительно 1500 сотрудников; управление V (криминальная полиция) 1200; управление III и управление VI (внутренняя разведка и заграничная) 300-400 каждое.

Вопрос номер 3: Что понимают под СД, в чём заключались её задачи?

Ответ: Гейдрих организовал так называемую полицию безопасности (известную как СД) в 1932. Её задача заключалась в предоставлении высшим германским властями и отдельным рейхсминистрам, информации обо всех событиях дома и за рубежом.

СД была чисто информационной службой и не имела никакого рода исполнительной власти. Только отдельные лица принадлежащие к СД были отобраны в так называемые айнзацкоманды на Востоке. Соответственно они приняли оперативные должности и на это время, они ушли из СД. До последнего были айнзацгруппы и айнзацкоманды полиции безопасности и СД, также в Африке и в Венгрии, и Чехословакии даже в 1944. Эти коммандос не имели никакого отношения к казням. Их задачи между тем принимали характер общеполицейских вопросов безопасности. Насколько мне известно, казни проводились только в России, ввиду так называемого «приказа о комиссарах[170]» Гитлера. Прекратили или продолжили свою деятельность эти команды после назначения Кальтенбруннера начальником РСХА, мне не известно.

Вопрос номер 4: Вам известно об «операции Эйхмана» по уничтожению евреев?

Ответ: Я узнал детали операции Эйхмана только в конце августа 1944. Тогда Эйхман лично дал мне подробную информацию. Эйхман объяснил, помимо прочего, что вся акция была особой тайной Рейха и была известна очень немногим людям. Общее количество сотрудников этой команды, по моему мнению, вряд ли превышало 100.

Вопрос номер 5: Что вам известно об отношениях между Эйхманом и Кальтенбруннером?

Ответ: Я ничего не знаю об официальных отношениях между этими двумя. Однако, Эйхман вполне мог не иметь никакого прямого официального контакта с Кальтенбруннером. Он часто просил меня организовать для него встречу с Кальтенбруннером. Кальтенбруннер всегда отказывал.

Вопрос номер 6: Какими были взаимоотношения Кальтенбруннера и

170 Имеется в виду приказ о комиссарах - приказ был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления»

Мюллера, начальника тайной государственной полиции (Гестапо)?
Ответ: Я не могу дать никаких деталей об их официальных отношениях. Однако, точно то, что Мюллер действовал совершенно самостоятельно. За многие годы он получил большой опыт в вопросах тайной государственной полиции. Гиммлер много с ним работал. Кальтенбруннер не сильно понимал его. Кальтенбруннер не имел ни технического обучения полицейским проблемам ни интереса к ним. Разведывательная работа занимала основную часть его внимания и весь его интерес, в особенности что касалось зарубежных стран.
Вопрос номер 7: Кто был ответственным за концентрационные лагеря?
Ответ: Главное административно-хозяйственное управление СС являлось единственно ответственным за концентрационные лагеря, то есть, не РСХА и таким образом не Кальтенбруннер. Он, соответственно, не имел полномочий отдавать приказы и никакой компетенции в данной сфере. По моему мнению о нём как о человеке, Кальтенбруннер точно не одобрял жестокости совершавшиеся в концентрационных лагерях. Я не знаю, знал ли он о них.
Вопрос номер 8: Кальтенбруннер отдавал или передавал приказ согласно которому вражеским лётчикам которые произвели вынужденные посадки не нужно было предоставлять защиту в случае линчевания населением?
Ответ: Нет, я никогда ничего не слышал о подобном от Кальтенбруннера, хотя я много с ним работал. Однако, насколько я могу вспомнить, подобный приказ отдал Гиммлер.
Вопрос номер 9: Кальтенбруннер отдавал приказы о том, что евреев должны убивать?
Ответ: Нет, он никогда не отдавал таких приказов, и по моему мнению не мог отдавать такие приказы исходя из собственных полномочий. По моему мнению он возражал Гитлеру и Гиммлеру в данном вопросе, то есть, физическом уничтожении европейского еврейства.
Вопрос номер 10: Какой церковной политике следовал Кальтенбруннер?
Ответ: В качестве консультанта по вопросам Ватикана, я часто имел возможность официально говорить с ним по данной теме. Он незамедлительно поддержал моё предложение, внесенное Гитлеру весной 1943, о том, что нужно изменить церковную политику для того, чтобы можно было склонить Ватикан в качестве мирного посредника на такой основе. Кальтенбруннер не имел успеха у Гитлера, так как Гиммлер решительно ему возражал. Барон фон

Вайцзеккер, германский посол при святом престоле с которым я обсуждал вопрос, также не смог добиться этого, и результатом этого было то, что Борман присматривал за ним.

Вопрос номер 11: Кальтенбруннер вмешивался во внешнюю политику в интересах мира?

Ответ: Да, например в венгерском вопросе. Когда в марте 1944 германские войска оккупировали Венгрию, он смог убедить Гитлера быть умеренным и предотвратить вступление румынских и словацких частей как планировали. Ввиду его поддержки я смог помешать формированию национал-социалистического правительства в Венгрии, как планировали, ещё на 6 месяцев».

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Итак, доктор Кауфман, вы собираетесь вызвать подсудимого?

Кауфман: Господин председатель, я допустил небольшой недосмотр. Я не прочёл страницу 5 из моей документальной книги. Это вопросы 12 и 12 письменных показаний, которые, я нечаянно не прочитал. Я хочу извиниться и прошу разрешения закончить это.

Председатель: Да.

Кауфман: Я продолжаю на странице 5:

«Кальтенбруннер хотел воссоздания старой Австро-Венгрии на федеративной основе. С 1943 я говорил Кальтенбруннеру о том, что Германия должна любой ценой стремиться закончить войну миром. Я проинформировал его о своей связи с американским ведомством в Лиссабоне. Я также проинформировал Кальтенбруннера о том, что недавно установил контакт с американским ведомством в нейтральной стране через австрийское движение сопротивления. Он также выразил готовность поехать со мной в Швейцарию и начать личные переговоры с американским представителем для того, чтобы избежать дальнейшего бессмысленного кровопролития.

Вопрос номер 13: Вам известно, что Кальтенбруннер проинструктировал коменданта концентрационного лагеря Маутхаузен передать лагерь приближавшимся войскам?

Ответ: Верно, что Кальтенбруннер отдал такой приказ. Он продиктовал его в моём присутствии, для передачи коменданту лагеря.

Вопрос номер 13: Вы можете, что-нибудь кратко сказать о личности Кальтенбруннера?

Ответ: Кальтенбруннер был человеком полностью отличавшимся от

Гиммлера или Гейдриха. Поэтому он по убеждению сильно возражал им обоим. Он был назначен начальником РСХА, по моему мнению, потому что Гиммлер не хотел идти на риск иметь противника подобного Гейдриху, однако он никогда полностью не контролировал большое ведомство РСХА, и будучи мало заинтересован в полицейских и оперативных задачах, он лично занимался предпочтительно разведывательной службой и оказанием влияния на политику в целом. Это он считал своей особой областью».

Следует подпись, дата и удостоверение.

Председатель: У вас есть ещё документы?
Кауфман: Нет.
Председатель: Итак, вы желаете вызвать подсудимого?
Кауфман: Да.

[*Подсудимый Кальтенбруннер занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста, ваше полное имя.
Кальтенбруннер: Эрнст Кальтенбруннер.
Председатель: Повторите за мной клятву: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего – да, поможет мне бог».

[*Подсудимый повторяет клятву на немецком языке*]

Кауфман: В течение последних 2 лет войны, с 1943, вы являлись начальником полиции безопасности и службы безопасности и начальником главного управления безопасности Рейха, РСХА. Вы, конечно, осведомлены о том, что в отношении вас выдвинуты чрезвычайно серьезные обвинения. Обвинение вменяет вам совершение преступлений против мира, умышленное содействие и подчинение или соучастие в преступлениях против законов войны и против человечности, и наконец, обвинение связывает ваше имя с террором Гестапо и жестокостями в концентрационных лагерях. Я спрашиваю вас, вы признаете ответственность по предъявленным вам обвинениям, которые вам известны?
Кальтенбруннер: В первую очередь, я хочу заявить трибуналу о том, что я полностью осведомлен о серьезном характере предъявленных мне обвинений. Я знаю о всемирной ненависти направленной на меня; для чего я – в особенности, поскольку Гиммлер, Мюллер и Поль уже мертвы – должен здесь, в одиночку, дать отчет перед миром и трибуналом. Я сознаю, что я должен рассказать правду в этом зале суда, с целью позволить трибуналу и миру полностью осознать и понять то, что происходило в Германии во время этой войны и судить об этом по справедливости.

В 1943 - то есть, за 2 года до завершения этой войны – я был назначен на должность, о чем я позднее объясню подробно.

С самого начала, я хочу заявить, что я признаю ответственность за все плохое, что было совершено в рамках этой должности, поскольку я был назначен начальником РСХА и постольку поскольку это происходило под моим непосредственным руководством, что означает, что я знал об этом либо должен быть знать.

Могу я попросить своего защитника задавать вопросы таким образом, чтобы направить мою линию мысли?

Кауфман: Вы кратко опишите, в общих чертах, свою карьеру до вступления в общественную жизнь и австрийскую политику, то есть до 1934.

Кальтенбруннер: Я родился в 1903. Мой отец и мой дед были известными адвокатами, в остальном я выходец из фермеров и пахарей. Моя мать скромного происхождения. Она была удочерена бельгийским послом в Румынии и прожила там 25 лет. Во время моего детства, которое я провел в деревне со своей семьей, которая очень хорошо обо мне заботилась, я пользовался с одной стороны лучшим воспитанием и с другой стороны я познакомился с жизнью простого человека. Я ходил в начальную школу, среднюю школу, закончил, и в 1921 я поступил в университет Граца. Сначала я изучал химико–технологические науки в технологическом институте и позже, когда мой отец вернулся тяжело больным с войны, и когда возникла возможность того, что мне придётся принять его адвокатскую практику, я изучал право. Я завершил это обучение со степенью доктора права и политической науки в 1926.

У меня было трудное время. Я должен был зарабатывать себе на жизнь и на обучение. Я работал во время учебы и 2 года я работал в качестве шахтера в ночную смену, я благодарен судьбе, что таким образом у меня получилось узнать немецкого рабочего гораздо лучше, чем обычно.

Кауфман: Не могли бы вы быть более кратким? Пожалуйста, как можно быстрее перейдите к периоду после 1934.

Кальтенбруннер: После окончания университета я 7 или 8 лет работал в качестве кандидата в коллегию согласно австрийскому закону, в рамках которых я провел один год как помощник в суде и остальное время в адвокатских конторах в Зальцбурге и Линце.

Кауфман: Я вас сейчас прерву для вопроса. Правильно, что в 1932 вы стали членом партии?

Кальтенбруннер: Я стал членом партии в 1932 после нескольких лет пребывания в непартизанском движении по защите австрийской родины.

Кауфман: Вы вступили в СС в том же году?

Кальтенбруннер: Я думаю, это был конец 1932 или может быть начало 1933.

Кауфман: Правильно, что ещё до 1933, как утверждает обвинение, вы были пресс–

секретарем гау и юрисконсультом отдела СС?

Кальтенбруннер: Это заявление требует разъяснения. Правда, что я выступал в своей родной провинции, гау Верхняя Австрия, на национал–социалистических митингах, но в основном – или даже исключительно - за продвижение движения аншлюса . В тот период экономической чрезвычайности, я являлся юрисконсультом, как и любой другой адвокат, любой партии, добровольно предоставляя правовую информацию и бесплатные консультации на несколько часов в конце рабочего дня нуждавшимся, которые в данном случае были национал–социалистами.

Кауфман: Правда, что позднее, в 1934, правительство Дольфуса[171] арестовало вас и что вы, совместно с другими руководящими национал–социалистами, были отправлены в концентрационный лагерь Кайзерштайнбрух[172]? В чём заключалась причина для этого?

Кальтенбруннер: Правильно. Я думаю, что относительно этого положения я должен кратко описать тогдашнюю политическую ситуацию в Австрии.

Правительство находилось в руках группы людей имевших мало сторонников в народе. Существовало две крупных группы не представленных в правительстве; первой была левацкая группа, то есть, социал–демократы и австромарксисты, и второй являлись национал–социалисты, которые тогда были очень маленькой группой. Правительство, затем, поместило не только национал–социалистов, но также социал–демократов и коммунистов в свои лагеря содержания с целью устранить любые политические распри, возникавшие из митингов или демонстраций. Я был одним из тех национал–социалистов, которые тогда были арестованы, чье число было приблизительно 1 800.

Кауфман: У вас был еще один конфликт с ним? И вы были в конечном итоге подвергнуты суду о заговоре против правительства и впоследствии выпущены на свободу из под ареста, в котором находились? В нескольких фразах поясните причины такой процедуры.

Кальтенбруннер: Это было значительно позже. Я был арестован в мае 1935. Прежде всего, я должен сказать, что между тем в Австрии состоялась попытка национал–социалистического восстания в 1934[173]. Эта попытка восстания, которая, к сожалению, включала убийство Дольфуса, потерпела поражение и была отомщена самыми жестокими мерами против многих национал–социалистов. Отдельной жестокой мерой был закон по которому многие тысячи национал–социалистов потеряли свою работу или профессиональные лицензии, и возникла необходимость примирения, я хочу сказать смягчения принципов политики правительства. Это преимущественно делалось двумя людьми: Ланготом[174], тогдашним главным

171 Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами

172 Кайзерштайнбрух – лагерь содержания противников австрофашистского режима Э. Дольфуса. Основан в 1934.

173 25 июля 1934 года около полутора сотен членов СС штандарта 89, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло.

174 Франц Лангот (1877 – 1953) – австрийский националистический политик. После 1938 был главой Национал-

заместителем Верхней Австрии, и Рейнталлером[175], фермером и инженером. Эта примирительная акция началась в конце 1934, и в сентябре или октябре, меня пригласили присоединиться к этой акции.

Кауфман: Не могли бы вы, в общих чертах, если возможно, перейти к периоду 1938?

Кальтенбруннер: Я никоим образом не был причастен к этой попытке восстания в июле 1934, и вот почему меня пригласили присоединиться к этой примирительной акции. В рамках этой программы правительство само потребовало, чтобы определенные люди поддерживали связи с партийным руководством, с СА, СС, и со всеми организациями запрещенного тогда движения. С разрешения правительства и соответствующих полицейских ведомств, я связался с СС.

В мае 1935 я был арестован по подозрению в установлении нелегальных связей с СС и в государственной измене. Я оставался под арестом 6 месяцев и предстал перед военным трибуналом в Вельсе по обвинению в тяжком преступлении. Однако, я был оправдан в этом преступлении, поскольку правительство само признало, что это поручение было с его ведома. Все это привело к вынесению приговора по преступлению небольшой тяжести, который, однако, был засчитан в срок ареста.

Кауфман: Как вы участвовали в австрийской революции, состоявшейся в марте 1938, и как участвовали СС?

Кальтенбруннер: Вскоре после моих действий в связи с примирительной акцией Рейнталлера–Лангота, я впервые связался с кругами клубов движения аншлюса, и во–вторых с теми кругами, чья цель заключалась в мирном улучшении условий, путем эволюционного движения и развития, а с другой стороны, в таком расширении движения аншлюса, чтобы склонить к этой идее само правительство.

В 1937 и 1938 я попытался войти в более близкий личный контакт с Зейсс–Инквартом, позднее министром, и я полностью принял его политические концепции.

Кауфман: У вас было мнение о том, что плебисцит в Австрии в апреле 1938 соответствовал воле нации?

Кальтенбруннер: Плебисцит от 10 апреля 1938 полностью соответствовал воле австрийского населения. Результат в 99,73 процента за аншлюс с Германским Рейхом был совершенно подлинным.

Кауфман: По поводу аншлюса, правильно, что вы были повышены до бригадефюрера СС и руководителя отдела СС?

Кальтенбруннер: Да, но сначала я хочу добавить следующее по вопросу аншлюса:

Представление и мнение обвинения совершенно неправильные, когда оно думает,

---

социалистической организации социального обеспечения в Австрии.

175 Антон Рейнталлер (1895 – 1958) – австрийский правый политик. После 1938 занимал ряд второстепенных должностей в органах власти Германии. После войны австрийским судом был приговорён к трем годам лишения свободы.

что национал–социализм в Австрии тогда можно было каким–то образом сравнивать с развитием которое уже имело место в Германии. Развитие австрийского национал–социализма было наоборот совершенно другим. Начальной точкой была ненормальная экономическая депрессия в Австрии и кроме этого движение аншлюса, и наконец национал–социализм сделал воплотил аншлюс. Этот курс, из экономической депрессии через аншлюс к национал–социализму, являлся дорогой примерно всех национал–социалистов, и идеология партийной программы того времени никоим образом не была ответственной.

Мне кажется это само собой разумеется, и мне кажется, я также должен сказать сначала о том, что движение аншлюса в Австрии поддерживалось народом, сейчас следует принимать во внимание тот факт, что плебисцит в различных провинциях, таких как Тироль или Зальцбург, уже в предыдущие годы – мне кажется с 1925 по 1928 – показывал результат более чем в 90 процентов голосов в пользу аншлюса.

Возвращаясь в 1928, Национальрат[176] Австрии и Бундесрат Австрии[177] подписали указ Национальрата[178] от 1918 года, который говорил о том, что обе ассамблеи разрешили присоединиться к Рейху; и они не отступали от этой резолюции.

Председатель: Доктор Кауфман, я не думаю, что вам нужно вдаваться в такой предмет как то почему они выступали в пользу аншлюса. Вы постараетесь ограничить свидетеля меньшим количеством подробностей и рассмотреть материальный период?

Кауфман: Я думал, что подсудимому вменяют ответственность за его участие в смене режима. Поэтому, я хотел, чтобы, по крайней мере несколько фраз об этом было сказано трибуналу, но сейчас я готов изменить тему.

Председатель: Свидетель привёл нам цифры отдельных плебисцитов задолго до аншлюса, которые выглядят совершенно не относящимися к делу подробностями.

Кауфман: Затем, в сентябре 1938, вас повысили до группенфюрера СС, правильно?

Кальтенбруннер: Да. После наступления аншлюса, я получил руководство общими СС в Австрии, а именно, оберабшнитом СС Дунай. Тогда я был повышен до бригадефюрера не пройдя предыдущих званий фюреров СС. И я думаю, это был сентябрь, когда я был назначен группенфюрером для того, чтобы моё звание стало таким же, что и у всех остальных руководителей оберабшнитов СС во всем Рейхе.

Кауфман: Могу я спросить вас относительно вашей дальнейшей карьеры в СС? В 1941 вы были назначены высшим руководителем СС и полиции в Австрии?

Кальтенбруннер: В марте 1938 я стал членом австрийского правительства; то есть,

176 Национальрат (нем. Nationalrat — Национальный совет) — нижняя палата парламента Австрии — Федерального собрания.

177 Федеральный совет (нем. Bundesrat) — верхняя палата парламента Австрии — Федерального собрания.

178 Объединение немецкоговорящих депутатов Рейхстага Австро-Венгрии провозгласивших создание республики Германская Австрия. Осуществлял функции парламента с 21 октября 1918 по 16 февраля 1919.

я занял должность государственного секретаря по безопасности Австрии, в рамках министерства внутренних дел. Затем, в 1941 австрийское правительство было распущено; то есть, его деятельность был прекращена в пользу таких органов управления, которые преобладали в Рейхе; соответственно была сокращена должность государственного секретаря по безопасности, и с целью сохранить меня на том же уровне бюджета, я думаю, в июле 1941, я был назначен высшим руководителем СС и полиции.

Кауфман: И 30 января 1943 начальником полиции безопасности и СД , то есть, в так называемом главном управлении безопасности Рейха. Как состоялось это назначение? У вас были связи с Гиммлером? Что было сказано между вами и Гиммлером по поводу вашего назначения?

Кальтенбруннер: Я должен кратко описать свои занятия с 1941 по 1943, то есть, 2 года, чтобы понять почему меня вызвали в Берлин.

Обвинение вменяет мне, что я уже в Австрии возглавлял полицию безопасности. В этом отношении обвинение ошибается.

Государственной полицией и криминальной полицией также как и службой безопасности в Австрии централизованно руководили из Берлина и полностью исключили полномочия Зейсс–Инкварта, тогдашнего ответственного министра, и его заместителя, Кальтенбруннера. Моя деятельность как высшего руководителя СС и полиции в Австрии – в отличие от деятельности таких же людей в Рейхе – таким образом, просто ограничивалась задачей представлять или возглавлять общие СС, что никоим образом не занимало всё моё время.

Таким образом, в течение этих 2 лет, я исходил из своих намерений, касавшихся политической деятельности и развивал довольно крупную политическую разведывательную службу распространявшейся из Австрии на юго–восток. Я делал это, в первую очередь потому что, я сожалел, что Рейх, по крайней мере, не использует политические и экономические ресурсы, все ресурсы, которые Австрия могла бы предоставить в распоряжение Рейха и потому что Рейх с несравнимой близорукостью не дал Австрии наиболее значимой миссии как посредника с юго–востоком. Таким образом, мои доклады вызывали повышенный интерес в Берлине, и поскольку Гитлер постоянно упрекал Гиммлера за то, что его разведывательная служба, которой руководил Гейдрих в Рейхе, не составляла адекватных докладов о политических результатах, Гиммлер, спустя 8 месяцев после смерти Гейдриха, почувствовал обязанность найти человека, который сможет освободить его от упрёков Гитлера о том, что его разведывательная служба не заслуживает внимания.

Кауфман: И что вы обсуждали с Гиммлером?

Кальтенбруннер: В декабре 1942, он приказал мне явиться в Берхтесгаден, где он тогда располагался, потому что ставка фюрера находилась по соседству в Оберзальцберге. Сначала он рассказал мне об упрёках Гитлера и потребовал, чтобы

я создал в Рейхе центральную разведывательную службу. По этому поводу у нас был долгий разговор со ссылкой к моей докладной деятельности в предыдущие годы. Тогда он считал, что самым лучшим решением было бы, если я приму главное управление безопасности Рейха в качестве переходной основы для создания такой разведывательной службы. Я отказался от этого, указав подробные причины, а именно, что я сохранял взгляд и критическое отношение в Австрии на общее развитие Рейха, в особенности внутриполитическое развитие. Я подробно объяснил Гиммлеру, почему немцы в Австрии были разочарованы и в чем я видел опасность, что те же самые австрийцы, что 4 года назад с энтузиазмом присоединялись к Рейху, стали уставать от Рейха. Я…

Кауфман: Могу я вас сейчас прервать. Конечно, правильно, что вас сделали начальником главного управления безопасности Рейха. Вы пытаетесь сказать, что у вас не было исполнительной власти?

Кальтенбруннер: Я перехожу непосредственно к этому. Но, я должен сейчас описать, то первое совещание с Гиммлером; второе состоялось две недели спустя. По этому поводу я получил приказ; я ссылаюсь на первый приказ.

Но я хочу заявить прямо сейчас - и это прошло красной чертой через всю мою карьеру до последних дней войны, что уже тогда я объяснял Гиммлеру по каким существенным положениям я расходился с национал–социализмом как внутренней политикой Рейха, внешней политикой, идеологией, нарушениями закона самим же правительством. Я особо заявил ему, что управление Рейхом было слишком централизованным, что Австрия жестко критиковала такую централизованную систему, в частности, поскольку федеративный статус был предоставлен другим странам, таким как Бавария. Я сказал ему о том, что создание нового германского уголовного закона, способ его введения, были ошибочными, и что германский уголовный закон был казуистичным. Австрийский уголовный закон, основанный на более чем вековой традиции, подтвердил себя как лучший и признавался за рубежом. Я объяснял ему, что концепции превентивного заключения и концентрационных лагерей не одобрялись в Австрии, но каждый человек в Австрии хотел представать перед судом и законом.

Я объяснял ему, что антисемитизм в Австрии развивался совершенно другим путем и также требовал другого руководства. Я говорил, что никто в Австрии, даже не думал выходить за рамки тех границ антисемитизма, какие излагались в партийной программе. Я также говорил о том, что вряд ли в Австрии найдется понимание того факта, что Нюрнбергские законы пойдут дальше партийной программы в этом отношении. В Австрии, с 1934, была мирная, регулируемая политика разрешавшая эмиграцию евреев. Всякое личное или физическое преследование евреев было совершенно излишним. Я ссылаюсь на документ, который где–то в материалах суда. Это доклад начальника полиции Вены, датированный, мне кажется, декабрем 1939, который согласно статистике

подтверждает, что с 1934 по 1939, я думаю из 200 000 евреев, больше половины эмигрировало в зарубежные государства. Такие проблемы я тогда обсуждал …

Кауфман: И что вам сказал Гиммлер?

Кальтенбруннер: И тогда я сказал Гиммлеру о том, что ему очень хорошо известно, что я не только совсем не подготовлен в полицейских вопросах, но, что вся моя деятельность до этого велась в сфере политической разведывательной работы, и, что поэтому, принимая главное управление безопасности Рейха, я не только отказываюсь иметь какую–либо исполнительную власть над такими ведомствами как Гестапо и криминальная полиция, но и, что моя задача с которой он меня назначил, а именно создание и развитие разведывательной службы, будет фактически препятствовать мне в этом. Я также сказал, что лично я не только чрезвычайно отличался от Гейдриха, но что также существовали материальные различия, поскольку Гейдрих был экспертом в полицейских вопросах, в то время как я не был, и что политика которой он, Гиммлер и Гейдрих уже дискредитировали Рейх не могла проводиться мною. Мое имя, моя честь, моя семья были слишком священными для меня.

Он заверил меня в этом, сказав:

> «Вам известно, что в июне 1942 Гейдрих был убит и что, лично я, после его смерти» - и это было приблизительно 6 или 7 месяцев после смерти Гейдриха – «занимался его ведомством. Это продолжится, так как я» - это означает Гиммлера – «в будущем оставлю за собой исполнительные ведомства. Для этой цели у меня есть хорошо подготовленные эксперты Мюллер и Нёбе . Вас они не касаются. Вам передается разведывательная служба, то есть управление III и управление VI, в качестве переходной основы для вашей разведывательной службы».

Тогда я сказал ему, что разведывательную службу нельзя построить только на основе одной СД. Разведывательная служба которая до этого времени имела узкую направленность из-за Гейдриха, все больше и больше втягиваясь в оперативную работу, априори не годилась для поиска разведывательных материалов.

Во–вторых, я сказал ему о том, что разведывательная служба должна быть меньше, и в частности, я считал безумием иметь отдельные политическую и военную разведку. Ни в одной стране мира за исключением Германии и Франции не применялось двухведомственное разделение разведывательной службы. Поэтому, я потребовал от него, чтобы он сначала получил приказ фюрера в силу которого разведывательную службу вооруженных сил, которая оставалась у контрразведывательного управления ОКВ, следовало объединить с СД и следовало обеспечить новый личный состав, который нужно было отобрать и внимательно изучить…

Кауфман: Я вас немного прерву. Вы можете сказать мне одной фразой, состоялась ли такая унификация?

Кальтенбруннер: Да.

Кауфман: С управлением VI?

Кальтенбруннер: Да…

Кауфман: И затем другой вопрос…

Кальтенбруннер [*Продолжая*]: Объединение было достигнуто приказом Гитлера от 14 или 15 февраля 1944.

Кауфман: Итак, я спрашиваю вас: после того, что вы только что объяснили, Гиммлер освободил вас от оперативных задач и дал знать вашим начальникам отделов и другим в составе главного управления безопасности Рейха, что вас, таким образом, освободили? Стало ли такое исключение из исполнительной власти, видимым вне ведомства и если так, то как?

Кальтенбруннер: После этого совещания с Гитлером[179] в декабре 1942, он отпустил меня, потому что я не хотел принимать главное управление безопасности Рейха в таких условиях, которые он мне предлагал, а именно, чтобы исполнительные управления руководились им, как и раньше. Он был так зол на меня, что он не подал мне своей руки и в течение следующих недель выражал мне свое возмущение разными способами. К середине января, 16–го или 18–го, телеграммой мне приказали явиться в ставку, которую тогда перевели в Восточную Пруссию. Я полагал, что я получу должность на фронте, потому что я просил о такой должности. Я поехал в ставку с полным фронтовым обмундированием, потому что я думал, что наконец дождался той же судьбы, которая была судьбой моих братьев и моих мужских родственников. Но я ошибся. Он сказал мне:

> «Я поговорил с фюрером и фюрер уверен, что централизация и реорганизация разведывательной службы это правильная вещь. Он начнёт необходимые переговоры с вооруженными силами, и вам нужно организовать и выстроить эту разведывательную службу. Останется так, что я, с Мюллером и Нёбе, возьму ответственность за исполнительные ведомства»

Если вы спросите меня, были ли такие ограничения видны снаружи ведомства, я должен ответить на это, что это не афишировалось. Поэтому, формально обвинение право вменяя мне: «Что касается внешнего мира, вы никогда не проводили разграничительную линию». На это я могу сказать лишь то, что я верил, что могу положиться на слова своего тогдашнего начальника. Он заявил мне об этом в присутствии Нёбе и Мюллера и отдал им личный приказ связываться с ним лично и докладывать ему и получать от него приказы напрямую, как это делали в течении 8 месяцев после смерти Гейдриха.

Я здесь категорически заявляю, что особые поручения, которые давали

179 Очевидно Кальтенбруннер хотел сказать «Гиммлер» вместо «Гитлера» - примечание по IMT, v. XXIV, стр. 773.

Гейдриху, такие как, например, поручение относительно окончательного решения еврейской проблемы, не только не были мне известны, но и не передавали мне. Номинально я был начальником главного управления безопасности Рейха. Как таковой, я считал разведывательную службу и реорганизацию этой разведывательной службы своей подходящей сферой, как я уже сказал. Указания давал Гиммлер, но как я понял гораздо позже, в государственной полиции и криминальной полиции дела делали так, от имени начальника главного управления безопасности Рейха, то есть, от моего имени, без моего уведомления или ознакомления с отданными приказами.

Начальники управления Гестапо и управления криминальной полиции иногда исполняли эти приказы Гиммлера, как я сказал, таким способом, что они также подписывались моим именем как начальника главного управления безопасности Рейха, как возможно, мне нужно будет рассказать позднее, таким образом они продолжали рутинную привычку со времен Гейдриха, который объединял всю исполнительную власть в своих руках и который мог делегировать полномочия Мюллеру и Нёбе. Однако я с самого начала никогда не имел таких полномочий, и поэтому я не мог делегировать, никакой части полномочий. Наверное, мне следует дополнить заявление о своей ответственности, сказав, что я, возможно, не проявлял необходимой заботы, чтобы дать понять, что никакой приказ государственной полиции или криминальной полиции не должен был содержать мое имя. В том, что я сам достаточно не занялся этим, виноват в основном Гиммлер, но возможно в этом и моя вина.

Кауфман: Я обращаю ваше внимание на показания данные здесь в суде 3 января 1946 Олендорфом, начальником управления III. Я кратко представлю вам эти показания, и пожалуйста, вы можете их прокомментировать. Эти показания ссылаются на вопрос исполнительной власти. Свидетель Олендорф сказал, в ответ на мой вопрос:

> «Если вы спрашиваете мог ли Кальтенбруннер приказывать об исполнительных акциях, я должен ответить утвердительно. Если вы назовёте Гиммлера и Мюллера исключая Кальтенбруннера, я должен отметить, что в организации РСХА Мюллер являлся подчинённым Кальтенбруннера и соответственно приказы Гиммлера Мюллеру также являлись приказами Кальтенбруннеру, и Мюллер был обязан информировать Кальтенбруннера о них».
>
> И затем, продолжая, он сказал:
>
> «Точно что, в частности в отношении концентрационных лагерей, окончательное решение об отправке или освобождении из них в действительности могло быть принято только Гиммлером. Я могу сказать с абсолютной точностью – в этой связи часто использовалось выражение «до последней поломойки» – что Гиммлер оставлял

окончательное решение за собой. Имел ли Кальтенбруннер какие-либо полномочия в этом отношении, я не могу точно сказать»

Сейчас я спрашиваю вас: в сущности, заявление Олендорфа правильное?

Кальтенбруннер: Это требует разъяснения. Он прав, поскольку ничего в конструкции или даже организации главного управления безопасности Рейха не менялось со времен Гейдриха. Поэтому, он мог непосредственно полагать, что существовал официальный канал Гиммлер–Кальтенбруннер–Мюллер. Но во время совещаний, то есть, когда Гимллер отдавал приказы, это был определенно не тот случай. И о ещё об одном замечании, что Гиммлер оставлял за собой решения о последней поломойке, это подтверждает, что ситуация в действительности изменилась, поскольку, в отличие от того, что было во времена Гейдриха, я, посредник между Гиммлером и Мюллером, не был активен, а значит приказы от Гиммлера передавали непосредственно Мюллеру.

Кауфман: Теперь я перехожу к отдельным обвинениям, выделяемых обвинением и сначала представляю вам документ для вашего заявления. Это документ L–38, экземпляр USA–517. Он теперь Кальтенбруннер–3. Он касается обвинения предъявленного Кальтенбруннеру…

Председатель: Доктор Кауфман, разве у него уже нет номера экземпляра? Вы не хотите присвоить ему другой номер экземпляра.

Кауфман: Хорошо. Если это не требуется, я буду рад отказаться от этого.

[*Обращаясь к подсудимому*] В первую очередь вопрос здесь, содержали ли ваше имя все подписанные приказы о превентивном заключении будь то в факсимиле или печатным образом; и второй вопрос, отдавали ли вы такие приказы, и далее, если на оба этих вопроса нужно ответить отрицательно, имели ли вы сведения об этих приказах. Пожалуйста, вы прокомментируете этот документ?

Кальтенбруннер: Я должен сказать, что ни разу в своей жизни я никогда не видел и не подписывал приказа о превентивном заключении. Во время допросов до процесса, когда меня допрашивали, мне предъявляли ряд приказов о превентивном заключении с моим именем. Каждый из таких приказов о превентивном заключении имел такую подпись, то есть, мое имя, либо телетайпом или в машинописном виде, и я думаю в одном или двух случаях это было факсимиле.

Кауфман: Вы признаете, что естественно, такое ваше заявление не очень правдоподобное. Это ужасно, что начальник ведомства не знает, какие приказы подписывают его именем. Как вы объясните этот факт, факт который вытекает из документов содержащих вашу подпись?

Кальтенбруннер: Я не закончил свое объяснение. Я заявил, что такая подпись «Кальтенбруннер» на приказах о превентивном заключении могла возникнуть только из того факта, что начальник управления, Мюллер, подписывался именем начальника главного управления безопасности Рейха на этих приказах о превентивном заключении, как он делал во времена Гейдриха, когда ему разрешали

так делать, и что в дополнение он проинструктировал свои отделы, например, отдел превентивного заключения. Соответственно, совершенно очевидно он продолжал так делать в мое время, потому что в противном случае мне бы не предъявили эти приказы. Но он никогда не информировал меня об этом, и он никогда не имел от меня полномочий. Напротив, такое не обсуждалось, и с другой стороны, было излишним, потому что он непосредственно подчинялся Гиммлеру, и он имел полномочия от Гиммлера, а значит, он точно также мог написать «Гиммлер» или «по приказу Гиммлера» или «за Гиммлера». Я признаю, что это остается фактом, в котором трибунал не поверит мне, но вместе с тем так было и Гиммлер, никогда не давал мне повода определить своё отношение к этому, поскольку он сказал мне о том, что я не должен осуществлять такие оперативные задачи.

Кауфман: Это значит, вы пытаетесь сказать, что использование вашей подписи было фактически злоупотреблением?

Кальтенбруннер: Мюллер не имел от меня полномочий использовать её.

Кауфман: Вам было известно, что превентивное заключение вообще было возможно, что оно допускалось, и что оно очень часто применялось?

Кальтенбруннер: Как я заявил, я обсуждал концепцию «превентивного заключения» с Гиммлером ещё в 1942. Но я думаю ещё раньше, подробно уже по двум поводам, я имел переписку об этой концепции с ним и с Тираком[180]. Я считаю превентивное заключение, как им руководили в Германском Рейхе как насущную необходимость в интересах государства, или даже меру которая была оправдана войной, лишь в небольшом количестве случаев. Кроме того, я лично высказывался против и принципиально протестовал против такой концепции и против применения любого превентивного заключении, и часто использовал в качестве причин обоснованные правовые исторические аргументы. По нескольким поводам я докладывал об этом Гиммлеру, а также Гитлеру. Я, на встречах с прокурорами – думаю это было в 1944 – публично озвучивал свои взгляды против этого, поскольку всегда считал, что свобода человека должна считаться его самой высшей привилегией и что только приговору суда, твердо основанному на конституции, следовало позволять ограничивать такую свободу или лишать его её.

Кауфман: Сейчас я обсуждаю с вами причины, приводимые в таких приказах о превентивном заключении. Следующее, помимо прочего, приводилось в качестве причин: действия враждебные Рейху; распространение вредоносных слухов; оскорбление; отказ от работы; религиозная пропаганда. Пожалуйста, вы выразите свои взгляды на причины этих приказов о превентивном заключении. Их нужно одобрить?

Кальтенбруннер: Нет. Я считаю эти причины для превентивного заключения ошибочными. Я думаю мне лучше подробно объяснить. Моё отношение из-за того

180 Отто Тирак (1889 — 1946) — немецкий нацистский государственный деятель, группенфюрер СА (1942). Президент Народной судебной палаты (1936—1942), рейхсминистр юстиции Германии (1942—1945). Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

факта, что все правонарушения, которые перечислены здесь, можно было бы рассматривать в результате надлежащего законного процесса в государственных судах. По этой причине я считаю превентивное заключение как таковое ошибочным, и более того если о нём приказывали по указанным причинам.

Кауфман: Значит, если я правильно вас понял, я могу подытожить ваше отношение как следующее: вы хотите сказать, что вы не имели никаких сведений о приказах по превентивному заключению, что у вас не было никаких полномочий отдавать их, и что вы не подписывали их, но поскольку эти приказы о превентивном заключении принимались внутри управления IV, вы должны были знать о них. Такой итог правильный или нет?

Кальтенбруннер: Верно.

Кауфман: Теперь мы переходим к ещё одному обвинению вменяемому вам. Обвинение заявляет, что вы виновный исполнитель или пособник в совершенных преступлениях, когда вы, как начальник полиции безопасности и СД, допускали убийства и плохое обращение так называемых айнзацгрупп. Я собираюсь процитировать несколько фраз из показаний данных в этом зале суда свидетелем Олендорфом 3 января 1946. Показания Олендорфа инкриминируют вас. Я желаю, чтобы вы прокомментировали это. Олендорф говорит в связи с айнзацгруппами:

> «После поступления на службу, Кальтенбруннер должен был сам заниматься этими вопросами и соответственно должен был знать о происхождении айнзацгрупп в отношении которых имел полномочия».

Он продолжил, говоря о ценностях, изымавшихся у казненных лиц о том, что их направляли в рейхсминистерство финансов или в главное управление безопасности Рейха, и он, наконец, заявляет о том, что офицерский состав этих айнзацгрупп формировался из руководящего состава государственной полиции и лишь небольшим процентом из СД. Что вам требуется сказать в ответ на вопрос, знали вы или нет о существовании и значении этих айнзацгрупп?

Кальтенбруннер: Я не имел никакого понятия о существовании этих айнзацкоманд как их описал Олендорф. Позже я слышал об их существовании, но это было много месяцев спустя. Относительно этого положения я хочу сказать следующее: из показаний Олендорфа и из распоряжений Гитлера и Гиммлера обсуждавшихся здесь, трибуналу известно, что отдавались приказы об убийствах людей. Эти айнзацкоманды никогда не реорганизовывали во время пребывания меня в должности. Эти айнзацгруппы действовавшие до этого времени были также распущены или переданы под иное командование до того, как я получил должность. Я не знаю, заявлял ли здесь свидетель Олендорф о том, когда он вернулся из своей айнзацкоманды.

Кауфман: 1942.

Кальтенбруннер: Это до того как я получил должность. Айнзацкоманды позднее

должны были быть ответственными перед высшими руководителями СС и полиции на оккупированных территориях, или, что еще более вероятно, в подчинении начальников антипартизанских подразделений. Я не могу точно ответить на ваш вопрос, поскольку вследствие годичного заключения не имел возможности перепроверить организационную схему.

Я думаю, вы также спросили меня, знал ли я о том, что ценности, которые изымались у казненных лиц, отправлялись в мое ведомство или в рейхсминистерство финансов. Я ничего не знаю о таких поставках, но я знаю о том, что Гиммлер отдавал всем приказ – не только полиции безопасности, но также остальным организациям на оккупированных территориях, будь–то муниципальная полиция, или антипартизанские подразделения или тем подразделениям вооруженных сил которые находились под его командованием – говоривший, что всё такое имущество должны были сдавать рейхсминистерству финансов.

Кауфман: Эти айнзацгруппы результат приказа Гитлера или приказа главного управления безопасности Рейха?

Кальтенбруннер: Это могло быть только из-за приказа Гитлера.

Кауфман: Вы сейчас сказали, что по ходу времени услышали о существовании и значении этих айнзацгрупп. Вы можете сказать точно, какого числа получили эти сведения?

Кальтенбруннер: Я полагаю, что это было, когда меня впервые принимал Гитлер, или может быть, это было на следующий день, когда я явился к Гиммлеру, в ноябре 1943.

Кауфман:1943?

Кальтенбруннер: Да.

Кауфман: Если в то время вы знали об айнзацгруппах и об их значении, тогда возникает вопрос, в чём заключалось ваше отношение к ним, в случае вашего осуждения их, что вы должны были сделать, чтобы их отменить? У вас была возможность сделать это или нет?

Кальтенбруннер: Я уже сказал, что айнзацкоманды никогда не передавали в мое распоряжение или под руководство моими приказами. О существовании и предыдущей деятельности таких айнзацкоманд мне стало известно поздней осенью 1943, и я знал, что я должен сопротивляться такому ошибочному использованию сотрудников главного управления безопасности Рейха. Я думаю, 13 сентября 1943, я видел Гитлера по поводу визита Муссолини которого только, что освободили. Однако, моя попытка поговорить с ним на эту тему, не удалась, из–за этого государственного визита. Впоследствии, в ноябре, после того, как Гиммлер постоянно это откладывал, мне снова нужно было явиться в ставку, чтобы официально доложить о своей деятельности к этому времени. И по этому поводу я беседовал с фюрером о фактах об айнзацкомандах, которые стали мне известны; и не только об этом, но также я имел первую возможность обратиться к нему о

еврейской проблеме в целом, и об отданных, им и Гиммлером приказах против евреев, о которых мне также стало тогда известно. Однако, я хочу сделать подробное заявление об этом, если вы подробно собираетесь разобрать со мной эту проблему.

Кауфман: Я теперь представляю…

Кальтенбруннер: Я только хочу добавить, что айнзацкоманды больше не попадали в поле зрения, что касалось меня, потому что весь личный состав передали антипартизанской борьбе или даже высшему руководителю СС и полиции, мне кажется, именно в тот же день, когда я получил должность в Берлине. Мне кажется я могу отчетливо вспомнить, что фон дем Бах–Зелевски[181] был назначен руководителем антипартизанской борьбы 30 января 1943. Это также может быть причиной того факта, что я не видел каких–либо докладов от самих айнзацкоманд.

Кауфман: Теперь я перехожу к другому документу L–51, экземпляр USA–521. Это чрезвычайно инкриминирующий документ, по которому я хочу получить ваш комментарий.

Цюттер[182] это адъютант коменданта лагеря Маутхаузен . Он сообщает относительно…

Кальтенбруннер: Это фотокопия того же документа?

Кауфман: Да, того же.

Он сообщил относительно приказа о казне, относившейся к 12 или 15 американским парашютистам, которые были захвачены в 1945. Просмотрите, пожалуйста, документ и скажите трибуналу, отдавали ли вы такой приказ, и имели ли полномочия отдавать такой приказ?

Кальтенбруннер: Да. Только вчера вы обсуждали со мной этот же документ. Поэтому, он мне известен. Я заявляю, что этот инцидент и этот приказ никогда не были известны мне до тех пор, пока документы не были представлены мне здесь или до их представления дознавателем.

Кауфман: Вам известен Цирайс[183]?

Кальтенбруннер: Как я уже однажды сказал, я никогда не имел полномочий подписывать по собственной инициативе, так называемые приказы об экзекуциях, то есть смертный приговор. Кроме Гитлера никто во всем Рейхе не имел такой власти кроме Гиммлера и рейхсминистра юстиции.

Кауфман: В отношении этого, я желаю отметить, что обвинение также представило приказы об экзекуциях, которые содержат подпись Мюллера. Вы хотите что-нибудь сказать об этом?

Кальтенбруннер: Если приказ об экзекуции содержал подпись Мюллера, Мюллер

181 Эрих фон дем Бах (1899 — 1972) — обергруппенфюрер СС, генерал полиции и генерал войск СС. В 1942-1944 начальник штаба антипартизанской борьбы. После войны был несколько раз судим, умер в тюремной больнице.

182 Адольф Цюттер (1889 – 1947) – гауптштурмфюрер СС. Адъютант коменданта концентрационного лагеря Маутхаузен в 1942-1945. Казнён по приговору американского трибунала.

183 Франц Цирайс (1905 — 1945) — комендант концентрационного лагеря Маутхаузен в 1939-1945 гг. Умер после ранения при попытке побега.

мог бы подписать его, только в силу приказу Гиммлера или в силу приговора вынесенного судом.

Кауфман: Напрашивается сказать, что если Мюллер имел полномочие отдавать приказы об экзекуциях, тогда вы сами должны были иметь такое же полномочие в гораздо большей степени? Правильно?

Кальтенбруннер: Нет, не так, потому что Гиммлер никогда не передавал мне такой власти; также созданная цепочка командования– государственная полиция осталась в подчинении Гиммлера после смерти Гейдриха, даже после моего вступления в должность – противоречила бы этому.

Кауфман: Инцидент, на который ссылаются в данном документе, настолько важен, поскольку вовлечены зарубежные парашютисты, что само собой предполагает то, что о нём было известно в высших ведомствах в Берлине, что значит также главному управления безопасности Рейха. Вы узнали о нем впоследствии?

Кальтенбруннер: Я хочу добавить следующее заявление: инцидент точно не становился мне известен.

Председатель: Вы закончили с L–51?

Кауфман: Нет, я еще разбираюсь с документом L–51, но я уже почти закончил.

Председатель: Что же, не следует ли вам обратить его внимание на сам инцидент, на который ссылаются в конце документа, где сказано: «Относительно американской военной миссии высадившейся в тылу немецкого фронта на словацкой или венгерской территории в январе 1945? Оно продолжается, говоря, о том, что – я думаю, это сказал адъютант лагеря: «Теперь Кальтенбруннер одобрил казнь. Письмо было секретным и имело подпись «подписано, Кальтенбруннер».

Я думаю, вы должны предъявить ему это.

Кауфман: Да, безусловно. Ему известен документ, и мне кажется он знает все до единого слова в документе, но я снова предъявлю ему это.

> [*Обращаясь к подсудимому*] Здесь сказано:
>
> «Я оцениваю число пленных людей в 12 или 15. Они носили форму, которая была либо американской или канадской, коричнево–зеленый цвет, рубашка и берет. От восьми до 10 дней после их прибытия, посредством радио или телетайпа был получен приказ об их казни. Штандартенфюрер Цирайс – то есть комендант лагеря – зашел в мой кабинет и сказал: «Теперь Кальтенбруннер одобрил казнь. Это письмо было секретным и имело подпись «подписано, Кальтенбруннер».
>
> Этих мужчин затем расстреляли на месте, и их ценности передал мне обершарфюрер Нидермайер[184]».
>
> Вы можете очень кратко пройтись по этому?

Кальтенбруннер: Даже не обсуждается, что этот инцидент доводили до моего

184 Йозеф Нидермайер (1920 – 1947) – унтершарфюрер СС. В 1942-1945 занимал ряд должностей в концентрационном лагере Маутхаузен. Казнён по приговору американского трибунала.

сведения, или чтобы он происходил с моим участием. Это не только явное преступление против законов войны, но в частности, акция, которая могла или обязательно должна была привести к наиболее серьезным внешнеполитическим последствиям.

Разумеется, даже не обсуждается, чтобы в таком инциденте, Мюллер или даже я сам, как начальник Мюллера, мог бы предпринять такую акцию, но абсолютно в таком случае должны были быть тщательные предварительные обсуждения между самим Гиммлером и фюрером.

Кроме того, следует полагать, что совершенно точно кто–то – может быть компетентный отдел международного права – сначала мог бы проконсультировать по вопросу, и что о такой акции, конечно, было бы приказано либо фюрером или Гиммлером. В любом случае, это был бы приказ от одной из этих личностей. Однако, даже это мне неизвестно.

Поэтому, если этот человек Цюттер ссылается на приказ, содержавший мою подпись, тогда это мог быть только приказ, который, как я уже описал, содержавший мою поддельную подпись, поскольку я никогда не имел полномочия отдавать приказ об экзекуциях. Таким образом, подпись должна была быть «Гиммлер» или «по приказу Гиммлера, Мюллер».

Кауфман: Значит, вы также приписываете этой подписи злоупотребление?

Кальтенбруннер: Нет, мне кажется, что здесь это вообще не касается моей подписи, но, что Цирайс должен был сказать «Гиммлер». Нельзя полагать предполагать, что Мюллер, таким образом, подписался бы своим или моим именем.

Кауфман: Теперь мы переходим к другому предмету. Я сейчас ссылаюсь на документ PS-1063 (b), экземпляр USA–492, который письмо из главного управления безопасности Рейха, датированное 26 июля 1943. Оно имеет вашу подпись: «Подписано, доктор Кальтенбруннер» и письмо адресовано всем высшим руководителям СС и полиции. Оно ссылается на создание исправительно-трудовых лагерей.

Не будете ли вы любезны просмотреть письмо? Обвинение вменяет вам создание исправительно–трудовых лагерей. Пожалуйста, объясните, в чём на самом деле заключалось ваше отношение, и скажите, исходило ли письмо от вас.

Кальтенбруннер: Относительно этого я должен сделать следующее заявление: я делаю вывод из факта, что письмо содержит мое имя в машинописи, что этот приказ не показывали мне до того как его выпустили: в противном случае я бы подписал его от руки.

Кауфман: Вам известно о приказе Гиммлера?

Кальтенбруннер: Насколько я могу вспомнить, я узнал об этом потом.

Кауфман: Что такое исправительно–трудовой лагерь? Он идентичен концентрационному лагерю?

Кальтенбруннер: Нет, исправительно–трудовые лагеря были лагерями, в которых

помещали мужчин если они были немцами, если они уклонялись от трудовой повинности, несмотря на неоднократные напоминания, или зарубежных рабочих, которые оставляли рабочие места без разрешения и были арестованы, или рабочих пойманных во время облав в поездах, на железнодорожных станциях, и дорогах, и у которых не было постоянного трудового договора. Содержание в таком исправительно–трудовом лагере занимало период от 14 до 56 дней.

Кауфман: В этом письме говорится, что эти исправительно–трудовые лагеря, что касалось администрации и приказов, находились в подчинении управлений государственной полиции, и кроме того, в подчинении командиров полиции безопасности и СД. У вас были сведения об этом?

Кальтенбруннер: Так называемое нарушение трудового договора в Рейхе и уклонение немецкого гражданина от трудовой повинности это правонарушение которое точно также могли бы рассматривать законные суды. Закон имел нормы об этом, но из-за огромного количества рабочих по всему Рейху – не только немцев, которых насчитывалось от 15 до 20 миллионов, но также 8 миллионов иностранных рабочих – невозможно было бы начать сотни тысяч разбирательств в судах, по сотням тысяч дел, за невыполнение работы или расторжение договора, или самовольный уход с места работы, и т. д. Само собой разумеется, кроме этого отделы полиции не имели достаточно обширных тюремных сооружений для краткосрочных приговоров в подобных случаях. По этой причине были созданы такие исправительно–трудовые лагеря при управлениях государственной полиции и криминальной полиции.

Кауфман: Вы, принципиально одобряли создание таких исправительно–трудовых лагерей?

Кальтенбруннер: Да, в принципе я одобрял их, хотя я сам не участвовал в принятии приказа. Однако, я позднее узнал о них и считал и считал их подходящими в виду сокращения рабочей силы и условий преобладавших в Рейхе.

Кауфман: Вы имели сведения относительно обращения с интернированными: на какой период времени их помещали в лагеря, каким был их продуктовый паек, и как их трудоустраивали?

Кальтенбруннер: Как я сказал, эти исправительно–трудовые лагеря были предназначены для отбывания ареста на период не превышавший 56 дней. Даже это, мне кажется было возможно только после того, как человека, ранее приговорили за 3 подобных правонарушения. Обычно, арест в исправительно–трудовых лагерях…

Председатель: Вопрос был, знали ли вы об условиях в лагерях? Вы на него вообще не ответили.

Кауфман: Пожалуйста, ответите на мой вопрос?

Кальтенбруннер: Думаю, вы спросили меня…

Кауфман: Я спросил вас, знали ли вы что–нибудь относительно обращения, продовольствия, и трудоустройства интернированных в этих исправительно-

трудовых лагерях?

Кальтенбруннер: Я знал только о том, что исправительно–трудовые лагеря имели задачу выполнять работы для общественных нужд, то есть, общественного строительства, такого как дорожное, железнодорожное обслуживание, и в частности, ремонт повреждений из-за воздушных налетов. Интернированных исправительно–трудовых лагерей видело все население, при таком использовании. Впечатление которое производил облик этих интернированных…

Председатель: Он так и не ответил на вопрос.

Кауфман: Я задал вам три точных вопроса. Я хочу точных ответов на эти вопросы. Вам, что-нибудь известно, об обращении, продуктовых пайках, и трудоустройстве? У вас имелись об этом какие-либо сведения, «да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Я сказал относительно трудоустройства…

Кауфман: Вы имели сведения?

Кальтенбруннер: Да, имел. Об остальных двух факторах я не знаю по личным наблюдениям.

Кауфман: Офицеры управления IV, когда-нибудь докладывали вам об этом?

Кальтенбруннер: Не офицеры управления IV, но эта проблема, конечно, непрерывно обсуждалась в рамках внутриполитической разведывательной службы, а именно, об использовании такой рабочей силы для неотложных работ.

Кауфман: Вы никогда не видел причины вмешиваться?

Кальтенбруннер: У меня не было повода вмешиваться в связи с этими лагерями по поводу какого-либо злоупотребления, так как не было известно о случаях посягательства на интернированных в лагерях.

Кауфман: Теперь я перехожу к другому документу, документу номер PS-2452, экземпляр номер USA–489. Это заявление, письменные показания Линдова[185]. Он заявляет, что по приказу Гиммлера до начала 1943, советско–русских политических комиссаров и солдат-евреев должны были забирать из лагерей военнопленных и переводить в концентрационные лагеря для расстрела. Кроме того, он заявляет, что Мюллер, начальник управления IV, подписывал приказы об экзекуциях. Если трибунал желает, я процитирую несколько предложений из этого документа.

[*Подсудимому*] Какое у вас заявление по данному документу?

Кальтенбруннер: Этот приказ Гиммлера не был мне известен, и могу я отметить, что он применялся с 1941 по 1943, что означает, в целом, период, когда меня не было в Берлине.

Кауфман: Теперь я зачитаю особо инкриминирующий отрывок – параграф 4. Пожалуйста, вы сделаете заявление по вопросу, относится ли этот доклад об этих фактах ко времени после 1943 или до 1943, или что–то, что можете сказать о дате.

Кальтенбруннер: Я знаю отрывок.

---

185 Курт Линдов (1903-1972) – Штурмбаннфюрер СС. В 1941-1944 начальник отдела Гестапо по противодействию противнику.

Кауфман:

> «В лагерях военнопленных на Восточном фронте, существовали небольшие айнзацкомманды, которые возглавляли младшие чины секретной государственной полиции. Эти команды были приданы коменданту лагеря и имели задачу отбирать таких военнопленных, которых должны были казнить согласно принятым приказам, и сообщать их имена в управление Гестапо».

Кальтенбруннер: Об этом, я…

Кауфман: Минуточку. Из параграфа 2, я цитирую последний абзац: «Таких военнопленных, прежде всего, для вида отпускали и потом забирали в концентрационный лагерь для казни». Итак, я спрашиваю вас, какие сведения вы имели об этих фактах?

Кальтенбруннер: Я не имел никаких сведений об этих фактах. Более того, мне невозможно было получить сведения о них, о приказах, отданных в 1941 и которые, как говорит свидетель, фактически исполняли до середины 1943; невозможно чтобы, прекратить исполнение этих приказов в течение последних лет, я мог бы вовремя…

Кауфман: Но в действительности, нельзя отрицать, что в главном управлении безопасности Рейха, находился отдел IV A1, то есть, часть Гестапо, и что этот отдел функционировал с 1941 до середины 1943, и что он исполнял такие приказы. Очевидно, можно полагать, что вы также, должны были быть информированы о такой чрезвычайно тяжелой ситуации, которая была бесчеловечной и запрещенной международным правом, не так ли?

Кальтенбруннер: Я не был об этом информирован.

Кауфман: Теперь я перехожу к вопросу концентрационных лагерей и ответственности подсудимого в этой сфере.

Председатель: Мы сейчас прервемся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Додд: Доктор Кауфман сказал мне о том, что он имел возможность прочитать два перекрестных допроса, которые мы желаем приобщить – перекрестные допросы доктора Мильднера и доктора Хёттля. Я сказал доктору Кауфману о том, что будет лучше, для того, чтобы не беспокоить подсудимого Кальтенбруннера, если их зачитают до завершения его допроса.

Председатель: Вы согласны, что будет лучше, чтобы перекрестный допрос был зачитан сейчас для того, чтобы подсудимый мог разобраться с любыми

положениями какими пожелает?

Кауфман: Да, это устраивает.

Эймен: С позволения трибунала, первые письменные показания, это письменные показания доктора Рудольфа Мильднера:

> «Я нижеподписавшийся, доктор Рудольф Мильднер, дал следующие письменные показания в ответ на перекрестный допрос представителей главного обвинителя от Соединенных Штатов, относительно моих письменных показаний от 29 марта 1946, данных в ответ на вопросы доктора Кауфмана для представления Международному военному трибуналу:
>
> Вопрос номер 1: Подтвердите или поправьте следующие биографические данные:
>
> Ответ: в декабре 1939 я стал начальником отдела Гестапо в Хемнице; в марте 1941 я стал начальником отдела Гестапо в Катовице; в сентябре 1943 я стал командиром Зипо и СД в Копенгагене; в январе 1944 я стал инспектором Зипо и СД в Касселе; с 15 марта 1944 я стал заместителем начальника отделов IV A и IV B в РСХА; в декабре 1944 я стал командиром Зипо в Вене; в декабре 1944 я стал заместителем инспектора Зипо в Вене.
>
> Все эти назначения после января 1943 производились Кальтенбруннером как начальником полиции безопасности и СД.
>
> Вопрос номер 2: Это не правда, что пока вы являлись руководителем Гестапо в Катовице, вы часто посылали заключенных в Аушвиц[186] для заключения или казни; что вы имели контакты с политическим отделом Аушвица в течение времени, когда вы были начальником Гестапо в Катовице относительно заключенных отправленных из округа Катовице; что вы посещали Аушвиц по нескольким поводам; что «SS-Standgericht[187]» Гестапо часто собирался в Аушвице и вы иногда присутствовали на процессах над заключенными; что в 1942 и снова в 1943 руководствуясь приказами группенфюрера Мюллера, начальника Гестапо, комендант Аушвица показывал вам установки по уничтожению; что вы были знакомы с установками по уничтожению в Аушвице поскольку вы отправляли евреев со своей территории в Аушвиц для казни?
>
> Ответ: Да, это правдивые заявления о факте.
>
> Вопрос номер 3: В отношении вашего ответа номер 5 в своих

186 Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим, который в 1939 г. указом Гитлера был присоединён к территории Третьего рейха, в 60 км к западу от Кракова.

187 «Военно-полевой суд СС» (нем.)

письменных показаниях от 29 марта 1946, все приказы об арестах, назначении наказаний и отдельных казнях в концентрационных лагерях поступали от РСХА? Существовал регулярный канал для приказов об индивидуальных казнях от Гиммлера через Кальтенбруннера к Мюллеру, затем к коменданту концентрационного лагеря? ФВХА надзирало за всеми концентрационными лагерями в администрации, использовании рабочей силы и поддержании дисциплины?

Ответ: Ответ «да» на каждый из трёх вопросов.

Вопрос номер 3-а: Это правда, что между обергруппенфюрером СС Кальтенбруннером и обергруппенфюрером СС Полем, начальником ФВХА и начальником концентрационных лагерей проходили совещания? Доктор Кальтенбруннер был знаком с условиями в концентрационных лагерях?

Ответ: Да, и в виду этих совещаний по поводу обсуждений с двумя начальниками управлений – группенфюрером Мюллером IV, и группенфюрером Нёбе, РСХА, начальник Зипо и СД – обергруппенфюрер СС доктор Кальтенбруннер должен был быть знаком с условиями в концентрационных лагерях.

Я узнал от начальника управления IV, группенфюрера СС Мюллера о том, что регулярные совещания проходили между РСХА и отделом D ФВХА.

Вопрос номер 4: Это не факт, что в июле или августе 1944 командирам и инспекторам Зипо и СД, Гиммлером через Кальтенбруннера как начальника Зипо и СД был отдан приказ, о том, чтобы военнослужащих всех англо–американских групп коммандос[188] вооружённые силы должны были передавать Зипо; что Зипо должно было допрашивать этих людей, а затем после допроса расстреливать; что об убийствах нужно было уведомлять вооруженные силы путём коммюнике говорившего, что группа коммандос была уничтожена в бою, и что этому распоряжению была присвоена высшая секретность, и оно должно было уничтожаться немедленно после прочтения?

Ответ: Да.

Вопрос номер 5: В отношении вашего ответа на вопрос номер 7 из ваших письменных показаний от 29 марта 1946, не является фактом, что:

а) После направления вами Мюллеру телеграммы запрашивающей, чтобы преследование евреев было остановлено, вы получили приказ

188 Британские коммандос — специальные подразделения британской армии, сформированные в июне 1940 года по распоряжению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с целью проведения рейдов на оккупированной немцами территории континентальной Европы.

от Гиммлера, чтобы проводились еврейские акции?

б) Что вы затем вылетели в Берлин с целью лично поговорить с начальником Зипо и СД, Кальтенбруннером, , но поскольку он отсутствовал, вы встретились с его заместителем Мюллером, начальником управления IV РСХА, который в вашем присутствии, написал сообщение Гиммлеру содержавший вашу просьбу о прекращении преследования евреев в Дании?

в) Что вскоре после вашего возвращения в Копенгаген вы получили прямой приказ Гиммлера отправленный через Кальтенбруннера как начальника Зипо и СД, заявлявший, что антиеврейские акции следует начать немедленно?

г) Что с целью проведения данной акции зондеркоманда Эйхмана, который подчинялся Гестапо, была отправлена из Берлина в Копенгаген с целью депортации евреев на двух зафрахтованных кораблях?

Ответ: Да на вопросы – а), б), в) и г).

Вопрос номер 6: Не является фактом, что эта акция зондеркоманды Эйхмана не была успешной; что Мюллер приказал вам подготовить доклад объяснявший отсутствие успеха в депортации евреев, и что вы отправили этот доклад напрямую начальнику Зипо и СД, Кальтенбруннеру?

Ответ: Да. Это правильно.

Я прочёл вышеуказанные вопросы и ответы как они написаны и клянусь, что они правдивые и верные…» - и т. д.

И теперь, с позволения трибунала, перекрестные письменные показания Вильгельма Хёттля…

Председатель: [*Подсудимому*] Вы хотите что–то сказать?

Кальтенбруннер: Я хотел попросить у высокого трибунала разрешения незамедлительно ответить на данный опросный лист, чтобы я…

Председатель: Да, у вас сейчас будет возможность. Смысл этого чтения сейчас, чтобы ваш защитник мог спросить вас о любых вопросах в связи с этим, и тогда вы можете дать любой комментарий какой хотите. Полковник Эймен продолжит и прочтёт ещё один перекрестный допрос, и затем ваш защитник продолжит основной допрос. Вы понимаете?

Кальтенбруннер: Да, я понимаю. Я просто хотел предположить, поскольку два вопроса рассматриваются по-отдельности и касаются двух разных сфер, чтобы я мог сначала выразить свои взгляды и затем после…

Председатель: Мы не можем так прерваться. Вы сейчас сможете это рассмотреть.

Продолжайте полковник Эймен.

Эймен: Письменные показания доктора Мильднера датированные 9 апреля 1946

станут экземпляром номер USA–791 и письменные показания Вильгельма Хёттля, которые я зачитаю, датированные 10 апреля 1946, станут экземпляром номер USA–792.

«Я, нижеподписавшийся, доктор Вильгельм Хёттль, дал следующие письменные показания в ответ на перекрестный допрос, относящийся к письменным показаниям данными мною 30 марта 1946 в ответах на вопросы поставленные доктором Кауфманом для представления Международному военному трибуналу.

1) В отношении вопроса номер 3: Пожалуйста, предоставьте следующие сведения:

а) Объясните обоснование вашего заявления о том, что когда людей, относившихся к СД переводили в айнзацкоманды Зипо и СД, они увольнялись из СД. Ваше внимание обращается на тот факт, что Олендорф, глава СД, свидетельствовал противоположное.

б) Объясните обоснование вашего заявления о том, что айнзацкоманды не имели никакого отношения к казням. Ваше внимание обращается на тот факт, что ваши показания об этом также прямо противоречат главе СД, Олендорфу.

в) В чём заключался так называемый «приказ о комиссарах» Гитлера и когда вы впервые осведомились об этом приказе?

В отношении 1а): В своих письменных показаниях я не говорил о постоянном выходе из СД, а об отпуске на время деятельности в айнзацкоманде. И это означало, что тогда они не исполняли свои обязанности в СД; такая функция не осуществлялась.

В отношении 1б): Мои письменные показания об этом кажется, недопоняли. Я не заявил о том, что айнзацкоманды не имели никакого отношения к казням, но только о том, что не все айнзацкоманды занимались казнями. Я привёл в качестве примера айнзацкоманды в Африке, Венгрии и Словакии. В связи с этим, я сказал, что эти айнзацкоманды не имели никакого отношения к казням; под этим я имел в виду непосредственную связь с казнями.

В отношении 1в): Лично я, не знаю так называемого «приказа о комиссарах» Гитлера. Доктор Шталекер[189], который командовал айнзацгруппой Зипо и СД в России, рассказывал мне летом 1942 о том, что казни комиссаров и евреев производились согласно приказу о комиссарах, которым прикрывалось уничтожение евреев под предлогом их сущности носителей большевизма.

2) В отношении вопроса номер 4: Это не факт, что Гейдрих, как

189 Франц Шталекер (1900 — 1942) — доктор юриспруденции, бригадефюрер СС, генерал-майор полиции, командир айнзацгруппы А и начальник ЗиПо и СД рейхскомиссариата Остланд. Смертельно ранен в результате боестолкновения с партизанами в Ленинградской области

начальник Зипо и СД, дал Эйхману первоначальные инструкции, касавшиеся уничтожения евреев; что в РСХА непосредственным начальником Эйхмана был Мюллер, начальник Гестапо; что Мюллер был сначала заместителем Гейдриха, и позднее Кальтенбруннера?

В отношении 2): Да, возможно в августе 1944 я услышал от Эйхмана о том, что Гейдрих дал ему такие указания. Также верно, что Мюллер, начальник Гестапо, был непосредственным начальником Эйхмана. Насколько я знаю, Мюллер был заместителем Гейдриха и позднее Кальтенбруннера только в сфере Гестапо, также как и остальные начальники управлений в своих соответствующих сферах.

3) В отношении вопроса номер 5: Это не факт, что вам, из ваших бесед с Кальтенбруннером и Эйхманом, известно, что они выходцы из одной общины в Австрии и были исключительно близкими друзьями; что Эйхман всегда имел прямой доступ к Кальтенбруннеру, и что они часто совещались вместе; что Кальтенбруннер был доволен тем как Эйхман исполнял свои обязанности; что Кальтенбруннер был очень заинтересован в работе по уничтожению выполнявшейся Эйхманом; что вам лично известно о том, что Кальтенбруннер отправился в Венгрию с целью обсудить программу уничтожения в Венгрии с чиновниками венгерского правительства и с Эйхманом и остальными сотрудниками своего штаба в Венгрии? Пожалуйста, подтвердите или поправьте эти заявления и сделайте какие–либо разъяснения по вашему ответу.

В отношении 3): Я слышал от Эйхмана, что он знал Кальтенбруннера с Линца и что они служили вместе в 1932 в СС «Штурм». Мне неизвестно, что они являлись особенно близкими друзьями или о том, что Эйхман всегда имел прямой доступ к Кальтенбруннеру, и что они часто совещались.

Я не знаю подробностей их официальных отношений. Я не знаю, находился ли Кальтенбруннер также на совещаниях касавшихся программы уничтожения в Венгрии во время своего пребывания в Венгрии весной 1944. Винкельман[190], бывший высший руководитель СС и полиции в Венгрии, должен точно знать об этом, поскольку по моим сведениям, он вместе с Кальтенбруннером, посещал лиц из венгерского правительства.

4) В отношении вопроса номер 6:

а) Вам известно, что Мюллер, начальник Гестапо, всегда совещался с Кальтенбруннером по важным вопросам относившеся к функциям его

190 Отто Винкельман (1894-1977) – обергруппенфюрер СС. В 1944-1945 высший руководитель СС и полиции в Венгрии.

ведомства – особенно в отношении казней специальных заключенных?
б) Вам известно, что Кальтенбруннер являлся высшим руководителем СС и полиции и государственным секретарем по безопасности Австрии после аншлюса до своего назначения начальником РСХА, в период пяти лет, в течение которых его внимание был посвящено исключительно полицейским и вопросам безопасности?
в) На чем основано ваше заявление о том, что разведывательная служба занимала большую часть внимания Кальтенбруннера и весь его интерес?
В отношении 4а): Подробности касавшиеся официальных отношений между Мюллером и Кальтенбруннером мне неизвестны. Однако, я по нескольким поводам мог заметить, что Мюллер находился с Кальтенбруннером докладывая ему о работе своего управления.
В отношении 4б): Кальтенбруннер не занимался исключительно полицейскими и вопросами безопасности в рамках своей деятельности в качестве высшего руководителя СС и полиции в Австрии или в качестве государственного секретаря по безопасности соответственно. Без сомнений он имел кроме них политические интересы, поскольку высшие руководители СС и полиции являлись представителями рейхсфюрера СС Гиммлера по всем вопросам.
В отношении 4в): Я мог заметить это ввиду своих официальных отношений с ним. Сотрудники других управлений также часто сами высказывались о том, что он покровительствовал и поощрял управление III, и в особенности управление VI и военному управлению.
5) В отношении вопроса номер 7: Ответьте на следующее:
а) Какое личное отношение вы имели к концентрационным лагерям и на чем, следовательно, основан ответ на данный вопрос?
б) Вам известно о том, что приказы о направлениях, освобождениях и казнях в концентрационных лагерях исходили от РСХА?
в) Вам известно, что РСХА отдавало прямые приказы комендантам концентрационных лагерей? Заявите, о каких подобных приказах вам известно лично.
г) В чём заключались жестокости совершавшиеся в концентрационных лагерях о которых вы упомянули, ссылаясь на ваш ответ на данный вопрос, когда и каким образом вам стало известно об этих жестокостях совершаемых в концентрационных лагерях?
В отношении 5а): Лично я не имел никакого отношения к концентрационным лагерям. Однако, я освободил из

концентрационных лагерей ряд лиц и поэтому знаю о сложностях которые создавались личным составом концентрационных лагерей, которые всегда обращали внимание на приказы ФВХА СС в таких случаях поскольку заключенные требовались для промышленности вооружений.
В отношении 5б): Мне известно, что приказы о направлении в концентрационные лагеря и последующем освобождении поступали из РСХА. Мне неизвестно, что все такие приказы исходили из РСХА. Мне неизвестно о приказах о казнях из РСХА.
В отношении 5в): Мне неизвестны никакие подробности и мне лично неизвестны никакие приказы об этом. В случаях, в которых я вмешивался для освобождения, я обращался также к Кальтенбруннеру или в управление IV. Когда процедура затягивалась, я несколько раз получал ответ от сотрудников управления IV о том, что есть сложности со стороны ФВХА СС.
В отношении 5г): Когда в марте 1944 Венгрия была оккупирована немецкими войсками, нескольких моих венгерских знакомых отправили в концентрационные лагеря. После того, как я добился их освобождения, они рассказывали мне о плохом обращении и жестокостях в концентрационном лагере Маутхаузен. Затем, я отправил официальное сообщение касаемо этого начальнику отделения Гестапо в Линце, с просьбой разобраться с этим вопросом у коменданта концентрационного лагеря Цирайса. Однако, Цирайс, отрицал это, как мне сообщили в ответе.
6): В отношении вопроса номер 9: На чем основано ваше мнение о том, что Кальтенбруннер противостоял Гитлеру и Гиммлеру в программе физического уничтожения европейского еврейства?
В отношении 6): Кальтенбруннер рассказывал мне после своего совещания с представителями Международного красного креста в марте 1945 о том, что он был против программы Гитлера и Гиммлера в вопросе уничтожения европейских евреев. В ответе на вопрос 9 о том, что Кальтенбруннер не отдавал приказов об убийстве евреев, пропущены слова «по моим сведениям».
7): В отношении вопроса номер 11: Кто был американцем, о котором вам рассказывал Кальтенбруннер о том, что он контактировал с ним в нейтральной стране в 1943? Кальтенбруннер согласился отправиться с вами в Швейцарию для встречи с союзными державами с которыми вы находились в соприкосновении через австрийское движение сопротивления; и, если так, с кем?
В отношении 7): американским посредником был в 1943 сотрудник

легации Соединенных Штатов в Лиссабоне. Я уже не помню его имя. Связь через австрийское движение сопротивления с американской организацией в Швейцарии существовала только с начала осени 1944. Кальтенбруннер согласился отправиться туда со мной приблизительно 20 апреля 1945.

8) В отношении вопроса номер 12: Какого числа Кальтенбруннер приказал коменданту концентрационного лагеря Маутхаузен передать лагерь приближавшимся войскам? По чьей инициативе Кальтенбруннер отдал такой приказ, и по какой причине?

В отношении 8): Я не могу точно заявить о дате приказа Кальтенбруннера коменданту концентрационного лагеря о передаче лагеря приближавшимся войскам. Это должно было быть в течение последних дней апреля 1945. Мне неизвестно по чьей инициативе и по какой причине он отдал такой приказ; возможно, это было связано с его дискуссией со штандартенфюрером СС Бехером[191], которого я тогда видел.

Вышеуказанные заявления являются правдой; я сделал настоящее заявление добровольно и без принуждения…» - и т.д. – «Доктор Вильгельм Хёттль».

Кауфман: Высокий трибунал желает, чтобы подсудимый высказал свою позицию или ответил по этим документам?

Кальтенбруннер: Да, я прошу сделать это прямо сейчас.

Кауфман: Тогда, пожалуйста, представьте ваш взгляд сначала по документу Мильднера. Я обращаю ваше внимание, наверное, на вопрос номер 2, который мне кажется относящимся к делу. Он гласит:

«Это не правда, что…руководствуясь приказами группенфюрера Мюллера, начальника Гестапо, комендант Аушвица показывал вам установки по уничтожению…».

Из этого видно, что начальник управления IV знал об этих вопросах.

Кальтенбруннер: Доктор Кауфман, могу я вас прервать.

Насколько я смог заметить на последних заседаниях, против меня использована процедура так называемых неожиданных письменных показаний. Такие неожиданные письменные показания впервые применили в моем деле. Несмотря на это я благодарен и рад, даже не имея возможности увидеть письменные показания заранее, выразить свои взгляды на общее и частное в этих письменных показаниях.

Что касается доктора Мильднера – вопроса номер 1: Его спросили о должностях, которые он занимал в службе безопасности. Он перечислил должности, которые он занимал с 1939 по 1944. Когда я находился на посту, он служил в

191 Курт Бехер (1909-1995) – начальник экономического отдела командования СС в Венгрии.

качестве инспектора Зипо и СД в Касселе, как заместитель в управлении IV, как заместитель инспектора в Вене в 1944, и также как командир Зипо в Вене тоже в 1944. Он сказал: «Все эти назначения после января 1943 производились Кальтенбруннером как начальником полиции безопасности и СД»

Это неправильно, я никогда никого не назначал на высокие должности, такие как занимал Мильднер.

Спроси Мильднера об этом до трибунала, он бы подтвердил это. Видимо, его об этом не допрашивало обвинение. В случае назначения сотрудника для полиции безопасности и СД, меня просто спрашивали и уведомляли в каждом случае назначения функционера полиции безопасности и СД, потому что как инспектор СД и службы безопасности он должен был иметь в таком качестве сильный разведывательный отдел, то есть, отдел управлений III и IV, которые находились в моем ведении, что касалось разведывательной службы для того, чтобы как начальник разведывательной службы я должен был знать, кто был инспектором отдела в Вене, Касселе или в Копенгагене. Позднее он также должен был получать мои разведывательные приказы для своих групп. Только по этой причине меня должны были уведомлять о таких назначениях. В рамках моей компетенции не находилось назначении ни одного сотрудника Зипо; то есть определенно возникает неправильная интерпретация этих письменных показаний доктора Мильднера.

В ответ на вопрос 2, если сказано, что в своей должности в Хемнице и Катовице, в 1939 и 1941 гг., он должен был перевозить заключенных в Аушвиц для заключения и казни, тогда, в первую очередь, это попадает на период до того, как я получил должность, и во–вторых, это было чисто оперативное мероприятие тех служб, за которые я никогда не был ответственным и никогда не принимал. Следовательно он, никогда не мог действовать как мой заместитель.

Что касается вопроса номер 3, здесь обвинение вменяет ему:

> «…что «военно-полевой суд» Гестапо часто собирался в Аушвице и вы иногда присутствовали на процессах над заключенными; - другими словами, что он присутствовал при казнях – «что в 1942 и снова в 1943 руководствуясь приказами группенфюрера Мюллера…комендант Аушвица показывал вам» - то есть Мильднеру – «установки по уничтожению; что вы были знакомы с установками по уничтожению в Аушвице поскольку вы отправляли евреев со своей территории в Аушвиц для казни».

По моему мнению, меня можно инкриминировать только в одном пункте. Вопрос это: «Однажды Мильднер, в 1943 году, видел такие установки или он присутствовал при расстрелах?» Прежде всего, обвинение не показывает состоялось ли это «однажды» до или после моего вступления в должность.

Кауфман: Пожалуйста, вы будете более кратким и более конкретным.

Кальтенбруннер: Извините, доктор, но я должен опровергнуть каждое слово.

Председатель: Доктор Кауфман, мы не хотим, чтобы свидетель спорил о документе. Если ему есть, что–нибудь сказать о фактах, тогда он может сделать это, но не спорить о нём.

Кауфман: Да, я тоже так считаю.

[*Обращаясь к подсудимому*]: Я спрашиваю вас – в особенности важным и инкриминирующим пунктом, мне кажется, вопрос номер 3; объясните, если сможете, я читаю: «…все приказы об арестах…» - и т.д. – «отдельных казнях из РСХА»; и затем: «Был регулярный канал от Гиммлера через Кальтенбруннера к Мюллеру, до коменданта концентрационного лагеря?» И затем ответ: «Да».

Пожалуйста, отвечайте кратко.

Кальтенбруннер: Я уже объяснял сегодня, что полномочия и власть о приказах по экзекуциях оставалась лишь в небольшой степени у министра юстиции, и у Гиммлера. Больше никто во всем Рейхе не имел возможности или полномочий приказывать об этом. Далее, несмотря на официальные каналы – Гиммлер, Кальтенбруннер, Мюллер – такой приказ от Гиммлера мне никогда не передавали; эти приказы должны были идти от Гиммлера к Мюллеру. Задавать такой вопрос Мильднеру неправильно по той единственной причине, что человек не находился со мной и не может знать получал ли я когда-нибудь такой приказ от Гиммлера. Это лишь вывод, который он делает, из обычной организационной схемы.

Кауфман: Это в дальнейшем вопрос защиты, вам не нужно говорить об этом.

Председатель: Вы не посмотрели на слова. То о чём его спросили: «Был регулярный канал…? Это вопрос. Что за регулярный канал существовал для приказов Гиммлера вам и Мюллеру?

Кальтенбруннер: Ваша светлость, я уже объяснял вопрос о том, как Гиммлер сам руководил компетенцией. Просто подумайте об июне 1942, о смерти Гейдриха. С этого дня – это письменный приказ, объявленный публично - Гиммлер принял всё РСХА и принял все обязанности которые имелись у Гейдриха. В январе 1943 я был назначен начальником РСХА, после этого было объявлено о том, что исполнительная власть и компетенция по государственной полиции и криминальной полиции остаются у Гиммлера, не должно было быть никаких изменений, и начальники управлений IV и V, Мюллер и Нёбе, продолжали непосредственно подчиняться Гиммлеру. По этой причине организационная схема, существовавшая при Гейдрихе больше не применялась для управлений IV и V, когда я вошёл в состав.

Кауфман: Итак, вопрос 3–а: Здесь сказано: «Доктор Кальтенбруннер знакомился с условиями в концентрационных лагерях?» Здесь также просто не объясняется что имелось в виду под «условиями» в концентрационных лагерях, но наиболее вероятно следует интерпретировать, что это такие условия о наличии которых знали свидетели. Свидетель сказал: «Да».

Кальтенбруннер: Доктор Кауфман, вы упускаете очень важное, последнее

предложение, по вопросу номер 3. Здесь обвинение спрашивает: «ФВХА надзирало за всеми концентрационными лагерями в администрации, использовании рабочей силы и поддержании дисциплины?» Это предложение огромной важности по следующим причинам: обвинение стремится переложить всю вину за уничтожение человеческой жизни с ФВХА на РСХА, и если высокий трибунал хочет установить правду…

Председатель: Минуточку. Это снова длинная оспаривающая речь. Мне кажется по вопросу 3–а, единственный вопрос который возникает это: Состоялось совещание между Кальтенбруннером, Полем и начальником концентрационных лагерей? Если он говорит, что нет, тогда это ответ который он даёт на письменные показания, это лишь вопрос факта.

Кауфман: Да, это не было вопросом, я тоже так считаю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста отвечайте «да» или «нет» на вопрос который я вам задал. Такие совещания между Полем, Мюллером и вами проходили?

Кальтенбруннер: Я никогда не имел совещаний с Полем и Мюллером. Я должен был иметь полугодовые совещания с Полем, потому что Поль как начальник ФВХА, был министром финансов всех СС и полиции и фонды для всей моей разведывательной службы должны были поступать от Поля постольку поскольку рейхсминистерство финансов не предоставляло их для всего штата.

Кауфман: Итак, пожалуйста, ответьте на дальнейший вопрос: Кто был ответственным за управление концентрационными лагерями, общее обращение, продовольствие, и т. д.?

Кальтенбруннер: Вся компетенция и юрисдикция в концентрационных лагерях, с момента перехода заключенным ворот концентрационного лагеря до его освобождения или его смерти в концентрационном лагере или – третьей возможности – окончания войны, когда его освобождали, оставалась исключительно у ФВХА.

Кауфман: Итак, ещё один вопрос для полной ясности. Я полагаю, что эти вещи находились исключительно под юрисдикцией ФВХА, которое не имело никакого отношения к РСХА. Но это правильно, не так ли, что лишь в результате мер секретной полиции – принятием приказов о превентивном заключении – могло осуществляться заключение в этих лагерях. Я лишь хочу чётко определить эти границы.

Кальтенбруннер: Нет сомнения в том, что это правильно в отношении отдельных заключенных на основании отдельных приказов о превентивном заключении, которые, как уже сказал, я признаю, были частично основаны на незаконных поводах. Однако, большая часть арестов не производилась по приказам от РСХА, но поступала из оккупированных территорий – и откуда они прибывали, например, крупные транспорты которые Фихте упоминал в первом документе.

Кауфман: Но тогда, несомненно, такие ведомства ответственные за аресты: отделения Гестапо или главы региональных управлений Гестапо.

Кальтенбруннер: Нет, не только они.

Кауфман: Но они принимали участие?

Кальтенбруннер: Не, не только они. Одним способом ареста был приказ о превентивном заключении Гестапо, ещё одним приказ о превентивном заключении от Крипо или судов.

Кауфман: Итак, следующее заявление. Пожалуйста, вы сделаете заявление по вопросу номер 5, акции в Дании?

Председатель: Вы уже разобрались с вопросом номер 4?

Кауфман: Еще нет, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я пройду вопрос номер 4. «Это не факт, что в июле или августе 1944 командирам был отдан приказ… Гиммлером через Кальтенбруннера, как начальника… о том, что военнослужащих всех англо–американских групп коммандос следовало передавать Зипо от вооруженных сил?»

Господин председатель, я хотел всесторонне разобраться с этим вопросом позднее и посредством документов, но если вы желаете, я могу заняться им сейчас.

Председатель: Меня не волнует, как вы рассмотрите его. Я думал вы прошли с ним документ.

Кальтенбруннер: Высокий трибунал, возможно я могу ответить на это прямо сейчас? Ответ на вопрос самый простой. Само обвинение, из документа, в совершенно другой форме, обвиняет в том, что государственная полиция инкриминировала себя путём фальсификации фактов. В этом документе обвинения говорит о том, что Мюллер даёт одобрение, но здесь лицо давшее показание сказало: «отданного… Гиммлером через Кальтенбруннера как начальника Зипо и СД». И этот документ, насколько я помню – я не знаю номер – подписан Мюллером.

Кауфман: Я представлю вам документ. Это документ PS-1650, экземпляр USA–246. Документ озаглавлен, «Управление Гестапо, Кёльн; отдел Аахен». Это телетайп и датирован: «4 марта 1944; совершенно секретно»:

> «Предмет: Меры против сбежавших военнопленных, которые являются офицерами или неработающими сержантами, за исключением британских и американских военнопленных».

Председатель: Конечно, это не имеет к этому никакого отношения. Это документ от марта, а документ, на который ссылается вопрос относится к июлю или августу.

Кауфман: Я не слышу.

Председатель: Документ, который вы сейчас предъявили, документ в марте 1944. Вопрос номер 4 относится к документу июля или августа 1944.

Кауфман: Июля или августа 1944? Ваша честь у меня нет такого документа. Возможно, подсудимый может рассказать нам о том, существовал ли такой приказ

Гиммлера и передавался ли им такой приказ Гиммлера – «да» или «нет».

Кальтенбруннер: Я впервые услышал здесь о существовании такого приказа. Мне кажется это ошибка со стороны обвинения, что вопрос был задан Мильднеру об июле или августе. Мне кажется, обвинение имеет в виду документ от 4 марта 1944.

Кауфман: Значит вы говорите, что этот приказ от июля был вам неизвестен?

Кальтенбруннер: Я не знал о таком приказе как и не знал о нём во время своего пребывания в должности.

Председатель: Доктор Кауфман, совершенно очевидно, не так ли, что документ, на который вы ссылаетесь вообще не имеет никакого отношения к вопросу, потому что этот документ от марта касается мер подлежавших принятию против захваченных, бежавших военнопленных офицеров или сержантов, за исключением британских и американских военнопленных. Вот, что это за документ.

Кауфман: У меня нет документа от июля или августа 1944.

Председатель: Я вообще не знаю, есть ли документ от июля или августа 1944. Я говорю вам о том, что тот документ который вы сейчас предъявили свидетелю – от марта 1944 – не может быть документом, относящимся к вопросу номер 4, так как он касается совершенно другого вопроса.

Кауфман: Да. Вы правы, ваша честь. Господин председатель, мне кажется я могу объяснить это. Я полагаю, что показания свидетеля относятся к так называемому приказу коммандос Гитлера от 18 октября 1942, и что здесь подразумевается результат этого приказа. Мне кажется это так.

Председатель: Полковник Эймен, вы можете сказать трибуналу, обвинение, задавая этот вопрос, представляя его, ссылалось на документ от марта 1944, или же оно ссылалось на документ от июля или августа 1942?

Эймен: Ваша светлость, мы не ссылались ни на один документ который предъявили свидетелю. Но поскольку с того времени мы подтвердили другим документом, который я думаю, есть здесь на столе – ссылаясь на тот же самый документ или документ от той же даты. Итак, свидетель чувствует, что документ уничтожали после прочтения. Но то, что такой приказ видимо существовал вытекает из другого документа, который есть здесь у нас, но вообще не поступил трибуналу. Другими словами, этот документ впервые затронул сам свидетель.

Председатель: Но документ от марта 1944 на который ссылался доктор Кауфман, имеет к нему какое-то отношение?

Эймен: Это не документ и вообще не имеет к этому никакого отношения.

Кауфман: Ваша честь тогда я перейду к следующему вопросу?

Председатель: Да.

Кауфман: Это вопрос о преследовании евреев в Дании. Вы сделаете об этом заявление?

Кальтенбруннер: Только заявление в письменных показаниях Мильднера которое вы зачитали этим утром правильное.

Кауфман: Такое ваше заявление?

Кальтенбруннер: Я никогда не имел никакого отношения к вывозу евреев из Дании. Такой приказ мог бы отдать только Гиммлер; и то, что это был прямой приказ, отданный Гиммлером, подтвердил Мильднер.

Кауфман: Пункт в) вопроса номер 5 говорит: «Что вскоре после вашего возвращения в Копенгаген вы» - то есть свидетель Мильднер - «получили прямой приказ Гиммлера направленный через Кальтенбруннера как начальника…»

Кальтенбруннер: Я никогда не имел приказа подобного этому проходившем через мои руки и никогда не получал такого приказа от Гиммлера. Это также совершенно невозможно, потому что Дания имела собственного высшего руководителя СС и полиции, который был там прямым представителем Гиммлера, и который подчинялся непосредственно ему, а не РСХА. Этот высший руководитель СС и полиции был в то же время командиром Зипо. Организационно я не мог отдать такой приказ в Данию.

Кауфман: В вопросе номер 6 спросили: «Это не факт, что акция зондеркоманды Эйхмана не была успешной; что Мюллер приказал вам» - то есть Мильднеру – «подготовить доклад… напрямую начальнику Зипо и СД, Кальтенбруннеру?»

Свидетель Мильднер ответил на это утвердительно. Такой доклад из Дании вам известен?

Кальтенбруннер: Я не только не знаю о таком докладе, но и точно знаю– я говорил с Гиммлером не раз, а дюжину раз об этом – что он получал каждый доклад от Эйхмана напрямую, во многих случаях без информирования Мюллера.

Кауфман: Тогда позвольте нам перейти к письменным показаниям Хоттля. Насколько я могу понять там нет никаких важных изменений по сравнению с письменными показаниями данными мне. Высокий трибунал желает, чтобы я поставил вопросы по этому предмету?

Тогда позвольте нам перейти к вопросу номер 5б). Там сказано:

> «Мне известно, что приказы о направлении в концентрационные лагеря и последующем освобождении поступали из РСХА. Мне неизвестно, что все такие приказы исходили из РСХА. Мне неизвестно о приказах о казнях из РСХА».

Что вы можете об этом сказать?

Кальтенбруннер: Приказы об экзекуциях могли бы только поступать через РСХА, когда Гиммлер приказывал Мюллеру переслать эти приказы. Но мне кажется, что это такое имело место только в нескольких изолированных случаях и по большей части после того как Мюллер информировал Гиммлера о том, что суд вынес приговор.

Кауфман: Господин председатель, подсудимый несколько минут назад попросил меня сделать заявление относительно документа PS-1063, который мы обсуждали. Он оспаривал свою подпись, мне кажется, что он желает теперь сказать, что это его

подпись. Это документ от РСХА от 26 июля 1943. Вам нужен документ?

Председатель: Доктор Кауфман, это PS-1063? У вас есть оригинал?

Кауфман: У меня есть только фотокопия, не оригинал ваша честь.

Председатель: Что же, в чем заключается вопрос?

Кауфман: [*Обращаясь к подсудимому*] Вы готовы?

Кальтенбруннер: Да. Есть ошибка с вашей стороны, доктор Кауфман. Я не оспаривал свою подпись, а заявил о том, что я должен был полагать, что я получил сведения об этом приказе только после его опубликования, и что подлинный приказ предположительно не содержал моей подписи. Вот что я сказал. Но сейчас я помню, в связи с указанием «удостоверившего сотрудника», что это видимо был приказ, подписанный мной в подлиннике.

Кроме того я помню из первых нескольких слов распоряжения: «Рейхсфюрер СС одобрил…» и т. д., что этот приказ был основан на личном докладе, который я должен был сделать Гиммлеру, и что этим докладом – я обращаю ваше внимание на дату 24 июля 1943 – я видимо предпринял первую попытку смягчить или облегчить условия, а именно, чтобы в таких делах, по которым соответствующих людей должны были отправлять в концентрационные лагеря, в небольших делах больше не отправляли в концентрационные лагеря, а в лагеря трудового перевоспитания, и что должна была быть разница между концентрационными лагерями и лагерями трудового перевоспитания. Поэтому, по моему мнению, это являлось результатом моей первой попытки противодействовать системе концентрационных лагерей.

И в–третьих, я хочу отметить, что данное распоряжение содержит номер IIс и соответственно это не распоряжение, которое исходило от исполнительных ведомств полиции, таких как государственная полиция или Крипо, а от административного уровня.

Кауфман: Этого объяснения достаточно.

Обвинение считает вас ответственным за помещение политически и расово нежелательных лиц в концентрационные лагеря. О скольких концентрационных лагерях вам стало известно после вашего назначения начальником РСХА?

Кальтенбруннер: Ко времени своего назначения я знал о трёх концентрационных лагерях. В конце своей работы было 12 во всем Рейхе.

Кауфман: Сколько всего вообще?

Кальтенбруннер: Было тринадцать. Был тюремный лагерь СС рядом с Данцигом. Всего тринадцать концентрационных лагерей во всем Рейхе.

Кауфман: Как вы можете объяснить схему, которую вы видели ранее с множеством красных точек, которые предполагаются как концентрационные лагеря?

Кальтенбруннер: Такое представление безусловно вводит в заблуждение. Я видел эту схему вывешенную здесь. Все центры вооружений, фабрики и т.д., в которых заключенные из концентрационных лагерей использовались для работы должно

быть охарактеризовали как концентрационные лагеря. Я не могу по-другому объяснить эту россыпь красных точек.

Кауфман: Вы делаете разницу между небольшими лагерями и обычными концентрационными лагерями, если так, почему?

Кальтенбруннер: Разница самая очевидная по следующим причинам: любой рабочий, который работал в промышленности вооружений – то есть, каждый заключенный – работал на таком же предприятии, на такой же фабрике, что и остальные немецкие или зарубежные рабочие. Разница заключалась просто в том, что немецкий рабочий в завершении рабочего дня возвращался к своей семье, в то время как заключенный трудового лагеря должен был возвращаться в лагерь.

Кауфман: Вас обвинили в создании концентрационного лагеря Маутхаузен, и том, что вы непрерывно посещали лагерь. Свидетель Хёлльригель, который давал здесь показания, сказал, что он видел вас в лагере. Он также заявляет, что видел вас инспектирующим работавшие газовые камеры. Есть письменные показания Цюттера, которые уже упоминались сегодня и который заявил, что видел вас в концентрационном лагере Маутхаузен. Из этого обвинение заключает, что вы, также, должны были точно знать об условиях, которые ниже человеческого достоинства. Я спрашиваю вас сейчас, эти показания правильные или нет? Когда вы инспектировали эти лагеря, и что вы там наблюдали?

Кальтенбруннер: Показания ошибочные. Я не создавал никаких концентрационных лагерей в Австрии, где я находился до 1943. Я не создал ни одного концентрационного лагеря в Рейхе с 1943 и далее. Каждый концентрационный лагерь в Рейхе, как сегодня известно, и точно подтвеждается, создавался по приказам Гиммлера Полю. Это также относится– и я желаю подчеркнуть это – к лагерю Маутхаузен. Не только австрийские власти были исключены из создания лагеря Маутхаузен, но они были неприятно удивлены, потому что концепция концентрационных лагерей в таком смысле была неизвестной в Австрии, как и не было необходимости создания концентрационных лагерей где–нибудь в Австрии.

Кауфман: А теперь, в Германии, в самом Рейхе?

Кальтенбруннер: Что вы имеете в виду?

Кауфман: Я спрашиваю относительно ваших сведений об условиях там.

Кальтенбруннер: Я постепенно слышал больше и больше об условиях в концентрационных лагерях. Видимо, я должно быть слышал об этих вещах путем разведывательной службы всего Рейха и её новостных каналов о внутренней политике.

Кауфман: Вы не видели, как свидетельствовал Хёлльригель, газовых камер в действии?

Кальтенбруннер: Никогда, ни во время их работы, ни в любое другое время я не видел газовой камеры.

Председатель: Вы слишком торопитесь. Делайте паузы между вашими вопросами

ответами и не говорите слишком быстро. Он сказал о том, что он постепенно от разведки, услышал о концентрационных лагерях в Рейхе. Правильно?

Кауфман: Да.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы постепенно услышали об условиях в концентрационных лагерях, это то, что вы сказали, не так ли?

Кальтенбруннер: Да.

Кауфман: Вы вспоминаете мой последний вопрос?

Кальтенбруннер: Нет.

Кауфман: Видели ли вы газовые камеры в действии?

Кальтенбруннер: Да, я уже ответил, что никогда не видел газовой камеры, ни в действии, ни в любое другое время. Я не знал о том, что они существовали в Маутхаузене и свидетельства об этом совершенно ошибочные. Я никогда не ступал в лагерь задержанных в Маутхаузене – то есть в сам концентрационный лагерь. Я бывал в Маутхаузене, но в трудовом лагере, не в лагере для задержанных. Весь комплекс Маутхаузена, насколько я помню сегодня, охватывал территорию в 6 километров. Внутри этой территории было пространство возможно 4 ½ или 5 километров трудовых лагерей. Там крупнейшие гранитные каменоломни в Австрии, и ими владел город Вена.

Кауфман: Здесь показывали фотографию, демонстрирующую вас вместе с Гиммлером и Цирайсом.

Кальтенбруннер: Я сейчас перехожу к этому. Каменоломни принадлежали городу Вена. Город Вена имел жизненно важный интерес, не исключая поставки гранита, который использовался для мощения улиц Вены. Итак, согласно закону Рейха, как я узнал позднее, эту крупную каменоломню ФВХА экспроприировало у города Вены – Полем – и город Вена был исключен из поставок гранита на некоторое время. Итак, город попросил меня, чтобы я обратился в связи с этим к Гиммлеру. Случилось так, что Гиммлер посещал и инспектировал южную Германию и решил посетить Австрию и Маутхаузен, и я попросил встретиться с ним там. Таким образом, получилось, что я был с Гиммлером в каменоломне. Фотографировался я тогда или нет, я не знаю. Я не видел фотографию и не могу сказать, я ли на ней.

Я могу добавить кое–что еще. Ни тогда, ни в любое другое время Гиммлер никогда не брал меня в концентрационный лагерь или предлагал это сделать, как я позже узнал, у него были определенные причины это не делать. Я бы никогда не присутствовал на такой инспекции, так как я очень хорошо знал, что он бы, как он делал с другими кого он приглашал на такие визиты, показал бы мне «потемкинские деревни», а не такие условия как они есть и, за исключением кучки людей в ФВХА, никому другому не позволяли видеть вещи какими они были на самом деле в концентрационных лагерях.

Кауфман: Итак, могу я вас спросить – вы говорите о кучке людей – вы не принадлежали к этой группе?

Кальтенбруннер: Нет, не относился. Этой кучкой людей были Гиммлер, Поль, Мюллер и Глюкс, и коменданты лагерей.
Кауфман: Что касается лагеря Маутхаузен, есть документ по которому мы хотим узнать ваши взгляды. Документ номер PS-1650, который уже приобщили, датированный 4 марта 1944, так называемый приказ «Пуля». Это касается лагеря III:

> «Меры против пойманных военнопленных являющихся офицерами и неработающими сержантами, за исключением британских и американских военнопленных».

Содержание данного документа известно трибуналу. Мне не кажется, что мне нужно его читать. Подсудимый Кальтенбруннер сделает заявление, о том были ли известны ему факты.
Председатель: Я не услышал ссылку на него, на номер.
Кауфман: Документ PS-1650, экземпляр USA–246.
Председатель: Возможно, сейчас хорошее время прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Пристав: С позволения трибунала сообщаю, что подсудимый Геринг отсутствует с данного заседания суда.
Кауфман: У вас есть документ PS-1650, и вы прочли его?
Кальтенбруннер: Да, я прочел его.
Кауфман: Это, как подчеркивают известное распоряжение о «Пуле». Когда вы услышали об этом?
Кальтенбруннер: Я не знал о самом распоряжении, это должно было быть распоряжение принятое задолго до того, как я получил должность. Также я не видел копии телетайпа которую мне здесь вручили.
Кауфман: Я обращаю ваше внимание на подпись, которая гласит: «Мюллер».
Кальтенбруннер: На самом деле, человек имел право подписать такое распоряжение если оно фактически существовало. Но я услышал – это я хочу добавить – во время 1944–1945 от связного между Гиммлером и Гитлером по имени Фегелейн[192], когда я докладывал в ставке, которая тогда уже находилась в Берлине, я услышал название распоряжение о «Пуле», что для меня было абсолютно странной концепцией. Поэтому я спросил, что это означало. Он ответил, что это был приказ фюрера и что он не знал большего чем то, что слышал об этом как о специальном приказе о военнопленных.

Меня не удовлетворил такой ответ и поэтому, в тот же день, я отправил сообщение по телетайпу Гиммлеру, в котором я просил его проверить приказ фюрера, который назывался распоряжение «Пуля». Тогда я также не знал, что это

192 Герман Фегелейн (1906 — 1945) — немецкий военный деятель, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС (1944), зять Евы Браун. Расстрелян в последние дни войны по приказу Адольфа Гитлера.

распоряжение «Пуля» касалось государственной полиции.

Затем, несколько дней спустя, Мюллер пришёл ко мне по поручению Гиммлера, и передал мне для ознакомления распоряжение, которое, однако, пришло не от Гитлера, а от Гиммлера, в котором Гиммлер заявлял о том, что он передавал мне устный приказ фюрера. Ссылаясь на это, я ответил Гиммлеру, что заметил в этом указе фюрера нарушение самых элементарных принципов Женевской конвенции, хотя это происходило задолго до того как я получил должность и до этого были другие нарушения. Я попросил его вмешаться у фюрера, и приложил к этому письму проект письма Гиммлера к Гитлеру, просивший фюрера (а) отменить этот указ, и (б) в любом случае, снять с подчиненных ведомств груз моральной ответственности.

Кауфман: Каким был результат?

Кальтенбруннер: Результат был положительным. Хотя распоряжение о «Пуле» и множество других печальных приказов не были отменены, он был позитивным, постольку поскольку в феврале 1945 Гитлер впервые разрешил мне связаться с Международным красным крестом, акцию которую раньше строго воспрещали.

Кауфман: Эта акция в связи с Красным крестом была инициирована вами, и эта акция ссылалась на инспекцию концентрационных лагерей?

Кальтенбруннер: В этой связи я должен ответить и «да» и «нет», она возникла по просьбе Красного креста и его президента, Буркхардта[193], о немедленном и прямом контакте. Я хочу сказать, совпала попытка обеих сторон.

Но пожалуйста, не поймите меня неправильно. Помимо этого, были, конечно, многочисленные попытки – я бы даже сказал за спиной Гитлера – связаться с Красным крестом, в связи с чем я обращаю внимание на пример постоянных контактов с ним министерства иностранных дел.

Кауфман: Если я правильно понял, вы хотите привести запрос о визите профессора Буркхардта посетить концентрационные лагери, в качестве смягчающего вас обстоятельства.

Кальтенбруннер: Да, конечно, но я хочу подробнее поговорить об этом потом, потому что сейчас рано.

Кауфман: Обвинение заявило, что во время нахождения вас в должности были созданы два концентрационных лагеря, Люблин[194] и Герцогенбуш[195]. Вы слышали, об этом что–нибудь? Кто приказал создать эти два лагеря?

Кальтенбруннер: Я не знаю дат создания этих двух лагерей. Один в Люблине и

193 Карл Буркхардт (1891 — 1974) — швейцарский дипломат и историк. Знаменит не только академическими историческими исследованиями, но и дипломатической работой, прежде всего в качестве Верховного комиссара Лиги Наций при обсуждении вопросов по Вольному городу Данцигу (1937-39) и президента Международного комитета Красного Креста (1945—1948).

194 Майданек — лагерь смерти Третьего рейха на окраине польского города Люблина.

195 Герцогенбуш — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся в Нидерландах в городе Вюгт близ Хертогенбоса, столицы Северного Брабанта, с января 1943 по сентябрь 1944. В нём размещалось примерно 31 000 заключённых: бойцы Сопротивления, евреи, цыгане, гомосексуалисты, свидетели Иеговы, спекулянты, бродяги, заложники, среди них были мужчины, женщины и дети.

другой в Герцогенбуше подчинялись через канал ФВХА высшему руководителю СС и полиции оккупированных стран в которых они располагались, таким образом, главные управления в Берлине не имели к ним никакого отношения.

Кауфман: Итак, ответьте, пожалуйста, на этот вопрос «да» или «нет»: вам известно как таковом, о концентрационном лагере Аушвиц?

Кальтенбруннер: Нет, я не знал о нем до ноября 1943.

Кауфман: Одновременно с тем как вы узнали о существовании лагеря, вас проинформировали о значении лагеря, а именно о том, что он был исключительно лагерем для уничтожения евреев передаваемых Эйхманом?

Кальтенбруннер: Нет, как о таковом об этом об этом никто не мог знать, так как на вопрос заданный Гиммлеру: «Почему там создан такой большой лагерь?» - его ответом всегда было: «Потому что рядом крупные производства вооружений» И я думаю, он упоминал затем Витковице и остальные.

Во всяком случае – и я думаю, это следует подчеркнуть – существовала такая полная секретность относительно происходившего в Аушвице, что заявления не только подсудимых, но и любого другого кого могли спросить американцы: «Вам известно об этом?» должны предполагать отрицательные ответы.

Кауфман: Самые жестокие эксцессы связаны с этим лагерем Аушвиц. Этот концентрационный лагерь находился под духовным руководством печально известного Эйхмана. Итак, я спрашиваю вас: когда вы познакомились с Эйхманом?

Кальтенбруннер: Я познакомился с Эйхманом в своем родном городе Линце. Обвинение заявило – и сегодня пыталось установить из письменных показаний – что я был другом, или по крайней мере близким знакомым Эйхмана. Я хочу сделать об этом следующее заявление в частности ссылаясь на свою присягу. У меня другая концепция близкого знакомства или даже дружбы.

Я узнал о существовании Эйхмана в Линце, потому что его отец, как директор электромонтажной компании в Линце, консультировался с моим отцом как адвокатом, и таким образом они знали друг друга; и потому что, он, сын своего отца, посещал ту же школу, в которую ходили мои братья.

Поэтому, заявление Хоттля о том, что я встретил Эйхмана в отряде СС в Линце ошибочное, потому что, когда я вступил в СС, Эйхман уже бежал в Германию, о чем я узнал позднее.

Во–вторых, обвинение заявляет, что я встретил того же Эйхмана впервые в 1932, и второй раз в феврале или марте 1945. Следовательно, я не видел его 13 лет и после последней встречи я никогда его снова не видел.

На основании этих двух личных встреч, я могу сделать вывод, что я не были ни его другом, ни то, что мы были близко знакомы. Это правда, что при второй встрече он обратился ко мне и сказал: «Обергруппенфюрер, моё имя Эйхман, я тоже выходец из Линца». Я сказал: «Рад вас встретить. Как дела дома?». Но официального контакта не было.

Кауфман: Свидетель Ламмерс вчера заявил о том, что в РСХА состоялось совещание относительно так называемого «окончательного решения». Вы знали об этом?

Кальтенбруннер: Нет. Я думаю, что свидетель Ламмерс, и также другой свидетель, заявили что Эйхман, возможно от моего имени, созвал встречу в РСХА в Берлине в течение февраля или марта 1943, на так называемое совещание начальников управлений. Я должен сказать на это, что, номинально я приступил к обязанностям в Берлине с 30 января, но фактически до мая, я не находился в Берлине, за исключением нескольких официальных визитов, а в Вене, где я расширял свою разведывательную службу для того, чтобы перевести её в Берлин.

Кауфман: Ещё один вопрос об этом. Когда вы впервые услышали, что лагерь в Аушвице был лагерем уничтожения?

Кальтенбруннер: Гиммлер рассказал мне об этом в 1944, в феврале или марте. То есть, он не рассказал мне, он признал это.

Кауфман: Каким было ваше отношение после осведомления об этом?

Кальтенбруннер: Я не расслышал вопрос.

Кауфман: Какое отношение вы заняли после того как услышали об этом?

Кальтенбруннер: Когда я вступал в должность, я не знал о приказе Гитлера Гейдриху относительно окончательного решения еврейской проблемы. Летом 1943 я узнал из зарубежной прессы и от вражеского радио…

Председатель: Это не ответ на ваш вопрос. Вы спросили его о том, что он делал, когда узнал, что Аушвиц был концентрационным лагерем. Он начал произносить длинную речь о Гейдрихе. Вы спросили про его отношение. Я предполагаю, вы подразумевали о том, что он делал, когда впервые услышал о том, что Аушвиц был лагерем уничтожения, в феврале или марте 1944. Сейчас он рассказывает длинную историю о чем–то связанном с Гейдрихом.

Кауфман: Пожалуйста, попытайтесь дать мне прямой ответ на этот вопрос. Каким было ваше отношение, после услышанного вами? Пожалуйста отвечайте кратко и сжато.

Кальтенбруннер: Сразу же после получения сведений о данном факте, я боролся, также как и прежде, не только против окончательного решения, но также против такого типа обращения с еврейской проблемой. По этой причине я хотел объяснить, как через свою разведывательную службу я ознакомился с еврейской проблемой в целом, и что я предпринимал против этого.

Председатель: Мы все еще не знаем, что он сделал…

Кауфман: Что вы делали? Я спрашиваю последний раз.

Кальтенбруннер: Для того, чтобы объяснить, что я делал, сейчас я должен объяснить, также как должен рассказать вам о том, что я об этом услышал.

Кауфман: Просто объясните нам вашу реакцию.

Кальтенбруннер: Сначала я протестовал Гитлеру и на следующий день Гиммлеру.

Я не только обращал их внимание на моё личное отношение и мою совершенно иную концепцию, которую я принес из Австрии, и из своих гуманитарных принципов, но немедленно, с первого дня, я завершал практически каждый доклад об обстановке вплоть до самого конца, говоря о том, что ни одна враждебная держава не будет вести переговоры с Рейхом виновным в этом. Эти доклады я представлял Гиммлеру и Гитлеру, в особенности, указывая также на то, что разведывательному сектору нужно было создать атмосферу для переговоров с противником.

Кауфман: Когда прекратилось преследование евреев?

Кальтенбруннер: Октябрь 1944.

Кауфман: Вы хотите сказать, что это было результатом вашего вмешательства?

Кальтенбруннер: Я твердо убежден, что в основном из–за моего вмешательства, хотя ряд других лиц также работали в таком же направлении. Но я не думаю, что есть кто–то ещё прожужжавший все уши Гиммлеру при каждой встрече с ним или кто–нибудь, говоривший настолько открыто и откровенно и с таким самопожертвованием с Гитлером как делал я.

Кауфман: Это указание Эйхману было указанием, которое поступило от Гитлера и Гиммлеру в РСХА и затем к Эйхману, или строго личным приказом вне компетенции РСХА?

Кальтенбруннер: Естественно я сегодня могу только восстановить ситуацию, поскольку не находился там, когда отдавали эти приказы, но у меня есть причина полагать, что каналами для этого приказа были: Гитлер, Гейдрих, Эйхман, и что Гиммлер, вскоре после смерти Гейдриха, продолжил работать с Эйхманом, и возможно очень часто даже исключал Мюллера.

Кауфман: Свидетель Вислицени, которого допрашивали здесь – и я собираюсь предъявить это вам – заявил 3 января о том, что практически окончательное решение осуществлялось между апрелем 1942 и октябрем 1944. Вислицени ссылался на личный приказ от Гиммлера и заявлял далее, что Эйхману лично поручили эту задачу. Но он продолжал говорить: «Уничтожение евреев продолжалось при Кальтенбруннере без какого-либо уменьшения или смягчения». Доклады, подготовленные об этом Эйхманом спустя регулярные интервалы направлялись Кальтенбруннеру через Мюллера. Говорилось, что в 1944 Эйхмана лично вызывали к Кальтенбруннеру, и Вислицени подтверждает, что видел подпись Кальтенбруннера на таких докладах Гиммлеру.

В этом заключались показания Вислицени. Теперь мой вопрос: эти показания по сути правдивые?

Кальтенбруннер: Показания ошибочные, но я могу разъяснить это. Вислицени мог однажды видеть мою подпись, не на докладе Гиммлеру, который я получил от Эйхмана и Мюллера, а на письме, которое я написал Гиммлеру, копию которого я направил Мюллеру и Эйхману для их сведения и в котором я ссылался на свой

последний доклад – устный доклад - Гиммлеру относительно еврейского вопроса. Это был первый раз, когда я услышал о деятельности Эйхмана в связи с этим, и, для того, чтобы дать Эйхману понять, что я не хочу быть связан с этой деятельностью, я заставил Мюллера вручить этому человеку копию письма Гиммлеру. В этом письме я просил Гиммлера определить своё отношение к этому, поскольку фюрер снова приказал мне доложить ему, я мог представить фюреру полный доклад о деятельности Гиммлера и поэтому хотел предварительного решения.

Кауфман: Свидетель Хёттль заявил в своих письменных показаниях о том, что он слышал от Эйхмана, что уничтожено общее число от 4 до 5 миллионов еврейских людей, приблизительно 2 миллиона из них в Аушвице. Вы слышал о каких-нибудь подобных цифрах?

Кальтенбруннер: Я никогда не слышал о таких цифрах. Но я обращался к Гиммлеру по этому поводу и спрашивал его, имел ли он понятия обо всех этих преступлениях. Причиной, по которой я задал ему этот вопрос, было то, чтобы он осознал степень катастрофы, которая надвигалась. Он ответил мне, что у него нет никаких цифр. Я этому не поверил. Мне кажется они у него были.

Кауфман: Вы хотите признать ответственность в связи с этим или отрицаете её?

Кальтенбруннер: Я должен категорически, полностью её отрицать, потому что я надеюсь, смогу подтвердить через Буркхардта, что не было никого, кто бы действовал в данном вопросе в пользу другого решения.

Кауфман: Теперь я ссылаюсь на документ, который документ R–135, экземпляр USA–289. Это письмо от рейхскомиссара для Риги датированное 18 июня 1943. Оно ссылается на акцию против евреев в минской тюрьме. Это письмо от коменданта тюрьмы, адресованное генеральному комиссару Белоруссии в Минске. Пожалуйста, вы сделаете заявление об этом документе?

Кальтенбруннер: Я могу видеть как из подписи и названия адресанта, что я не мог знать об этом письме. Я также не знаю о его содержании. Предположительно это результат, о котором лицо сообщило в июне 1943, о событиях который случились до того, как я пришёл на должность, в любом случае, оно должно ссылаться на события, которые имели место раньше и которые потребовали определенного количества времени.

Кауфман: Итак, я перехожу к следующему документу, номер D–473, экземпляр номер USA–522. Это письмо от начальника полиции безопасности и СД, датированное 4 декабря 1944. Из этого обвинение также заключает большую ответственность подсудимого Кальтенбруннера. Оно касается борьбы с преступностью среди польских и советско–русских гражданских рабочих. В качестве средств их наказания, письмо заявляет, что криминальная полиция имеет в своем распоряжении полицейский арест или перевод в концентрационный лагерь всех асоциальных или опасных заключённых. Документ имеет подпись: «Доктор Кальтенбруннер». В чём заключается ваш взгляд на это?

Кальтенбруннер: Я не вспоминаю, чтобы, когда-нибудь подписывал такое распоряжение.

Кауфман: Вы совсем отрицаете подписание этого письма? Или, если быть более точным, вы ничего не знаете о вопросе?

Кальтенбруннер: Нет.

Кауфман: Теперь я представляю документ PS-1276, экземпляр номер USA–525. Обвинение ссылалось на этот документ. Это следствие приказа от 18 октября 1942. Согласно этому, парашютисты и саботажные группы подлежат уничтожению, а коммандос следовало передавать СД. В письме с подписью «Мюллер», датированном 17 июня 1944, адресованном высшему командованию, сказано, что с такими парашютистами в британской форме должны обращаться в соответствии с приказом Гитлера. Теперь я спрашиваю вас, знали ли вы об этом документе подписанном Мюллером, датированным 17 июня 1944, и имели ли вообще какие-нибудь сведения об этом документе?

Кальтенбруннер: Я не имел никаких сведений о вопросе или об этом документе. Но я хочу сказать следующее в связи с этим: Позднее я получил сведения об этом приказе Гитлера и его основном отношении к данному вопросу. Я думаю, это было в ставке фюрера в феврале 1945; и там я, перед свидетелями, публично заявил о том, что я не только лично возражал такому обращению с солдатами и пленными, но также о том, что я отказываюсь исполнять любой подобный приказ Гитлера. Я думаю, другой подсудимый здесь вызвал свидетеля по имени Коллер[196], и прошу, чтобы вы спросили этого свидетеля, который являлся тогда начальником штаба воздушных сил о том, как я высказывал – мне кажется в присутствии Гитлера – свое отношение относительно этого вопроса, который стал мне известен впервые в 1945. Я не мог сделать большего перед самым властным и всемогущим человеком в истории Германии, который заявлял: «Тот, кто не подчиняется моим приказам, не важно какой командир, будет расстрелян». Я не мог сделать большего, чем то, что я делал, говоря в его присутствии начальнику штаба воздушных сил и другим офицерам: «Я не буду подчиняться такому приказу».

Кауфман: Теперь я перехожу к документу PS-2990, экземпляр номер USA–526. Это письменные показания свидетеля Шелленберга. Согласно им, между Кальтенбруннером и Мюллером в 1944 состоялась встреча. Кальтенбруннер предположительно заявил, что в действия населения против лётчиков-террористов не нужно вмешиваться, что, напротив, враждебное отношение населения следует поощрять. Я процитирую несколько фраз из допроса свидетеля Шелленберга от 3 января 1946, где он говорит:

> «В 1944 году по другому поводу, но также на совещании начальников управлений я услышал отрывок разговора между Кальтенбруннером и

196 Карл Коллер (1898 — 1951) — немецкий генерал авиации и начальник Генерального штаба ВВС нацистской Германии во Второй мировой войне.

Мюллером. Я совершенно ясно помню следующее замечание Кальтенбруннера. Все управления СД и полиции безопасности должны быть информированы, что в самосуд, которому подвергает английских и американских летчиков толпа, не стоит никоим образом вмешиваться. Напротив, эти враждебные настроения должны всячески поощряться».

Вам известен Шелленберг?

Кальтенбруннер: Относительно Шелленберга, я должен сказать…

Кауфман: Пожалуйста в нескольких фразах.

Кальтенбруннер: …относительно его достоверности по вопросу этого документа, что он был протеже Гейдриха, и когда я получил должность он был ответственным…

Председатель: Он хочет знать, известен ли вам Шелленберг. Вы можете ответить на этот вопрос.

Вопрос был: «Вам известен Шелленберг?». И начинает длинную речь не отвечая на вопрос.

Кауфман: Вы знали Шелленберга? «Да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Да, конечно. Он был начальником управления VI.

Кауфман: Мой вопрос: Какими были отношения между вами и начальником управления VI? Вы относитесь к этому заявлению как к правде или нет?

Кальтенбруннер: Это заявление неправда, и я хочу привести вам причины для того, чтобы трибунал мог оценить это заявление. Шелленберг был самым близким другом Гиммлера. По приказу Гимллера, он оставался с ним до последнего дня. Он человек, который от имени Гиммлера, установил контакт со шведским графом Бернадотом[197]. Он был человеком, который, в самую последнюю минуту, через господина Мюзе в Швейцарии установил связь, которая позволила немногим еврейским заключенным уйти в Швейцарию, целью чего было быстро создать благоприятное впечатление о Гиммлере и Шелленберге за рубежом. Он, это человек, который вместе с другим другом Гиммлера, начал действия по заключению соглашения с организацией раввинов в Соединенных Штатах в результате чего они должны были получить благоприятную прессу в крупных газетах Америки. Я критиковал Гиммлера за эти трюки и жаловался и разоблачал их у Гитлера, говоря, что он дискредитировал идею и Рейх, используя в таком важном вопросе методы Гиммлера и Шелленберга. Я сказал, что единственно правильным способом было бы создание контакта с Международным красным крестом. Впоследствии, я предупредил президента Буркхардта о Гиммлере, и заставил его занять другое отношение в данному вопросе, попросив Буркхардта лично посетить эти лагеря.

Кауфман: Но я задал совершенно другой вопрос.

197 Фольке Бернадот (1895 — 1948) — шведский дипломат, общественный деятель, один из руководителей Международного комитета Красного Креста.

Кальтенбруннер: Да, но я вынужден был сказать это для того, чтобы вы могли понять насколько были разочарованы Шелленберг и Гиммлер тем, что я делал, и почему он теперь заинтересован в обвинении меня, как сделано в письменных показаниях, в нарушении моего слова в международных вопросах.

Кауфман: Другими словами, вы хотите сказать, что Шелленберг находился в оппозиции вам и против вас, и этим навлекает на вас несправедливость.

Кальтенбруннер: Да.

Кауфман: Итак, в данном документе Шелленберга упоминается событие со ссылкой на этих 50 летчиков, и Шелленберг заявляет, что вы, вместе с Мюллером и Нёбе, провели совещание, и что вы пытались найти оправдание для того, чтобы скрыть настоящую правду об этих событиях от общественности. Я спрашиваю вас: Когда вы впервые услышали о расстреле этих 50 летчиков?

Кальтенбруннер: Это дело Сагана.

Кауфман: Когда вы услышали об этом? Это простой вопрос, пожалуйста.

Кальтенбруннер: Впервые это дело стало известно мне приблизительно шесть недель спустя.

Кауфман: Мой следующий вопрос: вы хотите сказать, что вы никоим образом не были вовлечены в расстрел, что напротив вы смогли гораздо позже изучить вопрос.

Кальтенбруннер: Да это я хочу сказать.

Кауфман: Вы также имеете в виду, что совещание которое рассматривал Шелленберг касалось только последующей попытке скрыть правду о вопросе.

Кальтенбруннер: Это может относиться только к этому.

Кауфман: Я перехожу к документу PS-835, экземпляр номер USA–527. Это документ также предъявлен обвинением против подсудимого. Это так называемый указ «Мрак и туман[198]», являющийся приказом Гитлера датированным 7 декабря 1941. Это выражение: «Указ «Мрак и туман», знакомо вам? Когда вы услышали о нем впервые?

Кальтенбруннер: Первый раз я услышал о нём в июне 1945 в Лондоне.

[*Документ передали подсудимому*]

Кауфман: Этот документ, который я вам представил, письмо из ОКВ, датированное 2 сентября 1944, адресованное германской комиссии по перемирию[199]. Оно подписано доктором Леманом[200], и в нем сказано:

---

198 «Ночь и туман» (нем. «Nacht und Nebel») — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и приведенная в исполнение Главнокомандующим вооруженных сил Германии Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны.

199 Имеется в виду германо-французская комиссия по перемирию созданная после подписания Компьенского перемирия в 1940.

200 Рудольф Леман (1890 – 1955) — немецкий военный юрист, начальник правового управления Верховного главнокомандования Вермахта, генералоберштабсрихтер. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения свободы.

«Согласно указам все не немецкое гражданское население на оккупированных территориях, которое угрожало безопасности и готовности оккупационных сил посредством террора или саботажа, или иным способом подлежат передаче полиции безопасности и СД».

В случае настолько важного вопроса, кажется недостоверным, что вопрос и указ «Мрак и туман» были вам неизвестны.

Кальтенбруннер: Я не имел никаких сведений и прошу дать разрешение разъяснить ситуацию. Могу я, прежде всего, сказать, что ни один документ не показывает лучшего доказательства того, что исполнительная функция ошибочно приписывалась СД. В четвёртой строчке сказано:

«…кто угрожал…или любыми другими способами подлежит передаче полиции безопасности и СД».

Прежде всего, это полная бессмыслица заявлять, что одну и ту же вещь должны были передавать двум разным ведомствам; либо это полиция безопасности или СД.

Такая ошибка в использовании немецкого языка оказалась в указе фюрера, потому что на Гейдриха, как начальника полиции безопасности и СД, сокращённо ссылались как на начальника СД, но это абсолютная ошибка. При этом, бог знает, я не пытаюсь оправдывать СД в остальных вещах, которые она, возможно могла совершать, но я хочу дать понять, что это ошибка делать из этого вывод о том, что она имела оперативные полномочия.

Кауфман: Да, но это не только вопрос СД, но также полиции безопасности.

Кальтенбруннер: Да, и поэтому я хочу сказать следующее: этот указ фюрера от 1941 года мне неизвестен. Я прошу поставить себя в мое положение. В начале 1943, я прибыл в Берлин. За исключением нескольких официальных визитов я приступил к деятельности в мае 1943. На четвертый год войны указы и приказы внутри Рейха и также в исполнительном секторе достигли тысяч и скапливались в столах и кабинетах гражданских служащих. Ни одному человек не было возможно прочитать их даже за год, и мне было совершенно невозможно, знать о существовании всех этих приказов даже будь это моим долгом. Но это вообще не было моей обязанностью.

Затем я прошу вас учитывать следующий факт: началом моей деятельности был февраль 1943. К второму февраля Сталинград сдался и крупнейшая военная катастрофа…

Председатель: Это длинная речь в ответ на вопрос о том видел ли он письмо. Он говорит, что не видел письма. Затем он начинает эту длинную речь.

Кауфман: Теперь я задаю вам вопрос: Когда вы осознали в чём заключалось значение указа «Мрак и туман» и что он означал в отношении обращения с лицами, в отношении которых принимался? Пожалуйста, дайте точный ответ.

Кальтенбруннер: Доктор Кауфман, о существовании распоряжения мне было

неизвестно. Зная я, что этот вопрос предъявят против меня, тогда бы я смог предложить свидетеля в плену в Лондоне, который может подтвердить, что даже в Лондоне я не имел понятия о его существовании. Мы разговаривали об этом в камере.

Кауфман: Таким образом, конечный результат, то, что вы не знали?

Кальтенбруннер: Да, абсолютно не ведал относительно указа.

Кауфман: Теперь я перехожу к документу PS-526, экземпляр USA–502, который использовался обвинением.

[*Документ передали подсудимому*]

Кауфман: Это ссылается на высадку вражеского катера в Норвегии 30 марта 1943. Этот доклад содержит фразу: «Приказ фюрера исполнен СД». Подпись на документе отсутствует. Он датирован 10 мая 1943. Это секретный вопрос командования и озаглавлен «Записка».

Пожалуйста, вы сделаете заявление относительно этой фразы: «Приказ фюрера исполнен СД».

Кальтенбруннер: Исполнение такого приказа фюрера мне неизвестно. Я хочу отметить, что эта записка та, что очевидно подготовлена военным ведомством относительно событий, которые произошли вскоре после получения мной должности, но до времени моего прибытия в Берлин. Я вообще не мог бы о нём знать.

Кауфман: В конце документа сказано: «Доклад вооруженных сил датированный 6 апреля 1943». Он заявляет следующее: «В северной Норвегии вражеский корабль, перевозивший саботажные войска был принужден к бою, когда приблизился к берегу и был уничтожен».

Вы знаете, что–нибудь о связи доклада вооруженных сил – насколько вы вообще о нём знали – с самим указом?

Кальтенбруннер: Нет. Конечно, я читал, ежедневно, практически каждый поступавший доклад вооруженных сил. Но по его составу я не могу определить какое-либо участие какой–либо военной службы в рамках моей сферы.

Кауфман: Теперь я перехожу к следующему документу, который предъявило против подсудимого обвинение, документ L–37, экземпляр USA–506. Это так называемая «ответственность родственников», то есть, он ссылается на преступления, совершаемые против родственников виновных лиц. Этот документ ссылается на письмо от командира полиции безопасности и СД в Радоме, датированному 19 июля 1944, согласно которому мужских родственников следовало расстреливать и женских родственников отправлять в концентрационные лагеря.

Какое ваше объяснение трибуналу со ссылкой на этот документ и вопрос в целом?

Кальтенбруннер: Доклад начинается со слов: «Высший руководитель СС и полиции Востока…» и так далее и тому подобное, и затем: «Приказал» или «принял следующий приказ».

Высший руководитель полиции Востока это ведомство, которое, как ведомство на оккупированной территории, прямо находилось в юрисдикции рейхсфюрера СС, а не какого-то центрального ведомства в Берлине. Следовательно, я не мог знать об этом приказе. Полицейские руководители на оккупированных территориях непосредственно подчинялись Гиммлеру.

Кауфман: Теперь я перехожу к следующему вменению обвинения относительно концентрационного лагеря в Дахау[201]. Существует документ, который имеет номер документа PS-3462, экземпляр номер USA–528. Это заявление гауштабсамтсляйтера Гердеса[202].

Обвинение вменяет подсудимому созерцание истребления бомбами и ядом концентрационного лагеря Дахау и прилегающих к нему лагерях в Мюльдорфе и Ландсберге. Я зачитаю несколько фраз из этого документа. Они есть на странице 2 немецкого текста, ближе к концу страницы:

> «В декабре 1944 или январе 1945 я находился в ведомстве гауляйтера Гислера[203] в Мюнхене, улица Людвига 28, и у меня была возможность узнать о секретном приказе от Кальтенбруннера. Гауляйтер Гислер в моем присутствии получил через курьера этот приказ, после чего мне разрешили прочитать его, он был уничтожен согласно пометке на документе: «Уничтожить после ознакомления». Приказ, который был подписан Кальтенбруннером грубо был сформулирован следующим образом:
>
> По согласованию с рейхсфюрером СС, я проинструктировал все высшие полицейские управления, о том, чтобы каждый немец, участвующий в будущем в преследовании и уничтожении вражеских летчиков оставался безнаказанным».
>
> Гислер сказал мне, что Кальтенбруннер находился в постоянной связи с ним, потому что он был очень озабочен настроениями иностранных рабочих и особенно заключенных в концлагерях Дахау, Мюльдорф и Ландсберг, которые находились на пути наступающих союзных армий. Во вторник в середине апреля 1945 года мне позвонил по телефону гауляйтер Гислер и просил меня, чтобы я находился на месте для переговоров ночью. Во время нашего разговора той же ночью я услышал от Гислера, что он получил директиву от

201 Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии.

202 Бертус Гердес (1912 – 1962) – немецкий деятель НСДАП и СА. Инспектор гау Мюнхен и Верхняя Бавария в 1940-1945.

203 Пауль Гислер (1895 – 1945) – немецкий политик. В 1942-1945 гауляйтер Мюнхена и Верхней Баварии. Умер от ран после попытки самоубийства.

> Кальтенбруннера, по приказу фюрера немедленно разработать план ликвидации концлагеря Дахау и двух еврейских трудовых лагерей Ландсберг и Мюльдорф. Директива предлагала ликвидировать два еврейских трудовых лагеря в Ландсберге и Мюльдорфе с помощью немецких ВВС, поскольку территория этих лагерей была в свое время объектом для многократных налетов вражеских самолетов. Эта операция называлась кодовым обозначением «Облако А-1».

Кальтенбруннер: Могу я, что-нибудь об этом сказать?

Кауфман: Сначала, пожалуйста, вам известен Гердес?

Кальтенбруннер: Я не знаю Гердеса и никогда его не видел.

Кауфман: Вам известен Гислер?

Кальтенбруннер: Последний раз я видел Гислера в 1942, в сентябре.

Кауфман: Существовал приказ Гитлера относительно уничтожения концентрационных лагерей?

Кальтенбруннер: Нет.

Кауфман: Вы приведете разумное объяснение относительно документа?

Кальтенбруннер: Дать разумное объяснение по этому документу почти по–человечески невозможно, потому что это от начала до конца выдумка и фальшивка. Я заклеймлю этот документ полной и бесстыдной ложью исходящей от Гердеса, и могу отослать вас лишь к показанию в поддержку моего заявления высшего руководителя СС и полиции, который являлся единственной компетентной властью в Баварии, барона фон Эберштайна[204], который сам назвал заявление Гердеса совершенно недостоверным. Я хочу подробно опровергнуть эти обвинения. Он говорит:

> «Во вторник в середине апреля 1945 года мне позвонил по телефону гауляйтер Гислер и просил меня, чтобы я находился на месте для переговоров ночью. – Он – раскрыл… что он получил директиву от Кальтенбруннера, по приказу фюрера» - и так далее.

В Рейхе никто не знал лучше Гитлера, кто был ответственным за концентрационные лагеря и как ему следует отдавать приказы. Он бы никогда не отдал мне такого приказа и не смог бы отдать мне его, потому что я находился, по личному приказу Гитлера в Австрии, с 28 марта по 15 апреля. Что касается времени с 10 апреля по 8 мая, когда меня пленили, включая несколько дней, когда я находился в Берлине, я могу заявить точно, где я был и что я делал, так что вопрос отдачи приказа в связи с этим невозможен. И, во всяком случае, это должно было случиться раньше, если свидетель говорит о середине апреля, что означало бы, что я должен был поговорить с Гитлером об этом до середины апреля, поскольку в

204 Карл фон Эберштайн (1894 — 1979) — высший руководитель СС и полиции «Юг» (Мюнхен; 12 марта 1938 года — 20 апреля 1945 года), высший руководитель СС и полиции «Майн» (Нюрнберг; 12 марта 1938 года — 17 декабря 1942 года), полицай-президент Мюнхена (1 апреля 1936 — 1 октября 1942 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года), генерал полиции (8 апреля 1941 года), генерал войск СС (1 июля 1944 года).

противном случае его бы не смогли попросить присутствовать на ночном совещании.

О существовании еврейских рабочих лагерей в Баварии в качестве подразделений Дахау, мне было полностью неизвестно. И я прошу вас осознать абсурдность моего способствования такому приказу в апреле 1945, когда я пытался в марте 1945 начать обсуждения с президентом Международного красного креста Буркхардтом, относительно освобождения и оказания помощи всем евреям, и когда я предпринимал все усилия, чтобы он лично присматривал за еврейскими лагерями - в чем я добился успеха.

Кауфман: У вас вообще была какая–нибудь возможность оказать влияние на германские воздушные силы в связи с этим?

Кальтенбруннер: Я также не имел возможности отдавать приказы воздушным силам - я мог только попросить начальника воздушных сил иметь их там-то и там-то, конечно в этом бы отказали, потому что вы должны понимать, что в том положении, когда каждый знал, что война подошла к концу, воздушные силы не пятнали бы свои руки таким ужасным преступлением.

Кауфман: И теперь, с разрешения трибунала, и ввиду этого ужасного обвинения, я процитирую несколько фраз из документов, потому что обвинение, также зачитывало эти фразы под протокол. Документ продолжает говорить:

> «Я был убежден, что никогда не позволю провести эту директиву в жизнь» - это говорит Гердес – «Когда готовность к этой акции «Облако А1» должна была быть завершена, продолжали прибывать курьеры от Кальтенбруннера и, более того, предполагалось, что я уже обсуждал детали этих операций в Мюльдорфе и Ландсберге с двумя районными руководителями. Курьеры, которые были, главным образом, офицерами СС, обычно унтерштурмфюрерами СС, давали мне твердые и жесткие приказы, которые я должен был читать и визировать. Эти приказы угрожали мне самыми страшными карами, в том числе казнью, если я не буду их выполнять. Однако я всегда мог найти извинение в том, что я не располагал достаточным количеством бензина и бомб для самолетов.
>
> Тогда Кальтенбруннер приказал, чтобы евреи из Ландсберга были пригнаны пешком в Дахау для включения их в операцию по ликвидации, которая должна была быть проведена в Дахау. Операция в Мюльдорфе должна была быть теперь проведена Гестапо.
>
> Кальтенбруннер издал также приказ о проведении операции «Огненное облако» в лагере Дахау, согласно которой заключенные лагеря Дахау, за исключением арийцев из западных стран, должны были быть ликвидированы ядом.
>
> Гауляйтер Гислер получил этот приказ непосредственно от

Кальтенбруннера и обсуждал в моем присутствии с доктором Хартфельдом, начальником управления здравоохранения гау, вопрос о поставке необходимого количества яда для проведения этого мероприятия. Доктор Хартфельд обещал поставить необходимое количество яда, когда это потребуется, и получил указание ждать моих дальнейших инструкций. Поскольку я не хотел допустить этих казней ни при каких обстоятельствах, я не давал никаких дальнейших инструкций доктору Хартфельду. Едва лишь заключенные из Ландсберга прибыли в Дахау, как Кальтенбруннер объявил, что операция «Огненное облако» должна быть проведена немедленно.

Я воспрепятствовал проведению этих двух операций «Облако А-1» и «Огненное облако», сказав Гислеру, что фронт слишком близко, и попросил его передать это Кальтенбруннеру.

Тогда Кальтенбруннер дал в письменном виде инструкцию в Дахау перевезти всех заключенных из Западной Европы на грузовиках в Швейцарию, а остальных отправить пешком в Тироль, где должна была быть произведена окончательная ликвидация этих заключенных».

Наверное, вы можете объяснить в нескольких словах, не вдаваясь в подробности, содержит или нет документ правду.

Кальтенбруннер: Этот документ полная неправда.

Кауфман: Полная неправда?

Кальтенбруннер: Но, доктор, у меня должна быть возможность определить свои взгляды. Мне должна быть дана возможность разъяснить подробности.

Кауфман: Вы уже определили ваше отношение. Если вам есть, что сказать в дополнение к этому, вы можете заявить об этом сейчас.

Кальтенбруннер: Мне кажется важным следующее: согласно его заявлению, во время своего пребывания в Австрии я должен был иметь дюжину курьеров. Меня сопровождали два человека, мой шофер и мой административный адъютант, его имя Шейтлер, человек который не имел никакого отношения к разведке и полиции. Нас было трое. У меня не было возможности отправить так много курьеров.

Во–вторых, что касается Баварии, мне не было необходимости проводить, какие–либо приготовления, даже под давлением Гиммлера. Почему? Так как, что касается Баварии, полномочная власть была передана обергруппенфюреру Бергеру[205], в тот же день, что я получил полномочную власть для Австрии. Так что у меня не было причины предпринимать такие действия.

205 Готтлоб Бергер (1896 — 1975) — один из руководителей СС, начальник Главного управления СС (1 апреля 1940 года — 8 мая 1945 года), государственный секретарь министерства восточных оккупированных территорий (20 августа 1943 года — 20 января 1945 года), командующий резервными войсками и руководитель службы по делам военнопленных в Германии 31 октября 1944 года — 8 мая 1945 года, начальник штаба германского фольксштурма 25 сентября 1944 года — 8 мая 1945 года, обергруппенфюрер СС (15 августа 1940 года) и генерал войск СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 25 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

В–третьих, я бы даже не мог исполнять такие безумные приказы относительно концентрационного лагеря, когда в то же самое время, я приказал о прямо противоположном. Я думаю о Маутхаузене. Я направил приказ в Маутхаузен о том, чтобы лагерь полностью передали в руки противника. Если вы можете поставить себя на место Гиммлера, тогда бы это было совершенно неправильно, поскольку настоящие преступники находились в Маутхаузене, в то время как люди из Дахау не имели ничего или мало против них. Таким образом даже если вы думали как Гиммлер – о том, что было бы нужно прямо противоположное – даже с этой точки зрения, это совершенное безумие обвинять меня в таких действиях.

Кауфман: Наконец обвинение считаете вас ответственным за тот факт, что вы как начальник полиции безопасности и СД, допускали преследование церкви, в частности католической церкви, Гестапо. Я напоминаю вам в связи с этим, что отдел В–2 управления IV занимался образованием и конфессиональными вопросами, и отдел 1 управления IV политическим католицизмом. Вам, что-нибудь известно относительно такого факта, что внутри этого отдела была двойственная политика относительно церквей с так называемой «непосредственной целью» и «отдаленной целью»? Под «непосредственной целью» они имели в виду, что церкви не оставили бы ни пяди земли; «отдаленная цель» обозначала окончательное уничтожение церквей в Германии в конце войны. Что вам известно об этих целях?

Кальтенбруннер: Всё, что я могу сказать об этих теоретических заявлениях это то, что они мне совершенно неизвестны. Церковная политика Рейха, как я должен был понимать в 1943, отличалась. В 1943, сохранение политики Гитлера означало достижение скрытого перемирия с церквями, по крайней мере, во время войны; то есть, насколько возможно воздерживаться от нападок и предпринимая действия только против отдельных правонарушений духовенства, если заранее следовало прямое разрешение.

Кауфман: Могу я прервать вас? Я спрашиваю вас: вы весной 1943…

Кальтенбруннер: Да, я хочу перейти к этому.

Кауфман: …вы предпринимали что–либо с Гитлером, и каким был результат?

Кальтенбруннер: Что же, я лишь хотел представить вам картину состояния дел, которую я обнаружил. Несмотря на политику Гитлера, я понял, что Борман активно продолжал борьбу против церквей. Поэтому, я думаю ещё в марте, я написал Гитлеру, и позднее устно попросил полного разъяснения церковной политики. Я просил его изменить взгляд на это с целью сближения. Прежде всего, я хотел изменить его политику в отношении Ватикана.

Кауфман: Я не думаю, что есть какая-то необходимость вдаваться в эти подробности слишком сильно.

Кальтенбруннер: Но меня заблокировали. Прежде всего, Гиммлер противостоял идее у Гитлера, и во–вторых, против меня было очень сильное сопротивление Бормана. Он зашёл настолько далеко в этом, что полностью подорвал репутацию

германского представителя в Ватикане, Вайцзеккера, отправив человека следить за ним.
Кауфман: Этого достаточно.

Господин председатель, вы хотите, чтобы я продолжал, потому что уже пять?
Председатель: Если вы сможете быстро закончить, мы продолжим. Как долго вы будете продолжать?
Кауфман: Я скажу это займет еще один час, поскольку я должен обсудить те документы которые представило обвинение.
Председатель: Перед отложением, я скажу, что трибунал заседает в субботу в открытом режиме до часа.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 12 апреля 1946*]

День сто шестой

Пятница, 12 апреля 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Кальтенбруннер вернулся на место свидетеля*]

Кауфман: Господин председатель, подсудимый вчера рассматривал дело Сагана, но относительно своего участия он сказал всего несколько фраз. Обвинение считает его

непосредственным участником ещё до того как состоялся расстрел. Два свидетеля Вестхоф и Вилен, по моему мнению, представили доказательства в пользу подсудимого, и я теперь прошу трибунал сказать мне, можно ли разрешить подсудимому подробно рассказать относительно способа, как он действительно был вовлечен в дело, или трибунал удовлетворен его объяснением.

Председатель: Трибунал думает, что если подсудимый имеет сведения о фактах связанных с этим, пусть он лучше предоставит их. Ему не нужно вдаваться в подробности больше чем нужно, но в виду показаний свидетеля Вилена, я думаю он должен рассмотреть это.

Кауфман: [*Подсудимому*] Вчера вы заявили, что впервые услышали о деле Сагана после событий имевших место. Сегодня вы поддерживаете эту позицию?

Кальтенбруннер: Да.

Кауфман: Каким образом вам позднее стало известно о деле Сагана, и что вы делали по этому поводу?

Кальтенбруннер: Меня никогда официально не информировали о деле Сагана, но спустя 6 недель после событий я получил сведения о них. Тогда сбежали эти летчики и тогда отдали приказы – которые по моему мнению шли таким путем: Гитлер – Гиммлер – Мюллер – Нёбе, или возможно Гиммлер – Фегелейн – Нёбе - я не знаю, так как тогда я не находился в Берлине, а находился в Венгрии и, с рядом остановок, наконец закончил визитом к министру Шпееру в Далеме. 2 или 3 апреля я прибыл в Берлин. До этого времени, никто не проинформировал меня об этом. Первым разом, когда я услышал о деле, было, когда министерство иностранных дел попросило, или даже, потребовало у Нёбе и Мюллера, что дело должно нужно было выяснить для того, чтобы оно могло ответить на ноту, которую, как мне кажется, отправила в министерство иностранных дел гарантирующая держава.

По моему мнению, описание свидетеля, генерала Вестхофа, неправильное. Я думаю, он сказал что–то об упоминании дела Сагана приблизительно четырью неделями спустя после расстрела, во время другого разговора со мной. Я думаю, что это было, по крайней мере, 6 недель спустя. Должно быть возможно установить, когда министерство иностранных дел сделало этот запрос. Тогда было бы возможно установить точную дату.

Кауфман: Позднее, когда вы разговаривали с Мюллером и Нёбе, что предусмотрели как маскировку этого вопроса, и что обдумывали?

Кальтенбруннер: В нашем ведомстве не предусматривалась и не обсуждалась никакая маскировка, но когда Мюллер и Нёбе сказали, что им нужно отвечать на запрос министерства иностранных дел, и в связи с этим впервые проинформировали меня об этом кошмарном приказе, я спросил их, кто отдал приказ, и они ответили: «Гиммлер». Я сказал им о том, что они должны немедленно связаться со своим начальником и спросить его о том, как решать этот вопрос в дальнейшем. Я отказался иметь какую-нибудь связь с этим. Мне ничего не было известно до этого

времени, и я считал это грязным делом.

Кауфман: Но разве в связи с этим не упоминалось то, что нужно сказать, что летчики лишились жизни из-за бомбардировок или, что их застрелили при попытке побега? Что вам об этом известно? Свидетель Шелленберг заявил, что такие беседы были.

Кальтенбруннер: Такие слова могли говорить, да. Здесь описывали как велись крупномасштабные поиски и в связи с этой охотой на людей, были расстрелы. Даже немцев застрелили в связи с этим. Оберфюрера СС на эльзасской территории застрелили, когда он не отреагировал на знаки регулировщика на блокпосту, когда он попал в зону поисков. Как мне рассказывали двух или трёх лётчиков убило бомбами. Я думаю, это было вдоль балтийского побережья в Киле или Штеттине, и я понял, что два сотрудника криминальной полиции также лишились жизни во время инцидента. Их вдовы впоследствии получили пенсии. Это то, что можно проверить. В связи с этим определенно упоминались бомбардировки и потери от бомбардировок, но в нашем ведомстве не обсуждалась маскировка дела в целом, в любом случае ответ был подготовлен Мюллером, Нёбе и Гиммлером в ставке Гиммлера. Я знаю, что непосредственно после запроса из министерства иностранных дел эти двое вылетели в ставке Гиммлера.

Кауфман: Значит, вы пытаетесь сказать, что заявление, согласно которому эти летчики лишились жизни из–за бомб, или застрелили при попытке бегства, не исходило от вас?

Кальтенбруннер: Нет, точно нет, это не исходило от меня.

Кауфман: Со ссылкой на церковную политику управления IV, обвинение вменяет вам следующее: Так называемых Исследователей Библии[206], или международных исследователей Библии, часто приговаривали к смерти за свои внутренние убеждения, только потому, что они каким–либо образом отказывались служить на войне. Мой вопрос вам: вам известно о состоянии дел, и в какой манере вы участвовали в этом вопросе?

Кальтенбруннер: Немецкая юрисдикция использовала в качестве основы для разбирательств против этой секты Международных исследователей Библии закон о защите и обороне немецкой нации. Согласно данному закону любой, кто мешал германской обороноспособности, отказываясь служить в войсках, мог быть наказан арестом или смертью. Согласно этому закону, как военные, так и гражданские суды выносили даже смертные приговоры против этих международных исследователей Библии. Смертные приговоры, конечно, не выносились секретной государственной полицией.

В связи с этим часто говорилось о том, что несправедливая жестокость против их отношения диктовалась верой этих сектантов. Я обращался в партийную

206 Исследователи Библии (нем. Bibelforscher) — антитринитарное милленаристское движение, основанное в 1872 году в Питтсбурге Чарльзом Расселом. Впоследствии разделилось на несколько самостоятельных религиозных течений, наиболее известным из которых сегодня являются свидетели Иеговы.

канцелярию, а также в министерство юстиции и Гиммлеру и Гитлеру во время своих докладов, и отмечал им эти факты; в ходе нескольких совещаний с Тираком я требовал, чтобы такого рода юрисдикция в отношении них не применялась. В результате были сделаны две вещи. По поводу первого совещания, после того как Тирак сделал запрос в ведомство Бормана и Гитлеру, которых он очевидно не видел лично, и сразу же прокуратуре было дано указание заявлявшее, что уже вынесенные приговоры должны быть приостановлены.

Во время следующего совещания был предпринят ещё один шаг, который заключался в том, чтобы, прокуроры в общем больше не требовали смертных приговоров.

Третий шаг заключался в том, чтобы Международные исследователи Библии больше не представали перед судом.

Я считаю это явным успехом моего личного вмешательства у Тирака – что позднее обсуждалось лично с Гитлером – чтобы такую юрисдикцию в отношении этих сект отменили.

Кауфман: Теперь я предъявляю документ 1063…

Кальтенбруннер: Могу я дополнить своё заявление, сказав следующее: эти нововведения и эти изменения немецкого права тогда стали также известны за границей. Я довольно хорошо помню, что известный шведский медицинский работник лично меня поблагодарил и заявил, что этот поступок хорошо приняли в Швеции.

Председатель: Это совершенно ненужная подробность о том, что случилось с неким шведским лицом вне Германии, как и знать, что оно думало о его действиях.

Кауфман: Да.

Теперь я перехожу к документу PS-1063 (d), экземпляр номер USA–219. Это директива от начальника полиции безопасности и СД, датированная 17 декабря 1942. Это секретное письмо, и оно адресовано всем командирам полиции безопасности и СД; и оно направлено для сведения Поля, высшим руководителям СС и полиции, и инспекторам концентрационных лагерей. Это директива согласно которой, по крайней мере, 35 000 лиц пригодных для работы должны были перевести в концентрационные лагеря к концу января 1943 и позднее. Письмо подписано Мюллером.

Я спрашиваю вас, вам известно это письмо, или вы вообще не знаете об этом деле?

Кальтенбруннер: Я не знаю ни письма, ни вопроса.

Председатель: Вы снова приведете нам номер?

Кауфман: Документ PS-1063 (d), экземпляр USA–219.

Кальтенбруннер: Из даты письма, становиться видно, что оно было написано до моего прихода на должность. Потом меня также не поставили о нём в известность. Подпись «Мюллер», который действовал по поручению Гиммлера, как видно из

строки 2. Это типичный случай, который подтверждает, насколько неограниченной была власть Мюллера, и степень в которой он пользовался доверием, если он мог принимать распоряжение такого типа.

Я понимаю из общего содержания этого письма – оно ссылается на день в конце января 1943, что невозможно, чтобы об этом деле мне докладывали.

Кауфман: Обвинение считаете вас ответственным в следующей связи: существовало соглашение между бывшим министром юстиции Тираком и Гиммлером, датированное 18 сентября 1942, согласно которому евреи, поляки и так далее, подлежали процедурам полицейского наказания вместо рассмотрения обычными судами. Я спрашиваю вас: вы знали об этом соглашении и если так, какую попытку вы предприняли для восстановления, насколько было возможно, обычных правовых процедур?

Кальтенбруннер: Такое соглашение между Тираком и Гиммлером мне неизвестно. Как вы сказали, его заключили осенью 1942. Но непрерывно, снова и снова, я работал над тем и вносил предложения о том, чтобы все полицейские суды отменили в пользу правильных законных процедур. Я подготовлен в праве, и по этой причине я имею больше уважения к судам, чем Гиммлер. Это была одна из главных причин, почему мы никогда не понимали друг друга, и это была одна из главных причин разногласий которые, возникли даже в ходе наших первых дискуссий в 1942 в Берхтесгадене.

Я также не понимаю Тирака, заключившего такое соглашение с Гиммлером, потому что позже, как я сам знаю, он непрерывно выступал против системы полицейских судов.

Кауфман: Теперь я перехожу к вопросу, знали ли вы об уничтожении Варшавского гетто[207], которое осуществили в 1943. Имеется доклад руководителя СС и полиции в Варшаве, по имени Штроп[208]. Доклад адресован генералу полиции Крюгеру, и ссылается на так называемое решение еврейского вопроса в Галиции.

Итак, я спрашиваю вас: когда вы услышали о таком решении еврейской проблемы в Галиции, и насколько возможно вы исчерпали все возможности предотвратить такое решение?

Кальтенбруннер: Прежде всего, в связи с этим, я должен заявить, что я, наверное, не знал достаточно об огромном инструменте власти, который Гиммлер создал, передав под свое командование высших руководителей СС и полиции на оккупированных территориях. Как руководитель СС и полиции, Штроп в этом случае должен был подчиняться высшим руководителям СС и полиции – в связи с этим примером, генералу Крюгеру в Генерал–губернаторстве. Ни одно ведомство в

---

207 Варшавское гетто — еврейское гетто в Варшаве, созданное нацистами в период оккупации Польши. За время существования гетто его население уменьшилось с 450 тысяч до 37 тысяч человек.

208 Юрген Штроп (1895 — 1952) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции (9 ноября 1943) и генераллейтенант войск СС (1 октября 1944). Один из руководителей подавления восстания в Варшавском гетто. Казнён по приговору польского суда.

Рейхе не информировалось и не участвовало ни в каких акциях, ни до ни после, о которых Гиммлер приказывал через Крюгера Штропу. Безусловно, Берлин заранее ничего ни знал о таком приказе.

Потом – я не могу сказать насколько позже – они писали и говорили относительно Варшавского гетто, как в этой стране, так и за рубежом. Наиболее серьезные обвинения выдвигались в зарубежных странах.

Вчера, я начал заявлять здесь о том, что в связи с этим я представил рейхсфюреру Гиммлеру первые материалы которые я имел в своем распоряжении о его мерах и политике. Я сделал это после моего доклада фюреру в ноябре 1943. По этому поводу я также точно разговаривал с ним о Варшаве, поскольку за эту вещь, он и его «окончательное решение еврейского вопроса» критиковались заграницей.

Кауфман: Когда была дата этого доклада в сравнении с акцией против евреев в Галиции?

Кальтенбруннер: Я не могу вспомнить, когда была эта акция. Мой доклад сначала Гитлеру и день спустя Гиммлеру были в ноябре 1943.

Кауфман: Теперь я перехожу к документу, который уже упоминался обвинением, документ L–53, экземпляр номер USA–291. Обвинение считает подсудимого, как начальника полиции безопасности и СД, ответственным за чистки – как это сказано - в лагерях полиции безопасности и СД и концентрационных лагерях. Этот документ, письмо от командира полиции безопасности и СД в Радоме, датированное 21 июля 1944, согласно которому командир полиции безопасности и СД в Генерал–губернаторстве приказал, чтобы все тюрьмы, которые упоминались должны были быть очищены, а их заключенные должны быть ликвидированы. Посмотрите на этот документ, отправителя и подпись, и затем сделайте заявление в связи с ним особенно относительно того знали ли вы об этих событиях.

Кальтенбруннер: Я обращаю ваше внимание на то, что я только что сказал. Данный канал командования подпадал под юрисдикцию высшего руководителя СС и полиции на оккупированной территории. Канал для приказов – Гиммлер, высший руководитель СС и полиции, его эксперт, командующий и командир полиции безопасности и СД – этот канал вообще не имел никакого отношения к централизованному каналу приказов поступавших из Берлина.

Кауфман: Другими словами, вы хотите сказать, что эти высшие руководители СС и полиции непосредственно подчинялись Гиммлеру?

Кальтенбруннер: Так точно.

Кауфман: Вы также хотите сказать, что вы как начальник РСХА не имели возможности вмешиваться в приказы или директивы таким высшим руководителям СС и полиции?

Кальтенбруннер: Это не обсуждается, так как они непосредственно подчинялись Гиммлеру. Не было никакого другого способа противостоять этим людям, что совершенно очевидно из допроса подсудимого Франка. Я конечно, непрерывно

получал информацию об ошибках и преступлениях через эти каналы приказов. Например, Крюгер в Генерал–губернаторстве наиболее жестко нападал на меня. Это из–за меня то что, Крюгера убрали с должности в Кракове, факт который также должен быть показан в дневнике Франка.

Кауфман: Теперь я перехожу к ещё одному документу – номер PS-1573, экземпляр USA-498. Обвинение считает подсудимого, как начальника РСХА ответственным за то, что в отступление от существовавших методов, рабских рабочих использовали в промышленности вооружений. Документ перед нами это секретный приказ, который снова подписан Мюллером. Он адресован всем полицейским управлениям. Дата - 18 июня 1941. Приказ ссылается на меры против эмигрантов и гражданских рабочих с русских территорий. Он заявляет, что для предотвращения их неразрешенного возвращения и любого вмешательства с их стороны, ответственные лица будут арестованы, если возникнут причины. До дальнейшего уведомления этим людям нельзя было менять место жительства пока они не получат разрешения от полиции безопасности; и если они покидали своё место работы без разрешения их бы арестовывали.

Вам были известны такие события?

Кальтенбруннер: Нет. Также и по этому поводу, я могу только отметить, что это приказ Мюллера, который был отдан за 1 ½ года до моего назначения. Мюллер, получавший приказы и пользовавшийся огромной властью и полномочиями, не видел причины информировать меня о нём, даже позднее.

Кауфман: Как вы можете объяснить, что Мюллер был в состоянии осуществлять такую власть, и что даже во время вашей службы, 1943–45, такое положение дел продолжалось без вашей способности остановить этого человека? Поэтому я теперь спрашиваю вас: в целом вам было известно, что Мюллер имел такую власть? В этой связи, вы расскажите трибуналу, каким был размер управления IV тайной государственной полиции и как можно объяснять, что вас не информировали о сотнях и даже тысячах приказов и инструкций?

Кальтенбруннер: Мюллер был начальником управления тайной государственной полиции. Я не знаю, когда он был назначен, но я должен полагать, что это должно было быть в 1933, 1934 или как самое позднее 1935. Но гораздо раньше, как я знаю сегодня, он имел ближайший контакт с Гиммлером и позднее с Гейдрихом. Он прибыл из баварской земельной полиции, где Гиммлер встретил его. Он имел его личное доверие, по крайней мере, 12 или 15 лет. Он принимал участие и осуществлял с ним каждую акцию, о которой Гиммлер приказывал в области государственной полиции в своей жажде власти или преследуя свои цели, как глава германской полиции. Это доверие, я могу сказать постоянно возрастало за 12 или 15 лет и оставалось непоколебимым до последних дней войны. Мюллер также остался в Берлине после приказа оставаться с Гиммлером. Гиммлер полагался на него как на слепой и надёжный инструмент.

Председатель: Доктор Кауфман, вопрос, который вы ему задали, или вопросы, задали ему – вы задали несколько – он кажется не отвечает. Основной вопрос заключался знал ли он о действиях Мюллера. Он произносит нам длинную речь о том, какое доверие было у Гиммлера к Мюллеру. Пока он ничего не сказал.

Кауфман: Господин председатель, я думаю, этот вопрос в частности нужно рассмотреть дольше, потому что то в чем обвиняют Гестапо и Мюллера, в том обвиняют и Кальтенбруннера как начальника Гестапо.

Председатель: Что я вам заметил заключалось в том, что вы задали ему несколько вопросов в одном, и основная часть вопроса заключалась в том, знал ли он о том, что Мюллер имел эти полномочия и осуществлял их.

Кауфман: Ответьте на этот вопрос прямо сейчас кратко и четко.

Кальтенбруннер: Отношения между Гиммлером и Мюллером были настолько прямыми, что у него не было повода представлять мне какие–нибудь доклады. Я не имел никаких сведений, и ещё в декабре 1942 Гиммлер четко заявлял, что начальники управлений IV и V были его непосредственными подчиненными, как было в случае после смерти Гейдриха.

Кауфман: Итак, вам говорят, что основываясь на определенных свидетельствах и других доказательствах, следует полагать, что между вами и Мюллером должны были проходить совещания начальников управлений, и что это кажется неубедительным, что вы в целом не осведомлялись о вещах, по которым распоряжался Мюллер. Это обвинение оправдано?

Кальтенбруннер: Это кажется оправданным, но это не так. То, что называлось совещанием начальников управлений, было общим обедом, который не проводили каждый день, но скажем так, три или четыре раза в неделю, общий обед адъютантов, начальников управлений, и любых гостей, которые могли тогда быть в Берлине. Лишь такая личная атмосфера делала невозможным, чтобы внутренние или даже секретные события могли обсуждаться перед всеми этими людьми.

Кауфман: В 1943 и следующих годах, вы всегда находились в Берлине – или я думаю лучше сказать – вы в основном проживали в Берлине? Или выполнение работы в качестве начальника разведывательной службы заставляло вас часто покидать Берлин?

Кальтенбруннер: Я часто отсутствовал в Берлине. Я думаю, я могу сказать, что половину всего рабочего времени я провёл вне Берлина. Я постоянно находился в Берлине только с момента, когда туда перевели ставку.

Кауфман: Когда это было?

Кальтенбруннер: Это было в месяцы февраля и марта 1945. Я не находился в Берлине даже в апреле 1945 в два долгих периода с 28 марта по 15 апреля, затем с 19 апреля до последних дней войны. В течение 1943 и 1944 годов я не прибыл в Берлин до мая 1943, потому что тогда, я должен был реорганизовать свои службы в Вене, чтобы их можно было перевести в Берлин. Я думаю только однажды в течение

первой или второй недели февраля 1943 я оставался в Берлине, для нанесения визитов, и с середины февраля 1943 по февраль 1945 я был в поездках по крайней мере половину времени. При исполнении обязанностей я покрыл более чем 400 000 километров на самолете и машине.

Кауфман: Чем вы занимались, когда вы отсутствовали в Берлине? У вас не было никакого прямого контакта с Мюллером в это время?

Кальтенбруннер: Безусловно не с Мюллером. Во время всех этих моих путешествий по всему Рейху, я никогда не входил ни в одно управление секретной государственной полиции. За исключением ненадолго отдела секретной государственной полиции в Линце, где жила моя семья и откуда я мог посылать телетайпы в Берлин, пользуясь преимуществом местного отделения государственной полиции по чисто техническим причинам. У меня там больше не было других средств телетайпа.

Кауфман: Теперь я собираюсь обсудить дело, которое вам вменяется обвинением. В нескольких словах, эти факты касались: во время подавления восстания в Варшаве в 1944, жителей города Варшава забирали в концентрационные лагеря. Обвинение представило цифру около 50 000 - 60 000. Дальнейшие депортации предположительно прекратились в силу вмешательства подсудимого Франка у Гиммлера, вы лично участвовали таким образом, что подсудимый Франк и его государственный секретарь Бюлер, попросили вас освободить этих людей из концентрационных лагерей и вернуть их в свои дома. Для начала, я спрошу вас, такое совещание по этому предмету состоялось в вашем ведомстве?

Кальтенбруннер: Совещание между мной и Бюлером состоялось. Предмет был чем–то совершенно другим, и я прошу вас позволить ясно об этом заявить. Так называемое восстание в Варшаве было подавлено чисто военной акцией. Я думаю, что эта борьба велась под командованием начальника антипартизанских подразделений фон дем Бах–Зелевски. Я не знаю, какими боевыми подразделениями он командовал, но я должен полагать, что это были смешанные подразделения вооруженных сил и полиции. Любое участие моего ведомства в этой чисто военной акции не обсуждается с самого начала. Естественно о том, что Гиммлер и его войсковые подразделения делали с заключенными мне не докладывали. Причина, почему Бюлер прибыл увидеть меня была совершенно другой. Франк, я думаю, за 1 ½ года или даже дольше, пытался добиться от Гитлера использования другой политики в Генерал–губернаторстве. Франк был за усиление автономии для польского народа. В октябре 1944, я думаю по поводу польского национального праздника, Франк запланировал объявить об увеличении их автономии. Гитлер отказал, в чем он был поддержан Гиммлером, а также видимо другими факторами. Поэтому он отправил ко мне Бюлера с предложением о том, что я должен был внести с такой же целью предложения через информационную службу, то есть, участие поляков в окружном управлении и на высоких правительственных

должностях. Я пообещал Бюлеру обе эти вещи. Он продолжил, сказав: «По этому поводу Франк хочет объявления щедрой амнистии в Польше и это включает освобождение заключенных Варшавского восстания. Вы не могли бы помочь в этом?». Я спросил его: «Где эти заключенные?». Он ответил: «Гиммлер, по всей вероятности, отправил их в концентрационные лагеря военнопленных». Моим ответом могло быть только: «Тогда он в любом случае должен был задействовать их в промышленности вооружений и будет трудно достать их оттуда, но я склоняюсь в пользу амнистии». Согласно моим сведениям, так обстояло дело.

Кауфман: Для вас было бы возможно добиться освобождения, применив всё своё влияние?

Кальтенбруннер: Нет, во время моего пребывания в должности, как я периодически заявлял во время допросов до процесса, я получил по крайней мере 1000 индивидуальных ходатайств об освобождении и в каждом отдельном случае представлял Гиммлеру или посылал ему – в основном ставил перед ним, поскольку я представлял их в своём докладе и обсуждал их с Гиммлером во время своих периодических докладов ему. Возможно в двух третях случаев я был успешен в такой степени, что он оформлял освобождение. Но с учётом степени в которой Франк хотел получить от Гиммлера помощь Бюлеру, я никогда не имел возможности принимать решение или добиться решения, это было полностью в руках Гиммлера и определялось политикой, которую он и Гитлер согласовали относительно Польши.

Кауфман: Теперь я представлю вам заявление свидетеля Шелленберга. 3 января этот свидетель заявил перед трибуналом, что Кальтенбруннер приказал об эвакуации концентрационного лагеря Бухенвальд[209]. «Кальтенбруннер» - он сказал - «подтвердил это, это эвакуация в силу приказа фюрера, который подтвердил ему, Кальтенбруннеру, фюрер». Вы можете дать объяснения этому?

Кальтенбруннер: Заявление совершенно точно неправильное. Оно неправильное по тому простому факту, что Гитлер совершенно точно никогда не приказывал эвакуировать или не эвакуировать концентрационные лагеря. Такой приказ мог исходить только от Гиммлера.

Председатель: Это были письменные показания или он давал показания – Шелленберг?

Кауфман: Это было заявление свидетеля.

Председатель: Его дали как показания, не так ли?

Кауфман: Да, это заявление свидетеля от 3 января.

Председатель: Да.

Кауфман: Но, тогда, кто в действительности отдал такой приказ?

Кальтенбруннер: Это точно могло быть только приказом самого Гиммлера. Канал

---

209 Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

командования совершенно ясен: Гиммлер, Поль, Глюкс и комендант лагеря. Это не невозможно, чтобы Гиммлер мог отдать прямой приказ коменданту лагеря. Этого я не знаю.

Кауфман: Я хочу добавить вопрос. Вы узнали об этом приказе?

Кальтенбруннер: Нет, я никогда не слышал об этом и эти приказы никак нельзя связывать со мной, поскольку я приказал совершенно противопложное в отношении Маутхаузена. Я объясню позднее, почему, в случае Маутхаузена, я в первый и последний раз смог отдать приказ. Это имело отношение к полномочиям предоставленным мне 19 апреля 1945. До того, я вообще никогда не имел никакой возможности отдавать такой приказ от имени Гиммлера.

Кауфман: В той же связи я упоминаю заявление, сделанное 3 января свидетелем Бергером. Я читаю одно или два предложения:

> «Комендант Дахау» - говорит Бергер – «или его заместитель позвонил мне приблизительно в 12 часов и заявил мне, что он получил этот приказ, то есть, приказ об эвакуации от Кальтенбруннера после его вызова гауляйтером Мюнхена, рейхскомиссаром».

Я спрашиваю вас: вам что–нибудь известно об эвакуации Дахау?

Кальтенбруннер: Нет. В этом заявлении Бергера следует совершенно точно сомневаться, потому что он был человеком, которому Гиммлер предоставил полную власть, касавшуюся Баварии и всей территории к западу от неё. Её предоставили в тот же день, что я получил все полномочия в отношении Австрии. Следовательно, мне бы…

Кауфман: Концентрационный лагерь Дахау находился в сфере влияния Бергера названного вами, или перешел в вашу сферу командования?

Кальтенбруннер: Раз Дахау рядом с Мюнхеном в Баварии, конечно, это была исключительно сфера командования Бергера.

Кауфман: Дахау, в конце концов, эвакуировали?

Кальтенбруннер: Я не знаю; я никогда не был в Баварии после 19 апреля.

Кауфман: Свидетель ссылается на дату 23 апреля 1945, немного позднее, он говорит.

Кальтенбруннер: Да, я забыл об этом.

Кауфман: Где вы тогда находились?

Кальтенбруннер: 19 апреля в 3 часа утра, я покинул Берлин и поехал через Прагу в Линц, моей целью был Инсбрук, где я хотел снова встретить представителя Буркхардта. С этого момента, я больше не имел никакой связи с Берлином, ни ступал на баварскую землю и не отдавал там приказы. Моя сфера деятельности ограничилась на австрийской границе.

Кауфман: Как вы можете объяснить подобное заявление?

Кальтенбруннер: Единственный способ, которым я могу это объяснить это то, что

это должно быть ошибка и если организовать очную ставку с Бергером, я совершенно убежден, все прояснится.

Кауфман: Мог ли приказ об эвакуации содержать подпись Гиммлера?

Кальтенбруннер: Безусловно, совершенно возможно.

Кауфман: Помимо прочих вещей обвинение вменяет вам совершение преступлений против мира. Вы расскажите трибуналу предпринимали ли вы, и если так то, что, во время пребывания в должности, чтобы добиться окончания войны?

Кальтенбруннер: Я приступил к своим обязанностям 1 февраля 1943. Ситуация, которую я обнаружил в Рейхе, была такой, что в тот день – если быть более точным, 2 февраля 1943, в связи со Сталинградом – моё убеждение заключалось в том, что войну следовало рассматривать как абсолютно проигранную для Германии. Условия, которые я обнаружил, полностью отличавшаяся от Австрии атмосфера, только подтверждали этот взгляд. Я вспоминаю, что я нанес свой ознакомительный визит к заместителю государственного секретаря Лютеру[210] в министерство иностранных дел – я думаю, это было 2 или 3 февраля. Я разговаривал с ним с половины 11 утра до 2 часов после полудня, ничего не подозревая. Мы беседовали о задачах внешнеполитической разведки, которые мы должны были осуществлять совместно. В 4 часа вечера этот же заместитель государственного секретаря Лютер был арестован Гестапо и помещен в концентрационный лагерь.

Я не думаю, что я могу привести более решительный пример ситуации в которой оказался и как события…

Председатель: На что этот ответ? Что был за вопрос, на который он отвечает?

Кауфман: Вы должны быстрее перейти к смыслу. Вопрос был о том, что вы делали для скорейшего завершения войны?

Кальтенбруннер: Я могу процитировать много факторов в связи с этим. Моя первая попытка была весной 1943, я думаю, это было даже в феврале 1943, когда я выступал за существенное изменение церковной политики для того, чтобы склонить Ватикан к посредничеству к первым мирным переговорам. Это было мое первое усилие в таком направлении.

Кауфман: Я сейчас называю имя Даллеса[211]. Вы имели с ним прямой или косвенный контакт и что за цель была у этих связей?

Кальтенбруннер: Да, я находился с ним в контакте, а именно, через Хёттля. Поскольку с мая 1943, я склонял шаг за шагом Хёттля и остальных австрийцев, которые находились в политической оппозиции, и узнал об их мирных настроениях в отношении зарубежных государств. Через эти каналы я слышал представителя Рузвельта в центральной Европе. Я думаю, он был его экономическим экспертом,

210 Мартин Лютер (1895 — 1945) — немецкий дипломат, член НСДАП, участник Ванзейской конференции, бригадефюрер СА (1942). В 1941-1943 заместитель государственного секретаря МИД Германии.

211 Аллен Даллес (1893 — 1969) — американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, директор Центральной разведки (1953—1961).

господином Даллесом, который докладывал находясь в Швейцарии.
Кауфман: Я хочу добавить вопрос в связи с этим. Чтобы случилось бы если бы Гитлер или Гиммлер услышали о вашем отношении?
Кальтенбруннер: Мой приказ Хёттлю и мои сведения о его деятельности были, если строго вас интерпретировать, тяжким преступлением, поскольку взгляды фюрера тогда были известны мне. Они были такими, что не должно было быть контактов относительно мира и не обсуждать мир. Гитлер изменил свое мнение только 15 апреля 1945 в дискуссии со мной в присутствии некоего Вольфа[212].
Кауфман: Во ходе так называемой мирной политики, которую вы описали, представитель совершал поездки в Швейцарию для того, чтобы установить контакт с так называемым господином Даллесом?
Кальтенбруннер: Да, было много поездок, и на самом деле не только Хёттля, но и других лиц. Для примера, я отмечу дискуссию, которая была у меня с графом Потоцким[213], которого я просил связаться с такими кругами и передать такую же информацию англо–американским кругам в Швейцарии.
Кауфман: Я думаю, мы можем оставить этот предмет. По моему мнению, вы сослались в достаточной мере.
Кальтенбруннер: Это были не все попытки, было множество других.
Кауфман: Теперь я перехожу к вашим отношениям с президентом Красного креста Буркхардтом, и я спрашиваю вас: это правда, что вы провели совещание с профессором Буркхардтом в 1945 с целью того, чтобы лагеря – лагеря военнопленных и концентрационные лагеря – следовало открыть для Красного креста, чтобы медицинские припасы можно было передать в лагеря?
Кальтенбруннер: Да, я долгое время пытался договориться об этом с Буркхардтом. Мне помог тот факт, что он сам попросил встречи с Гиммлером. Однако, Гиммлер не получил разрешения Гитлера на такую встречу, потому что он тогда был главнокомандующим северным фронтом на реке Висла. Встреча с Буркхардтом могла бы состояться только на фронте. Поэтому, я попытался возложить на себя организацию встречи между Буркхардтом и ответственным лицом в Рейхе. После большой суматохи и несмотря на многие трудности у меня получилось. Частная встреча с Буркхардтом состоялась 12 марта.
Кауфман: Вы пришли к договорённости, и в рамках этой договорённости была ли оказана какая-либо помощь и каким способом?
Кальтенбруннер: Да, была оказана значительная помощь. Была достигнута договорённость, согласно которой всех иностранных гражданских заключенных, с помощью Красного креста, должны были забрать из всех лагерей в Рейхе и освободить в свои страны. Но в первую очередь, удовлетворив просьбу Буркхардта во время этой дискуссии я добился такой цели, чтобы ведущие ведомства Рейха

212 Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Адъютант Г. Гиммлера.
213 Юзеф Потоцкий (1895 — 1968) — польский аристократ и дипломат. В 1943-1955 поверенный Польши в Испании.

были вовлечены в такой степени, что они больше не могли дальше отмахнутся от этой договорённости, и я думаю это было моим с Буркхардтом величайшим успехом.

Кауфман: Это правда, что для того, чтобы переправить через линию фронта около 3000 французских и бельгийских гражданских интернированных, вы связались со ставкой генерала Кессельринга?

Кальтенбруннер: Я отправил в ставку сообщение по радио о том, что как только американцы и британцы согласятся на это, то и немцы должны разрешить, чтобы интернированные перешли через линию боёв.

Кауфман: Этого достаточно.

Председатель: Доктор Кауфман, он сказал 12 марта, но не указал год.

Кауфман: Я не понимаю – да, 12 марта.

Председатель: Какой год?

Кауфман: 1945.

[*Обращаясь к подсудимому*] Каково общее число людей, которые из-за вашего вмешательства достигли своей родины?

Кальтенбруннер: Здесь вы должны различать два разных периода: первый период до частной встречи 12 марта и период после неё.

Кауфман: По моему мнению, вы можете дать мне короткий ответ на этот вопрос. Периоды не имеют значения.

Кальтенбруннер: По крайней мере, 6000 гражданских интернированных прибывших из Франции и Бельгии и всех восточноевропейских государств, включая балканские государства, были включены в эти переговоры. По крайней мере, 14 000 еврейских интернированных передали Красному кресту в городе Гунскирхен под его немедленную опеку. Это относится ко всему лагерю в Терезиенштадте.

Кауфман: И наконец, это верно – пожалуйста, ответьте очень кратко, утвердительно или отрицательно – это из-за вашего вмешательства, было создано специальное посредническое ведомство с Красным крестом было учреждено в Констанце с целью облегчения и осуществления этой программы в дальнейшем.

Кальтенбруннер: Посредническое учреждение с Красным крестом было создано в Линдау и Констанце.

Кауфман: Этого достаточно.

Обвинение считает вас ответственным за ваше радиосообщение предположительно отправленное Фегелейну в котором говорится:

> «Пожалуйста, сообщите рейхсфюреру СС и проинформируйте фюрера о том, что все меры относительно евреев, заключенных политических и концентрационных лагерей в Протекторате, осуществляются мной лично с сегодняшнего дня».

Я спрашиваю вас: вы отправляли такое радиосообщение?

Кальтенбруннер: Я не отправлял его, потому что техническую связь не

восстановили.

Председатель: Какой номер?

Кауфман: Господин председатель, я не назвал номер. Его не представили в суде, но он содержится в судебном обзоре на странице 14.

Председатель: Я думаю это документ PS-2519. Он был представлен суду.

Кальтенбруннер: Было запланировано радиосообщение – текст, возможно написал адъютант который сопровождал меня. Я не писал его лично и как я скажу, его не смогли отправить.

19 апреля 1945 я получил полномочия действовать самостоятельно в соответствии с дискуссиями с Буркхардтом относительно иностранных гражданских интернированных и относительно вступления Красного креста во все лагеря. По этому поводу я заявил в присутствии Гитлера и Гиммлера, что мой путь будет через Прагу в Линц к Иннсбруку, что я проеду Терезиенштадт. Я сказал о том, что там находились не только еврейские заключенные, за которыми следовало присматривать Красному кресту, но также чехословацкие политические заключенные. Я предложил, чтобы их тоже освободили. Такое объяснение этому радиосообщению. Но до 6 часов вечера 19 апреля я не получал полных полномочий.

Кауфман: Но обвинение может заключить из этого заявления, и на первый взгляд, достаточно правильно, что вы могли также иметь юрисдикцию в вопросах концентрационных лагерей. Я спрашиваю вас – и пожалуйста, ответьте на вопрос «да» или «нет». Это правда, что полномочия указанные вами как переданные вам 19 апреля 1945 вообще были первыми полномочиями в этой сфере?

Кальтенбруннер: Да. Мне бы вообще не требовалось обновлять полномочия, если бы у меня они уже были.

Кауфман: В речи Гиммлера произнесенной 3 октября 1943 в Позене перед высшими руководителями СС и полиции, вас назвали преемником Гейдриха. Обвинение считает, это подтверждением полной исполнительной власти и ваших чрезвычайных полномочий в данной сфере.

Такое формальное выражение, которое конечно использовалось в связи с этим, оправдывает ситуацию или нет?

Кальтенбруннер: Нет, я категорически протестую – я делал так всё время допросов – называвать меня преемником Гейдриха. Если в мое отсутствие Гиммлер сослался на меня как такого, или если ранее такое уведомление или объявление появилось от него однажды, опубликованным в прессе тогда это было сделано без моего сведения и без моей желания. Впервые, в связи с этим уведомлением в прессе, с моей стороны была жесткая реакция в отношении Гиммлера. День который вы назвали я провёл болея в Берлине воспалением вен и в гипсе, и поэтому я не присоединялся к дискуссии.

Ни степень моей власти, ни внешнее выражение не давали повода для малейшей возможности сравнения с Гейдрихом. Я хочу теперь сказать совсем

кратко, что до последнего дня своей работы я получал 1820 рейхсмарок, которые являлись содержанием генерала полиции, и что у Гейдриха доход от должности было более чем 30 000 рейхсмарок, не потому что ему платили за высокое звание, но в качестве признания его совершенно иного положения. Любое сравнение совершенно несправедливое.
Кауфман: Итак, мой следующий вопрос: это верно, что Гиммлер опасался Гейдриха и это было, потому что Гейдрих имел с его точки зрения слишком много власти, и по этой причине он думал, что назначив вас, нашёл того самого человека, который бы полностью был безопасен для него, Гиммлера? В этой связи обвинение проводит параллель между вами в Гейдрихом, и как я уже сказал, оно описало вас как второго Гейдриха.
Кальтенбруннер: Отношения между Гиммлером и Гейдрихом можно охарактеризовать вкратце как следующие: Гейдрих был гораздо более интеллигентным из них двоих. Он был поначалу необычайно послушным и преданным…
Председатель: Доктор Кауфман, мы ничего не хотим знать, об интеллигентности Гейдриха. Свидетель говорит снова и снова о том, что он не являлся его преемником.
Кауфман: В таком случае, я повторю вопрос, который я задал ранее, и который заключается в следующем: Гиммлер, призвав вас, хотел человека, который был бы совершенно безопасен для него, Гиммлера?
Кальтенбруннер: Он никогда вновь не хотел упускать из рук такую исполнительную власть в такой мере, что имел Гейдрих. В момент смерти Гейдриха, Гиммлер принял на себя все ведомство и потом никогда не позволял исполнительной власти уйти из своих рук. Он имел однажды такой опыт в лице Гейдриха, того, как может стать опасен начальник полиции безопасности для него. Он не хотел идти на такой риск во второй раз.
Кауфман: Другими словами этим, вы хотите, наконец, сказать, что после смерти Гейдриха, Гиммлер хотел и сохранял у себя всю исполнительную власть в своих руках?
Кальтенбруннер: Да.
Кауфман: Итак, еще один вопрос. Вчера вы заявили, что узнали о концепции так называемого «окончательного решения» лишь позднее. В свою очередь, такие указания шли от Гиммлера к Гейдриху и Эйхману ещё в 1941 или 1942. Правда, что вы часто видели Гиммлера? Вы являлись другом Гиммлера?
Кальтенбруннер: Это совершенно ошибочно называть отношения между Гиммлером и мной дружескими. Также как со всяким другим сотрудником, со мной он обращался в чрезвычайно холодной и сдержанной манере. Он не был человеком, который мог войти с кем-то в личные отношения.
Кауфман: Естественно полагать, если я поставлю себя на место обвинения, что вы

должны были иметь сведения об «окончательном решении» и этой идее, если вы часто видели Гиммлера. Поэтому, я спрашиваю вас снова: Гиммлер когда–то чётко говорил вам, в чём заключалось «окончательное решение»?

Кальтенбруннер: Нет, не в такой форме. Я вчера сказал, что на основе всей информации накопленной в течение лета и осени 1943, включая доклады о вражеском вещании и зарубежных новостях, я пришел к убеждению, что заявление относительно уничтожения евреев является правдой, и что таким образом убедившись, я немедленно отправился к Гитлеру, и на следующий день к Гиммлеру и пожаловался им обоим сказав о том, что я ни на минуту не поддержу никакую подобную акцию. Начиная с этого момента…

Кауфман: Да, что же, вчера вы так говорили. Вам не нужно повторять это снова.

Председатель: Доктор Кауфман, он нам уже это говорил, и вы сказали нам, что вы закончите за час, теперь уже прошло почти полтора часа.

Кауфман: У меня осталось два или три вопроса.

[*Обращаясь к подсудимому*] Судебный обзор обвинения содержит заявление Шелленберга и оно гласит следующее: «Что я могу сделать с **Кальтенбруннер**ом? Я у него под колпаком».

Это сказано Шелленбергом в его письменных показаниях и это предполагается как сказанное Гиммлером. Пожалуйста, вы сделаете очень краткое заявление относительно факта, считаете ли вы такое заявление Гиммлера вероятным?

Кальтенбруннер: Я не считаю такое заявление вероятным. Если он так сказал, тогда это могло быть только в связи с…

Председатель: Трибунал не думает, что этот вопрос возможно ставить свидетелю.

Кауфман: [*Подсудимому*] В судебном обзоре представлен документ такого рода и вменяется против вас, но если председатель не желает этого вопроса, я буду рад отзывать его.

Председатель: Это кажется, просто вопросом спора, и вы не можете критиковать эти письменные показания, если письменные показания приобщили в качестве доказательств.

Кауфман: Теперь я перехожу к последнему вопросу, я спрашиваю вас, существовала ли возможность, что вы, после того как постепенно стали знакомы с условиями в Гестапо и концентрационных лагерях, и т. д., могли добиться изменений? Если такая возможность существовала, вы можете сказать, что оставаясь на своей должности, вы добились какого–либо облегчения в этой сфере и улучшения условий?

Кальтенбруннер: Я непрерывно просил вступить в войска на фронте, но самым горящим вопросом, который я лично должен был решить, был: улучшаться таким образом условия, облегчаться? Изменится, что-нибудь? Или это мой личный долг в этой должности делать все необходимое для изменения всех этих остро

критиковавшихся условий?

Кроме повторявшихся отказов на мою просьбу отправиться на фронт, я не имел никакой другой альтернативы, нежели пытаться изменить систему, идеологические и правовые основы которой не могли быть изменены мною, как подтверждалось приказами принятыми до моего времени и представленными здесь в доказательствах. Все что я мог делать, пытаться улучшить эти методы в то же время стремясь их полностью отменить.

Кауфман: Ваша совесть позволяла вам оставаться в должности несмотря на это?

Кальтенбруннер: Когда я считал возможность снова и снова оказывать влияние на Гитлера и Гиммлера и других лиц, моя совесть не позволяла мне оставить должность. Я считал, что это мой личный долг выступать против неправильного.

Кауфман: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто–либо из защитников желает задать вопросы подсудимому?

Дикс: Свидетель, вам известно, что Шахт, до пленения союзными силами, находился в концентрационном лагере?

Кальтенбруннер: Да.

Дикс: Как долго вы об этом знали?

Кальтенбруннер: После того как его жена написала мне письмо, и мне кажется, она просила меня представить обращение о том, чтобы её мужа выпустили.

Дикс: И приблизительно, когда это было?

Кальтенбруннер: Я полагаю в районе рождества 1944.

Дикс: Вам известно или есть какое-нибудь соображение, по чьему предложению Шахта интернировали в концентрационный лагерь?

Кальтенбруннер: Мне кажется, что в тот же самый день, что я направил письмо жены господина Шахта курьером в адъютантскую службу Гитлера, и мне кажется я получил слово через Фегелейна или одного из адъютантов Гитлера о том, что нужно было проконсультироваться с Гитлером по этому вопросу. Какое-то время спустя я узнал, что Шахт был интернирован по приказу Гитлера, потому что его подозревали в совместной работе с Гёрделером[214] или во всяком случае как одного из зачинщиков государственной измены и попытки убийства Гитлера 20 июля 1944[215].

Дикс: У меня есть письмо, полученное недавно, написанное бывшим заключенным концентрационного лагеря, которому рассказывал оберштурмбаннфюрер

214 Карл Гёрделер (1884 — 1945) — германский политический деятель, один из руководителей консервативного крыла антигитлеровского заговора. Казнён за участие в заговоре.

215 Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

Ставицки[216] - он вам известен?

Кальтенбруннер: Нет.

Дикс: Он был последним комендантом концентрационного лагеря Флоссенбюрг[217]. В этом письме мне рассказали о том, что этот Ставицки рассказал ему о том, что ему приказали убить Шахта вместе с остальными специальными заключенными такими как Канарис, и т. д. Вам известно, что–либо о таком приказе убить Шахта?

Кальтенбруннер: Нет.

Дикс: Вы считаете возможным, чтобы Ставицки мог решиться на такой шаг под свою ответственность?

Кальтенбруннер: Нет.

Дикс: Если я правильно интерпретирую ваш ответ, такое указание могло поступить только с высшего уровня, то есть, либо от Гитлера или Гиммлера?

Кальтенбруннер: Да, вы можете так полагать. Что касается Шахта, это мог быть только личный приказ Гитлера.

Дикс: Спасибо.

Меркель: У меня есть кое-какие вопросы к свидетелю.

Свидетель, обвинительное заключение утверждает, что секретная государственная полиция с 1943 по 1945 имела приблизительно 40 000 - 50 000 сотрудников. Что вы можете вспомнить об этом?

Кальтенбруннер: Мне кажется эта цифра, слегка завышена.

Меркель: Как вы оцениваете цифру?

Кальтенбруннер: Я бы полагал 35 000 - 40 000.

Меркель: Приблизительно сколько сотрудников Гестапо действовало в оккупированных странах?

Кальтенбруннер: Этого я не могу сказать даже приблизительно, но мне кажется я слышал о цифре в 800 человек, например, для оккупированной части Франции.

Меркель: Вам известно кому подчинялись эти сотрудники?

Кальтенбруннер: На оккупированных территориях, командиру полиции безопасности, который в свою очередь подчинялся высшему руководителю СС и полиции на оккупированной территории.

Меркель: Известно ли вам вообще, что в отделениях командиров Зипо и СД, сотрудники Крипо, то есть, сотрудники криминальной полиции, осуществляли задачи государственно–политического характера.

Кальтенбруннер: Это возможно.

Меркель: Какое приблизительно число сотрудников Гестапо командировали на Восток в айнзацгруппы от А до G?

---

216 Курт Ставицки (1900 – 1959) – оберштурмбаннфюрер СС. В апреле 1945 был некоторое время заместителем коменданта и исполнял обязанности коменданта в концентрационном лагере Флоссенбург. После войны скрывался под чужим именем.

217 Флоссенбюрг — концентрационный лагерь СС в Баварии возле города Флоссенбюрг на границе с Чехией. Был создан в мае 1938 года. Располагался на небольшом горном плато на высоте 800 метров над уровнем моря. За время существования лагеря через него прошли около 96 000 заключённых, из них более 30 000 скончались.

Кальтенбруннер: Не знаю.

Меркель: Вы можете мне сказать, эти сотрудники, при командировке в айнзацгруппы, освобождались от полномочий государственной полиции и действовали как специальный состав в айнзацгруппе участвовашей в задачах к которым сама государственная полиция больше не имела никакого отношения?

Кальтенбруннер: Мне кажется, можно это полагать. Личные дела все еще хранились, то есть их содержание выплачивалось как обычно, но полномочия принимать приказы, власть отдавать приказы была совершенно иной.

Меркель: Приблизительно как были организованы сотрудники государственной полиции, то есть, пропорционально согласно своим функциям? Первое, сотрудники с чисто административными функциями?

Кальтенбруннер: По крайней мере, 20 процентов.

Меркель: Сотрудники с чисто функциями полиции безопасности?

Кальтенбруннер: Такое же число, большей частью в любом случае являлся подчиненный персонал, то есть, технический персонал…

Меркель: Об этом я намеревался вас спросить.

Технический персонал, то есть, связисты, наборщики телетайпа, водители, и канцеляристы, сколько их было всего?

Кальтенбруннер: Первая группа 20 процентов, то есть административная группа, и так называемый оперативный личный состав это 20 процентов, затем оставалось 60 процентов делившиеся на две одинаково крупные группы по 30 процентов каждая, технический вспомогательный персонал и канцеляристы.

Меркель: Скажите мне одной короткой фразах о целях и задачах государственной полиции.

Кальтенбруннер: Они здесь периодически повторялись. Государственная полиция имела своей основной функцией, как в каждой другой стране, защиту государства от внутренних нападений.

Меркель: Обвинение утверждает, что членство в государственной полиции была добровольным. Что вы можете сказать об этом?

Кальтенбруннер: Мне кажется, такое утверждение нельзя ни поддерживать ни подтвердить. Я хочу сказать, что очевидно официальный штат существовавший в 1933 могли составлять только сотрудники которые уже тогда являлись полицейскими сотрудниками.

Меркель: И каким путем они поступали в государственную полицию?

Кальтенбруннер: Им приказывали.

Меркель: Приказывали или переводили?

Кальтенбруннер: Государственная полиция существовала до этого времени, точнее, она не называлась тогда государственной полицией, а управлением политической полиции.

Меркель: Значит личный состав государственной полиции видимо позднее,

комплектовался, как и личный состав любого другого государственного органа, в соответствии с принципами закона о служащих германского правительства?

Кальтенбруннер: Абсолютно, да.

Меркель: Указ фюрера номер 1 относительно применения секретности в главном управлении безопасности Рейха? Вы разумеется его знаете – что никто не должен был знать больше чем абсолютно необходимо для своей работы? Это правило также применялось в управлении Гестапо?

Кальтенбруннер: Данный указ применялся не только в Вермахте, но также во всей внутренней исполнительной власти, для всех административных органов, и был вывешен во всех кабинетах по всему Рейху. Таким образом, конечно, мы особенно строго соблюдали этот приказ в полиции.

Меркель: Вам, что–нибудь известно о распоряжении от 1 октября 1944 согласно которому вся таможенная и пограничная охрана, которая до этого времени находилась у ведомства финансов Рейха, передавалась в управление IV, то есть Гестапо, РСХА?

Кальтенбруннер: Таможенную и пограничную охрану передали Гиммлеру и вывели из сферы рейхсминистерства финансов – мне кажется, в сентябре – по приказу Гитлера осенью 1944.

Меркель: Вам известно, сколько личного состава участвовало в этом переводе?

Кальтенбруннер: В начале таможенная и пограничная охрана составляла 50 000 человек. Тогда, я думаю должно было остаться, по крайней мере, на 10 000 меньше, потому что призыв в Вермахта прошёл несколько раз, то есть, молодежь передавали в боевые части.

Меркель: Вы можете подытожить в одном предложении функцию таможенной и пограничной охраны?

Кальтенбруннер: Как следует из названия, таможенная и пограничная охрана гарантировали финансовый суверенитет Рейха через пограничные меры безопасности.

Меркель: Можно сказать, что все эти оценочно 40 000 сотрудников вступили в Гестапо добровольно?

Кальтенбруннер: Нет, по приказу.

Меркель: Пограничная полиция отличалась от таможенной и пограничной охраны. Вам известно, что уже в 1935 она составляла часть государственной полиции?

Кальтенбруннер: Да. Мюллер был генеральным пограничным инспектором Рейха.

Меркель: Подытожьте в одном предложении задачи пограничной полиции.

Кальтенбруннер: Пограничная полиция проверяла паспорта на границах, в аэропортах, железных дорогах, трассах. Ей доверялся весь обычный пограничный контроль.

Меркель: Эта задача отличалась от той, что была в годы до 1933, что–нибудь изменилось?

Кальтенбруннер: Нет.
Меркель: Это отличалось от задач пограничной полиции в других странах?
Кальтенбруннер: Нет, это неправда.
Меркель: Какими были отношения между сотрудниками государственной полиции, её сотрудниками и служащими и СС; они в основном вступали в СС добровольно или на основании приказа?
Кальтенбруннер: Добровольные наборы, должно быть, были небольшими. Мне известно, что позднее Гиммлер, что касается повышений, сильнее колебался, если сотрудник не принадлежал к СС, по этой причине случались наборы, если не из внутреннего убеждения, то по крайней мере, из желания повышения.
Меркель: Таким образом, большая часть вступила из-за этого.
Кальтенбруннер: Да, на этом основывалась система повышений Гиммлера.
Меркель: Члены государственной полиции, в частности сотрудники, имели какую-нибудь возможность уйти с поста если хотели этого?
Кальтенбруннер: Нет.
Меркель: Большая часть сотрудников государственной полиции были так называемыми «нештатными сотрудниками». Вы кратко объясните термин трибуналу?
Кальтенбруннер: Это неправда в отношении тех сотрудниках, которые занимали оперативное положение. Что касается остального личного состава, среди них было больше людей такого рода, особенно во время войны, потому что потери росли очень быстро, как конечно, во всех родах полиции и Вермахта. Таким образом, ближе к концу, личный состав можно было пополнять только нештатными сотрудниками. Это правда в случае технического и канцелярского личного состава.
Меркель: Эти нештатные сотрудники поступали в государственную полицию добровольно?
Кальтенбруннер: Они ничего не могли сказать об этом. После консультаций с компетентными трудовыми ведомствами их назначали на нештатные должности всюду в Рейхе.
Меркель: Что случалось с сотрудниками государственной полиции, которые на допросах допускали эксцессы или покушались на зарубежное имущество?
Кальтенбруннер: Следовали такие же правила, которые применялись ко всем организациям подчинявшимся Гиммлеру. У них были свои суды полиции и СС. В одном предложении, я могу охарактеризовать эту систему сказав, что наказания были гораздо строже, чем в гражданском суде.
Меркель: Некий человек утверждал, что за правонарушение изъятия незначительных вещей у заключенного, он вынужден был провести длительное время в исправительном учреждении. Это было обычным и справедливым наказанием?
Кальтенбруннер: Да.

Меркель: Вы знаете, кого забирали в концентрационный лагерь СС Данциг–Мацкау[218]?

Кальтенбруннер: Любой, кого приговаривали суды полиции и СС помещался в концентрационный лагерь СС Данциг–Мацкау, который назывался дисциплинарным лагерем СС нежели концентрационным лагерем.

Меркель: Мог сотрудник Гестапо, особенно высокого звания, посетить концентрационный лагерь?

Кальтенбруннер: Только по прямому одобрению Поля или Глюкса.

Меркель: Это также, правда о высших руководителях СС и полиции для лагерей, которые находились в их округах?

Кальтенбруннер: Я не могу сказать точно. В любом случае, я полагаю, это должно было относится к таким визитам.

Меркель: Вам известно о так называемых «строгих допросах»? Это применялось и в других странах?

Кальтенбруннер: Я был президентом Международной комиссии уголовной полиции[219], и в этом качестве я имел возможность говорить об этой теме на встрече в 1943. Из этого совещания и также из чтения мной зарубежной прессы за ряд лет я узнал, что полицейская система каждого государства также использует достаточно строгие методы допросов.

Меркель: Мог сотрудник государственной полиции…

Председатель: Что происходило в какой–то международной полицейской комиссии, кажется, не относится к данному делу.

Меркель: Я лишь хотел спросить его о том не применялись ли эти «строгие допросы» только в Германии, но также в других государствах.

Председатель: Нас это не касается.

Меркель: Однако, строгие меры допроса использованы как обвинение в судебном обзоре против государственной полиции, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Мог офицер государственной полиции, при исполнении приказа о превентивном заключении ограниченной длительности, рассматривать телесное наказание или даже доводить до смерти заключенного до его перевода в лагерь?

Кальтенбруннер: Категорически нет, что касалось превентивного заключения ограниченной длительности.

Меркель: Так называемые процедуры расследования причин лишения свободы применялись к заключенным концентрационных лагерей?

Кальтенбруннер: Каждый случай превентивного заключения расследовался; во

218 Штрафной лагерь для членов СС и полиции в Данциге.

219 Интерпол — сокращённое название (с 1956 года) Международной организации уголовной полиции — международная организация, основной задачей которой является объединение усилий национальных правоохранительных органов стран-участниц в области борьбы с общеуголовной преступностью. В 1922-1945 штаб-квартира организации находилась в Австрии.

время войны дважды, в мирное время, конечно чаще…
Меркель: Последняя проблема…
Кальтенбруннер: …но это расследование являлось не только вопросом государственной полиции. Его должен был проводить комендант лагеря, который должен был докладывать о поведении заключенного. Этот доклад комендант лагеря должен был передавать инспектору концентрационных лагерей. Затем государственная полиция должна была разрешать вопрос.
Меркель: Обвинение приобщило в качестве доказательств значительное количество о плохом обращении и пытках во время допросов, которые проходили в западных странах, в особенности во Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии. Существовали какие–либо инструкции РСХА в связи с использованием пыток?
Кальтенбруннер: Нет, конечно нет.
Меркель: Как вы объясните факт такого плохого обращения?
Кальтенбруннер: Я никогда ничего не слышал о таком плохом обращении, в котором обвиняется государственная полиция. По моему мнению, это касается только отдельных эксцессов. Распоряжения об этом точно не принимали.
Меркель: Вам известно, что в оккупированных странах члены движения сопротивления, а также преступные элементы маскировались под сотрудников германской государственной полиции с целью упростить свои задачи?
Кальтенбруннер: Об этом периодически говорилось, но я также не помню, чтобы видел точные материалы об этом.
Меркель: Спасибо господин председатель, у меня больше нет вопросов.
Ханзель: Свидетель, согласно вашим показаниям, в 1932 вы вступили в австрийские СС.
Кальтенбруннер: Да.
Ханзель: Существовала разница между австрийскими СС и немецкими СС, или они являлись схожими группами?
Кальтенбруннер: Существовала определенная организационная схожесть, которая проявилась только после аншлюса. До времени аншлюса, СС в Австрии вряд ли отличались от самой партии или от СА.
Ханзель: Подытожьте уровень силы австрийских СС, к которым вы принадлежали, прежде всего, до австрийского аншлюса в 1938 и затем во время когда вы вступили. Как приблизительно развивалось, выразите в цифрах?
Председатель: Слишком быстро.
Ханзель: Развитие австрийских СС, к которым вы принадлежали, имело место, в 1938 также как и в 1932?
Кальтенбруннер: Мне кажется, что ко времени австрийского аншлюса, максимумом членов было 7 500.
Ханзель: Эта группа играла роль «пятой колонны» в Австрии? Концепция «пятой колонны» вообще касалась её?

Кальтенбруннер: Да, «пятая колонна» стала для меня концепцией из заявления врага, но определять австрийские СС пятой колонной совершенно неправильно. Австрийские СС никогда не имели задачи стать разведывательным подразделением или саботажным подразделением или чем–нибудь таким.

Ханзель: В австрийских СС, к которым вы принадлежали, существовало малейшее намерение осуществить силой аннексию Австрии Германией или этого следовало достичь проведением плебисцита, через правовые меры?

Кальтенбруннер: У СС не было силового плана аннексии, как и факты политического развития не согласуются с этим. Никогда не было необходимости для такого шага, так как движение аншлюса, без такого внешнего призыва, было достаточно сильным само по себе.

Ханзель: Утверждается, что штандарт СС 86 – должен был быть в Вене…

Кальтенбруннер: Вы имеете в виду путч Дольфуса?

Ханзель: Правильно. Вы можете что–нибудь рассказать об этом? Работа этого корпуса имела какую-нибудь связь с убийством австрийского канцлера?

Кальтенбруннер: Я считаю это неправильным. Я должен сказать, что данный корпус позднее не имел номер 86, а 89. В дополнение группа, которая вошла в канцелярию 25 июля 1934 была не группой СС, но группой бывших военнослужащих австрийской армии, которые из–за национал–социалистической деятельности были уволены из армии.

Я не знаю вопроса в подробностях. Однако, тогдашний начальник австрийской полиции, доктор Скубль[220], которого, насколько я знаю вызывали в качестве свидетеля по другому делу сможет дать вам точную информацию об этом. Я прошу вас спросить его об этом.

Ханзель: Попытайтесь вспомнить вступление войск в ночь на 11 марта 1938. Какого рода войска вступали, согласно вашим воспоминаниям? Я спрашиваю: являлись они подразделениями СС или другими подразделениями? Были они армейскими подразделениями? Были они войсками в распоряжении СС[221]? Что вы вспоминаете?

Кальтенбруннер: Мои воспоминания о том что, прежде всего, были подразделения Вермахта, конечно Люфтваффе, и был один полк Ваффен–СС – я не могу вспомнить какой, возможно штандарт «Германия» – участвовал во вступлении.

Ханзель: Вы можете приблизительно сопоставить размер Вермахта и штандарта «Германия»?

Кальтенбруннер: Штандарт «Германия» тогда имел, вероятно, 2 800 человек. Что касается Вермахта, я не знаю, сколько подразделений приняли участие.

Ханзель: Для того, чтобы установить соотношение и согласно вашей мысли, каким было общее количество членов СС? Я хочу упростить это для вас. Я видел

220 Михаэль Скубль (1877–1964) — австрийский политик и деятель полиции. С 20 марта 1937 по 12 марта 1938 государственный секретарь по безопасности Австрии.

221 SS-Verfügungstruppe (войска распоряжения СС) – боевые части нацистской партии сформированные в 1934. В 1940 на их основе были организованы Ваффен-СС.

сообщение, в котором говорилось, что за все время, 750 000 – 1 000 000 человек прошли через СС. Такая цифра правильная?

Кальтенбруннер: Один миллион, конечно слишком высокая. Все вместе взятые рода СС, включая общие СС и Ваффен–СС и включаю членов СС на различной полицейской службе, мне кажется, составляли 720 000 - 750 000 человек. Из этого числа, по крайней мере, 320 000 - 350 000 погибли в бою. Эти потери должны быть даже выше чем я заявил, но мне кажется, более точные цифры можно получить у одного из подсудимых от Вермахта. Я точно не знаю.

Ханзель: Согласно вашим сведениям, сколько человек из этого общего числа вам кажется, было связано с концентрационными лагерями, то есть с надзором, администрацией и так далее? Вы можете привести мне цифры о том, сколько было связано?

Кальтенбруннер: Это для меня неожиданный вопрос, на который я не могу немедленно ответить. Мне нужен карандаш и бумага, чтобы сделать вычисления.

Ханзель: Вы можете, согласно вашим сведениям…

Кальтенбруннер: Конечно, это только часть, очень маленькая часть от общего количества.

Ханзель: Такие члены СС, не важно насколько много или мало их было, которые не были связаны с управлением концентрационными лагерями имели какой-то доступ об условиях или управлении и вещах происходящих в лагерях?

Кальтенбруннер: Конечно нет.

Ханзель: Как вы можете говорить с такой определенностью?

Кальтенбруннер: По собственным личным сведениям о том, что Гиммлер и его организация держала концентрационные лагеря за железным занавесом.

Ханзель: Сотрудников возглавляемого вами ведомства, например, главного управления безопасности, призывали только из СС или преимущественно из СС?

Кальтенбруннер: Вообще нет. Соотношение членов СС и тех, кто не принадлежал к СС было 5 процентов, если я считаю только доверенных людей и сотрудников штата СД внутри Германии.

Ханзель: Таким образом, на 100 сотрудников, было 5 процентов тех кто прошел через СС?

Кальтенбруннер: Да.

Ханзель: Согласно вашим сведениям существовали правила запрещавшие плохое физическое обращение с заключёнными концентрационных лагерей и были эти правила известны СС?

Кальтенбруннер: Их издали в печатном виде: то есть, содержались почти в каждой газете рейхсфюрера СС и главы германской полиции. Каждый эсэсовец знал, что эти правила были законами, и их строго наказывали за сообщения о плохом обращении или если это становилось очевидно.

Я не знаю, в какой степени и в каком состоянии дисциплинарный лагерь

Данциг–Мацгау попал в руки противника, но я убежден в том, что все те, кто отбывал там срок лишения свободы предоставят информацию о жестком наказании в связи с любым плохим обращением которое могло случиться.

Ханзель: Ваша честь, я закончил.

Председатель: Обвинение желает провести перекрестный допрос?

Эймен: Подсудимый, с целью как можно сильнее сократить время данного перекрестного допроса, я хочу убедиться, что мы понимаем друг друга относительно вашей позиции по некоторым вещам.

Итак, первое, вы признаете, что занимали должность начальника РСХА и начальника полиции безопасности и СД с конца января 1943 до конца войны включительно. Это правильно?

Кальтенбруннер: Да, это применимо с теми ограничениями, которые я вчера перечислил относительно своих полномочий в государственной и криминальной полиции.

Эймен: И когда вы говорите о таких ограничениях, вы ссылаетесь на предполагаемую договорённость с Гиммлером? Это правильно?

Кальтенбруннер: Это не предполагаемая договорённость с Гиммлером, но хорошо установленный факт, который существовал с самого первого дня о том, что у меня была задача создания централизованной разведывательной службы в Рейхе, и что он сохранит командование в остальных секторах.

Эймен: Что же, в любом случае, вы признаете, что занимали такую должность, но вы отрицаете, что вы осуществляли некоторые её полномочия. Правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И эта должность, которую вы занимали, была той же самой, которую ранее занимал Гейдрих, который умер 4 июня 1942? Это правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Должность не менялась?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: И вы свидетельствовали, что вы принимаете ответственность за все вещи, которые вы совершали лично или о которых лично знали. Это правильно, не так ли?

Кальтенбруннер: Да. Я могу добавить одну вещь о том, что название моей должности расширилось с 14 февраля 1944, когда военную разведывательную службу ОКВ, управление контрразведки Гитлер передал Гиммлеру Гитлером. Тогда моя должность как начальника всей центральной разведывательной службы Рейха стала известна в остальных ведомствах.

И я могу также, наверное, добавить, что полномочия человека или его обязанности в разведывательной службе, которые не только охватывали такую большую страну как Рейх, но также распространялись на зарубежные государства не стали публичными. Я могу сослаться на Англию, где начальник секретной службы над…

Эймен: Подсудимый, где возможно, пожалуйста, попытайтесь ограничить себя, отвечая на мои вопросы «да» или «нет», и делая только краткое пояснение, потому что мы дойдем в свое время до этих вещей. Вы попытаетесь?
Кальтенбруннер: Да, хорошо.
Эймен: Вы лично имели какие-нибудь сведения или не имели никакого отношения к жестокостям, которые происходили во время войны в концентрационных лагерях?
Кальтенбруннер: Нет.
Эймен: И поэтому вы не признаёте никакой ответственности перед трибуналом за какие–либо такие жестокости? Правильно?
Кальтенбруннер: Нет, я не признаю никакой ответственности за это.
Эймен: И в этой связи, такие показания как те которые давал здесь, например Хёлльригель, о том, что вы очевидец казней в Маутхаузене, вы отрицаете? Правильно?
Кальтенбруннер: Вчера я уже говорил о показаниях Хёлльригеля. Я считаю заявление, что я, когда-нибудь видел газовую камеру, как в действии, так и в другое время, ошибочным и неправильным.
Эймен: Очень хорошо. Вы лично не имели никаких сведений и ничего лично не предпринимали по программе уничтожения евреев; это правильно – за исключением противостояния ей?
Кальтенбруннер: Нет – за исключением того, что я был против неё. С того момента, когда я узнал о таких фактах и убедился в них, я возражал Гитлеру и Гиммлеру, и в конечном результате они её прекратили.
Эймен: И поэтому вы не признаете никакой ответственности за что–либо сделанное в связи с программой уничтожения евреев, правильно?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И то же самое относится к программе принудительного труда?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И то же самое относится, не так ли, к уничтожению Варшавского гетто?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И тоже самое относится к казни 50 летчиков в связи со шталагом авиации III?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И тоже самое относится к различным приказам об убийствах вражеских летчиков, правильно?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И, фактически, вы приводили такие же отрицания во время ваших допросов до процесса, правильно?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И вы продолжаете это делать сегодня?
Кальтенбруннер: Да. Но, что касается предварительных допросов, могу я снова

сделать заявление во время перекрестного допроса?

Эймен: Что же, когда мы дойдем до подходящего места, дайте нам знать.

Это факт или нет, что Гестапо, управление IV, РСХА, готовило доклады о концентрационных лагерях, которые представлялись вам на подпись и затем передавались Гиммлеру?

Кальтенбруннер: Нет. Я не вспоминаю никаких таких докладов. Обычным каналом был тот, что Мюллер непосредственно докладывал Гиммлеру.

Эймен: Вы также отрицаете…

Кальтенбруннер: Я хочу добавить, что конечно существовали определенные вопросы по которым меня должны были информировать по нескольким причинам, например, конечно о крупном внутриполитическом событии, заговоре 20 июля 1944; меня информировали в таких случаях, не через управление IV, а через…

Эймен: Понимаете, я говорю об общей деятельности, а не о каких-то специальных исключениях.

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы также отрицаете, что Мюллер, как начальник управления IV, всегда советовался с вами в отношении любых важных документов?

Кальтенбруннер: Да. Я не только отрицаю это, но факты говорят против этого. У него имелись прямые полномочия от Гиммлера. У него не имелось причин заранее обсуждать со мной этот вопрос.

Эймен: Я прошу показать подсудимому документ, L–50, который станет экземпляром номер USA–793.

[*Документ представили подсудимому*]

Председатель: Разве его раньше не предъявляли?

Эймен: Ваша честь, мне сказали, что нет.

[*Обращаясь к подсудимому*] Кстати, вы знакомы с Куртом Линдовым, который дал письменные показания, датированные 2 августа 1945?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Хотя он был сотрудником РСХА до 1944? Давайте вместе прочитаем только параграфы 2 и 4. Я не буду занимать время трибунала чтением параграфов 1 и 3. Второй, заметьте, гласит следующее:

> «На основании общего опыта, а также отдельных случаев, я могу подтвердить, что Гестапо (управление IV) писало, доклады о практиках административных органов в концентрационных лагерях и что они передавались начальником управления IV начальнику полиции безопасности, который представлял их на подпись рейхсфюреру Гиммлеру».

Кальтенбруннер: Могу я немедленно ответить на это? Мне кажется важным также

зачитать параграф 1.

Эймен: Пожалуйста, сделайте это как можно короче.

Кальтенбруннер: Параграф 1 кажется мне важным чтобы прочитать, в параграфе 1 сказано, что свидетель Линдов, с 1938 до 1940, находился в отделе, в котором писали такие доклады. С 1940 по 1941 он находился в противодействии шпионажу; в 1942 и 1943 он был в отделе по борьбе с коммунизмом; и позднее он был в отделе по вопросам воспитания. Поэтому, мне кажется, что его показания в параграфе 2 – о том, что он знал о порядке в государственной полиции, то есть, что через начальника управления IV, через начальника полиции безопасности, доклады о происходившем в концентрационных лагерях должны были направлять Гиммлеру – остаются правдой только для периода 1938-1940. Судя по его собственным показаниям, он не имел личного опыта о последующих периодах.

Эймен: Что же, другими словами он не сказал правду, что касалось того времени, когда вы работали в РСХА; правильно?

Кальтенбруннер: Я ничего об это не прочёл. Он утверждает что…

Эймен: Я обращаю ваше внимание на два параграфа. Мы уже прошли второй, и теперь мы прочтем четвёртый:

> «По моим сведениям ни один начальник управления и никакой сотрудник РСХА не имел права подписи по каким-либо фундаментальным вопросам особого политического значения без согласия начальника полиции безопасности, даже во время его временного отсутствия. Кроме того, по собственному опыту я могу заявить, что в частности начальник управления IV, Мюллер, был очень осторожен в подписании документов касательно вопросов общего характера с возможного важнейшего значения, и что в большинстве случаев он откладывал в сторону документы такого характера до возвращения начальника полиции безопасности, соответственно, увы, терялось очень много времени». – подписано – «Курт Линдов».

Кальтенбруннер: Да. Я хочу сделать два заявления: первое, это утверждение полностью противоречит показаниям нескольких свидетелей, которые говорили о чрезвычайных полномочиях и независимости осуществляемых Мюллером и свидетельствовали об этом.

Во–вторых, описание Линдова применимо для периода времени, когда работал Гейдрих, то есть, времени между 1938 и 1940, в котором Линдов мог получить опыт. Но это не относится к периоду, в котором Гиммлер отдавал прямые приказы Мюллеру. Это было прерогативой Гиммлера, так как мои задачи имели такой размах, что это было почти невозможным для одного человека управляться с такой работой, как это делал я.

Эймен: Подсудимый, я не хочу тратить на это слишком много времени, но

параграфы, которые я вам зачитал, подтверждают показания свидетеля Олендорфа этому трибуналу, не так ли?

Кальтенбруннер: Показания как их дал Олендорф, вчера продемонстрировал мне мой защитник. Но также и показания как их дал Олендорф, мне кажется, приводят нас к четкому пониманию, что любой исполнительный приказ, даже о превентивном заключении – и он использовал термин «вплоть до последней поломойки» - требовал непосредственного согласия Гиммлера, который мог делегировать такие полномочия только Мюллеру. Однако, он добавил то, что он не знал, нарушались ли такие ограничения или, наверное, мог ли я не иметь таких полномочий, но он не смог об этом уверено сказать. И остальное в его показаниях противоречит предположению, что я имел такие широкие полномочия.

Эймен: Мы все знаем, о чем были показания Олендорфа. Я просто хочу спросить вас, принимаете ли вы показания Олендорфа. Вы сказали нам в ходе допросов о том, что с Олендорфом у вас имелся самый большой контакт, и что вы доверились бы ему как говорившему правду в сравнении с любым другим своим коллегой, это неправильно?

Кальтенбруннер: Я не вспоминаю последнего заявления. Первое заявление о том, что он являлся одним из моих главных сотрудников, оправдано и подтверждается фактом, что он был начальником разведки внутри Германии, которая стала частью моей разведывательной службы. Все внутриполитические доклады, доклады обо всех немецких сферах жизни, я получал преимущественно от этого управления III, в дополнение к новостям от других управлений которые я сам организовал.

Эймен: Вскоре после пасхи 1934 вы находились под арестом в лагере задержанных Кайзерштайнбрух?

Кальтенбруннер: Пожалуйста, какой год вы назвали?

Эймен: 1934

Кальтенбруннер: Да, с января 1934 до начала мая.

Эймен: Вы когда–нибудь, в сопровождении других функционеров СС, инспектировали лагерь Маутхаузен?

Кальтенбруннер: С другими сотрудниками СС, нет. По моим воспоминаниям я отправился туда в одиночку и должен был явиться туда к Гиммлеру, который, как я вчера сказал, проводил инспекционную поездку по южной Германии.

Эймен: И вы отправились только в каменоломню? Правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы знакомы с Карвински[222], государственным секретарем в кабинетах Дольфуса и Шушнига[223] с сентября 1933 по октябрь 1935 – Карвински?

Кальтенбруннер: Я однажды видел Карвински. Мне кажется, он посещал нас в

222 Карл Карвински (1888-1958) – австрийский политик. Государственный секретарь по безопасности Австрии в 1933-1934.

223 Курт Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

лагере задержанных Кайзерштайнбрух во время нашей голодовки. Иначе я никогда его не видел. Может быть, что однажды его представитель посещал нас. Этого я не могу сказать.

Эймен: Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3843, который будет экземпляром номер USA–794. Я хочу сказать трибуналу, что здесь в этом экземпляре довольно спорный язык, но я чувствую, что в виду обвинений против подсудимого, тем не менее, я чувствую своим долгом, его зачитать.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Подсудимый, вы не перевернете на страницу 3.

Кальтенбруннер: На странице 3, здесь только несколько строчек. Могу я сначала прочитать весь документ, пожалуйста?

Эймен: Подсудимый, это бы заняло слишком много времени. Я заинтересован только в параграфе, который на странице 3 английского текста, и начинается: «Вскоре после пасхи…». Вы нашли?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен:

> «Вскоре после пасхи 1934 я получил известия о том, что заключенные лагеря задержанных Кайзерштайнбрух пошли на голодовку. Соответственно я сам туда отправился с целью самому осведомиться о ситуации. В то время как спокойствие и дисциплина преобладали в большинстве бараков, в одном бараке был сильный беспорядок. Я заметил, что один высокий человек показался мне очевидным лидером сопротивления. Это был Кальтенбруннер, тогда кандидат в адвокаты, который находился под арестом, из–за своей незаконной деятельности в Верхней Австрии. В то время как остальные бараки прекратили свою голодовку после моего разговора с представителями заключенных, бараки Кальтенбруннера продолжали голодовку.
>
> Снова я увидел Кальтенбруннера в лагере Маутхаузен, когда я был тяжело болен и лежал на гнилой соломе с несколькими сотнями остальных тяжело больных людей, многие из которых умерли. Заключенные, страдали от голодных отеков и самых серьезных кишечных заболеваний, лежа в неотапливаемых бараках в разгар зимы. Самые примитивные санитарные условия отсутствовали. Туалеты и душевые не использовали месяцами. Тяжелобольные люди облегчались в банки из под мармелада. Грязную солому не меняли неделями, так что формировалась грязная жижа, в которой ползали черви и опарыши. Не было медицинской помощи или лекарств. Условия были такими, что 10-20 человек умирали каждую ночь.

Кальтенбруннер ходил по баракам со блестящей свитой высокопоставленных функционеров СС, всё видел, должен был всё видеть. У нас была иллюзия, что эти нечеловеческие условия теперь изменятся, но по–видимому они встретили одобрение Кальтенбруннера и ничего впоследствии не произошло».

Подсудимый, это правда или ложь?

Кальтенбруннер: Я могу опровергнуть этот документ, очевидно представленный с целью удивить меня, по каждому пункту.

Эймен: Я спрашиваю вас – сначала, я прошу вас сказать, правда это или ложь?

Кальтенбруннер: Это неправда и я могу опровергнуть любую подробность.

Эймен: Сделайте это как можно короче.

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, за время меньшее, чем вы заняли чтением мне невозможно опровергнуть это. Я должен опровергнуть каждое слово, которое инкриминирует меня. Здесь Карвински утверждает…

Эймен: Подождите. Наверное, вы подождете пока, я не прочту вам еще два экземпляра рядом о том же самом. Тогда, наверное, вы сможете дать своё объяснение по всем трем сразу. Это вас устраивает?

Кальтенбруннер: Как пожелаете.

Эймен: Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3845, который станет экземпляром номер USA–795.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Вы уже отрицали, мне кажется, посещение или проход через крематорий в Маутхаузене, правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вам известен Тифенбахер, Альберт Тифенбахер?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Если у вас есть документ, вы заметите, что он находился в концентрационном лагере Маутхаузен с 1938 до 1 мая 1945, и что 3 года он был задействован в крематории Маутхаузена как переносчик трупов. Вы заметили это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Итак, опустившись ниже на полстраницы, вы найдете вопрос:

«Вы помните Айгрубера[224]?

Ответ: Айгрубер и Кальтенбруннер были из Линца.

Вопрос: Вы когда–либо видели их в Маутхаузене?

Ответ: Я очень часто видел Кальтенбруннера.

Вопрос: Сколько раз?

224 Август Айгрубер (1907 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер (22 мая 1938) и рейхсштатгальтер (1 апреля 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1943), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору американского трибунала.

Ответ: Он прибывал время от времени и проходил через крематорий.

Вопрос: Сколько раз?

Ответ: Три или четыре раза.

Вопрос: По какому–либо поводу, когда он проходил, вы слышали как он что-то кому-нибудь говорил?

Ответ: Когда Кальтенбруннер прибывал большинство заключенных должно было исчезать. Только определенных людей представляли ему».

Это правда или ложь?

Кальтенбруннер: Это совершенно неправильно.

Эймен: Итак, я покажу вам третий документ, и затем вы сможете дать короткое объяснение. Я прошу, чтобы подсудимому показали документ номер PS-3846, который станет экземпляром номер USA–796.

[*Документ вручили подсудимому*]

Эймен: Свидетель, могу я спросить вас, вы помните, присутствие когда–либо на одновременной демонстрации трех различных видов казней в Маутхаузене? Трех видов казней?

Кальтенбруннер: Нет, это неправда.

Эймен: Вы знакомы с Йоханном Кандутом, который дал эти письменные показания?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Вы заметите из письменных показаний, что он проживал в Линце; что он был заключенным в концентрационном лагере Маутхаузен с 21 марта 1939 до 5 мая 1945; что кроме работы на кухне он также работал в крематории с 9 мая, и он обеспечивал топку крематория телами. Итак, если вы перевернете на вторую страницу, вверху:

«Вопрос: Вы когда–либо видели посещение Кальтенбруннером Маутхаузена в какое–либо время?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы помните, когда это было?

Ответ: В 1942 и 1943.

Вопрос: Вы можете указать это более точно, может быть месяц?

Ответ: Я не знаю дату.

Вопрос: Вы помните только один визит в 1942 или 1943?

Ответ: Я помню, что Кальтенбруннер был здесь три раза.

Вопрос: Какой год?

Ответ: Между1942 и 1943

Вопрос: Расскажите нам, вкратце, что вы думаете об этих визитах

Кальтенбруннера, которые вы описали? То есть, что вы видели, что вы делали, и когда вы видели, что он присутствовал или не был при таких казнях?

Ответ: Кальтенбруннера сопровождали Айгрубер, Шульц[225], Цирайс, Бахмайер[226], Штрайтвизер[227] и несколько других людей. Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру. Затем людей привели из бункера для казни, и затем были продемонстрированы все три вида казни: повешение, выстрел в затылок и газация. После того как пыль осела нам пришлось вынести тела.

Вопрос: Когда вы увидели эти три типа казней? Это были демонстрационные казни или обычные казни?

Ответ: Я не знаю, были ли они обычными казнями, или просто демонстрацией. Во время этих казней, кроме Кальтенбруннера, также присутствовали руководители бункера, гауптшарфюреры Зейдель и Дюссен. Последний названный затем провел людей вниз.

Вопрос: Известно ли вам казни об этих казнях объявили в этот день или же они были просто демонстрацией или казни ставились для развлечения посетителей?

Ответ: Да, об этих казнях объявили в тот день.

Вопрос: Откуда вам известно, что их назначили на этот день? Кто–то говорил вам об этих объявленных казнях?»

Ответ: Гауптшарфюрер Рот[228], руководитель крематория, всегда вызывал меня в свой кабинет и говорил мне: «Сегодня приезжает Кальтенбруннер, и нам нужно подготовить все для казни в его присутствии». Затем мы были обязаны разжечь и очистить печи».

Кальтенбруннер: Могу я ответить?

Эймен: Подсудимый, это правда или ложь?

Кальтенбруннер: Я желаю торжественно заявить под присягой, что ни единое слово из этих заявлений не правда. Я могу начать с первого документа.

Эймен: Подсудимый, вы можете заметить, что ни одни из этих письменных показаний не брали в Нюрнберге, но что все они, как кажется, взяты за пределами Нюрнберга в связи совершенно иными следственными действиями. Вы это заметили?

Кальтенбруннер: Нет, но они не относятся к делу в том, что касается показаний.

---

225 Карл Шульц (1902 – 1984) – гауптштурмфюрер СС. В 1939-1945 начальник политического отдела лагеря Маутхаузен. Немецким судом был приговорён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

226 Георг Бахмайер (1913 - 1945) – гауптштурмфюрер СС. В 1940-1945 начальник охраны лагеря Маутхаузен. Покончил жизнь самоубийством.

227 Антон Штрайтвизер (1916-1972) – унтерштурмфюрер СС. В 1938 – 1945 (с перерывами) руководил рядом подразделений лагеря Маутхаузен. Немецким судом был приговорён к пожизненному лишению свободы. Умер в тюремной больнице.

228 Мартин Рот (1914 – 2003) – гауптшарфюрер СС. В 1940-1945 начальник крематория лагеря Маутхаузен. Немецким судом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

Могу я начать говорить об этом документе:

Эймен: Да, начинайте.

Кальтенбруннер: Свидетель Карвински заявляет, что видел меня в 1934 в связи с голодовкой в лагере задержанных Кайзерштайнбрух. Он отметил барак в котором были беспорядки, в котором находился высокий мужчина, означавший меня. Согласно нему, я был задержан, из–за моей незаконной деятельности в Австрии. Что касается этих заявлений, до сих пор они совершенно ошибочные.

Прежде всего, я был задержан не из–за национал–социалистической деятельности. В письменном уведомлении о задержании, которое должно было быть известно господину Карвински, который тогда являлся австрийским государственным секретарем по безопасности, буквально говорилось, что мы были арестованы для предотвращения ведения национал–социалистической деятельности. Таким образом, в отношении меня тогда не предъявляли обвинения в ведении запрещенной деятельности. Затем, далее, когда прибыл Карвински, голодовка шла девятый день. У нас не было…

Эймен: Подсудимый могу я прервать вас на секунду. Меня полностью устраивает, если вы свидетельствуете, что эти показания ложь. Если вас устраивает, меня совершенно устраивает такой ответ. Мне не нужны объяснения всех этих абзацев, когда у нас нет никакого способа удостоверить, то, что вы говорите.

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, меня не может устраивать, если высокому трибуналу и целому миру на многих страницах представляют длинные показания и документы, которые вы считаете правдой, и которые тягчайшим образом меня инкриминируют. У меня точно должна быть возможность ответить более чем «да» или «нет». Я просто не могу как какой–то бессердечный преступник…

Председатель: Вам лучше позволить ему продолжать. Мы не хотим спорить об этом. Продолжайте, комментируйте документ.

Кальтенбруннер: Карвински прибыл на восьмой день голодовки. Он не входил в наши бараки, а нас занесли на носилках в административное здание этого австрийского лагеря задержанных. Никто из нас уже не мог ходить. И этому факту есть огромное множество свидетелей – 490 заключенных, которых содержали вместе со мной в лагере. Карвински поговорил с нами в этом административном здании и заявил, что если голодовка прекратится, правительство согласится рассмотреть освобождение всех заключенных. Мы были задержаны в отсутствие вообще какого–либо правонарушения, и перед этим правительство уже три раза давало свои обещания освободить нас, но так и не выполнило своих обещаний.

Поэтому, мы попросили у Карвински письменное заявление, подписанное им или подписанное федеральным канцлером. Мы хотели такое заявление, чтобы была уверенность в обещании, тогда бы немедленно прекратив забастовку. Он отказался. Голодовка продолжилась, и нас забрали в госпиталь Вены. На 11 день, голодовка прекратилась, потому что в тот день запретили давать даже воду. Таковы

факты, а не то, что мы организовали беспорядки.

Председатель: Когда я сказал, что вы можете комментировать, я не подразумевал, чтобы вы вдавались в подробности голодовки.

Кальтенбруннер: Милорд, я только хотел отметить, что то, о чём дал показания свидетель неправильно, что я был руководителем сопротивления и что я еще находился в бараках. Меня пронесли на носилках через весь лагерь, никто из нас тогда не мог ходить.

Пункт 2: позднее я снова и снова беседовал с кузеном Карвински. Его кузен был ответственным за отдел социального страхования в Линце. Он рассказывал мне, что его кузен, то есть свидетель указанный здесь, никогда не находился в Маутхаузене, что он с первого дня заключения был в Дахау. Есть разница, было ли это в Маутхаузене или Дахау, так как его отправили туда как бывшего члена австрийского правительства, который совершал преступления против национал–социалистов. Он был арестован РСХА, которое уже существовало, мне кажется с Гейдрихом в Берлине, а не каким–нибудь австрийским ведомством. Позднее я также никогда не видел этого человека. Я также никогда не посещал Дахау. Поэтому, должно быть просто установить, находился ли с самого начала своего заключения этот человек в Дахау или в Маутхаузене. Если он был в Дахау, как я утверждаю, тогда все это ложь. Если он был в Маутхаузене, сначала нужно доказать, не перепутал ли он меня с каким–то другим человеком. Это первое доказательство, не ошибся ли он с человеком, это не ко мне. Если бы обвинение стремилось выяснить находился ли он с самого начала в Дахау – а я знаю, что он был в Дахау, он был арестован в Инсбруке, когда пытался сбежать в Швейцарию, его кузен дал мне знать об этом, когда по его просьбе он попросил меня вмешаться. Я не мог вмешаться, потому что человека отправили в Дахау прямо через Инсбрук–Миттенвальд. Таким образом, он был совершенно вне моей сферы влияния как государственного секретаря по безопасности австрийского правительства.

Председатель: Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Полковник Амен, я полагаю, подсудимый хочет что-то сказать об остальных документах. Он ответил об одном, не так ли?

Эймен: Ваша светлость, я не знаю, закончил ли он.

Председатель: [*Обращаясь к подсудимому*] Вы закончили с письменными показаниями Карвински?

Кальтенбруннер: Ваша светлость, не совсем.

Председатель: Тогда продолжайте.
Кальтенбруннер: У меня больше нет документа и я прошу, чтобы мне его вернули. Пожалуйста, могу я попросить вас вернуть мне документ?
Эймен: Да, вот он.

[*Документ передали подсудимому*]

Кальтенбруннер: Этот документ не показывали мне на допросах до процесса. В противном случае, я бы немедленно ответил просьбой, чтобы кузена свидетеля Карвински, который являлся начальником отдела социального страхования в Линце, который подписывался тем же именем, вызвали в качестве свидетеля и спросили, правильно ли то он, что он говорил мне о том, что этот Карвински содержался в Дахау и никогда в Маутхаузене. Могу я добавить, что свидетель доктор Скубль[229], который явится в трибунал по другому вопросу, может, наверное, сделать заявление по этому же вопросу, в частности о таком факте, что этот свидетель Карвински был арестован рядом со швейцарской границей, когда пытался бежать после аншлюса и что его забрали оттуда в Дахау.

Причина почему его забрали в Дахау точно мне неизвестна, но доктор Скубль сможет предоставить об этом информацию, предположительно о том, что намерение заключалось в том, чтобы предотвратить любое вмешательство из Австрии в связи с этим бывшим членом австрийского правительства, поскольку Гиммлера считал, что новое австрийское правительство предпримет, что-нибудь в пользу Карвински.
Председатель: Ваш защитник может ходатайствовать о вызове любого свидетеля для опровержения, какого вы захотите. Он может заявить ходатайство с такой просьбой. Нет необходимости сейчас вдаваться в это.
Кальтенбруннер: Ваша светлость, очень хорошо. Я хочу сделать следующее заявление относительно остальных двух документов. Я объявляю все их содержание неправдой и неправильным. Будь они мне предъявлены на допросах, как я сделал в других случаях – я ссылаюсь на показания свидетеля Цюттера[230] – я бы срочно попросил, чтобы этому свидетелю организовали со мной очную ставку. Относительно свидетеля Цюттера, по крайней мере, дважды я просил обвинителя, у которого было звание майора и сидевшего за столом рядом с полковником Эйменом, чтобы этого свидетеля, который выдвинул в отношении меня настолько серьезные обвинения, привели на очную ставку со мной. Сегодня обвинитель, полковник Эймен также присутствовал, когда я заявил эту просьбу, когда обсуждали вопроса Маутхаузена. Эти господа пошли консультироваться с третьим

229 Михаэль Скубль (1877–1964) — австрийский политик и деятель полиции. С 20 марта 1937 по 12 марта 1938 государственный секретарь по безопасности Австрии.
230 Адольф Зюттер (1889 – 1947) – гауптштурмфюрер СС. Адъютант коменданта концентрационного лагеря Маутхаузен.

офицером и обсуждали на английском языке можно или нет вызвать Цирайса или Цюттера. Оба в тюрьме. Все это неправда.

Председатель: Я уже сказал вам, что ваш защитник может ходатайствовать о вызове любого свидетеля какого вы пожелаете для опровержения.

Кальтенбруннер: Я попрошу своего защитника ходатайствовать о вызове этих двух свидетелей.

Эймен: Подсудимый, кто был ответственным за приказ убить всех заключенных в концентрационном лагере Маутхаузен незадолго до конца войны?

Кауфман: Господин председатель, могу я сказать несколько слов в связи с двумя этими документами? Лишь сейчас их впервые представили на процессе, и только сейчас мне возможно, обсудить с подсудимым эти серьезные обвинения. Он также сказал мне, что он отрицает правдивость этих заявлений. Я думаю, я бы пренебрег своим долгом как защитник, если бы я немедленно не попросил, чтобы этих свидетелей заслушали. Может быть, что обвинение позднее…

Председатель: Доктор Кауфман, в чем смысл затягивать процесс? Я сейчас сказал, чтобы вы заявили ходатайство и вам хорошо известно, что ходатайство нужно заявлять в письменном виде.

Я дважды сказал свидетелю, что вы, доктор Кауфман, его защитник, можете ходатайствовать о любом свидетеле для опровержения. Что хорошего в затягивании процесса, вставая и устно заявляя свои ходатайства.

Кауфман: Я далек от того, чтобы затягивать, но я хотел заявить здесь и сейчас, что я хочу вызвать этих свидетелей и я безусловно заявлю ходатайство в письменном виде.

Эймен: Подсудимый вы поняли вопрос?

Кальтенбруннер: Да. Вы спросили меня, кто отдал приказ об убийстве заключенных в Маутхаузене в конце войны, и на это я отвечаю, что такой приказ мне неизвестен. Я отдал в отношении Маутхаузена единственный приказ, и он был о том, чтобы весь лагерь и всех заключенных должны были передать противнику без всякого жестокого обращения. Этот приказ я продиктовал в присутствии свидетеля, доктора Хёттля, и направлен в Маутхаузен через курьера. Я обращаю ваше внимание на заявление доктора Хёттля которым он подтверждает данный факт. Мой защитник направил опросный лист второму человеку. Я попросил у него похожее заявление, но ответа пока нет.

Эймен: Я не спрашивал вас об этом приказе. Я спросил вас о приказе убить всех заключенных в концентрационном лагере Маутхаузен незадолго до конца войны. Кто был ответственным за этот приказ? Вы?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Вы знакомы с человеком, который рассказывает историю, Цирайсом?

Кальтенбруннер: Да, я знал Цирайса.

Эймен: И у вас есть фотография с ним и с Гиммлером, и она теперь в

доказательствах этого трибунала. Вы вспоминаете?

Кальтенбруннер: Я не видел фотографию. Её вручили трибуналу пока я находился в госпитале.

Эймен: Что же, тогда забудем про фотографию.

Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3870, который будет экземпляром USA–797.

Итак, с позволения трибунала это довольно длинный документ, который я не предлагаю читать целиком, но он один из наиболее важных документов в данном деле, и поэтому, я надеюсь, что трибунал прочитает все заявление, при том, что сегодня я не привожу все заявление в интересах экономии времени.

Председатель: Это новый документ?

Эймен: Ваша светлость, новый документ.

Председатель: Он на немецком языке?

Эймен: Да.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Подсудимый, вы заметите, он ссылается на предсмертное признание Цирайса, как сообщил человек, давший письменные показания, и я вначале обращаю ваше внимание на два последних параграфа на первой странице, которые мы прочитаем вместе:

> «Здесь было по одному эсэсовцу на 10 заключенных. Наибольшим числом заключенных было приблизительно 17 000, не считая подразделений лагеря. Наивысшим числом в лагере Маутхаузен, включая подразделения лагеря, было около 95 000. Общее число заключенных, которые умерли было 65 000. Укомплектование производилось подразделениями «Totenkopf[231]», насчитывавшем 5000 человек, включая охрану и командный состав».
>
> И, теперь в середине следующей страницы, начинается параграф:
>
> «По приказу рейхсфюрера Гиммлера, я должен был ликвидировать всех заключенных по указаниям обергруппенфюрера СС, доктора Кальтенбруннера; заключённых нужно было завести в туннели предприятия «Bergkristall[232]» Гузена и оставить открытым только один вход»

Кальтенбруннер: Я ещё не нашел отрывок.

---

231 Отряды «Мёртвая голова» (нем. SS-Totenkopfverbände, SS-TV) — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха[2].

232 Один из наиболее важных и сверхсекретных концентрационных лагерей для производства вооружения проект «B8 Горный хрусталь — Ясень II», который был запущен «Люфтваффе» (ВВС Германии) и компанией Messerschmitt в Ст-Георгене на Гузен в 1944 году для строительства и эксплуатации при самой высокой секретности одного из самых больших и самых современных подземных заводов по производству Messerschmitt Me-262 реактивных самолетов в нацистской Германии.

Эймен: Он в середине второй страницы. Вы нашли?
Кальтенбруннер: Да, сэр.
Эймен:

«Затем я должен был взорвать этот вход в туннели взрывчаткой и таким образом вызвать смерть заключенных. Я отказался исполнять этот приказ. Это означало уничтожение заключенных в так называемом «материнском лагере» Маутхаузен, и в лагерях Гузен I и Гузен II. Подробности этого известны господину Вольфраму и оберштурмфюреру СС Эккерману.

Газовая камера, замаскированная как душевая комната были построена в концентрационном лагере Маутхаузен по приказу бывшего гарнизонного доктора, доктора Кребсбаха[233]. Заключенных газировали в этой замаскированной душевой. В дополнение к этому, между Маутхаузеном и Гузеном ездил специально построенный автомобиль в котором во время поездки газировали заключенных. Идея конструкции такого автомобиля была у доктора Вазицки[234], унтерштурмфюрера СС и фармаколога. Лично я никогда не пускал газ в этой машине; я только водил её. Но я знал, что заключенных газировали. Газация заключенных производилась по запросу врача, гауптштурмфюрера СС, доктора Кребсбаха.

Всё, что мы выполняли, было приказано главным управлением безопасности Рейха, Гиммлером или Гейдрихом, также обергруппенфюрерами СС Мюллером или доктором Кальтенбруннером, последний был начальником полиции безопасности».

Затем переходя к странице 5, ниже центра страницы, начинается параграф: «Ранним летом 1943…». Вы нашли это место?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен:

«Ранним летом 1943, обергруппенфюрер СС, доктор Кальтенбруннер посетил концентрационный лагерь Маутхаузен. Комендант лагеря Цирайс, гауляйтер Айгрубер, начальник лагеря задержанных Бахмайер, и несколько других сопровождали доктора Кальтенбруннера. Я своими глазами видел Кальтенбруннера и двух человек сопровождавших его. Согласно показаниям тогдашних «переносчиков трупов», бывших заключенных Альберта Тифенбахера» - чьи письменные показания оглашались – «нынешний адрес Зальцбург и Йохана Польстера, нынешний адрес Поттендорф

233 Эдуард Кребсбах (1894-1947) – Начальник санитарной части лагеря Маутхаузен в 1941-1943. Казнён по приговору американского трибунала.
234 Эрих Вазицки (1911-1947) – в 1941-1944 врач лагеря Маутхаузен.

> рядом с Винер–Нойштадтом, Австрия, приблизительно 15 арестованных заключенных выбрал начальник тюрьмы, унтершарфюрер Винклер[235], для того, чтобы показать доктору Кальтенбруннеру три способа уничтожения; выстрел в затылок, повешение, и газацию. Женщин, чьи волосы отрезали перед казнью, убили выстрелом в затылок. Вышеуказанные «носильщики трупов» присутствовали при казне и должны были отнести тела в крематорий. Доктор Кальтенбруннер пошёл в крематорий после казни и позднее он отправился на карьер»
>
> Бальдур фон Ширах посещал концентрационный лагерь Маутхаузен осенью 1944. Он, также, ходил в здание тюрьмы и в крематорий».

Вы всё еще говорите, что не имели никакого отношения к приказу относившемуся к этому или вопросам изложенным в письменных показаниях?

Кальтенбруннер: Я категорически это утверждаю, и я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что вы, сэр, сказали, что это заявление взяли у Цирайса при смерти, но вы не сказали, что то, что вы прочитали на страницах 7 или 8 не исходит от Цирайса, а от Ганса Маршалека[236], который ответственный за эти заявления. Этот Ганс Маршалек которого, я в своей жизни, конечно, не видел, заключенный Маутхаузена как и двое других свидетелей. Я кратко выразил свои взгляды на ценность заявления касающегося меня от другого бывшего заключенного концентрационного лагеря и мою неспособность говорить на очной ставке с тем, которого теперь противопоставляют мне, и через своего защитника я заявлю ходатайство. Я должен попросить возразить Маршалеку. Маршалек не может знать о любом таком приказе. Несмотря на это он заявляет, что знает.

Эймен: Подсудимый Маршалек, это просто человек, который взял у Цирайса предсмертное признание. Вы это понимаете?

Кальтенбруннер: Нет, не понимаю, потому что это весьма ново для меня, чтобы обвинение использовало заключенных из концентрационных лагерей для допроса Цирайса, которому трижды выстрелили в живот и умиравшего. Я думал, что такие допросы проводились бы лицом, которое юридически подготовлено и которое в состоянии придать правильное значение таким заявлениям.

Эймен: Подсудимый, что же, возможно, если бы вы обвиняли, вы делали бы по-другому, но в любом случае, ваши показания заключаются, в том, что всё в этих письменных показаниях, которые я зачитал вам ложно; правильно?

Кальтенбруннер: Это ложь. Я никогда не отдавал приказа по лагерю Маутхаузен за исключением того приказа, того единственного приказа, который я отдал в силу специальных полномочий и о содержании и передаче которого я представил

---

235 Якоб Винклер (1892 – 1948) – гауптштурмфюрер СС. В 1943 году руководитель подлагеря концлагеря Маутхаузен. Казнён по приговору американского трибунала.

236 Ганс Маршалек (1914 – 2011) - австрийский социалист и член движения сопротивления. В 1941-1945 был заключённым в концентрационном лагере Маутхаузен.

достаточные показания. Маутхаузен никогда ни в каком виде не находился под моей юрисдикцией, и я не мог отдать такой приказ. Обвинению хорошо известно, и это должна была подтвердить ему дюжина показаний, что я никогда не имел никакой власти над Маутхаузеном.

Председатель: Подсудимый, кажется, вы не поняли о чем этот документ. Это письменные показания Ганса Маршалека, и параграф 2 показывает факт, что он состоялся в присутствии командира танковой дивизии допрос Цирайса, который умирал; и затем он излагает, что сказал Цирайс, и затем он продолжает, в дополнение говорить то, что содержится в параграфе 3; и трибуналу совершенно очевидно, что то, что сказано в параграфе 3 это не то, что говорил Цирайс, а то, что говорил Маршалек – лицо, давшее письменные показания.

Кальтенбруннер: Милорд, могу я сказать в ответ, что Маршалек, как заключенный лагеря, конечно, был не в состоянии знать, что Цирайс никогда не находился под моим командованием. По одной этой причине, кажется, похоже, что Маршалек, когда он опрашивал Цирайса, не мог знать фактов по делу. Я подтверждал трибуналу, и подтверил это обвинителю, что у меня не было полномочий до 9 апреля[237].

Председатель: Да, я знаю, это только вопрос спора. Я только обратил ваше внимание на факт, что из самого документа совершенно очевидно, что то, что прочитал полковник Эймен, зачитывалось как заявление Маршалека, а не заявление Цирайса, что вы заметили.

Эймен: Подсудимый, вы вспоминаете как 27 апреля 1945 отдали приказ коменданту концентрационного лагеря Маутхаузен о том, чтобы, по крайней мере по 1 000 человек должны были убивать в Маутхаузене каждый день? Это правда или ложь?

Кальтенбруннер: Я никогда не отдавал такого приказа. Вы знаете…

Эймен: Вам знаком полковник СС Цирайс, тоже лицо, тот самый человек о котором мы говорим?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И вы были знакомы с Куртом Бехером или Бекером, бывшим полковником СС?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3762, который станет экземпляром номер USA–798.

[*Документ представили подсудимому*]

Кальтенбруннер: Сэр, вы спросили, знал ли я полковника СС Бекера, и я ответил: «Нет», но человек это Курт Бехер.

Эймен: Так уже лучше. Тогда вы знаете его, не так ли?

---

237 Очевидно Кальтенбруннер хотел сказать «19 апреля» вместо «9 апреля» - примечание по IMT, v. XXIV, стр. 773.

Кальтенбруннер: Я знаю его, да.
Эймен: Очень хорошо.
Председатель: Полковник Эймен, эти документы перевели на все языки?
Эймен: Мне так кажется, каждый, да. Нет, мне сказали, что не все, некоторые из них. Ваша светлость, этот на английском и немецком языке. У нас не было времени получить их перевод на русском и французском языке, хотя это уже в процессе.
Председатель: Да, тогда это сделают?
Эймен: Да, сэр, уже делается, да.
Председатель: Очень хорошо.
Кальтенбруннер: Могу я ответить на это?
Председатель: Для полноты протокола, трибунал хочет, чтобы обвинение заявило, когда будет сделан перевод, чтобы вопрос был в полном порядке.
Эймен: Так точно.

Подсудимый, мы сейчас вместе прочитаем документ:

«Я, Курт Бехер, бывший штандартенфюрер СС, родившийся 12 сентября 1909 в Гамбурге, под присягой заявляю следующее:

1. Между серединой сентября и серединой октября 1944 я заставил рейхсфюрера СС Гиммлера отдать следующий приказ, который я получил в двух оригиналах, по каждому для обергруппенфюреров СС Кальтенбруннера и Поля, и копию для себя:

По этому приказу, который вступает в силу немедленно, я запрещаю всякое уничтожение евреев и приказываю, чтобы напротив, слабым и больным людям был предоставлен уход. Я считаю вас – и здесь подразумевались Кальтенбруннер и Поль – личной ответственностью, даже если этот приказ не будет строго выполняться подчиненными ведомствами.

Я лично доставил Полю его копию в его ведомства в Берлине и оставил копию для Кальтенбруннера в его ведомстве в Берлине. Следовательно, по моему мнению, Кальтенбруннер и Поль с этой даты несут ответственность за любые дальнейшие убийства еврейских заключенных.

2. Посещая концентрационный лагерь Маутхаузен 27 апреля 1945 в 9 часов, мне было строго секретно сказано комендантом лагеря штандартенфюрером СС Цирайсом, что Кальтенбруннер отдал ему приказ, чтобы, по крайней мере, по тысяче людей все еще умирали в Маутхаузене, каждый день.

Вышеуказанное является правдой. Настоящие заявления сделаны мной добровольно и без всякого принуждения. Я прочитал их, подписал их, и подтверждаю их под присягой».

Это правда или ложь, подсудимый?

Кальтенбруннер: Частично они правильные, а частично нет. Я должен объяснить их предложение за предложением.

Эймен: Нет, полагаю, вы просто скажите нам, что вы объявляете их ложью, потому что нам нужно продолжать с этим.

Кальтенбруннер: Я совершенно уверен, что вы хотите сэкономить время, но это вопрос установления моей виновности или невиновности и, чтобы это сделать мне должна быть дана возможность сделать подробное заявление. Иначе ни вы, ни трибунал не узнаете правды; я надеюсь, это то, чего мы здесь хотим. Я рад, что этого свидетеля Бехера нашли и что доступно его заявление, потому что оно подтверждает, первое, что в сентябре или октябре 1944 Гиммлер был вынужден отдать такой приказ – тот же самый Гиммлер про которого точно установлено, что с 1939 или 1940 он стал виновным в преступном убийстве евреев в огромном масштабе.

И теперь мы должны понять, почему в сентябре или октябре Гиммлер отдал такой приказ. До того как я увидел этот документ я заявлял вчера и сегодня, что этот приказ был отдан Гитлером по моим представлениям, и очевидно этот приказ Гиммлера основан на другом приказе который он получил от Гитлера.

Во–вторых, мне ясно, что Гиммлер отдал такой приказ Полю, как лицу ответственному за концентрационные лагеря в которых содержались евреи; и в–третьих, что он информировал меня, Кальтенбруннера, об этом как лицо которое возражало Гиммлеру. Что касается Бехера, я пойду дальше.

С помощью этого человека Бехера, Гиммлер делал худшие вещи, какие только можно было делать, и я выведу это на свет. С помощью Бехера и Объединенного комитета[238] в Венгрии и Швейцарии он освобождал евреев в обмен, первое, на военное снаряжение, затем, во–вторых, на сырье, и в–третьих, на валюту. Я услышал об этом от разведывательной службы и немедленно попытался остановить это, не через Гиммлера, потому что у меня бы не удалось, но через Гитлера. В тот момент всякое личное доверие Гитлера к Гиммлеру было подорвано, так как эта акция могла изменить репутацию Рейха за рубежом самым серьезным способом.

В то же время продолжались мои усилия в связи с Буркхардтом, и теперь вы понимаете, почему свидетель Шелленберг заявил о том, что Гиммлер сказал ему: «Я предупрежден; теперь Кальтенбруннер держит меня под колпаком». Это означало, что Кальтенбруннер полностью раскрыл все вещи, которые Гиммлер делал в Венгрии и рассказал Гитлеру о них.

Этим приказом Гиммлер пытался прикрыться и избавиться от этого сделав вид, что ответственность, во всяком случае осталась только на Кальтенбруннере и Поле. Даже согласно этому документу ответственность оставалась на Гиммлере и Поле, но Кальтенбруннера нужно было включить и сказать об этом, потому что

238 Комитет помощи и спасения – еврейская организация в Венгрии действовавшая в 1944-1945.

иначе он мог в любой день поднять вопрос у Гитлера. В этом смысл документа.

Свидетель Бехер, сейчас в Нюрнберге. Я абсолютно прошу очную ставку с ним. Я полностью способен доказать публике с помощью этого свидетеля то как, начиная с перевода так называемому Weiss A.G.[239] в Венгрии до того дня, Гиммлер, с Полем и Бехером и двумя комитетами в Венгрии и Швейцарии управляли этим делом. И я могу подтвердить, как я боролся с этим.

В этом документе есть еще одно обвинение о том, что 27 апреля, я предположительно отдал строго секретный приказ Цирайсу, чтобы 1 000 евреев должны были уничтожать в Маутхаузене каждый день. Я прошу вас, чтобы свидетеля Хоттля, который также здесь, немедленно вызвали сюда для, того, чтобы я мог спросить его, в какой день я продиктовал ему и отправил с курьером в Маутхаузен приказ о том, чтобы целый лагерь со всеми заключенными был передали противнику. Этот свидетель подтвердит вам, что этот приказ был отдан несколькими днями ранее 27 апреля, и что я не мог отдавать приказы о противоположном 27 апреля.

Сэр, я прошу вас, не заставать меня врасплох и не ставить меня в такое положение, чтобы я запутался. Я не сломаюсь. Я клялся вам и клянусь в том, что я хочу помочь вам установить правду.

Эймен: Подсудимый, вы слышали на этом процессе показания о значении фразы «специальное обращение», не так ли? Вы слышали об этом в зале суда?

Кальтенбруннер: Выражение «специальное обращение» использовалось моими дознавателями по нескольку раз за день, да.

Эймен: Вы знаете, что оно значит?

Кальтенбруннер: Это можно только полагать, хотя я не могу дать точное объяснение, что это был смертный приговор вынесенный не публичным судом, а по приказу Гиммлера.

Эймен: Что же, подсудимый Кейтель свидетельствовал, что я думаю, это общеизвестно. У вас не было времени узнать, что означало «специальное обращение»? «Да» или «нет», пожалуйста.

Кальтенбруннер: Да. Я говорил вам, приказ от Гиммлера – я ссылаюсь на приказ Гитлера от 1941, поэтому, также приказ от Гитлера – что казни следовало проводить без правовой процедуры.

Эймен: Вы когда–нибудь обсуждали с группенфюрером Мюллером из управления IV, применение «специального обращения» к определенным людям? «Да» или «нет» пожалуйста.

Кальтенбруннер: Нет, я знаю, что свидетель Шелленберг сказал…

Эймен: Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3839, который станет

239 Акционерная компания Манфреда Вейсса – одна из крупнейших промышленных компаний Германии, посредством неё и шведского дипломата Рауля Валленберга осуществлялась «продажа» евреев от СС в нейтральные страны.

экземпляром номер USA–799. Кстати, вы знакомы с Йозефом Шпацилем[240]?

Председатель: Отвечайте на вопрос.

Эймен: Вы были знакомы с Йозефом Шпацилем?

Кальтенбруннер: Шпасселем? Нет.

Эймен: Он, это человек, который дал письменные показания которые у вас.

Кальтенбруннер: Имя, которое здесь названо это Йозеф Шпацил, и этого человека я знаю, да.

Эймен: Итак, вы посмотрите в центр первой страницы, параграф начинающийся: «В отношении «специального обращения…». Вы нашли место?

Кальтенбруннер: Нет еще, нет. Для того, чтобы понять документ мне нужно прочитать всё в нём.

Эймен: Что же, если вам нужно читать все эти документы, подсудимый, мы никогда не продвинемся, потому что первая часть не имеет никакого отношения к части, которая интересует меня или вас.

Кальтенбруннер: Сэр, прошу прощения, я уверен, что вы заинтересованы в ускорении процедуры насколько возможно, так же как мы, подсудимые не стремимся затягивать процесс, но для моей защиты необходимо, чтобы мне хотя бы разрешили прочитать документ, о котором, я должен сделать заявление.

Эймен: Подсудимый, но ваш защитник получил копии всех этих документов, и я уверен, что здесь, всё что угодно, что должно быть представлено в ваших интересах, он проследит за тем, чтобы это предъявили в подходящее время, что будет после того как я полностью задам вам эти вопрос. Так не подходит?

Кальтенбруннер: Нет, мне этого недостаточно. Я должен в любом случае знать, что содержится в этом документе, поскольку вы просите сделать заявление сейчас.

Эймен: Что же, начинайте и читайте его.

Председатель: Подсудимый, не только ваш защитник следит за вашими интересами, но трибунал проследит за вашими интересами, и вы должны ответить на вопрос, пожалуйста.

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Очень хорошо. Итак, позвольте нам прочитать в центре страницы, начало с:

> «В отношении «специального обращения» я имею следующие сведения:
>
> По поводу встреч начальников управлений, группенфюрер Мюллер часто консультировался с Кальтенбруннером о том нужно ли в том или ином случае, специально обращаться или рассматривать «специальное обращение». Следующий пример о том, как проходила беседа:
>
> Мюллер: Обергруппенфюрер, Б, пожалуйста «специальное

240 Йозеф Шпацил (1907-1967) – штандартенфюрер СС. С марта 1944 начальник управления II (организационно-правовое) РСХА.

обращение» или нет?

Кальтенбруннер: Да, или представьте это рейхсфюреру СС для решения.

или:

Мюллер: Обергруппенфюрер,от рейхсфюрера СС не поступило ответа в отношении «специального обращения» по делу А.

Кальтенбруннер: Запросите еще раз.

или:

Мюллер вручил Кальтенбруннеру бумагу и попросил указаний описанных выше.

Когда Мюллер вёл такую беседу с Кальтенбруннером, он только называл инициалы, так что присутствующие за столом люди никогда не знали о ком идет речь».

И затем последние два абзаца:

«И Мюллер и Кальтенбруннер предлагали в моем присутствии «специальное обращение» или обращение к рейхсфюреру СС за одобрением «специального обращения» в отдельных случаях о которых я не могу привести детали. Я оцениваю, что приблизительно в 50 процентах этих случаев «специальное обращение» одобрялось».

Подсудимый содержание этих письменных показаний, правда или ложь?

Кальтенбруннер: Содержание неправильное, когда приводится в интерпретации которую вы придаёте документу. Вы сразу же поймете, что трагическое выражение «специальное обращение» принимало здесь совершенно юмористический оборот. Вам известно, что означают «Winzerstube»[241] в Годесберге, и «Walsertraum»[242] в Валцертале, их отношение к термину «специальное обращение»? «Walsertraum» это шикарный и самый модный альпийский отель во всем Германском Рейхе, и «Winzerstube» это очень знаменитый отель в Годесберге в котором проводились многие международные встречи. Особенно значимые и видные личности собирались там – я бы назвал господина Понсе[243] и господина Эррио[244] и многих других. Они получали тройной паёк дипломатов, который был девятерным от обычного немецкого во время войны. Им ежедневно давали бутылку шампанского. Им было позволено свободно вести переписку со своими семьями во Франции и получать посылки. Этим интернированным позволяли по нескольким поводам принимать посетителей, выполнялись какие угодно их желания. Вот что означало здесь «специальное обращение».

Я могу только заявить, что очень может быть, чтобы Мюллер мог бы

241 «Винодельня» (нем.)

242 «Мечта»

243 Андре Франсуа-Понсе (1887-1978) – французский дипломат. Посол Франции в Германии в 1931-1938.

244 Эдуар Эррио (1872 — 1957) — французский государственный и политический деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов, писатель, историк, публицист, академик.

говорить со мной об этом, поскольку я крайне стремился переживал с точки зрения внешней политики и разведки, чтобы Рейх теперь следовал моему предложению и обращался с зарубежными людьми в более гуманной манере. Мюллер мог говорить со мной об этом, но «Winzerstube» и Годесберг, эти два окончательных успеха так называемого «специального обращения» были местами, где размещались политические интернированные получавшие благоприятное обращение до помилования.

Эймен: Вы часто встречались с вашими начальниками управлений, включая Мюллера, как указано в этом документе?

Кальтенбруннер: Я вчера и сегодня заявлял, что конечно, я встречал Мюллера когда мы обедали вместе, что нам приходилось делать, потому что все наши 38 зданий в Берлине были уничтожены или повреждены бомбами, но я не разговаривал с ним об официальных вопросов касавшихся управления IV.

Этот документ даёт понять, что эти вопросы были чрезвычайно интересны мне как начальнику разведки.

Могу я попросить вас пока не оставлять этот документ. В протокол данного трибунала следует занести то, что два эти заведения использовались, как я того желал для благоприятного и более лучшего обращения чем пользовались немцы. Это очень важно для меня и моей защиты, и я прошу вас – я попрошу вас через своего защитника – чтобы вы сделали подробные запросы об этих двух отелях, и я также прошу, чтобы вы спросили господина Понсе, в руководителя французских арестованных, о том как с ними обращались. Он настолько хорошо проводил время, что он давал уроки французского жене уголовного следователя, и учил её французскому, когда они часами ходили на прогулки без охраны.

Эймен: Подсудимый, вы давали или нет указания Мюллеру, начальнику управления IV, о том следовало ли отдельных людей, которых содержали в Берлине, перевести в южную Германию или расстрелять? И для вашего содействия, я предложу вам, что это было в феврале 1945, когда русские армии были близки к Берлину. «Да» или «нет», если вы можете.

Кальтенбруннер: Нет, русская армия не была очень близко от Берлина в феврале 1945. Я думаю, военные здесь способны дать вам более точную информацию о том, где тогда шли бои. Мне не кажется, что тогда была причина для эвакуации каких–либо лагерей на юг.

Эймен: Вы были знакомы с Мартином Зандбергером[245], руководителем отдела VI A РСХА?

Кальтенбруннер: Да. Он был первым помощником этого Шеллленберга, которого

245 Мартин Зандбергер (1911 — 2010) — государственный и военный деятель нацистской Германии, был штандартенфюрером СС и командиром зондеркоманды 1а, в дальнейшем, после реорганизации — айнзацкоманды 1а, а также начальником главной службы полиции безопасности (Зипо) и службы безопасности рейхсфюрера СС (СД) в Эстонии, одним из главных действующих лиц в уничтожении евреев в Прибалтике. Координатор эстонских отрядов «Самооборона». Американским трибуналом был приговорён к смертной казни замененной на пожизненное лишение свободы. Освобождён досрочно.

упоминали несколько раз, и он действовал как посредник в отношении разведывательных новостей между Гиммлером и Шелленбергом.
Эймен: Я прошу показать подсудимому документ PS-3838, который станет экземпляром USA–800.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Я обращаю ваше внимание только на первые два абзаца этих письменных показаний:

> «Как руководителю отдела VI A РСХА, мне известно следующее:
> В феврале 1945 мне рассказывал руководитель отдела VI B, штандартенфюрер СС Штаймле[246], что он должен был представлять Шелленберга на ежедневных совещаниях начальников управлений. По этому поводу, Мюллер, начальник управления IV, представил Кальтенбруннеру список людей, которые находились в заключении или рядом с Берлином, для решения Кальтенбруннера о том нужно ли было перевозить их в южную Германию или расстрелять, потому что русские армии были близко от Берлина. Штаймле не знал, кем были эти люди. Кальтенбруннер принял свои решения крайне спешным и поверхностным образом и Штаймле выразил свое возмущение легкомысленностью процедуры. Из этого я заключил, что Кальтенбруннер приказывал о ряде расстрелов, потому что если бы приказали эвакуацию, не было бы речи о легкомысленности процедуры».

Эти письменные показания, правда или ложь?
Кальтенбруннер: Это заявление неправильное, и хотя оно удивило меня, я могу его немедленно опровергнуть. Возможно, я могу обратить внимание на следующие пункты:

Первое, документ был подготовлен в Оберурзеле 19 ноября 1945 свидетелем Зандбергером. Во второй половине первого абзаца он заявляет, что он находится в Англии вместе с Шелленбергом. Я прошу прощения: он заявляет это во втором абзаце. «Так как я был информирован Шелленбергом в лагере интернированных в Англии, на прогулке…». Вы можете понять из второй части, что он, вместе с Шелленбергом, находился в лагере для допросов возле Лондона, в котором меня также содержали 10 недель, где они подробно беседовали. Таким образом, важно, потому что кое–что ещё можно сказать об этом человеке Шелленберге, знать сам ли Зандбергер получил эту информацию от Штаймле до

246 Ойген Штаймле (1909 — 1987) —штандартенфюрер СС. Командир Зондеркоманды 7а (Айнзацгруппа «B») и Зондеркоманды 4а (Айнзацгруппа «C»). На Нюрнбергском процессе по делу об айнзацгруппах был признан военным преступником и приговорён к смертной казни через повешение, но позже она была заменена двадцатилетним заключением. Освобождён досрочно.

февраля 1945, или он получил её от Шелленберга в Лондоне, когда их вместе интернировали. Это можно установить, только опросив здесь Зандбергера моим защитником. До этого времени, я должен полностью опровергнуть данное заявление.

Эймен: Хорошо.

Кальтенбруннер: Нет сэр, никоим образом не закончил то, что должен сказать. Во–вторых, Зандбергер заявляет о том, что он услышал от Штаймле о том, что слышал Штаймле. Лично я бы не придавал слишком много значения любой информации из третьих или четвертых рук, и я решительно возражаю такому заявлению как сделал Штаймле. Я не имел ни полномочий принимать такие решения, ни Штаймле, ни Зандбергер, ни Шелленберг никогда не могли иметь никаких сомнений, что только Гиммлер мог принимать такие решения.

В-третьих, лишь однажды я услышал о таком обращении от свидетелей. Я лично вмешался, и дам здесь знать. Это было в случае Шушнига, который был в одном таком лагере, которому угрожали русские. 1 февраля 1945 – я очень хорошо помню точную дату и это может подтвердить здесь другой подсудимый – я ответил этому другому подсудимому, когда он спросил: «Не можем ли сделать, что–нибудь с Шушнигом, чтобы он не попал в руки русских? Вы или я предложим фюреру освободить его из заключения или, по крайней мере, перевести его куда–нибудь где он не попадет в руки русских, но скорее в американские руки?» Соответственно, один из нас - я не помню кто, возможно, мы оба – предложили это Гитлеру.

Председатель: Конечно, вы ушли очень далеко. Трибунал прекрасно понимает о чём вы говорите, что очевидно, это свидетельство понаслышке. Единственный вопрос для вас, представлял ли вам Мюллер по этому поводу список имен, и мы понимаем, что вы сказали, что не представлял. Мы не хотим слушать спор об этом.

Кальтенбруннер: Нет, ваша светлость, Мюллер не представлял мне такой список, но я должен каким–то образом определить свое отношение к этому документу, который сейчас показали мне впервые. Я не хочу, чтобы трибуналу казалось, что я могу защищать себя только после часовых консультаций со своим адвокатом. Я хочу сказать обвинителю в лицо, что это не правда. И я так делаю; как–то же я должен защищать свою правдивость. Я не могу сразу дать ответ и не могу сделать проще для обвинителя, кроме как, попросив его доставить этого свидетеля, Зандбергера, в суд; он между тем сможет долго обсудить это с ним, поэтому я говорю ему почему я не считаю это достоверным. Я должен заранее сказать трибуналу, почему эти вещи неправда.

Эймен: Подсудимый, вы знакомы с так называемым приказом «Пулей» который направили в концентрационной лагерь Маутхаузен? «Да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Вчера я сделал подробное заявление об этом приказе «Пуля» и заявил, что я не знал об этом приказе.

Эймен: Вы когда–либо отдавали какие–нибудь приказы дополнявшие так

называемый приказ «Пуля» - лично вы, вы когда–либо принимали такое?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Я прошу показать подсудимому документ PS-3844, который станет экземпляром USA–801.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Вы были знакомы с Йозефом Нидермайером, подсудимый? Йозеф Нидермайер?

Кальтенбруннер: Нет, я не вспоминаю, чтобы знал его.

Эймен: Что же, вероятно это вернет вам память – параграф 1:

> «С осени 1942 до мая 1945 так называемые тревожные бараки в концентрационном лагере Маутхаузен находились под моим надзором.
>
> 2. В начале декабря 1944 в политическом отделе концентрационного лагеря Маутхаузен мне были показаны так называемые приказы «Пуля». Было два приказа, каждый содержал подпись Кальтенбруннера. Я лично видел обе подписи. Один из этих приказов заявлял, что зарубежных гражданских рабочих, которые неоднократно бежали из трудовых лагерей должны были, при поимке, направлять в концентрационный лагерь Маутхаузен для акции «Пуля».
>
> Второй приказ заявлял о том, что такая же процедура должна была следовать в отношении офицеров и сержантов, которые были военнопленными, за исключением британцев и американцев, если они неоднократно бежали из лагерей военнопленных. Таких военнопленных также должны были доставлять в концентрационный лагерь Маутхаузен.
>
> 3. В силу приказов «Пуля» и устных указаний Кальтенбруннера, которые их сопровождали, 1 300 иностранных гражданских рабочих, офицеров и сержантов должны были доставить в концентрационный лагерь Маутхаузен. Здесь их разместили в блоке 20 и согласно приказам настолько плохо кормили, что им пришлось голодать. Восемьсот из них умерло от голода и болезней. Плохое питание и отсутствие медицинского ухода являлись результатом личных устных приказов Кальтенбруннера».
>
> Это заявление, правда или ложь, подсудимый?

Кальтенбруннер: Нет, сэр, это неправильно. Мне кажется, что я могу опровергнуть весь документ прямо сейчас. Могу я обратить ваше внимание на вторую страницу. На второй странице, параграф 3, в трёх строчках сказано: «1 300 иностранных гражданских рабочих, офицеров и сержантов доставили…». Со слов «гражданских

рабочих…».

Эймен: Подсудимый, меня в основном интересовал второй абзац, который касается имеет отношение к тому факту, что человек давший письменные показания видел два приказа «Пуля» содержавших вашу подпись. Это, насколько вы знаете, правда или ложь?

Кальтенбруннер: Нет, я вчера сказал, и я повторяю это сегодня под присягой, что эти приказы «Пуля» мне неизвестны. Обсуждая правдивость свидетеля и доказательственную ценность документа, я должен лично выдвинуть свои аргументы по тем пунктам где в особенности очевидно, что обвинение ошиблось, то есть, в третьей строке параграфа 3. Здесь свидетель – чья подпись полностью отличается от написанной в заявлении, и это факт на который я хочу обратить внимание трибунала – свидетель совершенно забыл, что приказы «Пуля», текст которых здесь периодически оглашали, ссылался на офицеров и сержантов, а не на гражданских рабочих. Как, на основании ложного приказа вообще могло происходить такое? Я не мог вынести смертный приговор об убийстве в силу гражданского параграфа, такого как 820 БГБ[247], как и не мог я в силу приказов «Пуля» закрывать гражданских рабочих в лагере. Свидетель в своёй спешке и стремлении оправдаться, забыл такие подробности.

Также мне не кажется, что этот человек когда–либо видел документ, который содержит мою подпись. Такой документ мне также никогда не предъявляли.

Ещё раз, я должен просить, чтобы этого свидетеля – и я уверен здесь будут другие по вопросу Маутхаузена – чтобы этого свидетеля и всех остальных доставили сюда и допросили о том как они делали свои заявления.

Эймен: Подсудимый, вы вспоминаете показания свидетеля Вислицени о вашем участии в программе принудительного труда для обороны ниже Вены?

Кальтенбруннер: Я не совсем закончил отвечать на ваши последние вопросы. Простите меня, но у меня есть сказать кое–что жизненно важное по данному вопросу.

Эймен: Я подумал вы разобрали это.

Кальтенбруннер: Да, я подумал также, но я просто вспомнил кое–что важное.

Эймен: Хорошо.

Кальтенбруннер: Это настолько относится к делу, что я должен сослаться для вас на то, о чём я вчера говорил про приказы «Пуля». Я заявил о том, что он стал известен мне в декабре или январе 1944–45, и какой была моя реакция, и как я возражал им. Эти обстоятельства, также объясняют факт, что я не мог, незадолго до этого, сам подписать такой приказ.

Кроме этого, для Кальтенбруннера совершенно невозможно подписать

---

247 Аббр. с нем. Bürgerliches Gesetzbuch (Германское гражданское уложение) — крупнейший и основополагающий закон Германии, регулирующий гражданские правоотношения. Разработан и принят в кайзеровскую эпоху, на излёте «юридического столетия», действует с изменениями и дополнениями вплоть до настоящего времени.

приказ «Пулю», когда обвинению ясно, что он уже был подписан Гитлером в 1941. Вот почему я хотел сделать это заключительное замечание о документе.

Итак, вы будете любезны повторить следующий вопрос?

Эймен: Я хочу обратить ваше внимание на показания Вислицени в отношении вашего участия в программе принудительного труда для обороны ниже Вены. Вы знакомы с тем, что он сказал в суде?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Что же, я зачитаю вам это. Это очень короткое:

> «Вопрос: В связи с евреями, которые оставались в Будапеште. Что с ними произошло?
>
> Ответ: В октябре-ноябре 1944 года было отобрано и отправлено в Германию около 30 тысяч евреев или, может быть, несколькими тысячами больше. Там их должны были использовать в качестве рабочей силы на строительстве та называемого юго-восточного вала — укрепленных позиций вблизи Вены. Речь при этом шла главным образом о женщинах. Большая часть этих рабочих погибла в так называемых трудовых лагерях на Нижнем Дунае вследствие истощения и заболевания эпидемическими болезнями. Большая часть этих людей, около 12 тысяч человек, была отправлена в Вену или в ее окрестности, и около 3 тысяч было отправлено в Берген-Бельзен[248], а затем они попали в Швейцарию. Это были евреи, которые в ходе переговоров с комитетом были выпущены из Германии».

Итак, подсудимый, вы вспоминаете наличие какой-нибудь переписки с бургомистром города Вена в применении принудительного труда в городе Вена?

Кальтенбруннер: Я никогда не писал ни единого письма бургомистру Будапешта, и я очень хочу попросить вас показать мне такое письмо.

Эймен: Я не сказал Будапешта, я сказал бургомистр города Вена, или собирался, если и не сказал.

Кальтенбруннер: Бургомистр Вены? Я также не могу вспомнить переписку с ним. Я думаю, возможно, я могу объяснить вам дело сказав, что это те пограничные укрепления которые должно быть имели здесь не подчинялись городу Вена, а подчинялись гау Нижний Дунай. Мне неизвестно, чтобы Вена имела общую границу с Венгрией.

Эймен: Что же, вы уже свидетельствовали о том, что вы не имели никакого отношения к участию в этой программе принудительного труда, это не правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Хорошо.

Я прошу показать подсудимому документ PS-3803, экземпляр номер

248 Берген-Бельзен — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся в провинции Ганновер (сегодня — на территории земли Нижняя Саксония) в миле от деревни Бельзен и в нескольких километрах к юго-западу от города Берген.

USA–802.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Я обращаю ваше внимание на первые три абзаца. Вы заметите, что письмо исходит лично от вас и гласит следующее:

«Бургомистру города Вена, бригадефюреру СС Блашке[249].

Предмет: Назначение рабочей силы на значимые военные работы в городе Вена.

На: твоё письмо от 7 июня 1944.

Дорогой Блашке: по особым причинам указанным тобой я между тем отдал приказы направить несколько эвакуационных транспортов в Вену–Штрасхоф. Бригадефюрер СС, доктор Дельбрюгге[250], собственно говоря, уже писал мне по этому же вопросу. Сейчас это вопрос четырех транспортов с приблизительно 12 000 евреев. Они прибудут в Вену за несколько дней.

Согласно предыдущему опыту оценивается, что 30 процентов транспорта будут составлять евреи пригодные для работы, в таком случае приблизительно 3 600, которых можно использовать для работы, с пониманием, что могут подлежать в любое время удалению. Очевидно, что эти люди должны быть назначены для работы в крупных, хорошо охраняемых группах, и размещаться в охраняемых лагерях, и это абсолютная предпосылка для доступности этих евреев.

Женщины и дети евреев непригодных для работы, и которых держат в готовности для специальной акции, и поэтому однажды изымут снова, также должны оставаться в охраняемом лагере в течение дня.

Пожалуйста, обсуди дальнейшие подробности с главным управлением государственной полиции в Вене, оберштурмбаннфюрером СС доктором Эбнером[251] и оберштурмбаннфюрером СС Крумей[252] от зондерайнзацкомманды Венгрия, которые находятся в Вене.

Я надеюсь, эти транспорты помогут тебе в осуществлении твоих неотложных работ.

Хайль Гитлер. Твой Кальтенбруннер».

Итак, вы вспоминаете это сообщение?

Кальтенбруннер: Нет.

---

249 Ганс Блашке (1896–1971) — австрийский политик. Бургомистр Вены с 30 сентября 1943 по 6 апреля 1945.

250 Ганс Дельбрюгге (1902-1982) – бригадефюрер СС. Регинрунгспрезидент Вены в 1940-1945.

251 Карл Эбнер (1901–1983) — сотрудник Гестапо, до 1 декабря 1944 заместитель начальника управления Гестапо в Вене. Австрийским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Помилован в 1953.

252 Герман Крумей (1905–1981) — сотрудник специальной группы А.Эйхмана осуществлявший депортацию евреев из Венгрии в концентрационные лагеря. Немецким судом был приговорён к пожизненному лишению свободы. Освобождён досрочно.

Эймен: Вы отрицаете, что писали это письмо?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: Что же, я думаю, подсудимый, на этот раз на подлиннике письма стоит подпись. У вас есть подлинник?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: Это ваша подпись?
Кальтенбруннер: Нет, это не моя подпись. Это подпись либо чернилами или факсимиле, но она не моя.
Эймен: Подсудимый я хочу показать вам образцы вашей подписи, которые вы давали во время ваших допросов, и прошу сказать мне ваши ли это подписи.

[*Документы передали подсудимому*]

Кальтенбруннер: Я уже делал сотню таких подписей, и они, наверное, правильные. Та, что карандашом, документ подписанный карандашом, подписан мною.
Эймен: Что же, укажите их как–нибудь для того, чтобы трибунал мог посмотреть на подписи, которые вы признаете, и сравнил их с подписью на документе PS-3803, экземпляр USA–802?
Кальтенбруннер: Подписи на этих бумагах написанные карандашом мои, они мои.
Эймен: Все они?
Кальтенбруннер: Все три.
Эймен: Хорошо.
Кальтенбруннер: Но не эта чернилами.
Эймен: Очень хорошо.

[*Документы передали трибуналу*]

Эймен: Мне продолжать, ваша светлость?
Председатель: Секунду, пожалуйста.
Продолжайте, полковник Эймен.
Эймен: Подсудимый, вы слышали доказательства о создании Варшавского гетто и очистке гетто.
Председатель: Вы прошли документ?
Эймен: Да, ваша честь.
Трибунал: Нам лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Тома: Господин председатель, я должен начать представление своих доказательств в течение нескольких дней, и я пока не знаю о допустимости своей документальной

книги 1. Вы будете любезны сказать мне в какой день и какое время это можно будет обсудить.

[*Была пауза в разбирательстве*]

Председатель: Доктор Тома, трибунал считает, что предмет того о чём вам нужно сказать, завтра половина двенадцатого – то есть утро субботы – было бы хорошим временем, когда мы сможем разрешить допустимость ваших документов.
Тома: Большое спасибо, так точно.
Эймен: С позволения трибунала, я хочу на секунду вернуться к документу PS-3803 с подписью.

Подсудимый, у вас есть подлинник экземпляра?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: Вы посмотрите на подпись и скажите мне, нашли вы или нет, написанные рукой чуть выше подписи, буквы D–e–i–n[253]?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: И как я понимаю, это слово означает «твой»; другими словами, это интимное выражение, используемое только между близкими друзьями, это не правильно?
Кальтенбруннер: В немецком есть только две формы завершения письма: также «Ваш» В-а-ш, или «Твой», Т–в–о–й. Мы используем последнюю, «Твой», если у нас близкие отношения, дружеские отношения. Блашке, бургомистр Вены, это мой друг и видимо…
Эймен: Итак, не является абсолютно смехотворным и немыслимым, что делается штамп или факсимиле, который содержит не только подпись, но и выражение «Dein» выше подписи?
Кальтенбруннер: Это было бы бессмыслицей, я полностью согласен в этим, но я не говорил, что это должна быть факсимильная подпись. Я просто сказал, что это не моя подпись.

Это либо факсимиле, или её поставили ниже под другой подписью. Автор этого письма – вы не позволили мне закончить ранее – как видно из кода в верхнем левом углу, находится в отделе IV A и B. Каждый в управлении и всем Германском Рейхе знал, что бургомистр Вены, Блашке, и я были близкими друзьями с момента общей политической деятельности в Вене, то есть почти 10 лет, и он использовал похожую форму адреса «Ты». Поэтому, если например, я отсутствовал в Берлине, и письмо было срочным – как я полагаю из его содержания – сотрудник мог посчитать оправданным, написать его в такой форме. Я, конечно, не разрешал ему, это совершенно невозможно, но только таким образом я это объясняю.

253 «Твой» (нем.).

Эймен: Подсудимый тогда, по крайней мере, вы согласны, что это не факсимильная подпись, правильно?

Кальтенбруннер: Было бы необычным использовать штамп со словами «Твой». Это совершенно не обсуждается. Поэтому сам сотрудник должен был подписаться. Каждый знал, что Блашке мой знакомый и поэтому нужно было слово «Твой», если он вообще использовал мою подпись.

Пожалуйста, посмотрите на цифру 30 вверху. Из многих образцов написанного мною вы можете понять, что я не совсем не так пишу.

Эймен: Подсудимый это не одинаково смехотворно, думать, что человек, или сотрудник, как вы его назвали, подписывает такое письмо от вашего имени пытаясь сымитировать вашу подпись?

Кальтенбруннер: Сэр, совершенно правильно, это само собой разумеется, когда пишут письмо бургомистру Вены, человеку о котором сотрудник знает совершенно точно, что я с ним знаком, ставить мое машинописное имя на личном письме. Это бы тоже было невозможно. Если я был не в Берлине, у него было только две возможности: либо напечатать её или сделать её похожей на то будто я, Кальтенбруннер, действительно был там.

Эймен: Это не факт, что вы просто лжете о своей подписи на этом письме, таким же образом как лгали трибуналу обо всем, о чем еще давали показания? Это не факт?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, целый год меня оскорбляют, называя лжецом. Целый год меня допрашивали сотню раз здесь и в Лондоне, и меня оскорбляли точно также и даже хуже. Мою мать, которая умерла в 1943, назвали шлюхой, и много похожих вещей швыряли в меня. Этот термин для меня не новый, но я хотел бы заявить, что в подобном вопросе я точно не говорю неправду, когда я прошу от трибунала поверить в более важных вопросах.

Эймен: Подсудимый, я полагаю, что когда ваши показания прямо противоречат 20 или 30 другим свидетелям и более того документам, это совершенно недостоверная вещь, что вы должны говорить правду и, что каждый свидетель и каждый документ должен быть фальшивкой. Вы не согласны с таким предположением.

Кальтенбруннер: Нет. Я не могу признать это, потому что у меня каждый раз при предъявлении мне документа сегодня, складывается ощущение в том, что его можно на первый взгляд немедленно опровергнуть в большинстве существенных положений. Я прошу и надеюсь, что трибунал позволит мне, сослаться на отдельные пункты и связаться с отдельными свидетелями для того, чтобы я мог напоследок защищать себя. На протяжении предварительных допросов ваш коллега всегда занимал несправедливое отношение, из–за моих опровержений несущественных подробностей. Концепция ускоренных судебных разбирательств неизвестна мне в такой форме. Скажи он мне в общих чертах о способах выяснить настоящую правду, мне кажется, он бы быстрее перешел к значительно крупным и более важным вопросам. Наверное я единственный подсудимый, которого при получении

обвинительного заключения спросили: «Вы готовы делать дальнейшие заявления обвинению» - и я заявил: «Немедленно» - и подписал это – пожалуйста представьте подпись: - «теперь после получения обвинительного заключения я в распоряжении обвинения для любой информации». Разве не так? Пожалуйста, подтвердите это. Этот господин [*указывает на переводчика*] допрашивал меня. Я всегда был готов, то есть в течение последних пяти месяцев предоставить информацию по любому вопросу, но меня больше не спрашивали.

Председатель: Вы должны сдерживаться. И когда вы видите свет, говорите медленнее. Вам известно про свет, не так ли?

Эймен: Подсудимый это не факт, что в связи с вашим последним допросом, вы заявили, что больше не желаете допрашиваться, потому что вопросы показались предназначенными помочь обвинению нежели помочь вашему делу, и что вам сказали, что в таком случае вас больше не будут допрашивать, что вас также проинформировали о том, что есть другие документы и другие материалы, которые вам не предъявили, что если вы желаете в любое время вернуться и быть допрошенным об этих вопросах, вы должны сказать об этом своим адвокатам и направить записку, и что дознаватель был бы очень рад продолжить допрашивать вас? Это не факт, «да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Нет, сэр, дело обстояло не так. Я делал это заявление непрерывно, когда меня подробно допрашивали. Это было вечером и уже было очень поздно. Мне кажется было около 20 часов, я очень хорошо помню комнату. Меня привели в комнату. Этот переводчик, которого я увидел здесь этим утром, мне кажется сидел за длинным столом с двумя или тремя другими сотрудниками. Они сказали: «Сегодня вы получили обвинительное заключение» - и я сказал: «Да, получил». Они сказали: «Вы осведомлены о том, что теперь вам нужно поговорить с генеральным секретарем о вашей защите? Вы желаете допрашиваться в дальнейшем?» На что я сказал: «Да, конечно, я в вашем распоряжении в любое время». Потом этот офицер посмотрел на меня очень испуганно, потому что он не ожидал от меня такого ответа, очевидно все остальные казалось, сказали: «Нет, мы рады, что эти допросы подошли к концу и мы теперь сможем работать над нашей защитой».

Эймен: Итак, подсудимый, я хочу зачитать вам из вашего последнего допроса. После вопроса о том, помогли ли вам показания настолько, что вы хотели продолжить, вы сказали следующее:

> «Это бы по крайней мере было важно для моей защиты как материал, которые помогают делу обвинителя и о которых дознаватель непрерывно меня спрашивал; поэтому, я чувствую, что я все еще в руках обвинителя, а не в руках судьи ответственного за предварительные слушания. Так как обвинительное заключение вручили, я теперь в состоянии самостоятельно подготовить свою

защиту, и поэтому не считаю правильным, чтобы вы продолжали искать материалы, которые меня инкриминируют. Пожалуйста, не принимайте такое отношение как критику или опровержение, потому что меня никогда не информировали о процедуре которая последует в этих слушаниях и не знаю о ней, но по моим сведениям о правовой процедуре это неправильно. Мне никогда не дали возможности очной ставки с другими свидетелями и напомнить им, что то или это происходило так, а не иначе, и т. д.

Вопрос: Ваше заявление сделано в форме возражения дальнейшим допросам?

Ответ: Если, как я теперь заявил, есть возможность моей очной ставки со свидетелями и какого-то отношения о показаниях в свою пользу, я был бы очень рад продолжить, но даже так я чувствую, что было бы лучше сделать так во время показаний на самом процессе. Мне кажется, я должен сначала обсудить это со своим защитником.

Вопрос: Что же, если у вас на уме есть какой–то вопрос возникнет о том должны ли вы продолжать любые дальнейшие допросы ведомством главного обвинителя, или представителем США в Международном военном трибунале, думаю, вам следует также поговорить с вашим защитником. Вы никогда не находились ни под каким принуждением отвечая либо раньше или после вручения обвинительного заключения. Я думаю, вы согласитесь, что обращение с вами во всяком случае было честным».

Это неправильно?

Кальтенбруннер: Да, господин обвинитель, это подтверждает именно то, о чём я вам говорю. Материал, который вы сейчас зачитали заявляет, что я не согласился с тем, чтобы допросы и обсуждения должны были внезапно прерваться. Я сказал, что я никогда не имел никакой возможности говорить со свидетелем в очной ставке. Это подтверждается тем, что я просил вас привести ко мне свидетеля на очную ставку для того, чтобы я мог поговорить с ним. Я вообще не отрицаю все, что я также сказал, что я был рад, что теперь я смогу начать подготовку своей защиты. Действительно, это так. Но я не сказал во время такого длинного заявления - его мне не зачитывали - и сформулировали так, как не формулировали ни один другой допрос, за исключением, возможно, двух или трех, что я больше не предоставляю себя в распоряжение дознавателя. Я заявил прямо противоположное и вы тоже прочли о том, что я в распоряжении дознавателя.

Эймен: Подсудимый, давайте перейдем к Варшавскому гетто. Вы вспоминаете из показаний перед этим трибуналом, что почти 400 000 евреев были сначала поместили в гетто и затем окончательной акцией войска СС очистили от 56 000, из которых более чем 14 000 были убиты. Вы вспоминаете эти доказательства?

Кальтенбруннер: Я не вспоминаю, никаких подробностей этого заявления, то, что я знаю об этом вопросе я уже сказал сегодня.
Эймен: Вам известно, что по сути все эти 400 000 евреев были убиты на заводе уничтожения в Треблинке? Вы знали об этом?
Кальтенбруннер: Нет.
Эймен: Какое отношение вы имели к окончательному уничтожению Варшавского гетто, как обычно никакого?
Кальтенбруннер: Я не имел к этому никакого отношения, как я уже заявил.
Эймен: Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3840, который станет экземпляром номер USA–803.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Вы знакомы с Карлом Калеске[254]?
Кальтенбруннер: Нет, это имя мне неизвестно.
Эймен: Вам поможет вспомнить, если я предложу вам, что он был адъютантом генерала Штропа?
Кальтенбруннер: Я не знаю адъютанта генерала Штропа, имя, которое вы назвали мне: «Калеске» я также не знаю.
Эймен: Перейдем к письменным показаниям. У вас они есть?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен:

> «Моё имя Карл Калеске. Я был адъютантом доктора фон Заммерна–Франкенегга[255] с ноября 1942 до апреля 1943, пока он был СС и Polizeifuhrer[256] Варшавы. Затем я стал до августа 1943 адъютантом СС и Polizeifuhrer Штропа. Акция против Варшавского гетто была запланирована когда фон Заммерн–Франкенегг был СС и Polizeifuhrer. Генерал Штроп принял командование в день начала акции. Функцией полиции безопасности во время акции против Варшавского гетто было сопровождение войск СС. Определенному количеству войск СС была поставлена задача зачищать определенную улицу. С каждой группой СС находилось от четырех до шести полицейских безопасности, потому что они очень хорошо знали гетто. Эти полицейские безопасности находились под руководством доктора Гана[257], командира полиции безопасности Варшавы. Ган получал приказы не от СС и Polizeifuhrer Варшавы, а непосредственно от Кальтенбруннера

254 Карл Калеске (1895 - ?) – унтерштурмфюрер СС.
255 Фердинанд фон Заммерн-Франкенегг (1897-1944) – бригадефюрер СС. В июле 1942 - апреле 1943 руководитель СС и полиции округа Варшава. Убит в бою с югославскими партизанами.
256 Руководитель полиции и СС (нем.)
257 Людвиг Ган (1908-1986) – штандартенфюрер СС. В 1941-1944 командир полиции безопасности и СД Варшавы. Немецким судом был приговорён к пожизненному лишению свободы. Освобожден досрочно.

из Берлина. Это относится не только к акции в гетто, но и к остальным вопросам. Доктор Ган часто приходил в наше ведомство и рассказывал СС и Polizeifuhrer, что он получил такой-то и такой-то приказ от Кальтенбруннера, о содержании которого он хотел проинформировать только СС и Polizeifuhrer. Он не делал это с каждым приказом, но только с некоторыми.

Я помню случай 300 иностранных евреев, которых собрала в отеле «Polski»[258] полиция безопасности. В конце акции в гетто, Кальтенбруннер приказал полиции безопасности перевезти этих людей. В мое время в Варшаве полиция безопасности была ответственной за вопросы касавшиеся подпольного движения. Полиция безопасности руководила этими вопросами независимо от СС и Polizeifuhrer, и получала приказы от Кальтенбруннера из Берлина. Когда руководитель подполья Варшавы был пойман, в июне или июле 1943, его отправили прямо к Кальтенбруннеру в Берлин».

Эти заявления, правда или ложь, подсудимый?

Кальтенбруннер: Эти заявления, без исключения ошибочные. Я...

Эймен: Также как и все остальные заявления всех остальных людей которые вам сегодня зачитали? Правильно?

Кальтенбруннер: Заявление неправильное. Это неправда и может быть опровергнута.

Эймен: Это то, что вы говорили обо всех остальных заявлениях прочитанных вам сегодня, не так ли?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, я должен…

Эймен: Это так?

Кальтенбруннер: Да. Если вы выдвигаете против меня ложные обвинения, я должен объявлять их ложными. Я не могу говорить: «Да», всему в чем меня обвиняют лишь потому, что обвинение ошиблось с определением того кто здесь представитель Гиммлера.

Эймен: Хорошо, продолжайте и говорите что хотите.

Кальтенбруннер: Я прошу вас держать в уме то, что я сказал о компетенции и правилах относительно подчинения всех высших руководителей СС и полиции на оккупированных территориях. Все они непосредственно подчинялись Гиммлеру. Руководители СС и полиции небольшой территории подчинялись высшему руководителю СС и полиции. Отделы полиции порядка и полиции безопасности были приданы этим руководителям СС и полиции, которые имели исключительное право отдавать им приказы. Вся организация на оккупированных территориях, которая действовала таким образом была исключена из командной юрисдикции центрального ведомства Рейха.

---

258 Отель «Польский» - гостиница в Варшаве, открыта в 1808, в 1943 использовался как тюрьма для евреев.

Здесь есть люди, которые могут свидетельствовать правду о том, что я сказал. Бах–Зелевски, которого спрашивали здесь, находился только на оккупированных территориях и знал там условия. Есть также подсудимый Франк, который работал с таким высшим руководителем СС и полиции, который позднее стал его государственным секретарем.

Эймен: Ваш защитник может вызвать этих людей. Все о чем я спросил, правда или ложь данный документ и затем попросил вас сделать любое краткое подходящее объяснение, какое вы можете пожелать.

Кальтенбруннер: Этот документ неправильный…

Эймен: Мы знаем о потенциальных свидетелях во всей Германии, и мы знаем всех этих подсудимых на скамье имеющих сведения о большинстве этих дел, но это не то о чем я вас спрашиваю.

Я просто спросил вас, то что в этой бумаге было правдой или ложью, и вы сказали ложью; итак, вы чувствуете что есть, что-то, что вы хотите, сказать об этом?

Кальтенбруннер: Он неправильный и этот свидетель не знает…

Эймен: Что же, вы сказали это шесть раз.

Кальтенбруннер: … не знает условий.

Эймен: Что же, что насчёт генерала Штропа? Он что–нибудь знает, об этом?

Кальтенбруннер: Если он был руководителем СС и полиции Варшавы – и вы также показали мне его дневник и его фильм–доклад – тогда конечно, да. Штроп подчинялся высшему руководителю СС и полиции этого места. Штроп должен был осуществлять акцию по приказу поступившему от Гиммлера через высшего руководителя СС и полиции.

Эймен: Штроп был вашим хорошим другом, не так ли?

Кальтенбруннер: Я, наверное, не видел Штропа больше чем два или три раза за свою жизнь, у рейхсфюрера Гиммлера.

Эймен: Что же, если бы Штроп был здесь, он бы по крайней мере, был в состоянии рассказать правду, не так ли, о деле Варшавского гетто?

Кальтенбруннер: Он бы должен был подтвердить моё заявление, по крайней мере, о том, что он подчинялся верховному руководителю СС и полиции в Генерал–губернаторстве и что, мне он не подчинялся. Я был бы очень рад если бы он смог немедленно подтвердить это. Из ваших слов я должен полагать, что он здесь под арестом.

Эймен: Что же, он не здесь в заключении, но к счастью у нас есть письменные показания от него именно о таких вопросах о которых я вас спрашиваю.

Я прошу показать подсудимому документ номер PS-3841, который станет экземпляром USA–804.

Мы выясним подтверждает ли Штроп то что вы пытаетесь сказать трибуналу. Вы примите то, что сказал Штроп, не так ли свидетель?

[*Документ передали подсудимому*]

Кальтенбруннер: Я не прочёл документ.
Эймен: Но; вы я говорю, зная Штропа и зная должность которую он занимал, вы не сомневаетесь в том, что он бы сказал правду о событиях в Варшавском гетто, разве не это вы сказали об этом?
Кальтенбруннер: Правдивость показаний свидетеля ставилась под сомнение и это правильно. Но так как я не знаю документ, и не могу определиться с позицией по заявлению Штропа.
Эймен: Хорошо, мы прочитаем:

> «Меня зовут Юрген Штроп. Я был СС и Polizeifuhrer варшавского округа с 17 или 18 апреля 1943 до конца августа 1943. Акция против Варшавского гетто была запланирована моим предшественником, оберфюрером СС, доктором фон Заммерн–Франкеннегом. В день когда эта акция началась я принял командование и фон Заммерн–Франкенегг объяснил мне, что следует сделать. У него был приказ от Гиммлера, и дополнительно я получил телетайп от Гиммлера, который приказывал мне эвакуировать и сравнять с землей Варшавское гетто. Для осуществления этого, у меня имелось 2 батальона Ваффен–СС, 100 солдат Вермахта, подразделения полиции порядка и 75-100 сотрудников полиции безопасности. Полиция безопасности некоторое время действовала в Варшавском гетто, и во время этой программы их функция заключалась в сопровождении подразделений СС группами по шесть или восемь, в качестве гидов и экспертов по вопросам гетто. Оберштурмбаннфюрер, доктор Ган был тогда командиром полиции безопасности Варшавы. Ган отдал свои приказы полиции безопасности касавшиеся её задач в этой акции. Эти приказы не я дал Гану, а поступили от Кальтенбруннера из Берлина. Например, в июне или июле того же года, я находился вместе с Ганом в ведомстве Кальтенбруннера, и Кальтенбруннер сказал мне, что пока Ган и я работаем совместно, все основные приказы полиции безопасности должны были поступать от него из Берлина.
>
> После изъятия людей из гетто – они насчитывали 50 000 - 60 000 – их доставили на железнодорожную станцию. Полиция безопасности полностью надзирала за этими людьми и была ответственной за перевозку этих людей в Люблин.
>
> Сразу же после завершения акции гетто, около 300 иностранных евреев были собраны в отеле «Polski». Некоторые из этих людей находились там уже до акции, а некоторых доставили во время акции.

Кальтенбруннер приказал Гану вывезти этих людей. Ган сам рассказывал мне, что он получил этот приказ от Кальтенбруннера.

Все казни приказывались главным управлением безопасности Рейха, Кальтенбруннером.

Я прочитал данное заявление и я полностью его понимаю. Я сделал заявление свободно и без принуждения. Я клянусь перед господом, что это полная правда» - подписано – «Юрген Штроп».

Вы скажите, что это заявление Штропа правда или ложь?

Кальтенбруннер: Это неправда и я прошу, чтобы Штропа доставили сюда.

Эймен: Вы поймете, что вместо подтверждения вашей истории они по сути подтверждают каждую деталь истории рассказанной Калеске, который был тогда адъютантом Штропа. Это не правда, подсудимый.

Кальтенбруннер: Это неправда, постольку поскольку свидетель Штроп находится на шаг ближе к моей истории, на странице 1 он заявляет о получении им приказов относительно Варшавского гетто от Гиммлера и это то, о чем Калеске нигде не сказал.

Эймен: Я приму это, подсудимый.

Кальтенбруннер: Допрос генерала Штропа полностью разъяснит это положение, также в том что Ган, конечно, получал приказы от Гестапо в Берлине. Я не знаю и в этом вопросе, поскольку, естественно, отделы полиции безопасности также должны были быть в распоряжении управления IV, особенно в том, что касалось поддержки в судебных разбирательствах. Но, что имеет здесь значение, в акции состоявшейся в Генерал–губернаторстве и в Варшаве, это вопрос что за организации были вовлечены в эту акцию и все свидетели разбирающиеся в этом вопросе согласятся, что это было в юрисдикции высшего руководителя СС и полиции в Генерал–губернаторстве, а не главного управления безопасности Рейха. Это совершенно неправильно, чтобы эти силы полиции безопасности в Варшаве и сотрудники, такие как Ган не подчинялись руководителю СС и полиции.

Это можно засвидетельствовать и подтвердить тем, что все отделы полиции безопасности, в особенности, которые вовлекались в акции такого рода, могли иметь только одного руководителя и это был местный руководитель. Но если бы, господин обвинитель, вы бы снова дали мне возможность определить свою позицию о заявлениях свидетелей более обстоятельно через моего защитника я бы мог вернуться к вопросу в подходящий момент.

Эймен: И теперь, подсудимый, я хочу отослать вас к документу PS-3819, который уже в качестве доказательства GB–306, который протокол записи о совещании в рейхсканцелярии 11 июля 1944, подписанные Ламмерсом и недавно предмет показаний перед трибуналом. Я предполагаю вы вспоминаете присутствие на совещании.

[*Документ передали подсудимому*]

Кальтенбруннер: Я пока не знаю. Я не знаю о цели этого совещания.
Эймен: Вы не отрицаете, что вы там были, не так ли?
Кальтенбруннер: Я не знаю. Я впервые вижу этот документ.
Эймен: Итак, посмотрите на страницу 12, в середине страницы, там фраза: «В Париже, эвакуация которого рассматривается…»
Кауфман: Господин председатель, могу я попросить разъяснения вопроса, не могло ли быть более подходящим и правильным если бы обвинение допросило Ламмерса о вопросе, когда Ламмерса допрашивали в качестве свидетеля.
Председатель: Это предъявляли Ламмерсу?
Эймен: Откровенно, ваша светлость, я не знаю. Документ приобщили и индентифицировали, и я не уверен, спрашивали ли его об этом или нет. Сэр Дэвид говорит, что он приобщил документ по Кейтелю, внизу страницы 9.
Председатель: Очень хорошо, продолжайте.
Эймен: Вы нашли место, подсудимый?
Кальтенбруннер: Да, я нашел место.
Эймен: «В Париже, эвакуация которого рассматривается, можно завербовать от 100 000 - 200 000 рабочих. В этой связи…».
Кальтенбруннер: Нет, господин обвинитель, я не нашел место.
Эймен: Что же, оно немного выше параграфа, который начинается: «Начальник полиции безопасности, доктор Кальтенбруннер. Вы смогли найти место?
Кальтенбруннер: Да, теперь нашёл.
Эймен: Что же, перейдем к этой фразе:

> «Отвечая на вопрос генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, начальник полиции безопасности, выразил свою готовность передать для этого в его распоряжение полицию безопасности, но отметил её численную слабость. Так, во всей Франции он имел доступными только 2 400 сотрудников. Спорным было то, можно ли завербовать все эти возрастные группы с такими слабыми силами. По его мнению, министерство иностранных дел должно было оказать более сильное влияние на зарубежные государства».

Это правдивое отражение того, что было на совещании, подсудимый?
Кальтенбруннер: Я не могу сказать этого по поводу формулировки документа, но я могу сказать в объяснение, что согласно вступлению на странице первой это было совещание начальников, что не означает меня, так как я был начальником главного управления безопасности Рейха. Совещание начальников означает министров и начальников ведомств Рейха.

Спросив свидетеля Ламмерса, можно было бы определить, находился ли я

там по приказам министерства внутренних дел и главы германской полиции, Гиммлера. Такое было бы возможным. То, что я находился там по указанию Гиммлера, кажется, становится ясным из приведенных цифр. Ни полиция безопасности ни СД, взятые совместно, никогда не имели подобного количества в своём распоряжении. Это бы должно было включать все силы, даже полицию порядка и остальные небольшие организации, которые подчинялись Гиммлеру.

Следовательно, по крайней мере, одна вещь пропущена в документе; это объяснение о том, что Кальтенбруннер, по приказам Гиммлера, выразил взгляды Гиммлера, по крайней мере, это пропустили. Но спросив свидетеля доктора Ламмерса, я уверен мы сможем выяснить этот вопрос.

Во всяком случае, я хочу отметить факт, что моё мнение заключалось в том, что я не смогу быть полезен в этом вопросе, потому что, были необходимы прежде всего, переговоры между министерством иностранных дел и компетентным иностранным – то есть, французским правительством. Принятие мер не могло состояться без согласия французского правительства.

Эймен: Хорошо, подсудимый. Итак, вы вспоминаете показания доказательства представленные трибуналу об усилиях предпринятых Германией, для подстрекательства словаков к мятежу против Чехословакии, и что Гитлер использовал беспокойство словаков как одно из оправданий для оккупации Чехословакии в марте 1939?

Кальтенбруннер: Я не знаю, кто об этом свидетельствовал.

Эймен: Что же, в любом случае, в течение 1938-1939, это факт, не так ли, что вы являлись государственным секретарем по безопасности в Австрии? Правильно?

Кальтенбруннер: Нет, я не был государственным секретарем полиции безопасности. Я был государственным секретарем системы безопасности австрийского правительства в Вене, и есть существенная разница, потому что полиция безопасности в Австрии была учреждена и руководилась из Берлина.

Эймен: Что же, хорошо.

Кальтенбруннер: И в Австрии я не имел ни малейшего влияния – даже мой министр – на полицию безопасности.

Эймен: Когда вы стали верховным руководителем СС и полиции в Верхней Австрии с вашей штаб–квартирой в Берлине?

Кальтенбруннер: Это полностью ошибочное заявление. В Верхней Австрии не было верховного руководителя СС и полиции, только в Австрии.

Эймен: Что же, когда это было?

Кальтенбруннер: Это было после ликвидации австрийского правительства и после урегулирования этих вопросов; что можно точно удостоверить по «Reichsgesetzblatt». Наверное, это было летом 1941.

Эймен: И это не факт, что вы, сами, руководили деятельностью словацких мятежников и помогали им взрывчаткой и боеприпасами? Отвечайте на это «да»

или «нет» пожалуйста.

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Вы вспоминаете участие в каком–нибудь совещании в отношении плана подстрекательства такого мятежа в Словакии?

Кальтенбруннер: Это неправильно; Я не участвовал в подстрекательстве чего–либо такого в Словакии. Я не принимал участия в первых совещаниях правительства в Словакии и в присутствии делегата Германского Рейха.

Эймен: Ваш друг Шпацил помогал вам в осуществлении таких планов?

Кальтенбруннер: Этого я сегодня не помню. В любом случае, это не были немецкие планы. Если вы исследуете политическую ситуацию в Словакии в то время, вы ясно увидите, что там не требовалось никакого подстрекательства со стороны Германского Рейха. Мне кажется, движение Глинково[259] под руководством доктора Туки[260] и также доктора Тисо[261], затем приняло решение задолго.

Эймен: Вы знакомы с оберштурмбаннфюрером Фрицем Мундхенке[262]?

Кальтенбруннер: Я не совсем понял имя.

Эймен: Что же, вы увидите его на экземпляре, который я прошу вам показать, документ номер PS-3942, который станет экземпляром номер USA–805.

[*Документ передали подсудимому*]

Эймен: Подсудимый, это довольно длинный экземпляр, который я не хочу проходить в деталях, но сначала я обращаю ваше внимание на вступительные строки:

> «В отношении оккупации Чехословакии, я вспоминаю, что были предприняты две разных акции: первая для оккупации Судетов и приграничных районах населенных немецкими гражданами; вторая по оккупации собственно Чехословакии…».
>
> И следующие строки:
>
> «За некоторое до второй акции, офицеры Глинковой гвардии (нелегальная организация напоминавшая СС в словацкой части Чехословакии) прибыли в отдел корпуса СС района Дунай, который тогда еще мог называться оберабшнит СС Osterreich[263]».

Затем следуют детали планов по подстрекательству этого мятежа. Затем

---

259 Глинкова гвардия — военизированная организация Словацкой народной партии в 1938—1945 годах, своё наименование получила в честь Андрея Глинки.

260 Войтех Тука также Бела (1880 — 1946) — словацкий государственный и политический деятель периода Первой Словацкой республики. Премьер-министр Словакии в 1939 – 1944. Чехословацким судом был приговорён к смертной казни.

261 Йозеф Тисо (1887 — 1947) — президент Первой Словацкой республики, теолог. Казнён по приговору чехословацкого суда.

262 Фридрих Мундхенке (1898 - ?) – оберштурмбаннфюрер СС. Начальник транспортного отдела оберабшнита Верхняя Австрия в 1939 году.

263 «Австрия» (нем.)

ближе к концу первого параграфа, вы найдете следующее:

> «Были секретные встречи, на которые меня не приглашали. Я чувствовал, что мне не полностью доверяют. Я видел господ только в приемной Кальтенбруннера, и насколько я помню, в столовой. Мне ничего не говорили о предмете обсуждений, который без сомнения ссылался на неминуемую акцию».

Затем он приводит свои причины. И переходя к второй странице, в центре, вы найдете следующее:

> «Кальтенбруннер в одиночку был ответственным за эту акцию. Акция была поручена штандартенфюреру СС Шпацилу (кличка Шпац) что касалось общих СС. Он был начальником администрации корпуса СС района Дунай и был позднее вызван Кальтенбруннером в Берлин начальником администрации главного управления безопасности Рейха. Шпацил был одним из ближайших друзей Кальтенбруннера».
>
> Затем, рядом, параграф 1 и 2, и подпункты:
>
> «Я сделал данное заявление:
>
> (1). Не из чувства мести или потому что я хочу быть информатором, но осведомленный о том, что сделав так я служу выявлению преступлений, за которые мне как немцу, стыдно;
>
> (2) С полным сознанием, что из–за своих заявлений я буду оклеветан с другой стороны. Я знаю людей, которые годами преследовали меня. Однако это не удержит меня от помощи духу справедливости до победоносного конца».

Я спрашиваю вас, суть документа, как я её вам представил, правда или ложь?

Кальтенбруннер: Ни правда ни ложь, она смехотворная и соответственно неправда. Документ лучше всего можно охарактеризовать, обратив внимание на тот факт, что на первой странице вступления сказано:

> «…вторая для оккупации соответственно Чехословакии (называемой далее Протекторатом Богемии и Моравии и словацким государством)».

Тот факт, что республика Словакия никогда, за всю историю, не была оккупирована Германским Рейхом, достаточный, чтобы раскрыть невежество этого свидетеля Мундхенке, который прибыл из северной Германии и ничего не знал об истории или политике. Но этот документ содержит так много деталей, которые можно разъяснить почти юмористически, что он становится полностью бесполезным.

Я хочу обратить ваше внимание на страницу 3 немецкого текста и объяснить вам, кто были люди ответственные за отдельные крупные политические акции, которые привели к оккупации Чехословакии.

Первый это Франц Курик, который был шофером. Второй, Карл Шпит также шофер. Третий, эсэсовец, чье имя Апфельбек, сын хозяина гостиницы и мясник по профессии, который работал в качестве помощника в администрации после тяжелой травмы черепа в автомобильной аварии. Штадлер, скромный бухгалтер, и человек Петенка неизвестный мне.

Эти люди предположительно вместе со мной готовили оккупацию Словакии Рейхом. Это полная бессмыслица. Простите меня за такое выражение, господин обвинитель, но остаётся…

Эймен: Очень хорошо, подсудимый, бессмыслица.

Кальтенбруннер: Одна вещь в документе правда, и я хочу перейти к этому. Я находился с членами Глинковой гвардии в этом доме в Вене, Парк Ринг 8, и провёл с ними совещание. Это связано с союзом группы расовых немцев в Словакии и Глинковой гвардии, ввиду выдвижения общих кандидатов в словацкое правительство. Документы и материалы, подтверждающие это, в Прессбурге где моё имя достаточно известно. Каждый там это знает, и может это подтвердить, включая этого человека Мундхенке, руководителя расовой группы. Но так как оккупация Словакии никогда не состоялась, я считаю, мне нет необходимости защищать себя от таких обвинений.

Эймен: Подсудимый, во время этого процесса в качестве доказательств был представлен приказ Гиммлера о том, что гражданское население не должны были наказывать за линчевание союзнических летчиков, и вы слышали заявление под присягой Шелленберга и Гердеса о том, что вы как начальник полиции безопасности и СД, принимали такие инструкции для своих подчиненных. Вы отрицаете эти заявления? «Да» или «нет», пожалуйста.

Кальтенбруннер: Я не желаю отрицать их, но я категорически заявляю, что никогда не принимал никакие такие инструкции, и прошу трибуналу позволить моему защитнику прочитать бумагу, которую я дал ему в начале заседания. Она буквально содержит показания свидетеля Коллера, начальника штаба Люфтваффе, определяющее мое общее отношение к проблеме – что даже в присутствии Гитлера я объявил: «Я не подчиняюсь такому приказу». Это произошло вообще-то позднее, но показывает мои личные чувства в этом деле. Вчера я уже сделал заявление своему защитнику.

Эймен: Хорошо, подсудимый; теперь взгляните на документ номер PS-3855, который станет экземпляром USA–806. Он содержит ваше имя внизу, будь то подпись, факсимиле, или как угодно вы это называете. У вас есть документ?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы заметите, что он исходит он начальника полиции безопасности и СД, и согласно пометкам в верхней левой части, был подготовлен для вашей подписи отделом IV A 2 B, номер 220/44 g RS.

Кальтенбруннер: Это, господин обвинитель, первая и самая серьёзная ошибка.

Эймен: Хорошо.

«a) Всем командирам и инспекторам полиции безопасности и СД (для устного сообщения подчиненным отделам);

b) Отделам IV A и IV B, отделам IV A 1, IV A 3, IV A 4 – IV A 6, IV B l – IV B 4;

c) Управлению V, управлению криминальной полиции Рейха, для сведения высшим руководителям СС и полиции, начальнику полиции порядка.

d) Начальникам управлений I–III и IV главного управления безопасности Рейха.

Предмет: Обращение с вражескими летчиками, которые парашютировались.

Ссылка: нет.

Серия вопросов касающихся обращения с вражескими летчиками, которых сбили, нуждается в разъяснении:

I. Как общее правило, захваченных вражеских летчиков следует связывать. Данная мера необходима и применяется с полного согласия начальника высшего командования вооруженных сил; a) для того, чтобы предотвратить частые побеги, и b) в виду острой нехватки личного состава в сборных пунктах.

II. Вражеские лётные экипажи, которые a) оказывают сопротивление при пленении, или b) носят гражданскую одежду под своей формой подлежат расстрелу сразу же после пленения.

III. Большинство вражеских летчиков, в особенности англо–американских воздушных сил, носят с собой спасательные рюкзаки с кинжалами, различного рода картами, продуктовыми талонами, средствами для побега, и т. д.

Абсолютно необходимо, чтобы спасательные рюкзаки сохранялись полицией, так как они сильно помогают в ходе розыска. Они подлежат передаче Люфтваффе.

IV. Приказ рейхсфюрера СС от 10 августа 1943» – о котором, как мне кажется, вы свидетельствовали, что ничего не знаете – «не исполняется в полной мере, так как, возможно не был передан устно, как приказано, подчиненным отделам полиции.

Настоящим повторяю: обязанность полиции не заключается во вмешательстве в конфликты между немцами и английскими и американскими «летчиками-террористами» которые парашютировались.

V. Рядом с телом английского летчика, которого сбили, была

обнаружена нарукавная повязка «Deutsche[264] Вермахт» и официальная печать. Данную повязку носят только боевые части, и она дает носителю доступ на все военно-стратегические важные точки в различных оперативных зонах. Парашютированные вражеские агенты, возможно, воспользуются новыми средствами маскировки.

VI. В течение последних месяцев отдельные случаи показали, что немецкое население действительно захватывает вражеских летчиков, но потом, ожидая их передачи полиции или вооруженным силам, оно не использует надлежащие меры сдерживания. Слишком строгие меры государственной полиции в отношении таких граждан не позволят им беспрепятственно захватывать вражеских летчиков, поскольку эти случаи нельзя путать с преступным актом помощи сбежавшим вражеским летчикам.

Рейхсфюрер СС приказал применять следующие меры к гражданам, которые ведут себя в недостойной манере к вражеским летчикам, либо из плохих намерений или непонятной жалости:

1) В особо тяжких случаях, перевод в концентрационный лагерь; объявление в газетах округа.

2) В менее тяжких случаях, превентивное заключение не менее чем на 14 дней в соответствующем отделении государственной полиции; трудоустройство на расчистке повреждённых районов. При отсутствии поврежденной территории в районе подведомственном отделу государственной полиции, назначается короткий срок превентивного заключения в ближайшем отделении государственной полиции, и т. д.

Рейхсфюрер СС связывался с рейхсляйтером Борманом по данному вопросу и указал на то, что долг партийных чиновников заключается в том, чтобы проинструктировать население о совершенной необходимости сдержанности к вражеским летчикам.

3) Я оставляю за командирами и инспекторами полиции безопасности и СД, письменное уведомление подчиненных отделов управлений V и VI о данном указе.

Подписано: Доктор Кальтенбруннер, верно: Розе, сотрудник канцелярии».

Вы отрицаете, что имели какое-нибудь отношение к принятию такого документа? Вы отрицаете то, что вы его подписали?

Кальтенбруннер: Этот приказ мне никогда не представляли. Я отсылаю вас к тому, что я вчера сказал, относительно вопросов направления и издания приказов в управлении секретной полиции, отделе IV A, что видно в заголовке письма указывая

264 «Германский» (нем.)

на то, что он его сформулировал. В этих вопросах данное управление непосредственно подчинялось Гиммлеру.

Председатель: Я не услышал ответа на вопрос. Вы его подписали?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Вы отрицаете вашу подпись, и вы отрицаете знание чего–либо об этом документе, содержащем ваше имя, правильно?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, я…

Эймен: Вы ответите на это, подсудимый? Вы отрицаете этот документ, также как вы отрицали каждый другой документ, который вам сегодня показали, правильно?

Кальтенбруннер: Вчера я уже заявил, и также сказал своему защитнику, что эти документы мне никогда не представляли. Сегодня я должен знать. В определенной степени меня можно винить в том, что я не уделял больше внимания тому, что такие приказы отдавали от моего имени. Вчера я никогда не отрицал, что частично виноват в этом, но мою позицию по этому вопросу ясно видно из показаний Коллера.

Председатель: Я не понимаю. Вы говорите, что подпись на документе не ваша, или, что вы могли подписать его не глядя на распоряжение? О чем вы говорите?

Кальтенбруннер: Ваша светлость, этот документ и это распоряжение мне никогда не представляли. Подписание такого документа было бы полностью вопреки моему внутреннему отношению к проблеме в целом. Моё отношение в данном вопросе можно видеть из показаний Коллера.

Председатель: Я не спрашиваю в чём заключается ваше внутреннее отношение. Я спрашиваю вас, написано ли ваше имя на нём вашей рукой?

Кальтенбруннер: Нет.

Председатель: Трибунал хочет взглянуть на документ.

Эймен: Здесь машинописная подпись, ваша светлость.

Председатель: Да, вы посмотрите на документ.

Подсудимый, кто такой Розе?

Кальтенбруннер: Я не знаю, ваша светлость.

Председатель: Полковник Эймен, вы можете подумать о том, как долго будет идти ваш перекрестный допрос?

Эймен: Возможно полчаса, зависит от ответов подсудимого.

Председатель: Очень хорошо. Тогда Трибунал будет отложен. Мы заседаем завтра с 10 часов до завершения этого дела, и закрываем разбирательство в половине 12 с целью заслушать доктора Тома и обвинение о его документах.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 13 апреля 1946*]

День сто седьмой

Суббота, 13 апреля 1946

Утреннее заседание

Эймен: Подсудимый, насколько я помню, вы свидетельствовали, что вы имели никаких сведений о приказе коммандос Гитлера от 8 октября 42–го до какого-то времени в 1945. Это не правильно?
Кальтенбруннер: Я не думаю, что я так сказал. Мне кажется, что касается приказа…
Эймен: Что же, такими были вчера ваши показания, согласно протоколу о том, что вы не имели никаких сведений о приказе коммандос Гитлера от 8 октября 42–го до некоторого времени в 1945. Это не правильно? У вас сейчас другая позиция?
Кальтенбруннер: Мне не кажется, что я дал такой ответ. Приказ…
Эймен: Что же, в чем заключается факт? Когда вы впервые узнали о приказе коммандос Гитлера от 8 октября 1942? Я говорю о приказе от 18 октября 42–го, не 8-го. Когда вы впервые узнали об этом?
Кальтенбруннер: Сейчас я не могу точно сказать.
Эймен: Хорошо.
Кальтенбруннер: В любом случае, этот приказ если его прочитать мне, возможно будет, тем же самым который появился в сводке Вермахта или в прессе.
Эймен: Хорошо. И вы также отрицали показания вашего собственного свидетеля, Мильднера, о существовании распоряжения принятого в июле или августе 44-го,

согласно которому полиция безопасности должна была казнить военнослужащих союзнических групп коммандос, после допроса. Это правильно, не так ли?
Кальтенбруннер: Меня никогда об этом не спрашивали.
Эймен: Что же, я прошу прощения, но ладно, забудьте. Я покажу вам документ номер PS-535, который станет экземпляром USA–807, и перед чем-то ещё, я хочу спросить вас, о том ваша ли это подпись, ваш почерк, который видно внизу этого документа.

[*Документ передали подсудимому*]

Кальтенбруннер: Да. Это моя подпись.
Эймен: Ох, эта ваша подпись, неужели?
Кальтенбруннер: Да.
Эймен: Вы признаете это? Правильно?
Кальтенбруннер: Это моя подпись, да.
Эймен: Итак, когда вас допрашивали ранее до процеса, вы отрицали, что это была ваша подпись, не так ли?
Кальтенбруннер: Нет, я мне так не кажется.
Эймен: Что же, я зачитаю вам ваши показания в связи с этим, и посмотрю, поможет ли это вам вспомнить, отрицали вы или нет.

> «Ответ: Из этого можно понять только то, что Вермахт намеревался написать мне письмо; правильно или неправильно, и был ли я правильным органом кому следовало писать очень сомнительно. Во всяком случае, Вермахт хотел связаться с Гестапо, как можно видеть из переписки, и я убежден в том, что офицер Гестапо, а именно, тот, что указан в начале письма, это тот кто написал этот документ.
> Вопрос: Что же, это письмо, о котором вам ничего не известно, но которое вместе с тем, устанавливает то как вы осуществляли свои желания написав верховному главнокомандованию вооруженных сил. Это совершенно ясно.
> Ответ: Но я отрицаю, что написал это письмо.
> Вопрос: Секунду назад, вы о нём не знали, но теперь отрицаете?
> Ответ: Я не только не знал о приказе Гитлера, но также ничего не знал об этом письме.
> Вопрос: Но вы признаете свою подпись?
> Ответ: Я не говорил, что это моя подпись. Я только сказал, она напоминает мою подпись; и я также сказал, что возможно, что это лишь факсимиле. Я не могу вспомнить письмо такого содержания подписанное мною.

Вопрос: Будет ли для вас более убедительным, если бы вы увидели оригинал письма, подписанный чернилами?

Ответ: Это бы точно было более убедительным, но всё же не доказывающим, что я сделал её чернилами».

Вы давали такие ответы на эти вопросы, подсудимый?

Кальтенбруннер: Естественно, я не помню, давал ли я такие ответы буквально. Но я хочу сделать для вас следующие замечания. Вопросы по поводу моей подписи, естественно, мне всегда сотни раз задавали на допросах, особенно для того, чтобы сбить с толку. Сегодня – мне кажется, в первый раз увидев документ – я сразу же заявил: «Да, это моя подпись». Я конечно знаю свою собственную подпись, я могу узнать её. Однако, вы также показывали мне подписи, которые точно не мои.

Кроме того, вы можете видеть из даты письма, 23 января 1945, что это правильно, как вы уже заявили, что я узнал об этом в 1945. Я не мог иметь ни малейшего представления о приказе Гитлера, отданном в 42-м году. И, если, в своём допросе, который вы сейчас мне прочитали, я заявил, что я не писал это письмо, тогда это подтверждалось эти самыми цифрами вверху, где вы прочли IV A 2 a, плюс цифры и буквы, которые очевидно указывают, что письмо написали в отделе, который был ответственным за эти вопросы.

Вот, что я имею в виду, когда говорю, что я не писал это письмо. То, что его могли бы представить мне на подпись среди тысячи других бумаг, которые мне нужно было просматривать за день, я конечно не могу отрицать. Однако, из этого вы не можете сделать вывод, что я несомненно знал о вопросе. Вы не можете представить степень официальных функций, которые я принял при полном отсутствии полицейской подготовки, без указаний об исполнении полицейских функций, но скорее по организации и руководстве крупной разведывательной службой.

Председатель: Отвечайте на вопросы, а не произносите речи.

Эймен: Подсудимый, разве подпись на этом документе перед вами, документ номер PS-535, USA–807, не точно такая же и идентичная вашей подписи которая появляется на документе номер PS-3803, USA–802? Взгляните на две подписи, и скажите трибуналу, не идентичны ли они.

Кальтенбруннер: Нет, я никогда так не подписывал. Я всегда подписывал: «Д–р К.», как на этом документе, даже неформальные письма.

Эймен: Что насчет почерка? Он кажется вам похожим, подсудимый, или не кажется похожим?

Кальтенбруннер: Да, конечно есть некого рода сходство, но я думаю, такое случалось с каждым человеком в этом зале суда, чтобы в его отсутствие кто–то из его помощников временами подписывал особенно срочные письма, используя его имя.

Председатель: Полковник Эймен, трибунал способен посмотреть на подписи и сам о них судить.

Эймен: Сэр, отлично.

Итак, у вас есть экземпляр PS-535?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы заметите, что он исходит от IV A 2 a, как показано в верхнем углу ниже начальника полиции безопасности и СД.

Кальтенбруннер: Да, и в начале вы сказали, письмо было написано мной.

Эймен: То, что адресовано высшему командованию вооруженных сил, правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И оно ссылается на приказ фюрера от 18 октября 42–го, также как на другие приказы фюрера, указанные в показаниях Мильднера, а именно, приказы фюрера от 18 августа 44–го и 30 июня 44–го, правильно?

Кальтенбруннер: Я не знал, что Мильднер свидетельствовал по данному пункту. Такое заявление мне неизвестно, как и не предъявлялось мне. Но мне кажется, это подтверждает…

Эймен: Хорошо. Вы заметили, что этот документ ссылается на указы фюрера от 18 октября 42–го, 18 августа 44–го, и 30 июля 44–го. Да, или нет, пожалуйста.

Кальтенбруннер: Да, здесь так сказано.

Эймен: Таким образом, до 23 января 1945, когда вы написали это письмо, вы очевидно имели сведения об этих указах, правильно? Я имею в виду…

Кальтенбруннер: Это неправильно постольку поскольку, по моему мнению, самая важная вещь в этом письме находится в шестой, пятой четвертой строке с конца: здесь сказано, что они не могут требовать поблажек для военнопленных согласно Женевской конвенции. Если тогда, при загруженной работе мне представили письмо, очевидно, что мои глаза, прежде всего, опустились к месту где я должен был подписать и также последние строчки. Здесь…

Председатель: Подсудимый, это не ответ на вопрос. Вопрос был, знали ли вы о приказе от 18 октября 42–го, от 30 июля 44–го и 18 августа 44–го, когда вы писали это письмо. Вы знали?

Кальтенбруннер: Нет, я не знал об этих приказах, господин председатель.

Эймен: Хорошо…

Кальтенбруннер: Но пожалуйста, позвольте мне защитить себя по данному пункту. Мне ясно, что это касалось обращения с агентами, к которым положения Женевской конвенции о военнопленных не должны были применять, и вы не можете отрицать мощь ночной войны которую вели, позволившую полиции безопасности брать ответственность за таких людей, которые не подпадали под регулированием Женевской военной конвенции. Это совершенно правильно для любой воюющей

державы. Были также немецкие агенты, принимавшие участие во враждебной деятельности в Англии и других странах.

Председатель: Подсудимый, сейчас вы здесь не выступаете о своём деле; вы здесь отвечаете на вопросы.

Эймен: Подсудимый вы свидетельствовали, не так ли, о том, что вы впервые получили сведения о деле британских летчиков, которые сбежали из шталага авиации III в марте 1944, почти 6 недель спустя после совершения побега, это неправильно?

Кальтенбруннер: Да, теперь я полагаю, это было 6 недель спустя, в любом случае, это было когда, вследствие речи в Палате общин, министерство иностранных дел выразило позицию. Начальники управлений обратились ко мне, но я в свою очередь направил их к Гиммлеру.

Эймен: Но когда вас допрашивали об этом вопросе до процесса, вы свидетельствовали следующее, не так ли?

> «Вопрос: Вы помните дело 80 британских летчиков, которые сбежали из шталага авиации III, которое происходило в марте 44–го?
>
> Ответ: Этот случай мне неизвестен.
>
> Вопрос: Генерал Вестхоф пытался узнать у Гестапо, что случилось с этими людьми.
>
> Ответ: Если он вел переговоры с Гестапо, он не вел переговоров со мной.
>
> Вопрос: Что вы скажите на общее предположение о том, что сбежавших пленных должны были передавать Гестапо?
>
> Ответ: О таких случаях мне неизвестно».
>
> Вы давали такие ответы, да или нет?

Кальтенбруннер: Возможно, что давал, но я желаю заметить вам, что естественно меня полностью запутал способ, которым задавали вопросы. Я на самом деле никогда не слышал о 80 сбежавших летчиках. Здесь тоже упоминали только 50.

Эймен: Для вашего сведения, 80 сбежали и 50 убили.

Кальтенбруннер: И в дополнение, генерал Вестхоф заявил здесь, что он не обсуждал со мной дело Сагана, но что он пытался получить информацию от государственной полиции, что он говорил со мной о передаче вопросов военнопленных Гиммлеру, который был командующим армии резерва, и что по этому поводу ссылались на Саган.

Эймен: Итак, подсудимый, вы свидетельствовали о том, что у вас вообще не было никаких сведений о факте, что айнзацгруппы полиции безопасности и СД действовали на территории СССР после того как вы стали начальником РСХА в январе 43–го, это неправильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И вы всё еще так говорите, это правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы отрицаете, что когда–либо знали о том, что эти айнзацгруппы осуществляли уничтожение евреев в СССР после того как вы стали начальником РСХА?

Кальтенбруннер: Я узнал об этом только во время споров с Гиммлером и Гитлером – мне кажется позднее в 1943 – возможно в ноябре.

Эймен: И вы признаете, так я понимаю, что вы были высшим руководителем СС и полиции в Австрии в 1942, правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И Ширах тогда был рейхскомиссаром обороны Вены, не так ли?

Кальтенбруннер: Я не знаю, когда его назначили, но я должен отметить, что высшие руководители СС и полиции получили такие полномочия, какими они были наделены в конце в три разных этапа. В 1941, когда я стал высшим руководителем СС и полиции, полномочия такого руководителя были существенно меньше, чем в конце войны.

Эймен: Итак, с позволения трибунала, у меня есть документ, который вчера прибыл на самолете, у которого есть только одна оригинальная копия, и который, поэтому, мы не смогли перевести. Поэтому я предлагаю, если это удовлетворит трибунал, переводчику зачитать выдержки из оригинала, который взяли в личных материалах Шираха в Вене, и затем передать подлинный документ суду и обработать его как можно быстрее. Возможно, трибунал хочет сначала увидеть документ. Это подлинник документа.

Председатель: Вы прочитаете его на немецком?

Эймен: Да, ваша светлость.

Председатель: Очень хорошо.

Эймен: Это документ номер PS-3876. Это доклад изданный Гейдрихом для всех высших руководителей СС и полиции и рейхскомиссаров обороны о деятельности айнзацгрупп в СССР за январь месяц 1942, и в списке рассылки присутствует имя подсудимого.

Вы прочитаете экземпляр USA–808?

Переводчик: Правая сторона документа содержит инициалы чернилами «Шир», и затем несколько символов «Z–RV-K 4030-519/41 g» и ниже этого: «1320–C». Вверху слева:

> «Высшему руководителю СС и полиции приданному рейхсштатгальтеру в Вене и в Верхнем и Нижнем Дунае, в Wehrkreis[265] XVII; инспектору полиции порядка».

265 Военного округа (нем.)

Ниже есть несколько номеров дел. Документ содержит заголовок «Секретно». Он датирован: «Вена, 14 октября 1941…Предмет: Технический доклад о боях на Востоке».

Председатель: Это правильно, октябрь 1941?

Переводчик: Да, 14 октября 1941.

Председатель: Предыдущая дата, которую указали была январем 1942. Как это объяснить?

Эймен: Он охватывает месяц – я думаю есть два разных документа. Вы привели дату одного. У другого другая дата. Это неправильно?

Переводчик: Правильно.

Эймен: Что же, дайте нам дату ещё одного документа, для ясности протокола.

Председатель: Полковник Эймен, сможем понять, когда увидим документ.

Эймен: Да, ваша светлость. [*Обращаясь к переводчику*] Начинайте.

Переводчик: Дата другого документа это апрель 23, 1942.

Эймен: Приступайте.

Переводчик: Я продолжаю:

> «Предмет: Технический доклад о боях на Востоке. Ссылка…» - и затем идет серия номеров дел –
>
> Приводимое выше распоряжение рейхсфюрера СС и главы германской полиции в министерстве внутренних дел, а также одна копия каждого технического доклада от армейского командования «Север» и полицейского подразделения СС, настоящим доводится для вашего сведения и использования».
>
> Приказ подписан «Мигль».

Эймен: Итак, вы сейчас продолжите со списком рассылки и прочитаете, если найдете в списке, имя данного подсудимого.

Переводчик: Имени подсудимого нет в этой рассылке. Я перехожу к следующему документу.

Эймен: Вот же это!

Переводчик: Нет, это не содержится в этом документе, и сейчас я читаю второй документ:

> «Берлин, 27 февраля 1942. Начальник полиции безопасности и СД, IV A 1…» - и затем несколько ссылок на разные дела -
>
> Совершенно секретно. Предмет: Деятельность и доклад об обстановке номер 9 айнзацгрупп полиции безопасности и СД в СССР. Настоящим приложением…»

Эймен: Секунду. Он читает неправильный документ, ваша светлость. Мы прямо сейчас исправим.

Переводчик: Мне сказали, я читаю правильный документ. Это правильный

документ, я продолжаю.

> «Настоящим приложением, я представляю вам девятый объемный доклад о деятельности айнзацгрупп полиции безопасности и СД в СССР. В будущем эти доклады будут направлять вам по мере появления. Подписано, Гейдрих»

Потом есть штамп «рейхскомиссар обороны Wehrkreis XVII, принято 5 марта 1942;» и затем следует рассылка, в которой номер 13 гласит: «Высшему руководителю СС и полиции, группенфюреру СС, доктору Кальтенбруннеру».

Эймен: Его имя в списке, не так ли? Итак, не перейдете ли вы к «С» в этом документе.

Переводчик: Сейчас я читаю на странице девятой документа, выдержка под заголовком «С. Евреи:»

> «Отношение евреев к немцам всё еще явно враждебное и преступное. Наша цель, настолько полностью насколько возможно очистить восточные страны от евреев. Повсеместно казни следует проводить таким образом, чтобы их вряд ли замечала публика. Среди населения, и даже среди оставшихся евреев, распространено убеждение, что евреев просто переселяют. Эстония уже очищена от евреев. В Латвии 29 500 евреев которые оставились в Риге сократились до 2 500. В Дюнебурге еще живет 962 еврея необходимые для срочных работ»

Я пропускаю несколько параграфов и продолжаю:

> «В Литве в Каунасе еще 15 000 евреев, в Шауляе 4 500, и в Вильнюсе ещё 15 000, которые также необходимы для работы. В Белоруссии очистка от евреев. Число евреев в части страны, которую к настоящему времени передали под гражданское управление насчитывает 139 000. Между тем 33 210 евреев расстреляны айнзацгруппами полиции безопасности и СД».

Сейчас я пропускаю остальное из этой выдержки и продолжаю читать другой документ. Это датировано: «Берлин, 23 апреля 1942», и показывает неразборчивые инициалы чернилами. Он содержит заголовок: «Начальник полиции безопасности и СД, IV A 1», и несколько номеров дел. Он содержит обозначение «Совершенно секретно». Это документ, который подписан Гейдрихом и который показывает дату получения 28 апреля 1942, в списке рассылки на 14–м месте: «Высшему руководителю СС и полиции, группенфюреру СС, доктору Кальтенбруннеру, Вена».

Теперь я читаю со страницы 11 доклада, и я читаю выдержку озаглавленную «С. Евреи»:

> «Различные методы использовались в решении еврейской

проблемы на различных участках фронта. Поскольку большая часть восточной территории свободна от евреев и поскольку немногих оставшихся евреев, необходимых для самой срочной работы поместили в гетто, задача полиции безопасности и СД заключается в розыске тех евреев которые в основном скрылись в сельской местности. Много раз арестовывали евреев которые покидали гетто без разрешения или которые не носили еврейской звезды. Помимо прочего, трёх евреев которых прислали из Рейха в гетто Риги и которые сбежали, поймала полиция и публично повесила в гетто. В ходе крупномасштабных антиеврейских операций, 3 412 евреев в Минске, 302 в Вилейке, и 2007 в Барановичах были расстреляны…»

Сейчас я пропускаю три параграфа и продолжаю:

«В дополнение к проведению мер против отдельных евреев, которые известны своей политической или преступной деятельностью, задача полиции безопасности и СД, заключалась в полной очистке крупнейших городов на оставшихся территориях Восточного фронта. Таким образом, только в Ракове 15 000, и в Артемовске 1224 евреев были расстреляны, поэтому сейчас образом там больше нет евреев. В Крыму казнили 1000 евреев и цыган».

Это все.

Эймен: Подсудимый, вы всё ещё имеете наглость говорить трибуналу, что вы ничего не знали об операциях этих айнзацгрупп до того как стали начальником РСХА?

Кальтенбруннер: В верхнем правом углу документа можно четко прочитать: «Высший руководитель СС и полиции…»

Председатель: Ответьте на вопрос, и затем вы сможете посмотреть на документ. Вы всё еще говорите, что ничего не знали об этих айнзацгруппах?

Кальтенбруннер: У меня нет никаких сведений о содержании этого документа. Я хочу отметить, что ведомство инспектора общественной полиции направило это письмо 22 октября 1941. Технические доклады о боях на Восточном фронте и операциях полиции безопасности и СД, которые готовились тогда, основывались на приказах отданных Гиммлером или Гейдрихом, а не на моих приказах. Никоим образом этот документ не показывает как я относился к вопросу в целом. Если в списке рассылки все высшие руководители СС и полиции и все ведомства, которым направили эти технические доклады, я не считаю это доказательством того, что эти ведомства, то есть все люди, которые работали в этих ведомствах – обязательно должны были знать о них. Вы не можете предполагать, что такая осведомлённость на самом деле возникла из докладов касавшихся территорий над которыми спорный

чиновник не имели ни юрисдикции ни вообще какого-то влияния. Сегодня нет сомнений в том, что эти преступления совершались на Востоке. Но следует доказать, были ли они из-за моего влияния, либо интеллектуального, законодательного или административного, и мог бы я остановить их, всё это я абсолютно отрицаю.

Эймен: Подсудимый, это просто одна из серий обычных ежемесячных докладов, копию которого отправляли вам каждый месяц. Это не факт, да или нет?

Кальтенбруннер: Я не знаю, как часто приходили такие доклады. Сегодня я вижу этот доклад впервые. Конечно, нельзя отрицать, что издавались и рассылались по всему Рейху такие технические доклады из всех боевых зон касавшиеся либо операций полиции безопасности или полиции порядка, или опыта Вермахта.

Эймен: Хорошо, мне довольно этого. Вам известно о письме, написанном вашим защитником, о розыске доказательств в ваших интересах?

Кальтенбруннер: Я еще не обсуждал такое письмо с моим защитником. Пожалуйста, спросите его о том, проинформировал ли он меня об этом письме.

Эймен: Что же, вы не знакомы с фактом, что он написал письмо мэру Ораниенбурга рядом с Берлином и получил ответ на это письмо, предназначенное для использования в ваших интересах?

Кальтенбруннер: Нет. Пожалуйста, спросите его. Он мне ничего об этом не говорил.

Эймен: Итак, тогда я отсылаю вас к документу номер…

Председатель: Полковник Эймен, вы вправе вникать в профессиональные вопросы между подсудимым и его защитником?

Эймен: Мне кажется в этом примере это так, ваша светлость, потому что письмо напрямую направил нам адресат этого письма, с ожиданием, что оно будет использовано нами. Это не конфиденциальное сообщение. Это было письмо…

Председатель: Вы позволите трибуналу взглянуть на письмо?

Амен: Да, сэр.

Кауфман: Господин председатель, я впервые слышу об этом. Если документ адресован мне, могу я наверное, взглянуть на него, прежде чем он станет доказательством на процессе?

Эймен: Конечно.

Председатель: Да, безусловно, позвольте сначала ему посмотреть.

Эймен: С позволения вашей светлости…

Кауфман: Могу я это объяснить господин председатель?

Председатель: Что же, мы лучше сначала послушаем полковника Эймена, потому что он хочет приобщить документ.

Кауфман: Могу я сначала, что-нибудь сказать?

Председатель: Да, доктор Кауфман, что вы сейчас хотите сказать?

Кауфман: Возможно, трибунал уже заметил, что я…

Председатель: Мы не видели документа.

Кауфман: Я видел документ.

Председатель: Я сказал, что мы пока его не видели. Мы позволили вам сначала посмотреть на него для того, чтобы вы могли заявить любое возражение, прежде чем вы увидим его, и затем мы посмотрим на него.

Кауфман: Да, я понял господин председатель, я считаю, что это нечестное посягательство на права и обязанности немецкой защиты. Весь мир может прочитать этот документ. Это запрос, который адресован бургомистру в Ораниенбурге. Ораниенбург[266] был крупным концентрационным лагерем. Поскольку, согласно соглашению со своими коллегами, у меня была задача выяснять вопрос «осведомленности немецкого народа», я отправил это письмо содержащее вопросы, которые каждый мог прочитать в городской ратуше и попросил, чтобы на эти вопросы ответили. Моё намерение заключалось в том, чтобы представить эти ответы, при подходящем случае, трибуналу. Такие же вопросы направили в другие города, и я уже представил эти документы для перевода и позднее представлю их трибуналу. Но это невозможное положение дел, чтобы письмо защитника и ответ этому защитнику следовало раскрывать здесь обвинением.

Председатель: Минуту, доктор Кауфман. Но документ, который полковник Эймен предъявил в качестве доказательства не был ни вашим письмом мэру Ораниенбурга ни его ответом вам.

Эймен: Да, был.

Председатель: Прошу прощения, я подумал, вы сказали это было письмо направленное обвинению.

Эймен: Я сказал, что копию направили обвинению. Как я это понимаю, не только человеку получившему его – не было никакого сопроводительного письма, но также переданное британскому обвинению в письме датированном 2 апреля 46–го года от майора Вурмзера.

Председатель: Теперь я понимаю. Не думаю, что вы раньше сказали, что это была копия. Я понял, что его могли направить вам по ошибке. Если это была копия письма, которое было направлено доктору Кауфману, тогда ясно чем она являлась.

Эймен: Так я это понимаю сэр. И конечно, это копия его письма, но я вообще не знаю ни каких привилегиях конфиденциальности…

Председатель: Что вы имеете в виду под «копией его письма»? Копию письма направленную доктору Кауфману?

Эймен: Направленного доктором Кауфманом мэру Ораниенбурга и копию ответа подготовленного мэром, доктору Кауфману; и я думаю, вы поймёте, если ваша светлость прочитает ответ, как оно попало в наше внимание.

266 Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

Кауфман: Могу я, пожалуйста, добавить ещё одну вещь, только две-три фразы? Я считаю, представление этих двух документов особо грубым нарушением прав защиты. Защита не имела никакой возможности просматривать документы обвинения, и нам никогда не случалось представлять трибуналу документы обвинения, которые были в нашу пользу. Это исключительно вопрос между мной, отправителем письма, и ведомством, ответившим на него, как возможно позволять обвинению вмешиваться в такие совершенно личные вопросы? Я не думаю, что это честно.

Эймен: Итак, с позволения вашей светлости, я думаю, я могу всё прояснить. Это письмо, от майора Вурмзера британскому обвинению датированное 2 апреля 46–го, и оно гласит следующее:

> «В приложении будьте добры найти переписку относительно Ораниенбурга. По вашей просьбе, я удостоверился, что данная переписка получена следующим образом. Он поступила адресованной обвинению и была доставлена генеральному секретарю. Оригинал был видимо, направлен непосредственно доктору Кауфману и отправитель, мэр Ораниенбурга, господин Клауссман, одновременно направил копию обвинению, которая не только включала его ответ, но также письмо, которое направил ему доктор Кауфман».

Председатель: Да, я думаю, теперь мы понимаем обстоятельства.

Эймен: Таким образом, я думаю, его направили обвинению с той самой целью с которой я намеревался использовать его.

Председатель: Полковник Эймен, помимо вопроса привилегии между защитником и его клиентом, скажите, этот документ, который письмо, видимо, от частного лица адресованное доктору Кауфману, копию которого направили вам это вообще доказательство?

Эймен: Ваша светлость из-за письма включённого в документальную книгу подсудимого которое точно о том же самом. Другими словами, этот подсудимый затронул это положение в собственной защите. Он не читал письма.

Председатель: Это не совсем про это. Это письмо доктору Кауфману, копия которого есть у вас, и как я понимаю это не заявление под присягой.

Эймен: Это не присяга, нет сэр.

Председатель: Тогда как оно станет доказательством? Свидетеля здесь нет.

Эймен: У него такое же доказательственное значение, что и у многих писем представленных здесь в качестве доказательств. Фактически, я думаю, что даже больше чем у многих из них, потому что это письмо от чиновника, от мэра, который выяснял это и удостоверил то, что я считаю одним из самых важных вопросов по делу– а именно…

Председатель: Нет, сейчас я не хочу слушать, что есть в письме.

Эймен: Я не могу придумать ничего более уместного, чем это письмо, или более

важного для обсуждения на этом процессе, в частности, когда оно – что же, вы не хотите, чтобы я вдавался в него – в частности, когда это что–то, что подсудимый сам стремился выставить в свою защиту, и что теперь оборачивается…

Председатель: Но он не стремился представить это для своей защиты.

Эймен: Что же, я скажу, он стремился представить этим письмом вопрос в своей документальной книге, таким образом, что даже в противном случае не будучи относящимся к делу, это точно станет таким, когда подсудимый поднимет именно этот вопрос в своих собственных документах. Но даже помимо этого, мне кажется, что это один из важнейших вопросов этого дела.

Я не буду характеризовать его словами, поскольку ваша светлость не желает, что я это делал, но я вряд ли могу думать о чём-то более подходящем, чем вопрос изложенный здесь в форме официального сообщения.

Председатель: Полковник Эймен, единственный вопрос, который я задал вам, был о том, как этот документ, который не документ под присягой, будет компетентным доказательством. Как это будет выглядеть для свидетеля в перекрестном допросе?

Эймен: Что же, как официальное сообщение, сэр, его защитнику. При исполнении его официальных обязанностей как мэра – это часть его работы.

Председатель: Да, доктор Кауфман.

Кауфман: Господин председатель, я не желаю снова говорить о процессуальном вопросе. Я просто хочу отметить, что это письмо…

Председатель: Подождите минуту.

Кауфман: Я не хочу долго рассматривать процессуальный вопрос, который мы затронули прямо сейчас, но я желаю подчеркнуть, что эти два документа не имеют никакого отношения к делу Кальтенбруннера как таковому. Как я уже сказал, любой может посмотреть на документ, но поскольку этот документ не имеет никакого отношения к Кальтенбруннеру, оно с самого начала не имеет ценности как доказательство.

Эймен: Что же, оно имеет даже большее доказательственное значение, ваша светлость, тем, что если вопросы на которые ссылаются в этом письме были известны, как описано в письме людям в Ораниенбурге, разумеется лицо которое занимало должность начальника РСХА в Германии точно должно было иметь сведения, которые были у самых маленьких гражданских.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал распоряжается, что документ недопустим.

Эймен: Это должен был быть мой последний документ, ваша светлость, на этом перекрестный допрос закончен, за исключением одной вещи. Есть свидетель по

имени Хёсс[267], который вызван от имени подсудимого, и через которого я хочу представить два экземпляра. Однако, если его не вызывают, тогда я хочу приобщить эти экземпляры через подсудимого. Поэтому я интересуюсь можем ли мы получить четкое заявление о том вызывает ли защита на самом деле свидетеля Хёсса или нет.

Председатель: Доктор Кауфман, вы предлагаете вызвать Хёсса?

Кауфман: Да.

Председатель: Вам слово.

Кауфман: У меня больше нет вопросов к подсудимому.

Председатель: Боюсь я не услышал, что вы сказали, доктор Кауфман.

Кауфман: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Тогда подсудимый может вернуться на свое место. Подождите, подождите!

Смирнов: Господин председатель, мы имели пару вопросов к свидетелю.

Председатель: Полковник Смирнов, недавно мы поняли, что обвинение согласовало, что должен быть только один перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера.

Смирнов: Да, сэр. Мы имели только просьбу перед трибуналом задать подсудимому пару дополнительных вопросов, они займут очень немного времени, они необходимы для дальнейших допросов.

Председатель: По мнению трибунала, я думаю, вы знаете, представителю следует заранее решить какие вопросы незаменимы и затем задать их через представителя, который проводит перекрестный допрос. Такова общая схема.

Сэр Дэвид, когда мы встречались с вами этому вопросу, вы не говорили нам, что все обвинители согласовали, в связи с этим подсудимым, что его следует допрашивать только одному?

Максвелл–Файф: Милорд, положение было таким. Я понимаю, что советская делегация имеет какие-то особые пункты, и она собиралась спросить, как о снисхождении трибунала о том может ли она задать их. Вот о чем меня проинформировали мои советские коллеги.

Председатель: Господин Дюбост?

Дюбост: Мое пояснение будет очень коротким, господин председатель. В принципе, обвинение доверяет одному человеку задать все вопросы. Однако, невозможно, в целом для расследования и допроса осуществлять это одном члену обвинения лишь потому, что мы представляем четыре разных нации, которые имеют не разные, но самостоятельные интересы. Единственное лицо уполномоченное говорить в интересах нации это представитель нации. Поэтому я думаю, что трибунал должен позволить нам время от времени задавать вопросы, когда мы просим разрешить нам

267 Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 — 1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС, оберштурмбаннфюрер СС (18 июля 1942). Казнён по приговору польского суда.

это.

Председатель: Господин Дюбост, вы сейчас не ходатайствуете, не так ли, оставить за собой третий перекрестный допрос, вы просто говорите про общие принципы?

Дюбост: Господин председатель, это принципиальный вопрос. Обвинение ограничило само себя, чтобы сэкономить время, но оно просит у трибунала разрешения менять, когда это необходимо, порядок представления интересов страны.

Я не буду задавать никаких вопросов, которые могли бы возникнуть у меня после допроса моим коллегой из Соединенных Штатов; я не желаю затягивать разбирательство. Однако, я думаю, что трибунал может сказать нам, что в принципе мы вольны задавать вопросы, которые касаются наших стран, особенно поскольку мы в одиночку уполномочены представлять интересы наших стран и не можем передать такую компетенцию одному из наших коллег.

Председатель: Полковник Смирнов, вы можете сообщить трибуналу по каким вопросам, по каким пунктам вы хотите провести перекрёстный допрос?

Смирнов: Да, сэр. Дело в том, что вчера, подсудимый, давая ответы полковнику Эймену и отрицая свое участие в уничтожении евреев в Варшавском гетто, в числе одного из главных аргументов этого, выдвинул то, что Polizeiführer оккупированной Польши, Крюгер якобы подчинялся прямо Гиммлеру и никакого отношения к Кальтенбруннеру не имел. В польских документах, которые только, что пришли ко мне в связи, с чем советская делегация и возбудила перед вами вопрос о некотором изменении ранее принятого порядка, которого она намерена впоследствии придерживаться, в польских документах есть одно место, которое как кажется мне, представляет интерес для суда…

Председатель: Я понял этот пункт. Есть другие пункты?

Смирнов: И наконец, второй пункт касается только одного документа предъявленного ранее советской делегацией, который также не был охвачен в предыдущем допросе, но представляет интерес для нашей делегации с точки зрения представленных нами ранее материалов, вот по этим двум коротким вопросам я и хотел допросить обвиняемого.

Председатель: Вы осведомлены о том, что мы собираемся прерваться в половине двенадцатого с целью рассмотрения документов подсудимого Розенберга, но вы конечно можете провести перекрестный допрос по этим пунктам, если готовы сделать это как можно быстрее.

Смирнов: Я думаю, сэр, что мы сумеем уложиться в эти 15 минут. Так что…

Председатель: Очень хорошо.

Смирнов: Подсудимый, вчера полковник Эймен предъявил суду документы, изобличающие вас в активном участии в ликвидации Варшавского гетто. Опровергая это, вы большое внимание уделили тому обстоятельству, что начальники полиции в оккупированных областях подчинялись рейхсфюреру СС

Гиммлеру, и к вам никакого отношения не имели.

Вы подтверждаете это своё заявление?

Кальтенбруннер: Да, но его следует дополнить. Я также вчера сказал о том, что высший начальник СС и полиции в Генерал–губернаторстве подчинялся Гиммлеру и что, в свою очередь, руководители СС и полиции небольших округов подчинялись ему.

Смирнов: Может быть, вы…

Кальтенбруннер: Командиры полиции безопасности, полиции порядка, и Ваффен–СС подчинялись высшему начальнику СС и полиции. Они также подчинялись начальникам СС и полиции в небольших округах.

Смирнов: Может быть, вы помните и второе своё заявление, я правильно вас понял, когда вы говорили, что вы были против, так сказать, крайних тенденций Крюгера в отношении к польским евреям и даже старались удержать его от этого.

Кальтенбруннер: Я заявил о том, что я согласился с Франком в пользу освобождения Крюгера – то есть, его переводу из Генерал–губернаторства.

Смирнов: Я, прошу передать подсудимому дневник Франка.

[*Документ передали подсудимому*]

Смирнов: Пусть он обратить внимание сначала на страницу 13, где выступает Крюгер, а потом на страницу 15. Я оглашаю три абзаца из этого места. На странице 16. Читайте и скажите, правильно ли это переведено. «Нет сомнения» - говорит Крюгер – «что устранение евреев повлияло на успокоение. Полиции пришлось…».

Кальтенбруннер: Этот отрывок мне здесь не представили. У меня на руках страница 13 из документа.

Смирнов: Я снова начинаю:

> «Нет сомнения, что устранение евреев повлияло на успокоение. Полиции пришлось выполнить самую трудную и неприятную задачу, но она выполнялась по приказу фюрер ради защиты интересов Европы. Мы вынуждены устранить евреев также из военной промышленности».
>
> Я упускаю один абзац, прошу вас тоже пропустить его:
>
> «Мы вынуждены устранить евреев также из военной промышленности и заводов имевших военно-хозяйственное значение, если их использование не вызывалось исключительно важными соображениями военного характера. Евреи в этих случаях будут сосредоточены больших лагерях и оттуда в дневное время будут отправляться на работу на военные заводы. Рейхсфюрер СС желает, однако, чтобы и эти евреи были устранены с заводов, по этому поводу он вёл переговоры с генералом Шиндлером» - речь идет, очевидно, о

Крюгере – «и предполагает, что это желание рейхсфюрера не может быть выполнено в полном объеме. Среди рабочих-евреев имеются специалисты, механики по точным работам, и прочие квалифицированные рабочие которых нельзя сегодня без всяких последствий заменить поляками».

Вот, я обращаю ваше внимание особенно на следующую фразу.

«Поэтому он просит обергруппенфюрера СС, доктора Кальтенбруннера доложить об этом рейхсфюреру СС и просить его, чтобы он отказался от устранения этих рабочих-евреев. На заводах остались наиболее выносливые в физическом отношении евреи, так называемые Маккавеи[268], которые отлично работают, кроме них работают также женщины, в отношении которых установлено, что они сильнее евреев. К такому же заключению мы впрочем, пришли и во время ликвидации Варшавского гетто, выполнение этой задачи было сопряжено с большими трудностями».

Я упускаю следующую фразу и привожу ещё одну фразу:

«Есть сведения, что в этом случае, еврейки, также защищались до последнего с оружием в руках, против эсэсовцев и полиции».

Не свидетельствует ли это место о том, что Крюгер расценивал вас как своего начальника, и тогда когда большинство евреев в Польше уже было умерщвлено и осталось очень немногое количество хороших специалистов, умерщвление которых создавало ущерб для оборонной промышленности, обратился именно через вас как через своего полицейского начальника с просьбой к Гиммлеру временно сохранить жизнь этим евреям, то есть не свидетельствует ли это о том, что Крюгер расценивал именно вас как своего начальника и действовал через вас?

Кальтенбруннер: Нет, господин обвинитель. Этот документ напротив, подтверждает нечто совершенно обратное. В первую очередь, он сам говорит здесь о том, что эвакуация Варшавского гетто состоялась раньше; во–вторых, он говорит о том, что он просит меня пойти к Гиммлеру и поспорить с ним. То, что я сказал Гиммлеру, не содержится в документе; и факт заключается в том, что по этому поводу, я впервые сказал Гиммлеру: «Теперь, я знаю, что происходит», и протестовал против этого, этого нет в документе. Но, разумеется, мне должны дать возможность, объявить и подтвердить, что я предпринимал шаги против этой акции, и если вы перекрёстно допросите Франка или свидетелей…

Смирнов: Минуточку, вы уже говорили об этом подсудимый…

Кальтенбруннер: Я не закончил. Я пока не закончил с этим. Если вы спросите свидетелей по вопросу «Генерал–губернаторства», вы выясните именно то, как по этому поводу, я нанес свой первый и единственный визит в Генерал–

268 Маккавеи - первоначально прозвание одного Иуды Маккавея из династии Хасмонеев, возглавившего восстание против ига сирийских греков в 166—160 гг. до н. э. в христианской традиции, стали символом несгибаемости и стремления соблюсти максимальную строгость в соблюдении заповедей.

губернаторство, и то, что я узнал и понял там, стало предметом дискуссии с Гиммлером. Вы не можете обвинять меня, с одной стороны, в знании обо всех этих вещах не дав мне, с другой стороны возможности описать какой была моя реакция. В последние 2 года войны, обстоятельства привели меня в положение в котором я мог видеть, что происходило в Рейхе и позднее, ближе к концу, также и в Генерал–губернаторстве. Но вы не дали мне возможности объяснить, как я отреагировал, я человек, которого неудача привела на такую должность в конце войны.

Смирнов: Минуточку, минуточку. Но почему всё-таки Крюгер действует через вас?

Кальтенбруннер: И далее, этот документ никак не указывает, в каком качестве я находился там, ни разу не указано, что я находился там как его полицейский начальник. Он лишь знал, что, естественно, как начальник разведывательной службы, я должен был очень часто докладывать Гиммлеру. Поэтому он попросил меня в связи с этим сделать эти доклады. Но Крюгер был – это точно видно в документе…

Смирнов: Да, но ведь Крюгер мог сам сноситься с Гиммлером по вашим словам…

Кальтенбруннер: …государственным секретарем системы безопасности в Генерал–губернаторстве. Он был там государственным секретарем, и в качестве государственного секретаря он подчинялся генерал–губернатору, и как государственный секретарь…

Председатель: Вы слишком торопитесь, и вы слишком много говорите.

Кальтенбруннер: …и как государственный секретарь по полицейским вопросам в Генерал–губернаторстве, он, конечно, непосредственно подчинялся Гиммлеру. Это должно быть…

Смирнов: Я вас прошу ответить коротко: просил Крюгер вас, доложить по этому поводу Гиммлеру или нет? Это единственное о чем я вас спрашиваю.

Кальтенбруннер: Насколько я знаю, эта встреча была крупной встречей административных служащих и каждый просил тех, кто находился ближе к фюреру или Гиммлеру…

Смирнов: Нет. «Да» или «нет»; просил он вас доложить или нет?

Кальтенбруннер: Я этого не знаю.

Смирнов: Не знаете. Тогда я задаю вам второй вопрос.

Кальтенбруннер: Из формулировки я могу только понят…Вы не даёте мне закончить.

Председатель: Что вы сказали на последний вопрос? Это не был вопрос: «Вы пошли туда»? Полковник Смирнов?

Смирнов: У меня был следующий вопрос, господин председатель: «Просил Крюгер Кальтенбруннера доложить Гиммлеру по этому поводу или нет? Я просил ответить только «да» или «нет», воздерживаясь от каких бы то ни было речей.

Председатель: Я спросил вас, о чем был последний вопрос.

Смирнов: Это был самый последний вопрос, который я задал подсудимому,

господин председатель: Просил ли Крюгер Кальтенбруннера доложить Гиммлеру по этому поводу? Второй вопрос вы об этом спрашиваете, господин председатель.

Председатель: Я хотел от него ответа на ваш вопрос. Вы скажите ему на какой вопрос вы хотите ответа. Не задавайте ему два; поставьте ему один вопрос. Вы не слышите, что я говорю?

Смирнов: Да, господин председатель.

Председатель: Задайте ему один вопрос и посмотрите, сможете ли вы попытаться заставить его ответить на него.

Смирнов: Так, Крюгер просил вас, доложить по этому поводу Гиммлеру или вы не помните этого?

Кальтенбруннер: Возможно, что он попросил меня, но не как начальника. Вы должны понимать, что это было за собрание; это также должно также быть видно из дневника. Я не поехал туда как начальник полиции безопасности, или как начальник Крюгера, но Крюгер, как и дюжина остальных людей, докладывал о ситуации с продовольствием, административной системой…

Смирнов: Я просил бы вас воздержаться от дальнейших объяснений. Вы ответили уже и не стоит продолжать больше.

Председатель: В чем дело доктор Зейдль?

Зейдль: Господин председатель, цитату из дневника Франка прочли подсудимому Кальтенбруннеру. Дневник Франка состоит из 42 томов, и я хочу предложить, чтобы обвинитель указал место из тома и дату записи для того, чтобы можно было определиться со связью.

Председатель: Безусловно, да.

Смирнов: Здесь подлинник дневника Франка как раз этот том, так что, мне кажется, сомнений в подлинности быть не может: это заседание от 31 мая 1943, том озаглавленный: «Рабочие заседания 1943 года», страница 16, документ зарегистрирован под номером USA–613, это подлинник документа

Председатель: Предполагается, что дневник имеет дату.

Смирнов: Так точно. Это заседание от 31 мая 1943; вот дата.

Председатель: Это то, что хотел знать доктор Зейдль.

Смирнов: У меня второй короткий вопрос к подсудимому.

Председатель: Продолжайте.

Смирнов: Если, подсудимый, занимался, как он говорил вчера чистой информацией и кроме информации ничем другим не занимался, то считал ли он подкуп выборов в Иране, получение на это одного миллиона томанов от Риббентропа и посылку специальных агентов для подрывной политической деятельности, относящейся к чисто информационной работе?

Кальтенбруннер: Я точно не имел никакого отношения к подкупу голосов в Иране, но я признаю, конечно, что агенты моей разведывательной службы работали в Иране.

Смирнов: Вы у Риббентропа просили миллион томанов или нет, на подкуп?
Кальтенбруннер: Нет, у меня имелись значительные средства, чтобы самому платить агентам.
Смирнов: Письмо подсудимого Кальтенбруннера было передано суду, в качестве доказательства под номером СССР–178, Риббентроп признал ассигнования им одного миллиона томанов. Подсудимый опровергает это показание Риббентропа?
Кальтенбруннер: Мне кажется, что я не требовал от Риббентропа никаких денег, потому что я имел достаточно денег. Покажите мне это письмо. Может быть такое возможно. В моём распоряжении были значительные средства для разведывательной службы.
Смирнов: Подлинник этого письма был передан суду при допросе Риббентропа. У нас только копия, но подлинник, может быть принесен из документальной комнаты. Тут сказано:

> «Для того, чтобы оказать решающее влияние на выборы, нужен подкуп, для Тегерана необходимо 400 000 томанов, а для всего остального Ирана, по крайней мере, 600 000 томанов».
>
> Кончается это письмо следующим абзацем:
>
> «Прошу вас сообщить мне, возможно ли получение 1 миллиона томанов от министерства иностранных дел.
>
> Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми нам туда самолётом.
>
> Хайль Гитлер. Преданный вам Кальтенбруннер, СС обергруппенфюрер».

Это письмо определённого содержания. Риббентроп признал его. Вы отрицаете показания Риббентропа?
Кальтенбруннер: Ни в коей мере, но я хотел бы добавить следующее, что касается этого документа. Я не смог вспомнить его так просто, потому что его написали в управлении VI. Я не знаю содержания – не знал его до сих пор. Я совершенно уверен в том, что я подписал его, потому что это письмо рейхсминистру, которое конечно, по причинам такта, я должен был подписать лично. Что касается самого предмета, я благодарен, что последний вопрос в этом перекрестном допросе это вопрос, который относится к сфере моей непосредственной деятельности. Вы первый обвинитель, которому я должен быть благодарен за это, и который, больше не скрывает тот факт, что мои агенты и моя деятельность распространялась вплоть до Ирана.
Смирнов: Это ваша подпись?
Кальтенбруннер: Да.
Смирнов: Я не имею вопросов к подсудимому.
Председатель: Что за документ вы ему предъявили?
Смирнов: Это письмо, это документ СССР–178, господин председатель.

Председатель: 178?

Смирнов: Да. Это письмо Кальтенбруннера на имя министра иностранных дел фон Риббентропа, датированное 28 июня 1943.

Председатель: Очень хорошо. Спасибо. Итак, Трибунал рассмотрит документы доктора Тома, для Розенберга. Обвинение готово? Вы готовы, господин Додд?

Додд: Да, ваша честь.

Председатель: Не будет ли удобно господину Додду сказать нам какое сейчас положение? Доктор Тома для вас будет приемлимо, если господин Додд скажет нам какое сейчас положение?

Тома: Да.

Додд: Доктор Тома подготовил три документальные книги, и есть два тома в первой книге, две части, два тома – и я хочу взять для начала, тома I и II первой документальной книги. В первом томе, томе I…

Председатель: Трибунал уже просмотрел эти тома.

Додд: Что же, в книге есть то, что приводит нам ряд авторитетов, начиная с первого документа Фалькенберга[269] «История новейшей философии», и кончая «Введением в психологию наций» Гельпаха[270], и на самом деле, как мы поняли распоряжение суда от 8 марта, он говорило о том, что эти книги можно использовать как подходящие для целей аргументации, и с этой целью их следовало представить и предоставить защите, и суд продолжил говорить, что любой конкретный фрагмент который защитник пожелает процитировать следует включать в документальную книгу для перевода.

Мы возражаем всем этим фрагментам и в основном по тем же самым причинам, и я думаю, я могу обсудить их как группу нежели по-отдельности.

Председатель: Мы прочли их все, и мы только желаем заслушать любые аргументы которые доктор Тома желает о них прокомментировать.

Тома: Господин председатель, я хочу подчеркнуть только то, что правовые точки зрения вынудили меня предъявить сочинения современных историков в качестве доказательств на данном процессе. Трибунал должен решить, есть ли связь между идеологией Розенберга и военными преступлениями и преступлениями против евреев.

Я утверждаю, что в дополнение к этой идеологии, другие факторы – так называемые предпосылки, то есть, вся современная обстановка, философский и духовный очерк – внесли вклад со своей стороны, но основной вопрос это: Предвидел, с наличием вины, Розенберг опасные возможности его идей и несмотря на это продвигал их? Каким образом его можно считать виновным если Розенберг не был осведомлён об их угрожающем развитии? Поэтому я отмечу факты о

269 Рихард Фалькенберг (1851—1920) — немецкий философ. Был профессором в Эрлангене, автор пользующегося довольно широким распространением руководства по истории новейшей философии.

270 Вилли Гельпах (1877 — 1955) — немецкий врач, психолог и политик. Один из основателей направления психологии — энвайронментальная психология или психология среды.

духовном взгляде времени которые подтверждают, что его идеи воспринимались и даже отчасти восхвалялись точной наукой. Я покажу, что другие страны вводили определённые национал-социалистические меры, такие как подавление рождаемости неспособных к жизни детей, ещё до того как были написаны книги Розенберга. Далее, я сошлюсь на результаты исследований естественной науки о природной основе существования человека и вытекающем отсюда ограничении свободы человека. Я отмечу влияние и следствия века техники, и хочу сослаться на тот факт, что иррациональные мысли и концепции серьёзно воспринимались даже рациональной эмпирической наукой, и я хочу показать то как зачастую неизбежно законы управляют развитием философских концепций и политических движений. На основе научных выводов, возможно, что Розенберг недооценивал или упускал из виду угрожавшую сторону своей идеологии – то есть, что все идеи и концепции перерождаются согласно законам правящим человеческой мыслью. Таким образом, к вопросу вины нужно относиться в новом свете и по моему мнению, также необходимо исследовать вопрос неосторожности. Эти тезисы будут извлечены из трудов естественной науки фон Эйкштедта[271], Мюльмана[272], Шейдта[273], Кейтера[274] и из философских трудов Гельпаха, Мессера[275], Тиллиха[276], Бубера[277] и т.д.

Уважаемый суд, вера в то, что философия иррационального может применяться в политике может звучать смешно, но я хочу отметить, что всего 15 лет назад в Германии превозносилось то, что политика основанная на христианской этике была глупой, потому что христианская этика не может применяться в политической сфере. Сегодня мы знаем, что это возможно, и поэтому, я прошу трибунал, который по моему мнению, получил свои полномочия исходя из этических мотивов. Это лишь один пример значения иррационального в политике. Вера во власть идеала и морали, в конце концов, тоже иррациональная.

Уважаемый трибунал, вопрос причинной связи между идеологией Розенберга и военными преступлениями не должен, или даже не следует, путать с обвинением об участии Розенберга в самом убийстве евреев и преступлениями на Востоке. Это имеет другую связь. Я постараюсь отдельно опровергнуть фактическое участие Розенберга в этих вопросах.

Я хочу обратить ваше внимание на ещё одну важную точку зрения.

271 Эгон фон Эйкштедт (1892 — 1965) — немецкий антрополог, приверженец евгеники, доктор наук. Один из ведущих специалистов в своей области во времена Веймарской республики и нацистской Германии.

272 Вильгельм Мюльман (1904 – 1988) – немецкий этнограф. Профессор этнографии в университетах Майнца и Гейдельберга.

273 Вальтер Шейдт (1895 – 1976) – немецкий антрополог и евгеник. Профессор института расовой биологии при Гамбургском университете.

274 Фридрих Кейтер (1906 – 1967) – австрийско-немецкий антрополог. Лектор по расовым вопросам в ряде германских университетов.

275 Август Мессер (1867 – 1937) – немецкий философ специализирующийся на психологии.

276 Пауль Тиллих (1886 — 1965) — немецко-американский протестантский теолог и философ-экзистенциалист, представитель диалектической теологии.

277 Мартин Бубер (1878 — 1965) — еврейский экзистенциальный философ, теоретик сионизма, также близкий к иудейскому религиозному анархизму.

Организации, чьи члены ранее отчасти находились под влиянием христианства и так называемого молодёжного движения и которые позволили склонить себя к национал-социализму, из-за того, что они верили в то, что их христианские и идеалистические интересы можно будет реализовать, тоже показатель. Теперь они оказались беспомощны в своих лагерях, разочарованы в этом мире. Они тоже имеют право просить трибунал сказать, о том во, что они верили и чему их учили. Мне кажется, что я дал понять, что я не пытаюсь читать лекцию об эстетике, а то, что это очень важные правовые проблемы.

Уважаемый суд, если любой из авторов неподходящий, тогда я откажусь от их цитирования. Возможно Лапуж вообще не подходит. Я отзываю его труд, хотя именно Лапуж отмечает, что отдельные биологические законы также применяются в законодательстве других стран. Но господин судья Джексон возразил отрывку из Лапужа, и я его отзываю. Есть одна или две работы Мартина Бубера которые я готов отозвать. Но я особо хотел использовать Мартина Бубера, чтобы доказать, что мы здесь касаемся принципов которые вообще не имеют никакого отношения к антисемитизму, а просто представляют философию которая оправдывалась как философия рационализма в течение последних столетий. Но, я прошу трибунал о том, чтобы во время представления доказательств, принимались во внимание только сами философо-исторические доказательства и факты. Уважаемый суд, если я представил эти факты в своём выступлении, я пошёл на риск представить только свои знания. Вот почему мне требуются эти документы.

Председатель: Господин Додд, мы поняли, что вы возражаете всему до книги Гельпаха. Значит, в связи с другими томами, остальное - собственные документы Розенберга, не так ли?

Додд: За исключением последних двух.

Председатель: Да, последние два в этой же категории, я полагаю, как те, что до Гельпаха, не так ли?

Додд: Есть также кое-какие цитаты из газет находящиеся в документальных книгах, на страницах 182-185. Мы также заявляем им возражение.

Председатель: Они в томе II.

Додд: Да, они в томе II книга 1.

Председатель: Сейчас я рассматриваю том I документальной книги 1.

Додд: В этом заключалось возражение тому I.

Председатель: Тогда, вы не возражаете его остальным книгам?

Додд: Нет, ваша честь, не возражаю.

Председатель: Значит, в книге 2 нет индекса, нет?

Додд: Мы ничему не возражаем в книге 2.

Председатель: В томе II книге 1?

Додд: Мы говорим о томе II, книга 1.

Председатель: Очень хорошо, да, понимаю. Значит в книге 2 – вы не возражаете

книге 2?

Додд: Нет не возражаем.

Председатель: Ни книге 3?

Додд: Нет, мы не имеем возражения книге 3. Думаю наши русские коллеги имеют возражение письменным показаниям Денкера. Однако, я бы предпочёл, чтобы они выступили перед трибуналом по данному предмету.

Председатель: И затем, четвёртая книга?

Додд: Нет, ваша честь, нет, но мы говорили о второй части первой книги.

Председатель: Мне сказали, что вы поговорили.

Додд: Нет, не думаю. Я назвал газетные статьи.

Председатель: Первая находится, начиная со страницы 182 второго тома первой книги.

Председатель: Да, это последние два в индексе.

Додд: Да, они.

Председатель: Мы понимаем, что вы им возражаете.

Додд: Да.

Председатель: Но индекс в первом томе первой книги это индекс для обеих томов.

Додд: Да.

Председатель: И это заключается в том, что вы возражаете всем документам до Гельпаха и последним двум?

Додд: Да, именно так.

Председатель: Я понял. Значит в связи с книгами 2 и 3, вы не возражаете, но Советский Союз желает представить возражение письменным показаниям профессора Денкера.

Додд: Именно так, ваша честь.

Председатель: Наверное, нам лучше послушать, что скажут на это советы.

Рагинский: Я прошу обратить внимание трибунала на документ Розенберг-38, это третья книга документов, 29 страница, этот документ представляет письмо от 24 августа 1931 года.

Председатель: Минуточку, это не письменные показания?

Рагинский: Я имею в виду два документа, господин председатель, документ Розенберг-38 и второй документ насчёт показаний данных Денкером.

Председатель: Хорошо. Да, я нашёл страницу 21. Мы рассмотрим сначала документ 38, то есть страницу 29.

Рагинский: На 29 странице, совершенно верно, этот документ представляет письмо, какого-то неизвестного виноторговца, на имя Розенберга по поводу какой-то газетной заметки, этой газетной заметки мы не знаем, защитник Тома её не представляет, и поэтому мы полагаем, что этот документ отношения к делу не имеет. Тем более, что ни в одном из своих ходатайств и объяснений защитник Тома не указал, что должен доказать этот документ, что из себя представляет это письмо.

Затем я хотел бы высказать некоторые соображения наши по поводу второго документа, по поводу письменных показаний Денкера представленных защитником Тома. Эти письменные показания находятся также в третьей книге документов на странице 8-11, и имеют номер Розенберг-35. Судя по тому, что здесь имеется в этой книге, Денкер бывший сотрудник штаба «Ост[278]», принимал участие в совершении военных преступлений на территории оккупированных немецкими войсками, этот Денкер принимал участие в разграблении оккупированных территорий Советского Союза.

Я прошу обратить внимание трибунала на то, что защитник Тома 6 апреля этого года обратился в трибунал с ходатайством о допущении этого документа, и генеральный секретарь трибунала запросил мнение обвинителей, однако до решения трибунала, до заключения обвинителей, эти письменные показания Денкера были включены в книгу документов, размножены и розданы всем. Что из себя представляет это самое, с позволения сказать показание, мы считаем, и это очень легко доказать, что те сведения которые указываются в этом документе неправильно освещают фактическое положение вещей, они содержат ряд клеветнических и неправильных утверждений, которые опровергаются уже теми документами которые были представлены трибуналу и здесь зачитаны. Поэтому, поскольку Денкер не вызывается защитой в суд, и мы лишены возможности в порядке перекрёстного допроса доказать лживость его показаний, мы полагаем, что этот документ не должен быть допущен судом.

Председатель: Да, доктор Тома.

Тома: Господа, я согласен с тем, что профессора, доктора Денкера который заявляет о том, что трактора и другую сельскохозяйственную технику стоимостью 180 миллионов рейхсмарок доставили на Украину, нужно вызвать в качестве свидетеля. Но этот документ поразительное доказательство того факта, что в Украине шёл процесс восстановления, что намечалось достаточное администрирование, что земля не тупо эксплуатировалась, а то, что разрабатывались долгосрочные планы в интересах страны и населения. Поэтому я прошу трибунал допустить письменные показания в качестве доказательства. Если нужно, я заявлю ходатайство о том, чтобы профессор Денкер – в Бонне, был вызван в качестве свидетеля в случае если на трибунал произвело впечатление выступление советского обвинителя.

Председатель: Да.

Тома: И также, господин председатель, я прошу прощения, но я не понял предыдущее возражение относительно документальной книги номер 3. У меня нет с собой документальной книги номер 3, и я не знаю в чём заключалось возражение.

Председатель: На странице 29 письмо адресованное Розенбергу кем-то без

278 План «Ольденбург» («Зелёная папка» Геринга) — кодовое именование экономического подраздела плана нападения Германии на СССР «Барбаросса». После утверждения Гитлером плана «Барбаросса» фюрер поручил рейхсмаршалу Герингу разработать план эксплуатации территории СССР. Для координации был образован штаб «Ольденбург, позднее «Ост».

подписи. Это Розенберг-38.
Тома: О, да, но этот документ допущен трибуналом, и подпись это «Адольф Гитлер». Видимо машинист не смог её прочитать.
Председатель: Это письмо, не так ли?
Тома: Да, сэр, его уже одобрили. Господа, его одобрили. Но, я прошу извинить. Я так и не понял. Гельпах это единственный документ из всей моей документальной книги который одобрили? Пожелание сэра Дэвида и господина Додда заключается в том, чтобы цитировали только Гельпаха и никого другого? В таком случае я хочу иметь возможность более подробно рассмотреть других авторов о том, что планировалось доказать. Например, я…
Председатель: Мы пока не приняли решение.
Тома: Да.
Председатель: Мы думали, что вы указали нам причины в поддержку документов в книге 1, тома I и II.
Тома: Да.
Председатель: Если вы указали нам причины, то вам не нужно говорить что-то ещё.
Тома: Да, господин председатель, но я думал, что, в связи с разными книгами я могу очень коротко высказать то, что я желал доказать.

Мессером, Тиллихом, Леувом[279] и Бергсоном[280] я постараюсь доказать, что неоромантизм – то есть, философия иррационального, чьим предвестником был Руссо[281] – ворвался в Германию первым, в то же время находясь под влиянием французских, английских и американских философов.

Во-вторых, через Мартина Бубера я желаю доказать то, что такая философия не являлась антисемитской, а наоборот, Мартин Бубер не только превозносил такую философию, но и рекомендовал применять её на практике, именно работа Мартина Бубера в которой мы находим жизненно важные термины и высказывания, которые приобретают такое значение на данном процессе, как значение крови, миф крови, взаимоотношения между национальным характером и жизненным пространством, интуиция, концепции движения, характер наследственности и тому подобное.

И, далее, уважаемый суд, в связи с этими цитатами из Эйкштедта, Мюльмана, Шейдта, Кейтера, я желаю заявить, что эти авторы не национал-социалисты, а что, фактически, они отчасти возражали идеологии Розенберга, но они являются доказательством того факта, что концепция расы, народа, нации,

279 Герард ван дер Леув (1890 — 1950) — нидерландский историк и философ религии, один из наиболее известных представителей феноменологии религии.
280 Анри-Луи Бергсон (1859 — 1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни[2]. Профессор Коллеж де Франс (1900—1914), член Французской академии (1914). Лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 года.
281 Жан-Жак Руссо (1712 — 1778) — франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения. Также музыковед, композитор и ботаник. Виднейший представитель сентиментализма. Его называют предтечей Великой французской революции. Проповедовал «возврат к природе» и призывал к установлению полного социального равенства.

крови и земли, и т.д., признавались естественнонаучными экспертами. И Гельпах в своём «Введении в психологию наций», сделал крайне важное заявление – и Гельпах самое известное имя в немецкой философской литературе – о том, что каждый тезис ведёт к синтезу и в конечном счёте разрушается.

Господа, мне нужно сделать только одно завершающее замечание. В последнем номере «Die Neue Zeitung[282]» была статья о том, что во французской Конституционной ассамблее несколько дней тому назад началась дискуссия об одном и наиболее важном и главном вопросе наших времен - дискуссия о правах человека – во время которой исследовали внутреннее отношение членов сопротивления и определялись чёткие тезисы о свободе и кризисе ответственном за влияние на права человека и отмечались различные противоречия.

Председатель: Да.

Тома: И, господа, установили следующее: есть противоречие между провозглашением свободы и ещё большей машиной порабощения. Это именно то, что мы утверждаем. Во-вторых, есть противоречие между ростом материального благосостояния и упадком духовных ценностей. В-третьих, противоречие участвует во всяком прогрессе, при этом всякое улушение создаёт противовес в виде соответствующего упадка. В-четвёртых, есть противоречие между идеалами гуманизма восемнадцатого столетия и открытиями науки о человеке – биологии и психоанализа – которые демонстрируют, что человек подчиняется законам природы.

В-пятых, противоречие между широкими массами народа, которые «просвещают» поверхностным образом таким как газеты, радио, художественные фильмы и всеми видами пропаганды и исчезновением мышления и культурной элиты.

Это являлось предметом дебатов в Конституционной ассамблее нынешнего французского парламента и что я предлагаю, господа, чтобы такие вопросы также поставили на данном процессе, так как они показатель политического и духовного отношения народа, потому что высокое этическое разумение может вытекать из концепции национальности. Факт в том, что они пострадали из-за философического и биологического процесса и отчасти воспитания, но только отчасти.

Председатель: Доктор Тома, вы закончили? Вы закончили то, что хотели сказать?

Тома: Да, сэр.

Председатель: Трибунал, конечно, пока не принял своё решение, и он рассмотрит ваши аргументы. Но я обязан заметить вам, что в обвинительном заключении или по делу Розенберга нет обвинения ни в том, что он изобрёл свою философию, ни в том,

282 «Новая газета» — американское печатное издание на немецком языке, выпускавшееся с 17 октября 1945 года в американской зоне оккупации Германии. Начала выпускаться в Мюнхене в конце 1945 года — сразу после того, как прекратился выпуск армейских американских газет на немецком языке. В газете сотрудничали такие писатели, как Томас и Генрих Манн, Стефан Гейм, Эрих Кестнер, Альфред Андерш. Тираж газеты составлял около 2,5 млн экземпляров. Выпуск прекратился в 1955 году.

что придерживался определённых философских идей. Обвинение против него заключается в том, что он определённым образом использовал свои философские идеи. Вот, что я должен сказать.

Ещё один вопрос который я хочу вам заметить, это ходатайство которое вы заявили о вызове Розенберга, не в начале, а в каком-то другом моменте его дела, и что касается этого, если трибуналу следует прийти к выводу о том, что эти другие философские труды не являются вопросами подлежащими рассмотрению, на самом деле нужно вызывать подсудимого Розенберга на какой-то следующей стадии? Не будет ли в интересах ускорения, что его следует вызвать первым?

Тома: Господин председатель, есть две вещи которые я могу сказать на это. Я находился под ошибочным впечатлением о том, что любые показания которые следует брать начинаюстя с заслушивания подсудимого. Я полагал, что до этого нельзя зачитывать документы, и вот почему я сначала попросил позволить мне представить несколько вводных документов, для того, чтобы допрос подсудимого Розенберга проходил более гладко, потому что по моему мнению через документы трибунал бы ознакомился с фактами гораздо быстрее. Кроме того, я попросил свидетеля Рикке[283], который также быстро ознакомит вас с восточными проблемами и в частности с продовольственной проблемой и который ускорит вопросы если его заслушают перед Розенбергом. Вот как я это планировал. Я хочу сначала зачитать в первую очередь наиболее важные документы – не только идеологические, но всё то, что касается айнзацштаба и администрации на Востоке, затем я хочу вызвать свидетеля Рикке, и потом подсудимого Розенберга.

Председатель: Что же, трибунал уже отмечал, что по его мнению, в каждом отдельном случае, это ведёт к ускорению если подсудимого вызывают первым и конечно, любой документ который является материальным можно предъявить подсудимому в ходе его показаний для любого пояснения которое он может о них дать.

Тома: Ваша честь, мне кажется, что если бы я сделал очень краткие замечания о документах, это бы заняло меньше времени чем если бы Розенберг рассматривал отдельные документы. Вот почему, я думал, что могу прочитать какие-то документы в начале, только для экономии времени.

Председатель: Что же, для того, чтобы вы могли продолжить в понедельник утром, трибунал, рассмотрев данный вопрос распоряжается о том, что Розенберг должен быть вызван первым. В этом заключается распоряжение трибунала.

Что касается документов, мы рассмотрим каким будет наше решение в отношении документов которым возражают.

Я сказал утром в понедельник. Прошу прощения. Я имел в виду конец дела подсудимого Кальтенбруннера.

283 Ганс-Йоахим Рикке (1899 – 1986) – немецкий нацистский политик. В 1943-1945 государственный секретарь министерства сельского хозяйства и продовольствия Германии. Группенфюрер СС и СА.

Тома: Уважаемый суд, я просто хочу сказать несколько слов об идеологии Розенберга. Я прошу трибунал прочитать речь господина де Ментона, который заявляет о том, что данная идеология сама по себе являлась преступной поскольку это относилось к его деятельности как редактора и издателя «Volkischer Beobachter[284]» и автору «Мифа» и других сочинений. Он говорит, что таким образом он психологически готовил немецкую нацию к наступательной войне.

Председатель: Я сказал, что это не является вопросом того, что заключалось источником его философии или просто наличия философских идей, но использование которое он придавал этим философским идеям. Что же, трибунал это рассмотрит.

Додд: С позволения вашей чести, я хочу дать понять, что мы возражаем трудам Гельпаха. Я также понял, что доктор Дикс попросил меня попросить о том, чтобы его документы заслушали сегодня.

Председатель: Думаю уже слишком поздно, но мы скоро их рассмотрим если того желает доктор Дикс. Мы скоро их рассмотрим.

Дикс: Я бы был благодарен за это. Мы обсуждали сначала с сэром Дэвидом, а потом с господином Доддом и господином Альбрехтом, и эти господа заявили возражения которые следует представить суду. Но переводы пока не сделали, и решение должно быть скоро, или же документальная книга не будет готова. Я бы благодарил если бы мы могли кратко обсудить это в понедельник.

Председатель: Мы постараемся сделать это в понедельник.

Дикс: В понедельник?

Председатель: Да.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 15 апреля 1946*]

284 «Народный обозреватель» — немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag

День сто восьмой

Понедельник, 15 апреля 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала: сообщаю о том, что подсудимый Риббентроп отсутствуеет с данного заседания суда.

Председатель: Сначала я рассмотрю все документы подсудимого Розенберга.

Трибунал распоряжается о том, что во всех документах в книге 1, том I и том II, следует отказать, включая книгу Гельпаха, то есть экземпляры 1-6 и также экземпляр 7(e) и экземпляр 8.

Во-вторых, трибунал распоряжается о том, что он примет судебное уведомление об экземплярах 7(a) – 7(d), но распоряжается о том, что экземпляры 7-7(d), не должны оглашаться на данной стадии, но могут быть процитированы защитником в своей заключительной речи.

В-третьих, трибунал допускает книги 2 и 3.

И в-четвёртых, трибунал распоряжается о том, чтобы подсудимый Розенберг был вызван первым и любые документы которые допущены могут быть предъявлены ему в ходе его допроса.

На этом всё.

Итак, доктор Кауфман.

Кауфман: С согласия трибунала я вызываю свидетеля Хёсса.

[*Свидетель Хёсс занял место свидетеля*]

Председатель: Встаньте. Вы назовёте своё имя?
Хёсс: Рудольф Франц Фердинанд Хёсс.
Председатель: Вы повторите за мной следующую присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы присядите?
Кауфман: Свидетель, ваши показания будут иметь большое значение. Вы, вероятно, единственный человек, который может пролить свет на еще неизвестные факты и показать, кто давал приказы на уничтожение евреев, проживающих в Европе, какие эти приказы и в какой степени их выполнение было секретным.
Председатель: Доктор Кауфман, задавайте, пожалуйста, свидетелю вопросы.
Кауфман: Да.
[*Обращаясь к свидетелю*] Вы с 1940 по 1943 год были комендантом лагеря Аушвиц?
Хёсс: Так точно.
Кауфман: За этот период времени сотни тысяч людей были там уничтожены? Это правда?
Хёсс: Так точно.
Кауфман: Правда ли, что вы сами не имеете точных записей о количестве этих жертв, так как вам запрещали делать подобные записи?
Хёсс: Да, это правда.
Кауфман: Верно ли, что только один человек, фамилия которого Эйхман, вел такие записи, человек, которому были поручены организация этого дела и сбор людей?
Хёсс: Так точно.
Кауфман: Правильно ли, что Эйхман заявил вам, что в общем в Аушвице уничтожено более двух миллионов евреев?
Хёсс: Так точно.
Кауфман: Мужчин, женщин и детей?
Хёсс: Да.
Кауфман: Вы участвовали в мировой войне?
Хёсс: Так точно.
Кауфман: В 1922 году вы вступили в партию?
Хёсс: Так точно.
Кауфман: Вы были членом СС?
Хёсс: С 1934 года.
Кауфман: Правильно ли, что в 1924 году вы были осуждены к довольно

продолжительному сроку тяжёлого труда за участие в так называемом политическом убийстве?

Хёсс: Так точно.

Кауфман: В конце 1934 года вы попали в концентрационный лагерь в Дахау?

Хёсс: Так точно.

Кауфман: Какие задачи у вас были там?

Хёсс: Сначала я был руководителем блока заключенных, затем вел учет заключенных и, наконец, был хранителем их имущества.

Кауфман: Как долго вы были там?

Хёсс: До 1938 года.

Кауфман: Где вы были с 1938 года? Какие должности вы занимали?

Хёсс: В 1938 году я попал в лагерь Заксенхаузен[285], где сперва я был адъютантом коменданта лагеря, а затем начальником лагеря, в котором сидели лица, находившиеся в превентивном заключении.

Кауфман: Когда вы были комендантом лагеря в Аушвице?

Хёсс: Я был начальником лагеря в Аушвице с мая 1940 года по 1 декабря 1943 года.

Кауфман: Сколько заключенных было в Аушвице при предельной наполненности лагеря?

Хёсс: Максимально в Аушвице было приблизительно 140 тысяч заключенных мужчин и женщин.

Кауфман: Правильно ли, что в 1941 году вы были приглашены в Берлин к Гиммлеру? Расскажите кратко содержание вашей беседы?

Хёсс: Хорошо. Летом 1941 года я был приглашен лично рейхсфюрером СС Гиммлером в Берлин. Я не могу дословно повторить, что он мне говорил, но смысл его слов был таков: фюрер приказал окончательно разрешить еврейский вопрос. Мы, т. е. СС, должны провести этот приказ в жизнь. Если теперь, в данное время, мы не сделаем этого, то позднее еврейский народ уничтожит немецкий народ. Он сказал, что он выбрал Аушвиц потому, что он расположен наиболее удобно в смысле подвоза людей по железной дороге, и потому, что на этой местности легко установить заграждения.

Кауфман: На этом совещании Гиммлер сказал вам, что планируемая акция является «тайным государственным делом»?

Хёсс: Да, на это он обратил мое внимание особо. Он сказал, что даже своему непосредственному начальнику Глюксу я не должен ничего говорить об этом. Настоящее совещание касается лишь нас обоих, и я должен хранить полное молчание по отношению ко всем остальным людям.

Кауфман: Какую должность занимал Глюкс, которого вы только что назвали?

Хёсс: Группенфюрер Глюкс был инспектором концентрационных лагерей и подчинялся непосредственно рейхсфюреру.

---

285 Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный в городе Ораниенбург в Германии.

Кауфман: Название «тайное государственное дело» означает, что знающий что-либо о нем ни одним намеком не может о нем рассказывать, не подвергая свою жизнь опасности?

Хёсс: Да. Это означает, человек, знающий что-либо о нем, не должен говорить-о нем ни с кем другим и что он ответственен своей головой за то, чтобы никто не знал о нем.

Кауфман: Скажите, вы нарушили когда-нибудь это возложенное на вас обязательство, рассказав об этом кому-нибудь?

Хёсс: Нет, до конца 1942 года я никому ничего об этом не говорил.

Кауфман: Почему вы называете именно эту дату? После вы говорили что-нибудь какому-либо третьему лицу?

Хёсс: В конце 1942 года тогдашний гауляйтер Верхней Силезии своими замечаниями обратил внимание моей жены на то, что делается в моем лагере. Позже моя жена спросила меня, соответствует ли это действительности, и я ответил ей утвердительно. Это единственное нарушение обещания, которое я дал рейхсфюреру. Больше я никому ничего не говорил.

Кауфман: Когда вы познакомились с Эйхманом?

Хёсс: С Эйхманом я познакомился примерно через четыре недели после того, как я получил приказ рейхсфюрера. Он приехал в Аушвиц, чтобы обсудить со мной порядок выполнения этого приказа. Как рейхсфюрер сказал мне во время нашей беседы, он поручил Эйхману обсудить его со мной. Все остальные указания я получал от него, от Эйхмана.

Кауфман: Опишите кратко, правильно ли, что лагери в Аушвице были совершенно изолированы? Какие меры были приняты для того, чтобы держать в строжайшем секрете проведение возложенной на вас задачи?

Хёсс: Лагерь Аушвиц как таковой находился в трех километрах от города. В округе на 20 тысяч моргенов все население должно было покинуть свое местожительство. На всю эту территорию разрешалось вступать лишь эсэсовцам, гражданские служащие имели специальные пропуска. Первоначальная площадка лагерь Биркенау, превращенный после в лагерь уничтожения, находился от Аушвица на расстоянии двух километров. Самые сооружения лагеря, использовавшиеся вначале, находились в лесу, были хорошо замаскированы и издали совершенно незаметны. Кроме того, зона была объявлена запретной, и даже члены СС, которые не имели специальных пропусков, не могли проходить на нее. Таким образом, никто, кроме уже указанных лиц, не имел возможности вступать на эту территорию.

Кауфман: Иногда прибывали железнодорожные эшелоны. Через какие промежутки времени они прибывали и сколько примерно людей находилось каждый раз в таком эшелоне?

Хёсс: До 1944 года соответствующие операции проводились в разных странах; в разное время, так что нельзя говорить о систематическом поступлении людей в

лагерь. В течение примерно 4—6 недель ежедневно прибывало 2—3 эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый. Сперва эшелоны переводились на запасный путь у Биркенау. Паровоз, доставлявший эти эшелоны, отправлялся обратно. Охрана, сопровождавшая эшелоны, должна была сейчас же покинуть эту область, а заключенные, приехавшие с эшелоном, принимались охраной лагеря.

Затем два эсэсовских врача определяли их трудоспособность. Трудоспособные заключенные шли в Освенцим или в Биркенау; нетрудоспособные доставлялись сначала во временные помещения, о которых выше шла речь, а затем — в новоотстроенный крематорий.

Кауфман: На недавно проведенном мной допросе вы заявили, что приблизительно 60 человек были назначены для приемки этих эшелонов и что эти 60 человек были обязаны соблюдать тайну, так, как это было описано ранее. Вы подтверждаете это?

Хёсс: Так точно. Эти 60 человек должны были быть всегда наготове направлять нетрудоспособных заключенных в построенные сооружения. Они, а также и еще около десяти младших командиров и командиров, врачей и санитаров, несколько раз письменно и устно подтверждали свое обязательство держать в строжайшем секрете все, что происходило в лагере.

Кауфман: Мог посторонний человек, наблюдавший прибывавшие эшелоны, подумать, что люди, находящиеся в них, предназначены для уничтожения, или такая возможность была невелика уже потому, что в Аушвице было очень большое движение эшелонов, подвозились материалы и т. д.?

Хёсс: Так точно. Наблюдатель, который не ставил себе специальной цели наблюдения за эшелонами, не мог составить себе общей картины, так как прибывали не только эшелоны с новыми заключенными, которые использовались в лагере. Довольно большое количество эшелонов уезжало из лагеря с трудоспособными или предназначенными для обмена заключенными.

Двери товарных вагонов были плотно закрыты, так что наблюдатель не мог видеть находившихся там людей. Кроме того, каждый день в лагерь прибывало до 100 вагонов с материалами, продуктами питания и пр., и, с другой стороны, они увозили военную продукцию, изготовленную в мастерских лагеря.

Кауфман: Правильно ли то, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снимать с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?

Хёсс: Да.

Кауфман: И затем их сразу отправляли туда, где их ждала смерть?

Хёсс: Да.

Кауфман: Скажите мне, руководствуясь вашим опытом, знали эти люди о том, что их ожидало?

Хёсс: В большинстве случаев они ничего не знали, т. е. принимались меры в том направлении, чтобы не посеять в них сомнение и не вызывать подозрения, что им предстоит смерть. Так, например, на дверях и стенах были развешаны объявления,

которые указывали на то, что заключенным предстоит пройти процедуру дезинсекции или санитарной обработки в бане. Это объявляли заключенным на нескольких языках через посредство других заключенных, которые прибыли с прежними эшелонами и при выполнении всей акции работали в качестве подручных.

Кауфман: Смерть наступала через 3—15 минут, как вы мне об этом уже говорили. Не так ли?

Хёсс: Да, так точно.

Кауфман: Затем вы мне говорили, что до наступления смерти жертвы теряли сознание?

Хёсс: Да. Как мне удалось установить благодаря своим собственным наблюдениям или через врачей, в зависимости от температуры и количества людей, находящихся в камерах, срок наступления потери сознания или смерти был очень различен. Люди теряли сознание через несколько секунд или минут.

Кауфман: Вы сами имеете семью и детей, у вас когда-нибудь была жалость к этим жертвам?

Хёсс: Да.

Кауфман: Но почему вы все-таки проводили это?

Хёсс: При всех тех сомнениях, которые у меня возникали, единственным руководящим началом оставался обязательный приказ рейхсфюрера Гиммлера и данное им обоснование этого приказа.

Кауфман: Я спрашиваю вас: осматривал Гиммлер лагерь и убеждался ли он сам в том, как происходил процесс уничтожения?

Хёсс: Да, конечно. В 1942 году Гиммлер посетил лагерь и проследил за одним процессом целиком, с начала до конца.

Кауфман: То же самое можно сказать и об Эйхмане?

Хёсс: Эйхман несколько раз был в Освенциме и знал все хорошо.

Кауфман: Подсудимый Кальтенбруннер, когда-либо инспектировал лагерь?

Хёсс: Нет.

Кауфман: Вы, когда-нибудь беседовали с Кальтенбруннером о своей задаче?

Хёсс: Нет, никогда. Я находился с обергруппенфюрером Кальтенбруннером только по одному случаю.

Кауфман: Когда это было?

Хёсс: День спустя после его дня рождения в 1944 году.

Кауфман: Какую должность вы занимали в 1944 году?

Хёсс: В 1944 году я был главой отдела Е-1 главного административно-хозяйственного управления в Берлине. Мой отдел был бывшей инспекцией концентрационных лагерей в Ораниенбурге.

Кауфман: И каким был предмет совещания о котором вы сейчас сказали?

Хёсс: Это касалось доклада из лагеря Маутхаузен о так называемых безымянных

заключённых и их использовании в промышленности вооружений. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер должен был принять решение по данному вопросу. По этой причине я прибыл к нему с докладом от коменданта Маутхаузена, но он не принял решения сказав, что сделает это позже.

Кауфман: Относительно расположения Маутхаузена, будьте любезны сказать в каком районе располагался Маутхаузен. Это Верхняя Силезия или это Генерал-губернаторство?

Хёсс: Маутхаузен…

Кауфман: Аушвиц, прошу прощения, я ошибся. Я имею в виду Аушвиц.

Хёсс: Аушвиц располагался в бышем польском государстве. Позднее, после 1939 его включили в провинцию Верхняя Силезия.

Кауфман: Правильно ли я считаю, что администрация и питание в концентрационных лагерях находились исключительно под контролем главного административно-хозяйственного управления?

Хёсс: Да.

Кауфман: Ведомства полностью отдельного от РСХА?

Хёсс: Совершенно верно.

Кауфман: И потом с 1943 до конца войны вы были одним из начальников инспекции главного административно-хозяйственного управления?

Хёсс: Да, правильно сказано.

Кауфман: Вы имеете этим в виду, что вы особо хорошо информированы обо всём происходившем в концентрационных лагерях относительно обращения и применявшихся методов?

Хёсс: Да.

Кауфман: Следовательно, я прежде всего спрашиваю вас, имели ли вы какие-нибудь сведения об обращении с заключёнными, доходили ли до вас сведения согласно которым их пытали и жестко обращались с ними? Пожалуйста сформулируйте своё заявление согласно периодам до 1939 и после 1939.

Хёсс: До начала войны в 1939, обстановка в лагерях относительно питания, проживания и обращения с заключёнными, была точно такой же как с любой другой тюрьмой или исправительным учреждением Рейха. С заключёнными обращались строго, но планомерные избиения или плохое обращение не обсуждаются. Рейхсфюрер часто отдавал приказы о том, чтобы любого эсэсовца который прикладывал руки к заключённому наказывали, и несколько раз эсэсовцев которые плохо обращались с заключёнными наказывали.

Питание и проживание тогда были на такой же основе как у заключённых при администрации юстиции.

Проживание в лагерях в течение этих лет было также нормальным, потому что массового потока начала войны и во время войны пока не было. Когда началась война и когда прибыли массы политических интернированных, и позднее, когда

заключённые которые были членами движений сопротивления прибывали из оккупированных территорий, строительство зданий и расширение лагерей уже не поспевало за количеством поступавших заключённых. В течение первых лет войны эту проблему удавалось преодолевать мерами импровизации, но позднее, из-за военных нужд, это уже не было возможно так как в нашем распоряжении практически не было никаких строительных материалов. И, кроме того, пайки заключённых снова и снова сокращали местные административные учреждения.

Затем это приводило к ситуации, когда заключённые в лагерях уже не могли иметь сил сопротивляться постепенно растущим эпидемиям.

Основная причина, почему заключённые находились в таком плохом состоянии в конце войны, почему столько тысяч из них были обнаружены больными и истощенными в лагерях заключалась в том, что каждый заключённый должен был работать в промышленности вооружений до крайнего напряжения своих сил. Рейхсфюрер постоянно и по каждому поводу держал эту цель перед глазами, и также доводил через начальника главного административно-хозяйственного управления, обергруппенфюрера Поля, комендантам концентрационных лагерей и административному руководству во время так называемых совещаний комендантов.

Каждому коменданту говорили предпринимать любые усилия для достижения этого. Цель не заключалась в том, чтобы как можно больше умерли или уничтожить как можно больше заключённых, рейхсфюрер постоянно беспокоился о возможности использовать все доступные силы в промышленности вооружений.

Кауфман: Нет сомнения в том, что чем дольше длилась война, тем больше было количество заключённых которых пытали и с которыми плохо обращались. Всякий раз инспектируя концентрационные лагеря вы ничего не узнавали о таком положении дел в результате жалоб и т.д., или вы считаете, что условия которые описывали это более-менее эксцессы?

Хёсс: Такое так называемое плохое обращение и эти пытки в концентрационных лагерях, истории которые позднее распространялись повсюду среди людей, заключёнными которых освободили оккупационные армии, не являлись, как предполагают, методичными, а были эксцессами отдельных руководителей, подчинённых и людей которые прикладывали руку к заключённым.

Кауфман: Вы имеете в виду, что никогда не вникали в эти вопросы?

Хёсс: Если о каком-то подобном случае узнавали, тогда нарушителя, конечно же, немедленно освобождали с должности или переводили куда-то в другое место. Поэтому, даже если его не наказывали из-за нехватки доказательств подтверждавших его вину, даже тогда, его забирали от заключённых и предоставляли другую должность.

Кауфман: Чему вы приписываете особо плохие и позорные условия которые установили союзные войска, и которые в некоторой степени были сфотографированы и сняты на киноплёнку?

Хёсс: Катастрофическая ситуация конца войны заключалась в том, что в результате уничтожения железнодорожной сети и постоянных бомбардировок промышленных предприятий, уход за этой массой – я думаю об Аушвице с его 140000 заключённых – уже нельзя было обеспечить. Импровизированные меры, колонны грузовиков и всё остальное, что пробовали коменданты, чтобы немного улучшить ситуацию давали немного или ничего, это уже было невозможно. Количество больных стало возрастать. Следом не было никаких лекарств, эпидемии бушевали повсюду. Заключённых которые были пригодны к работе использовали снова и снова. По приказу рейхсфюрера, даже полубольных людей должны были использовать везде где возможно в промышленности. В результате каждый клочок пространства в концентрационных лагерях который можно было использовать для размещения был переполнен больными и умиравшими заключёнными.

Кауфман: Сейчас я прошу вас посмотреть на карту которая вывешена за вашей спиной. Красные точки представляют концентрационные лагеря. Сначала я спрошу вас, сколько концентрационных лагерей как таковых существовало в конце войны?

Хёсс: В конце войны было ещё 13 концентрационных лагерей. Все остальные точки которые отмечены на карте означают так называемые трудовые лагеря приданные промышленности вооружений расположенной там. Концентрационные лагеря из которых там 13 как я уже сказал, были центром и центральной точкой какого-то района, такого как лагерь Дахау в Баварии или лагерь Маутхаузен в Австрии, и все трудовые лагеря в этом районе находились в подчинении концентрационного лагеря. Этот лагерь должен был снабжать эти внешние лагеря, то есть, он должен был снабжать их рабочими, в обмен на больных заключенных и обеспечением одеждой, охрана тоже обеспечивалась концентрационным лагерем.

С 1944 снабжение продовольствием почти исключительно являлось вопросом отдельных предприятий вооружения для того, чтобы предоставлять заключённым возможность пользоваться дополнительными пайками.

Кауфман: Что вам известно о так называемых медицинских опытах с живыми заключенными?

Хёсс: Медицинские опыты проводились в различных лагерях. В Аушвице производились опыты по стерилизации профессором Клаубертом[286] и доктором Шуманом[287] и опыты над близнецами эсэсовским врачом доктором Менгеле[288].

---

286 Карл Клауберг (1898 - 1957) — немецкий врач, проводивший медицинские эксперименты над людьми в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны. Он работал с Хорстом Шуманом и проводил эксперименты рентгеновской и медикаментозной стерилизации в Освенциме. Был осуждён в 1948 году в СССР. В 1955 передан ФРГ, вновь арестован, умер в ожидании суда.

287 Хорст Шуман (1906-1983) – немецкий медик проводивший эксперименты стерилизации и кастрации в концентрационном лагере Освенцим. После войны скрывался в странах Африки. В 1970 выдан ФРГ, в 1972 уголовное преследование прекращено в виду состояния здоровья.

288 Йозеф Менгеле (1911 — 1979) — немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны. Менгеле лично занимался отбором узников, прибывающих в лагерь, проводил преступные эксперименты над заключёнными. Его жертвами стали десятки тысяч человек. После войны Менгеле бежал из Германии в Латинскую Америку, опасаясь преследований.

Кауфман: Знаете вы доктора Рашера[289]?

Хёсс: В Дахау был врач военно-воздушных сил Рашер, который делал опыты над заключенными, приговоренными к смерти, с целью определить сопротивление человеческого организма в камерах с сжатым воздухом и при низкой температуре.

Кауфман: Вы сами знаете, насколько подобного рода опыты были известны другим людям, находящимся в лагере?

Хёсс: Конечно, эти опыты, как и все остальное, проводились как «тайное государственное дело». Но нельзя было избежать того, чтобы эти опыты, которые проводились в таком большом лагере и которые заключенные сами должны были как-то наблюдать, стали известны. Насколько эти опыты стали известны вне пределов лагеря, я не знаю.

Кауфман: Вы объясняли мне, что приказы о казнях поступали в лагерь Аушвиц, и вы сказали мне, что до начала войны таких приказов было мало, но потом они стали многочисленными. Это правильно?

Хёсс: Да. Вряд ли были какие-то казни до начала войны – только в очень серьёзных случаях. Я помню один случай в Бухенвальде где на эсэсовца напали и забили до смерти заключённые, и заключенных позднее повесили.

Кауфман: Но во время войны – и вы это признаете – количество казней возросло и в немалой степени.

Хёсс: Эт началось уже с началом войны.

Кауфман: Основанием для этих приказов о казнях во многих случаях был законный приговор немецких судов?

Хёсс: Нет. Приказы, о казнях исполнявшиеся в лагерях поступали от РСХА.

Кауфман: Кто подписывал приказы о казнях которые получали вы? Это верно, что между тем вы получали приказы о казнях которые имели подпись «Кальтенбруннер» и это были не подлинники, а телетайпы которые таким образом имели подпись печатными буквами?

Хёсс: Правильно. Подлинники приказов о казнях никогда не поступали в лагерь. Подлинники этих приказов поступали или в инспекцию концентрационных лагерей откуда их передавали по телетайпу в соответствующие лагеря, или в срочных случаях, РСХА направляло приказы напрямую в соответствующие лагеря, и инспекцию информировали впоследствии, для того, таким образом, подписи в лагерях всегда были на телетайпах.

Кауфман: Таким образом, чтобы снова установить подписи, вы расскажите трибуналу о том имело ли подавляющее большинство всех приказов о казнях либо подпись Гиммлера или Мюллера в годы до войны и до конца войны.

Хёсс: Лишь немного телетайпов которые я, когда-либо видел поступили от рейхсфюрера и ещё меньше от подсудимого Кальтенбруннера. Большинство из них,

289 Зигмунд Рашер (1909 — 1945) — немецкий медик, сотрудник Аненербе, врач в концентрационном лагере Дахау, гауптштурмфюрер СС. Казнён по приказу Г. Гиммлера.

я могу сказать практически все, были подписаны «Подписано, Мюллер».

Кауфман: Это тот Мюллер о котором вы постоянно говорили о таких вопросах, как вы заявляли ранее?

Хёсс: Группенфюрер Мюллер был начальником управления IV в РСХА. Он должен был вести переговоры с инспекцией по всем вопросам касавшимся концентрационных лагерей.

Кауфман: Вы бы сказали, что пошли на встречу с начальником Гестапо Мюллером потому что, вы в силу своего опыта, считали, что этот человек в виду лет своей деятельности действовал совершенно самостоятельно?

Хёсс: Это совершенно правильно. Я должен был вести переговоры по всем вопросам относительно концентрационных лагерей с группенфюрером Мюллером. Его бы информировали обо всех этих вопросах и в большинстве случаев он бы принял немедленное решение.

Кауфман: Что же, для того, чтобы иметь ясную картину, вы, когда-либо вели переговоры об этих вопросах с подсудимым?

Хёсс: Нет.

Кауфман: Вы знали о том, что ближе к концу войны концентрационные лагеря эвакуировали? И если так, кто отдавал приказы?

Хёсс: Позвольте объяснить. Первоначально был приказ от рейхсфюрера, согласно которому лагеря, в случае приближения противника или в случае воздушных атак, следовало сдавать противнику. Позднее, из-за случая Бухенвальда, о котором сообщили фюреру, был – нет, в начале 1945, когда различные лагеря оказались в оперативной зоне противника, этот приказ отменили. Рейхсфюрер приказал высшим руководителям СС и полиции, которые в неотложном случае были ответственными за безопасность и спокойствие в лагерях, самим решать правильной ли будет эвакуация или сдача.

Аушвиц и Гросс-Розен[290] были эвакуированы. Бухенвальд должны были эвакуировать, но затем пришёл приказ рейхсфюрера о том, чтобы принципиально никакие лагеря не нужно было эвакуировать. Только видных заключенных и заключённых которые ни при каких обстоятельствах не должны были попасть в руки союзников должны были вывозить в другие лагеря. Это также случилось в деле Бухенвальда. После занятия Бухенвальда фюреру сообщили о том, что заключённые вооружили себя и произвели грабежи в городе Веймар. Это заставило фюрера отдать Гиммлеру строжайший приказ о том, чтобы в будущем никакие лагеря не попали в руки противника и чтобы никакие заключенные способные идти не оставались ни в каком лагере.

Это было незадолго до конца войны, и вскоре северная и южная Германия были отрезаны. Я скажу о лагере Заксенхаузен. Начальник Гестапо, группенфюрер

290 Гросс-Розен — нацистский концентрационный лагерь, существовавший в 1940—1945 годах в районе села Гросс-Розен в Нижней Силезии (ныне — Рогозница, Польша).

Мюллер, позвонил мне вечером и сказал о том, что рейхсфюрер приказал о том, что лагерь Заксенхаузен должны были немедлено эвакуировать. Я заметил группенфюреру Мюллеру, что бы это означало. Заксенхаузен уже нельзя было перенести ни в какой другой лагерь за исключением немногих трудовых лагерей приданных производствам вооружений которые и так были почти заполнены. Большинство заключенных пришлось бы укрыть где-то в лесах. Это бы означало бесчисленные тысячи смертей и прежде всего, было бы невозможно прокормить такую массу людей. Он пообещал мне, что он снова обсудит эти меры с рейхсфюрером. Он позвонил мне снова и сказал о том, что рейхсфюрер отказал и требовал о том, чтобы коменданты немедленно исполнили его приказы.

В то же время Равенсбрюк[291] тоже нужно было эвакуировать таким же образом, но этого уже нельзя было сделать. Я не знаю в какой мере освобождались лагеря в южной Германии, так как, мы инспекция, уже не имели никакой связи с южной Германией.

Кауфман: Здесь утверждают – и это мой последний вопрос, что подсудимый Кальтенбруннер отдал приказ о том, чтобы Дахау и два вспомогательных лагеря должны были уничтожить путём бомбардировки и отравления. Я спрашиваю вас, вы слышали, что-нибудь об этом, если нет, то считаете такой приказ возможным?

Хёсс: Я никогда ничего об этом не слышал, и я не ничего не знаю ни о приказе эвакуировать какие-либо лагеря в южной Германии, как я уже сказал. Помимо этого, я считаю совершенно невозможным, что лагерь можно было уничтожить таким методом.

Кауфман: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы?

Меркель: Свидетель, государственная полиция, как орган Рейха, имела какое-нибудь отношение к уничтожению евреев в Аушвице?

Хёсс: Да, постольку поскольку я получал все свои приказы о проведении этой акции от оберштурмбаннфюрера Эйхмана.

Меркель: Администрация концентрационных лагерей находилась под контролем главного административно-хозяйственного управления?

Хёсс: Да.

Меркель: Вы уже сказали о том, что вы не имели никакого отношения к РСХА.

Хёсс: Нет.

Меркель: Пожалуйста, вы отметите, таким образом, что Гестапо как таковое не имело никакого отношения к администрации лагерей или проживанию, питанию и обращению с заключёнными, но это исключительно было вопросом главного административно-хозяйственного управления?

---

291 Равенсбрюк — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. Существовал с мая 1939 до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Крупнейший женский концентрационный лагерь нацистов.

Хёсс: Да, это совершенно правильно.

Меркель: Как вы тогда объясните то, что вы, несмотря на это, обсуждали различные вопросы о концентрационных лагерях с Мюллером?

Хёсс: РСХА, или скорее управление IV, имело исполнительную власть по руководству всеми заключёнными в лагерях, классификацию на 1, 2, 3 ступени, и кроме того, наказаниям которые должны были применяться со стороны РСХА. Казнями, проживанием особых заключённых и всеми вопросами которые могли возникать из этого также занималось РСХА или управление IV.

Меркель: Когда было создано это главное административно-хозяйственное управление?

Хёсс: Главное административно-хозяйственное управление существовало с 1933 под разными названиями. Инспекция концентрационных лагерей, однако подчинялась этому главному административно-хозяйственному управлению только с 1941 года.

Меркель: Значит эти концентрационные лагеря с самого начала находились под контролем главного административно-хозяйственного управления, то есть СС, а не государственной полиции.

Хёсс: Да.

Меркель: Вы недавно назвали имя доктора Рашера. Вы лично знаете этого доктора?

Хёсс: Да.

Меркель: Вам известно, что доктор Рашер до начала своей работы в Дахау стал членом СС?

Хёсс: Нет, я ничего об этом не знаю. Я знаю только то, что позднее он – я так и видел его в форме медика воздушных сил. Позднее предположительно его взяли в СС, но я его снова не видел.

Меркель: У меня больше нет вопросов. Большое спасибо.

Бабель: Свидетель, в начале своего допроса вы заявили о том, что, когда вы явились к рейхсфюреру СС Гиммлеру, он сказал вам о том, что исполнение этого приказа фюрера должно было остаться за СС, и что СС приказали сделать это. Что следует понимать под общим названием СС?

Хёсс: Согласно объяснению рейхсфюрера, это могло означать только людей охранявших концентрационные лагеря. Согласно характеру приказа только личного состава концентрационных лагерей, а не Ваффен-СС касалось исполнение этой задачи.

Бабель: Сколько членов СС командировали в концентрационные лагеря и к каким подразделениям они принадлежали?

Хёсс: Ближе к концу войны было приблизительно 35000 эсэсовцев и по моей оценке приблизительно 10000 человек из армии, воздушных сил и флота командированных к трудовым лагерям для караульной службы.

Бабель: В чём заключались задачи этих охранников? Насколько я знаю, обязанности отличались. Первое, была непосредственно охрана и затем было

определённое количество административной работы внутри лагеря.

Хёсс: Да, это правильно.

Бабель: Сколько охранников было внутри лагерей скажем для 1000 заключённых?

Хёсс: Нельзя так оценивать. По моим наблюдениям около 10 процентов из общего количества личного состава охраны использовали для внутренних обязанностей, то есть, администрация и надзор за заключенными внутри лагеря, включая медицинский персонал лагеря.

Бабель: Таким образом, 90 процентов следовательно использовали для внешней охраны, то есть, наблюдением за лагерем с караульных вышек и конвоированием заключенных на работу.

Хёсс: Да.

Бабель: Вы делали какие-нибудь наблюдения о том было ли какое-нибудь плохое обращение с заключенными в большей или меньшей степени со стороны такой охраны или же в основном плохое обращение исходило от так называемых капо?

Хёсс: Если со стороны охраны и случалось какое-нибудь плохое обращение – лично я не наблюдал ничего такого – тогда это было возможно только в очень небольшой степени, так как все отделы ответственные за лагерь заботились о том, чтобы как можно меньше эсэсовцев имели прямой контакт с заключёнными, потому что по ходу лет личный состав охраны ухудшился настолько, что уже нельзя было поддерживать стандарты которых требовали раньше.

У нас были тысячи охранников которые с трудом говорили по-немецки, которые пришли со всех стран как добровольцы и поступили в эти части, или мы имели пожилых людей, возраста 50-60, у которых не было никакого интереса к своей работе, поэтому комендант лагеря постоянно вынужден был следить за тем, чтобы эти люди выполняли самые низкие требования к своим обязанностям. Очевидно, что среди них были элементы которые бы плохо обращались с заключенными, но такое плохое обращение не допускалось.

Кроме того, только эсэсовцам невозможно было руководить такой массой людей на работе или в лагере, поэтому заключенных назначали везде где могли, чтобы руководить другими заключенными и заставлять их работать. Внутренняя администрация лагеря почти полностью находилась у них в руках. Конечно, случалось много плохого обращения которого нельзя было избежать, потому что ночью там в лагере вряд ли были какие-то члены СС. Только в особых случаях эсэсовцам позволяли входить в лагерь, таким образом, заключенные более или менее оставались на этих капо.

Бабель: Вы уже отметили правила которые существовали для охранников, но также в каждом лагере был режим. В таком лагере приказ разумеется, предусматривал наказание для заключенных нарушавших лагерный режим.

Хёсс: Прежде всего, перевод в штрафную роту, то есть, более тяжёлая работа и ограниченное размещение, далее, арест в тюремном блоке, арест в камере без света,

в самых серьёзных случаях, заковывание в кандалы или порка плетью. Наказание поркой плетью было запрещено рейхсфюрером в 1942 или 1943 году – не могу сказать когда точно. Затем было наказание стоять у ворот лагеря довольно длительное время, и наконец телесное наказание.

Однако ни один комендант не мог распорядится о таком телесном наказании исходя из собственных полномочий. Он мог только ходатайствовать об этом. В случае мужчин, решение поступало от инспектора концентрационных лагерей, группенфюрера Шмидта[292], а то, что касалось женщин, рейхсфюрер оставлял решение исключительно за собой.

Бабель: Может быть вам известно, что для членов СС, также было два дисциплинарных лагеря, которые иногда тоже называли концентрационными лагерями, а именно, Дахау и Данциг-Мацкау.

Хёсс: Правильно.

Бабель: Существовавший лагерный режим и обращение с членами СС которых помещали в такие лагеря отличались от того режима который применялся в остальных концентрационных лагерях?

Хёсс: Да, эти два лагеря не находились в подчинении инспекции концентрационных лагерей, а в подчинении суда СС и полиции. Лично я не инспектировал и ни видел эти два лагеря.

Бабель: Поэтому вы ничего не знаете о режиме в этих лагерях.

Хёсс: Я ничего об этом не знаю.

Бабель: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Трибунал прервется на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Ханзель: У меня есть вопрос который я хочу задать высокому трибуналу. Второй защитник попросился для СС. Допускается, чтобы несколько вопросов задал второй защитник?

Председатель: Трибунал уже давно определил, что можно заслушивать только одного защитника.

Ханзель: Да.

Кранцбюлер: Свидетель, вы сейчас сказали о том, что военнослужащие флота командировались в концентрационные лагеря.

Хёсс: Да.

Кранцбюлер: Это были концентрационные лагеря или трудовые лагеря?

Хёсс: Это были трудовые лагеря.

Кранцбюлер: Бараки трудовых лагерей производств вооружений?

---

292 Вальтер Шмитт (1879 – 1945) – обергруппенфюрер СС. В 1942-1943 сотрудник по особым поручениям Г. Гиммлера. Казнён по приговору чехословацкого суда.

Хёсс: Да, если они располагались на самих фабриках.
Кранцбюлер: Меня информировали о том, что солдат которых командировали в охрану трудовых лагерей передавали СС.
Хёсс: Это лишь отчасти верно. Часть этих людей – я не помню цифры – забрали в СС. Часть вернули в первоначальную часть, или обменяли. Обмены шли постоянно.
Кранцбюлер: Спасибо.
Эймен: С позволения трибунала, я сначала хочу представить от имени наших британских союзников, серию экземпляров относящихся к Ваффен-СС, не оглашая их. Это просто статистическая информация в отношении количества охраны Ваффен-СС использовавшейся в концентрационных лагерях.

Я прошу показать свидетелю документы D-745(a-b), D-746(a-b), D-747, D-748, D-749(b) и D-750, один из них является заявлением данного свидетеля.

[*Документы передали свидетелю*]

Эймен: Свидетель, вы сделали заявление D-749(b), которое вам вручили?
Хёсс: Да.
Эймен: И вы знакомы с содержанием остальных?
Хёсс: Да.
Эймен: И вы свидетельствуете, что эти цифры правда и правильные?
Хёсс: Да.
Эймен: Очень хорошо. Они станут экземпляром номер USA-810.

Свидетель, время от времени какие-нибудь высокопоставленные нацистские чиновники или функционеры посещали концентрационный лагерь Маутхаузен или Дахау в то время пока вы там находились?
Хёсс: Да.
Эймен: Вы будете любезны назвать трибуналу имена таких людей?
Хёсс: Я помню, что в 1935 все гауляйтеры инспектировали Дахау под руководством рейхсфюрера Гиммлера. Я не помню их по-отдельности.
Эймен: Вы вспоминаете также кого-нибудь из министров посещавших эти лагеря в то время как вы находились в них?
Хёсс: Вы имеете в виду инспекционную поездку 1935?
Эймен: В любое время пока вы находились в этих концентрационных лагерях.
Хёсс: В 1938 министр Фрик был в Заксенхаузене с регинрунгспрезидентом.
Эймен: Вы вспоминаете каких-нибудь других министров которые были там в любое время?
Хёсс: Не в Заксенхаузене, а в Аушвице, министра юстиции.
Эймен: Кем он был?
Хёсс: Тираком.
Эймен: А кто ещё? Вы помните кого-нибудь другого?

Хёсс: Да, но я сейчас не помню имя.
Эймен: Что же, кто?
Хёсс: Я уже говорил это под протокол, но сейчас я не помню имя.
Эймен: Хорошо. Вы свидетельствовали о том, что многие приказы о казнях были подписаны Мюллером. Это правильно?
Хёсс: Да.
Эймен: Это не факт, что все такие приказы о казнях о которых вы свидетельствовали…
Штейнбауэр: Извините, господин председатель, свидетелю предъявили документы и свидетеля спрашивают о содержании. Защита не в состоянии понять обвинение, потому что мы не знаем о содержании этих документов. Я прошу о том, чтобы мы получили их копии.
Председатель: Разве копии не вручили подсудимым?
Эймен: Да, я понял. У нас есть копии. Однако, раздали пять немецких копий.
Председатель: Что же, вопрос можно рассматривать.
Эймен: Свидетель, я спросил вас про приказы о казнях которые как вы свидетельствуете подписывал Мюллер. Вы понимаете?
Хёсс: Да.
Эймен: Это не факт, что все эти приказы о казнях о которых вы дали показания, подписанные Мюллер, также были подписаны по приказу от, или в качестве представителя, начальника РСХА Кальтенбруннера?
Хёсс: Да. Так было на копиях подлинники которых я имел. Потом, когда я работал в Ораниенбурге, внизу говорилось: «I.V. Мюллер – «В качестве представителя, Мюллер».
Эймен: Другими словами, Мюллер просто подписывался как представитель начальника РСХА Кальтенбруннера? Это неправильно?
Хёсс: Я должен так полагать.
Эймен: И, конечно, вам известно, что Мюллер был подчинённым начальника РСХА Кальтенбруннера.
Хёсс: Да.
Эймен: Свидетель, вы дали письменные показания, не так ли, по просьбе обвинения?
Хёсс: Да.
Эймен: Я прошу, чтобы свидетелю показали документ номер PS-3868, который я представляю трибуналу в качестве документального доказательства за USA-819.

[*Свидетелю передается документ*]

Эймен: Вы подписали это письменное показание добровольно, свидетель?
Хёсс: Да.

Эймен: Господа судьи, мы имеем это письменное показание на четырех языках.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы уже частично осветили нам некоторые вопросы, которые содержатся в этом письменном показании. Поэтому я опущу некоторые части этого показания. Следите, пожалуйста, за текстом, когда я буду читать. Экземпляр письменного показания перед вами?

Хёсс: Да.

Эймен: Я опускаю первый абзац и начинаю со второго:

> «Я постоянно имел дело с администрацией концентрационных лагерей, начиная с 1934 года, и служил в Дахау до 1938 года. Затем я был адъютантом начальника лагеря в Заксенхаузене с 1938 года до 1 мая 1940 г., когда меня назначили начальником лагеря в Аушвице. Я был начальником этого лагеря до 1 декабря 1943 г. Я думаю, что по крайней мере 2 500 000 жертв было там истреблено путем отравления в газовых камерах и сожжения, и по крайней мере еще 500 000 человек погибло от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно трех миллионов человек, т. е. 70 или 80% всех лиц, посланных в Аушвиц в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах в промышленных предприятиях, которые имелись при концентрационных лагерях. Среди казненных и сожженных лиц было приблизительно 20 000 русских военнопленных, которых изъяло Гестапо из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Аушвиц в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии. Среди остальных погибших было примерно 100 тысяч немецких евреев и множество лиц, принадлежавших в большинстве случаев к еврейской национальности, из Голландии, Франции, Бельгии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Греции и других стран. Только летом 1944 года в Аушвице мы казнили примерно 400 тысяч венгерских евреев».

Это все правильно, свидетель?

Хёсс: Да.

Эймен: Теперь я опущу несколько первых строк третьего абзаца и начну с середины третьего абзаца:

> «…до создания РСХА, тайная государственная полиция (Гестапо) и управление криминальной полиции Рейха были ответственными за аресты, направление в концентрационные лагеря, наказания и казни в них. После организации РСХА все эти функции осуществлялись как и раньше, но согласно приказов подписанных Гейдрихом как начальником РСХА. В то время, когда Кальтенбруннер был

начальником РСХА приказы о превентивном аресте, казнях подписывал Кальтенбруннер или Мюллер, начальник Гестапо, как заместитель Кальтенбруннера».

Председатель: Точности ради, последняя дата в параграфе 2, это 1943 или 1944?

Эймен: Мне кажется, 1944. Дата правильная, свидетель, в конце параграфа 2, а именно, что только в Аушвице летом 1944 казнили 400 000 венгерских евреев? Это 1943 или 1944?

Хёсс: 1944. Часть цифры относится к 1943, только часть. Я не могу указать точную цифру, концом был 1944, осень 1944.

Эймен: Правильно.

«4) Массовое истребление путем отравления газом началось летом 1941 года и продолжалось до осени 1944 года. Я лично осуществлял наблюдение за казнями в Аушвице до 1 декабря 1943 г. Благодаря своей должности в инспеции концентрационных лагерей ВФХА, мне известно, что эти массовые казни продолжались так же, как и раньше. Все массовые казни путем удушения в газовых камерах проводились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и под ответственностью РСХА. Все распоряжения о выполнении этих массовых казней я получал непосредственно от РСХА».

Свидетель, эти показания верны и соответствуют действительности?

Хёсс: Да.

Эймен:

«5) 1 декабря 1943 года я был назначен начальником 1 отдела группы «D» ВФХА. На этом посту я занимался координированием всех вопросов, возникавших между РСХА и концентрационными лагерями, находившимися в ведении ВФХА. Я оставался на этом посту до самого конца войны. Поль, бывший начальником ВФХА и Кальтенбруннер, как начальник РСХА часто вели письменные и устные переговоры по вопросам, касавшимся лагерей».

Вы уже сообщили нам об объёмном отчете, который вы привезли Кальтенбруннеру в Берлин. Поэтому я опускаю остальную часть 5-го абзаца.

«6. Окончательное решение еврейского вопроса означало полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 года мне было приказано позаботиться об оборудовании для истребления их в Аушвице. В то время в Генерал-губернаторстве существовали три лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка[293] и Вольцек. Эти лагери подчинялись айнзацкомандам полиции безопасности и СД. Я поехал в

293 Треблинка — два концентрационных лагеря: Треблинка-1 (так называемый «трудовой лагерь») и Треблинка-2(лагерь смерти). Лагеря были организованы нацистами на территории оккупированной Польши, недалеко от деревни Треблинка (воеводство Мазовецкое), расположенной в 80 км к северо-востоку от Варшавы. Лагерь смерти Треблинка-2 существовал с 22 июля 1942 года по октябрь 1943.

лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугода. Он занимался главным образом истреблением евреев из Варшавского гетто. Он применял газ моноксид, но я считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Аушвице помещение для уничтожения, я применял циклон Б — кристаллизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти через небольшое отверстие. В зависимости от климатических условий в этой камере люди умирали в течение 3—15 минут. О наступившей смерти мы узнавали по тому, что находившиеся в камере люди переставали кричать. Перед тем как открывать двери, чтобы убрать трупы, мы выжидали обычно с полчаса. После того как трупы были вынесены, наши особые команды занимались тем, что снимали с жертв кольца и извлекали золотые зубы».

Все это правда и соответствует действительности, свидетель?

Хёсс: Да.

Эймен: Кстати, что делали с золотом, которое вынимали изо рта трупов, вы это знаете?

Хёсс: Да.

Эймен: Скажите же это трибуналу.

Хёсс: Золото расплавлялось и передавалось главному санитарному управлению СС в Берлине.

Эймен:

«7) Другое усовершенствование, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2000 человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по 200 человек каждая. Жертвы мы выбирали таким образом: в Аушвице два дежурных врача осматривали заключенных, прибывавших эшелонами. Заключенных направляли к одному из врачей, который тут же на месте принимал решение, пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать. Еще одно усовершенствование, которое мы ввели по сравнению с Треблинкой. В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут; в Аушвице жертвы думали, что их подвергнут санитарной обработке. Конечно, часто они догадывались о наших действительных намерениях и иногда начиналиеь бунты и возникали затруднения. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы

обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий и тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию, и все население, проживающее в окрестностях, знало, что в Аушвице проводилось истребление людей».

Скажите, свидетель, все это правильно и соответствует действительности?

Хёсс: Да.

Эймен: Теперь я пропущу параграфы 8-й и 9-й, где говорится о медицинских экспериментах, о которых вы уже дали показания. Перехожу к параграфу 10-му.

«10. Рудольф Мильднер был начальником Гестапо в Катовицах примерно с марта 1941 года до сентября 1943 года. В качестве такового он часто посылал в Аушвиц пленных для заключения или казни. Несколько раз он сам приезжал в Аушвиц. Трибунал Гестапо и Standgericht СС, которые судили лиц, обвиняемых в различных преступлениях, как, например, побег военнопленных и т. д., часто заседали в Аушвице, и Мильднер нередко присутствовал на разбирательстве дел таких лиц, которых обычно казнили в Аушвице вслед за вынесением приговора. Я показал Мильднеру весь комбинат истребления в Аушвице; он был в этом непосредственно заинтересован, так как он должен был посылать евреев со своей территории для истребления в Аушвиц.

Я понимаю английский язык, как об этом сказано выше. Вышеприведенные показания правильны; это показание было дано мной добровольно и без принуждения; я подписал его по прочтении 5 апреля 1946 г. Нюрнберг».

Теперь я спрашиваю вас, свидетель, правильно ли все то, что я зачитал вам?

Хёсс: Да.

Эймен: На этом мой перекрёстный допрос завершён, за исключением одного экземпляра который хотят представить наши британские союзники, который является сводкой об экземплярах которые я представил в начале перекрёстного допроса. Это будет экземпляр номер USA-810. Это сводка о более ранних экземплярах в отношении Ваффен-СС в начале моего допроса.

И как я понимаю, ваша светлость, и советская и французская делегации имеют один или два вопроса которые они считают важными для своей страны, которые они хотят задать данному свидетелю.

Председатель: Генерал Руденко, вы вспомните, что представитель обвинения заверил трибунал в том, что касалось свидетелей, за исключением одного или двух конкретных подсудимых, обвинение проводило бы только один перекрёстный допрос и теперь, после такого заверения, это второй пример, когда обвинение

пожелало больше чем один перекрёстный допрос.

Руденко: Это правильно, господин председатель, что обвинение сделало такое сообщение трибуналу в своё время. Но обвинение оговорило своё право в тех случаях, когда это будет необходимо, поскольку здесь обвинители представляют четыре страны и в необходимых случаях каждый из обвинителей вправе поставить вопросы подсудимому либо свидетелю по интересующим нас вопросах.

Председатель: Вы укажете характер вопросов которые советское обвинение желает задать? Я имею в виду в чём заключается их предмет. Я не имею в виду сами вопросы, а тему.

Руденко: Я понимаю. Сейчас полковник Покровский, который намерен поставить этот вопрос, доложит трибуналу.

Покровский: Могу доложить, господин председатель, что нас интересует некоторое количество вопросов касающихся специально уничтожения советских граждан, миллионов советских граждан, и некоторых подробностей связанных с этим уничтожением. По поручению французской делегации я хотел бы задать два-три вопроса, связанных с теми документами, которые в своё время в книге документов французского обвинения под номером F-709 (a) представлялись трибуналу. В целях уточнения этой документации. Вот собственно и всё. Но эти вопросы для нас имеют очень большое значение.

Председатель: Полковник Покровский, трибунал, уже заявил, распорядившись, с согласия обвинителей, что в случае свидетелей должен быть один перекрёстный допрос. В уставе нет ничего, что прямо предоставляет обвинению право, каждому обвинителю проводить перекрёстный допрос и, с другой стороны, есть статья 18 которая указывает трибуналу предпринимать строгие меры для предотвращения всякой акции которая приведёт к неразумной задержке, и по мнению трибунала в настоящем случае, предмет полностью охвачен и трибунал таким образом считает, что он вправе придерживаться правил которые он установил в данном случае. Таким образом он не будет заслушивать никакой дальнейший перекрёстный допрос.

Доктор Кауфман, вы желаете провести повторный допрос?

Кауфман: Я буду очень кратким.

Свидетель, в письменных показаниях которые сейчас зачитали, вы сказали в пункте 2, что «по крайней мере ещё два миллиона умерли от голода и болезней». Я спрашиваю вас, когда это имело место? Это было ближе к концу войны или данный факт вы наблюдали ещё раньше?

Хёсс: Нет, всё это уходит к последним годам войны, это начало конца 1942.

Кауфман: В пункте 3 – у вас есть письменные показания?

Хёсс: Нет.

Кауфман: Могу я попросить снова дать их свидетелю?

[*Документ вернули свидетелю*]

Кауфман: В пункте 3, в конце вы заявляете о том, что приказы о превентивном заключении, направлении, наказаниях и особых казнях подписывал Кальтенбруннер или Мюллер, начальник Гестапо, как заместитель Кальтенбруннера. Таким образом, вы желаете возразить тому, что вы заявили раньше?

Хёсс: Нет, это лишь завершает то, что я говорил снова и снова. Я прочёл только несколько распоряжений Кальтенбруннера, большинство из них подписал Мюллер.

Кауфман: В пункте 4, в конце, вы заявляете:

> «Все массовые казни газом проходили по прямому приказу, под надзором и ответственностью РСХА. Я получал приказы о проведении массовых казней напрямую от РСХА».

Согласно заявлениям которые вы ранее сделали трибуналу, вся эта акция дошла до вас от Гиммлера через Эйхмана у которого было личное поручение. Сейчас вы утверждаете это как и раньше?

Хёсс: Да.

Кауфман: В пункте 7, в конце, вы заявляете – я не собираюсь это читать – вы сказали, что даже при том, что уничтожения проводились тайно, население окружающего района замечало что-то об уничтожении людей. В ранний промежуток времени – то есть, до начала этой специальной акции уничтожения – что-то такого характера происходило в Аушвице для устранения людей которые умерли обычным образом?

Хёсс: Да, когда крематорий ещё не построили мы сжигали в больших ямах по большей части тех кто умер и кого нельзя было сжечь во временном крематории лагеря, большое количество – я уже не помню цифру – помещали в массовые могилы и позднее также сжигали в этих могилах. Это было до того как начались массовые казни евреев.

Кауфман: Вы бы согласились со мной если бы я сказал, что только из описанных фактов, нельзя решительно доказать, что это касалось уничтожения евреев?

Хёсс: Нет, такой вывод из этого никак не сделать. Население…

Председатель: В чём заключается ваш вопрос?

Кауфман: Мой вопрос о том можно ли полагать из установленных фактов – в конце парагарфа 7, что это касалось уничтожения евреев. Я связываю этот вопрос с предыдущим ответом свидетеля. Это мой последний вопрос.

Председатель: Последняя фраза параграфа 7 со ссылкой на гарь и отвратильный запах.

Кауфман: Могло ли население понять из этих вещей, что идёт уничтожение людей.

Председатель: Разве это не самый очевидный вопрос, не так ли? Они не могли знать кого уничтожали.

Кауфман: Мне достаточно. У меня больше нет вопросов.

Панненбекер: Я прошу разрешения трибунала задать несколько дополнительных

вопросов, так как во время перекрёстного допроса, свидетель заявил о том, что подсудимый Фрик посещал концентрационные лагеря Заксенхаузен и Ораниенбург в 1938.

Свидетель, когда состоялась инспекция концентрационного лагеря Ораниенбург, 1937-38, вообще существовали какие-нибудь доказательства жестокостей?

Хёсс: Нет.

Панненбекер: Почему нет?

Хёсс: Потому что тогда не было вопроса жестокостей.

Панненбекер: Правильно, что в тот период времени концентрационный лагерь Ораниенбург был образцом порядка и, что основным занятием было сельскохозяйственное производство.

Хёсс: Да, правильно. Однако, работу в основном выполняли в мастерских, в деревообрабатывающих мастерских.

Панненбекер: Вы можете привести мне какие-нибудь подробности того, что показывали в связи с таким официальным визитом?

Хёсс: Да. Посещающей стороне показывали сам лагерь, осматривали комнаты, кухню, госпиталь, и затем все административные здания, прежде всего мастерские, где работали заключённые.

Панненбекер: Тогда жилые помещения и госпиталя уже были переполнены?

Хёсс: Нет, тогда они были нормально заполнены.

Панненбекер: Как выглядили эти квартиры?

Хёсс: В тот период времени, жилые помещения выглядели также как бараки на учебном полигоне. Заключённые имели спальное бельё и необходимые гигиенические принадлежности. Всё ещё было в лучшем порядке.

Панненбекер: На этом все. У меня больше нет вопросов.

Биддл: Свидетель, каким было наибольшее количество трудовых лагерей существовавшее в то время?

Хёсс: Я не могу привести точную цифру, но по моей оценке было приблизительно 900.

Биддл: Из чего состояло население этих 900?

Хёсс: Я тоже не могу сказать, население отличалось. Были лагери со 100 заключёнными и лагеря с 10000 заключённых. Поэтому, я не могу привести никакой цифры из общего количества людей которых использовали в трудовых лагерях.

Биддл: В чьём ведении находились трудовые лагеря – какого ведомства?

Хёсс: Эти трудовые лагеря, что касается охраны, руководства, и одежды находились под контролем главного административно-хозяйственного управления. Все вопросы касавшиеся производительности труда и обеспечения продовольствием обеспечивались промышленностью вооружений которая использовала этих заключённых.

Биддл: И в конце войны условия в этих трудовых лагерях были похожими на те которые существовали в концентрационных лагерях как вы их описали ранее?
Хёсс: Да. Поскольку больше не было никакой возможности вывоза больных пленных в основные лагеря, была очень большая скученность в этих трудовых лагерях и смертность была очень высокой.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: Доктор Кауфман, на этом ваше дело закончено?
Кауфман: Господин председатель, я желаю вызвать ещё одного свидетеля с разрешения суда, свидетеля Нойбахера[294].

[*Свидетель Нойбахер занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?
Нойбахер: Герман Нойбахер.
Председатель: Вы повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы присядете?
Кауфман: Свидетель, какой была ваша должность до войны и в течение войны?
Нойбахер: На протяжении 5 лет войны я находился за рубежом с дипломатическими миссиями. До войны я был бургомистром города Вена.
Кауфман: Вам известен подсудимый Кальтенбруннер?
Нойбахер: Да.
Кауфман: Сколько вы его знаете?
Нойбахер: Я впервые встретил Кальтенбруннера в Австрии в 1934 в связи с так называемой акцией умиротворения инженера Рейнталлера в Австрии. Позднее я снова встретил его, после аншлюса.
Кауфман: В 1943 году Кальтенбруннер был назначен начальником РСХА. Вы знакомы с данным фактом?
Нойбахер: Да.
Кауфман: Вам известно рад ли был Кальтенбруннер принять такую должность?

294 Герман Нойбахер (1893 - 1960) был австрийским нацистским политиком, занимавшим ряд дипломатических постов в Третьем рейхе . Во время Второй мировой войны он был назначен ведущим должностным лицом министерства иностранных дел Германии по Греции и на Балканах (включая Сербию , Албанию и Черногорию. Югославским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Нойбахер: Кальтенбруннер сказал мне, мне кажется, в конце 1943, что он не желал занимать эту должность, что он три раза отказывался, но затем получил военный приказ принять её. Он добавил, что он попросил и получил обещание быть освобождённым с этой должности после войны.

Кауфман: Вы сделали какие-нибудь наблюдения из которых можно заключить то как подсудимый смотрел на свою задачу как начальника РСХА?

Нойбахер: У меня был ряд бесед с Кальтенбруннером во время моих официальных визитов в главное управление время от времени, но они все касались зарубежной разведки и внешней политики.

Кауфман: РСХА находилось под контролем Гестапо, вы знакомы с данным фактом?

Нойбахер: Да.

Кауфман: По вашим сведениям о характере подсудимого вы можете сказать, имелись ли предпосылки и квалификация необходимые для занятия полицейской службой?

Нойбахер: Кальтенбруннер, насколько я был с ним знаком, он не имел никаких сведений о полицейской работе, когда принял свой пост. Кроме этого, в 1941 году, он хотел уйти с полицейкой карьеры.

Кауфман: Какие доказательства этого вы имеете?

Нойбахер: Тогда я был специальным представителем по экономическим вопросам в Румынии. Кальтенбруннер сказал мне о том, что ему не нравится полицейская карьера, что он ничего не понимает в полицейской работе и кроме того, не имел к ней никакого интереса. Однако, его интересовали иностранные дела.

Председатель: Трибунал не считает, что это на самом деле доказательства которые следует давать. На его официальное положение не может влиять то, что ему оно не нравилось.

Кауфман: Кальтенбруннера назвали преемником Гейдриха. Это применимо к нему в полном смысле этого слова?

Нойбахер: Не применимо, и это я знаю, потому что…

Председатель: Это вопрос спора. Данное мнение свидетеля не может повлиять на положение Кальтенбруннера. Данный свидетель не может свидетельствовать о том называли ли его преемником Гейдриха или ещё одним Гейдрихом.

Кауфман: Обвинение пренебрежительным образом высказалось о том, что Кальтенбруннер был преемником печально известного Гейдриха. Данный свидетель знает их обоих, поэтому мне кажется…

Председатель: Свидетель уже призанл, что он был преемником Гейдриха. Вы можете спросить был ли он ещё одним Гейдрихом.

Кауфман: Пожалуйста, вы скажите называли ли его вторым Гейдрихом?

Нойбахер: Сам Гиммлер использовал такое выражение…

Председатель: Трибуналу кажется, что это некомпетентно.

Кауфман: Понимаю. Я перехожу к следующему вопросу:

Есть, что-нибудь, что показывает почему Гиммлер выбрал подсудимого Кальтенбруннера?

Нойбахер: Из замечаний которые высказывал мне Гиммлер…

Председатель: Трибунал не думает, что свидетель может давать какие-либо показания о том, что думал Гиммлер. Гиммлер его назначил.

Кауфман: Свидетель, насколько мне сказали, сообщит нечто о беседе с Гиммлером, которая ясно показывает, что Гиммлер выбрал Кальтенбруннера и никого другого, потому что он никак не опасался Кальтенбруннера. Обвинение утверждает прямо противоположное. Таким образом он знает, что утверждение обвинения совершенно неправильное.

Председатель: Трибунал считает, что вы можете спросить, что Гиммлер говорил о назначении, если он что-то говорил свидетелю. Вы можете спросить его, что Гиммлер сказал о назначении Кальтенбруннера.

Кауфман: Свидетель, пожалуйста, начинайте.

Нойбахер: В ходе беседе с Гиммлером, когда я находился в его кабинете в штабе, чтобы посмотреть на посмертную маску Гейдриха, Гиммлер сказал мне, что он понёс невосполнимую утрату со смертью этого человека. После Гейдриха, не было ни единого человека который бы мог руководить этим гигантским ведомством. Это мог бы сделать только человек который его выстроил. На мой вопрос: «Что насчёт Кальтенбруннера?» - Гиммлер ответил следующее:

> «Конечно, как австриец вы заинтересованы в этом вопросе. Кальтенбруннеру надо бы познакомиться с работой. Он сейчас полностью занят вопросами интересными вам, внешней разведкой».

Такими были замечания Гиммлера.

Кауфман: Вы имеете какие-нибудь сведения о том факте, что вскоре после прихода на должность в 1943 году, Кальтенбруннер настойчиво пытался установить контакт с заграницей, потому что он считал военную обстановку в то время безнадёжной?

Нойбахер: Кальтенбруннер, как я знаю по многим беседам, всегда стремился к так называемому «общению с противником». Он был убеждён в том, что мы не могли бы благоприятно выйти из этой войны без использования какой-то крупномасштабной дипломатии. Я не обсуждал с ним дальнейшие детали о войне. В Германии каждого, любого человека, кто выражал сомнение в победе Германии приговаривали к смерти.

Кауфман: Кальтенбруннер поддерживал вас в ваших усилиях как можно сильнее смягчить политику террора в Сербии?

Нойбахер: Да, я в большом долгу за поддержку Кальтенбруннера в этом. Германские полицейские ведомства, через меня и через Кальтенбруннера, в Сербии знали, что последний, как начальник внешней разведки, полностью поддерживал мою политику в юго-восточном регионе. Таким образом я смог добиться ощущения своего влияния в полицейских ведомствах, и поддержка Кальтенбруннера была

ценной для меня в моих стремлениях свергнуть, при помощи разумных офицеров, бывшую систему коллективной ответственности и репрессалий.

Кауфман: Вы знаете об основном отношении Кальтенбруннера по еврейскому вопросу?

Нойбахер: Однажды, я очень коротко говорил с Кальтенбруннером об этой теме. Когда раздувались слухи о систематической акции, я спросил Кальтенбруннера: «В этом есть какая-то правда?». Кальтенбруннер коротко сказал мне, что это была специальная акция, которая не находилась в его ведении. Он держался в стороне от акции, насколько я мог наблюдать, и позднее – мне кажется, это было начало или конец 1944, он коротко сказал мне, что новый курс принят в обращении с евреями. Его голос звучал с гордостью за его успех.

Кауфман: Кальтенбруннера характеризовали как «голодного до власти». Вы знаете о том, какую жизнь он вёл?

Нойбахер: Кальтенбруннер вёл простую жизнь. Он так и не нажил состояние…

Председатель: Обвинение не называло его «голодным до власти». Нет обвинения против него в «голоде до власти».

Кауфман: Голод до власти и жестокость. Оба слова прямо использовали.

Председатель: Но быть «голодным до власти» или «жестоким» это совершенно разные вещи.

Кауфман: Да, я лишь спросил о первом термине.

Председатель: Меня интересует где использовались такие термины.

Кауфман: Оба термина находятся в обвинительном заключении: «Голод до власти» или «жестокость».

Биддл: Конечно такого нет в обвинительном заключении. Мы не находим в обвинительном заключении утверждения которое гласит: «голодный до власти и жестокий», и мы не вспоминаем такое упоминание в выступлении по делу обвинения.

Кауфман: Но у меня бы не было записей с обратным. В обвинительном заключении есть страница с заголовком «Выводы и итоги». Я ссылаюсь на последний абзац где сказано:

> «Как и все нацисты Кальтенбруннер был голоден до власти. Для того, чтобы обеспечить себе власть он вписал своё имя кровью – имя которое останется в памяти символом жестокости, так как…».

Председатель: Откуда вы читаете? Что вы читаете?

Кауфман: Из обвинительного заключения, последняя страница, под заголовком «Выводы и итоги».

Додд: Думаю я могу прояснить вопрос. Довольно ясно, что защитник читает из моего судебного обзора. Судебный обзор никогда не приобщали в качестве доказательства в суде, но его вручили защитнику.

Кауфман: Если это не поддерживают, мне не нужно задавать об этом вопросы.

Я перехожу к другому вопросу. Свидетель, вы знаете, отдавал ли Кальтенбруннер приказ об эвакуации концентрационных лагерей?

Нойбахер: Нет.

Кауфман: Кальтенбруннер по вашему опыту и наблюдениям, делал всё как начальник своего ведомства, чтобы смягчать бесчеловечные меры или предотвращать их применение?

Нойбахер: Я должен обратить ваше внимание на тот факт, что я находился заграницей 5 лет и мало мог наблюдать то, что происходило в Германии. Так как я знаю Кальтенбруннера, я не сомневаюсь в том, что отбросил свои иллюзии о том, что он мог влиять на ход событий. Он никоим образом не мог сделать этого.

Кауфман: Таким образом, я перехожу к последнему вопросу:

Вы знаете о случае в котором он использовал свою власть против мер полиции для того, чтобы освободить двух священнослужителей православной церкви в Сербии?

Нойбахер: Да, я знаком с этим. Эти два священнослужителя…

Председатель: Как это относится к Кальтенбруннеру?

Кауфман: Он обвинён в преследовании церквей в результате своей политики в целом. Обвинение прямо обвиняет Кальтенбруннера в преследовании церквей, уничтожении христианства как своей цели, я могу с уверенностью сказать, что это содержится в материалах, и к этому относится мой вопрос.

Председатель: Ответ на это не может ответить ни на какое обвинение против Кальтенбруннера, не так ли?

Кауфман: Если подсудимый старался уничтожать церкви, тогда бы он не предпринимал меры прямо противоположные этой политике. Свидетель сможет подтвердить данный факт.

Председатель: В связи с церквями или в связи с отдельными людьми?

Кауфман: Отдельными людьми как представителями церкви, конечно. Мне не кажется, что вы можете разделять это.

Председатель: Трибунал считает, что вопрос некомпетенен.

Кауфман: Спасибо. Тогда я закончил свой допрос свидетеля.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

[*Свидетель Нойбахер вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Доктор Кауфман, вы закончили?

Кауфман: Мой допрос свидетеля закончен.
Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать вопросы?
Заутер: Господин председатель, у меня есть некоторые вопросы, которые, конечно никак не связаны с Кальтенбруннером, а которые ссылаются на предметы которые следует рассмотреть позднее во время дела подсудимого Функа. Так как свидетеля можно вызвать лишь однажды, однако, у меня нет иного выбора кроме как задать свидетелю вопросы сейчас, которые на самом деле нужно задать позднее.

Свидетель, сегодня вы сказали, что германская внешнеполитическая служба направила вас в Румынию, мне кажется, по экономическим вопросам. Это правильно, что во время вашей работы в Румынии, вы также представляли и руководили экономическими делами в Греции?
Нойбахер: Осенью 1942, по совместительству с моим заданием в Румынии, я получил особую задачу, совместно с итальянским финансовым экспертом, посланником Д`Агостини, предотвратить подходящими методами тотальную девальвацию валюты и полный беспорядок экономической структуры в Греции.
Заутер: Свидетель, вы подходили для такой трудной задачи своей подготовкой и предыдущим опытом? Пожалуйста расскажите кратко, какие посты вы занимали ранее, таким образом мы сможем судить, были ли вы способны справиться с этой задачей в Греции, но пожалуйста, свидетель, будьте очень кратким.
Нойбахер: Я был одним из самых видных экономических руководителей в Австрии. В возрасте 28 лет я был директором, в 30 я был генеральным управляющим Венской переселенческой компании, в возрасте 33 я руководил крупным комбинатом в строительной профессии и промышленности строительных материалов. Я был руководителем австрийского национального банка и членом Австрийского таможенного совета. Я был членом русского кредитного комитета города Вена и членом комиссии экспертов по изучению краха Австрийской кредитно-банковой корпорации. Таким образом, я был квалифицирован для этой задачи имея обширный экономический опыт.

Более того, я был хорошо знаком с экономическими проблемами Балкан, так как впоследствии работал над экономическими вопросами относящимися к Балканам в центральной финансовой администрации I. G. Farben[295] в Берлине.
Заутер: Свидетель, несколько дней назад, когда я посещал вас в тюрьме, я вручил вам отчёт комиссии греческого королевского правительства представленный Международному военному трибуналу, и попросил вас прочитать его и высказать своё мнение. Этот отчёт правильный?

Господин председатель, это экземпляр СССР-379, и он имеет дополнительный номер документа UK-82.

---

295 И. Г. Фарбен, также И. Г. Фарбениндустри (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG — общность интересов
промышленности красильных материалов) — конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны.

Свидетель, в данном отчете комиссии представлен вопрос о том как если бы экономика Греции полностью уничтожена германскими властями и, что Греция разграблена, и т.д. В конце это ссылается на подсудимого Функа. Пожалуйста, не вдаваясь в детали, но скажите нам коротко в чём заключается ваше впечатление в связи с этим.

Председатель: Да, генерал Руденко.

Руденко: Господин председатель, я хочу сделать перед трибуналом следующее заявление. Отчёт греческого правительства, представленный к Международному военному трибуналу советским обвинением в порядке статьи 21 устава. Мне думается, что вопрос защиты данному свидетелю о том, чтобы он дал заключение по этому отчёту должен был отведён, так как свидетель некомпетентен давать заключения по отчёту греческого правительства, защитник может поставить конкретный вопрос по какому-либо отдельному факту, и только.

Заутер: Господин председатель, если желательно, я могу, конечно, ставить вопросы по-отдельности. Наверное так будет немного дольше, но если советско-русское обвинение так желает я согласен. Могу я спросить свидетеля? Свидетель, это правильно…

Председатель: Минуточку, доктор Заутер, что именно о чём вы хотите спросить свидетеля об этом отчёте?

Заутер: Отчёт греческого правительства, который представило русское обвинение заявляет, например, что Германия в своей оккупации Греции грабила страну и привела к голоду экспортируя чрезмерные количества товаров. Он заявляет о том, что стране вменялись чрезмерные оккупационные расходы, и что страна сильно подверглась системе клиринга[296], и т.д. От этого свидетеля, который экономический эксперт германского министерства иностранных дел руководивший этими проблемами в Греции в то время, я предлагаю подтвердить: первое, что эти заявления неправда, второе, что такое положение дел преобладало, когда германские войска вступили и не было создано германскими властями, и наконец, что подсудимый Функ постоянно пытался улушать дела Греции посредством системы клиринга и добился направления в Грецию значительного количества золота.

Председатель: Что же, вы можете задать несколько коротких вопросов, чтобы показать, что схема которую этот свидетель представил в Греции соответствовала международному праву и не была несправедливой к Греции? Если вы сможете это сделать, это будет удовлетворять делу, не так ли?

Заутер: Да, это то, что я хотел сделать, и я уверен в том, что данный свидетель сделал бы так по собственной инициативе.

Итак, свидетель, вы знакомы с точкой зрения германских экономических

296 Клиринг — безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями и банками за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей.

властей и в частности подсудимого Функа на вопрос клиринга долгов возложенных на Грецию, и вопрос в том как с Грецией нужно было обращаться в связи с системой клиринга?

Нойбахер: Относительно взаимных финансовых требований и обязательств, я однажды говорил с рейхсминистром финансов, Шверином фон Крозигом[297], и предлагалось, чтобы в какую-то более позднюю дату военные требования и требования контрагента следовало урегулировать на основе общего знаменателя.

Заутер: И тогда, во время войны, как решался вопрос клиринга?

Нойбахер: Относительно экономических событий в Греции, я могу дать информацию основанную только на собственных наблюдениях, начиная с октября 1942. Тогда, когда я впервые прибыл в Афины, греческая валюта уже значительно девальвировалась, и обращение банкнот выросло где-то на 3000 процентов.

Греция также страдала от экономических проблем из-за того факта, что кроме нарастающей инфляции, была предпринята попытка ввести в Греции плановую экономику с потолком цен в немецких чертах. Результатом было конечно то, что торговцы продававшие греческие товары несли убытки, когда им платили позднее. С другой стороны, когда я прибыл, импортеры немецких товаров получали огромные доходы, потому что они платили рейхсмаркой по курсу 60 по клирингу и перепродавали товары по курсу приблизительно 30000. Такой хаос, вызванный инфляцией в связи с попыткой введения плановой экономики на немецкий манер, можно было устранить только превращением чёрного рынка в полностью свободный рынок. Два эксперта держав оси ввели эту меру со значительным успехом в конце октября 1942. За две недели все магазины и рынки заполнились товарами и припасами, цены на продовольствие упали на 1/5 и цены на промышленные товары на 1/10. Такой успех можно было поддерживать 4 месяца несмотря на рост инфляции.

Заутер: Доктор Нойбахер, это правда, что подсудимый Функ который был в то время рейхсминистром экономики, предложил во время беседы или переписки с вами, чтобы несмотря на дефицит товаров преобладавший в Германии, значительное количество товаров направили из Германии в другие европейские страны, в частности Грецию?

Нойбахер: Рейхсминистр Функ, с которым я обсуждал трудности своей задачи, и я, полностью согласились в том, что максимум товаров нужно перевезти в Грецию, и конечно не только продовольствие. Я обеспечил в то время не только 60 000 тонн продовольствия, но также германские экспортные товары, поскольку было безнадёжно остановить инфляцию или влияние инфляции на цены, если там не было

297 Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. После самоубийства Адольфа Гитлера совместно с гросс-адмиралом Карлом Дёницем сформировал т. н. «Фленсбургское правительство», где занимал должности главного министра (премьер-министра) и министра иностранных дел вплоть до его роспуска 23 мая 1945 года. Американским трибуналом был приговорён к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

поставок. Рейхсминистр Функ поддержал экспорт в Грецию с видом на восстановление нормальных рыночных условий всеми средствами имевшимися в распоряжении.

Заутер: Свидетель, вы знаете, что поскольку перевозка из Германии в Грецию стала невозможной, подсудимый Функ приложил все усилия для того, чтобы товары перевезли из Германии в Грецию на нейтральных судах, обеспеченных британским навицертом[298], для того, чтобы насколько возможно побороть уже грядущий голод.

Нойбахер: Думаю это было между 1941 и 1942, когда я ещё не прибыл в Грецию. В 1943, когда судоходство в греческих водах для нас полностью прекратилось, потому что все суда торпедировали и железные дороги стали объектом постоянных актов саботажа и подрыва, я, при помощи шведского посланника Алара, который руководил Международной помощью Греции обратился за британскими навицертами для продовольственных транспортов в Грецию. Британцы удовлевторили это ходатайство, и когда наши собственные транспортные средства прекратили существовать, шведское судно «Halaren» ходило из Триеста или Венеции в Пирей раз в месяц, загруженное немецкими припасами для Греции.

Заутер: И Функ, как рейхсминистр экономики в то время, сыграл важную роль в этих акциях, не так ли?

Нойбахер: Рейхсминистр экономики Функ выразил самый положительный интерес в греческом вопросе, который уникален в истории экономики, и он поддержал мои усилия всеми средствами имевшимися в его распоряжении.

Заутер: Вы, что-нибудь знаете о том факте, что подсудимый Функ в частности выступал за то, чтобы оккупационные платежи следовало держать как можно ниже, и что он разделял взгляд о том, что было бы предпочтительнее, чтобы значительная часть оккупационных платежей скорее относилась на немецкий счёт, чтобы не слишком обременять Грецию? Что вам об этом известно?

Нойбахер: Я мало знаю о деталях того, что случилось в Берлине, но в длительные интервалы я докладывал рейхсминистру Функу о ситуации в Греции и знаю, что он делал мои доклады основой для своих вмешательств. Он был прекрасно осведомлён о том факте, что греческая экономическая проблема во время и в рамках блокады была бесконечно сложной, для чего требовалось прилагать все усилия, чтобы предотвратить полный распад монетарной ценности и экономической структуры, он всегда вмешивался в связи с этим.

Заутер: Свидетель, подсудимый Функ действовал таким образом, что греческая валюта, валюта драхма девальвировалась или ей причиняли вред? Или же он, напротив стремился вернуть драхме ценность, в частности с целью предотвращения катастрофического голода? Пожалуйста, кратко скажите, что вам об этом известно.

Нойбахер: Рейхсминистр Функ всегда прилагал все усилия в таком направлении. Он доказал, что принудительный экспорт в Грецию и наконец предоставление

298 Навицерт; морское охранное свидетельство (об отсутствии военной контрабанды на судне).

значительного количества золота с целью замедления греческой инфляции – которое предоставили, в соответствии с четырёхлетним планом, включало в себя тяжелейшую жертву для Германии.

Заутер: Вы говорите «значительное количество золота». В Германии было очень мало золота во время войны. Вы можете сказать нам как много насчитывало то, что подсудимый Функ направил в Грецию в то время с целью поддержки драхмы в какой-то мере и предотвращения грядущей катастрофы? Насколько большим было количество?

Нойбахер: Все говорили, один и одна треть миллиона фунта стерлингов инвестировали в Грецию и Албанию, по моим воспоминаниям.

Заутер: Один и одну треть миллиона фунтов стерлингов?

Нойбахер: Греция и Албания получили это количество.

Заутер: И теперь, свидетель, у меня есть последний вопрос. Это верно, что все эти усилия со стороны германского экономического управления и германского министра экономики часто терпели неудачу и срывались, в частности греческими торговцами? Приводя только один пример, были случаи в которых немецкие фабрики продавали немецкие двигатели за 60 драхм греческим торговцам – то есть, 60 драхм которые на самом деле не имели ценности – и греческий торговец продавал эти же самые двигатели которые они купили за 60 драхм у немцев германским вооружённым силам по 60 000 драхм за штуку. Предположительно вы обнаружили такие случае о которых сообщали подсудимому Функу, и вот почему я спрашиваю правда ли это.

Нойбахер: Я должен так это прокомментировать. Фактически, так случалось, но я хочу заявить о том, что греческие предприниматели вынуждены были делать это вследствие инфляции и черного рынка. Греческий народ слишком умен, чтобы поддаться инфляции. Каждый ребёнок там предприниматель. Поэтому единственный возможный метод противодействия такой очевидной спекуляции, заключался в полностью свободном рынке в твёрдых деловых чертах, и это было концом этих экспериментов.

Заутер: Превращение черного рынка в свободный рынок, проблема которая также играла важную роль во Франции, было вызвано вашей деятельностью по договорённости с подсудимым Функом?

Нойбахер: Да, я ввел эту меру совместно с моим итальянским коллегой Д`Агостини в конце октября 1942.

Заутер: Большое спасибо, свидетель.

Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Штейнбауэр: Господин председатель, члены международного трибунала, для вашего сведения, я собираюсь допросить свидетеля по вопросам аншлюса.

Свидетель, вы описали трибуналу свою экономическую деятельность. Вы также были политически активны?

Нойбахер: Я был политически активен как председатель австро-немецкого народного союза.

Штейнбауэр: В чём заключались цели австро-немецкого народного союза?

Нойбахер: Австро-немецкий народный союз был организацией которая стояла выше партий и религиозных верований и которая, одинаково, была направлена на пересмотр запрета аншлюса в мирных договорах и мирное решение вопроса австро-германского аншлюса путём плебесцита. В исполнительном комитете этого австро-германского народного союза, были официально представлены все партии за исключением национал-социалистической и коммунистической партий. Германская организация с таким же названием находилась под руководством социал-демократического президента Рейхстага, Пауля Лёбе[299].

Штейнбауэр: Спасибо. У меня есть список исполнительного комитета от 1926. Вы видны как председатель, и государственный советник Пауль Шпайсер[300] как заместитель. Доктор Зейсс-Инкварт назван казначеем, и затем доктор Бенедикт Каутский[301], некто Георг Штерн[302], надворный советник и президент банковской ассоциации, и некий доктор Штольпер[303]. Это правильно?

Нойбахер: Да.

Штейнбауэр: Почему все эти члены которые представляли разные партийные линии и религиозные верования стремились в то время к аншлюсу?

Нойбахер: После заключения Версальского и Сен-Жерменского[304] договоров, широчайшее движение началось в Австрии за союз со страной, которая пострадала от тяжёлой экономической депрессии, с Германией. Люди из всех партий и всех религий присоединялись к этому движению, как вы можете видеть по названным, вами, господин доктор, именам.

Штейнбауэр: Вы знаете каким образом и на каких условиях это намечалось в 1918, в особенности в отношении позиции Вены как столицы Рейха и престола?

Нойбахер: Не было никаких чётких идей о технической стороне такой отдалённой цели, но каждый австриец, на основе исторически обоснованной гордости, был согласен с тем, что город Вену следует считать второй столицей Германии.

Председатель: Извиняюсь. Трибунал на самом деле не касается был ли аншлюс желательным, или справедливым или нет. Трибунал касается то был ли он достигнут путём насилия и силы. Большинство показаний вообще кажутся не относящимися к делу.

---

299 Пауль Лёбе (1875 — 1967) — немецкий политик периода Веймарской республики, председатель рейхстага в 1920—1924 и 1925—1932 годах, член Социал-демократической партии Германии.

300 Пауль Шпайсер (1877 – 1947) – австрийский социал-демократ.

301 Бенедикт Каутский (1894 — 1960) — австро-немецкий экономист и социал-демократический политический деятель.

302 Георг Штерн (1869 – 1936) – экономический советник Социал-демократической партии Австрии.

303 Густав Штольпер (1888 – 1947) – австро-немецкий экономист, журналист и политик.

304 Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии, потерпевшего в войне поражение в составе «Четверного союза»)

Штейнбауэр: Господин председатель, к сожалению я должен сказать, что моё мнение отличается от мнения трибунала, потому что мне кажется – и это применимо не только к подсудимому Зейсс-Инкварту, а также к остальным подсудимым которые принимали участие в аншлюсе, а именно Герингу, Риббентропу, Папену, Нейрату, что важно знать экономические, политические и культурные предпосылки и политическую ситуацию в Австрии в то время, когда эти люди стремились к аншлюсу. Таким образом, я считаю, что важно установить то в чём заключалось общее отношение. Я возьму смелость включить в свою документальную книгу короткий исторический доклад, чтобы разъяснить разные взгляды.

Свидетель, затем в 1938 вы стали бургомистром города Вена?

Нойбахер: Это было после аншлюса.

Штейнбауэр: В это же время, Зейсс-Инкварт был рейхсштатгальтером гау Вена или даже государства Австрия, это правильно?

Нойбахер: Я стал бургомистром Вены при Зейсс-Инкварте утром 13 марта 1938, когда он ещё был австрийским федеральным канцлером. Тогда Зейсс-Инкварт был федеральным канцлером Австрии.

Штейнбауэр: Очень хорошо. Сколько вы оставались в должности бургомистра города Вена?

Нойбахер: Согласно австрийскому закону, до февраля 1939. Затем Бюркель[305] стал гауляйтером и рейхсштатгальтером Вены, и соответственно автоматически верховным главой коммунальной администрации. Таким образом…

Штейнбауэр: Этого достаточно. Какими были отношения между Зейсс-Инквартом с одной стороны и комиссаром по воссоединению Бюркелем, с другой стороны?

Нойбахер: Отношения были общеизвестно плохими. Бюркель не воспринимал власть рейхсштатгальтера Зейсс-Инкварта. Он руководил через его голову, и он использовал любой метод склок, интриг и провокации, чтобы свергнуть Зейсс-Инкварта и устранить его с должности. И он добился успеха.

Штейнбауэр: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Обвинение желает задать вопрос?

Эймен: Нет.

Председатель: Вопросов нет?

Эймен: Нет.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Доктор Кауфман.

Кауфман: Есть ещё шесть важных опросных листов. Надеюсь мне позволят представить их как только их получат, и могу я также оставить за собой право в связи с ходатайством которое я заявил два дня назад, ходатайствовать о каких-то свидетелях в письменном виде, то есть, свидетелях из тех кто появился в

---

305 Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер. В 1938-1938 занимал руководящие должности в Австрии.

письменных показаниях представленных обвинением.

Председатель: Вы имеете в виду, что хотите перекрёстно допросить кого-то чьи письменные показания представило обвинение?

Кауфман: Да.

Председатель: Вы говорите о письменных показаниях которые уже приобщили?

Кауфман: Я говорю о письменных показания которые впервые представили два дня назад.

Председатель: Что же, трибунал считает, что вам нужно как можно скорее подумать о том хотите ли вы перекрёстно допросить этих людей.

Кауфман: Конечно. Я намеревался заявить вам это ходатайство, но трибунал сказал мне, что нужно заявить это ходатайство в письменном виде.

Председатель: О, да, вижу. Очень хорошо.

Кауфман: Помимо этого, я закончил своё дело сегодня.

Председатель: Очень хорошо.

Кауфман: Спасибо.

Председатель: Сэр Дэвид, мы поняли, что доктор Дикс хотел, чтобы вопрос его документов разрешили от имени подсудимого Шахта. Вы ожидаете, что это займет долго?

Максвелл-Файф: Если бы я мог проконсультироваться с господином Доддом – не думаю, что так будет, но я бы хотел подтвердить это, если ваша светлость позволит.

Председатель: Что скажет доктор Дикс?

Дикс: Я не думаю, что это займет долго, возможно, четверь часа. Однако, я должен ответить обвинению, и поэтому длительность моего ответа зависит от длительности выступления обвинения.

Председатель: Да. Что же, кажется есть кое-какие преимущества рассмотреть это сейчас, потому что иначе нам придется остановиться в какое-нибудь конкретное время, и мы не можем знать сколько это займет. Если мы рассмотрим это сейчас, это не такое большое дело, и затем мы сможем продолжить с доктором Тома.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, мой друг господин Додд считает, что это займет около получаса.

Председатель: Хорошо. Доктор Тома, вы этому не возражаете, не так ли?

Тома: Нет.

Председатель: Хорошо.

Додд: Господин председатель, передо мной индекс который представил доктор Дикс от имени подсудимого Шахта.

Первое, я полагаю, что должен приступить, рассмотрев экземпляры которым мы возражаем.

Председатель: Да, я уверен в том, что индекс передо мной. У вас есть копия которая есть у нас?

Додд: У меня сейчас одна копия, которой обеспечил нас доктор Дикс.

Председатель: Она обеспечена для трибунала?
Додд: Я так не думаю, не знаю.
Председатель: Возможно, вы сможете указать на то, что это за документы без их наличия у нас. Вы отметите номера, когда будете указывать документы?
Додд: Да, ваша честь.

Что касается первых четырёх документов, номер 1 – книга сэра Невила Гендерсона «Провал миссии». Номер 2 также фрагмент из этой книги; такой же номер 3. Мы возражаем всем им на основании того, что они представляют мнение сэра Невила Гендерсона, они не воспроизводят исторический факт. Номер 4 фрагмент из книги написанной о докторе Шахте человеком по имени Карл Бопп[306]. Мы возражаем ей по такому же основанию, что это мнение автора и не является здесь значимым.

Экземпляр номер 5 это фрагмент из книги написанной господином Самнером Уэллесом[307] «Время для решения». Наше возражение данному фрагменту основано на таком же основании, это содержит только мнение господина Уэллеса, и хотя и ценное в некоторых местах, здесь это неуместно.

Экземпляр номер 6 – книга виконта Ротемира[308], которую уже пропустил трибунал в отношении ходатайства подсудимого Геринга. Мы обновляем своё возражение которое заявили тогда, указывая на то, что это только мнение данного господина и не имеет никакой ценности для трибунала.

Экземпляр номер 7 письменные показания Мессерсмита[309], которые обвинение предъявило в качестве доказательства. Мы, конечно, не имеем им возражения.

Экземпляр номер 8 также экземпляр обвинения. Нет возражения.

Номер 9, также.

Номер 10 – письменные показания или заявление покойного фельдмаршала фон Бломберга.

Пропуская, мы не имеем возражения пока не доходим до экземпляра номер 14, дневника посла Додда[310] – и на самом деле здесь нет возражения. Мы просим о том, чтобы нам указали даты записей – их нам пока не дали – или страниц из дневника из которых планируют цитировать.

Мы продолжаем с экземпляром номер 18. Экземплярам которые между, мы, конечно, не возражаем…

Председатель: Господин Додд, я понимаю, что это на самом деле вопрос перевода,

---

306 Карл Бопп (1906 – 1979) – американский автор по вопросам банковской и финансовой политики.
307 Самнер Уэллес (1892 — 1961) — дипломат Соединённых Штатов Америки, заместитель государственного секретаря (1937—1943), публицист.
308 Гарольд Хэрмсфорт, лорд Ротемир (1868 – 1940) – крупный английский издатель. Основоположник популярной журналистики.
309 Джордж Мессерсмит (1883–1960) — американский дипломат, с 1930 по 1934 генеральный консул США в Берлине. Посол США в Австрии с 1934 по 1937.
310 Уильям Додд (1869 — 1940) — американский историк и дипломат. Посол США в Германии в 1933-1937.

не так ли?

Додд: Да. Мы сейчас возражаем, потому что хотим сэкономить труд на перевод.

Председатель: Да. Тогда продолжайте с 18.

Додд: Да. Номер 18 состоит из трёх частей: (а), (б) и (в). Они заявления Поль-Бонкура[311], Бриана[312], лорда Сесила[313]. Это заявления о праве Германии на перевооружение. Мы возражаем им, потому что это не заявления сделанные чиновниками каких-либо этих правительств – двух этих правительств. Ни один источник не указан в данном фрагменте, который будут цитировать, и видно, что это ничего больше чем мнения, высказанные этими людьми после того как эти люди ушли в отставку с должности.

Пропуская, мы переходим к экземпляру номер 33. Это речь доктора Шахта в 1937. Единственный наш вопрос о ней – мы, конечно, вообще не оспариваем её отношение к делу, но мы хотим знать доступен или нет подлинник. Мы пока не смогли выяснить.

Номер 34 – речь Адольфа Гитлера. Она очень короткая, и я не склонен заявлять ей сильные возражения, за исключением того, что не могу увидеть здесь отношения к делу. Она не кажется важной ни по каким вопросам которые подняли в этом месте, и пока доктор Дикс не обдумает это, мы не удовлетворены этим, мы будем возражать.

Председатель: Чего она касается, господин Додд?

Додд: Она касается в целом перевооружения, но ничего не говорит о докторе Шахте или каких-то утверждениях здесь. Кажется это общее выступление о перевооружении.

Мы возражаем экземпляру номер 31. Это письмо доктора Шахта господину Леону Фрэйзеру[314]. Наше возражение в том, что мы хотим знать, доступен ли подлинник, и если это так – зачем, мы не будем иметь никакого возражения.

Номер 38 – газетная статья из газеты в Цюрихе, Швейцария о том в чём заключались мысли доктора Шахта, и мы возражаем этому. Для начала автор неизвестен. Это всего лишь газетный отчёт и кажется нематериальным и неважным

311 Жозеф Поль-Бонкур (1873 — 1972) — французский государственный и политический деятель периода Третьей республики. Дипломат. Министр труда и социального обеспечения Франции со 2 марта по 26 ноября 1911. Военный министр Франции с 3 июня по 18 декабря 1932. Премьер-министр Франции с 18 декабря 1932 по 31 января 1933. Министр иностранных дел Франции с 18 декабря 1932 по 30 января 1934. Министр национальной обороны и военный с 4 по 9 февраля 1934. Государственный министр, постоянный делегат в Женеве с 24 января по 4 июня 1936. Министр иностранных дел Франции с 13 марта по 10 апреля 1938.

312 Аристид Бриан (1862 — 1932) — французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Густавом Штреземаном) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

313 Эдгар Гаскойн-Сесил (1864 — 1958) — британский юрист, парламентский, общественный и государственный деятель, активный сотрудник и идеолог Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира 1937 года, вручённой ему за заслуги перед Лигой Наций.

314 Леон Фрэйзер (1889 – 1945) – американский предприниматель. В 1937-1945 президент Первого национального банка Нью-Йорка.

здесь.

Экземпляр номер 39 – письмо написанное неким Ричардом Мортоном[315], адресованное солиситору казначейства Великобритании. Мне кажется, его переслали сюда генеральному секретарю. Во всяком случае, мы возражаем ему на том основании, что оно неуместное. Оно направлено на то, чтобы сказать, что Мортон думал о Шахте и о каком-то содействии которое Мортон получил от Шахта. Мы бы предложили, что если защитник доктора Шахта, доктор Дикс считает, что Мортон на самом деле имеет важные и относящиеся к делу показания для того, чтобы дать их здесь, это можно сделать путём опросного листа. Он в Лондоне, и так было бы, гораздо более правильно, как мы полагаем, нежели предъявлять это письмо которое написали безо всякого направления или основания.

Затем мы доходим до экземпляра номер 49, переписки между издателем дневника посла Додда и сэром Невилом Гендерсоном. Она перепечатана в томе с дневником Додда. Для меня довольно смутно какое отношение к делу у этой записи или как её можно показать таким образом.

Председатель: Он длинный?

Додд: Не очень длинный, нет.

Теперь, я немного запутался в последних нескольких экземплярах, идущих от 54 по 61. Нас проинформировали лишь о том, что 54 это протокол показаний Геринга трибуналу и так далее – протокол того то и того то в трибунале; три выдержки из показаний Геринга и четыре из заявлений лейтенанта Брэйди Брайсона, сделанных в связи с представления обвинения дела против подсудимого Шахта. Я, конечно, просто скажу, что не нужно переводить или, что-то с ними делать кроме как сослаться на них. Они уже в материалах дела, и я не знаю, что на уме доктора Дикса. Я, конечно, не возражаю его ссылке на них или любое другое их использование.

Председатель: Фрагменты длинные?

Додд: Что же, я не знаю. Это лишь вопрос копирования их снова из материалов дела. Они уже в материалах дела данного суда.

Председатель: Да.

Додд: Понимаете, если позволит ваша честь, у меня их нет передо мною.

В этом заключается наш взгляд на ходатайства защитника доктора Шахта в настоящее время. Если есть какие-нибудь вопросы, я буду рад на них ответить. Я не сильно вдавался в детали.

Председатель: Нет, всё правильно. Доктор Дикс может сейчас ответить. Да, доктор.

Дикс: Касательно возражений выдвинутых номерам 1-6, я с готовностью признаю господину Додду, что эти документы скорее аргументация нежели доказательства. Шахт выступает о том факте, что видные зарубежные личности представляли такие

315 Ричард Мёртон (? – 1960) – немецко-английский предприниматель. Руководитель Металлургической акционерной компании во Франкфурте в 1933-1938, 1947-1960.

же взгляды которые являются основой для его общего отношения, включая вопрос перевооружения. Он процитирует эти мнения, и я тоже в заключительной речи, сошлюсь на эти фрагменты с целью аргументации. Поэтому если господин Додд говорит «не столько доказательство сколько аргументация», он прав. Но, по моему мнению мы не выступаем по вопросу о том, что будет официально предъявлено трибуналу согласно процедуре. Мы просто выступаем – или даже обсуждаем – следует ли переводить эти документы, поэтому если Шахт процитирует их во время своего допроса, или если я процитирую их во время своей речи, трибунал сможет легко следить за цитатой. Мы замечали, что трибунал – и это выглядит довольно очевидно – предпочитает, чтобы документы которые будут цитировать представляли для перевода, чтобы он мог точно следить. Поэтому, относительно номеров 1-6 и, между прочим, тоже самое применимо ко всем документам находящимся в экземпляре номер 18 – я не пытаюсь допустить их в качестве доказательства: я просто рекомендую, чтобы их перевели в интересах каждого заинтересованного лица, для того, чтобы в случае их цитирования можно было предоставить трибуналу перевод. Это просто вопрос практичности. Это применимо к 1-6 и всему под 18.

Председатель: Доктор Дикс трибунал уже распорядился о том, что обе документальные книги о виконте Ротемире и речь или книга господина Поль-Бонкура не приобщались в качестве доказательства и не ссылались на них?

Дикс: Я знаю только о распоряжении трибунала о том, чтобы не допускались никакие аргументы о справедливости или несправедливости Версальского мирного договора. Мы, конечно, соблюдаем данное распоряжение трибунала. Но мы не цитируем эти фрагменты, чтобы обсуждать справедливость или несправедливость Версальского договора. Это не мнение ни моё ни Шахта. Приведу пример:

Обвинение считает, что определённое отношение Шахта доказывает, что поддерживая вооружение он поддерживал и хотел агрессии. Он хочет развенчать это, ссылаясь на тот факт, что отдельные видные иностранцы занимали такую же точку зрения, и что эти люди не могли способствовать германской агрессии имея такой взгляд. Это лишь один пример. Но в любом случае цель не читать академические лекции о справедливости или несправедливости Версальского договора – чего я не намеревался делать в любом случае, так как я считаю, что такие аргументы не услышат. Это не моя привычка использовать аргументы которые как мне кажется не получат никакого отклика. Могу я продолжать?

Касательно номера 18, могу я – я прошу извинения. Я сейчас услышал заявления господина Додда и должен сразу же ответить. Я должен сначала собрать материал. Я записал, что под номером 18, который я сейчас назвал – и это также применимо к номерам 1-6 – господин Додд пропустил источники. Это может быть из-за того, что у него был только индекс документов. Цитируемые источники и документы в самих цитатах.

Сейчас я перехожу к номеру 31. Это письмо Шахта некоему Фрэйзеру. Я понимаю, что господин Додд говорит, что он не заявил никакого возражения, но он просто хотел знать где находится подлинник документа. Это письмо Шахта Фрэйзеру, покойному президенту Первого национального банка[316]. Подлинник этого письма – если оно ещё существует – будет среди бумаг оставленных умершим господином Фрэйзером, к которым у меня нет доступа, как и ни у кого другого.

Минуточку, господин председатель, Шахт говорит мне, что он имеет только копию которая имеет его подпись и поэтому, это так называемая автокопия. Эта автокопия находилась на хранении в Швейцарии во время войны ввиду её содержания. Эта автокопия, подписанная лично Шахтом, здесь и копия в документальной книге снята с неё. Тот факт, что это подлинная копия установлен профессором Краусом, и думаю насколько возможно она адекватно опознана. Довольно с номером 37. Затем я сделал пометку о номере 34. Минуточку, пожалуйста. Номер 34 ещё один случай где пропущен источник. Относится тоже самое как и выше. Источник назван в документальной книге – а, именно «Dokumente der Deutschen Politik[317]». Эта компиляция много использовалась как источник доказательств. Затем возражение заявили…

Председатель: Доктор Дикс возражение 34 заключалось не в том, что недоступен подлинник, а в том, что это была речь Гитлера которая была о перевооружении и она показалась не относящейся к делу.

Дикс: Да, это правильно. Большое спасибо, господин председатель.

Господин Додд, конечно не мог узнать об отношении документа к делу. Шахт может узнать это, поскольку он единственный знает о его внутреннем развитии. Это речь Гитлера в которой есть фрагмент который подтверждает медленное возникновение подозрения со стороны Шахта о том, что такая политика не только привела бы к агрессивной войне, но что возможно Гитлер на самом деле желал войны. Данное подозрение в частности вызвано этим фрагментом в речи произнесённой Гитлером в Рейхстаге 28 февраля 1938. Эта речь важная веха во внутреннем представлении Шахта о Гитлере и его политике, начиная с приверженности Шахта в 1933 через поворотный пункт, когда началось недоверие и переросло в оппозицию, которая выросла в постоянную подготовку восстания. По этой причине, мне кажется доказательство относится к делу. Это номер 34.

Затем, есть номер 38. Это статья из «Basler Nachrichten[318]». По моему мнению это доказательство величайшего значения. Во всяком случае, я буду бороться до своего последнего дыхания за допуск данного документа. Предмет: перед войной – борьба против войны, во время войны – борьба и попытки прийти к

316 Ситибанк (англ. Citibank) — крупнейший международный банк, основанный в 1812 году как City Bank of New York, затем First National City Bank of New York. Сейчас Citibank — подразделение Citigroup, гигантской международной корпорации в области финансовых услуг. С марта 2007 года это крупнейший банк США среди холдингов.

317 «Документы германской политики» (нем.)

318 «Базельские новости» - швейцарская консервативная газета. Издавалась с 1844 по 1977.

миру, борьба против распространения войны.

В 1941 – то есть, до вступления России в войну и до вступления в эту войну Соединённых Штатов – Шахт имел беседу с политэкономом из Соединённых Штатов, о которой он не вспомнил пока знакомый не направил ему статью которая вышла в «Basler Nachrichten» 14 января 1946. Он сказал: «Конечно, теперь я помню. Четыре года назад, весной 1941, у меня была беседа с американским политэкономом». Имя он всё же забыл. Эта беседа снова показывает, что он уже в 1941 предпринимал попытки установить связи и связаться для предотвращения любого распространения войны, в частности путём открытых pour-parlers[319] с Соединёнными Штатами и людьми окружавшими президента Рузвельта.

Мы не имеем никаких других доказательств подтверждающих факт данной беседы, так как мы не можем вызвать этого профессора, потому что Шахт забыл его имя. Но сам этот профессор анонимно говорит в статье издания от 14 января 1946.

Председатель: Доктор Дикс, в чём заключается характер беседы о которой как вы говорите сообщили в газете?

Дикс: Это довольно длинная статья. Возможно я могу взять несколько пунктов для того, чтобы трибунал мог понять характер беседы. Профессор в этом интервью ссылается на то, что тогда Шахт занимал крайне критическое отношение к системе национал-социалистического правительства, что он отмечал угрозы сохранения такой системы, потому что это бы привело к полному отмиранию интеллектуальной деятельности. Потом, он продолжает говорить профессору о том, что эта война была совершенно бессмысленной, и что, рассматривая с более высокого уровня, она была бы бессмысленной и опасной даже для победоносной Германии. Он объяснял профессору, что следует использовать любые средства, чтобы остановить войну, потому что в порядочном мире – в мире приведённом в порядок справедливым миром – правительства автоматически становятся либеральными. В конце он предлагает, поэтому, чтобы следовало предпринять попытку любой ценой установить контакт между нациями, в частности с представительным человеком из Соединённых Штатов, до того как Россия и Америка вступят в войну.

Он продолжает, сожалея о том, что Рузвельт – прошу прощения, он продолжает называя Рузвельта и его друзей – как того самого человека который может выполнить великую задачу помощи, искусно и осторожно придумав такую встречу. Ваша светлость, эта попытка похожа на ту, что видна в письме Фрэйзеру, которое я цитировал ранее. Фрэйзер тоже, принадлежал к более близкому – во всяком случае, скажем к тем людям которые имели доступ к президенту Рузвельту. В последней отчаянной попытке, полагаясь на доверие Рузвельта к нему лично, внести вклад со своей стороны для достижения мира до того как станет слишком поздно.

Такое отношение, конечно, крайне относится к делу опровергая обвинения

---

319 Обсуждения (фр.)

в агрессии, и вот почему я думаю, что трибунал при любых обстоятельствах должен допустить эту статью в качестве доказательства. В конце концов, мы не можем, полагать, что этот профессор говорит неправду. Технически, можно попытаться установить его имя у «Basler Nachrichten», но я боюсь, что «Basler Nachrichten» не раскроет имени не спросив у профессора в Америке. Спорно то, разрешит ли он раскрыть своё имя, и могут быть серьёзные трудности. Так как личный опыт показывает, что отчёт профессора в «Basler Nachrichten» правда, тогда почему бы ему не сказать здесь правду? Более того, он уважаемый человек. Вот почему я считаю, что этот документ равнозначен личному допросу профессора. Таким образом, я призываю вас допустить документ не только для перевода, но также в качестве доказательства. Это был номер 38.

Что касается Мортона, я полностью согласен направить опросный лист Мортону, но мне кажется, что это было бы лишним. На самом деле, мне нужно это письмо от Мортона только, чтобы доказать тот факт, что лорд Монтегю Норман[320], по возвращении со встречи BIS[321] в Англию в 1939, сказал этому человеку Мортону, который был почётным гражданином Франкфурта-на-Майне, связанным с Metallgsellschaft[322] и позднее эмигрировавшим, что Шахт находился в значительной личной опасности в связи со своим политическим отношением. Это основной факт который я докажу этим письмом и это содержится в письме. Это письмо не написано Мортоном мне или Шахту. Это письмо адресованное солиситору казначейства и оттуда передано обвинению здесь и обвинение любезно проинформировало нас об этом письме. Мы думаем, что весьма затруднительно вызвать Мортона в качестве свидетеля. Я полностью готов подготовить опросный лист, но я думаю было бы более простым и таким же надёжным методом если бы трибунал позволил мне процитировать из этого письма два коротких фрагмента. Однако, я одинаково готов направить опросный лист в Лондон. Это номер 39.

Относительно номера 49, это переписка между сэром Невилом Гендерсоном и редактором дневника покойного посла Додда. У этого величайшее значение в установлении надёжности заявлений в дневнике Додда, который не я, а обвинение постоянно цитировало, чтобы навредить Шахту, насколько я могу вспомнить. Для того, чтобы предупредить любое недопонимание, я хочу подчеркнуть, что мы далеки от вопроса оспаривания достоверности покойного посла Додда. И доктор Шахт и я лично его знали, и мы считаем его абсолютно достойным человеком. Но трибунал знает, что данный дневник, который основан на поспешных записях посла, редактировали его дети после его смерти. Поэтому,

320 Монтегю Норман (1871 — 1950) — британский банкир, управляющий Банком Англии в 1920−1944 годах.

321 Банк международных расчётов (БМР) (англ. Bank for International Settlements (BIS)) — международная финансовая организация, в функции которой входит содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчётов; кроме того, это центр экономических и денежно-кредитных исследований.Основан в 1930.

322 Металлургическое акционерное общество – крупнейшее германское предприятие по осуществлению сделок с продукцией промышленных предприятий. Основано в 1881. Ликвидирована в 2000 году.

возможно, что могли случиться ошибки, плохие ошибки. Это становится очевидным в переписке между сэром Невилом Гендерсоном и редактором дневника, где сэр Невил Гендерсон отмечает, что беседа или несколько бесед – которые согласно дневнику, Додд предположительно имел с ним – процитированы совершенно неправильно. Мне кажется не может быть более лучшего доказательства непредвзятой недостоверности данного дневника – повторяю, только непредвзятой недостоверности – чем эта переписка между сэром Невилом Гендерсоном и редактором. Поэтому, для того, чтобы проверить достоверность данных доказательств которые представило обвинение, и снизить их ценность до надлежащей пропорции, я прошу допустить этот документ в качестве доказательства.

Относительно, номеров 54-61, я никоим образом не намерен доказывать посредством этих документов. Меня совершенно устраивает если их не будут переводить, но мысль которую я имел заключалась в том, чтобы сделать работу трибунала проще. Я допрошу Шахта в связи с этими фрагментами из показаний Геринга. Если трибуналу кажется, что не нужно, чтобы эти фрагменты предъявляли, когда их цитируют или если он предпочитает использовать только материалы дела или иметь материалы дела которые принесут для использования, тогда, конечно не нужно будет переводить эти фрагменты. Поэтому, это просто вопрос того, что трибунал считает самым практичным. Мы подготовили фрагменты, и если трибунал желает их переведут.

И теперь остались только письменные показания. Господин Додд не упомянул их, но я думаю, что, когда сэр Дэвид и я обсуждали свидетелей и письменные показания трибунал уже допустил здесь в суде в открытом заседании письменные показания. Конечно, остаётся право обвинения задать контрвопросы или вызвать свидетелей на перекрёстный допрос после оглашения документов, это их привилегия. Мы удовлетворены письменными показаниями вместо личной явки просто, чтобы сэкономить время, но если обвинение желает этих свидетелей, у которых мы взяли письменные показания, тогда, кажется, защиту это полностью устраивает.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Прежде всего я рассмотрю документы от имени подсудимого Шахта.

Будут переведены следующие документы:

Номер 7, номер 8, номер 9, номер 14, номер 18, номер 33, номер 34, номер 37, номер 38, номер 39 и номер 49.

В связи с документами 54-61, которые уже находятся в материалах дела, они не будут переведены, но доктора Дикса просят о предоставлении ссылок на эти

документы в его документальной книге.

Документы 1-6 вообще не будут переводить.

Я имел в виду, что документы, на которые я не ссылался, будут переведены - будут переведены документы, на которые я специально не ссылался.

Итак, доктор Тома.

Тома: Господин председатель, прежде всего я, представляю копии документов, которые мне одобрили этим утром, которые из публикаций Розенберга – «Традиция и настоящее», «Произведения и речи», «Кровь и честь», «Возникновение идеи», и «Миф двадцатого века» – как доказательство факта, что подсудимый не участвовал в заговоре против мира и в психологической подготовке войны. Эти выдержки содержат речи, которые подсудимый произносил перед дипломатами, перед студентами, перед юристами, и подразумевают подтверждение, что по таким поводам он боролся за социальный мир, и что в частности, он не хотел борьбы идеологий ведущей к внешнеполитической враждебности. В этих речах он выступал за свободу совести и разумное решение еврейской проблемы, даже предоставление евреям определённых преимуществ. В частности, он призывал к равенству и справедливости в этом вопросе. Я прошу трибунал принять официальное уведомление об этих речах, и с разрешения трибунала я вызываю подсудимого Розенберга в качестве свидетеля.

[*Подсудимый Розенберг занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте свое полное имя?

Розенберг: Альфред Розенберг.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь перед господом – всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Подсудимый повторяет присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.

Тома: Господин Розенберг, будьте любезны представить трибуналу вашу личную историю.

Председатель: Доктор Тома, вы не присвоили вашим экземплярам, каких–нибудь номеров экземпляров, не так ли?

Тома: Да, есть. Это Розенберг–7 (а).

Председатель: О, они все пронумерованы?

Тома: Да.

Председатель: Очень хорошо. Когда вы ссылаетесь на какой–либо из документов, приводите его номер экземпляра.

Тома: Так точно.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы представите трибуналу вашу личную историю…

Председатель: Минуту, доктор Тома. Для протокола, вы понимаете, который содержится в расшифровке, я думаю, вам самому следует зачитать список документов, которые вы приобщаете, заявляя, какие у них номера экземпляров. У вас есть список документов приобщаемых в качестве доказательств?

Тома: Да.

Председатель: Вы зачитаете его под протокол?

Тома: Экземпляр Розенберг–7, «Миф двадцатого века».

Председатель: Да.

Тома: Розенберг–7 (a), «Возникновение идеи»; Розенберг–7 (b); Розенберг, «Кровь и честь»; Розенберг-7 (c), Розенберг - «Традиция и настоящее»; Розенберг–7 (d), Розенберг «Произведения и речи»; и Розенберг-8 «Volkischer Beobachter», март и сентябрь 1933.

Председатель: Этот был исключен Трибуналом. Номера 7 (e) и 8 исключили.

Тома: Я не приводил 7 (e), а Розенберг–8.

Председатель: При этом привели, 8.

Тома: Да, я упомянул Розенберг–8, и я прошу меня извинить.

Председатель: Номер 8 тоже исключили.

Тома: Да.

[*Обращаясь к подсудимому*] Господин Розенберг, пожалуйста, представьте трибуналу вашу личную историю.

Розенберг: Я родился 12 января 1893 в Ревеле в Эстонии. После окончания там средней школы, осенью 1910 я начал изучать архитектуру в технологическом институте в Риге. Когда германо–русские фронтовые линии приближались в 1915, технологический институт, включая профессоров и студентов, эвакуировали в Москву, и там, в столице России я продолжил свою учебу. В конце января или начале февраля 1918 я закончил свою учебу, получив диплом как инженер–архитектор, и вернулся в свой родной город.

Когда германские войска вошли в Ревель, я попытался записаться добровольцем в германскую армию, но поскольку я был гражданином оккупированной страны, меня не приняли без специальной рекомендации. Поскольку в будущем я не хотел жить между границами нескольких стран, я попытался добраться до Германии.

Для балтийских немцев, несмотря на свою верность российскому государству, немецкая культура являлась их интеллектуальным домом, и опыт, полученный мной в России усиливал мою решимость сделать всё возможное в моей власти, для предотвращения скатывания политического движения в Германии в большевизм. Я верил в то, что такое движение в Германии, из–за неустойчивой

структуры системы Германского Рейха, означало бы огромную катастрофу. В конце ноября 1918 я отправился в Берлин и оттуда в Мюнхен. На самом деле, я хотел заняться профессией архитектора, но в Мюнхене, я встретил людей, которые чувствовали то же, что и я, и я стал членом редакции еженедельника, который тогда основали в Мюнхене. Я пошёл работать в эту еженедельную газету в январе 1918 и продолжал с этого времени литературную работу. Там в Мюнхене я пережил развитие политического движения до советской республики[323] в 1919 и её свержения.

Тома: Вы назвали Германию своим интеллектуальным домом. Вы расскажите трибуналу, какие работы и какие ученые повлияли на вас в пользу немецкой ментальности?

Розенберг: В дополнение к своим непосредственным художественным интересам в архитектуре и рисовании, с детства я следовал историческим и философским наукам и таким образом, конечно, инстинктивно стремился читать Гёте[324], Гердера[325] и Фихте[326] с целью интеллектуального развития в таких направлениях. В то же время, на меня влияли социальные идеи Чарльза Диккенса[327], Карлайла[328] и в отношении Америки, Эмерсона[329]. Я продолжал эти учения в Риге и естественно, превыше всех возносил Канта и Шопенгауэра[330], и прежде всего, посвящал себя изучению философии Индии и соответствующих идейных школ. Позднее, конечно, я изучал видных европейских историков по истории цивилизации: Буркхардта[331] и Роде[332], Ранке[333] и Трейчке[334], Моммзена[335] и Шлифена. Наконец в Мюнхене я начал более

323 Баварская советская республика — кратковременное государственное образование, провозглашённое советом рабочих и солдатских депутатов 6 апреля 1919 в Мюнхене. Просуществовало до 3 мая 1919 года.

324 Иоганн Вольфганг Гёте (1749 — 1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель, философ и естествоиспытатель.

325 Иоганн Готфрид Гердер (1744 — 1803) — немецкий писатель и теолог, историк культуры, создатель исторического понимания искусства, считавший своей задачей «всё рассматривать с точки зрения духа своего времени», критик, поэт второй половины XVIII века. Один из ведущих деятелей позднего Просвещения

326 Иоганн Готлиб Фихте (1762 — 1814) — немецкий философ. Один из представителей немецкой классической философии и основателей группы направлений в философии, известной как субъективный идеализм, которая развилась из теоретических и этических работ Иммануила Канта.

327 Чарльз Диккенс (1812 — 1870) — английский писатель, романист и очеркист. Самый популярный англоязычный писатель при жизни. Классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX века. Творчество Диккенса относят к вершинам реализма, но в его романах отразились и сентиментальное, и сказочное начало.

328 Томас Карлайл (1795—1881) — британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор многотомных сочинений «Французская революция» (1837), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), «История жизни Фридриха II Прусского» (1858-65).

329 Ральф Уолдо Эмерсон (1803 — 1882) — американский эссеист, поэт, философ, пастор, лектор, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США.

330 Артур Шопенгауэр (1788 — 1860) — немецкий философ. Один из самых известных мыслителей иррационализма, мизантроп. Тяготел к немецкому романтизму, увлекался мистикой,

331 Якоб Буркхардт (1818 — 1897) — швейцарский историк культуры, стоявший у истоков культурологии как самостоятельной дисциплины.

332 Артур Роде (1868 – 1967) – немецкий евангелистский теолог и историк.

333 Леопольд фон Ранке (1795 — 1886) — официальный историограф Пруссии (с 1841), который разработал методологию современной историографии, основанную на архивных источниках, на стремлении к историзму.

334 Генрих фон Трейчке (1834 — 1896) — крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, автор «Истории Германии в XIX веке» в 5 томах.

335 Теодор Моммзен (1817 — 1903) — немецкий историк, филолог-классик и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд «Римская история», почётный гражданин Рима.

подробно изучать современную биологию.

Тома: Вы часто упоминали в ходе ваших речей «воплощение идеи». Это было под влиянием Гёте?

Розенберг: Да, само собой разумеется, что идея, видеть мир как её воплощение, восходит к Гёте.

Председатель: [*Доктору Тома*] Трибунал, поймите, хочет, чтобы вы ограничились своей собственной философией, а не происхождение этих философий, поскольку вы вообще ссылаетесь на философские вопросы.

Тома: Как вы пришли к НСДАП и Гитлеру в Мюнхене?

Розенберг: В мае 1919 издателя журнала, который я упоминал, посетил человек по имени Антон Дрекслер[336], который представился как председатель недавно основанной Немецкой рабочей партии[337]. Он заявил, что он выступал за идеи похожие на выражавшиеся нашим журналом, и с того времени я начал связи с очень маленькой группой немецких рабочих, которая формировалась в Мюнхене. Осенью 1919 я также встретил Гитлера.

Тома: Когда вы присоединились к Гитлеру?

Розенберг: Что же, тогда у меня была серьезная беседа с Гитлером, и по этому поводу я заметил его широкий взгляд на всю европейскую ситуацию.

Он сказал, что, по его мнению, Европа тогда находилась в социальном и политическом кризисе, которого не существовало со времен падения древнеримской империи. Он сказал, что точки беспокойства можно было найти повсюду в этой сфере, и что он лично стремился получить четкую картину с точки зрения возрождения Германии на твёрдых условиях. Потом, я слышал некоторые из первых речей Гитлера, которые произносились на небольших митингах из 40-50 участникам. Я прежде всего верил солдату, который был на фронте, и скромно выполнял свой долг 4 ½ года, имевшему теперь право говорить.

В конце 1919, я вступил в партию – не раньше Гитлера, как это здесь утверждают, а позже. В этой первоначальной партии мне присвоили членский номер 625.

Я не участвовал в создании партийной программы. Однако, я присутствовал, когда Гитлер 24 февраля 1920 огласил и прокомментировал партийную программу.

Тома: Затем вы представили оправдание партийной программы и возможно хотели решить проблемы, которые относились к социальному и политическому кризису. Каким вы видели решение?

Розенберг: В ответ на различные запросы относительно 25 пунктов программы, в конце 1922, я написал комментарий, который фрагментами зачитывали трибуналу.

---

336 Антон Дрекслер (1884 — 1942) — основатель Немецкой рабочей партии, которую позднее под новым названием НСДАП возглавил Гитлер.

337 Немецкая рабочая партия — партия-предшественник Немецкой национал-социалистической рабочей партии (NSDAP).

О нашем общем отношении в то время, можно, наверное, кратко заявить как о следующем:

Техническая революция девятнадцатого века имела определенные социальные и духовные последствия. Индустриализация и погоня за прибыльной жизнью и создали индустриальное государство и мегаполисы со всеми их с задворками и отчужденностью от природы и истории.

На сломе столетия, многие люди которые хотели вернуть свою родину и свою историю отвернулись от такого одностороннего движения. Возрождение традиции, фольклорные песни и фольклор прошлого, возникли с молодежным движением того времени. Художественные работы, например, профессора Шульце–Наумбурга[338] и некоторых поэтов являлись характерным протестом против такого одностороннего хода времени, и здесь национал–социализм попытался получить точку опоры – хотя и с полным осознанием, что это было современное движение, а не движение ретроспективной сентиментальности. Он связывал себя с социальным движением Штокера[339] и национальным движением Шёренера[340] в Австрии, не используя их в целом как модель.

Я хочу добавить, что название «национал–социализм» мне кажется, возникло в Судетах, и небольшая Немецкая рабочая партия была основана под именем «Национал–социалистическая немецкая рабочая партия».

Если я могу так сказать, что окончательно воодушевило нас по существу и причине назвать себя национал–социалистами – так, вы поймете, многие ужасные вещи представило за время этих трёх месяцев обвинение, но ничего не сказано о национал–социализме - мы были, тогда, осведомлены о факте, что в Германии есть два враждебных лагеря, что в обоих лагерях сражались миллионы достойных немцев; и мы оказались перед лицом такой проблемы, что могло быть приемлемым для обеих этих лагерей с точки зрения национального единства и тем, что мешало пониманию между двумя этими лагерями. Короче, тогда, как и позже мы объясняли стороне пролетариата, что даже если классовый конфликт есть и останется фактором в социальной и политической жизни, вместе с тем, в качестве идеологической основы и постоянной максимы он бы означал вечную разобщенность нации. Направление движения к социальному примирению или какому-нибудь социальному конфликту международным центром являлось вторым решающим препятствием для социального согласия. Однако, в целом, зов социальной справедливости, выдвинутый рабочими, был оправданным, достойным и необходимым. Относительно буржуазии мы верили в то, что смогли бы установить, что в некоторых случаях реакционная каста привилегированных и

338 Пауль Шульце-Наумбург (1869 — 1949) — немецкий архитектор. Один из наиболее ярых критиков архитектурного модернизма. Входил в состав идейно близкой к НСДАП группы «Союз борьбы архитекторов и инженеров»

339 Франц Август Штоке (1833—1892) - немецкий писатель писавший под псевдонимом Jörg von End. Свободомыслящий швейцарский политический деятель и журналист,

340 Георг фон Шёренер (1842-1912) – австрийский землевладелец и политик. Сторонник пангерманизма.

предвзятых кругов работала в ущерб интересам народа, и во–вторых, что представление национальных интересов не должно было быть основано на привилегии отдельных классов; напротив, требование национального единства и достойного представительства являлось правильным отношением с их стороны. Из этого возникли идеи которые Гитлер…

Председатель: Доктор Тома, вы попытаетесь ограничить свидетеля предъявленными против него обвинениями? Обвинения против подсудимых не в том, что они пытались восстановить Германию, а в том что они использовали такую форму восстановления с видом нападения вовне – на расы и нации извне.

Тома: Но, по моему мнению, мы должны посвятить некоторое время ходу мыслей Розенберга, чтобы установить мотивы для его действий, но теперь я спрашиваю его об этом:

Вы сознавали, что эти вопросы социализма и вопросы труда и капитала являлись в действительности международными вопросами? И почему вы боролись против демократии как вопросом международной борьбы?

Додд: Господин председатель, я думаю это продолжение той же линии допроса, и я хочу сказать, что никто в обвинении не предъявлял никаких обвинений против данного подсудимого за то, что он думал. Я думаю все мы, принципиально, возражаем преследованию любого человека за то, что он думает. И я скажу с огромным уважением, что в этом заключается отношение трибунала. Поэтому, мы думаем совершенно не нужно произносить какие угодно мысли какие имел подсудимый по данным вопросам, или чему-то другому, по данной теме.

Тома: По моим сведениям, подсудимого также обвиняют в борьбе с демократией, вот почему мне кажется, что должен поставить ему этот вопрос.

Председатель: Что за вопрос?

Тома: Почему он боролся с демократией – почему национал–социализм и он лично боролись против демократии.

Председатель: Я не думаю, что это имеет какое-нибудь отношение к данному делу. Единственный вопрос использовал ли он национал–социализм для цели осуществления международных правонарушений.

Тома: Господин председатель, национал–социализм как концепцию следует расчленить на составные части. Поскольку обвинение утверждает, что национал–социализм являлся борьбой против демократии, с односторонним уклоном на национализм и милитаризм, ему следует предоставить возможность сказать, почему национал–социализм поддерживал милитаризм, и так ли было на самом деле. Национал–социализм следует проанализировать как концепцию с целью определить её составные части.

Председатель: Чем являлся национал–социализм уже показано трибуналу, и он не оспаривает факт, что фюрер–принцип ввели в Германии. Нет вопроса о том, почему его ввели. Если бы его ввели исключительно для внутренних целей, то в этом бы не

было никакого обвинения. Единственные обвинения в том, что национал–социализм использовали для цели подготовки агрессивной войны и совершения других преступлений, о которых мы услышали.

Тома: По моим сведениям, обвинение в ведении агрессивной войны было выбрано, потому что это была война против демократии основанная на национализме и милитаризме.

Председатель: Демократии вне Германии, не в Германии.

Тома: Тогда я хочу спросить подсудимого, как он ответит на обвинение о том, что национал–социализм проповедовал высшую расу.

Розенберг: Я знаю, что эта проблема основной пункт обвинительного заключения, и я осознаю, что в настоящем, в свете ряда ужасных инцидентов, автоматически делают выводы о прошлом и причине возникновения так называемой расовой науки. Однако, мне кажется, что решающее значение в суждении об этой проблеме знать точно о чем мы ведём речь.

Я никогда не слышал слова «высшая раса» настолько часто, как в этом зале суда. По моим сведениям, я вообще не упоминал и не использовал его ни в каких своих произведениях. Я снова пролистал свои «Произведения и речи» и не нашел этого слова. Я говорил лишь однажды о сверхлюдях как говорил Гомер[341], и я нашел цитату из британского автора, который написал о жизни лорда Китченера[342], сказав, что англичанин, который покорил мир, подтвердил себя как сверхчеловека. Затем я нашел слово «высшая раса» в сочинении американского этнографа, Мэдисона Гранта[343], и французского этнографа Лапужа.

Однако, я хочу признать – и не только признать, но подчеркнуть – что слово «сверхчеловек» привлекло моё внимание в частности во время моей деятельности как министра на Востоке - и очень неприятно – когда использовалось рядом руководителей администрации на Востоке. Возможно, когда мы дойдем до вопроса Востока, я смогу вернуться к этому предмету в подробностях и выскажу, какую позицию я занимал в отношении этих высказываний, которые привлекли моё внимание. Однако, в принципе, я был убежден в том, что этнография, прежде всего, не являлась изобретением национал–социалистического движения, но биологическим открытием, которое было выводом из 400 лет европейских исследований. Законы наследственности открытые в 1860–х, и заново открытые несколькими десятилетиями спустя, позволили нам еще глубже понять историю, нежели многие ранние теории. Соответственно, раса…

Председатель: Доктор Тома, подсудимый возвращается к происхождению взглядов которые он имел. Конечно, все, что нам нужно здесь рассмотреть, - это его

341 Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» (древнейшего памятника европейской литературы) и «Одиссея»

342 Горацио Герберт Китченер(1850 — 1916) — британский военный деятель. Военный министр Великобритании в 1914-1916 гг. Погиб в результате атаки германской подводной лодки.

343 Мэдисон Грант (1865 — 1937) — американский адвокат, евгеник.

выступления в речах и в документах, а также то, как он использовал эти заявления, но не то были ли они 400 лет назад, или что–нибудь в таком роде.

Тома: Подсудимый просто говорит о расовой проблеме и пользуясь возможностью поговорю о так называемой еврейской проблеме как стартовой точке данного вопроса. Я хочу задать подсудимому следующий вопрос: как получилось…

Руденко: Господин председатель, здесь уже мой коллега, господин Додд, указывал на то, что обвинение предъявило подсудимым конкретно совершённые ими преступления: агрессивные войны, совершение злодеяний. Я полагаю, что самым правильным допросом защитника Тома своего подзащитного это будет постановка конкретных вопросов по предъявленным обвинениям, я полагаю, что трибунал совершенно не намерен слушать лекции по вопросам национал–социализма, расовой теории, и прочее.

Тома: Господин председатель, я займусь индивидуальными вопросами позже, но поскольку идеологию и философию нацистов называют здесь преступной, я думаю, подсудимому Розенбергу следует предоставить возможность заявить о своих взглядах.

[*Обращаясь к подсудимому*] Конечно, было бы лучше, и наверное более правильным, господин Розенберг, если бы вы были немного более кратким в некоторых отношениях.

Теперь я хочу задать следующий вопрос: вы верили в то, что так называемая еврейская проблема в Европе могла быть решена, если бы последний еврей покинул европейский континент. Тогда вы заявляли, что было беспредметным будет ли такая программа реализована за 5, 10 или 20 лет. Это было, в конце концов, просто вопросом транспортных возможностей, и в то время, вы думали о том, что целесообразно поставить такой вопрос перед международным комитетом. Как и почему, вы пришли к такому мнению? Я хочу сказать, как, по вашему мнению, высылка последнего еврея из Европы решала проблему?

Розенберг: Для того, чтобы выполнить пожелание трибунала, я не хочу приводить долгое представление своих взглядов как возникших из своего изучения истории – я не только подразумеваю изучение антисемитских произведений, но и самих еврейских историков.

Мне казалось, что после эпохи великодушной эмансипации в ходе национальных движений девятнадцатого века, важная часть еврейской нации также искала свой путь к своим традициям и природе, и всё более и более сознательно отделяла сама себя от остальных наций. Это являлось проблемой, которая обсуждалась на многих международных конгрессах, и в частности Бубер[344], один из духовных лидеров европейского еврейства, заявлял о том, что евреи должны вернуться на землю Азии, так как только там можно найти корни еврейской крови и

---

344 Мартин Бубер (1878 — 1965) — еврейский экзистенциальный философ, теоретик сионизма, также близкий к иудейскому религиозному анархизму. Выходец из Австро-Венгрии.

еврейского национального характера.

Но моё более радикальное отношение в политической сфере было отчасти из моих наблюдений и опыта в России и отчасти моего последующего опыта в Германии, который, казалось, в особенности подтверждал их странности. Я не мог понять, как, в то время как возвращались немецкие солдаты, их приветствовал еврейский университетский профессор, который объяснял, что немецкие солдаты умирали на поле бесчестья. Я не мог понять, что нехватка такта зайдет так далеко. Если бы это была отдельная реакция, можно было сказать, что человек ошибся. Но за время 14 лет, стало видно, что это было именно выражение чёткой враждебной тенденции.

Тома: Господин Розенберг, мне кажется, мы также должны обсудить тот факт, что оппозиция была частично из–за противоречий спровоцированных определенными национал–социалистическими газетными статьями.

Розенберг: Заявления противоположной стороны, как они постоянно появлялись в ходе этих 14 лет, отчасти выходили до восхода национал–социалистического движения. В конце концов, инциденты советской республики в Мюнхене и в Венгрии[345], состоялись задолго до того как национал–социалистическое движение оказалось в состоянии получить влияние.

Тома: Господин Розенберг, что вам следует сказать о таком факте, что в Первую мировую войну 12 000 солдат-евреев погибли на фронте?

Розенберг: Конечно, я всегда сознавал факт, что многие еврейско–германские граждане ассимилировались в немецкой среде, и что во время такого развития возникало много отдельных трагических случаев. Однако, в целом, это не включало всё социальное и политическое движение, поскольку в особенности ведущие газеты так называемых демократических партий признавали рост безработицы в Германии и предлагали, чтобы немцы эмигрировали во французские колонии, в Аргентину, и в Китай. Видные еврейские люди и председатель Демократической партии[346] трижды совершенно открыто предлагали, что ввиду роста безработицы, немцев следует депортировать в Африку и Азию. В конце концов, в течение этих 14 лет столько же немцев изгнали из Польши в Германию сколько было евреев в Германии, и Лига наций не предприняла в пользу меньшинств никаких эффективных шагов против такого нарушения пакта.

Тома: Господин Розенберг, вы являлись руководителем внешнеполитического управления партии. В чём заключалась ваша функция?

Розенберг: Внешнеполитическое управление партии основали в 1933. После прихода к власти, многие иностранцы прибыли в Германию с целью получить информацию о происхождении и характере национал–социалистической партии.

345 Венгерская советская республика — политический режим, существовавший в Венгрии в период с 21 марта 1919 года до 6 августа того же года. Республика просуществовала всего четыре месяца (133 дня).

346 Немецкая демократическая партия — либеральная партия в Германии периода Веймарской республики, участвовавшая в формировании практически всех правительств до 1932 года.

Для того, чтобы создать для партии информационный центр, фюрер поручил мне руководить этим управлением. Как я сказал, задача управления заключалась в том, чтобы принимать иностранцев, которых интересовали эти проблемы, предоставлять им информацию, направлять их в соответствующие партийные и государственные организации, если они были заинтересованы в Трудовом фронте[347], молодежной проблеме, работах по зимней помощи[348], и так далее. Мы также были заинтересованы в предварительной работе над некоторыми первоначальными предложениями, сделанными нам в области внешней торговли, и, если они заслуживали поддержки, в передаче их тем ведомствам правительства, которых это особенно касалось.

Кроме того, мы изучали зарубежную прессу для того, чтобы иметь хорошие архивы для будущей исследовательской работы и политически информировать партийное руководство краткими выдержками из зарубежной прессы. Помимо прочего, меня здесь обвиняют в написании статей для прессы Хёрста[349]. По приглашению концерна Хёрста, я написал пять или шесть статей в 1933 или 1934, но, после встречи с Хёрстом лишь на 20 минут в Наухайме, я снова его не видел. Я только слышал, что концерн Хёрста столкнулся с чрезвычайными сложностями, потому что выразил расположение ко мне, опубликовав мои нелицеприятные заявления.

Тома: Как начальник внешнеполитического управления вы временами предпринимали официальные политические шаги?

Розенберг: В представленных здесь документах, документе номер PS-003, PS-004 и PS-007, обсуждалась и представлялась деятельность внешнеполитического управления; и в отношении этой деятельности я должен дать трибуналу краткий итог и прочитать из своих документов.

Тома: Но я хочу, чтобы вы сказали нам, какие шаги вы предпринимали как начальник внешнеполитического управления для достижения положительного соглашения между европейскими нациями.

Розенберг: Адольф Гитлер созвал встречу в Бамберге, мне кажется в 1927, на которой он заявил, что его внешнеполитическое убеждение заключается в том, что, по крайней мере, некоторые нации не могли бы иметь никакого непосредственного интереса в полном угасании центральной Европы. Под «некоторыми нациями» он подразумевал в частности Англию и Италию. После искреннего согласия с ним, я попытался найти путь к пониманию посредством личных контактов. Я часто общался с офицерами британских воздушных сил из генерального штаба британских воздушных сил. По их приглашению я посещал Лондон в 1931, и тогда

347 «Германский трудовой фронт» (нем. Deutsche Arbeitsfront), DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

348 Зимняя помощь — ежегодная кампания в нацистской Германии по сбору средств на топливо для бедных. Также фонд средств, собранных в помощь бедным и безработным.

349 Уильям Херст (1863 — 1951) — американский медиамагнат, основатель холдинга «Hearst Corporation», ведущий газетный издатель.

имел чисто неформальные беседы с рядом британских личностей.

И когда в 1932, на собрании королевской академии в Риме, обсуждалась тема «Европа», мне предоставили возможность выступить, и я произнёс речь об этой проблеме, в которой я объяснял, что развитие последних веков в основном определялось четырьмя нациями и государствами – а именно: Англией, Францией, Германией и Италией. Я отмечал, что, прежде всего, эти четверо должны определить свои жизненные интересы, чтобы плечом к плечу они защищали бы древний и почтенный европейский континент и его традиции. Я верил в то, что эти четверные национальные корни богатой европейской культуры представляли историческое и политическое наследие. Выдержки из моей речи были опубликованы, и часть из них одобрили для перевести для трибунала.

В последний день конференции, бывший британский посол в Италии, сэр Реннел Родд[350], подошёл ко мне и сказал мне о том, что он только что ушёл от Муссолини, который сказал ему о том, что, я, Розенберг, высказал на конференции самые важные слова.

Тома: Господин Розенберг, пожалуйста, могу я попросить вас, быть более кратким.

Розенберг: В мае 1933 я снова находился в Лондоне, в этот раз по личному приказу Гитлера, и посетил ряд британских министров, чьи имена, здесь не относятся к делу, и снова пытался поощрять понимание внезапного и странного развития в Германии. Мой приём был довольно сдержанным, и случился ряд инцидентов, которые показали, что сантименты развеялись. Но это не удержало меня от сохранения таких личных контактов и от приглашения большому числу британских личностей позже приехать в Германию. В мою задачу не входило так делать.

Председатель: Почему вы не спросите[351] подсудимого, о чём было соглашение? Почему он не расскажет нам, о чём должно было быть соглашение, вместо рассказа об абстрактном соглашении?

Тома: Господин председатель, я задал подсудимому этот вопрос, потому что он предпринимал шаги прийти к взаимопониманию с Англией и работал над этой целью. Подсудимого обвиняют…

Председатель: Но в чём заключалась договорённость?

Тома: Мы касались факта, что подсудимый поехал в Лондон с целью…

Председатель: Я хочу спросить подсудимого. Я не хочу, чтобы вы мне рассказывали.

Тома: Я спросил его господин председатель.

Подсудимого обвиняют в участии в норвежской акции, в том, что он выступал за нарушение норвежского нейтралитета.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, ответьте на вопрос, как вы

350 Реннел Родд (1858-1941) – британский дипломат. Посол Великобритании в Италии в 1908-1919.

351 Вопрос председателя это реакция на предыдущий ответ подсудимого Розенберга, в котором переводчик сказал: «Прийти к соглашению» вместо «добиться понимания». Примечание по IMT, v. XI, стр. 454.

встретили Квислинга[352]?

Розенберг: Я встретил Квислинга в 1933 году, когда он посетил меня, и у нас была двадцатиминутная дискуссия. Впоследствии, мой помощник, который был заинтересован в скандинавской культуре и писал об этом книги, вёл переписку с Квислингом. Прошло 6 лет, прежде чем я снова увидел Квислинга, и я не вмешивался ни в норвежскую политическую ситуацию ни в движение Квислинга до его визита ко мне в июне 1939, когда напряжённость в Европе возросла, и выразил свои опасения о ситуации в Норвегии в случае конфликта. Он сказал, что в таком случае следует опасаться, что Норвегия не способна оставаться нейтральной, и что его родная страна может быть оккупирована с севера советскими войсками и с юга войсками западных держав, и что он с огромным беспокойством смотрел на эти вещи. Мой руководитель штаба составил записку о своих опасениях и затем сообщил о них доктору Ламмерсу, как и полагалось сделать.

Тома: Когда это было?

Розенберг: Это должно было быть в июне 1939. Потом Квислинг просил одного из моих помощников помочь поддержкой германо–норвежскому взаимопониманию и в особенности познакомить его партию с организацией пропаганды нашего партийного движения.

Потом в начале августа, мне кажется, здесь в нашей тренировочной школе находились 25 норвежцев для того, чтобы обучаться такой пропагандистской работе и затем вернуться домой.

Тома: Чему их обучали, и как?

Розенберг: Я их не видел, как и не говорил с ними по-отдельности. Они обучались тому как вести более эффективную пропаганду, и тому как выстроена партийная организация Германии в данной области. Мы пообещали оказать им содействие в данной области.

Внезапно, после начала войны, или незадолго до неё – я не помню точно – Хагелин[353], знакомый Квислинга, прибыл ко мне с опасениями похожими на те, что выражались Квислингом. После начала войны, этот помощник Квислинга докладывал различные подробности о деятельности западных держав в Норвегии. Наконец, в декабре 1939, в Берлин прибыл Квислинг с заявлением о том, что на основании точной информации, он знал о том, что норвежское правительство теперь только казалось нейтральным, и что в действительности было практически согласовано, что Норвегия откажется от своего нейтралитета. Квислинг сам раньше был военным министром Норвегии и поэтому, он должен был иметь точные сведения о таких вещах.

---

352 Видкун Квислинг (1887 - 1945) — норвежский политический и государственный деятель, коллаборационист, национал-социалист, активно сотрудничал с Германией в период Второй мировой войны. Министр-президент Норвегии в 1942-1945 гг. Казнён по приговору норвежского суда.

353 Альберт Хагелин (1881-1946) – норвежский предприниматель и оперный певец. Министр внутренних дел Норвегии во время оккупационного режима. Казнен по приговору норвежского суда.

Согласно своему долгу, как немецкого гражданина, я рекомендовал, чтобы фюрер выслушал Квислинга. Фюрер потом дважды принимал Квислинга, и в это же время Квислинг, со своим помощником Хагелином, посетил штаб флота и предоставил им такую же информацию. Я сразу говорил с Рёдером после этого, и он также рекомендовал фюреру заслушать доклад Квислинга.

Тома: Значит, вы лично передавали только те доклады, которые вам представил Квислинг?

Розенберг: Да, я хотел бы подчеркнуть, что хотя Квислинг посещал меня, я не участвовал в этом вопрос - я не участвовал в этих политических делах 6 лет. Естественно, я должен был считать своим долгом передавать фюреру доклады, которые, если они были верны, являлись огромной военной угрозой Германии, и также делая записи, и докладывая фюреру, о таких вещах о которых Квислинг рассказывал мне устно – а именно, своём плане добиться политической перемены в Норвегии и затем попросить у Германии поддержки. В то время – я не знаю, такое развитие описано в таких документах обвинения словами, которые более точно выражают его, чем я могу его подытожить. В документе номер PS-004, мой руководитель штаба подготовил короткую сводку об этом 1 ½ или 2 месяца спустя после норвежской операции.

Тома: Данный документ – я хочу обратить внимание трибунала в особенности на этот документ – был составлен непосредственно после норвежской операции, по свежим впечатлениям от её успеха, и он описывает меры, которые однозначно предпринимались. Он четко заявляет, что Квислинг был зачинщиком, что он внезапно оказался в Любеке и сделал доклады, что он просил о том, чтобы его людей готовили дальше, и что он возвращался снова и снова и всегда информировал **Розенберг**а о новом развитии в Норвегии.

Председатель: На какой документ вы ссылаетесь?

Тома: Документ номер PS-004, экземпляр GB–140. Что в документальной книге 2, страница 113.

Председатель: Документальная книга не пронумерована и без страниц?

Тома: Господин председатель, мне кажется номера внизу.

Председатель: На какую книгу вы ссылаетесь?

Тома: Моя документальная книга номер 2, страница 113, документальная книга Альфред Розенберг, страница 113, том II. Это на странице 72 английского перевода.

Председатель: Итак, тогда, в чем ваш вопрос?

Тома: Я хочу отметить, что на странице 1 сказано: «Перед собранием Нордического общества[354] в Любеке, Квислинг находился в Берлине, где его принял Розенберг».

Как показано в документе номер PS-007 это было в июне 1939. Затем на следующей странице, сказано, что в августе курсом был Берлин–Далем. Далее

---

354 Нордическое общество – культурная организация созданная в 1921 году в целях укрепления германо-нордическихсвязей. С 1933 находилось под контролем НСДАП. Официально распущено в 1956.

говорится, что в декабре 1939 Квислинг вновь появился в Берлине по собственной инициативе и сделал свои доклады – это было 14–го и 15–го декабря – и Розенберг, выполняя свой долг, передал фюреру те доклады, которые Квислинг сделал ему. Однако, в этом вопросе он не делал ничего помимо этого. Параллельно с этим, и совершенно независимо друг от друга, такие же доклады получил Рёдер.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам есть, что добавить к документу номер PS-004?

Розенберг: Да. Пожалуйста, дайте мне документ.

[*Документ передали подсудимому*]

Розенберг: На странице пятой этого документа номер PS-004, сказано, что Хагелин, помощник Квислинга, который вращался в норвежских правительственных кругах и который получал приказы от норвежского правительства о закупке вооружений в Германии, например, после инцидента с «Altmark[355]» – то есть, когда немецкое судно обстреляли в норвежских территориальных водах – слышал от норвежских депутатов в Стортинге[356], о том, что норвежское сдержанное отношение было явно подготовленным делом. Далее в середине страницы 7:

> «20 марта по поводу своего участия в переговорах относительно немецких поставок противовоздушной артиллерии, он сделал подробный доклад о непрекращающейся, с разрешения правительства Нюгорсволда[357] деятельности союзников в Норвегии. Согласно его докладу, союзники уже проинспектировали норвежские города с гаванями, для высадки и транспортных нужд. Французский командир, Кермарек который отдал приказы об этом» - между тем, я также запомнил имя произнесённое как Каррамак, или нечто похожее – «в конфиденциальной беседе с полковником Сундло[358], командиром из Нарвика, который также являлся последователем Квислинга, проинформировал полковника о намерении союзников высадить механизированные войска в Ставангере, Тронхейме и возможно также в Киркинесе, и занять аэропорт Сола возле Ставангера».
>
> Немного дальше он говорит, я цитирую:
>
> «В своём докладе от 26 марта он» - то есть Хагелин – «еще раз

355 «Альтмарк» — танкер, вспомогательное судно крейсера кригсмарине «Адмирал граф Шпее», подвергшееся в 1940 году абордажу со стороны британского корабля в территориальных водах нейтральной Норвегии с целью освобождения пленных. Спущен на воду в 1937. Потоплен 30 ноября 1942.
356 Стортинг (норв. Stortinget, букв. «Большое собрание») — парламент Норвегии.
357 Йохан Нюгорсвольд (1879 — 1952) — норвежский политик, член Норвежской Рабочей партии. Премьер-министр Норвегии с 1935 по 1945 годы (с 1940 по 1945 год находился в изгнании в Лондоне), руководил своим кабинетом министров.
358 Конрад Сундло (1881-1965) – норвежский офицер и политик. Норвежским судом был приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

> отметил, что речь норвежского министра иностранных дел Кута[359], касавшаяся норвежского нейтралитета и его протестов, не приняли всерьез ни англичане в Лондоне, ни норвежцы в Норвегии, поскольку было хорошо известно, что правительство не имело никакого серьезного намерения выступать против Англии».

Тома: Об этом вам докладывал Квислинг?

Розенберг: Да, это были доклады, которые Квислинг проинструктировал сделать Хагелину. Я хочу ещё добавить, что, спустя некоторое время после приёма Квислинга фюрером, он рассказал мне, что он проинструктировал ОКВ рассмотреть это дело с военной точки зрения, и попросил меня больше ни с кем не говорить по этому вопросу. В этой связи, я хочу также отметить, что – как видно из доклада в документе номер PS-004 – фюрер подчеркивал, что он хотел любой ценой сохранить весь скандинавский север нейтральным, и изменил бы своё отношение, только если бы нейтралитету угрожали другие державы.

Позднее фюрер приказал моему помощнику поддерживать связи с Квислингом в Осло, и он получил определенную сумму от министерства иностранных дел на поддержку дружественной Германии пропаганды и для противодействия другой пропаганде. Он также вернулся в Германию с докладами о мнениях Квислинга. Позднее я слышал – и это было совершенно понятно – что этот помощник, который был тогда солдатом, также получал доклады военной разведки, что он раскрыл мне после норвежской операции.

Тома: Пожалуйста, будьте более кратким, господин Розенберг.

Розенберг: Фюрер не проинформировал меня о своём окончательном решении, или о том на самом ли деле он решил провести операцию. Обо всей операции от 9 ноября я узнал из газет и потом нанёс визит фюреру в тот же день. Несколько недель спустя, фюрер вызвал меня и сказал, что он вынужден был принять такое решение на основе конкретных предупреждений, которые он получил, и обнаруженных документов, которые подтверждали то, что эти предупреждения правильные. Он сказал, что, было правдой, письмо о том, что когда последние германские корабли прибыли во фьорд Тронхейма, мне кажется, они уже столкнулись с первыми приближавшимися британскими судами.

Тома: В этой связи у меня остался всего один вопрос: Гитлер когда–либо звал вас присутствовать на внешнеполитическом или военном совещании как начальника внешнеполитического управления партии?

Розенберг: Фюрер строго различал между официальной внешней политикой и политикой следующей насчет инициативы или предложения, которые были обращены ко мне извне. Мне кажется, все документы показывают, что он никогда не просил меня участвовать в каком–нибудь совещании, касавшемся внешней

---

359 Хальвдан Кут (1873 — 1965) — норвежский историк, биограф, политический деятель. В 1929—1937 годах депутат парламента, министр иностранных дел в марте 1935 — декабре 1940 года.

политики или военных приготовлений.

Тома: То есть, вас никогда не вызывали для участия в операциях против Австрии, Чехословакии, Польши, России, и т. д.?

Мне кажется, господин председатель, что это подходящее время для отложения.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 16 апреля 1946*]

День сто девятый

Вторник, 16 апреля 1946

Утреннее заседание

Тома: Господин Розенберг, фюрер официально назначил вас следить за всей интеллектуальным и идеологическим воспитанием НСДАП и всех её афиллированных организаций. Вы в какой–нибудь степени в таком качестве оказывали влияние на национальное законотворчество?

Розенберг: Фюрер однажды побеседовал со мною в связи с этим и объяснял мне, что в руководстве крупным движением и государством следует учитывать три фактора. Есть, например, люди, которые по своей природе чувствуют, что они должны фундаментально заниматься возникающими проблемами через созерцание и затем лекции; затем есть руководство – то есть, он сам – который должен выбирать то, что показывает способы реализации; и наконец, есть такие люди, которые имеют задачу путем кропотливой работы воплощать выбранные проблемы на практике в социальной, политической, и экономической сферах.

Таким образом, он изначально понимал мою задачу, и он доверил мне надзор за подготовкой с намерением ожидать от меня конструктивного отношения, по причине моего знания движения. Исполнительная и законодательная власти находились в руках соответствующих министерств – то есть, министерства образования и рейхсминистерства пропаганды – и общее представление партии находилось в руках партийной канцелярии. Партийная канцелярия иногда просила меня определить мою позицию в отношении того или иного вопроса, но не была обязана учитывать мои взгляды.

Тома: Господин Розенберг, вы имели какое–нибудь влияние на национал–социалистическую школьную политику?

Розенберг: Я не имел никакого прямого влияния на школьную политику. Школьная система была делом рейхсминистерства образования – саму внутреннюю организацию школ не следует путать с партийной подготовкой – и организацией университетов, задача министерства касалась данной проблемы.

Тома: Существовали национал–социалистические образовательные учреждения. Вы можете сказать мне какого рода учреждениями они являлись, и какой была ваша функция в связи с этим?

Розенберг: Так называемые национал–социалистические образовательные учреждения являлись специальными органами под руководством и управлением министерства образования и рейхсфюрера СС Гиммлера, для цели подготовки исключительно дисциплинированного класса, и инспекции этих образовательных учреждений находились в руках командированного к министерству образования специального фюрера СС.

Тома: Господин Розенберг, вас также обвиняют в религиозном преследовании, в особенности как оно находит выражение в вашем «Мифе двадцатого века». Вы признаете, что иногда вы были немного слишком суровым в отношении церкви?

Розенберг: Конечно, я допущу то, что касалось исторически обоснованных верований, я произносил суровые личные суждения. В связи с этим, я хотел бы подчеркнуть, что во введении к своей книге я описал её как работу, связанную с личными мнениями; во–вторых, что эта книга не была направлена против религиозных элементов общества, как это показано в цитате на странице 125 документальной книги, части I; и в–третьих, что я отвергал политику выхода из церкви, как можно видеть в документальной книге, часть I, страница 122, и также отвергал политическое вмешательство государства в чисто религиозные верования, что также ясно выражено в этой книге. Далее, я отвергал многие предложения перевести мою книгу на иностранные языки. Только однажды мне представили японский перевод, хотя я не могу вспомить, чтобы давал своё одобрение на перевод.
Тома: Господин Розенберг, вы не были подготовлены в теологических вопросах. Вам не казалось, что в некоторых суждениях по теологическим вопросам вы ошибаетесь?
Розенберг: Я, естественно никогда не полагал, что эта книга, которая рассматривала многие проблемы, не содержит ошибок. Я был должен, в некоторой степени, благодарить поступавшую критику, и я вносил определенные исправления, но некоторые нападки я не мог считать оправданными, и я думал, что позднее я бы точно тщательно пересмотрел эту работу – которая конечно тоже содержала политические комментарии.
Тома: Когда–нибудь в любое время вы использовали меры государственной полиции против своих противников в теологии и науке?
Розенберг: Нет. Я хочу здесь заявить, что эта работа была опубликована за 2 ½ года до прихода к власти, и что она естественно была открыта для критики со всех сторон, но что основная критика появилась после прихода к власти. Я ответил на эти нападки двумя брошюрами, но я никогда не использовал полицию для подавления этих нападок или преследования авторов этих нападок.
Тома: Господин Розенберг, в РСХА было ведомство для преследования «политических» церквей. У вас была какая–нибудь связь с этим ведомством?
Розенберг: Я знаю только о том, что мой коллега находился в контакте со многими партийными ведомствами по вопросам политики, и конечно находился также на связи с СС. От него я получал много циркулярных писем церковных властей; пасторские письма, циркулярные письма Фульдского совещания епископов, и многих других. Никакие аресты церковных руководителей в моё внимание не попадали – хотя конечно позднее, я выяснил, что во время войны многие монастыри были конфискованы, будто бы по государственно-политическим причинам – и таким образом я никогда не мог выяснить в подробности связанные политические мотивы.

Я должен сказать, что в 1935 епископ послал официальное письмо, административному руководителю своей провинции, попросив его запретить мне

произносить речи в этом городе. Это, разумеется, было бесполезно; однако этому церковному деятелю не причинил вред ни я, ни от кто-то ещё.

Тома: Каким было ваше отношение к церквям находившимся в досягаемости министерства восточных территорий?

Розенберг: После вступления германских войск на восточные территории, Вермахт сам по себе разрешил практики религиозных культов; когда меня сделали министром Востока, я законно санкционировал эту практику, приняв специальный указ о «церковной терпимости» в конце декабря 1941.

Тома: Обвинение представило ряд документов – почти все из них письма руководителя партийной канцелярии – в поддержку своего утверждения о религиозном преследовании. Я хочу, узнать о вашем отношении к этим документам, которые представлены под номерами 107, 116, 122, 129, 101; USA–107, USA–351; USA–685…

Председатель: Доктор Тома, вы слишком быстро для нас перечислили эти номера. PS-107, вы имели в виду?

Тома: Да.

Председатель: Будьте добры говорить PS, если вы имеете в виду PS?

Тома: Да, я добавлю номера экземпляров USA–107, USA-351…

Председатель: Что же, мне скорее нужен номер PS. Если вы приведете мне номера PS, или какие угодно номера, как части номера экземпляра: PS-107, PS-116…

Тома: Да, документы PS-116, PS-122, PS-129, PS-1015, PS-100, PS-089, PS-064, PS-098, PS-072, PS-070.

Розенберг: Документ номер PS-107 был представлен обвинением как доказательство преследования церквей. Это было циркулярное письмо, разосланное партийной канцелярией и написанное начальником Трудовой службы Рейха[360]. В данном циркуляре, на странице 1, указывалось, что конфессиональные дискуссии должны были быть запрещены внутри Трудовой службы Рейха. Мне кажется, это было сделано для того, чтобы именно в Трудовой службе Рейха, куда принимали молодых людей всех классов и происхождения, избегать конфессиональных и религиозных споров.

На странице 2 сказано:

> «Таким же образом, каким Трудовой службы Рейха не касаются запреты для своих отдельных членов проводить церковные свадьбы или похороны, таким же образом Трудовая служба Рейха должна всеми средствами избегать принимать участие, как организация, в церковных церемониях, которые исключают немцев других верований»

Я считал данное распоряжение как строжайшее соблюдение религиозной

360 Трудовая служба Рейха (нем. Reichsarbeitsdienst, RAD) — национал-социалистическая организация, существовавшая в Третьем рейхе в 1933—1945 годах. С июня 1935 года каждый немецкий юноша должен был проходить шестимесячную трудовую повинность, предшествовавшую военной службе.

свободы; так как это означало, что протестантские верующие не могли быть принуждены присутствовать на католических службах и наоборот; кроме того, что людей, которые возможно не принадлежали ни к одной религиозной конфессии не могли, по приказу своей организации, заставить присутствовать на службах той или иной конфессии. Поэтому, я не вижу, чтобы в этом случае мы касались религиозного преследования.

Документ номер PS-116 сам по себе касается письма от руководителя рейхсканцелярии направленном министру науки и образования Рейха и датированному 24 января 1939. Этот документ был представлен мне для сведения – я подчеркиваю «для сведения» Он ссылается на переписку между партийной канцелярией и министерством, относительно сокращения теологических факультетов, в котором подчёркивалось, что условия конкордатов[361] и церковных соглашений, нужно было принимать во внимание; во–вторых, что было необходимо методично реорганизовать всю систему высшего образования путём объединения и единообразия; и наконец, оно заявляет, что вновь созданные области исследований, такие как расовые исследования и археологию, также следовало принимать во внимание.

Я не могу понять почему, спустя 6 лет после национал–социалистической революции, новые области специализации в научных исследованиях не должны были учитываться в бюджете. Я лично был заинтересован в том, чтобы предметы аграрной социологии и ранней истории Германии получили надлежащее рассмотрение, особенно в отношении германской интеллектуальной и духовной истории.

То же самое относится к документу номер PS-122, также датированному апрелем 1939, о котором мне нет необходимости вдаваться в подробности. Он излагает похожие взгляды министра науки, образования и народной культуры, говорящего о том сколько теологических факультетов он считал необходимым сохранить.

Документ PS-129 письмо рейхсминистра церквей известному немецкому писателю доктору Штапелю[362], который особенно интересовался религиозной реформой. В этом письме, рейхсминистр церквей выражал взгляд, что должна поощряться общая конфессия, которая в частности утвердит национал–социалистическое государство, и в то же время, сможет пользоваться и рассчитывать на поддержку рейхсминистра церквей.

На предварительном допросе, мне представили мое письмо, написанное в партийную канцелярию, относительно данного вопроса, в котором я по принципиальной причине высказывался против созыва такого церковного съезда

361 Конкордат — по канонической терминологии договор между папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом;
362 Вильгельм Штапель (1882-1954) – немецкий нацистский публицист.

рейхсминистром церквей, потому что национал–социалистический министр церквей не имел функции присоединяться к религиозной конфессии, которой он непосредственно руководит, даже если и без объявления или только напоказ. Именно такая точка зрения предоставила основу для многих упрёков в мой адрес. Если, в дополнение к опубликованию своего личного мнения, я имел бы намерение поощрять или возглавить религиозную группу, тогда бы я должен был отказаться от всех своих функций, ведомств и партийной деятельности. Это следовало из точки зрения, которой я придерживался. Министр церквей, как национал–социалистический министр, по моему мнению, был обязан не продвигать религию, которой он симпатизировал, но быть независимым от всех религиозных конфессий.

Документ PS-101 письмо от начальника партийной канцелярии – тогда ещё начальника штаба заместителя фюрера – в котором заявлен протест тому, что многие конфессиональные произведения приводят к ухудшению сопротивления войск; и он предложил, что было бы лучше, чтобы мое ведомство издавало такие публикации. Здесь не представили мой ответ на него – не показали мне. Моё мнение всегда заключалось в том, что, будучи партийным ведомством, не для меня было писать религиозные трактаты, но что, конечно, это можно было оставить на каждого отдельного человека – если кто имел сказать, что-то важное, излагать это в письменном виде как делали другие.

Документ PS–100 это упрёк от бывшего начальника штаба заместителя фюрера, Бормана о том, что я заявил в присутствии фюрера, что протестантский епископ Рейха, Мюллер[363], написал очень хорошую книгу для немецких солдат. Рейхсляйтер Борман сказал, что эта книга Мюллера не показалась ему подходящей, прежде всего, под ней маскировалась конфессиональная пропаганда. Мне не кажется, что упрёк направленный на меня за незамедлительное одобрение епископа Рейха Мюллера выразившего своё мнение правильным образом – и естественно в соответствии со его ходом мысли – можно изобразить как религиозное преследование.

Документ PS-089 - письмо Бормана, которое отправлено мне для сведения, в котором он сказал мне, что он предложил рейхсляйтеру Аманну[364], чтобы, из–за общего дефицита бумаги, религиозные произведения, которые сократили только на 10 процентов, должны были сокращать дальше. Я не знал, в какой степени тогда предпринималось сокращение всех журналов. Я могу лишь заявить, что во время войны даже семь журналов об искусстве, музыке, фольклоре, немецкой драматургии, и т. д., которые издавало моё ведомство, постоянно сокращались и ужимались вместе с остальными журналами Германского Рейха.

---

363 Людвиг Мюллер (1883 — 1945) — германский религиозный деятель: первоначально один из лидеров Немецких христиан, затем — епископ церкви Рейха. Покончил жизнь самоубийством.

364 Макс Аманн (1891 — 1957) — партийный деятель НСДАП, имперский руководитель печати, рейхсляйтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1936 года). Немецким судом был приговорён к 10 годам трудового лагеря.

Документ PS-064 - письмо главы партийной канцелярии, в котором меня информировали о письме гауляйтера ссылавшегося на брошюру генерала фон Рабенау[365], «Дух и душа солдата». Этот гауляйтер с очень сектантской точки зрения критиковал генерала фон Рабенау, и протестовал против тому, что этот трактат появился в серии брошюр опубликованных партией. В связи с этим я хочу сказать, что этот трактат генерала фон Рабенау вышёл в серии опубликованной моим партийным ведомством и что я лично прочитал эту брошюру заранее и предоставил ему возможность озвучить его мнение в этой серии, которая содержала много политических трактатов общеисторического характера. Я не отозвал брошюру.

Документ PS-098 содержит новые упрёки против меня от начальника партийной канцелярии. Он сказал, что епископ Рейха Мюллер пожаловался на то, что он имел от меня указания о разработке основных принципов организации религиозных инструкций в школе.

Борман долго излагает, что задачей партии не является принимать участие в реформаторских мерах в отношении религиозных инструкций в школах. На это я хочу сказать следующее. Я вообще не мог давать никаких инструкций епископу Рейха Мюллеру по данной теме. Вместе с тем, епископ Рейха посетил меня по двум поводам, и по одному поводу он сказал мне, практически со слезами на глазах, что он не получает подходящего отклика на свою работу. Я сказал ему: «Ваше преосвященство, как военный пастор вы просто не очень хорошо знакомы публике. Будет весьма кстати, если вы напишите подробную работу, излагающую ваши взгляды и ваши задачи для того, чтобы различные группы евангелической церкви могли узнать о ваших идеях, и таким образом вы можете заставить ощущать своё влияние таким способом каким захотите». Епископ Рейха положительно высказался об этом, и возможно сделал несколько дополнительных замечаний. Мне не кажется, что обвинение сделанное здесь Борманом также может быть истолковано как преследование церкви.

Документ PS-075 - специальное циркулярное письмо от начальника партийной канцелярии, излагающее его личные взгляды на отношение национал–социализма к христианству. Как я хорошо помню, этот документ касается следующего: однажды я услышал, что Борман отправил письмо такого содержания некому гауляйтеру и также копии всем гауляйтерам. Я попросил его дать мне знать об этом. После долгой отсрочки я, наконец, получил это циркулярное письмо. Как партийный циркуляр, я считал его неподходящим по форме и содержанию. Я написал Борману – и мне кажется моё письмо, отправленное ему, должно быть найдено в моих записях о том, что я не считаю его подобное циркулярное письмо, подходящим или правильным и добавил, от руки, чтобы он воспринимал это более серьезно и что, по моему мнению, фюрер не одобрил бы подобное циркулярное

365 Фридрих фон Рабенау (1884-1945) – немецкий генерал. Теолог и публицист. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

письмо. Позже я лично поговорил об этом с Борманом и сказал ему, что каждый из нас имел право определить свою позицию по проблеме, но официальные партийные циркуляры – и в особенности в такой форме – по моему мнению, были невозможны. После этой беседы, Борман был сильно смущен и – как я случайно слышал от моего со-подсудимого Шираха – это циркулярное письмо, согласно ему, отменили и признали недействительным. Однако, я не могу сделать об этом никакого заявления.

Тома: Господин председатель, я хочу обратить внимание на факт, что я привел номер документа PS-075 к этому документу, но в действительности он должен быть документом D–75.

Розенберг: Документ PS-072 - письмо от Бормана со ссылкой на вопрос обследования монастырских библиотек конфискованных государством. Мне не говорили о политических причинах, связанных с каждым делом, но я слышал, что полиция требовала дополнительных прав проводить расследования о такого рода вещах. Это была проблема, которая в те годы привела меня к конфликту с Гиммлером. Я считал совершенно невозможным, чтобы такое расследование проводили под контролем полиции, и это мотивировало меня, как видно из документа PS-071, встать в оппозицию Борману в данном вопросе.

Документ PS-072 приводит ответ Бормана мне, в котором он указывает, что Гейдрих абсолютно настаивал на продолжении таких поисков и сказал – я цитирую: «Научное опровержение антагонистической философии можно вести после предварительной полицейской и политической подготовки». Я считал такое отношение абсолютно негодным и протестовал этому.

Здесь есть важные комментарии, которые я должен был делать на этих многочисленных документах. Я отказался написать официальный партийный трактат религиозного подобия или иметь катехизисы написанными моими партийными ведомствами. Я всегда стремился принимать то, что я считал национал–социалистическим отношением не рассматривая своё ведомство «духовной» полицейской силой; но оставался тот факт, что фюрер поручил Борману официальное представление партийного отношения к церкви.

Мой ответ на все эти письма отсутствует, и я не вспоминаю, отвечал ли я на что-то, или давал эти ответы Борману устно на совещаниях. Но, несмотря на тот факт, что все эти ответы отсутствуют, обвинение заявляет, что мы оба, то есть Борман и я, издавали распоряжения о религиозном преследовании и вводили в заблуждение остальных немцев для участия в таких религиозных преследованиях.

Я хочу подытожить и принципиально заявить, что эта решающая тысячелетняя проблема отношений между светской и церковной властью, и что многие государства принимали меры, против которых всегда протестовали церкви. Когда в современное время мы посмотрим на законы Французской республики при министерстве Комба[366], и когда мы посмотрим на правовую систему Советского

366 Луи Эмиль Комб (1835 — 1921) — французский государственный и политический деятель; масон.

Союза, мы увидим, что обе поддерживают официально поощряемую атеистическую пропаганду в трактатах, газетах и карикатурах.

Последнее, я хочу сказать, что национал–социалистическое государство во всех случаях, насколько я знаю, предоставляло церквям более чем 700 миллионов марок ежегодно из налоговых поступлений для поддержания их организационной работы, до самого конца.

Тома: Свидетель, начальник партийной канцелярии Борман, с течением времени, встретил в вас еще более острую оппозицию. Причина этому, как можно сказать, враждебность между вами и Борманом в том факте, что в церковных делах вы были более терпимы, чем сам Борман?

Розенберг: Сложно сказать, какие причины играли здесь роль. То, что враждебность была настолько глубокой, как окончательно оказалось, особенно касаясь восточных проблем, я осознал позже, гораздо позже. Я, конечно, совершенно признаю, что в широком движении могут существовать многие темпераменты и многие взгляды, и я не исключал для себя недостатков и ошибок, которые могли критиковать остальные. Я не верил, что разногласия во мнениях могли привести к враждебности таких размеров, что это бы в результате подрывало официальное положение оппонента.

Тома: Религиозные службы в Третьем Рейхе, регулярные воскресные службы, и тому подобное каким-то образом ограничивались?

Розенберг: Я не могу вам сейчас сказать. Насколько я знаю, религиозные службы до конца никогда не запрещались по всей Германии.

Тома: Теперь я перехожу к айнзацштабу. Я вручаю вам документ PS-101 (экземпляр номер USA–385) в котором подытожены существенные вопросы, и я отсылаю вас в частности к документу номер FA–1. Как состоялось создание айнзацштаба Розенберг?

Розенберг: Обвинение утверждает, что речь идет о преднамеренном плане разграбления культурных сокровищ других государств. На самом деле правдой было следующее: мы имели дело с невиданной ситуацией. Мой коллега сопровождал делегацию прессы, когда германские войска вступали в Париж, и заметил что практически все парижане вернулись за исключением еврейского населения, а значит все организации и учреждения в этой категории собственности остались заброшенными, как и квартиры и усадьбы ведущих личностей, то есть, бесхозными. Он предложил, чтобы следовало провести обследование имущества, архивов и переписки. Я доложил вопрос фюреру и спросил, одобряет ли он осуществление такого предложения.

Моё письмо фюреру представили мне во время предварительного допроса, но обвинение не представило трибуналу. Таким образом, при том, что документальное подтверждение причины всей акции на руках, обвинение все еще поддерживает обвинение в преднамеренном плане.

Приказ фюрера приняли в начале июля 1940 и поскольку большое число

предметов искусства, в дополнение к архивам, находилось под угрозой во многих усадьбах, сохранение и перевозка этих предметов искусства в Германский Рейх была приказана фюрером.

Тома: Вам что–нибудь известно, о том в какие правовые процедуры верил Гитлер принимая эти меры?

Розенберг: Да, и я бы хотел признать…

Председатель: Минуточку. Я не понимаю, что вы говорите. Вы говорите, что вы внесли предложение фюреру, и что есть доказательство вашему письму с таким предложением и, что обвинение скрывает такое доказательство? Вы это говорите? Вы ответите на вопрос? Вы предполагаете, что оно скрывает доказательство вашего предложения сделанного фюреру по схеме изъятия еврейского имущества из Франции?

Розенберг: Нет, я не желаю сказать, скрывает, но только говорю, что его не приобщили, при том, что его показывали мне не предварительных слушаниях.

Тома: Господин председатель, могу я добавить несколько деталей. Я хочу отметить, что я непрерывно указывал в своих обращениях о том, чтобы письмо было доступно, поскольку его предъявляли подсудимому Розенбергу на предварительных слушаниях.

Председатель: Вы заявляли какие–нибудь ходатайства о представлении документа?

Тома: Да, господин председатель.

Председатель: Когда?

Тома: Я непрерывно обращал внимание на этот документ – о приобщении документа.

Председатель: Что же, трибунал совершенно не осведомлен об отклонении такого запроса. Позвольте мне взглянуть на письменный запрос.

Тома: Да.

Председатель: Это наверное не вопрос очень большой важности. Я лишь хотел узнать, о чем говорит свидетель.

Тома: Господин председатель, я направлю из своего дела.

Председатель: Очень хорошо, теперь вы можете продолжать.

Розенберг: Конечно, было ясно, что мы столкнулись с необычной проблемой, и именно по этой причине я не разговаривал с военной администрацией, но прямо пошёл к фюреру, чтобы получить его мнение. Но мне кажется, можно сам по себе понять факт, что мы были заинтересованы начать исторические исследования относительно степени, в которой, в течение недавних лет или десятилетий, различные организации принимали участие в деятельности, которая здесь обсуждается как разрушение мира; во–вторых, сколько видных лиц, индивидуально принимали участие в этом; и в-третьих, я запомнил, что многие художественные работы, которые в прошлые времена вывезли из Германии не возвращались в

Германию многие десятилетия, несмотря на соглашение 1815[367].

Наконец, я думал о мере, которую с 1914 по 1918 признавали союзники как не противоречившую Гаагской конвенции[368]. В тот период немецкие граждане определенной категории – они являлись расовыми немцами за рубежом, в иностранных государствах, также на оккупированной немецкой территории – то есть, в колониях – у них конфисковали имущество и позже отобрали без компенсации в степени равной 25 миллиардам рейхсмарок. В мире, продиктованном Версалем, Германия кроме этого была обязана обеспечить безопасность этих лишенных имущества немцев и создать специальный фонд.

Главный французский обвинитель объявил на суде, что Версальский договор был основан на Гаагской конвенции. Поэтому, я пришел к выводу, что такая мера против самой заметной категории граждан в разгар непредвиденных военных мер, при всем уважение к частной и общественной собственности, в противном случае казалась оправданной.

Во время предварительных слушаний, меня также спросили о правовых гипотезах и я начал указывать на них, но меня прервали с замечанием, о том, что нас не касается данная проблема. Протокол этого допроса, который представляло французское обвинение, содержит замечание о том, что я предположительно сказал…

Председатель: Нас не касаются допросы до приобщения допросов в качестве доказательств. Эти допросы еще не приобщали в качестве доказательств. Вы сможете дать по ним свои пояснения, если они будут предъявлены вам во время перекрестного допроса.

Розенберг: Господин председатель, этот документ упоминали здесь в документальной книге, и можно найти немецкий перевод, хотя и не совсем дословный, во французских материалах.

Тома: Господин председатель, подсудимый лишь желает сказать, что с начала он указывал на то, что Версальский договор, статья 279, являлась авторитетной, что он ничего позднее не придумывал.

Председатель: Доктор Тома, все, на что я указал ему, заключалось в том, что различные допросы, которые состоялись, не приобщали в качестве доказательств. Конечно, если он ссылается на допросы, которые приобщили в качестве доказательств – но он ссылается?

Тома: Да, это FA–16[369] (Документ номер L–188). Который приобщали, господин председатель.

Розенберг: Вот о чём я говорю. Его представили. Но этот допрос был…

Председатель: Секундочку. Если он ссылается на допрос, который приобщили в

367 Возможно имеется в виду Парижский мирный договор 1815 завершивший Наполеоновские войны.

368 На первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включённые в комплекс норм международного гуманитарного права.

369 Документ FA–16 (Документ номер L–188) не существует – примечание IMT, v. XXIV, стр. 774

качестве доказательства, у него должен быть номер экземпляра.

Тома: Этот допрос в документальной книге, и он известен как документ FA–16.

Председатель: Если он ссылается на экземпляр, без сомнения он может это сделать.

Розенберг: Я только хочу разъяснить кое–какую ошибку в переводе. Я не сказал: «Да, это правда, я помню, что такая мера предпринималась», но я сказал: «Я обдумывал это», то есть, я обдумывал это раньше, не в момент, когда меня спрашивали. Я увидел это, только когда получил перевод, который я до этого не видел.

Что касается документа PS-1015, для того, чтобы не затягивать суд слишком долго, я хочу отметить пару вещей – а именно, что в рабочем докладе 1940–44, на странице 2, сказано, что происхождение не подлежит сомнению, и на странице 3 мы видим, что проведение инвентаризации осуществлялось добросовестным способом на основании научного каталога, что была создана реставрационная мастерская для того, чтобы гарантировать их прибытие в точку назначения в хорошем состоянии.

Наконец я хочу добавить несколько слов, потому что они кажутся мне важными в виду обвинений советского обвинения относящихся к обращению айнзацштаба с культурными ценностями на бывших оккупированных восточных территориях. В конце рабочего доклада, там сказано под заголовком «Работа в восточных регионах» - я цитирую:

> «Деятельность специального айнзацштаба «Пластическое искусство» ограничилось на оккупированных восточных территориях научной и фотографической фиксацией общественных коллекций, их сохранением и уход во взаимодействии с военными и гражданскими ведомствами. Во время эвакуации района, несколько сотен самых ценных русских икон, несколько сотен русских картин восемнадцатого и девятнадцатого веков, отдельные предметы мебели и домашней утвари…были восстановлены и доставлены в Рейх на сохранение».

Я только хотел этим отметить, что айнзацштаб на Востоке не перевозил в Рейх никакие советские культурные и художественные ценности, но только доставил их в безопасность – как можно видеть из следующих документов, когда эвакуировались районы которым непосредственного угрожали операции – сначала в тыловые районы, затем дальше и частично в Рейх.

Из того же самого документа, я хочу отметить письмо от 5 июля 1942 от рейхсминистру и начальнику рейхсканцелярии. Я сошлюсь на обвинение польского правительства о том, что весь вывоз предметов искусства и музейных экспонатов был сконцентрирован в айнзацштабе или ведомстве Розенберга в Берлине. Я снова вернусь к этим польским обвинениям. Я лишь хочу указать на параграф в письме доктора Ламмерса, который говорит, что фюрер распорядился о том, чтобы

различные библиотеки в восточных регионах были конфискованы; и затем прямо сказано: «Генерал–губернаторство не включает».

Кроме того я сошлюсь на директиву рейхсминистра оккупированных восточных территорий от 20 августа 1941 рейхскомиссару Остланда[370].

Тома: Какая страница?

Розенберг: Страница 2 этого документа. В конце сказано…

Председатель: О каком документе вы сейчас говорите? Какой номер документа?

Розенберг: Извиняюсь, но на моей копии не отмечено красным, и поэтому я ссылаюсь на документ в моих руках. В любом случае, это в конце страницы 1 документа. Это не специальное письмо, это циркулярное письмо датированное 7 апреля 1942.

Председатель: Я только хочу понять. Что я записал это то, что он ссылается на распоряжение от 20 августа 1941.

Розенберг: Прошу прощения. Это 20 августа.

Тома: 20 августа, это правильно, и год 1941. Это страница 78 документальной книги 2, в конце страницы.

Розенберг:

> «Я прямо прошу вас запретить вывоз любого рода предметов культуры из вашего рейхскомиссариата, какими бы то ни было ведомствами, без вашего одобрения. То какие предмету культуры возможно могут быть использованы для специальной исследовательской работы подлежит дальнейшему регулированию. Я прошу вас проинформировать об этой директиве своих подчиненных генеральных и окружных комиссаров. На национальную администрацию музеев, библиотек, и т. д. независимо от прав на инспекцию и инвентаризацию айнзацштаба, данная директива не распространяется».

Я вернусь к этой директиве позднее, отвечая на обвинения советского обвинения относительно управления в Эстонии, Латвии и Литве.

Тома: Сейчас мы переходим к мебельной операции во Франции.

Розенберг: Я пока не закончил с этим вопросом, потому что исключительно серьезные обвинения преобладают в данном вопросе. Я сошлюсь на вторую директиву рейхсминистра оккупированных восточных территорий, датированную 7 апреля 1942 в конце которой, под пунктом I, повторяются прочитанные мной фундаментальные принципы. Это в документальной книге 2, страница 94. Всем говорили полностью воздерживаться от самостоятельной акции.

Под пунктом II, дословно сказано:

> «В особых случаях, в качестве исключения, можно предпринимать

370 Рейхскомиссариат Остланд — созданное 17 июля 1941 года по указу Адольфа Гитлера административно-территориальное образование нацистской Германии в Восточной Европе, включающее в себя оккупированные территории советских республик Прибалтики и западной части Белорусской ССР (кроме гродненского региона).

> немедленные шаги по сохранению и вывозу вещей в безопасное место для того, чтобы избежать возникающих угроз – то есть, опасности обрушения зданий, действий противника, влияния климата, и т. д.».

Я вернусь к этому в связи с обвинением советского правительства относительно событий в Минске. Когда зачитывали документ PS-076, в конце сказали, что никогда не отдавалось никакого приказа о защите культурных ценностей. Такой приказ представили здесь дважды.

Далее, я хочу сослаться на директиву от 3 октября 1941 рейхсминистра оккупированных территорий штабляйтеру айнзацштаба в этом же самом документе – где я снова обращаю особое внимание на документ, который сейчас прочитал.

В дополнение, я обращаю внимание трибунала на приказ высшего командования армии от 30 сентября 1942, который был принят по согласованию с рейхсминистром оккупированных восточных территорий. Здесь также буквально сказано в конце, под пунктом I…

Тома: Это на странице 89 документальной книги?

Председатель: Что это? Сентябрь 42–го?

Розенберг: 30 сентября 1942.

Председатель: Да я нашёл. Что насчёт того, что от октября 41–го? Где это?

Розенберг: Октября 41–го?

Председатель: Вы знаете, где это, доктор Тома?

Тома: Это находится в документе PS-1015, экземпляр USA–385, но может быть этот документ не внесен в этот индекс. В своём документе я не могу его сейчас найти, но он относится к PS-1015 и был предъявлен целиком.

Розенберг: И приказ высшего командования армии от 30 сентября 1942 говорит, под пунктом I:

> «За исключением особых случаев, в которых сохранение находящихся под угрозой предметов культуры является срочным, следует предпринимать усилия по их оставлению в месте нахождения. Для данной цели, согласно взаимным соглашениям между генерал–квартирмейстером генерального штаба армии и айнзацштабом рейхсляйтера Розенберга, последнему предоставляются полномочия:
> c) о том, чтобы в оперативном районе Востока сохранять от повреждений или разрушения такие художественные работы, не входящие в параграф b – в особенности музейные экспонаты – охранять и/или помещать их в безопасность».
>
> И в конце директивы, сказано под пунктом IV:
>
> «Независимо от миссий айнзацштаба рейхсляйтера Розенберга, согласно разделу I, a, b, c, войска и все военные учреждения, расположенные в оперативном районе настоящим инструктируются, как и ранее, по возможности сохранять ценные предметы искусства и

защищать их от уничтожения или повреждения».

Я уверен, мой долг подтвердить, по крайней мере очень коротко, что мой айнзацштаб, также как и военные учреждения, даже во время этих ожесточённых сражений издавали очень четкие директивы и приказы по охране предметов искусства русского, украинского, и белорусского народа.

Тома: Господин Розенберг, вы знаете, что Гитлер и Геринг перенаправляли некоторые предметы искусства, которые конфисковали во Франции. Какую роль вы играли в данном вопросе?

Розенберг: В принципе фюрер обозначал, как видно из информации предоставленной фельдмаршалом Кейтелем по приказу фюрера, что он оставлял в своём распоряжении эти работы и любое решение относящееся к ним.

Я никоим образом не желаю оспаривать, что я надеялся, что по крайней мере, большая часть этих предметов искусства осталась бы в Германии, в частности, поскольку, с ходом времени, многие немецкие культурные ценности были уничтожены тяжёлыми бомбардировками Запада. Эти художественные работы должны были быть своего рода сбережением для дальнейших переговоров. Когда рейхсмаршал Геринг, который по директиве фюрера особо поддерживал такую работу айнзацштаба, зарезервировал ряд из этих художественных работ для своей коллекции, я был – должен сказать откровенно, как говорит протокол – слегка обеспокоен, потому что в силу этого поручения я взял под своим именем определенную ответственность за итог конфискации культурных и художественных предметов, и поэтому был обязан полностью каталогизировать их, и сохранить их доступными для любых переговоров или решений. Поэтому, я распорядился своему заместителю составить как можно более полный перечень тех вещей, которые рейхсмаршал, с одобрения фюрера, перенаправил для своей коллекции. Я знал о том, что рейхсмаршал Геринг намеревался позднее передать свою коллекцию Германскому Рейху и не завещать её в частном порядке.

В протоколе допроса, который предъявило и огласило по этому положению французское обвинение также есть досадная ошибка. Он говорит, что я беспокоился, из-за того, что рейхсмаршал Геринг присвоил эти произведения искусства. На немецком, термин «entwendet[371]» означает брать, что–то незаконно. Однако, то что я сказал было «verwendet[372]», что имеет другое значение.

Тома: Господин председатель, я хочу отметить, в этой связи факт, что французы использовали слово «detourne», которое означает «перенаправлять».

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

371 «Воровать» (нем.)
372 «Использовать» (нем.)

Тома: Сейчас я перехожу к мебельной операции во Франции, и с этой целью я показываю подсудимому документ PS-001, также том II французской документальной книги, и я прошу подсудимого высказать свои взгляды на это.

[*Документ представили подсудимому*]

Розенберг: Документ PS-001 в начале содержит сведения о том, что жилые помещения на Востоке находились в таком кошмарном состоянии, что я предложил, чтобы бесхозяйные еврейские дома во Франции и их мебель должны были быть предоставить для этой цели. Данное предложение было одобрено распоряжением изданным по приказу фюрера рейхсминистром и начальником рейхсканцелярии 31 декабря 1941.

В ходе всёвозраставших бомбардировок Германии, я посчитал, что больше не могу нести ответственность за это, и таким образом я внёс предложение о том, что мебель должны были передавать в распоряжение жертв бомбардировок в Германии – которые насчитывали более чем 100 000 человек в некоторые ночи – чтобы оказать им неотложную помощь.

В сообщении из французской документальной книги в седьмом параграфе сказано о том как проводились конфискации: что такие пустующие апартаменты опечатывали, что они оставались опечатанными на некоторое время на случай возможных жалоб, и что затем производилась доставка в Германию.

Я осведомлен, что это, без сомнений, было серьезным посягательством на частную собственность, но здесь снова, в связи с предыдущими соображениями, я думал о смысле, и наконец, о миллионах бездомных немцев. Я хочу подчеркнуть в связи с этим, что я держал себя в курсе о том, что дома, их собственники, и основной состав мебели подробно вносили в большую книгу, как основу для возможных дальнейших переговоров.

В Германии дело было организовано так, что люди пострадавшие от бомбардировок платили за эту мебель и утварь, которые передавали в их распоряжение, и эти поступления вычитались из тех требований которые они имели к государству. Эти деньги оплачивались в специальный фонд под руководством министра финансов.

Документ PS-001 содержит под номером 2 предложение, которое я сам считаю серьезным обвинением против меня. Это предложение о том, что в виду многих убийств немцев во Франции, не только французов следовало расстреливать как заложников, но чтобы еврейских граждан тоже брали в расчет. Я хочу сказать, что я считал эти расстрелы заложников, поскольку о них объявляли публично, допустимой мерой в особых обстоятельствах военного времени. Тот факт, что подобную вещь осуществляли вооруженные силы казался мне соответствующим результату обычных расследований, тем более поскольку это происходило на

территории государства которое подписало с Германским Рейхом перемирие.

Во–вторых, это случилось в период волнения, из-за начала войны с Соединенными Штатами Америки и нашими воспоминаниями о докладе польского посла, графа Потоцкого, датированного 30 января 1939, который трибунал запретил зачитывать.

Однако, несмотря на всё, я должен сказать, что я считаю это предложение личной несправедливостью. Глядя на него с точки зрения права, я хочу отметить, что в документе PS-1015, под буквой Y, есть письмо рейхсминистра и начальника рейхсканцелярии, которое датировано 31 декабря 1941, и в котором сказано:

> «Ваш меморандум, от 18 декабря 1941 представлен фюреру. Фюрер принципиально согласен с предложением пункта 1. Копию той части меморандума, которая касается использования еврейской домашней утвари, я направил главнокомандующему вооруженными силами и рейхскомиссару оккупированных Нидерландов, вместе с письмом, копия которого прилагается к настоящему».

В этом вопросе пункт 1 был принят, и молчаливо, хотя при этом и категорически, пункт 2, который касается этого предложения отклонили. Таким образом данное предложение, не имело никаких правовых последствий. Позднее я никогда не ссылался на такое предложение, и я должен сказать, что я совсем о нём забыл пока его снова мне не представили.

Тома: Сейчас я перехожу к предмету «министр оккупированных восточных территорий». Подсудимый стремиться выразить своё мнение относительно ноты Молотова[373] – что он, подсудимый был царским шпионом – поскольку это влияет на его личную характеристику. Поэтому я спрашиваю подсудимого, имел ли он, когда-нибудь отношения с царской полицией.

Розенберг: Нет.

Руденко: Господин председатель, в обвинительном заключении которое предъявлено подсудимому Розенбергу, нет пункта где бы ему инкриминировалось в том, что он являлся царским шпионом. Поэтому постановка этого вопроса мне кажется излишней.

Тома: Ноты Молотова представлены трибуналу, и так же приобщены в качестве доказательств. Поэтому, я думаю, что мне можно будет разрешить поставить такой вопрос.

Председатель: Он уже ответил на вопрос отрицательно, поэтому вы можете перейти от этого, не так ли? Это не является частью обвинительного заключения.

Тома: Да.

[*Обращаясь к подсудимому*] Когда вы узнали о том, что вас предложили на

373 Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

пост министра оккупированных восточных территорий, и по какой причине вам дали такое поручение?

Розенберг: Могу я сказать на это, что в самом начале апреля – насколько я помню, это было 2 апреля 1941 – фюрер утром вызвал меня и объяснил мне, что он относился к военной стычке с Советским Союзом как к неизбежной. В качестве причин он привел два пункта: первый, военную оккупацию румынской территории – то есть, Бессарабии и Северной Буковины; второй, продолжавшееся долгое время укрепление в гигантском масштабе Красной армии вдоль демаркационной линии и в целом на советско–русской территории. Эти факты настолько бросались в глаза, что он уже отдал соответствующие военные и остальные приказы и решил назначить меня в качестве политического советника в решающем качестве. Таким образом, я предстал перед fait accompli, и попытка хотя бы обсудить вопрос была пресечена замечанием фюрера о том, что приказы отданы и что едва ли можно что–нибудь изменить, соответственно я, конечно, сказал фюреру, что желаю удачи германскому оружию, и я нахожусь в его распоряжении для политических советов, которых он желал.

Сразу же после этого, я созвал встречу нескольких своих ближайших помощников, поскольку я не знал, начнутся ли военные операции очень скоро или позднее. Мы подготовили ряд проектов касавшихся возможного обращения с политическими проблемами и мер которые возможно было предпринять на оккупированных территориях Востока. Эти проекты представлены здесь. 20 апреля я получил предварительную задачу, которая заключалась в формировании центрального ведомства занимавшегося восточными вопросами и установлении контакта с высшим руководством Рейха заинтересованным в этих вопросах.

Тома: Я хочу представить подсудимому инструкции, которые он подготовил после его назначения.

У меня есть еще одна просьба к трибуналу. Эти инструкции перечеркнуты на фотокопии и содержат всякого рода замечания. Поэтому, я прошу, чтобы трибунал лично ознакомился с фотокопиями для того, чтобы он видел, как эти инструкции перечеркивали. Сами по себе документы уже представлены трибуналу как пронумерованные экземпляры.

Розенберг: Могу я сослаться на эти документы – PS-1017, PS-1028, PS-1029 и PS-1030…

Председатель: Их уже приобщили в качестве доказательств?

Тома: Да, их приобщили.

[*Обращаясь к подсудимому*] Могу я попросить вас назвать номера экземпляров?

Розенберг: Я только что назвал номера экземпляров.

Тома: Какие у них номера экземпляров USA?

Розенберг: Документ номер PS-1028 имел номер экземпляра USA–273; документ

PS-1030 имел экземпляр USA–144. На других я не нашел никаких номеров USA.

Тома: Документ PS-1017, экземпляр USA–142; Документ PS-1028 экземпляр USA–273; Документ PS-1029 экземпляр USA–145; Документ PS-1030 экземпляр USA–144. Они находятся в специальной документальной книге для подсудимого Розенберга. Я заявляю в этой связи, что это временные проекты, с пометками секретаря, с конца апреля по начало мая. Эти временные проекты не выпустили, но как можно видеть, перечеркивали и дополняли письменными замечаниями на полях; и в дополнение, они содержат точки зрения, которые позднее не были одобрены фюрером. По этой самой причине, что касалось Украины, они вообще не могли применяться. Письменные инструкции, которые выпустили для рейхскомиссаров Остланда и Украины, после формирования министерства оккупированных восточных территорий, к сожаления не найдены, поэтому я не могу на них сослаться.

20 июня 1941 – то есть, за день до начала войны против России вы произнесли речь для каждого кто занимался восточными делами относительно этих восточных проблем? Речь идет о документе USA–147, из которого обвинение несколько раз процитировало один абзац.

Розенберг: Это довольно длинная импровизированная речь, произнесенная перед теми, кого это касалось, и назначенных заниматься восточными проблемами. В отношении этого, я заявляю, что мой долг заключался, само собой разумеется, учитывать политические меры которые нужно было предложить, чтобы избежать ситуации при которой Германскому Рейху приходилось бы сражаться на Востоке каждые 25 лет за своё существование, и я хочу подчеркнуть, что то, что я аутентично сказал в конфиденциальной речи в любом случае не соответствует советским обвинениям о том, что я выступал за систематическое уничтожение славянских народов.

Я не желаю занимать время трибунала зачитывая здесь очень много; вместе с тем я хочу зачитать несколько абзацев в своё оправдание. На странице 3 сказано: (экземпляр USA–147):

> «Изначально, русская история являлась чисто континентальным делом. Так как 200 лет Москва-Россия прожила под татарским игом, и её лицо в основном было направлено на Восток. Русские торговцы и охотники открывали Восток вплоть до Урала. Некоторые казачьи тропы шли в Сибирь, и без сомнения колонизация Сибири одно из крупнейших свершений истории».

Я думаю, что этим выражается моё отношение к такому историческому достижению.

На странице 6 сказано:

> «Из этого следует, что цель Германии свобода украинского народа. Это обязательно следует подчеркнуть в нашей политической

программе. В какой форме и в какой степени может быть сформировано украинское государство, сейчас не имеет значения. … Следует осторожно двигаться в этом направлении. Следует развивать литературу рассматривающую украинскую борьбу для того, чтобы возродить историческое сознание украинского народа. В Киеве нужно основать университет, создать техникумы, развивать украинский язык и т. д».

Я процитировал это как документальное доказательство того факта, что у меня не было намерения уничтожать культуру народов Востока.

В следующем параграфе я отмечал, что было важно склонить, с течением времени, к добровольному содействию 40 миллионов человек Украины. На странице 7 сделана ссылка на возможную оккупацию кавказских территорий как следующее:

«Здесь целью не будет создание кавказского национального государства, а поиск решения в федеративных чертах которые с немецкой помощью, могут привести к тому, чтобы повлиять на этих людей просить у Германии защиты их культурного и национального существования»

Здесь также нет вопроса или желания уничтожать.

Теперь возникает вопрос, описанный американским обвинением как особо серьёзный, инкриминирующий фактор. Это касается так называемой колонизации и имущества немецких народов на Востоке. Этот параграф сформулирован следующим образом:

«Помимо всех этих проблем, есть вопрос, который имеет одинаково общий характер, и который мы все должны обдумать – а именно, вопрос немецкого имущества. Немецкий народ веками работал над этой обширной территорией. Результатом этой работы, помимо прочего, было освоение обширных земель. Землю, конфискованную в балтийских странах можно сравнить по размеру с Восточной Пруссией; вся недвижимость Черного моря такая же большая как Вюртемберг, Баден и Эльзас вместе взятые. В районе Черного моря обработано больше земли, чем пригодно для пашни в Англии. Эти сравнения размера должны дать нам понять, что там немцы не праздно эксплуатировали или грабили народ, но, что они вели конструктивную работу. И результат такой работы немецкое национальное имущество; независимо от более ранних владельцев. То как это можно однажды компенсировать пока нельзя рассматривать. Но…можно создать правовую основу».

Я пожелал процитировать это для того, чтобы я мог позже ссылаться на это, в частности в отношении рейсхкомиссариата Остланд, где несмотря на эти

размышления семисотлетнее немецкое имущество не восстановили, но передали эстонцам, латышам и литовцам по закону, что подтверждается.

В последнем параграфе заявлено:

> «Мы должны в связи с этим заявить, что даже теперь мы не враги русскому народу…».

Председатель: Вы всё еще читаете из документа PS-1058?

Розенберг: Да. Я продолжаю цитировать следующий абзац:

> «Мы должны в связи с этим заявить, что даже теперь мы не враги русскому народу. Все мы, кто раньше знал русских, знают, что русский - очень симпатичный человек, способный ассимилироваться, но только с отсутствием силы характера свойственной западноевропейцу…Наша борьба за перегруппировку идёт совершенно в соответствии правом народов на национальное самопределние…».

Я не буду зачитывать трибуналу конец, который он может позже подробно изучить, если пожелает.

Я произносил эту речь полностью убежденным в том, что, после моих первых вступительных замечаний фюреру о предмете, он, в сущности, согласился со мной. Я не знал – и он мне не сказал, что уже приняты другие военные и полицейские приказы; в противном случае для меня было бы невозможно – и в частности в присутствии Гейдриха – произносить речь, которая очевидно прямо противоречила концепциям Гиммлера и Гейдриха.

Что касается отрывка из этого документа который цитировало обвинение, я должен сказать следующее: я слышал от людей, работавших в четырехлетнем плане, что в случае оккупации московского промышленного района и сильного разрушения из-за военных операций, масштабное производство уже нельзя было продолжать, и что деятельность, возможно, ограничилась бы только ключевыми производствами. Это бы привело к неизбежному результату в значительной безработице. Кроме того, было не ясно сколько было на Востоке резервов, и в виду общей продовольственной обстановки и из-за блокады, в первую очередь нужно было рассматривать немецкое продовольственное снабжение.

Это отступление к замечанию о том, что при определенных обстоятельствах могла быть необходима крупномасштабная эвакуация русских территорий, где большое число промышленных рабочих могло стать безработным. И в связи с этим, я хочу сослаться на документ PS-1056, который содержит первую директиву министерства по делам Востока, согласно которой обеспечение снабжения продовольствием населения также сделали особой обязанностью.

Тома: 17 июля 1941 распоряжением фюрера вас назначили, действовать в качестве рейхсминистра вновь оккупированных восточных территорий. В предыдущий день состоялось совещание между Гитлером, Кейтелем, Герингом и Ламмерсом, во время

которого вы в подробностях заявили о своей административной программе. Я ссылаюсь на документ L–221, экземпляр USA–317 и прошу вас прокомментировать это. Это на странице 123 второй документальной книги Розенберга.

Розенберг: Этот документ, который очевидно окончательное резюме Бормана, конечно, представляли здесь четыре или пять раз. Во время этой встречи я на самом деле не собирался представлять обширную программу, но это заседание созвали для того, чтобы обсудить формулировку намечавшихся указов фюрера, касавшихся управления оккупированными восточными территориями и предоставить всем участникам возможность высказать свои взгляды по данному предмету. Меня тоже заботил ряд вопросов касавшихся кадров, которые я хотел представить фюреру. Поэтому, я был удивлен, когда фюрер начал страстно и довольно пространно, излагать эту политику на Востоке при этом сделав для меня много неожиданных наблюдений. У меня сложилось впечатление, что фюрер сам был возбуждён из-за неожиданно мощного вооружения Советского Союза и нашей тяжелой борьбы против Красной армии. Очевидно это заставило фюрера сделать некоторые заявления на которые я, возможно, сошлюсь в конце.

В присутствии остальных свидетелей, я возражал неожиданным заявлениям фюрера, и в дополнение я хочу зачитать из записи Бормана следующие абзацы, которые до сих пор не зачитывали полностью. Я цитирую из оригинала документа L–221 на странице 4:

> «Рейхсляйтер Розенберг подчеркивает, что, согласно его взглядов, каждый комиссариат потребует разного обращения с населением. На Украине нам нужно инициировать программу поощрения искусства и культуры. Нам нужно пробудить историческое сознание украинцев, и создать в Киеве университет, и похожее. Рейхсмаршал, с другой стороны, указывает на то, нам сначала нужно думать о гарантировании наших поставок продовольствия.
>
> (Побочный вопрос: Есть ли еще нечто похожее на образованный класс на Украине, или украинцы высшего класса могут быть найдены, только как эмигранты из нынешней России?)».
>
> Это комментарий Бормана. Я продолжаю цитировать:
>
> «Розенберг продолжает о том, что определенные движения независимости в Украине заслуживают поддержки».

Затем далее на странице 5 цитирование намерений фюрера, где сказано, - и я цитирую:

> «Точно также как Крым, включая значительные внутренние районы (территории к северу от Крыма), должен стать территорией Рейха; прилегающие территории должны быть как можно больше».
>
> Розенберг жалуется на это, потому что там живут украинцы.
>
> (Побочный вопрос: - снова от Бормана – «часто, кажется, что

Розенберг имеет симпатию к украинцам; он хочет увеличить бывшую Украину в значительной степени)».

Таким образом, есть доказательство того, что я изо всех сил пытался убедить фюрера согласиться со мной в тех же положениях, что я произносил в своей речи 20 июня 1941 перед собравшимися начальниками отделов.

Дальнейшее содержание документа показывает, что рейхсмаршал был в особенности заинтересован в назначении бывшего гауляйтера Коха[374], и что я возражал этой кандидатуре, поскольку опасался, что Кох, из–за своего темперамента и такой удаленности от Рейха, может не следовать моим указаниям. Точнее, заявив протест, я не мог знать, что Кох позже, не подчиняясь моим указаниям, зайдёт настолько далеко, как он сделал и – я добавлю – по особому подстрекательству главы партийной канцелярии.

Ближе к концу, на странице 10 подлинника записи, видно отрывок, который не зачитывали, и который я процитирую:

«Возникла длительная дискуссия в отношении компетенции рейхсфюрера СС. Очевидно, участники также в это время думали о полномочиях рейхсмаршала».

Я лично желаю добавить, что это частное замечание сделанное главой партийной канцелярии и никоим образом не представляет фактическую запись о встрече. Я цитирую дальше:

«Фюрер, рейхсмаршал и остальные постоянно подчеркивают, что Гиммлеру не нужно иметь больше компетенции, чем есть у него в самой Германии, однако это, является абсолютно необходимым».

Эти записи показывают, что это была достаточно жаркая дискуссия, поскольку, не только во время этого совещания, но и до него, я возражал идее, чтобы полиция имела право независимой исполнительной власти на оккупированных территориях – то есть, чтобы она была независимой от гражданской администрации. Я также выступал против представленной версии указа фюрера, которую уже приготовили. Я не нашел никакой поддержки своему мнению у присутствующих, и это объясняет огромную степень последующих доработок и формулировку указа, подписанного на следующий день фюрером, который являлся распоряжением подлежавшим применению для всей администрации оккупированных восточных территорий.

Тома: 17 июля вас назначили министром оккупированных восточных территорий, и в то же время произвели другие назначения. Теперь возникает вопрос: какой была степень вашей компетенции и вашей деятельности на восточных территориях? – вторая документальная книга Розенберга, том II, страница 46.

---

374 Эрих Кох (1896 — 1986) — деятель НСДАП и Третьего рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944), почетный обергруппенфюрер СА и почетный обергруппенфюрер СС (1938).

Розенберг: Могу я отослать вас к параграфу 2, который касается создания министерства оккупированных восточных территорий, где назначен рейхсминистр, и параграф 3, который гласит следующее:

> «Военные полномочия и власть, осуществляют на вновь оккупированных восточных территориях командиры вооруженных сил в соответствии с моим распоряжением от 25 июня 1941. На полномочия делегата четырехлетнего плана на вновь оккупированных восточных территориях, в соответствии с моим распоряжением от 29 июня 1941, и полномочия рейхсфюрера СС и главы германской полиции, в соответствии с моим распоряжением от 17 июля 1941, настоящие правила не распространяются и они подлежат особому регулированию».

Параграф 6 гласит: «Глава каждого рейхскомиссариата будет рейхскомиссаром…», и затем следуют подробные правила, заявляющие о том, что рейхскомиссары и генеральные комиссары будут назначаться лично фюрером, и что соответственно они не могли быть уволены или освобождены мною.

Параграф 7 распоряжается о том, что рейхскомиссаров будут координировать рейхсминистры и получать указания исключительно от них, в тех случаях где не подлежала применению статья 3– то есть, параграф 3, который ссылается на командиров вооруженных сил и главу германской полиции.

Параграф 9 заявляет: «Рейхскомиссары ответственны за всю администрацию своей территории в гражданских делах».

В следующем параграфе всё управление немецкими железными дорогами и почтой, передаётся в компетенцию соответствующих министров, так как иначе на войне невозможно.

Параграф 10 запрашивает рейхсминистра, чьим штабом обозначен Берлине, координировать, в высших интересах Рейха, свои пожелания с пожеланиями других высших властей Рейха, и в случае разногласий во мнениях запрашивать решение фюрера.

Мне не нужно представлять трибуналу указ фюрера относительно командований вооруженных сил, поскольку довольно ясно, о чём идёт речь, ни распоряжение относительно полномочий делегата четырехлетнего плана, от 29 июня 1941, в котором сказано, что делегат четырехлетнего плана – то есть, рейхсмаршал Геринг – тоже может принимать инструкции для всех гражданских и военных служб на оккупированных восточных территориях. Однако решающее значение для оценки всех правовых взаимоотношений и вытекающих из этого последствий имеет указ фюрера о полицейской охраны на оккупированных восточных территориях от 17 июля 1941 года. Он говорит в разделе I следующее: «Полицейская безопасность на вновь оккупированных восточных территориях вопрос рейхсфюрера и главы германской полиции».

Согласно данному параграфу I все меры безопасности на восточных территориях передавались в неограниченную компетенцию рейхсфюрера СС, который соответственно, вместе с рейхсминистром оккупированных восточных территорий, и далее делегатом четырехлетнего плана, стал третьим самостоятельным центральным ведомством в Берлине, в результате чего, рейхсминистр оккупированных восточных территорий не смог ввести управление безопасности или полиции в своём министерстве в Берлине.

В пункте II сказано, что рейхсфюрер СС также уполномочен, кроме обычных инструкций для своей полиции, давать в определенных обстоятельствах указания непосредственно гражданским рейхскомиссарам, и что его обязали передавать приказы фундаментального политического значения через рейхсминистра оккупированных восточных территорий, в случае если это не вопрос предотвращения неминуемой угрозы. Такая формулировка предоставляла рейхсфюреру СС фактическую возможность самому решать о том, что он считал политически важным в своих приказах, а что нет, и в чём заключались его приказы о предотвращении грядущей угрозы.

Пункт III очень важного значения, поскольку цитата из документа PS-1056 создаёт у трибунала впечатление, что рейхсминистр оккупированных восточных территорий имел под своим командованием подразделения СС на оккупированных восточных территориях. При том, что это видно из пункта I, который я процитировал, то это неправильно, формулировка которую часто используют в связи с полномочиями СС приводит к ошибочному пониманию. Формулировка процитированная в пункте III указа о полиции безопасности следующая:

> «Для поддержания полицейской безопасности каждому рейхскомиссару будет придан высший руководитель СС и полиции, который будет непосредственно и лично подчиняться рейхскомиссару. Руководители СС и полиции будут приданы генеральными комиссарами, главным и районным комиссарам, и будут подчиняться им непосредственно и лично».

Доктор Ламмерс, которому поручили подготовку этих предложений, ответил на вопрос о формулировке этого документа тем, что её выбрали чтобы обозначить, что гражданские рейхскомиссары точно могли давать указания полиции по политическим вопросам, но что выбор слов «непосредственно и лично подчинены» фактически оставлял право отдавать приказы за главой германской полиции. И, насколько мне известно, Гиммлер в особенности настаивал на такой формулировке, потому что она позволяла рейхскомиссарам внешне проявлять в отношении населения некое единообразие администрации, в то время как, согласно закону Рейха и на практике, власть отдавать приказы обходила стороной гражданскую администрацию. Соглашения между Гейдрихом и генерал–квартирмейстером армии представленные здесь, о содержании которых я услышал

впервые во время этого процесса, подчеркивают, что это соответствует фактам и указывают на то, как эти вопросы развивались и звучали приказы и разрешения полиции.

Другие распоряжения касаются создания самих рейхскомиссариатов, и мне не кажется, что есть необходимость цитировать их трибуналу. Они представляют подробный разбор того, что им предшествовало.

Сейчас я просто хочу сослаться на распоряжение Ламмерса от 9 февраля 1942, которое ссылается на технические вопросы и вооружение. Я отмечаю, что из–за последующих желаний высказываемых остальными службами Рейха, ведомства по техническим вопросам и пропаганде, которые первоначально придали министерству оккупированных восточных территорий и рейхскомиссариатам, отделили от этих органов и подчинили соответствующим министерствам таким образом, что рейхсминистр Шпеер имел своих заместителей в рейхскомиссариатах в качестве связных, так же как имел рейхсминистр транспорта; и что инструкции по политической пропаганде должен был принимать рейхсминистр оккупированных восточных территорий, но их практическое исполнение осталось за рейхсминистром пропаганды.

Тома: Господин Розенберг, я думаю, вам следует быть более кратким.

Председатель: Да, Трибунал надеется, что вы сможете.

Тома: Самая важная вещь во всём вопросе, помимо компетенции руководителя СС и полиции, ваше положение в отношении генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Какими были условия относительно полномочий и подчинения. Заукель имел право давать вам указания?

Розенберг: Полномочия которые делегат четырёхлетнего плана получил от фюрера, и распоряжение фюрера от 21 марта…

Председатель: Вопрос был: «Заукель был вправе давать вам указания? Затем вы нам начали рассказывать нам о четырехлетнем плане. Я уверен, вы можете прямо ответить на этот вопрос.

Тома: Мне кажется…

Розенберг: Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы имел право давать указания всем высшим властям в Рейхе, и это включало рейхсминистра оккупированных восточных территорий. Это было…

Тома: Этого достаточно. Вы были вправе сказать рейхскомиссару Коху о том, что квоты на рабочих, которые запрашивали, могли или не могли выполнять – «да» или «нет»?

Розенберг: Я не мог сделать это так просто, поскольку генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы фюрер устанавливал очёнь точные квоты, и когда эти квоты казались мне слишком большими, а так было всегда, я вызывал генерального уполномоченного и его представителей и представителей министерства оккупированных восточных территорий на совещание

для того, чтобы снизить цифры до какого-то терпимого размера, и снижение этих квот, фактически, часто являлось результатом таких совещаний, хотя они все же оставались очень высокими. Однако, официально, я не мог сделать большего чем заявлять такие представления.

Додд: Подсудимый продолжает произносить речь. Вопрос был очень простым. Его спросили, был ли он вправе сказать рейхскомиссару Коху о том, что квоты по рабочим которые требуют не могут быть выполнены. Он уже занял три минуты, и мне кажется, что он займет 30 минут, если ему позволить продолжать. Он должен оставаться в рамках вопроса.

Тома: Свидетель, я должен подчеркнуть предложение господина Додда. Я спросил вас, вы были вправе сказать рейхскомиссару Коху, чтобы он не проводил такой набор рабочей силы?

Розенберг: Я не мог этого сделать.

Тома: Тогда ответ «нет». Вместе с тем, вы делали так по какому-либо поводу? Вы однажды говорили ему, что он должен воспользоваться своими правами и полномочиями и просто не выполнить эти квоты?

Розенберг: Да, я прямо сделал это в письме генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы, и документ представлен суду. Он датирован декабрем 1942, и в этом письме я официально обратил его внимание на многие инциденты, которые возникали во время акций в погоне за вербовкой, и я просил его срочно помочь мне прекратить такие недопустимые события.

Тома: Могу я попросить вас кратко сослаться на вопрос рабочей мобилизации на основании документов. Документы которые уже представили Соединённые Штаты: PS-016, PS-017, PS-018, PS-054, PS-084, PS-294, PS-265 и PS-031. Я думаю, вы можете быть кратким по всем этим документам, поскольку они говорят сами за себя.

Председатель: Они в документальной книге?

Тома: Они частично в документальной книге США «Альфред Розенберг» - специальной документальной книге.

Розенберг: Документ PS-016 - письмо от 24 апреля, написанное мне генеральным уполномоченным, в котором он конкретизирует свою программу. Обвинение несколько раз на него ссылалось, и хочу отослать вас к двум коротким положениям, которые относятся к рейхсминистру оккупированных восточных территорий.

На странице 17 документа, под заголовком: «Военнопленные и иностранные рабочие», параграф 3 в конце гласит буквально:

> «Что касается побежденного врага – и даже если он является нашим самым страшным и непримиримым противником – для немцев само собой разумеется, воздерживаться от всякой жестокости и мелких придирок и всегда обращаться с ним корректно и гуманно, даже, когда мы ожидаем от них полезных услуг».

И затем сказано, на странице 18, в параграфе пятом:

«Таким образом, также и в русских лагерях, следует тщательно соблюдать принципы немецкой чистоплотности, порядка, и гигиены».

Это, что касалось меня, являлось решающим положением, и я полностью соглашался с таким принципом генерального уполномоченного. Моё письмо от 21 декабря 1942 – документ PS-018, следует понимать на основе такого соглашения.

Тома: Документальная книга Розенберг, страница 64, том II.

Розенберг: Могу я подытожить и кратко пояснить? Этим я дал своё согласие на решение проблемы восточных рабочих, и я заявлю, что мы, Заукель и я сам, придерживались схожих принципов – то есть, со ссылкой на положения программы Заукеля, которая сейчас процитировали.

Дальше я заявляю, что, несмотря на эти общие принципы, различные несчастные случаи заставили меня обратить внимание на недопустимые методы. На странице 2, я жалуюсь на то, что согласно докладам полученным министерством оккупированных восточных территорий, различные госпитальные бараки и лагеря для больных восточных рабочих, которые должны были построить для их восстановления перед возвращением домой, не оправдали ожиданий, и что министерство оккупированных восточных территорий по собственной инициативе связалось с рейхскомиссаром госпиталей и здравоохранения.

На странице 3, с отсылкой к квотам для оккупированных восточных территорий, я заявляю о том, что моя ответственность серьезно связывает меня, при выполнении квот, исключать все методы допускающие и практикующие то, что однажды могут поставить в вину мне и мои сотрудникам:

«Для достижения этой цели, и согласно крайней необходимости ввиду особой политической ситуации на оккупированных восточных территориях по мерам комиссариатов и штабов ваших служб, я уполномочил рейхскомиссара Украины, по мере необходимости, использовать свои полномочия для устранения методов вербовки, которые препятствуют интересам ведения войны и военной экономики на оккупированных восточных территориях».

Тома: Вы осведомлены о том факте, что, в тоже время, прекратив такие методы, нельзя было поставить требуемых рабочих?

Розенберг: Этого я не могу с готовностью полагать, поскольку я также знал, что с самого начала использования пропаганды, во многие районные комиссариаты, явилось большое количество добровольцев из деревни – не из городов, а из деревни, и в этом положении правовая основа для предотвращения инцидентов, которые имели место в каждом лагере - как показано жалобами из этого письма – была дана рейхскомиссару.

Здесь я могу очень кратко сослаться на остальные документы цитированные обвинением, документ PS-054 – это критика злоупотреблений, которая пришла ко мне от связного министерства оккупированных восточных

территорий при группе армий «Юг». Это жесткая критика. Но я сошлюсь на страницу 1 телеграммы, где сказано в параграфе а):

«За небольшими исключениями, украинцы в Рейхе которые работают индивидуально - например, в небольших мастерских, как батраки или прислуга – очень довольны своими условиями».

Но в параграфе b):

«С другой стороны проживающие в коллективных лагерях, сильно жалуются».

Это была попытка оказать влияние в вопросах и делах, касавшихся района находившегося в компетенции, не гражданской, а военной администрации с местом пребывания в Харькове, и оказать влияние даже на немецкой национальной территории, где я, как рейхсминистр оккупированных восточных территорий, не имел никакого права давать указания, но в результате критики, участь всех восточных рабочих улучшалась и, если быть точным, всячески.

Документ PS-084 ссылается на ряд проблем и мер для улучшения участи семей рабочих, и энергию с которой министерство оккупированных восточных территорий отстаивало политику достойного обращения с восточными народами со ссылкой на вопрос оплаты, налоговые вычеты, и т. д. Но я не думаю, что есть необходимость вдаваться в дальнейшие подробности, поскольку генеральный уполномоченный, наверное, сделает это сам. Я просто сошлюсь на свои постоянные усилия в этом направлении. Я хочу также отметить здесь, что было соглашение между генеральным уполномоченным и министерством оккупированных восточных территорий согласно которому восточные рабочие, после возвращения домой, должны были получать земельный надел для того, чтобы не они не чувствовали себя хуже тех кто остался дома.

Документ PS-204 также содержит жалобы относительно недостаточных льгот, на что, мне не нужно вдаваться в подробности и на которые я просто позволю себе обратить внимание трибунала.

Документ PS-265 - отчёт генерального комиссара в Житомире, в Украине, в котором он заявляет о том, что генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы, в своей поездке по восточным территориям, сам отмечал тяжесть всей программы трудовой мобилизации и передал безусловные приказы фюрера, о том, что квоты следует предоставить в распоряжение Рейха. Генеральный комиссар замечает далее после такого серьезного изображения обстановки, что он не имел никакого другого выбора в ходе процесса вербовки, чем вербовку заручившись поддержкой полицейских сил для местных властей.

Документ PS-031 мне кажется, в особенности важным, поскольку обвинение сказало в связи с эти документом, что меня обвиняют в одобрении планирования и осуществлении биологического ослабления восточных народов. Цитировали только первые и последние фрагменты этого документа, и я должен

попросить разрешения проинформировать трибунал о подлинном состоянии дел.

В начале документа замечают, что рейхсминистру оккупированных восточных территорий после того как он сразу же отверг предложение о том, чтобы молодежь следовало перевезти из района группы армий «Центр» в Рейх, снова поставили проблему и в очень особых условиях и предпосылках. В самой записи сказано, что в виду того факта, что много взрослых работали и вынуждены были оставить их без всякого присмотра, группа армий «Центр» имела намерение переселить эту молодежь и позаботиться о ней подходящим образом. В конце страницы 1 из этого документа и в начале страницы 2, сказано, что министр опасался, что эта акция может иметь очень неблагоприятные политические последствия, что это сочтут депортацией детей, и что он желал, что нужно её сильнее сократить.

В пункте 4 сказано о том, что если рейхсминистр оккупированных восточных территорий не поддержит такую акцию и не проведёт её, тогда группа армий «Центр», которая конечно никак не подчинялась рейхсминистру оккупированных восточных территорий – проведёт эту акцию в рамках своих полномочий. Однако, сама эта группа армий, адресовала себя в министерство оккупированных восточных территорий, в частности, потому что по её мнению – как буквально сказано: «Будет гарантировано политические верное и справедливое решение вопроса». Группа армий хотела бы проведения этой акции в самых терпимых условиях. По возможности этих детей следовало заселять в деревни группами, или собирать в небольших лагерях. Позднее их должны были передавать в распоряжение небольших мастерских.

Затем, дальше, он заявляет:

> «В случае реоккупации территории, министерство оккупированных восточных территорий в таком случае может надлежащим образом вернуть эту молодежь, которая потом, вместе со своими родителями будет безусловно позитивным политическим фактором в восстановлении данной территории».

В конце сказано, что в таких обстоятельствах министерство оккупированных восточных территорий согласно позаботиться об этой молодежи. Я согласился, потому что я был полностью убежден в том, что через управление по делам молодёжи министерства оккупированных восточных территорий я бы мог, везде где возможно, гарантировать величайшую заботу этим детям. Я хочу добавить, что однажды я нанес визит на крупные производства в Дессау, где работали четыре с половиной тысячи молодых рабочих, и где был отдельный детский лагерь под опекой белорусских матерей. Я смог убедиться в том, что эти рабочие носили очень хорошую одежду, что их учили математике и языкам русские учительницы, и что в этом детском лагере под опекой русских женщин имелся

детский сад за которым присматривал Гитлерюгенд[375]. Вечером этого же дня белорусская женщина, которая заботилась о детях поблагодарила меня, со слезами на глазах, за предоставленный гуманный уход.

Я хотел бы отметить фонетическую ошибку, которая появилась в протоколе. Этот город – как я сказал – был Дессау, а не Одесса, как сказано в протоколе. Я за всю жизнь никогда не посещал Одессу.

Тома: Господин председатель, мы закончили с рабочей проблемой, и я перехожу к рейхскомиссарам. Возможно это подходящий момент для перерыва.

Председатель: Вы можете указать трибуналу сколько вы хотите вести допрос?

Тома: По моему мнению, это может быть в 3:30. Однако, подсудимый Розенберг качает головой, и поэтому я не могу сказать точно.

Председатель: Что же, суд объявляет перерыв до 5 минут третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 05 минут*]

Вечернее заседание

Тома: Сначала, я желаю представить суду как экземпляр Розенберг-11, документ PS-194, секретный приказ Розенберга Коху от декабря 1942 об улучшении обращения с украинскими гражданскими – от 14 декабря 1942.

Свидетель, пожалуйста, приведите своё мнение об этой общей инструкции в связи с вашими указаниями в документе PS-1056.

Розенберг: Документ PS-1056 это не прямая инструкция министерства оккупированных восточных территорий, но это было результатом обсуждений с различными центральными службами правительства Рейха официально заинтересованными в Востоке. В этом документе содержатся указания самого восточного министерства, и соглашения с различными техническими службами, такими как министерство транспорта, управление почт, а также полиция, для того, чтобы объявить, по крайней мере на Востоке, некую единообразную гражданскую администрацию. По причинам, которые я перечислил в начале, это уже было невозможно, и что касается остальных вопросов подчинения руководителей СС и полиции, к которым я отсылаю обвинение на основе этого документа, я мог бы отметить то, что я позволил себе сказать, вначале в связи с комментарием об укомплектовании администрации восточных территорий от 17 июля 1941 года..

Однако, что касается документа PS-1056, я хочу отметить, что в числе семи пунктов, которые в особенности здесь подчёркивали, только третий пункт, «Забота о населении» прямо упоминали. Затем, дальше в документе снова

375 Гитлерюгенд (сокращенно, HJ; ГЮ — Hitler-Jugend) — молодёжная организация НСДАП. Включала в себя собственно Гитлерюгенд для юношей от 14 до 18 лет, организацию подростков Гитлерюгенда от 10 до 14 лет, а также союз немецких девушек.

объясняется, что такому снабжению населения продовольствием и тому подобного, следует уделять особое внимание, и что особо следует учитывать проблемы медицинской и ветеринарной помощи, при необходимости даже призывая военные власти. За исключением этого, я не желаю продолжать с этим документом.

Документ PS-194 к сожалению, единственная найденная часть инструкции рейхсминистра оккупированных восточных территорий рейхскомиссарам. Это инструкция, от 14 декабря 1942, в которой снова предписывалось гуманное и вежливое отношение. Он в начале подчёркивал – я позволю себе несколько коротких ссылок, что немецкое поведение никогда не должно производить впечатление, что у Украины нет никакой надежды на будущее, что директивы немецких ведомств следовало исполнять, но хорошо обдумывать. Далее сказано:

> «Народы Востока во все времена видели в Германии носителя законного порядка, который хотя и суров, но не выражает произвол. Если народам Востока соответствующими правовыми мерами дать понять, что хотя война несёт страшные трудности, всякое нарушение будет справедливо расследовано и осуждено, тогда такими людьми будет проще руководить нежели, создав впечатление о том, что им принесли тиранию произвола как та, что есть у них».
>
> Там продолжается:
>
> «Следует строго придерживаться начальной четырёхлётней школы и следует развивать техническую школьную подготовку к практической жизни. Немецкая администрация нуждается в людях для ветеринарной работы, перевозок, сельского хозяйства, геологических исследований, и т. д, чего не состоянии обеспечить немецкий народ. В таких областях, украинскую молодежь, которую увели с улиц, можно будет пробудить понимание сотрудничества в восстановления своей страны. Поступая так, для немецких ведомств было бы недопустимо выступать против населения с пренебрежительными замечаниями. Такое отношение недостойно для немца».
>
> Затем, дальше:
>
> «Господами становятся занимающие правильное отношения, но не повелительное поведение. Не претенциозной речью управляют народами и не показным пренебрежением к другим добиваются авторитета».

Затем, несколько других вопросов рассматривались в этой директиве, но я не желаю занимать слишком много времени трибунала такими подробностями. Я был заинтересован показать, в каком смысле я хотел формировать отношение гражданской администрации, и с для того, чтобы эту директиву не положили на полку в крупных ведомствах я распорядился, о том, что её должны огласить во всех учреждениях.

Тома: Господин председатель, теперь я хочу перейти к специальному обвинению советского обвинения и в частности сослаться на документы, которые имеют отношение к айнзацштабу Розенберга на Востоке и предполагаемым разрушениям. Поэтому, я представляю подсудимому экземпляр СССР–376 (документ PS-161), экземпляр СССР –375 (документ PS-076), экземпляры СССР–7, 39, 41, 49, 51 и 81.

[*Документы передали подсудимому*]

Председатель: Что-нибудь из этого есть в ваших документальных книгах?
Тома: Документов СССР, тех, что я назвал последними, у меня нет в отдельной документальной книге. Но я полагал и убедился этим утром, что эти документы представлены трибуналу: СССР–39, 41, 251, 89, 49 и 353.
Председатель: Я спрашивал только о цели с которой вы них сейчас сослались. Конечно, у нас здесь нет сейчас всех книг. Их нет в ваших книгах?
Тома: Номер PS-161 в документальной книге 3, страница 34. Ничего остального названного нет в документальной книге.
Председатель: Хорошо.
Розенберг: Документ PS-161 связан с приказом по возвращению неких архивов из Эстонии и Латвии. Советское обвинение сделало из этого вывод, что в этом заключалось расхищение культурных ценностей в этих странах. Я бы хотел сказать, что инструкции, которые я читал из документа PS-1015 просили в недвусмысленной форме о том, чтобы все эти культурные объекты должны были оставаться в стране. И это было сделано. Я позволю себе сослаться на дату документа, которая 23 августа 1944, когда боевые действия распространились на эту территорию, и когда эти культурные объекты и архивы нужно было обезопасить от военных действий. Это здесь вопрос укрытия вышеуказанных архивов в эстонских деревенских поместьях. То есть, они так и должны были остаться в самой стране, даже в разгар боевых действий. Насколько мне известно некоторые из этих архивов всё же позднее вывезли в Германию, и мне кажется их обезопасили в замке Хохштадт в Баварии.

Документ PS-076 использован обвинением как доказательство разграбления библиотечных сокровищ в Минске. Здесь речь идёт о докладе который направил заместитель командира тылового района и который направили министерству оккупированных восточных территорий. Из этого доклада мы можем понять тот факт, что какие-то разрушения имели место в неких библиотеках, но что это было следствием расквартированных там войск, потому что город Минск был разрушен, и места проживания перегружены.

Но затем под номером 1, и снова в остальных параграфах, явно показано, что повсюду вешали плакаты, и чтобы эти вещи поставили под контроль и не трогали после этого. Он дополняет, что любые дальнейшие вывозы считались бы

грабежом.

В номере 2, я хочу всеми средствами указать на то, что здесь подтвердили, что самая ценная часть этой библиотеки Академии наук прибыла из библиотеки польского принца Георга Радзивилла[376], которую советские власти забрали с территории оккупированной Польши в Минск и включили в состав библиотеки Академии наук задолго до того как другое государство или другие немецкие учреждения действовали в этом районе. Здесь ряд других документов, а именно, PS-035 и несколько других уже представленных трибуналу, которые также заявляют о вывозе культурных объектов из Украины. Дата этих документов, то есть, год - 1943, также показывает, что эти культурные объекты оставались в стране до тех пор пока не было приказано, и что только, когда боевые действия вынудили, был проведён вывоз. Документ PS-035, говорит на странице 3, номер 5:

> «Пехотная дивизия» - о которой шла речь – «придает большое значение дальнейшей эвакуации ценных учреждений, поскольку вооруженные силы никак не могут существенно защитить данный район и очень скоро следует рассчитывать на артиллерийские обстрелы».

Тома: Я хочу приобщить этот документ под номером Розенберг–37, его еще не приобщали.

Розенберг: И затем добавляет: «Снаряжение Вермахта, средства перевозки, и т. д., по возможности предоставит…пехотная дивизия».

Тома: Могу я получить документ? [*Документ передали доктору Тома*]. Я хочу представить его трибуналу.

Розенберг: Эвакуация затем действительно состоялась под артиллерийским обстрелом, и отсюда культурные объекты, которые прибыли из Харькова и других городов в ходе боёв, лишь тогда перевезли в Германию.

Теперь я хочу рассмотреть документы, которые советское обвинение представило в подробной презентации о Чрезвычайных государственных комиссиях для Эстонии, Латвии и Литвы. Я хочу в этой связи, обсудить несколько конкретных деталей:

> На странице первой, документа СССР–39 сказано:
>
> «С начала своей оккупации Эстонской Советской Социалистической Республики, немцы и их пособники уничтожали независимость эстонского народа и затем пытаясь установить «новый порядок», уничтожали культуру, искусство, и науку; уничтожали гражданское население или депортировали его как рабов в Германию; и оставляли разоренными и разграбленными города, деревни и фермы».
>
> В связи с этим я прежде всего хочу заметить, что двадцатилетняя

---

376 Юрий Радзивилл (1556 — 1600) — князь, вельможа Великого княжества Литовского, государственный и церковный деятель Речи Посполитой, епископ Виленский, епископ Краковский,

независимость, после советского нападения в 1919, была разрушена вступлением Красной армии в 1940, точка зрения, что…

Руденко: Господин председатель, я думаю, что документ, которым сейчас оперирует подсудимый Розенберг, конечно, дает ему основание отвечать на конкретные обвинения, предъявленные за его преступную деятельность в период министра восточных областей. Однако, я полагаю, что то, что начал сейчас подсудимый Розенберг есть самая настоящая фашистская пропаганда и никакого, разумеется, не имеет отношения к делу.

Тома: Господин председатель, если подсудимый Розенберг сделает несколько вступительных замечаний к своему заявлению по документу, из которого он хочет цитировать, я прошу не прерывать его прямо сейчас. Мы разберемся с парой важных точек зрения, взятыми из документа.

Розенберг: Что касается пункта 2, я хочу заметить…

Председатель: Документ, который он рассматривает, документ который он сам написал или имел к нему какое-нибудь отношение? У меня нет документа перед глазами.

Тома: Документ представил СССР и он содержит обвинения против Розенберга – обвинения о совершении взрывов и экспроприаций на этих территориях, и он вправе заявить о своей позиции в отношении этого.

Председатель: Но когда вы говорите: «Его вопрос», разве он не может сказать, что он делал в связи с документом, или предметом из этого документа? Я имею в виду, когда вы говорите: «Высказать свою позицию», это очень широкая фраза, которая может означать, что угодно. Если вы спрашиваете, что другое он делал в связи с предметом документа, это более конкретно и точно.

Тома: Что вы делали на этих оккупированных территориях, вопреки утверждению советского обвинения?

Розенберг: Опровергая утверждение о том, что я уничтожал культуру и искусство, и науку в Эстонии, я должен отметить, что одним из первых указаний восточного министерства должно было быть создание местных администраций в этих трёх странах и наличие германской администрации в принципе служащей в качестве надзорного органа. Ограничения из–за военных условий естественно были введены на время войны; они относились к сферам военной и оборонной экономики, к сфере полицейской безопасности, и естественно к политическому отношению в целом.

Полной культурной автономией пользовались Эстония и Латвия, а также Литва; их искусство и их театры работали все эти годы; много университетских факультетов Дерпта функционировали и также некоторые факультеты в Риге; судебный суверенитет этих стран находился во власти местной администрации – национальных директоратов как они назывались. Вся школьная система осталась нетронутой. Я дважды посещал эти территории, и я могу сказать только то, что ответственные комиссары делали там всё возможное работая насколько возможно

согласно пожеланиям местной администрации, которая часто сама критиковала германскую администрацию, откровенно говоря, мы не могли полностью признать политический суверенитет в разгар войны.

На странице 2 этого документа сказано о телесных наказаниях для работников учреждений, что нарушителям эстонским рабочим предписывались телесные наказания согласно правилам железнодорожной администрации от 20 февраля 1942, за уклонение от работы или появление на работе в нетрезвом виде. Эти правила директора железнодорожной администрации соответствуют фактам. Но когда об этих правилах стало известно, конечно они вызвали негодование германской гражданской администрации. Рейхскомиссар Лозе[377] сразу же их аннулировал, и мы попросили рейхсминистерство транспорта убрать такого невозможного чиновника. Это состоялось незамедлительно, он был дисквалифицирован и отозван домой, и о том факте, что его отозвали должны был объявить в прессе. Однако, я не могу сказать действительно ли это появлялось в прессе.

На странице пятой этого документа в параграфе 2, изложено, что немцы уничтожали исторические сооружения, что они обыскали и уничтожили Тарту, то есть, Дерптский университет, который имел блестящее прошлое более чем 300 лет, и являлся одним из старейших учреждений высшего образования.

Теперь я хочу добавить, что эти здания, датируемые семнадцатым и другими веками были построены исключительно немцами, и что германские войска точно не были заинтересованы в произвольных уничтожениях зданий своего собственного народа. Во–вторых, этот трёхсотлетний Дерптский университет 300 лет был немецким университетом, который фактически снабжал Россию и Германию учеными с европейской репутацией.

Председатель: Это совершенно не относится к делу, совершенно не относится. Вопрос в том, был ли он разрушен.

Розенберг: В 1942 я однажды был в Дерпте. Большая часть города была разрушена в результате боевых действий, но университетские здания всё же стояли. В связи с этим у меня была возможность узнать, что айнзацштаб Розенберга в Украине мог конфисковать 10 000-20 000 томов принадлежащих Дерптскому университету и передал их законному владельцу.

Я считаю, что не обсуждается то, что произвольное уничтожение этого старого немецкого университета могли совершить германские войска, и могу лишь полагать, что это было результатом боевых действий, если разрушение действительно произошло.

Что касается остальных подробностей документа о котором идёт речь, я не могу определить свою позицию. Он касается многих расстрелов полицейского

377 Генрих Лозе (1896 — 1964) — высокопоставленный деятель НСДАП и Третьего рейха, один из организаторов и руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд.

характера, вопросов явно связанных с боевыми действиями, и я не могу сделать никакого заявления об этом, поскольку это, очевидно, относятся ко времени отступления.

Документ СССР–41 касается сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по вопросам Латвии. Я хочу поправить и сказать, что штаб–квартира министра иностранных дел находилась не в Риге, но, что её постоянным местом был исключительно Берлин.

В четвёртом параграфе сказано:

«Немцы конфисковали землю латышских крестьян для своих баронов и помещиков, и безжалостно уничтожали мирное население – мужчин, женщин и детей».

В связи с этим я хочу заявить о том, что ни одну ферму не отдали немецким баронам бывших времен в период гражданской администрации, но германская администрация страны приняла распоряжение, которое, по моему мнению, являлось исключительной, прогрессивной частью законодательства. Так как данная земля принадлежала немцам 700 лет и экспроприировалась молодыми эстонской и латышской республиками почти без компенсации, её конечно можно было легко вернуть немцам. Но я подписал закон в марте, либо 1942 или 1943 – я не знаю – так называемый закон о реприватизации, который законно гарантировал эстонским и латышским крестьянам немецкую собственность, принадлежащую им тогда и переданную по торжественным уставам. С оккупацией Советским Союзом, была введена коллективизация частных ферм, и это касалось того, то, что коллективизацию отменили и таким образом бывшие владельцы из 1919 снова вступили во владением своим имуществом.

Я хочу упомянуть следующее в объяснение данного заявления. На второй странице сказано:

«За более чем 3 года немцы осуществили задачу по уничтожению фабрик, предприятий, библиотек, музеев и домов латышских городов».

Я лично был в латышских художественных музеях, видел большую выставку латышского искусства, я был в латышском государственном театре, в котором все представления были на латышском языке, с несколькими приглашенными немецкими дирижерами и певцами. Фабрики не уничтожали за эти 3 года управления, но их производительность увеличилась многочисленными немецкими машинами: конечно, это вызвало много протестов от местных собственников, потому что это сопровождалось неопределённостью об их собственном участии, но во всяком случае не было никаких разрушений, скорее рост в производственных объёмах.

И наконец, что касается архивов и библиотек, я уже сказал, то что необходимо в связи с документом PS-035.

Относительно уничтожения 170 000 гражданских, я не могу занять какую–либо позицию относительно того, что происходило в полицейских лагерях по соображениям полицейской безопасности. Однако, я хочу отметить, что согласно официальным заявлениям местной администрации, в первую очередь более чем 40 000 эстонцев в Эстонии и более чем 40 000 латышей в Латвии депортировали вглубь Советской России после оккупации этих стран Красной армией. И кроме того большое количество латышей и эстонцев добровольно сражались с Красной армией и что при отступлении сотни тысяч эстонцев и латышей попросили забрать их в Рейх и многие действительно прибыли туда. Все население Латвии составляло около 2 миллионов. Чтобы германские власти расстреляли 170 000 латышей, кажется сомнительным в высшей степени.

Однако, относительно остальных предполагаемых разрушений совершенных в ходе боевых действий, я не способен занять определенную позицию.

Третий документ СССР–7, касается сообщений Чрезвычайной комиссии по Литве. На странице 1, второй параграф, он заявляет, что рейхсминистр Розенберг пытался германизировать литовский народ и уничтожить национальную культуру. Литва была провозглашена частью германской «провинции Остланд».

В Литве с крестьянским вопросом обращались таким же образом как в Эстонии и Латвии. Конечно, было одно отличие поскольку постольку Литва имела большее количество небольших немецких крестьянских ферм которые в конце 1939 взяли в Германский Рейх, и когда немцы вступили в Литву они вернулись на свои первоначальные фермы и расселились настолько кучно насколько возможно в определенных поселенческих округах. Это соответствует фактам, с остальным я не могу согласиться.

Что касается уничтожения национальной культуры, мне это тоже не кажется правдивым представлением. Напротив, я знаю, что штаб моего ведомства был очень заинтересован в сотрудничестве с представителями исследователей литовского фольклора, и что были написаны многие исследования по сравнительной фольклорной работе в Литве и Латвии, и я не могу представить, чтобы там происходили какие-то произвольные разрушения. Я могу вспомнить только то, что административные чиновники из столицы, Кауэна или Каунаса, прибыли ко мне во время отступления, и сказали, что они работали в Кауэне 5 дней, при том, что город уже находился под огнем советской артиллерии, из-за чего, конечно, во время боевых действий были разрушены многие здания, я ничего не могу сказать об этом по личному опыту.

Теперь я перехожу к документу СССР–51. В ноте народного комиссара иностранных дел от 6 января 1942, уничтожение культурных ценностей Литвы, Латвии и Эстонии также приводится во вступительном упоминании. Я ссылаюсь на то, что уже сказал относительно представленных документов. На второй странице, столбец 1, также сказано, что немцы безжалостно грабили и убивали крестьянское

население. И здесь я хочу сослаться на уже сделанные заявления. На шестой странице, столбец 1, в начале сказано, что немцы в своей ярости против Латвии, Литвы и Эстонии уничтожали все национальные культуры, национальные памятники, школы и литературу. Но это, как я уже заявил, не соответствует фактам. Нота народного комиссара иностранных дел от 27 апреля 1942, которую здесь периодически подробно зачитывали, делает на первой странице, столбец 1, такое же утверждение о том, что здесь происходил грабёж территории советского государства. Я сошлюсь на заявление уже сделанное мной.

На седьмой странице сказано, что немцы намеревались и на самом деле полностью разграбили земли предоставленные советским правительством колхозам для их постоянного использования. Я не желаю делать какие–нибудь заявления об этом специальном вопросе. Государственный секретарь Рикке, которого трибунал одобрил в качестве свидетеля, сделает экспертные заявления по закону о новом аграрном порядке принятом для развития фермерства в Белоруссии и Украине.

Так как советское обвинение отозвало своё обвинение против меня в том, что я бывший царский шпион, я не буду вдаваться в это. Я также не могу, конечно, подробно проверить различные цитаты представленные здесь. Но в одном случае мне, возможно дать объяснение. Это девятая страница, столбец 1, вверху, где комиссар по иностранным делам упоминал так называемые «двенадцать заповедей» поведения немцев на Востоке. Здесь следует цитата из немецкой директивы. Эти 12 заповедей, трибуналу представило советское обвинение, как экземпляр СССР–89. Это касается, как было установлено, директивы государственного секретаря Бакке[378], от начала июня 1941, директивы о которой я узнал только здесь. Эта, по–видимому сплошная цитата комиссара иностранных дел подтверждается как компиляция фрагментов фраз, которые на самом деле рассеяны на полутора страницах документа, и эти фрагменты, более того, не представлены в правильной последовательности, а в совершенно другой последовательности, нежели та, что есть в документе. Но я хочу обратить ваше внимание на несколько изменений в формулировке:

> В шестом пункте заповедей:
>
> «Следовательно вы должны» - это направлено к сельскохозяйственным руководителям» - «следовательно вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые суровые и беспощадные мероприятия, которых требуют от вас национальные потребности. Отсутствие характера у отдельных лиц безусловно явится поводом к снятию их с работы. Всякий кого отзывают по таким причинам больше не сможет занимать в Рейхе никакой полномочной

378 Герберт Бакке (1896 — 1947) государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства Рейха (октябрь 1933 года — 1 апреля 1944 года), министр продовольствия и сельского хозяйства Рейха (23 мая 1942 года — 23 мая 1945 года (и. о. — 23 мая 1942 года — 1 апреля 1944 года), обергруппенфюрер СС (9 ноября 1942 года). Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

должности».

В цитате из официальной ноты сказано:

«Поэтому, вы должны проводить с достоинством самые жестокие и беспощадные меры, продиктованные немецкими интересами. Иначе вы не сможете иметь никакой ответственной должности дома».

Следовательно, слово «суровые» заменили словом «жестокие»: вместо «национальных потребностей» сказано очень общее «немецкие интересы»; и вместо ссылки на «отсутствие характера» излагается довольно общо, что если кто-то таким образом не предпримет самые жестокие меры тот не может иметь никаких ответственных должностей. Я бы не хотел каким-либо образом отождествлять себя с этими 12 заповедями, но я хочу заявить, что на третьей странице в пункте 7 сказано:

«Будьте справедливыми и лично достойными и всегда подавайте хороший пример».

И в части 9:

«Не шпионьте за коммунистами. Русская молодежь воспитывалась коммунизмом два десятилетия. Русская молодежь не знает никакого другого воспитания. Поэтому бессмысленно наказывать её за прошлое».

Мне кажется, что и здесь, господин Бакке, который иначе использовал грубые выражения, не имеет в виду никаких правил для уничтожения.

Теперь я перехожу к обвинению польского правительства. Это касается меня только в одном пункте. На странице 20, в пункте 5, сказано, что эксплуатация, разграбление и вывоз предметов искусства, и т.д., из разного рода музеев и коллекций были централизованы ведомством Розенберга в Берлине. Это неправильно, как показал доклад государственного секретаря Мюльмана[379], который зачитывали здесь много раз и который показывает, что совершенно другое ведомство было создано для сохранения этих художественных работ. Кроме того, я сегодня читал распоряжение доктора Ламмерса датированное, мне кажется, 5 июля 1942, в котором Генерал–губернаторство прямо исключалось.

Однако, я должен, признать, что в одном случае в начале, айнзацштаб конфисковал немецкую музыкальную коллекцию и её забрали в Рейх с целью изучения. Эта акция была неправильной, и из переписки с тогдашним генерал–губернатором Франком, которая должна быть здесь в моих материалах, видно, что мы согласовали, что эту коллекцию должны были вернуть в Генерал–губернаторство что, само собой разумелось, после научного исследования, которое я, если быть точным запросил.

Неточность данного обвинения также видна из того факта, что как утверждали здесь, я имел в айнзацштабе в числе различных ведомств также отдел

379 Кайтан Мюльман (1898 – 1958) – австрийский историк искусства и офицер СС.

«Восток» для Польши. Неточность данного заявления можно понять из такого факта, что так называемые штабы особого назначения которые были созданы для музыки и пластического искусства на Востоке, на самом деле был экспертно-специальными штабами, и кроме них так называемые рабочие группы имели региональные задачи. Поэтому, я мог не иметь отдел «Восток» для Польши и в любом случае термин «Польша» никогда не использовали в официальных кругах – только термин «Генерал–губернаторство». Мне кажется, я могу ограничить себя таким объяснением. В дополнение, здесь представили ряд других общих документов из Смоленска и из других городов, ссылающиеся на сильное разрушение и полицейские меры. Я не могу свидетельствовать относительно этих положений.

В заключение я хочу сослаться только на документ PS-073, который несколько дней назад представили свидетелю, доктору Ламмерсу. Этот документ касался передачи документа от министерства иностранных дел, в котором приводилась какая-то ошибочная информация о том, что говорилось, что советские военнопленные находились под командованием рейхсминистра оккупированных восточных стран.

Во введении можно видеть, что здесь речь идёт исключительно о доктринальной обработке и пропагандистской работе, которые министр Геббельс, считал своей вотчиной, нежели чем вотчиной министерства иностранных дел. Министерство иностранных дел заявляло о том, что оно имело ведущую компетенцию над всеми военнопленными за исключением моральной и пропагандистской обработки советских военнопленных, что относилось к министру оккупированных восточных территорий, потому что эти пленные не подпадали под нормы Женевской конвенции. Это заявление о том, что они не связаны с Женевской конвенцией, являлось правовым мнением принятым в ставке фюрера для создания администрации на восточных оккупированных территориях.

Тома: Свидетель, в ходе данного процесса вас, по крайней мере, четыре раза обвиняли, в вопросе золотых коронок, заполнении тюрьмы в Минске. В связи с этим даже представили документ, относительно обращения с еврейским вопросом, и далее документ также касавшийся поджога и антиеврейской «акции» тоже в округе Минск. Будьте добры рассказать нам, что вы можете сказать в данной связи?

Розенберг: Я могу, возможно, дать следующий общий ответ о многих материалах и докладах из моего ведомства: в течение 12 лет в своей партийной должности и трёх лет в восточном министерстве, много докладов, меморандумов, копии всех видов из подразделений, доставляли в моё ведомство. Какие-то из них я знаю, о каких-то я получал устные сведения, которые затем подробно заносили в дела, и есть большое количество более важных и какие-то совершенно неважные вещи, которые я совершенно не мог замечать в течение этих лет.

Что касается этих документов, я должен сказать относительно документа PS-212, что он явно представляет обращение в моё ведомство – которое без бланка,

без подписи, и без каких–нибудь других деталей – которое я никогда не получал лично, но которое я полагаю, наверное, доставили из полицейских кругов в моё ведомство. Таким образом, при всём желании я не могу заявить о своей позиции по содержанию этого документа.

Что касается документа PS-1104 который касается ужасных инцидентов в городе Слуцк, то есть отчёта от октября 1941, и я должен сказать, что этот отчёт мне представляли. Этот отчёт вызвал возмущение восточного министерства, и как здесь видно, мой постоянный представитель, гауляйтер Мейер[380], направил копию этой жалобы от гражданской администрации вместе с критикой гражданской администрации в полицию, начальнику полиции безопасности, в то время Гейдриху, с просьбой о расследовании. Я должен сказать, что полиция имела свою собственную компетенцию, в которую министерство оккупированных восточных территорий не могло вмешиваться. Но я не способен сказать, какие меры предпринял Гейдрих. Пока, как можно видеть из этого, я не могу полагать, что приказ – который подтвердил здесь вчера свидетель – был отдан Гейдриху или Гиммлеру фюрером. Этот отчёт, и многие другие сообщения, которые доходили до моих ушей, относительно расстрелов саботажников и также расстрелов евреев, погромов местного населения в балтийских государствах и в Украине, я воспринимал как военные происшествия. Я слышал о том, что в Киеве расстреляли большое число евреев, но что большая часть евреев покинула Киев, и сумма этих докладов показывала мне, это правда, ужасную жестокость, в особенности некоторые доклады из тюремных лагерей. Но, то что, был приказ об индивидуальном уничтожении всего еврейства, я не мог так считать и если в наших полемиках, также обсуждалось уничтожение еврейства, я должен сказать, что это слово, конечно, должно производить пугающее впечатление в виду показаний доступных нам, но в преобладавших тогда условиях, это не интерпретировали как индивидуальное уничтожение, индивидуальное истребление миллионов евреев. Я также должен сказать, что даже британский премьер–министр, в официальной речи в Палате общин от 23 или 26 сентября 1943, говорил об уничтожении на корню пруссачества и национал–социализма. Я читал эти слова в его речи. Однако, я не считаю, что говоря это, он имел в виду расстрел всех прусских офицеров и национал–социалистов.

Относительно документа Розенберг–135 (экземпляр USA–289) я хочу сказать следующее: он датирован 18 июня 1943. 22 июня, я вернулся из официального визита на Украину. После этого официального визита я обнаружил кучу записок о совещаниях. Я нашел много писем, и прежде всего, я нашёл распоряжение фюрера от середины июня 1943, которое уже довели устно, в котором фюрер проинструктировал меня ограничить себя основными принципами, что

380 Альфред Мейер (1891 — 1945) — партийный и государственный деятель Третьего рейха, участник Ванзейской конференции. Государственный секретарь министерства восточных оккупированных территорий. Покончил жизнь самоубийством.

касалось законодательства, и не слишком интересоваться деталями управления на восточных территориях. Я был подавлен, когда вернулся из поездки и не прочитал этот документ. Но я не могу полагать, что этот документ совсем не называли мне в моём ведомстве. Мои подчиненные были настолько добросовестными, что я могу полагать лишь то, что во время своего доклада мне о многих документах, они рассказали мне, о наличии очередного разногласия между полицией и гражданской администрацией, так как раньше было много подобных разногласий, и возможно я сказал: «Пожалуйста, дайте это гауляйтеру Мейеру или дайте это полицейскому офицеру, связному для того, чтобы он мог расследовать эти дела». В противном случае эти ужасные подробности остались бы в моей памяти. Я ничего большего не могу сказать об этом предмете, чем смог сказать, когда это затронули во время допроса.

Тома: Я представляю трибуналу экземпляр Розенберг–13, меморандум Коха Розенбергу, жалобу на критику Розенберга и оправдание его политики в Украине, от 16 марта 1943, и письмо Розенберга рейхсминистру Ламмерсу от 12 октября 1944, в котором он заявляет фюреру о желании своей отставки. С позволения трибунала, относительно Розенберг–13, меморандум Коха Розенбергу…

Председатель: Какой номер?

Тома: Розенберг–13, документ PS-192, документальная книга номер 2, страница 14; я хочу зачитать его трибуналу лично, и сделать следующее вступительное замечание.

Председатель: Это очень длинная вещь, доктор Тома. Вам разумеется не нужно его читать целиком?...

Тома: Я не буду читать всё из него, ваша честь. Но у меня, к сожалению единственная возможность представить государственного секретаря Рикке как чиновника министерства оккупированных восточных территорий. Однако, трибунал даже от этого свидетеля, который предстанет перед ним, сможет понять, что лучшие сотрудники, которых имел Германский Рейха использовались в министерстве оккупированных восточных территорий и, что каждую отдельную жалобу добросовестно проверяли. Это не так, что в дополнение к тому, что мы слышали сегодня, было совершено множество других преступлений, о которых не стало известно трибуналу, но я считаю, что исчерпывающе представлено всё о «решительно ужасных вещах», которые происходили на Востоке за эти 4 или 5 лет. И сейчас вопрос в том как на это отвечал Кох.

Председатель: Трибунал просто попросил вас не зачитывать весь документ на многих страницах. Это означает, что вы можете продолжать и зачитать его важные части.

Тома: Таким образом, я хотел бы утверждать, что каждая и всякая жалоба, которую получало министерство оккупированных восточных территорий доводилась до конца. Гауляйтер Кох пишет:

«Различные недавние распоряжения рейхсминистра оккупированных восточных территорий, в которых моя работа критикуется в исключительно грубой и оскорбительной манере и в результате которых возникло недопонимание о политике, а также о моём правовом положении, заставили меня представить вам в форме меморандума этот доклад, господин рейхсминистр».

И затем следуют ремарки которые показывают, что министерство оккупированных восточных территорий расследовало жалобы. Он жалуется:

«Например, 12 января 1943, министерство проинформировало меня о том, что Анне Прично из Смыгловки, восточной работнице отказали в том, чтобы её родители оставшиеся на Украине могли не платить своих налогов. Меня попросили отменить эти налоги или снизить их наполовину и также доложить о своём решении».

На странице 13:

«Недавние многочисленные индивидуальные жалобы от восточных рабочих работающих в Рейхе перенаправили мне и в каждом отдельном случае просили представить доклад, обычно короткий доклад уведомляющий, что невозможно выполнить запрос».

На страницах 15 и 16:

«Отсюда, я нахожу странным» - пишет Кох – «иметь распоряжение I/41 от 22 ноября 1941 говорившее, что украинский народ, сильно пронизан немецкой кровью, которая выражается в заметных культурных и научных достижениях. Но когда еще секретное распоряжение от июля 1942, на которое я сошлюсь более подробно в конце данного раздела, объявляет, что очень много точек соприкосновения существует между немецко– украинским народом, можно только удивляться и поражаться. Данное распоряжение требует не только правильных, но даже дружеских манер с украинцами».

Затем:

«Следующим я хочу привести еще несколько примеров нехватки сдержанности в отношении украинцев. Например, по распоряжению от 18 июня 1942, II 6 f 6230, меня проинформировали о том, что вы приобрели на 2,3 миллиона рейхсмарок украинские учебники, за счёт моего бюджета, даже предварительно не связавшись со мной».

Председатель: Вы думаете, есть необходимость читать всё это? Я не совсем уверен, куда вы дошли, потому что я читал.

Тома: Господин председатель, могу я сделать замечание в связи с этим? Я уже ограничил свой выбор. Данный меморандум это довольно толстая тетрадь; однако, я все же постараюсь быть более кратким, и хочу только подчеркнуть, что на каждой странице вы найдете жалобы на добросовестность с которой Розенберг доводил до

конца все индивидуальные жалобы. Но я буду очень краток:

«Не обязательно, чтобы ваше министерство снова и снова озадачивало, как оно делает многими письменными и телефонными протестами о том, чтобы всякое насилие при вербовке рабочих следовало прекратить».

И затем есть одно очень короткое замечание:

«И если я издаю против порки больше распоряжений, чем случается на самом деле, то это заставляет меня смеяться.

Такое случалось несколько раз и каждое отдельное дело строго цензурировали».

Уважаемый суд, и теперь мы переходим к чему–то очень важному, а именно тому, как гауляйтер Кох угрожает представлениями фюреру и говорит:

«Никто никогда не просил меня, как старого гауляйтера, представлять ему написанные мной статьи, ибо никто кроме фюрера не может освободить меня от политической ответственности которую я несу за статью подписанную моим именем…

Наконец, в дополнение к этим заявлениям о своей ответственности я хочу сослаться на отношения между фюрером и рейхскомиссарами. Как старому гауляйтеру мне позволено приходить со своими проблемами и запросами непосредственно к фюреру, и в таком моём праве как оберпрезидента мне никогда не отказывал даже мой вышестоящий министр…

Распоряжением I 6 b 47021/42, мне приказали воздерживаться от ссылок на пожелания фюрера в своих докладах вам, так как перенаправление пожеланий фюрера являлось исключительно вашим делом. Я должен заявить здесь, что в моём положении как старого гауляйтера фюрер периодически давал мне свои политические указания…

Если отнять или урезать положение рейхскомиссаров по отношению к фюреру, тогда очень мало остается для должности рейхскомиссара».

На странице 50, он говорит:

«Я вынужден прямо заявить, что в таких обстоятельствах я должен, отказаться брать ответственность за успех вербовки рабочей силы и весенний сев».

Розенберг рекомендовал ему продолжать вербовку рабочих.

И в конце он говорит:

«На моё положение так часто посягали с вашей стороны за последние 3 недели, что оно может быть восстановлено только фюрером».

Потом возник конфликт в присутствии Гитлера в рейхсканцелярии между Розенбергом, Борманом и Кохом, и результатом было то, что Бормана и в основном

Коха, поддержали и подсудимого Розенбергу уведомили ограничить себя только принципиальными вопросами.

Потом подсудимый попросил отставки.

Теперь, я прошу подсудимого разобраться с этим более подробно. Это в документальной книге 2, страница 27.

Розенберг: Я хотел бы заметить…

Председатель: Доктор Тома, я думаю нам лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Тома: Свидетель, несколько дней назад упоминали документ, из которого становится ясно, что лесной район Цуман должен был быть личными охотничьими угодьями рейхскомиссара, и что сотни людей расстреляли, из–за того, что их переселение тогда было слишком сложным и заняло бы слишком много времени. Вы сделаете заявление об этом?

Розенберг: По ходу времени, я получал больше информации относительно примеров насильственных актов совершаемых на Востоке. Расследуя, часто выяснялось, что эти доклады не соответствовали фактам. В этом случае доклад показался мне совершенно убедительным, поэтому я воспользовался возможностью доложить непосредственно фюреру, учитывая, что у меня были проблемы с гауляйтером Кохом.

Помимо других вопросов – школ в Украине, создания технических школ, и некоторых личных заявлений Коха, которые я представил как жалобу - я также представил этот доклад.

На приёме у фюрера, рейхскомиссар Кох представил мнение начальника лесной администрации Украины. В нём оказалось, что эти лесные районы нужно было использовать для поставок древесины либо для железнодорожных путей или других чрезвычайных нужд. И поскольку различные повстанческие отряды и партизаны собирались вместе в этих лесных районах и такая задача была чрезвычайно опасной в виду небезопасной ситуации, было установлено, что Кох, не в интересах задуманной ранее охоты, а по этой причине, приказал очистить этот район, и во время этой зачистки было выявлено и расстреляно значительное количество партизан. Остальное население из этих лесных районов переселили, и как добавил Кох, в дополнение к этому заявлению начальнику лесной администрации, ряд из этих переселённых людей даже выразили благодарность за то, что они получали более хорошую землю, чтобы работать, нежели была у них в этих лесных районах. По получении этих докладов от Коха фюрер пожал плечами и сказал:

> «Тут сложно решить. Согласно заявлению лесной администрации для Украины, что здесь есть, я должен оставить вопрос сам себе, и другие

решения относительно украинской политики направять вам».

Это случилось в июле в форме распоряжения, которое также в моих материалах, но которое к сожалению, не нашли. Это распоряжение, о котором говорил свидетель Ламмерс и которое в принципе заявляло, что рейхсминистр не должен создавать никаких препятствий, министру Востока следует ограничить себя основными вопросами, должен представлять свои распоряжения для мнения рейхскомиссара и в случае конфликта, требовалось обеспечить решение фюрера.

После этого распоряжения фюрера, я предпринял новую попытку представить взгляды, которые я считал правильными. Но конечно, я не отрицаю, что по нескольким поводам, из–за давления ставки фюрера, я немного устал. И когда это было сказано, и сказано четкими словами о том, что я видимо больше заинтересован в этих восточных народах, чем в благополучии немецкой нации, я сделал несколько примирительных заявлений, но мои распоряжения и дальнейшее применение моих указаний продолжалось прежним образом. Как сейчас смог убедиться, я лично докладывал фюреру об этом вопросе по восьми различным поводам, и я представлял письменные обращения и формулировал свои распоряжения с этой целью в уме.

Когда затем в 1944, рейхсфюрер СС тоже занял себя не только полицейскими делами, но также политикой на восточных территориях, и когда я больше не мог докладывать в ставке фюрера, поскольку с ноября 1943, я предпринял самую последнюю попытку предложить фюреру великодушную восточную политику. В то же время, я очень четко попросил, что в случае отказа, меня следовало освободить от любой дальнейшей работы. Этот документ, (документ Розенберг–14) письмо доктору Ламмерсу от 12 октября 1944 в начале которого сказано, что:

> «Перед лицом текущего развития восточной проблемы, я прошу вас лично представить сопроводительное письмо фюреру. Я считаю способ и манеру которыми сегодня руководят германской политикой на Востоке самым неудачным; при том, что я не участвую в переговорах, меня несмотря на это сделали ответственным за них. Поэтому, я прошу вас представить моё письмо фюреру так быстро как возможно для его решения».

Доктор Ламмерс затем незамедлительно передал это письмо секретарю фюрера, Борману. В письме фюреру на странице 2 сказано:

> «Для наблюдения и направления такого развития я создал региональные отделы для всех восточных народов в министерстве оккупированных восточных территорий, к которым сейчас можно, после многих проверок, относиться как к подходящим для их целей и хорошо организованным. Они также включают представителей из различных заинтересованных регионов и рас, и если они отвечают интересам германской политики, их можно признать в качестве

специального национального комитета».

Эти центральные отделы, названные здесь, имели задачу следить за тем, чтобы представители всех восточных народов лично получали жалобы от своих сограждан, которые находились на суверенной немецкой территории и представляли их министерству оккупированных восточных территорий, которое в свою очередь разбирало эти жалобы с властями Германского трудового фронта, с полицией, или генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.

На странице 5 затем сказано:

«Я проинформировал рейхсминистра и начальника рейхсканцелярии о том, что восточное министерство сделало в сфере политического руководства в письме от 28 мая 1944, и я прошу вас, мой фюрер, чтобы вам зачитали содержание».

Это ссылка на дальнейшее заявление.

На странице 6 сказано:

«Мой фюрер, я прошу вас сказать, желаете ли вы так же моей деятельности в этой области, так как мне невозможно докладывать вам устно, доводить до вас и обсуждать с различных сторон проблемы Востока, я должен, учитывая такое положение, полагать, что вы более не считаете мою деятельность необходимой.

В дополнение неизвестные мне источники распространяют слухи о роспуске министерства оккупированных восточных территорий; фактически говорится, что эти слухи использовались в официальной переписке высших властей Рейха из–за различных требований которые предъявлялись. В таких обстоятельствах продуктивная работа невозможна, и я прошу вас, дать мне указания, как я должен действовать при развитии такого положения дел».

В середине следующего абзаца, я отмечаю следующее, из идей, что я впервые озвучил в своей речи от 20 июня и в своём протесте во время встречи от 16 июня. И здесь буквально сказано:

«Данный план предусматривал, что с целью мобилизации всех национальных сил восточных народов, им следует заранее пообещать определенную автономию и возможность культурного развития, с целью направить их против большевистского врага. Данный план, который я, в начале рискнул предложить, для вашего одобрения, не был осуществлен, потому что с народами обращались способом, который был политически противоположен этому.

Исключительно и только из–за аграрного приказа от 1942, одобренного вами, их желание работать поддерживалось до конца в виду надежды приобрести имущество».

К этому письму фюреру прилагалось предложение по перестройке

восточной политики, которое повторили в последний раз. И в параграфе 2 в середине второй страницы сказано:

«Региональные и местные отделы для народов Востока, приданные рейхсминистру оккупированных восточных территорий, от имени правительства Рейха, следует признать в качестве национальных комитетов с даты установленной фюрером. Под термином «национальный комитет» правительству Рейха следует понимать то, что эти уполномоченные представители могут представлять пожелания и жалобы от своих народов».

На странице 2, в середине, сказано:

«В руководстве народами Востока…»

Председатель: Трибунал интересуют все эти подробности? Его суть привёл свидетель, не так ли? Он подытожил всё письмо, прежде чем он начал , что-нибудь из него читать. В этом нет ничего нового.

Тома: Господин председатель, подсудимый снова хотел кратко подытожить, в чём заключались его идеи для Украины, а именно, автономия, свободное культурное развитие; и в этом заключалась сущность разногласий с Кохом, а именно, что Кох давил в основном на идею эксплуатации; поэтому подсудимый хотел сказать еще раз, что у него был общий план намерений по Советскому Союзу. Но эту тему можно опустить.

Прежде чем я сделаю заявление о вопросе готовности проводить в Украине конструктивную работу, я хочу попросить подсудимого сделать заявление по вопросу обращения с военнопленными. Документ 081.

Председатель: Он где–то в ваших книгах? Это документ PS-081.

Тома: Его приобщали под номером экземпляра СССР.

[*Документ передали подсудимому*]

Тома: Вы нашли подсудимый?

Розенберг: Это экземпляр СССР–353. Жалобы относительно военнопленных поступавшие от разных источников. Почти с самого начала их уже подавали в восточное министерство; затем позже, в частности во время зимы 1941–1942, их доставляли офицеры или солдаты отпускники и доводились до меня моим политическим управлением. Затем мы передавали эти жалобы в компетентные военные учреждения с запросом о том, чтобы по очевидным причинам, их принимали во внимание.

Такие жалобы часто получали и мой штаб, по ходу времени, говорил мне, что он столкнулся с большим пониманием для этих пожеланий, в частности пожеланий высказанных нами о том, чтобы пленных из большого числа лагерей советских военнопленных следовало отбирать согласно их национальности и

переводить в небольшие лагеря, потому что в результате такой национальной сегрегации, было бы лучше гарантировано хорошее политическое и гуманное обращение. В виду многочисленных жалоб о смертях многих тысяч советских пленных, я получал более чем однажды, доклады о том, что во время боев в окружении, части Красной армии ожесточенно оборонялись и не сдавались. Фактически они были полностью истощены от голода, когда наконец попадали в плен к немцам, и были установлены даже многочисленные случаи каннибализма, рождённого их установкой не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

Третья жалоба полученная мной была о том, что расстреливали политических комиссаров. Эту жалобу мы тоже передали. О том, что существовал приказ[381] в связи с этим, было мне неизвестно. Мы делали выводы из других докладов, что здесь явно должна была быть политическая или полицейская репрессалия[382], поскольку мы слышали о том, что многие немецкие пленные, которых позже освободили, в большинстве были обнаружены мертвыми или изувеченными. Позже меня проинформировали о том, что такие расстрелы запретили, и таким образом мы полагали, что политические комиссары также принадлежали к регулярной Красной армии.

Теперь здесь документ PS-081. Как сказано обвинением, это письмо от министра оккупированных восточных территорий начальнику ОКВ. Документ также был найден в моих делах. Но это не письмо от меня начальнику ОКВ, Кейтелю; напротив, оно, очевидно, хранилось в моём ведомстве отправителем. В левом верхнем углу на странице 1, можно увидеть, что есть цифра «I». Она означает управление «I». В случае букв исходящих от меня такая ссылка всегда была бы отсутствующей, так как «I» не являлся управлением моего ведомства. Кроме того, мои письма начальнику ОКВ были всегда личного характера, либо начинаясь с имени адресата, или личного адреса. Начальник ОКВ - ведомство. Таким же образом обычный адрес: «рейхсминистр оккупированных восточных территорий» не являлось личным письмом мне, но означало бы ведомство.

Я не буду вдаваться в эти подробности, но я возьму на себя смелость зачитать один последний абзац в связи, которым я также могу заявить, что он сохранял дух, который я стремился привить своим сотрудникам. И также, они думали о том, что они должны действовать и выражать себя в таком духе. Буквально, сказано, на странице 6:

«Главным требованием…»

Председатель: Какая дата?

Розенберг: Письмо датировано 28 февраля 1942. То есть, это было зимой, в тот

381 Приказ о комиссарах официальное название Директивы об обращении с политическими комиссарами, был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления».

382 Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

кошмарный холодный период. На странице 6 сказано буквально:

> «Главным требованием должно быть, чтобы обращение с военнопленными проводилось согласно с законами гуманизма и подобающего достоинства Германии…
>
> Понятно, что многочисленные случаи бесчеловечного обращения с немецкими военнопленными военнослужащих Красной армии, которые зафиксировали, настолько озлобили немецкие войска, что они желают отплатить той же монетой.
>
> Однако, подобные репрессалии, никоим образом не улучшат ситуацию с немецкими военнопленными, но совершенно приведут, к тому, что обе стороны больше не будут брать никаких пленных».

Я просто хотел процитировать это письмо, потому что у меня нет в распоряжении других документов о работе моего политического управления, и это единственный пример работы, которая я думаю, затрагивает эти проблемы.

Тома: Господин председатель, я хотел прийти к завершению вопросов относящихся к министерству оккупированных восточных территорий приобщением письменных показаний профессора, доктора Денкера о применении сельскохозяйственных машин в Украине. Документ Розенберг–35 уже допущен мне трибуналом. Эти письменные показания касаются следующего…

Председатель: Вы сейчас закончили свой допрос?

Тома: Я закончил с вопросами, относящимися к министерству оккупированных восточных территорий. У меня осталось лишь несколько коротких вопросов.

Председатель: Трибунал недавно видел эти письменные показания, поэтому нет необходимости их зачитывать. Итак, если вы готовы, укажите нам номер экземпляра.

Тома: Розенберг–35. Они касаются машин стоимостью 180 миллионов доставленных на Украину - сельскохозяйственных машин.

Свидетель, вы являлись членом СА или СС?

Розенберг: Нет, я ни принадлежал, ни к СА, ни к СС.

Тома: Значит вы никогда не носили форму СС?

Розенберг: Нет.

Тома: Вы, что-нибудь знали о концентрационных лагерях?

Розенберг: Да. Этот вопрос, конечно, ставили каждому, и тот факт, что концентрационные лагеря существуют, стал известен мне в 1933. Но хотя это может показаться повторением, я должен, вместе с тем сказать, что я знал названия только двух концентрационных лагерей, Ораниенбурга и Дахау. Когда мне объясняли об этих учреждениях, меня проинформировали, помимо прочего, о том, что в одном концентрационном лагере находились 800 коммунистических функционеров чьи предыдущие приговоры в среднем равнялись 4 годам тюрьмы или частично также исправительным срокам. В виду факта, что это было связано с полной революцией и

при том, что у них была правовая основа, они всё же являлись чем-то революционным, я считал понятным, что о превентивном заключении новому государству следовало распорядиться на некоторое время для таких враждебных лиц. Но в то же время я видел и слышал как с нашими сильнейшими противниками, в отношении которых, в противном случае нельзя было предъявить никаких обвинений, обращались настолько великодушно, что например, наш сильнейший оппонент, прусский министр Зеверинг[383] был отправлен в отставку с полной министерской пенсией, и я считал такое отношение национал–социалистическим. Таким образом, я должен был полагать, что эти меры являлись политически и национально необходимыми, и я полностью убедился в этом.

Тома: Вы участвовали в эвакуации евреев из Германии?

Розенберг: Возможно, мне следует добавить одну вещь: я не посещал никакой реальный концентрационный лагерь, ни Дахау ни любой другой. Однажды – это было в 1938 – я спросил Гиммлера о том, какое на самом деле положение в концентрационных лагерях, и сказал ему о том, что из зарубежной прессы можно услышать всякого рода уничижительные отчеты о жестокостях. Гиммлер сказал мне: «Почему бы вам не приехать в Дахау и самому не посмотреть на дела? У нас там есть бассейн, у нас есть санитарные средства – безупречные, нельзя предъявить никаких претензий».

Я не посетил этот лагерь, потому что если на самом деле происходило, что-то неподобающее, тогда Гиммлер, которого заранее спросили об этом, наверное не показал бы мне это. С другой стороны, я воздержался от поездки по причине хорошего вкуса, я просто не хотел видеть людей которых лишили свободы. Но я подумал, что такой разговор с Гиммлером осведомит его о том, что такие слухи ходят.

Второй раз, позже – однако, я не могу сказать было это до или после начала войны – Гиммлер сам заговорил со мной о вопросе так называемых Свидетелей Йеговы, то есть о вопросе, который также обвинение представило как религиозное преследование. Гиммлер только сказал мне, что было совершенно невозможно выдвигать логичные возражения, учитывая то какой была ситуация в Рейхе, что это бы привело к непредсказуемым последствиям, и он продолжил говорить о том, что он часто лично беседовал с этими заключенными для того, чтобы понять их и в конце концов убедить их. Однако это, он сказал, было невозможным, потому что они отвечали ему на все вопросы цитатами - цитатами из Библии, которые они выучили наизусть, поэтому с ними ничего нельзя было сделать. Из такого заявления Гиммлера я понял, что поскольку он рассказал мне такую историю, возможно, он не мог планировать или осуществлять казни этих свидетелей Йеговы.

383 Карл Зеверинг (1875 — 1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Германии и Пруссии.

Американский капеллан весьма любезно предоставил мне в камеру церковную бумагу из Коламбуса. Я понимаю из неё, что Соединенные Штаты также арестовывали Свидетелей Йеговы во время войны, и что до декабря 1945, 11 000 из них всё еще содержали в лагерях. Я предполагаю, что в таких условиях, каждое государство каким-то образом отвечало на отказ от военной службы, и в этом заключалось и моё отношение. Я не мог считать, что Гиммлер ошибается на этот счёт.

Тома: Вы могли вмешаться в дело пастора Нимеллёра[384]?

Розенберг: Да. Когда дело пастора Нимеллёра слушали в Германии я отправил одного из своего штаба на процесс, потому что я был заинтересован и в официальной, и в человеческой точке зрения. Этот сотрудник – доктор Циглер – подготовил мне доклад, из которого я сделал вывод, что это мероприятие было основано отчасти на недопониманиях со стороны властей, и кроме того, что в отношении него не было настолько серьёзных обвинений как я полагал. Затем я представил доклад заместителю фюрера, Рудольфу Гессу, и спросил его, не мог ли он тоже рассмотреть это дело, и спустя некоторое время, когда я снова находился у фюрера, я завел разговор на эту тему, и заявил, что думал о процессе в целом и последующем обращении как самыми неудачными. Фюрер сказал мне:

> «Я просил от Нимеллёра только одного обязывающего заявления – что он, как духовное лицо, не противостоит государству. Он отказался дать его и таким образом, я не могу его освободить. Кроме этого, я приказал о том, чтобы ему предоставили самое достойное обращение, чтобы он, будучи большим курильщиком, получал лучшие сигары, и чтобы у него имелись средства заниматься обучением, если он этого хочет».

Я не знаю, на каких докладах фюрер основывал данное заявление, но что касается меня, было понятно, что я не в состоянии каким-то образом вмешаться в этот вопрос.

Тома: Теперь мы переходим к предпоследнему вопросу: это правда, что после захвата власти, вы предприняли определённый пересмотр своего отношения к евреям, и что обращение с евреями в целом непосредственно после захвата власти подверглось определенному изменению? Далее, что изначально планировалось урегулировать еврейский вопрос совершенно другим способом?

Розенберг: Я не отрицаю, что в течение этого времени борьбы до 1933, я тоже использовал жесткие полемические аргументы в своих произведениях, и что много жестких слов и фраз появлялись в такой связи. После захвата власти я думал - и у меня была серьезная причина думать, что фюрер думал также, что теперь можно отказаться от такого метода, и что следует соблюдать несколько равное и рыцарское

384 Мартин Нимёллер (1892 — 1984) — немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей.

обращение с данным вопросом. Под «равным» я понимал следующее, и я заявил об этом в публичном обращении от 28 июля 1933, и также на партийном съезде в сентябре 1933, публично, по всем вещательным системам, что было невозможно, как пример, что общественные госпиталя в Берлине должны иметь 80 процентов еврейских докторов, когда их пропорция была 30 процентов. Далее, я заявил на партийном съезде, что мы слышали об условиях, что правительство Рейха, в связи со всеми этими мерами равенства и помимо них, создавало исключения для всех таких членов еврейского народа, которые потеряли родственника, отца или сына, во время войны, и я использовал выражение, что теперь нам нужно было приложить усилия, чтобы решить эту проблему рыцарским образом. То, что это обернулось иначе - трагическая судьба, и я должен заявить, что деятельность в связи с эмиграцией и поддержкой этой эмиграции во многих странах за рубежом имела результатом обострение ситуации; затем случились вещи, которые были печальными, и должен сказать лишившими меня внутренней силы продолжать обращаться к фюреру по поводу метода за который я выступал. Как я сказал, то, о чём говорили здесь недавно в завуалированной фразеологии о полиции и, что стало здесь известно, и о чем недавно свидетельствовали, я считал просто невозможным и не поверил бы, даже если бы сам Генрих Гиммлер сам рассказал мне об этом. Есть вещи, которые даже мне, кажутся за гранью человеческого понимания, и это одна из них.

Тома: У меня последний вопрос. В связи с данным вопросом, я хочу представить экземпляр Розенберг–15, документ PS-3761 . Он содержится в документальной книге, но пока не представлен трибуналу в качестве экземпляра. Он содержит письмо Розенберга Гитлеру, написанное в 1924, содержащее просьбу, чтобы его не выдвигали кандидатом в Рейхстаг.

Свидетель, вы принимали участие во всех фазах развития национал–социализма от его начала до кошмарного конца. Вы участвовали в его метеорном взлёте и кошмарном падении, и вам хорошо известно, что все вращалось вокруг одного человека. Вы сообщите трибуналу, что вы сами делали, и насколько вы вообще могли предотвратить концентрацию власти у этого единственного человека, и что вы делали ради облегчения условий? Я сначала покажу вам этот документ, переданный вам, и затем документ PS-047, который также уже представлен трибуналу под номером экземпляра USA–725.

[*Документы представили подсудимому*]

Розенберг: Я действительно служил этому национал–социалистическому движению с самых первых дней и был полностью верным человеку, которым я восхищался в течение этих долгих лет борьбы, потому что я видел, с какой личной преданностью и страстью этот бывший немецкий солдат работал ради своего народа. Что касается

меня лично, это письмо отсылает к эпохе…

Председатель: Доктор Тома, о чем именно ваш вопрос свидетелю? Мы не хотим, чтобы он произносил речь. Мы только хотим узнать, что за вопрос вы ему поставили.

Тома: Какие предложения вы вносили, и вы публично выступали за предложения ограничить власть фюрера?

Розенберг: Я должен сказать, что тогда я выступал – и это при полном согласии с Адольфом Гитлером – и я выступал в своей книге, «Миф двадцатого века», за взгляд о том, что фюрер-принцип не состоит из одного главного, но, что фюрер и его соратники должны быть связаны общими обязанностями. Далее, что эту концепцию фюрер-принципа следовало понимать как означавшую создание сената, или как я его описывал орденсрата, который бы имел направляющую и совещательную функцию.

Такую точку зрения подчеркивал сам фюрер, когда имея зал сената с 61 местом, построенным в Коричневом доме в Мюнхене, потому что он сам считал это необходимым. Затем я снова выступал за такую политику в речи в 1934, но…

Председатель: Трибунал не думает, что это ответ на вопрос о том, что он делал, чтобы ограничить власть фюрера. Мы хотим знать, что он делал, если, что-то делал, для ограничения власти фюрера.

Тома: На публичном митинге он отмечал, что – я обращаю ваше внимание на документальную книгу 1, том II, на странице 118…

Председатель: Доктор Тома, я не хотел, чтобы вы указывали мне, а хотел, чтобы свидетель указал трибуналу.

Тома: В таком случае, вы сконцентрируетесь на двух речах, которые вы тогда произнесли.

Розенберг: Я могу цитировать речи, но они тоже не отвечают прямо на вопрос. Они обозначают, что я заявлял о том, что национал–социалистическое государство не может быть кастой, которая правит немецкой нацией и что фюрер нации не должен быть тираном. Однако, я не видел в Адольфе Гитлере тирана, но подобно многим миллионам национал–социалистов я лично доверял ему в силу опыта четырнадцатилетней борьбы. Я не хотел ограничивать его собственную полную власть, хоть и понимал, что это означало личное исключение для Адольфа Гитлера, несовместимое с национал–социалистической концепцией государства, как это не было фюрер-принципом как мы его понимали или новым порядком для Рейха.

Я верно служил Адольфу Гитлеру, и то, что партия могла сделать за эти годы, я тоже поддерживал. И болезненные эффекты, из–за неправильных владык, клеймились мною, в середине войны, в речах перед политическим руководством, когда я заявлял о том, что такая концентрация власти, которая существовала в тот момент, во время войны, могла быть только феноменом войны и не могла считаться национал–социалистической концепцией государства. К этому могли склоняться

многие, к этому могли склоняться 200 000 человек, но придерживаться этого потом означало бы смерть индивидуальности 70 миллионов.

Я сказал это в присутствии высших руководителей СС и других организационных руководителей или гауляйтеров. Я связался с главами Гитлерюгенда, вместе со своим штабом, полный сознания, что после войны в партии потребуется провести реформу, для того, чтобы старые требования нашего движения, за которые я тоже боролся, нашли бы уважение. Однако, это уже было невозможно, судьба покончила с движением и пошла совершенно другим путём.

Тома: Свидетель, вы можете заявить о конкретном факте из которого вытекает, что партия, с самого начала, не имела идеи прихода к власти в одиночку, но также в сотрудничестве с другими партиями?

Розенберг: Это, конечно, историческое развитие четырнадцати лет, и если я могу оценить здесь это письмо, тогда я хочу сказать, что в конце 1923, после краха так называемого «путча Гитлера[385]», когда тогдашних представителей партии либо арестовали или вынудили эмигрировать в Австрию, и когда я остался в Мюнхене с немногими другими, я выступал за то, что должно иметь место новое развитие, и что партия должна зарекомендовать себя в парламентском соревновании.

Фюрер, который тогда находился в тюрьме в Ландсберге, отверг это предложение. Мои сотрудники и я продолжали пытаться повлиять на него, однако, впоследствии фюрер написал мне длинное, рукописное письмо, которое также в материалах, и в котором он снова развивал свои причины, почему он не принимает моё предложение. Позже, вместе с тем, он согласился.

И здесь в этом письме, я попросил его – он позже согласился – не выдвигать меня кандидатом в Рейхстаг, потому что я чувствовал себя не в праве на привилегии депутата Рейхстага благодаря выборам в Рейхстаг, и во–вторых, потому что я чувствовал себя новичком в Германии для выражения себя, таким образом, лишь после нескольких лет деятельности.

Тома: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто–либо из защитников подсудимых хочет задать какие-нибудь вопросы?

Серватиус: Свидетель, в сентябре и октябре 1942, вы получали различные доклады относительно невыносимых условий в связи с вербовкой рабочих на оккупированных восточных территориях. Вы расследовали, чтобы выяснить являлись ли заявления содержавшиеся в этих докладах правдой?

Розенберг: Эти предположения, которые мы получали в министерстве оккупированных восточных территорий, постоянно в течение всех этих лет проверяло главное управление труда и социальной политики, и я просил трибунал заслушать здесь в качестве свидетеля сотрудника, который всегда был

385 «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа, нем. Hitler-Ludendorff-Putsch) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

ответственным за этот вопрос, доктора Бейля. Эта просьба была удовлетворена судом, но я теперь услышал, что доктор Бейль болен и, что он может доложить о своём опыте только в письменном заявлении. Из своих сведений я могу сказать следующее:

Об этих вопросах часто докладывали мне доктор Бейль и так называемое центральное управление народов восточных национальностей. В письме, которое уже упоминали, я переслал их Заукелю. Затем их всегда направляли рейхскомиссару Украины или каким-то другим административным чиновникам для расследования и комментариев. Отчасти они подтверждались как правильные, часть подтверждалась как неправда и преувеличение; и насколько мне известно, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы, Заукель, даже сделал полученные от меня жалобы поводом для своего вмешательства, как делал Германский трудовой фронт, который был ответственным за социальное обеспечение всех зарубежных рабочих в Германии. Шли постоянные переговоры с главой Трудового фронта и министерством оккупированных восточных территорий делавшим постоянные запросы, вплоть, до конца 1944, доктор Лей, как начальник это ведомства социального обеспечения, думал, что он может информировать меня о том, что теперь после существенных трудностей, были достигнуты действительно прочные и хорошие условия. Я отвечал ему даже тогда, что я мог выразить своё удовлетворение этим, но что я всё же получал доклады, что здесь и там дела шли плохо. На практике сотрудники моего министерства, вместе с инспекторами Германского трудового фронта, проводили инспекции ряда трудовых лагерей с целью расследовать жалобы и затем исправлять их Трудовым фронтом.

Серватиус: Здесь вы в основном говорите об условиях в Германии, которые не находились в вашей компетенции. Что вы делали относительно Коха? В меморандуме от 16 марта 1943, который уже здесь упоминали, ответе на эти жалобы? В этом меморандуме вы писали Коху о том, что он должен использовать только правовые средства, и что его должны призвать к ответу. В этом заключался ответ на эти доклады?

Розенберг: Да, в этом заключался ответ, потому что в декабре 1942 уже было довольно много жалоб.

Серватиус: И, что ответил Кох?

Розенберг: Кох ответил мне о том, что со своей стороны, также хотел и применял бы правовые средства, но в документе прочитанном сегодня, в его докладе от 16 марта 1943, он несколько раз жаловался на то, что я не всегда верил таким заверениям, но что в каждом случае министерство оккупированных восточных территорий не только вмешивалось, но даже требовало от него доклада об исполнении этих указаний.

Серватиус: Таким образом, он отрицал значительные злоупотребления?

Розенберг: Да, он отрицал значительные злоупотребления. Он ссылался на

документ по одному в особенности серьезному делу, а именно о том, что отдельные дома сожгли на Волыни, из–за тех, как он объяснял кого вызвали на работу сопротивлявшихся вербовке силой, и он говорил, что по другому нельзя было сделать. Он добавлял, что именно это дело привело к новым жалобам со стороны министерства оккупированных восточных территорий.

Серватиус: По вашему мнению, он имел право на такие меры?

Розенберг: Рейхскомиссар Кох имел компетенцию при исполнении всех приказов поступавших от высших руководителей Рейха. Он был ответственным за исполнение всех мер в рамках инструкций. Он, как теперь кажется, часто переступал границы этих инструкций и действовал по своей собственной инициативе проводя, как он думал, исключительные военно-экономические меры. Иногда я слышал об этих мерах, а часто нет, как это видно из документа.

Председатель: Вопрос который вам задали: был ли он по вашему мнению вправе сжигать дома из-за людей отказавшихся работать, и вы дали длинный ответ, который не кажется мне ответом на вопрос.

Розенберг: По моему мнению, он не имел права сжигать дома и поэтому я вмешался, и он попытался оправдаться.

Серватиус: Для того, чтобы осуществлять вербовку рабочей силы, нужны были меры по вербовке, которые, и это правда, должны были применяться с определенным элементом административного принуждения. Насколько допускалось принуждение, есть правовое и внеправовое принуждение, и как вы судите о мерах, которые применяли на практике?

Розенберг: До 1943 я лично настаивал на добровольной вербовке. Но перед лицом срочных требований фюрера я больше не мог оставаться на такой позиции, и поэтому согласился - для того, чтобы иметь хотя бы правовую форму – с тем, что следовало призвать определённые возрастные группы. Из этих возрастных группы все те кто был нужен в оккупированных восточных территориях подлежали исключению. Но остальных должны были доставлять со всех сторон с помощью своих собственных администраций в региональные комиссариаты, то есть, маленьким бургомистрам на оккупированных восточных территориях, и конечно не было сомнений, что придавая силу этим требованиям, полиция находилась в распоряжении администрации при выполнении такой программы.

Серватиус: Если были злоупотребления, мог Кох остановить их? Вы не имели никакого влияния в данном вопросе?

Розенберг: Это являлось обязанностью рейхскомиссара, которому подчинялось региональное правительство Украины, расследовать и предпринимать действия, согласно инструкциям которые он получал от меня.

Серватиус: Но почему, вы также ходили к Заукелю? Обязанность Заукеля заключалась в том, чтобы прекратить это?

Розенберг: Заукель, как заместитель делегата четырехлетнего плана, имел право

давать указания мне, как министру оккупированных восточных территорий, и к тому же, он имел право обходить меня и давать указания рейхскомиссарам, право которым он несколько раз пользовался во время читая лекции в генеральных округах Украины и Остланда.

Серватиус: Был он – был Заукель ответственным за условия в Украине?

Розенберг: Заукель не был ответственным за исполнение этих требований, но конечно руководствуясь полномочиями, предоставленными ему фюрером он предъявлял требования настолько резко и точно, что ответственные региональные правительства генеральных комиссаров чувствовали себя связанными убеждением и внешним образом возвращались к вербовке рабочих силой как видно, например, из доклада, документ PS-265, от генерального комиссара в Житомире. Я думаю это также видно из доклада окружного комиссара в Ковно, номера которого я вам не назову.

Серватиус: Заукель имел свою собственную организацию?

Розенберг: Да, у него был штаб, но я не могу заявить о его размере. Он позаботился лишь о том, чтобы гражданской администрации придали трудовые отделы, и его запросы к гражданской администрации на Востоке по руководству этими трудовыми отделами передавались в административные ведомства. По моим сведениям он не имел крупной организации.

Серватиус: До того как Заукель пришел в ваше министерство, уже не было управления «Труд», который имел свои соответствующие подчиненные ведомства на среднем и нижнем уровнях?

Розенберг: Я не могу дать вам точного ответа на это. В любом случае, я думаю управление «Труд и социальная политика» было создано практически в самом начале министерства, но сейчас я не способен назвать вам точную дату. Возможно, заявление доктора Бейля содержит какие-то подробности.

Серватиус: Таким образом, вас не информировали относительно организации вербовки рабочих?

Розенберг: Нет, меня информировали настолько, насколько я уже сказал вам, но я не могу дать вам точной информации о дате основания главного управления «Труд и социальная политика» в министерстве оккупированных восточных территорий.

Серватиус: Существовали трудовые ведомства для оккупированных восточных территорий, которые имели главой ваше министерство?

Розенберг: Работа – да постольку поскольку главное управление труда и социальной политики, конечно, сотрудничало с гражданской администрацией; то есть, оба рейхскомиссара имели постоянный контакт и имели переписку с соответствующим ведомством, а именно трудовым отделом, приданным рейхскомиссару. Переписка с нижними агентами, с генеральными округами, естественно не велась, но были постоянные консультации с соответствующим отделом приданным рейхскомиссару.

Серватиус: В своём письме вы говорите о «ведомствах Заукеля». Какие ведомства вы имеете в виду?

Розенберг: Что же, я имею в виду, прежде всего, его непосредственного заместителя Пикерта[386], который позже, для того, чтобы гарантировать хорошее взаимодействие, формально получил руководство главным управлением «социальная политика». Он бывал, но очень редко в министерстве оккупированных восточных территорий поскольку официально он работал в особенности на Заукеля, и помимо этого, Заукель имел несколько других господ с которыми моё главное управление постоянно занималось снижением квот…

Председатель: Разумеется, свидетель Заукель предоставит всю эту информацию. Зачем тратить наше время, спрашивая об этом Розенберга?

Серватиус: Это важно с целью установить ответственность. Позже я не смогу снова вызвать Розенберга в качестве свидетеля, возникнет ряд вопросов, на которые я…

Председатель: Я это конечно понимаю, но все эти подробности администрации Заукеля, должны быть известны самому Заукелю.

Серватиус: Да, но позже у меня не будет возможности спросить свидетеля Розенберга относительно индивидуальных полномочий внутри организации, а именно: кто был ответственным, кто имел право надзора, кто имел обязанность вмешиваться? Почему были письма адресованные частным лицам? Почему он должен отвечать на них? Этого нельзя понять, если не спрашивать свидетеля – если сначала его не спрашивали об этом. Я предложу, чтобы свидетеля Розенберга вызвали снова в связи с делом Заукеля после того как выступит Заукель, это бы сэкономило время.

Председатель: У обвинение нет с этим вопроса. Если у обвинения нет этого вопроса, тогда показаний Заукеля об этом будут вполне достаточно.

Серватиус: Господин председатель, свидетель Розенберг, в своём письме – письме – в письме адресованном Заукелю – указал факт, что его ведомства использовали такие спорные методы. Поскольку я считаю, что такие ведомства не существовали, и таким образом Розенберг обратился к неправильному человеку, я должен установить, что это были за ведомства на самом деле. Это жалоба об условиях, которые были в тягость Розенбергу, и он адресовал себя Заукелю, вместо Коха.

Председатель: Задайте ему какой-нибудь прямой вопрос, вы так сделаете?

Серватиус: Что сделал Заукель, получив письмо адресованное ему?

Розенберг: Я не получил письма в ответ на это, но я слышал, что Заукель, затем на встрече в своих трудовых ведомствах в Веймаре вникал в эти жалобы и пытался сделать как можно лучше по жалобам, чтобы устранить основания для таких жалоб.

Серватиус: Эта встреча не состоялась две недели спустя, то есть 6 января 1943, и вы там не присутствовали?

Розенберг: Возможно. Я как-то говорил о встрече в Веймаре, была ли она этой или

---

386 Руди Пикерт (1908 – 1946) – нацистский политик. Начальник отдела труда в Экономическом штабе «Востоке»

нет, я не могу сказать.

Серватиус: Вы слышали речь Заукеля на той встрече?

Розенберг: Нет, я не имею никаких воспоминаний о ней.

Серватиус: Вы позже не получали речь в письменном виде?

Розенберг: Я этого тоже не помню.

Серватиус: Позже я хочу приобщить эту речь, как документ в связи с делом Заукеля. У меня есть ряд дальнейших вопросов.

Другие ведомства на оккупированных территориях тоже занимались вербовкой рабочих?

Розенберг: Да, я на самом деле также получал некоторые доклады, со стороны, так называемой организации Тодта[387] использовавшей рабочих для осуществления своих технических задач, и я думаю также от железнодорожной администрации и других ведомств Востока предпринимавших усилия, чтобы достать для себя новых рабочих.

Серватиус: Это неправильно, что вооруженные силы требовали рабочих, что рабочие требовались для строительства дорог, требовались для домашней промышленности, и что существовали общие усилия для сохранения рабочей силы на месте, не позволяя ей попадать в Германию?

Розенберг: Это правильно, и это предрешенный вывод, что вооруженные силы, организация Тодта и остальные ведомства хотели сохранить как можно больше рабочих в стране для наращивания объема работ, и они наверное не хотели делиться своими рабочими. Это само собой разумеется.

Серватиус: Заукель непрерывно указывал на то, что рабочих должны обеспечивать при любых обстоятельствах и что следует устранять любые препятствия. Это ссылалось на сопротивление местных ведомств, которые не хотели предоставлять таких рабочих?

Розенберг: Это конечно ссылалось на эту местную рабочую силу, и на совещание на котором я был с Заукелем в 1943, и которое также здесь в качестве доказательств, но которое не представили сегодня, делалась ссылка. Заукель заявил о том, что по приказу фюрера он должен был завербовать большое число новых рабочих на Востоке, и что в этой связи, я думаю вооруженные силы больше всех их имели, как он выражался, накапливая рабочих, которые могли вместо этого быть задействованы в Германии.

Серватиус: Заукель имел какое-нибудь отношение к вербовке рабочих, которая велась в связи с германизацией Востока?

Розенберг: Я совершенно не могу понять вопрос. Что вы подразумеваете в данном случае под «германизацией»?

Серватиус: СС предпринимали переселение на Восток. В связи с этим перемещалась рабочая сила. Эта рабочая сила выделялась Заукелем по их запросу?

---

387 Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего Рейха.

Розенберг: Прежде всего, я не знаю точно, о каком переселении вы говорите.

Серватиус: Мне представили доклад, который касается евреев, которых направляли на польские территории. Я полагаю, что они также достигали вашей территории.

Вы не знаете об этом?

Розенберг: Руководствуясь собственными сведениями, я могу лишь сказать, что данная концентрация еврейского населения из восточной Германии, в определенных городах и лагерях на Востоке, осуществлялась под юрисдикцией главы германской полиции, который также имел такую задачу на оккупированных восточных территориях. В связи с расселением в лагерях и с концентрациями в гетто, вероятно, также возникала нехватка рабочих или что-то подобное. Я просто не знаю, какое это имеет отношение к германизации.

Серватиус: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Перед отложением, я хотел бы знать какое положение по поводу документов Франка. Кто-нибудь об этом, что-нибудь знает?

Додд: Господин председатель, я желаю сказать, что постольку поскольку, что касается нас, мы проконсультировались с доктором Зейделем от подсудимого Франка, а также с представителями штата советского обвинения. Мы готовы, чтобы нас выслушали в любое время удобное для трибунала.

Председатель: Да. Тогда, доктор Тома, сколько ещё свидетелей у вас есть и сколько вы думаете продолжать с делом подсудимого Розенберга?

Тома: У меня только один свидетель, уважаемый суд, свидетель Рикке. Мне кажется, что касается меня, его можно допросить за один час как самое большое. Я не думаю, что это займёт дольше этого. Потом, это зависит от перекрёстного допроса.

Председатель: Да, очень хорошо, значит завтра вы закончите дело подсудимого Розенберга?

Тома: Это зависит от прекрёстного допроса.

Председатель: Да, конечно. Тогда, доктор Зейдль, вы сможете продолжить с делом Франка? Предположив, что мы завтра закончим с Розенбергом – завтра среда, не так ли? Вы сможете продолжить в четверг утром с делом Франка?

Зейдль: Господин председатель, я могу начать с делом Франка как только завершится дело Розенберга. Что касается документов, была сложность только в отношении одного документа и я отказываюсь от представления этого документа. Но помимо этого, эти документы по большей части представила противоположная сторона.

Председатель: Если есть только один спорный документ, мы можем выслушать вас сейчас. Как я понимаю, у вас только один документ по которому есть разногласия.

Зейдль: Это уже разрешили, потому что я отказался от представления этого документа.

Председатель: Очень хорошо. Нет больше никаких разногласий?

Зейдль: Больше нет никаких разногласий.
Председатель: Что же, значит вы полностью готовы продолжать?
Зейдль: Да.
Председатель: Документы уже перевели?
Зейдль: Насколько мне известно, их все перевели.
Председатель: Очень хорошо, спасибо.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 17 апреля 1946*]

День сто десятый

Среда, 17 апреля 1946

Утренее заседание

[*Подсудимый Розенберг вернулся на место свидетеля*]

Додд: Незадолго до перерыва вчера вечером, трибунал спрашивал о состоянии документальной книги Франка, и когда я проинформировал трибунал о том, что мы

были готовы быть заслушанными, доктор Зейдль уведомил о том, что мы договорились. Я об этом тогда не знал. Думаю мы оба немного ошиблись. Ситуация заключается в том, что прошлым вечером мы пришли к договорённости, поэтому нет никаких затруднений с книгами Франка.

Тома: Я хочу внести краткую поправку. Вчера я говорил о запросе документа о создании айнзацштаба Розенберга. Мой клиент непрерывно просил меня, предоставить этот документ. Однако, есть возможность, что я перепутал этот документ с другими документами которые я запрашивал, но которые не допустили. Я просто хотел внести эту поправку.

Председатель: Да. Вы не хотите сделать, что–нибудь еще, кроме устной поправки? Очень хорошо.

Тома: Да.

Председатель: Есть кто–нибудь еще из защитников подсудимых кто желает задать какие-нибудь вопросы?

Ханзель: Свидетель, вы были уполномоченным фюрера по идеологическим целям НСДАП и её аффилированных организаций. Вы считаете, что то, что вы делали как уполномоченный фюрера при исполнении своих обязанностей и все, что вы говорили и писали в этих целях и для систематической так называемой идеологической борьбы с еврейством, можно считать официальным направлением деятельности партии и её аффилированных организаций?

Розенберг: Если я могу ответить на такую длинную серию вопросов друг за другом, я хочу сказать следующее: моё ведомство, что касалось идеологического образования, работало с главным управлением политической подготовки СС. Мы, конечно, находились с ним в постоянном контакте. Так называемые «руководящие брошюры» СС, которые выходили как организационный журнал, читали в моём ведомстве. Я сам постоянно держал их в своих руках, и в течение этих лет я обнаружил, что в этом управлении политической подготовки, в этих журналах, содержалось большое количество очень ценных статей с самыми достойными идеями. Это одна из причин почему, за все эти годы, я не вступал ни в какой конфликт с СС.

Что касается еврейского вопроса, цель в этой проблеме выражалась в программе НСДАП. Это единственное официальное заявление, которым руководствовались члены партии. Что–то еще, что я говорил об этом, и что другие писали об этом, были просто причинами которые излагали. Разумеется многое из этого принимали, но что касалось фюрера и государства эти предложения не являлись обязывающими правилами.

Ханзель: Чем ограничивалась цель борьбы с еврейством? Вы предусматривали, что евреи должны были устранить из экономического и государственного управления, или у вас было расплывчатое понимание серьезных мер, таких как уничтожение, и т. д.? В чём заключалась ваша цель?

Розенберг: В соответствии с партийной программой, у меня была одна цель на уме – изменить руководство в германском государстве существовавшее с 1918 по 1933! Это была жизненно важная цель. Что касается устранения, даже из экономической жизни, мы в то время не говорили об этом, и вчера я уже ссылался на две своих речи – которые доступны в печати – в которых я объявил, что после окончания этой острой политической битвы состоится пересмотр или изучение проблемы. Совершенно верно, что раньше был разговор с требованием еврейской эмиграции из Германии. Позже, когда вопросы стали более критичными, я снова выражал эту идею в соответствии с предложениями очень известных еврейских лидеров о том, что немецких безработных нужно было депортировать в Африку, Южную Америку и Китай.

Ханзель: Затем, следуя вашему ходу мыслей вчера и сегодня, можно разделить три вида мер против евреев: первым, до 1933 – до захвата власти – были пропагандистские меры; вторым, после 1933, те меры, которые нашли своё выражение в антисемитских законов; и затем, наконец, после начала войны определенные меры, которые без сомнения можно считать преступлениями против человечности. Вы согласны с таким тройственным построением?

Розенберг: Да, приблизительно правильно.

Ханзель: Тогда я хочу обратить ваше внимание на группу 2, то есть, те меры, которые были учреждены после получения власти, и которые были изложены в законах против евреев. Вы участвовали в формулировании законов?

Председатель: Вы защитник, не так ли, СС?

Ханзель: Да.

Председатель: Как эти вопросы связаны с СС?

Ханзель: Вопросы, касаются СС следующим образом: если партия в целом имела задачей, чётко сформулированное антиеврейское законодательство, которое в начале было совершенно правильным, тогда СС были связаны этой целью и ничем более. Я хотел установить, когда законодательство и меры против евреев, превратились в преступные деяния, и что до того времени СС никоим образом не предпринимали преступных мер против евреев.

Председатель: Что же, он уже сказал о том, что еврейская проблема содержалась в партийной программе, и что это всё, что вы хотите, не так ли?

Ханзель: Я хотел лишь показать, что тот факт, что еврейская проблема содержалась в партийной программе не доказывает, что партийная программа представляла собой преступление против человечности. В партийной программе просто была общая фраза, которую, как мне кажется нельзя толковать как преступление против человечности. В дополнение к этому, должно быть…

Председатель: Это вопрос толкования партийной программы. Это не вопрос для его показаний об этом. Это в письменном документе – партийная программа содержится в письменных документах.

Ханзель: Но, в дополнение к партийной программе, большое число распоряжений и законов приняли позднее, которые расширяли партийную программу, и вопрос…
Председатель: Это тоже документы, которые трибуналу нужно толковать – не толковать свидетелю.
Ханзель: Вопрос заключается в том, постольку поскольку подсудимый может рассказать нам, насколько СС принимали участие в исполнении этих правил.
Председатель: Он может рассказать нам факты. Он не может рассказать нам о законах или интерпретации документов. Если вы спрашиваете его о фактах, хорошо и правильно, но если вы просите его интерпретировать партийную программу или интерпретировать распоряжения, это вопрос для трибунала.
Ханзель: Хорошо.

[*Обращаясь к подсудимому*] В своих книгах вы выступали за цель, что все немцы должны быть объединены в великой Германии, и что этот пункт также изложен в партийной программе?
Розенберг: Да.
Ханзель: Вы верили в то, что это было возможно только через подготовку войны, или верили в то, что это было возможно мирными средствами?
Розенберг: В начале своих показаний, я ссылался на свою речь на международном конгрессе в 1932. Там было предложение прямо одобренное фюрером о том, что четыре великие державы должны изучить и сверить европейские проблемы. Это предложение говорило о том, что мы бы отказались от всех требований немецких колоний, Эльзас–Лотарингии, Южном Тироле, а также от требований отделённых немецев…
Председатель: Мы всё это раньше слышали от подсудимого Геринга и подсудимого Риббентропа, и мы сказали, что не хотим снова в это вдаваться. В любом случае, это не касается СС – прямо никак с СС.
Ханзель*:* [*Подсудимому*] Еще один вопрос. Вы знаете, что СС, что касалось евреев, следовали секретным целям и задачам, отличавшимся от тех которые были официально опубликованы?
Розенберг: Об этом я узнал здесь.
Ханзель: Вы ничего не знаете об этом по собственным сведениям?
Розенберг: Нет.
Штейнбауэр: Свидетель у меня есть к вам единственный вопрос. В документе PS-091 обвинение представило письмо, которое вы как начальник айнзацштаба Розенберг, отправили доктору Зейсс–Инкварту как рейхскомиссару Нидерландов. В этом письме вы потребовали, чтобы библиотека так называемого социального института Амстердама была передана вам. Я не знаю, помните ли вы эту библиотеку. Она была довольно объемной и социалистическо–марксисткого содержания. Обвинение не представило ответ, данный моим клиентом. Поэтому, я должен спросить вас: вы помните этот вопрос, и что вам ответил Зейсс–Инкварт?

Розенберг: Я очень хорошо помню эту библиотеку, так как мне рассказывали о ней. По моим сведениям она представляла собрание духовного центра Второго интернационала[388] в Амстердаме, в котором история социальных движений в различных странах должна была быть собрана в библиотеке, для того, чтобы на основе этого научного материала нынешняя духовно-политическая борьба, научная борьба…

Штейнбауэр: Очень хорошо. Мы хотим быть краткими, и вам известно о чем я говорю. Что за ответ вы получили? Зейсс–Инкварт разрешил вывезти эту библиотеку в Германию, или он потребовал оставить её в Голландии?

Розенберг: Сначала было согласовано, что эта библиотека осталась бы в Голландии, и что каталогизация и классификация этой коллекции, которая еще не была классифицирована, должна пройти в Амстердаме. В ходе нескольких следующих лет она велась в Амстердаме. Только в 1944 году, когда вторжение либо уже началось или было неизбежным, также, когда бомбардировочные атаки возросли в этом районе, часть этой библиотеки забрали в Силезию; ещё одна часть, по моим сведениям, не дошла, но осталась в Эмдене, и третью часть, мне кажется, не вывезли.

Штейнбауэр: Значит правильно, что Зейсс–Инкварт предотвратил изъятие этой библиотеки у голландского рабочего класса?

Розенберг: Да, это правильно.

Председатель : Обвинение желает провести перекрестный допрос?

Додд : Прежде чем мы начнем наше обсуждение некоторых вопросов, которые нам хотелось бы пройти, меня интересует, не будете ли вы столь любезны, написать ваше имя несколько раз на этих листах бумаги, ручкой и карандашом.

[*Бумагу, ручку и карандаш передали подсудимому*]

Додд: Пожалуйста, вы напишите «А. Розенберг» ручкой, и «Альфред Розенберг» ручкой; и напишите от руки первый инициал вашей фамилии с большой буквы?

Теперь, вы сделаете то же самое карандашом на другом листе бумаги, «А. Розенберг» карандашом, «Альфред Розенберг» и первый инициал вашей фамилии?

И затем, пожалуйста, вы сделаете еще одну вещь? Вы пропишите печатной буквой первый инициал вашей фамилии?

[*Подписи передали господину Додду*]

---

388 Второй интернационал, также Социалистический интернационал или Рабочий интернационал — международное объединение социалистических рабочих партий, созданное в 1889 году. Продолжил традиции Первого интернационала, однако в нём с 1893 года не участвовали анархисты. Для постоянной связи между партиями-членами в 1900 году было учреждено Международное социалистическое бюро, находившееся в Брюсселе. Принятые Интернационалом решения не были обязательными для входящих в него партий.

Додд: Итак, вчера вечером, во время основного допроса вашим защитником, вы заявили трибуналу, что вы обсуждали с Генрихом Гиммлером , рейхсфюрером СС , концентрационные лагеря, и если я правильно помню, вы сказали, что это было где-то в 1938; это так?

Розенберг: Да. Я свидетельствовал о том, что я однажды обсуждал с ним концентрационные лагеря, но я не могу сказать с точно, было это в 1938, так как я не делал её запись.

Додд: Очень хорошо. Он предлагал вам посетить тот или иной лагерь, Дахау или какой–то другой лагерь; это так?

Розенберг: Да, тогда он сказал мне, что я должен посмотреть на лагерь Дахау.

Додд: И вы отклонили приглашение?

Розенберг: Правильно.

Додд: И я понял вас - если я вспоминаю правильно, вы сказали, потому что вы были совершенно уверены, что он не покажет вам нелицеприятные вещи, что были в лагере?

Розенберг: Да, я более или менее полагал, что в случае если там действительно были нелицеприятные вещи, я бы их точно всё равно не увидел.

Додд: Вы имеете в виду, что вы просто полагали, что там были нелицеприятные вещи, что вы не знали о том, что там были нелицеприятные вещи?

Розенберг: Я слышал об этом от зарубежной прессы и это приблизительно…

Додд: Когда вы впервые услышали об этом от зарубежной прессы?

Розенберг: Это было уже в первые месяцы 1933.

Додд: И вы непрерывно с 1933 по 1938 читали зарубежную прессу о концентрационных лагерях в Германии?

Розенберг: Я вообще не читал иностранной прессы, так как к сожалению я не говорю по-английски. Я время от времени получал только некоторые выдержки из неё, и в немецкой прессе были случайные ссылки на это с жестким заявлениям о том, что эти утверждения неправда. Я ещё помню заявление министра Геринга в котором он сказал, что это за гранью его понимания, чтобы о чем-то таком писали.

Додд: Но вы думали о том, что они были правдой в такой мере, что происходившие в таких местах нелицеприятные вещи, Гиммлер мог вам не показывать.

Розенберг: Да, я полагал, что в таком революционном процессе точно будет иметь место ряд эксцессов, что в некоторых округах также случайно могут быть конфликты, и тот факт, что убийства национал–социалистов в месяцы последовавшие за захватом власти продолжились, наиболее вероятно, вызывал острые контрмеры здесь и там.

Додд: Вы думали, что это ещё продолжались в 1938, эти меры против национал–социалистов?

Розенберг: Нет. Основные доклады о продолжении убийств членов Гитлерюгенда ,

полиции и членов партии приходились в основном на 1943 и 1944, но я не помню, чтобы много сообщений об этом публиковали в следующие годы…

Председатель: Вы сказали 1943 и 1944, или 1933 и 1934. Что это?

Розенберг: 1933 и 1934, извините.

Додд: Но, в любом случае, в 1938 вы имели какие-то сведения у себя на уме, которые заставляли вас думать, что для вас не будет полезным инспектировать эти лагеря, потому что происходящее там вам не покажут. Итак, это так, разве нет?

Розенберг: Нет, но я сказал очень откровенно, что в определенных обстоятельствах могли быть эксцессы, и я говорил с Гиммлером об этом вопросе для того, чтобы он в любом случае знал, что мы были проинформированы о таких вещах из–за рубежа, и что он должен следить за своими поступками. Лишь однажды я получал жалобу лично для себя.

Додд: Итак, переходя к другому предмету, мы также поняли, что вы вчера говорили, что когда вы писали свою книгу «Миф двадцатого века», вы выражали своё личное мнение и вы не планировали, что она будет иметь какое-то сильное влияние на государственные дела. Это честное заявление о ваших вчерашних показаниях в отношении вашей книги?

Розенберг: Я не совсем понял последнюю фразу. Я должен сказать, что я писал «Миф двадцатого века» приблизительно в течение 1927 и 1928, после определенных исторических и других предварительных исследований. Она была опубликована в октябре 1930 с введением о том, что она была чисто личным мнением, и что политическая организация, членом которой я являлся, не была ответственной за неё.

Додд: Очень хорошо. Я прошу, чтобы вам показали документ PS-3553. Это также, с позволения уважаемого суда, экземпляр номер USA–352. Он уже приобщён в качестве доказательств.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, вы написали предисловие или небольшое введение к изданию этой книги. Это прямо перед вами. Вы сказали в нём:

> «К 150 000 тысячной копии: Сегодня «Миф» неизгладимой бороздой, глубоко проник в духовную жизнь немецкого народа. Каждое новое издание, явный показатель того, что решающая духовная и психологическая революция переросла в историческое событие. Многие вещи, которые в моей книге казалось выглядели как своеобразные идеи уже стали реальностью государственной политики. Много других вещей, я надеюсь, воплотиться как дальнейший результат этой новой силы».

Вы написали это?

Розенберг: Это, конечно, полностью неправильно. Эта книга на семистах страницах не касается только тех пунктов в которых меня здесь обвинили. Книга разбирала большое количество проблем, проблему крестьян, мироустройства, концепцию

социализма, отношения между руководством, промышленностью, рабочими, представлением о суждении.

Додд: Итак, минуточку. Я не думаю, что вам нужно приводить нам содержание книги. Я просто спросил вас, писали ли вы это введение.

Розенберг: Да, конечно.

Додд: Итак, в отношении хорошо известной программы принудительного труда. Я думаю каждому, кто присутствовал на этих заседаниях трибунала и конечно вам самому совершенно ясно, что в действии была программа принудительного труда, или так называемая трудовая программа, или так называемая программа рабского труда, как на Востоке так и в западных оккупированных территориях. Это не факт?

Розенберг: Да, закон от 21 марта касался соответственно рабочих с оккупированных территорий, которых должны были забирать в Германию. В Германии также существовал закон об обязательном труде.

Додд: Итак, есть только два возможных ведомства в германском государстве, которые можно, с любой натяжкой, назвать ответственными либо порознь, либо совместно за эту программу принудительного рабского труда. Не так ли? По крайней мере, два принципиальных ведомства.

Розенберг: Так точно.

Додд: И они были вашим министерством и ведомством подсудимого Заукеля. Это совершенно просто. Это правда или нет?

Розенберг: Это правильно, что гауляйтеру Заукелю предоставили полномочия передавать приказы мне и всем высшим властям Рейха. Моей обязанностью было знакомиться и исполнять эти приказы на оккупированных восточных территориях соответственно моим полномочиям, моему суждению, и моим инструкциям.

Додд: В своём министерстве вы исполняли директивы принудительного труда, принуждая людей оставлять свои дома и свои сообщества отправляясь в Германию и работая на германское государство?

Розенберг: Я три-четверти года боролся за вербовку рабочих на Востоке поставленную на добровольную основу. Из моей записи дискуссии с гауляйтером Заукелем даже в 1943, весьма очевидно, что всё время я предпринимал усилия сделать это. Я также упоминал сколько миллионов листовок, плакатов и брошюр я распространял в этих странах для того, чтобы это воплотить это принцип. Однако, когда я услышал о том, что количество немецких рабочих которые должны были идти на фронт нельзя было заменить, резервы германской армии подошли бы к концу, тогда я больше никак не мог протестовать против вербовки определенных возрастных групп, или использования местных властей и сил жандармерии для содействия такой работе. Вчера я уже…

Додд: То, что вы нам говорите, это то, что вы пытались получить их добровольно и если так не получалось, то тогда вы их заставляли. Не так ли?

Розенберг: Такое принуждение имело там место и это правда, и не оспаривается.

Где имели место эксцессы - и некоторые ужасные эксцессы имели место - я делал все для их предотвращения или смягчения.

Додд: Хорошо. Вы, конечно, принимали в своём министерстве приказ, касавшийся обязательного труда, не так ли?

Розенберг: Да. Сначала был принят общий закон об обязательном труде.

Додд: Правильно, от 19 декабря 1941.

Розенберг: Может быть, его приняли тогда.

Додд: Что же, вы можете принять это как данность, я думаю, что это дата вашего распоряжения, касавшегося обязательного труда, обязательного труда, характерно – я хочу дать вам очень чётко понять – на оккупированных восточных территориях.

Розенберг: Да.

Додд: Этот приказ был принят вами как рейхсминистром оккупированных восточных территорий.

Розенберг: Да.

Додд: Я прошу показать вам документ PS-1975. У него номер экземпляра USA–820, уже приобщён в качестве доказательства – не приобщён в качестве доказательства, извиняюсь. Я его приобщаю.

[*Документ передали подсудимому*]

Додд: Меня не заботит вдаваться в этот документ слишком сильно за исключением удостоверения вами факта, что это тот приказ, который вы приняли, и в первом параграфе с маленькой цифрой 1, вы заявили: «Все жители оккупированных восточных территорий подлежат общей ответственности для работы в соответствии со своей пригодностью». И я желаю отметить, параграф под маленьким номером 1, с номером 3, где вы говорите: «Специальные правила разработать для евреев». Это девятнадцатое декабря 1941.

Розенберг: Документ который мне представили подписан рейхскомиссаром Украины, и он касался рамочного закона министра оккупированных восточных территорий. Я прошу, чтобы мне показали рамочный закон министра оккупированных восточных территорий для того, чтобы я мог правильно судить о подзаконных нормах принятых рейхскомиссаром.

Додд: Что же, мы можем, вам его предоставить. Это взято из официальной газеты рейхсминистерства оккупированных восточных территорий. Вы не оспариваете, не так ли, тот факт, что вы приняли этот приказ, и что эти два параграфа зачитанные мной находились в нём?

Розенберг: Это я не оспариваю.

Додд: Хорошо. Если вы вообще позаботитесь посмотреть на остальные параграфы и остальные части, я пойму, что они станут понятны вам, но для настоящей цели я могу заверить в том, что вас не обманывают в связи с этим.

Я хочу перейти к другому документу.

Розенберг: Я хочу сослаться только на один пункт. В параграфе 1 прямо сказано, что люди не полностью пригодные для работы подлежали использованию согласно своей пригодности к работе. Это показывает, что учитывалось состояние здоровья.

Додд: Да, я прочёл вам это.

Итак, у вас был постоянный государственный секретарь по имени Альфред Мейер , не так ли?

Розенберг: Я не нахожу здесь ничего относительно законов о евреях. Здесь было положение говорившее про директиву о евреях, только её здесь нет.

Додд: Вы найдете её немного ниже фразы, на которую вы сослались минуту назад, двумя параграфами ниже. Там есть цифра 3 в скобках, и затем это заявление: «Специальные правила разработать для евреев».

Вы не нашли там?

Розенберг: Я не нахожу её здесь – о, на этой странице, да. Это ссылка на другой закон, да.

Додд: Правильно. Я лишь спросил вас, есть ли это там. Давайте продолжим.

Я спросил вас, был ли у вас постоянный секретарь штаба по имени Мейер, Альфред Мейер, М–е–й–е–р.

Розенберг: Да.

Додд: Я хочу показать вам документ PS-580, который станет экземпляром номер USA–821. Итак, это приказ от вашего министерства оккупированных восточных территорий, и он подписан вашим постоянным секретарем штаба, Альфредом Мейером, и он адресован рейхскомиссару Остланда , человеку по имени Лозе , Л–о–з-е? и также рейхскомиссару Украины, человеку по имени Кох о котором мы много слышали на этом процессе.

Я хочу получить ваше согласие, если у вас оно будет о том, что приказ призывает 247 000 промышленных рабочих и 380 000 сельскохозяйственных рабочих.

Итак, я в особенности хочу, чтобы вы обратились к странице 2 английского перевода, тоже самое немецкий текст, и строчке 14 английского текста, и строчке 22 немецкого текста. Параграф имеет перед собой цифру 6, и он говорит:

> «Рабочих следует вербовать. Следует избегать принудительного призыва; напротив, по политическим причинам, призыв следует сохранить на добровольной основе. В случае призыва, не приносящего требуемых результатов и при наличии избытка рабочих, в крайнем случае, по согласованию с генеральным комиссаром можно использовать распоряжение от 19 декабря 1941 о введении обязательного труда на оккупированных восточных территориях».

Таким образом, этот приказ, подписанный Мейером из вашего штаба приказываший рейхскомиссарам оккупированных восточных территорий, был

основан на вашем распоряжении от 19 декабря 1941 об обязательном труде.

Розенберг: Господин обвинитель, вы зачитали вступление, и из этого мы тоже можем понять, что мой заместитель четко пытался любым способом избегать принудительного призыва и, как он говорит, призыв «следует сохранять на добровольной основе». Это доказательство того, о чём я говорил вчера, что Мейер, мой постоянный заместитель, наиболее категорически пытался работать в таких границах, и наконец, это не ссылается на произвольные меры, а скорее на всеобщий закон об обязательном труде на оккупированных восточных территориях, который бы предотвратил бесцельное скитание по улицам сотен тысяч, которые ни работали, и не учились. Однако, я также хочу зачитать конец параграфа, который говорит:

> «Не следует давать обещаний которые нельзя сдержать, ни письменно, ни устно. Следовательно, объявления, плакаты и призывы в прессе и на радио не могут содержать никакой неправдивой информации для того, чтобы избежать разочарования среди рабочих, трудоустроенных в Рейхе, и таким образом реакций против будущей вербовки на оккупированных восточных территориях».

Я думаю более законное отношение в разгар войны вообще немыслимо.

Додд: Очень хорошо. Всё, что я пытаюсь здесь показать, и понять согласитесь ли вы с этим, что вы, вместе с тем, несмотря на эти представления и эти возражения, которых мы не отрицаем, и которые вы заявляли, разрешили своим людям на восточных оккупированных территориях на самом деле призывать и принуждать людей поступать на работу в Германию, и вы делали это согласно вашему собственному распоряжению. Это то, что я пытаюсь донести до вас.

Розенберг: Закон об обязательном труде был издан мной в конце 1941 для территории рейхскомиссариата, то есть, для Остланда и для Украины. Обязательная вербовка этой рабочей силы для Рейха не предпринималась длительное время, и обязательная трудовая служба в оккупированных странах, являлась, по моему мнению, законно необходимой для того, чтобы с одной стороны не было бы дикой вербовки, а также для предотвращения хаоса вытекающего из сотен тысяч праздношатавшихся на улицах.

Председатель: Вы не ответили на вопрос. Вы привели длинный пересказ вместо одного слово «да», что должно быть вашим ответом.

Розенберг: Когда в Рейхе тоже была введена обязательная трудовая служба, я сказал, что выступал за добровольный призыв. Больше я не мог упорствовать в таком отношении и, поэтому, конечно я согласился с тем, чтобы затем такие же законы об обязательном труде были бы введены. Я вчера уже признал это три раза, я не оспаривал этого.

Додд: Да, я знаю, вы повторяли это три раза вчера и снова этим утром. В вашем документе защиты – Розенберг–11, я думаю этом – который письмо, что вы написали Коху 14 декабря 1942 – я не думаю, что нужно снова вам его показывать; я

думаю, вы видели его вчера - вы особо отметили Коху вопрос сбора людей из очередей перед театрами и с улиц, тех людей кто посещал кино и подобное такого же рода. Вы знали о том, что происходило согласно вашему распоряжению об обязательном труде, не так ли? Вы возражали этому, но вы знали о том, что это происходило.

Розенберг: Эксцессы связаны с каждым законом, и как только я узнавал об эксцессах, я предпринимал против них шаги.

Додд: Очень хорошо. Итак, наконец, в отношении данного вопроса принудительного труда, вы честно и откровенно говорите о том, что ваше министерство было, не слишком ответственным за эту ужасную программу выселения людей из своих домов в Германию, или вы скажете, что вы должны принять весьма значительную ответственность за то, что случалось с этими сотнями тысяч людей в восточных оккупированных районах?

Розенберг: Я, конечно, приму ответственность за такие законы, которые я издавал, и за любое исполнение директив, которые принимало моё министерство. Территориальные правительства были юридически ответственными за их исполнение. Там где они выходили за границы этих мер – они находились в 1500 километров от меня – я сам занимался каждым делом. Было много преувеличений и также эксцессов. Я признаю, что случались ужасные вещи. Я пытался вмешиваться, применять карательные меры и из-за этого довольно много германских чиновников отдали под суд и получили приговоры.

Додд: Оставляя в стороне ужасные вещи, которые происходили с людьми, полагая, что не было никакого большого насилия, сам факт принуждения вопреки их воли, оставляя, что-то другое, это то за что, вы примете ответственность, я полагаю.

Розенберг: Так точно.

Додд: И вы также чувствуете, что значительная часть из этого…

Розенберг: [*Прерывая*] Я принимаю ответственность в силу закона государства, который уполномочил гауляйтера Заукеля передавать мне эти требования, которые я применял в правовой форме на восточных территориях.

Додд: Короче, я хочу напомнить вам, пока мы на этом предмете, что вы вчера признали, что вы согласились с изъятием детей возраста 10, 12 и 14 лет и их вывозом в Германию, и я думаю, вы сказали нам, что сначала это взволновало вас, но когда вы выяснили, что там был счастливые условия отдыха, вы успокоились. Это честное заявление о вашей позиции о принуждении этих детей на Востоке?

Розенберг: Нет, это неправильно. Я не знаю, о чём был перевод документа, но правда заключается в обратном. Я хотел предотвратить воплощение любой акции в оперативной зоне которая могла, в определённых обстоятельствах быть самой тяжкой для многих детей. Затем, по просьбе группы армий «Центр» - которая бы всё равно сделала это сама – я принял заботу об этих детях при условии, что я предоставлю самую тщательную заботу этим детям и их матерям, чтобы у них был

контакт со своими родителями, и для того, чтобы они могли вернуться на свою родину позднее. Это, конечно, прямо противоположно тому, что обвинение представляет из документа.

Додд: Что же, я не хочу дальше задерживаться на нём за исключением того, что напомню вам о том, что документ, который вы видели и который вы обсуждали вчера, заявляет, помимо прочих вещей о том, что вывозом этих детей с Востока вы делали больше чем одну вещь, вы уничтожали биологический потенциал этих народов Востока. Это то, что вы одобряли помимо прочих вещей, не так ли?

Розенберг: Да. Это содержится в первом пункте обвинения, и это уже читали. Я ясно дал понять, читая весь документ, что мое одобрение никак не зависело от этого пункта, что в первом сообщении я чётко отказался от этого аргумента, и что только после заслушивания остальной информации я нашел способ, за который меня благодарили женщины, несмотря на тот факт, что не я, а Гитлерюгенд в Дессау и кто угодно заслуживает благодарности за заботу о них таким образом.

Додд: На самом деле, я понимаю из всех ваших показаний, что за возможным небольшим исключением, о чем мы говорили, вы являлись очень мягким и гуманным к этим народам в вашей компетенции в оккупированных восточных территориях. Вы хотели быть очень добрыми с ними.

Розенберг: Я вообще не хочу просить для себя подобной сентиментальной фразеологии. Однако, в разгар этой ужасной войны на Востоке, которая приводила к постоянным убийствам немецких рабочих и немецких сельскохозяйственных сотрудников, я лишь пытался проводить умную политику и убеждать людей к сердечному добровольному содействию.

Додд: Да. Итак, я прошу показать вам документ PS-1058, который экземпляр USA–147.

[*Документ передали подсудимому*]

Додд: Итак, теперь он у вас. Это выдержка из речи, которую вы произнесли для своих ближайших сотрудников, и на неё ссылались раньше. Эта речь, которую вы произнесли 20 июня 1941, за день до нападения на Советскую Россию. Я хочу сослаться на самый первый абзац, и единственный в документе. Он гласит: «Работа по пропитанию немецкого народа без сомнения сохранится в эти годы …»

Розенберг: На какой странице?

Додд: Это первая страница, здесь только одна страница. О, у вас есть весь документ. Вы ссылались на это вчера, я думаю, вы сможете найти это. Это страница 8, строчка 54. Вы можете вспомнить это, вы говорили об этом вчера. Собственно говоря, вы сказали, что это была экспромтная речь. Вы находите на странице 8?

Розенберг: Да, я нашел.

Додд: В этом абзаце вы говорите, помимо прочих вещей – и я хочу обратить ваше

внимание на особую задачу - вы сказали, что работа по пропитанию немецкого народа первая в списке, и что южные регионы и северный Кавказ должны служить балансу пропитания немецкого народа. И вы продолжаете говорить о том, что вы не понимаете никакой причины, почему есть какая-либо обязанность кормить русский народ излишками продуктов с территории. Затем вы говорите: «Мы знаем, что это жестокая необходимость, независимо от чувств».

Затем вы продолжаете говорить: «Несомненно, необходима очень широкая программа эвакуации и будущее приготовило тяжкие годы для русских»

Итак, вы вчера читали нам некоторые части этой речи, которые, по вашему мнению, были вполне вашей заслугой. Все части речи были экспромтом или вы предлагаете, что только части, которые кажутся, опасными для вас были экспромтом?

Розенберг: Я просто использовал пару ключевых слов и таким образом произнёс речь. Данный параграф обвинение читало три или четыре раза. Вчера, когда мы обсуждали эту речь я сам, прямо сослался на этот абзац. Помимо этого, я признал, что мне говорили люди, связанные с четырехлетним планом о том, что не было точной уверенности в том, сможет ли промышленность московского промышленного региона поддерживаться после его завоевания – здесь упоминались «вагоностроительные фабрики». Могло быть необходимо, ограничить некоторые ключевые производства, и из-за этого возникала сложная проблема снабжения данного района. Мои замечания указывали на то, что при необходимости этих безработных пришлось бы эвакуировать. Я прямо ссылался на этот документ, а именно, первый документ министра оккупированных восточных территорий по этому вопросу где, в семи самых важных пунктах о гражданской администрации, пункт 3 касается пропитания гражданского населения. Дальше в документе сказано, что во всяком случае следует избежать голода, и что в таком случае, население должно было получать специальные пайки. Мне кажется, что в такие тяжелые времена, в виду законов и директив, для меня было невозможно, сделать больше чем это. Моя общеполитическая и духовная позиция заключалась в том, что я говорил вчера о требовании свободы и культуры для Украины, о суверенитете кавказцев, и также о русском государстве и его большом…

Додд: Хорошо. Я не хочу, чтобы вы вдавались в это. Я полностью вас понял, и я думаю, все остальные. Я просто хотел указать вам на то, что с ранней даты вы говорили о том, что будут суровые необходимости, и что для русских будет очень много тяжелых лет. Это все. И если вы не хотите признавать, что вы серьёзно говорили об этом, как вы говорили о других вещах, тогда я не буду давить на вас.
Я хочу перейти к документу…

Розенберг: Господин обвинитель, мне кажется, что не сильно много можно было сделать для данной проблемы кроме как заранее запланировать то как решать трудности нежели потом. Остальные оккупационные силы должны иметь такой же

опыт.
Додд: Хорошо.
Я прошу показать вам документ PS-045, экземпляр USA–822.

[*Документ передали подсудимому*]

Розенберг: Вероятно, я могу сказать кое–что ещё о переводе этого отрывка. Мне перевели это так, что эти меры следовало проводить «без каких–либо чувств». В оригинале сказано «помимо чувств» или «превыше чувств».
Додд: Хорошо, я приму вашу интерпретацию, у нас нет с этим никаких проблем. Итак, вы будете любезны, посмотреть на этот документ? Это меморандум для вашего сведения, обнаруженный в ваших материалах.
Розенберг: Да.
Додд: Здесь излагаете здесь, во втором абзаце, то что вы называете целью немецкой политики, в частности в Украине, как было изложено фюрером. Они, вы говорите, эксплуатация и мобилизация сырья, немецкое переселение в отдельные регионы, никакого искусственного образования населения в сторону интеллектуальности, но поддержание их рабочей силы; помимо этого, обширное невмешательство во внутренние дела.
Затем, двигаясь немного дальше – потому что, я не думаю, что нужно всё это читать, многое из этого ссылается на другой документ – мы спускаемся к 12 строке снизу этого параграфа. Начиная с 14 строки:

> «После продолжительного наблюдения за положением дел на оккупированных восточных территориях, я убедился в том, что немецкая политика, может сама по себе иметь, возможно презрительное мнение о качествах покоренных народов, но что не является задачей немецких политических представителей провозглашать меры и мнения, которые могут в конечном итоге привести к унылому отчаянию вместо продвижения желаемого использования производительной рабочей силы».
>
> Затем, в следующем абзаце, вы говорите:
>
> «Если дома мы должны объявлять о наших целях всей нации как можно более открыто и агрессивно, в отличие от остальных, политические руководители на Востоке должны хранить молчание там, где германская политика вызывает необходимую резкость. Они должны хранить молчание в отношении любых уничижительных мнений которые они могут сформировать о покоренных народах. Да, умная немецкая политика может в определенных обстоятельствах сделать больше в немецких интересах через послабления, которые не затрагивают политику и определенные гуманные уступки, нежели чем

через открытую, невнимательную резкость».

Вы честно выражали свои взгляды, когда писали этот меморандум 16 марта 1942?

Розенберг: Этот документ правильный. Его тоже представляли мне на предварительном допросе. Он показывает что, при том, что я знал о том, что фюрер не принял моих далеко идущих предложений, я продолжал бороться за эти ещё более далеко идущие предложения. И далее он показывает, что я лично встретился с фюрером, для того чтобы несколько сумасшедших людей среднего уровня на Востоке не делали бы уничижающих замечаний об остальных нациях, чей уровень жизни мог представляться совсем бедным. От многих тысяч, кто прибыл туда, я не мог ожидать либо симпатии или антипатии, но я мог требовать от них одной вещи, если их отношение было презрительным, они должны были оставлять его при себе и действовать достойно.

В заключение я хочу добавить, кое–что чрезвычайно значимое, а именно, здесь в последнем параграфе сказано: «Я прошу, чтобы фюрер распорядился по этой записи и проекту распоряжения». Эта инструкция, к сожалению, не приложена к документу, мне кажется, что из неё можно было бы подтвердить гораздо больше.

Додд: Хорошо. Итак, перейдем к документу R–36, экземпляр номер USA–699.

[*Документ передали подсудимому*]

Додд: Вы раньше видели этот документ, не так ли?

Розенберг: Да, я его видел.

Додд: Итак, это меморандум от 19 апреля 1942, представленный вам одних из ваших подчиненных, доктором Маркулем, и непосредственно направленный вам Лейббрандтом[389] , также одним из ваших подчиненных, одним из ваших вышестоящих людей. Я хочу, чтобы вы следовали вместе со мной, пока я зачитываю вам определенные параграфы из него.

Первые несколько строк датированы 5 сентябрем 1942, и сказано: «Рейхсминистру; о предложениях». Сказано, что здесь прилагался меморандум содержащий мнение доктора Маркуля по вопросу письма Бормана от 23 июля.

Прежде чем мы сейчас продолжим – если вы уделите ему внимание - вы сказали нам вчера, что вы были не согласны с Борманом по некоторым вопросам. Не так ли?

Розенберг: Я сказал…

Додд: Просто ответьте на вопрос. Вы говорили нам это вчера?

Розенберг: В решающих положениях я не соглашался с Борманом. Я свидетельствовал, что с течением лет я, тяготился этим, и по случаю, я вынужден

389 Георг Лейббрандт (1899 — 1982) — немецкий государственный и политический деятель. Руководитель восточного отделения управления внешней политики НСДАП. Руководитель главного управления политики в министерстве оккупированных восточных территорий Рейха (1941—1943).

был дать ему примирительный ответ. Вся моя политика должна была…

Додд: Хорошо. Посмотрим на документ, который, как я сказал, меморандум о письме Бормана вам, датированном 23 июля, я полагаю 1942:

> «23 июля 1942, рейхсляйтер Борман направил министру письмо, которое перечисляет в восьми параграфах, принципы которым министр должен следовать в управлении оккупированными восточными территориями».

Оно продолжает говорить о том, что вы, в сообщении фюреру от 11 августа 1942 подробно объясняли в какой степени эти принципы уже применялись на практике или использовались как основа политики.

Следующий параграф говорит:

> «Любое лицо, читающее эту переписку поразиться, прежде всего, полному согласию концепций. Министра» - то есть вас – «видимо особо занимали два положения. Первое относится к защите германского правления от давления славянской расы; второе к абсолютной необходимости упрощения администрации. На самом деле это решающие проблемы о которых нужно высказаться».

Затем это заявление:

> «В остальном, министр» - ссылается на вас – «не только не заявляет никаких возражений против принципов Бормана или даже его фразеологии; напротив, он использует их в качестве основы для своего ответа и стремится продемонстрировать, что они уже введены на практике. Однако, когда, письмо Бормана прочитал капитан Циммерман на совещании начальников управлений, сразу же возникла серьезная озабоченность, как на счет фразеологии письма, так и будущего проведения нашей восточной политики».

Затем оно продолжает говорить:

> «Для того, чтобы выяснить обоснована ли такая озабоченность, лучше начать с предположения, которое четко демонстрирует преобладающую ситуацию».

Затем, под номером I, Маркуль пишет:

> «Предположим, что письмо Бормана было принято для рейхскомиссаров как министерское распоряжение. Такое предположение никоим образом не невозможно, поскольку министр» - и это снова ссылается на вас – «кажется придерживается аналогичных взглядов. Поскольку Остланд представляет особый случай, и более того Украина является, или наверное станет политически наиболее важным регионом, дальнейшее обсуждение в основном базируется на данном регионе».

Затем, продолжает:

«О последствиях распоряжения подобного рода будет лучше судить по отношению к нему тех людей, чья обязанность в том, чтобы применять его на практике».

Немного ниже, он говорит:

«Представляя формулировки письма Бормана переведенными на язык сотрудника германской гражданской администрации, вы увидите, грубо говоря, следующие взгляды:

Славяне работают на нас. Поскольку мы не нуждаемся в них, они могут умирать. Поэтому, обязательная вакцинация и немецкая система здравоохранения излишни. Рождаемость славян нежелательна. Они могут использовать контрацептивы или, что даже лучше аборты. Образование опасно. Достаточно, чтобы они могли считать до 100. В лучшем случае допустимо образование, которое приводит к полезным облегчениям для нас. Каждое образованное лицо это будущий враг. Религию мы оставим для них как средство утешения. По продовольствию, они не получат чего–либо больше чем необходимо. Мы владыки; мы первые».

Затем, продолжает говорить:

«Эти фразы отнюдь не являются преувеличением. Напротив они охватывают, слово в слово, дух и текст письма Бормана. Уже в этом пункте возникает вопрос, желателен ли такой результат в интересах Рейха. Вряд ли можно сомневаться в том, что эти взгляды станут известны украинскому народу. Похожие мнения преобладают уже сегодня».

Переходим, к следующему параграфу, с номером 2, говорящему:

«Но нет никакой реальной необходимости полагаться на фиктивное распоряжение как было сделано в параграфе 1. Вышеуказанная концепция о нашей роли на Востоке уже существует на практике. Рейхскомиссар Украины раскрыл свои взгляды на украинский народ в трех последовательных речах при вступлении…» - и т. д.

И он продолжает цитировать эти речи, на которые ссылались в этом трибунале.

Затем, в следующем параграфе, он говорит о том, что каждый посетитель и каждый сотрудник из местной гражданской администрации может подтвердить это своими наблюдениями, и они в особенности четко демонстрируют насколько подготовлена почва для письма Бормана. Затем он продолжает цитировать заявления, которые сделали, сказав: «Точнее, там мы среди негров; население грязное и ленивое», и так далее.

И затем, пропуская, он говорит:

«Я могу добавить, что крейсляйтер Кнут[390], которого гауляйтер всё еще сохраняет, несмотря на тяжелейшие обвинения в его профессиональной пригодности, объявил, в беседах о вопросе Киева о том, что Киев следует обезлюдить путем эпидемий. В целом было бы лучше, если лишняя часть населения умрет от голода».

Переходя дальше, мы подходим к третьему абзацу ниже. Он говорит:

«Наконец среди окружных комиссаров 80 процентов возражают вышеуказанным взглядам. На многих совещаниях с генеральными комиссарами они подчеркивали, что с населением следует обращаться достойно и с пониманием».

И, что заявления, возражающие такой политике как вышеуказанная приведут к катастрофе. Вот что говорит следующий параграф:

И затем Маркуль продолжает говорить:

«В остальном единственный эффект от ложных концепций «высшей расы», послабление дисциплины для наших чиновников».

Я не буду занимать время читая всё это. Я уверен вы прочли это. Затем мы двигаемся, и мы переходим к очень существенному параграфу, с номером 5:

«Однако, следует изучить не существует ли фактического согласия между данной преследуемой политикой и письмом Бормана в том смысле, что цитированные выше распоряжения и остальные инструкции министерства следует понимать просто как тактические ходы, в то время как фактически не существует никакого расхождения во мнениях. Ответ министра» - я каждый раз напоминаю, что министр относится к вам – «от 11 августа можно считать направленном в данном направлении».

Затем он продолжает говорить:

«В ответе на это следует отметить, что министр очень хорошо знает, что невозможно реорганизовать континент размером с Россию посредством политической тактики и надев маску освободителя, но только путем применения государственнической концепции подходящей для политических условий». – и так далее.

И наконец, он говорит:

«Ещё одна причина, почему…»

Я хочу быть с вами честным об этом документе. Он отмечает, что возможно это не следует интерпретировать просто как тактический манёвр, ввиду непоследовательности к которую это приведёт. Ибо в таком случае слово «освобождение» никогда не следует упоминать и ни одному театру не должны позволить оставаться открытым, ни техникуму, ни украинскому университету не

---

390 Курт Кнут (1902 – 1977) – немецкий партийный деятель НСДАП. В 1941-1945 начальник гражданской администрации Белостока. После войны некоторое время скрывался под чужим именем.

должны позволять функционировать.

И наконец, я хочу прочитать вам – не последний – но я хочу зачитать вам этот существенный параграф. Он заявляет – и я думаю, вы позволите мне подытожить это, что это письмо Бормана, которое исходило из ставки, просто нельзя издать как министерское распоряжение, поскольку оно дезавуирует всю политику объявленную министром – вами.

И в этой связи, несколькими предложениями ниже, Маркул говорит:

«Необходимо снова отметить, очевидное сходство между мнениями открыто высказанными Кохом и указаниями, приводимыми в письме Бормана».

Затем в середине абзаца, сказано, что только вы можете решить в данном вопросе, и он предлагает определенные соображения, которые могут быть полезными, учитывая некоторые сложности.

И наконец, вы дошли, под номером II второго параграфа:

«Не имея желания каким–то образом критиковать заявления рейхсляйтера Бормана при этом необходимо отметить, что формулировка его письма не всегда четко показывает важность рассматриваемого вопроса. Фразу вроде «бойкая торговля контрацептивами» лучше не применять в связи с именем фюрера. Таким же образом обрывистые фразы вроде «вакцинация не немецкого населения совершенно не обсуждается» - и так далее – «с трудом согласуется с важностью исторических проблем стоящих здесь».

Наконец, продолжая, я хочу прочитать вам, под номером III, Маркуль заявляет:

«Вышеизложенные заявления могу показаться очень резкими. Однако, они, продиктованы заботой и долгом».

И наконец - что же, я не думаю есть какая–либо необходимость зачитывать последний параграф. Он просто говорит о политической философии, которая в грандиозной манере принята японским союзником в своих новых районах. Итак, вы помните этот меморандум, который вы получили через своего помощника Лейббрандта, от своего подчиненного, Маркуля? Вы можете ответить «да» или «нет», кстати; это все чего я хочу знать прямо сейчас – помните вы это или не помните. Вы подождете минуту?

Розенберг: Да, я получил этот доклад от доктора Лейббрандта, и я хочу дать следующее объяснение.

Додд: Прежде чем вы это сделаете – у вас будет возможность; я не буду прерывать вас в каких-нибудь объяснениях или даже пытаться – у меня есть одна или две вещи, о которых я хочу спросить, и затем если вы почувствуете необходимость объяснить их или что–нибудь еще, я уверен Трибунал позволит вам так сделать.

Вы написали письмо в ответ на письмо Бормана, не так ли?

Розенберг: Да, это правильно.

Додд: И вы согласились с этими – если я могу использовать термин – шокирующими предложениями Бормана? В своём письме вы согласились с этими шокирующими предложениями Бормана? «Да» или «нет»?

Розенберг: Я написал примирительное письмо для того, чтобы я смог добиться паузы в постоянном давлении, под которым я находился, и я хочу заранее сказать, что моя деятельность, и распоряжения которые я принимал после этого письма, никоим образом не изменились, но, напротив, были изданы распоряжения о создании школьной системы и дальнейшем контроле за здравоохранением. Я буду обсуждать это далее в своём ответе.

Додд: Вы написали это письмо фюреру, вы не написали его Борману, не так ли? Ваш ответ пошёл к Гитлеру?

Розенберг: Я написал свой ответ фюреру, да.

Додд: И вы примирились с фюрером, не так ли, когда вы безропотно проглотили фразы, как те, что повторялись в этом письме об использовании контрацептивов и абортах?

Розенберг: Нет; кроме…

Додд: Подождите, пока я закончу. Я сказал, в своём письме фюреру вы ответили на эти мерзкие предложения Бормана, не так ли – эти отвратительные, я могу сказать мерзкие предложения Бормана? Вы написали их Гитлеру?

Розенберг: Я написал письмо фюреру, но не использовал формулировку из письма Бормана. Я примирительно написал фюреру о том, что я не буду делать больше того, что можно и нужно делать. Я хотел отвязаться от атаки из ставки, которая, так как я знал, что она последует, потому что я делал больше для восточных народов, чем для немецкого народа, что я требовал больше врачей, чем немецкий народ имел для своих больных, что я делал больше в своём качестве министра оккупированных восточных территорий по проблеме здравоохранения и соответственно для восточных народов чем могли сделать немецкие врачи для немецкого народа. Атака достигла таких размахов, что Кох наконец обвинил меня в поощрении политики иммиграции. Это было причиной, почему впоследствии возник конфликт и был доведен до фюрера.

Додд: Таким образом здесь не будет сомнений в этом – я не хочу, чтобы у кого–нибудь здесь возникло недопонимание и ни у кого не возникнет – вы рассказываете нам о том, что вы не ответили почти слово в слово на то, что Борман написал вам?

Розенберг: У меня нет здесь дословного письма.

Додд: Но у вас есть меморандум Маркуля, который говорит о том, что министр не только не заявляет никаких возражений против принципов Бормана или хотя бы его фразеологии. Один из ваших подчиненных конечно не был бы достаточно дерзким, чтобы написать вам такой меморандум, при том, что не было полной правдой то, что

вы так делали?

Розенберг: Я весьма приветствовал то, чтобы мои сотрудники всегда имели отвагу возражать мне и представлять мне своё мнение, даже касавшееся чего–либо, о чём я просил. Доктор Лейббрандт пришел и сказал мне: «Господин рейхсминистр, это точно не согласуется с тем, что мы все здесь делаем». Я сказал: «Доктор Лейббрандт, пожалуйста, успокойтесь. Я написал примирительное объяснение. Ничего не изменится. Позже я лично поговорю с фюрером об этих вопросах».

Додд: Ваш подчиненный не побоялся сказать вам, что вы написали такое письмо, в котором слово в слово согласились с Борманом. У меня нет проблем на этот счет. Это все, что я пытаюсь заставить вас сказать трибуналу, потому что это правда, что вы написали ответ, выражая эти фразы дословно.

Розенберг: Это неправильно. Автор – я даже скажу, доктор Лейббрандт – когда он вручил мне этот меморандум, полностью прочёл его и в спешке сказал: «Кажется, есть господин, который считает, что я не могу делать ничего другого, кроме того, что считаю правильным». Но в таком случае я сталкиваюсь с серьезным конфликтом, и я поддерживаю свою позицию, так как считаю её правильной. Это можно видеть из документов охватывающих период 3 лет, которые я зачитывал вчера. Могу я теперь привести своё мнение об этом документе.

Додд: Ответьте на вопрос: с кем вы примирялись, с Гитлером или Борманом? Или с обоими?

Розенберг: Сначала, я согласился со своим сотрудником, доктором Лейббрандтом, в той идее, чтобы министерские распоряжения в таком смысле никогда мной не будет издаваться. Второе, я принял распоряжение о школьной системе на Украине включающую четырёхлетнюю начальную школу, ремесленные училища, и профессиональные училища.

Председатель: Минуту. Это не ответ на вопрос. Вы сказали, что вы написали примирительный ответ. Вопрос с кем вы пытались примириться? Был это Гитлер или Борман, или оба?

Розенберг: Да, оба; да.

Додд: Господин председатель, подошло время прерваться?

Председатель: Да.

[*Объявлен перерыв*]

Зейдль: Господин председатель, вчера я заявил о том, что документальные книги для Франка уже перевели. Однако, кажется – я только, что выяснил это – что документальные книги пока сшиты, потому что отдел ответственный за это пока не получил разрешения от другого компетентного отдела. Вероятно трибунал сможет распорядиться о сшиве документальных книги или же весь перевод бесполезен.

Председатель: Очень хорошо.

Додд: Я не знал, что была какая-то задержка, но я прямо сейчас прослежу за тем, чтобы они получили их как только смогут сделать это.

Розенберг: Могу я что–нибудь сказать, об этом документе? Этот меморандум, как я заявил в начале, основывался на предположении о возможном министерском распоряжении. Он, очевидно, использует фразы которые Борман использовал в своём письме, но моё письмо, которое я отправил фюреру, возможно, не могло содержать такие фразы. Оно могло бы содержать примирительные заявления о том, что на оккупированных восточных территориях я не делал ничего, в чём меня упрекали; то есть в том, что я ничего не делал для немецкого населения, но что я создавал крупные ведомства здравоохранения, школьные ведомства, образовательные ведомства, и т. д.; и что теперь я был вынужден полностью упростить эти административные ведомства. Но это Борман сделал эти заявления, это он использовал такие фразы! Это печально, что он выражался таким образом, и в течение последних нескольких лет мы были вынуждены наблюдать ряд похожих примеров.

Я могу кратко добавить, что он сам заявлял, что министр видимо вмешивался, что прояснить эти вещи, но я хочу указать на один решающий пункт, и это то, что мнения продвигаемые Борманом были также знакомы в окружении Коха. В течение этих трагических лет все мои усилия были направлены против личного окружения Коха, в особенности в подготовке административных руководителей, и это можно видеть из параграфа 3, где сказано: «Более того, по крайней мере, 80 процентов окружных комиссаров возражали описанным взглядам».

Додд: Я думаю, все мы знаем, о чем это. Если у вас есть какое–нибудь объяснение, я думаю, вы вам следует его дать.

Розенберг: Да. На странице 4, сказано о большей части руководящего административного корпуса возлагающей свои надежды на министра – то есть, меня – и я стремился и пытался оправдать эти надежды руководящего административного корпуса, который я пытался воспитать посредством своих распоряжений, потому что эти тысячи людей могли не знать обширных восточных территорий, такие тысячи которые, даже в борьбе против большевизма, иногда не имели достаточно точной концепции о положении дел на Востоке, и я должен подчеркнуть факт, что автор здесь говорит о том, что распоряжение изданное министром 17 марта 1942 – подтверждает его предыдущие распоряжения в более строгой форме. Распоряжение от 13 мая 1942 атакует взгляд о том, что украинцы это вовсе не раса и атакует ложную концепцию превосходства. Таким образом, эти два распоряжения, которые я не получил и которые здесь есть; и кроме того, господин обвинитель, я скажу, что он совершенно правильно отмечает, что курс министра – то есть меня – хорошо знает, что с таким континентом нужно обращаться по-другому нежели согласно этим предложениям о которых мы услышали. Однако, как следствие этих процедур, я положительно установил, что после переписки между Кохом и Борманом я ввёл

упорядоченное создание школьной администрации в Украине издав подробное распоряжение. Во–вторых, я запросил расширения…

Додд: Меня это не интересует. Минуточку.

Розенберг: Что же, мне нужно ответить на эти обвинения.

Додд: С позволения вашей чести это не ответ на них, и никакое не объяснение по документу. Он снова начал одну из этих длинных речей о том, что он делал после получения документа или после написания письма, и я прошу, чтобы его проинструктировали ответить на этот вопрос и не продолжать выступлений о том, что он делал для управления в Украине. Я не думаю, что это уместно.

Розенберг: Я лично говорил об этом с фюрером и сказал ему, что распоряжение от мая 1943 в моих материалах – я сказал ему о том, что было невозможно работать на Востоке при таких разговорах Коха и его последователей.

Председатель: Если есть письмо в ваших материалах или если нет письма в ваших материалах, ваш защитник может повторно допросить вас после перекрестного допроса, но вы не можете в перекрестном допросе вдаваться в длинные объяснения. Вы должны отвечать на вопрос «да» или «нет» и объяснять, если вы должны объяснять, вкратце. Вы долго объясняете этот документ.

Додд: Когда вы впервые встретили Эриха Коха?

Розенберг: Эрих Кох?

Додд: Да.

Розенберг: В двадцатых. Это мог быть 1927 или 1928…

Додд: Видимо потом вы знали его, многие годы?

Розенберг: Я не видел его часто, но в качестве гауляйтера, я беседовал с ним лично снова и снова.

Додд: Когда он стал гауляйтером?

Розенберг: Я думаю в 1928 году, он стал гауляйтером в Восточной Пруссии, но я не могу привести точную дату, когда он стал гауляйтером.

Додд: Хорошо. Мне нужна приблизительная дата. У вас было много дел с ним со времени, когда он был назначен гауляйтером, скажем до 1940?

Розенберг: В течение лет борьбы, я практически вообще не имел к нему никакого отношения. Затем, после 1933, я разговаривал с ним несколько раз.

Додд: У вас были довольно хорошие сведения, я полагаю, в любом случае, о его общей репутации среди его друзей и знакомых?

Розенберг: Я знал, что у Коха очень взрывной темперамент, переходящий из одной крайности в другую и трудно держащийся в рамках, и поэтому не подходящий для проведения стабильной политики.

Додд: Однако, я понимаю из вашего ответа, что вы не были осведомлены, прежде чем он стал рейхскомиссаром Украины, о его подобном темпераменте, и что вы не знали, что он делал эти ужасные вещи, которые он делал пока был рейхскомиссаром Украины, не так ли?

Розенберг: Нет, и…

Додд: Это ответ и нет необходимости его пояснять.

Розенберг: Я даже знал о том, что Кох ранее выражал противоположное мнение, и что он говорил о том, что молодежь Востока также примет в объятия немецкую молодежь. Он раньше так писал.

Додд: Итак, я так понимаю, вы были удивлены, когда этот человек оказался тем человеком, которым он оказался. Это честное заявление?

Розенберг: Это вышло на свет постепенно позднее. Другой человек не мог предвидеть, что такой темперамент приведет к таким результатам, и он бы не зашёл настолько далеко не имей он поддержки кого-то ещё.

Додд: Вы не думаете, что он был таким хорошим человеком, как следует из записи, но скорее поощрялся кем-то другим; это то, что вы хотите нам рассказать?

Розенберг: Да, это конечно повлияло.

Додд: Я прошу показать вам документ PS-1019; он станет экземпляром USA–823. Кстати, прежде чем мы посмотрим на документ, Кох - человек, которого вы в очень большой мере вините за многие ужасные вещи, что случались при вашем министерстве в Украине, не так ли? В этом нет никакого сомнения. Вчера вы рассказывали нам это весь день.

Розенберг: Да.

Председатель: Господин Додд, не могли бы вы говорить медленнее?

Додд: Я буду, ваша честь.

[*Обращаясь к подсудимому*] Если вы посмотрите на документ, вы увидите, что это меморандум о ваших рекомендациях по личному составу рейхскомиссариатов на Востоке и для центрального политического управления в Берлине, он был написан 7 апреля 1941, и я понимаю, что это было лишь несколько дней спустя после разговора Гитлера с вами о вашем новом назначении на Восток, 4-5 дней как самое большее; не так ли? Вы ответите на этот вопрос?

Розенберг: Да.

Додд: Итак, в этом меморандуме вы излагаете, что вы рекомендовали гауляйтера Лозе, и мы знаем из документов и показаний, что он был назначен, это факт, не так ли?

Розенберг: Да.

Додд: Хорошо. Теперь, перевернем на следующую страницу английского текста, этот параграф начинается следующим образом:

> «В конце концов дополнительно потребуется оккупировать войсками не только Ленинград, но также Москву. Такая оккупация, наверное, будет значительно отличаться от оккупации в балтийских провинциях, Украине и Кавказе. Она будет направлена на подавление любого русского и большевистского сопротивления и потребует абсолютно беспощадного человека как в отношении военных представлений и

также конечного политического руководства. Проблемы, возникающие из этого не требуют здесь раскрывать. Если не имеется намерения поддерживать постоянную военную администрацию, нижеподписавшийся рекомендует гауляйтера Восточной Пруссии, Эриха Коха, в качестве рейхскомиссара Москвы».

В апреле 1941, вы рекомендовали Коха для этой работы как в особенности беспощадного человека? «Да» или «нет»?

Розенберг: Да…

Додд: Минуточку. Последний день и сегодня, вы много здесь говорили, дайте мне шанс.

Он тот же самый человек, о котором минуту назад вы говорили нам, что вы не знали о его особенной беспощадности до этих ужасных вещей на Украине. Итак, в апреле 1941, вам это было совершенно ясно, не так ли? Каков ваш ответ на это?

Розенберг: Это неправильно, здесь это не изложено. Я заявил о том, что я знаю из произведений Коха с 1933 и 1934, что ему в особенности нравился русский народ. Я знал Коха, как инициативного человека в Восточной Пруссии. Я должен был ожидать, что в центре Москвы и вокруг Москвы придётся вести очень трудную работу. Так как там находился центр притяжения большевизма и там при определенных обстоятельствах возникло бы величайшее сопротивление. Тогда я не хотел иметь Коха в Остланде и в Украине, потому что я не считал, что там нужно было опасаться такого сопротивления. С одной стороны была склонность Коха к русским, с другой стороны он был человеком с экономической инициативой, наконец я знал, что его поддерживали таким образом, что фюрер и рейхсмаршал планировали его для какой-то работы на Востоке.

Додд: Когда вы искали беспощадного человека, вы предложили Коха уже в апреле 1941.

Розенберг: Это выражение относится здесь скорее к инициативе и конечно, к взгляду, что он бы беспощадно боролся с любым большевистским сопротивлением, но не в смысле, что он бы подавлял иностранную расу или пытался уничтожить иностранные культуры.

Додд: Правда в том, что у вас был некий своеобразный и странный интерес к Украине, и у вас был кто–то другой на уме для этой работы, но вы знали о том, что Кох был плохим актером, и вы хотели его для другой части России, не так ли?

Розенберг: Нет, как видно из этого документа, для Украины я хотел государственного секретаря Бакке или моего начальника штаба Шикеданца. Я хотел государственного секретаря Баке, потому что он немец с Кавказа и говорит по–русски, знает всю южную территорию и наверное мог бы хорошо там работать. Мне его не дали и я был вынужден принять Коха, я хочу сказать, вопреки моему личному протесту на встрече 16 июля 1941.

Додд: Что же, если это ваш ответ, мне не нужно дальше разбирать его.

В отношении вашего отношения к еврейскому народу, в вашей франкфуртской речи в 1938, вы предлагали, что все они должны покинуть Европу и Германию, не так ли?

Розенберг: Такие фразы использовались.

Додд: Всё, что вам нужно сказать «да» или «нет». Вы говорили это или нет, во Франкфурте в 1938?

Розенберг: Да, но я конечно не могу ответить «да» или «нет» о неправильной цитате!

Додд: Я не думаю, что вам вообще нужно, что-то объяснять. Я просто спросил вас, говорили ли вы это во Франкфурте в своей речи в День партии.

Розенберг: Да, в сущности это правильно.

Додд: Итак, в своей речи в День партии на которую вы вчера ссылались, вы говорили, вы использовали грубый язык про евреев. Я полагаю, в те дни вы возражали тому факту, что они были в определенных профессиях, и вещам подобного рода. Это честное заявление?

Розенберг: Я вчера сказал, что в двух речах я требовал рыцарского решения и равного обращения, и я сказал, зарубежные нации не могут обвинять нас в дискриминации еврейского народа, до тех пор пока дискриминируют нашу нацию…

Додд: Да, хорошо. Вы когда–либо говорили об уничтожении евреев?

Розенберг: Я в целом не говорил об уничтожении евреев в смысле этого термина. Здесь нужно рассматривать слова. Термин «уничтожение» использовал британский премьер–министр…

Додд: Пропустим слова. Просто сейчас скажите мне, вы, когда-либо говорили это или нет? Вы говорили это, не так ли?

Розенберг: Ни в единой речи в таком смысле…

Додд: Я понимаю смысл. Вы когда–либо говорили об этом с кем–то, об уничтожении евреев как о вопросе государственной политики или партийной политики?

Розенберг: Однажды, на совещании с фюрером была открытая дискуссия по этому вопросу о готовившейся речи, которую не произносили. Смысл заключался в том, что сейчас идет война, и что об этой угрозе не следует больше упоминать. Всю речь тоже не произносили.

Додд: Когда вы собирались произнести эту речь? Приблизительно, какого числа?

Розенберг: В декабре 1941.

Додд: Затем вы вписали в свою речь замечания об уничтожении евреев, не так ли? Отвечайте «да» или «нет».

Розенберг: Я уже сказал, что слово не имеет смысла, который вы ему придаёте.

Додд: Я пропускаю слово и его значение. Я спрашиваю вас, вы не использовали

слово или термин «уничтожение евреев» в речи, которую готовили произнести в «Sportpalast[391]» в декабре 1941? Итак, вы можете ответить, это очень просто.
Розенберг: Может быть так, но я не помню. Я сам в дальнейшем не читал фразы из черновика. В какой форме это выражалось, я уже не могу сказать.
Додд: Что же, тогда, вероятно, мы можем вам в этом помочь. Я прошу показать вам документ PS-1517. Он станет экземпляром USA–824.

[*Документ PS-1517 представили подсудимому*]

Додд: Итак, это также меморандум, написанный вами о вашей дискуссии с Гитлером 14 декабря 1941, и из первого абзаца совершенно ясно, что вы и Гитлер обсуждали речь, которую вы должны были произнести в «Sportpalast» в Берлине, и если вы посмотрите на второй абзац, вы найдете такие слова.

> «О еврейском вопросе я заметил, что комментарии о нью-йоркских евреях следует, возможно, заменить где-то после вывода (по вопросам Востока). Я занимаю позицию не выступать об уничтожении (Ausrottung) еврейства. Фюрер подтвердил такой взгляд и сказал, что они возложили на нас бремя войны, и что они принесли разрушения; не удивительно если результаты ударять по них в первую очередь».

Итак, вы отмечали, что у вас была некоторая сложность со значением этого слова, и я собираюсь спросить вас о слове «Ausrottung[392]». Я собираюсь попросить, чтобы вам показали – я полагаю, вы знакомы с обычным немецко–английским словарем, Cassell's[393], не так ли? Вам известно это слово, когда–либо слышали об этом?
Розенберг: Нет.
Додд: Это нечто в чём вы будете заинтересованы. Вы посмотрите и прочитаете трибуналу, какое определение у «Ausrottung»?
Розенберг: Я не нуждаюсь в иностранном словаре для того, чтобы объяснить различные значения которые могут быть у «истребления» в немецком языке. Можно истребить идею, экономическую систему, социальный порядок, и как окончательное следствие, также точно группу людей. Столь много возможностей, которые содержатся в данном слове. Для этого мне не нужен англо–немецкий словарь. Переводы с немецкого на английский часто ошибочные – также как и в последнем документе представленном мне, я снова услышал перевод «высшая раса». В самом документе «высшая раса» даже не упоминалась, однако, есть термин «ложное господство». Видимо все здесь перевели в другом смысле.

---

391 Берлинский дворец спорта (нем. Berliner Sportpalast) — многофункциональный культурно-спортивный центр, рассчитанный на 100 тыс. посетителей. Берлинский дворец спорта был построен в берлинском районе Шёнеберг в 1910 году и снесён 13 ноября 1973 года.
392 «Истребление» (нем.)
393 «Кассел и компания» - английское издательство, основанное в 1848. С 1890 международная издательская группа.

Додд: Хорошо, я не заинтересован в этом. Давайте останемся на термине «Ausrottung». Тогда я принимаю, что вы согласны с тем, что он означает «истребить» или «уничтожить» как их понимали, и что вы использовали термин в разговоре с Гитлером.

Розенберг: Здесь я снова слышу другой перевод, который снова использовал новые немецкие слова, поэтому я не могу определить, что вы хотели выразить по-английски.

Додд: Вы очень серьезно настаиваете на своей очевидной неспособности согласиться со мной по поводу этого слова или вы пытаетесь убить время? Вам неизвестно, что здесь в этом зале суда есть достаточно людей, которые говорят по–немецки, и которые согласны в том, что слово означает «истребить», «искоренить»?

Розенберг: Это означает, с одной стороны «побороть» и затем это предназначалось не в отношении индивидуумов, но скорее юридических лиц, к неким историческим традициям. С другой стороны это слово использовалось в отношении немецкого народа, и мы тоже не верили в то, что в следствии этого 60 миллионов немцев будут расстреляны.

Додд: Я хочу напомнить вам, что это ваша речь, в которой вы используете термин «Ausrottung» была готова почти спустя 6 месяцев после Гиммлера сказавшего Хёссу, которого вы слышали на месте свидетеля, начать уничтожение евреев. Это факт, не так ли?

Розенберг: Нет, это неправильно, так как Адольф Гитлер сказал в своём выступлении перед Рейхстагом: Если новую войну начнут атаками эмигрантов и поддерживающих их, тогда как следствие будут уничтожение и искоренение. Это понималось как результат и как политическая угроза. Видимо, похожую политическую угрозу также использовал я перед войной против Америки. И, когда война уже разразилась, я видимо сказал, что поскольку до этого дошло, нет никакой пользы вообще говорить об этом.

Додд: Что же, на самом деле, евреев уничтожали на восточных оккупированных территориях в то время и после, не так ли?

Розенберг: Тогда, могу я, вероятно, сказать что–нибудь об использовании здесь слов? Мы здесь говорим об уничтожении еврейства; есть также разница между «еврейством» и «евреями».

Додд: Я спросил вас, не являлось ли фактом, что тогда и позднее евреев уничтожали на оккупированных восточных территориях, которые подчинялись вашему министерству? Вы ответите «да» или «нет»?

Розенберг: Да. Я вчера цитировал документ об этом.

Додд: Да, и после этого вы сказали трибуналу, или, как я понял вы, по крайней мере, хотели, чтобы трибунал поверил тому, что это делала полиция без участия кого-то из ваших людей; не так ли?

Розенберг: Я слышал от свидетеля, что говорилось, что окружной комиссар,

участвовал в этих вещах в Вильно, и я слышал от другого свидетеля, что в остальных городах поступали доклады о том, что полиция так делает. Из документа 1184 я понял, что окружной комиссар всеми возможными способами возражал против так называемых «безобразий».

Додд: Доктор Лейббрандт был вашим подчиненным; он был ответственным за подразделение II вашего министерства оккупированных восточных территорий, не так ли?

Розенберг: Да, некоторое время.

Додд: Итак, во второй раз, я прошу показать вам документ PS-3663, экземпляр USA–825.

[*Документ PS-3663 представили подсудимому*]

Додд: Итак, как вы заметите, данный документ состоит из трёх частей. Первая страница - письмо написанное доктором Лейббрандтом на бланке рейхсминистра оккупированных восточных территорий, и оно датировано 31 октября 1941; незадолго до вашей беседы с фюрером о вашей речи, и оно адресовано рейхскомиссару Остланда в Риге. Это был Лозе, человек, которого вы рекомендовали. Письмо говорит:

> «Главное управление безопасности Рейха пожаловалось на то, что рейхскомиссар Остланда запретил казни евреев в Либау. Я прошу сообщить относительно данного вопроса ответным письмом. По приказу» - подписано – «доктор Лейббрандт».

Итак, если вы перевернете на следующую страницу, вы увидите ответ. Переверните этот документ, если у вас есть оригинал – вы перевернете? Вы увидите ответ, датированный Рига, 15 ноября 1941, рейхсминистру оккупированных восточных территорий, Берлин. «Предмет: казни евреев, на: распоряжение». Видимо, это ссылается на письмо Лейббрандта от 31 октября 1941, и оно говорит:

> «Я запретил дикую казнь евреев в Либау, потому что она не была оправданной в том способе который она проводилась. Я прошу сообщить следует ли рассматривать ваш запрос от 31 октября как указание ликвидировать всех евреев Остланда. Должно это состояться без учёта возраста и пола и экономических интересов Вермахта, например в специалистах промышленности вооружений?».
>
> И есть пометка другим почерком:
>
> «Конечно, очистка Остланда от евреев главная задача. Однако, это решение, следует координировать с нуждами военной промышленности».
>
> Продолжает:
>
> «Пока, я не смог обнаружить такую директиву, ни в правилах

относительно еврейского вопроса в «Коричневой книге» ни в других распоряжениях».

Итак, это инициал «Л» для «Лозе» не так ли, внизу? И затем, если вы посмотрите на третью страницу – нет, это другой документ. Есть только две части у этого документа.

Итак, я желаю, чтобы вы посмотрели на документ PS-3666, который станет экземпляром USA–826.

Председатель: Там есть инициал «Л», не так ли?

Додд: Оригинал имеет, ваша честь, да.

Председатель: И подсудимый согласен, что это инициал Лозе, правильно?

Розенберг: Вряд ли это мог быть Лозе. Мне не известны инициалы Лозе. Я не знаю.

Додд: Что же, это очень…

Розенберг: Это также мог быть Лейббрандт; я не знаю.

Додд: Вы не готовы сказать, что второе письмо было от Лозе, и что это его инициал внизу?

Розенберг: Этого я не могу сказать.

Додд: Хорошо.

Розенберг: Этого я не могу сказать, потому что обычно всюду посылались машинописные письма.

Додд: Что же, мы…

Розенберг: Эта пометка сбоку не совсем мне понятна. Однако, в сущности, это означает, что это был протест против полицейских мер, которые стали известны, и что инструкция…

Додд: Мы сейчас разберемся с тем, что это значит. Мы говорили об инициале «Л». Пока мы говорим об инициале, вы посмотрите на него и увидите есть ли там есть какие–нибудь «Р», заглавная «Р»?

Розенберг: Да, здесь есть «Л».

Додд: Да, «Р»?

Розенберг: Да, здесь два «Р».

Додд: Это вы их поставили.

Розенберг: Нет.

Додд: Это ваши инициалы, не так ли?

Розенберг: Я не могу расшифровать это как моё «Р».

Додд: Вы говорите, это не ваша «Р»? Нам нужно выяснить это. Вы должны будете узнать собственные инициалы, если увидите их.

Розенберг: Я никогда не ставил такую заострённую вверх «Р». Вы можете сравнить это с моим почерком.

Додд: Что же, мы сделаем это, не волнуйтесь. Я просто хотел спросить вас, ваши ли это инициалы или нет?

Розенберг: Я не могу опознать их как свой инициал.

Додд: Вы говорите, это не ваш инициал?

Розенберг: Да.

Додд: Хорошо. Итак, я желаю, чтобы вы посмотрели на документ PS-3666, который также относится к этим остальным документам, и который тоже письмо, написанное на бланке рейхсминистра оккупированных восточных территорий, и оно датировано 18 декабря 1941. Предмет: еврейский вопрос. На: переписка от 15 ноября 1941. Это ответ на письмо с буквой «Л» запрашивающее о том следовало ли понимать уничтожение евреев как установленную политику.

> «Разъяснение еврейского вопроса, скорее всего, к настоящему времени достигнуто путем устных дискуссий. Экономические соображения в принципе не должны приниматься во внимание при решении проблемы. Более того, запрошено, чтобы возникающие вопросы разрешались непосредственно с высшим руководителем СС и полиции. По приказу (подписано) Бройтигам[394]».
>
> Вы раньше видели это письмо?

Розенберг: Нет, я его не видел; по моему мнению, нет. Здесь я снова вижу такую «Р», заострённую вверх, и я не могу опознать, что это тоже моя «Р».

Додд: Значит вы также не опознаете, что это ваш инициал?

Розенберг: Что же, я просто не могу опознать, что это моя «Р», потому что это было письмо, подписанное Бройтигамом, отправленное из министерства оккупированных восточных территорий Остланду, и пометки вверху от ведомства, которое получило это письмо.

Тома: Господин председатель, могу я здесь обратить ваше внимание на явную ошибку? Эта «Р» в связи с «К». Это видимо означает «Рейхскомиссар»

Додд: Я не обсуждаю «Р» вверху письма; я обсуждаю ту, что в рукописном письме.

Розенберг: Что же, из этого «Р» можно понять, совершенно однозначно, что это касается человека, который получил письмо. «Получил 22 декабря – Р.». И оно адресовано из министерства «Остланду». Эта пометка, следовательно, была написана лицом, живущим в Риге, и это та же самая «Р», которую можно найти, а другом документе.

Додд: Кто ваш рейхскомиссар на Востоке в Риге?

Розенберг: Лозе.

Додд: Его имя не начинается с «Р», не так ли?

Розенберг: Да, но ясно, что это письмо, очевидно с инициалом его ведомства.

Тома: Могу я также помочь трибуналу в этом вопросе? В рукописной вещи с немецкой «Л» вы найдете на левом поле «WV 1/12/41», что означает, подлежит представлению. И затем вы обнаружите «представлен» 1/12/41 R.» Это, кажется, имело место в ведомстве рейхскомиссара, и это первый проект и поэтому он был

394 Отто Бройтигам (1895-1992) – немецкий дипломат и юрист. Сотрудник министерства оккупированных восточных территорий.

помечен только первой буквой его имени.

Додд: Мы не принимаем это как какое-либо заявление, с помощью которого мы можем доказать это в ходе судебного разбирательства. Думаю вопрос о том чей это инициал позже будет вынесен на рассмотрение.

Председатель: Что означают слова вверху: «Рейхсминистр оккупированных восточных территорий?»

Додд: Это бланк, на котором это написано. Это рукопись на этой конкретной бумаге, потому что всё письмо написано от руки на обороте первого письма. Они оба найдены в ведомстве подсудимого в Берлине.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что же, я хотел обратить ваше внимание на ещё один документ, номер 38.

Розенберг: Я категорически настаиваю, на том, что этот инициал «Р» поставил человек, который получил письмо, кому было адресовано письмо.

Додд: Что же, пропускаем это. Документ номер 36 – я прошу показать вам документ номер 3428, который станет экземпляром USA–827.

Председатель: Укажете номер снова?

Додд: Прошу прощения. PS-3428 станет 827, USA–827.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, это письмо написанное из Минска в оккупированном районе 31 июля 1942, и оно написано Кубе[395], К–у–б–е. Он был еще одним из ваших подчиненных, не так ли? Ответьте пожалуйста?

Розенберг: Да.

Додд: И оно написано Лозе, рейхскомиссару восточной территории, не так ли.

Розенберг: Да, правильно.

Додд: Итак, тогда позвольте взглянуть на: «Борьба с партизанами и акция против евреев в генеральном округе Белоруссии». Он говорит:

> «Во всех схватках с партизанами в Белоруссии оказалось, что еврейство, на бывшей польской территории» - и так далее – «основное пополнение партизанского движения. Соответственно, обращение с еврейством в Белоруссии в основном вопрос политической работы…».
>
> Затем, спустившись вниз на фразу или две:
>
> «В исчерпывающих дискуссиях с бригадефюрером СС Ценнером[396] и чрезвычайно деятельным руководителем СД, оберштурмбаннфюрером СС, доктором права Штраухом[397], было установлено, что за последние 10 недель у нас в Белоруссии ликвидировано около 55 000 тысяч

395 Вильгельм Кубе (1887 — 1943) — немецкий государственный и политический деятель эпохи нацистской Германии, генерал-комиссар (руководитель оккупационной администрации) Генерального округа Белоруссия (1941—1943). Убит партизанами.

396 Карл Ценнер (1899 — 1969) — один из руководителей оккупационного режима в Белоруссии, бригадефюрер СС (21 июня 1941) и генерал-майор полиции (26 сентября 1941). После войны британским и немецким судом приговаривался с различным тюремным срокам.

397 Эдуард Штраух (1906 — 1955) — оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности и СД в Белоруссии и руководитель айнзацкоманды 2, входившей в состав айнзацгруппы А. Американским трибуналом был приговорён к смертной казни. Передан Бельгии. Умер находясь под арестом.

евреев. В районе Минска, без угрозы обязательствам в рабочей силе еврейство полностью уничтожено. В преимущественно польском округе Лида, 16 000 евреев; в Слониме, 8 000 евреев» - и так далее – «ликвидированы. Ввиду посягательств на снабжение армии и зоны коммуникаций, о которых вам уже сообщали, проведённая подготовка к ликвидации евреев в районе Глубокого сорвана. Зона снабжения армии и коммуникаций не связавшись со мной ликвидировала 10 000, чье систематическое уничтожение предусматривалось нами в любом случае. В городе Минск приблизительно 10 000 евреев были ликвидированы 28 и 29 июля, 6 500 из них русские евреи, преимущественно в возрасте, женщины и дети; остальные состоят из евреев непригодных для трудовых обязательств, большая часть которых была депортирована в Минск в ноябре прошлого года из Вены, Брюнна, Бремена и Берлина по приказу фюрера.

Район Слуцка также освобожден от нескольких тысяч евреев. То же самое относится к Новогрудку и Вилейке. Радикальные меры неминуемы в Барановичах и Ханзевичах. Только в Барановичах, приблизительно 10 000 евреев всё ещё проживает в самом городе; из них, 9000 евреев будут ликвидированы в следующем месяце».

И он продолжает говорить:

«В городе Минске осталось 2600 евреев из Германии. В дополнение, все 6000 русских евреев и евреек, которые в ходе акции оставались с подразделениями, которым они были приданы для работы, еще живы. Даже в будущем Минск сохранит свой характер крупнейшего центра еврейских трудовых обязательств, вызванных нынешней концентрацией военной промышленности и проблемой железных дорог. Во всех остальных районах, число евреев подлежащих отбору для трудовых обязательств будет ограничено СД и мной до 800 как самое большее, но если возможно до 500…».

И так далее. Оно рассказывает об остальных ситуациях в отношении евреев, что я не думаю нужно читать. Но я хочу обратить ваше внимание на последний абзац, последнее предложение:

«Я полностью согласен с командиром СД в Белоруссии в том, что мы ликвидируем каждую поставку евреев, которые не заказаны или не объявлены нашими вышестоящими ведомствами, для предотвращения дальнейших беспорядков в Белоруссии».

И ниже я опускаю одно предложение или два то, что я хотел зачитать:

«Конечно, после удовлетворения экономических требований Вермахта, СД и я хотели бы совершенно точно устранить еврейство в генеральном округе Белоруссии. В настоящее время учитываются

необходимые потребности Вермахта который является основным работодателем евреев».

Я также должен сказать вам, что этот документ был также найден в вашем ведомстве в Берлине. Итак, это письмо…

Розенберг: Мне кажется очень сомнительным, что это нашли в моём ведомстве в Берлине. Если так, это может быть в основном из–за того, что рейхскомиссар Остланда отправил все свои материалы в Берлин, запаковав их в коробки. В моём ведомстве этого не было в то время, и это письмо мне также никогда не представляли. Здесь штамп «Рейхскомиссар Остланда», не рейхсминистр оккупированных восточных территорий. Однако, я вчера заявлял о том, что о ряде таких происшествий мне сообщали как об отдельных боевых действиях, и что я лично получил тот единственный доклад из Слуцка, и гауляйтеру Мейеру немедленно поручили протестовать Гейдриху и приказать о расследовании. Этим предполагается, что он, гауляйтер Мейер, не знал и не думал о такой общей акции по приказу центрального командования.

Додд: Что же, я лишь хочу предложить вам, что это странное совпадение, что двое ваших высокопоставленных людей были на связи в таком тоне, в 1942 без вашего ведома.

Вы также вчера говорили трибуналу о том, что вы понимали, что наибольшие трудности или большая часть трудностей на Востоке для еврейского народа шла от местного населения? Вы помните, что говорили так вчера?

Розенберг: До меня не дошел перевод.

Додд: Я спросил вас, не являлось ли фактом то, что вчера вы сказали трибуналу о том, что наибольшие трудности для евреев на Востоке шли от местного населения из этих районов.

Розенберг: Да. В начале меня информировали об этом возвращавшиеся люди, что это было не из–за местных властей, но со стороны населения. Я раньше знал об отношении на Востоке и хорошо мог представить, что это было правдой.

Во–вторых, я заявил, что я был проинформирован о том, что наряду с казнями в различных других очагах сопротивления и центрах саботажа в разных городах, большое число евреев расстреляла полиция. И затем я рассматривал там дело Слуцка.

Додд: Я думаю, вы согласитесь, что в Украине, ваш человек Кох делал разного рода ужасные вещи, и теперь я не понимаю, что вы оспариваете, то, что Лозе и Кубе помогали уничтожать или ликвидировать евреев, и что Бройтигам, важный сотрудник вашего штаба, и что Лейббрандт, ещё один важный сотрудник вашего штаба, были информированы об этой программе. Значит, по крайней мере, пять человек под вашим управлением были задействованы в такого рода поведении и это не маленькие люди.

Розенберг: Я хочу отметить, что распоряжение рейхскомиссара Остланда на руках,

которое согласуется…

Председатель: Вы ответите сначала на вопрос? Вы согласны, что эти пять человек были задействованы в уничтожении евреев?

Розенберг: Да. Они знали, о ряде ликвидаций евреев. Это я признаю, и они мне рассказывали такое, или если не рассказывали, я слышал об этом из других источников. Я только хочу заявить одну вещь: что согласно общему закону Рейха, рейхскомиссар Остланда издал распоряжение, согласно которому еврейство, которое конечно было враждебно нам, должны были концентрировать в определенных еврейских районах городов. И до конца, до 1943–1944, я слышал, что в этих городах такую работу всё ещё вели в этих еврейских гетто в очень большой степени.

И могу я дополнить это еще одним случаем, который дошёл до моего сведения, а именно о том, что окружной комиссар…

Додд: Я не хочу, чтобы вы указывали на, что–то еще. Вы ответили на вопрос, и вы пояснили свой ответ. Я далее не спрашиваю вас …

Розенберг: То, что я хотел добавить объясняет ещё одну часть моего ответа в самом конкретном случае, а именно, окружной комиссар в Украине предстал перед судом за совершение вымогательства в еврейской общине и отправке мехов, одежды, и т. д. в Германию. Он предстал перед судом, он был приговорен к смерти, и был расстрелян.

Додд: Что же, это очень интересно, но я не думаю, что это необходимое пояснение к ответу. И я попрошу, чтобы вы попытались ограничить себя ответами. Я хочу пройти их за несколько минут.

Вы также конечно, человек, который написал письмо, как вы вчера сказали трибуналу, предложив произвольные казни 100 евреев во Франции, хотя вы сказали, вы думали, это было чем? Ошибочным суждением, или не совсем справедливым, или чем-то подобным? Это правильно?

Розенберг: Я вчера сделал своё заявление об этом.

Додд: Знаю, что сделали, и я хочу сегодня поговорить об этом немного. Так вы об этом сказали, что это было неправильно, и было несправедливо? «Да» или «нет», вы разве не так вчера говорили трибуналу?

Розенберг: Вы дословно процитировали, слово в слово, если вы хотите моего ответа «да» или «нет».

Додд: Я спрошу вас снова. Вчера вы не говорили данному трибуналу, что ваше предложение в этом письме, в документе PS-001, было неправильным и несправедливым? Итак, это совершенно просто и вы можете ответить на это.

Розенберг: Я заявил, что это было по–человечески несправедливым.

Додд: Это было убийство, не так ли, план убийства? «Да» или «нет»?

Розенберг: Нет. Но я считал расстрел заложников, о котором публично заявляли вооружённые силы, очевидно общепринятым фактом в исключительных условиях

войны. Об этих расстрелах заложников публиковали в прессе. Поэтому, я должен был полагать, что согласно международному праву и определенным традициям войны это воспринималось как акт репрессалий. Поэтому, я не могу признать…

Додд: Что же, вы тогда говорили, как милостивый философ или как солдат? Когда вы написали это письмо, PS-001, в каком качестве вы его писали, как милостивый, философский министр по идеологии и культуре, или вы были военнослужащим вооруженных сил?

Розенберг: Как можно увидеть из документа, я говорил о факте, что там совершался определенный саботаж и убийства немецких солдат, а значит будущие хорошие отношения между Германией и Францией, которые также являлись моей целью, вечно отравляли бы. По этой причине, было написано это письмо, хотя я сожалею о нём с человеческой точки зрения.

Додд: Это пришло довольно поздно, вы не думаете?

Свидетель Хёсс – вы находились в зале суда, когда он свидетельствовал, Хёсс, Х–ё–с–с?

Розенберг: Да, я слышал его.

Додд: Вы слышали, ужасную историю 2 ½ - 3 миллионах убийств о которых он рассказал с места свидетеля, по большей части еврейского народа?

Розенберг: Да.

Додд: Хотя это не приводили здесь, вы можете принять от меня, что это так. Если вас заботит оспорить это, вы можете, и мы установим это позже. Вам известно, что он был читателем ваших книг и ваших речей, этот человек Хёсс?

Розенберг: Я не знаю, читал ли он мои книги. Антиеврейские книги существовали последние 2000 лет.

Додд: Итак, в октябре 1944 вы подали в отставку с вашей должности рейхсминистра оккупированных восточных территорий?

Розенберг: Октябрь 1944.

Додд: У вас не оставалось очень много, подав в отставку с этой даты, не так ли? Немцы практически ушли из России, это факт, не так ли? На 12 октября 1944, германская армия практически ушла из России. Это было отступление, не так ли?

Розенберг: Да. Это был вопрос моих дальнейших задач по политическому и психологическому обращению с несколькими миллионами восточных рабочих в Германии; кроме того это был вопрос беженцев, которые прибыли с восточных территорий и из Украины в Германию, и урегулировании экономических проблем, и прежде всего, я все еще надеялся на то, что даже в тот час, военная перемена может случиться на Востоке.

Додд: И каждый, почти каждый, кто вообще был информирован в Германии, знал, что война была проиграна в октябре 1944, не так ли? В октябре 1944 вы знали о том, что война была проиграна.

Розенберг: Нет, я не знал этого.

Додд: Вы не знали этого?
Розенберг: Нет, я не знал этого.
Додд: Я приму ваш ответ. Это всё. У меня больше нет вопросов.
Председатель: [*Доктору Тома*] Вы желаете провести повторный допрос?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Генерал Руденко, у вас есть какие-то дополнительные вопросы, которые вы хотите задать?
Руденко: Да, я имею вопросы в связи с деятельностью подсудимого по восточным территориям.
Председатель: Хорошо, генерал.
Руденко: Подсудимый Розенберг, с какого времени вы начали лично и непосредственно участвовать в подготовке нападения на Советский Союз?
Розенберг: Вообще никогда не начинал.
Руденко: Разве ваше назначение 20 апреля 1941 года, уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями, не находилось в непосредственной связи с нападением Германии на Советский Союз?
Розенберг: Это не было планированием, в котором я принимал участие. Это было лишь последствием уже принятого решения, о котором со мной никто не советовался. Мне было лишь сообщено об этом решении и о том, что отданы соответствующие военные приказы. Поэтому я не имел… Что же, так как я должен отвечать только «да» или «нет», я ответил на ваш вопрос, сформулированный таким образом - «нет».
Руденко: Да, но вы не отрицаете того факта, что это было в апреле 1941 года?
Розенберг: Известно, что я получил это задание.
Руденко: При этом назначении Гитлер предоставил вам широкие полномочия. Вы осуществляли сотрудничество с высшими имперскими властями, получали от них информацию и созывали представителей имперских властей на совещания, в частности, осуществляли сотрудничество с Герингом, с министром экономики и Кейтелем? Вы это подтверждаете? Ответьте кракто.
Розенберг: И снова здесь три вопроса. Первый вопрос — получил ли я широкие полномочия. Я вообще никаких полномочий не получал. Таким образом, я отвечаю на этот вопрос — нет.

Второй вопрос — были ли у меня совещания? Я отвечаю, — да, само собой разумеется, что я проводил совещания со всеми высшими властями Рейха, занимавшимися Востоком. Я должен был это делать в соответствии

с возложенным на меня заданием.

Руденко: Вы ответьте кратко на следующие вопросы: сразу после назначения от 20 апреля 1941 года у вас состоялось совещание с начальником ОКВ?

Розенберг: Да, я посетил фельдмаршала Кейтеля.

Руденко: Вы имели беседу с Браухичем[398] и Рёдером в связи с вашим назначением по поводу решения восточных проблем?

Розенберг: Насколько я помню, с Браухичем я не говорил, и с адмиралом Рёдером, насколько помню, я тогда также не имел никаких бесед.

Руденко: Не были. Вы совещались с подсудимым Функом, который в качестве своего постоянного представителя назначил доктора Шлоттерера[399]?

Розенберг: Тогдашний рейхсминистр Функ, конечно, знал о моем новом назначении и назначил доктора Шлоттерера посредником между мной и своим министерством.

Руденко: У вас были беседы с генералом Томасом, статс-секретарем Кёрнером[400], статс-секретарем Бакке, министериальдиректором Рикке по вопросам экономической эксплуатации восточных областей?

Розенберг: Мне кажется, что я не говорил с Томасом. С другими господами, о которых вы сейчас упоминали, я познакомился позже, Рикке я взял позже в свое министерство для связи с экономическим штабом Востока. Бакке я, само собой, разумеется, встречал также в последующее время. Что касается генерала Томаса, то я даже не помню, был ли я с ним лично знаком. Во всяком случае, наше знакомство было весьма поверхностным.

Руденко: Хорошо, я тогда предъявлю документ, где вы сами об этом указываете.

Вы вели переговоры с министром иностранных дел, в результате которых подсудимый Риббентроп назначил Гросскопфа[401] для постоянной связи с вашим аппаратом, а представителем политотдела выделил доктора Бройтигама. Это правильно?

Розенберг: Это правильно. Рейхсминистр иностранных дел был конечно кратко проинформирован и назначил своим представителем тогдашнего генерального консула Гросскопфа в качестве посла…

Руденко: Вы принимали ответственных представителей всей пропаганды: Фриче,

---

398 Вальтер фон Браухич (1881 - 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер находясь в госпитале для военнопленных.

399 Густав Шлоттерер (1906-1989) - сотрудник министерств экономики и восточных оккупированных территорий. В 1941 министериальдиректор министерства экономики Германии.

400 Пауль Кёрнер (1893 — 1957) — государственный деятель, государственный секретарь правительства Пруссии (11 апреля 1933 года — 1945) и постоянный заместитель уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга (22 октября 1936 года — 1945), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года). Американским военным трибуналом был осуждён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

401 Вильгельм Гросскопф (1884 - 1942) — немецкий дипломат. С 15.08.1938 служил в Культурно-политическом отделе МИД Германии, с 17.05.1941 - IX референте отдела «Д» (Германия). Скончался в Берлине.

Шмидта, Гласмайера[402] и других?

Розенберг: Да, очень может быть, что это было так. С большей частью этих господ я познакомился тогда впервые. Само собой разумеется, что я должен был ознакомиться со своим заданием.

Руденко: Вы вели переговоры с начальником штаба СА о выделении в ваше распоряжение самых опытных руководителей СА?

Розенберг: Разумеется, я говорил с начальником штаба СА о предоставлении мне подходящих сотрудников на случай занятия восточных областей.

Руденко: Вы не станете отрицать, таким образом, что являлись координирующим центром по подготовке мероприятий, связанных с нападением на СССР?

Розенберг: В такой форме, как вы говорите, — нет, так как все задачи, которые вытекали из предполагавшейся войны с Советским Союзом, были распределены по военным органам. Экономические мероприятия разрабатывались Герингом. Как выяснилось позднее, большие задачи были возложены на полицию. Я руководил лишь осуществлявшим связь политическим ведомством, которое должно было обсуждать политические проблемы Востока, информировать и обсуждать с соответствующими инстанциями все могущие возникнуть вопросы политического и административного порядка и информировать их о политической линии. В основном я осуществлял все это так, как о том говорится в моей речи от 20 июня.

Руденко: Очень хорошо. За полтора месяца до вероломного нападения Германии на Советский Союз вы разработали инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей. Вы не отрицаете этого?

Розенберг: Вчера я уже говорил об этом. В соответствии с нашим долгом я и мои сотрудники сейчас же разработали предварительные проекты. Эти проекты в такой форме, в какой они имеются здесь и в какой они мне предъявлялись, в действительности не вышли в свет.

Руденко: К этому вопросу я еще возвращусь. В своем отчете, который вы представили Гитлеру 28 июня 1941 года. «О подготовительной работе по вопросам, связанной с территорией Восточной Европы», вы указали, что с адмиралом Канарисом у вас состоялась беседа, во время которой вы просили Канариса в интересах задач контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники. Вы подтверждаете это?

Розенберг: Нет, это неправильно. Я слышал, что адмирал Канарис создал группу из украинцев и других национальностей для проведения актов саботажа или иной работы. Он

402 Генрих Гласмайер (1892 – 1945) – сотрудник немецкой радиовещательной компании. Предположительно пропал без вести.

был у меня однажды, я просил его не вмешиваться в подготовительные работы политического характера, что он мне и обещал.

Руденко: Значит, вы не отрицаете встречу с Канарисом?

Розенберг: Встречу — нет.

Руденко: А беседу, во время которой вы просили Канариса в интересах разведки выделить людей для помощи вам, вы это отрицаете?

Розенберг: Нет-да, это я отрицаю. Но я не отрицаю того, что, разумеется, если бы у Канариса были какие-либо интересные важные политические новости, ему следовало бы мне об этом сообщить. Но у меня не было никакой контрразведывательной или шпионской организации. В те годы я вообще...

Руденко: Хорошо. Мы вам предъявим этот документ.

[*Обращаясь к председателю*] Господин председатель, может быть сейчас сделать перерыв в удобное время так как у меня ещё будет ряд вопросов.

Председатель: Хорошо.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал прервётся в заслушивании данного дела в 4 часа с целью заслушать дополнительные ходатайства о свидетелях и документах. Однако, Трибунал надеется, что мы до этого способны завершить дело подсудимого Розенберга. Я подразумеваю, завершить дело подсудимого Розенберга, включая только его свидетеля, или любого другого свидетеля.

Руденко: Итак, подсудимый Розенберг, вы мне ответили, что такой беседы с Канарисом не было.

Розенберг: Напротив, я сказал, что такое совещание с адмиралом Канарисом состоялось.

Руденко: Тогда может быть, неточно перевели.

Розенберг: Наверное.

Руденко: Я вас спросил, что во время этой беседы вы просили Канариса в интересах задач контрразведки, выделить людей, которые работая контрразведчиками в то же время смогут выступать как политические работники. Помните мой вопрос?

Розенберг: Да.

Руденко: И именно об этом шла беседа?

Розенберг: Это неправильно.

Руденко: Неверно? Хорошо.

Розенберг: Канарис имел…

Руденко: Не распространяйтесь, я вам покажу документ.

В интересах ускорения допроса, покажу документ и оглашу это место.

Дайте подсудимому документ. [*Обращаясь к трибуналу*] Я имею в виду, господа судьи, документ PS–1039, на второй странице. Подчёркнуто. Я зачитываю вам.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это речь идет о документе, ваш отчет «О подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы». Я зачитываю:

> «С адмиралом Канарисом состоялась беседа, на которой договорились о том, что люди моего аппарата, при имеющихся условиях, ни в коем случае не вступают ни в какие сношения с какими-либо представителями народов Восточной Европы. Я попросил его в интересах задач контрразведки выделить людей, которые, работая контрразведчиками, в то же время смогут выступать как политические работники с тем, чтобы определить их дальнейшее использование. Адмирал Канарис сказал, что, само собой разумеется, он учтет мое желание не признавать никаких политических групп среди эмигрантов и что он намерен действовать в духе моих высказываний».

Розенберг*:* Это соответствует тому, что я сказал.

Руденко: Прежде всего ответьте…

Председатель: Генерал, я думаю, вы немного торопитесь.

Руденко: Понятно. Хорошо, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я вас спрашиваю, вы подтверждаете эту цитату?

Розенберг: Да, в немецкой формулировке, но не в русском переводе. Я тоже понимаю русский язык и поэтому могу определить, что перевод не совсем правильный;

Руденко: В чём же?

Розенберг: Так, здесь говорится о том, что я в существующих конфиденциальных условиях, естественно не мог вести переговоры с другими странами для результативного сотрудничества в гражданском управлении. Это первый пункт. И пункт два заключается в том, что поскольку адмирал Канарис должен был иметь отношение к различным группам украинцев, русских и других народов, я попросил его – помимо контрразведки, то есть – не шпионить для меня или просить меня выполнять шпионскую работу, но что он должен указать мне на людей других национальностей, которых можно позже использовать – в данных условиях – в гражданской администрации. В этом заключался смысл: и кроме того, в конце совершенно правильно, что он сам согласился не проводить какую–либо

политическую работу.

Руденко: Короче, подсудимый Розенберг, это не имеет никакого расхождения с русским текстом. То что вы изложили сейчас, точно так и звучит в русском тексте.

Розенберг: Согласно немецкому языку, переведенному на русский язык так и должно быть. Я могу признать только немецкий текст, а не русский перевод, который не согласуется с таким значением. Вы интерпретируете этот текст, как будто я пытался вести шпионскую работу. Я попросил адмирала Канариса, поскольку я не мог вести политические переговоры с представителями восточных народов, просто сказать мне из своих личных сведений, помимо его официальной должности, какие люди из восточных регионов, в определенных обстоятельствах могут позже работать на меня в гражданской администрации. Таково значение. Однако, перевод, следовательно, не совсем правильный.

Руденко: Очень хорошо, но вы немецкий текст подтверждаете?

Розенберг: Да.

Руденко: Значит, вы были связаны с контрразведкой, иначе говоря?

Розенберг: Нет, я лишь принял адмирала Канариса и сказал ему, чтобы он по своему долгу службы по возможности не занимался политическими переговорами и планами, так как это теперь должен делать я.

Руденко: Хорошо, хорошо. Вы слышали предупреждение председательствующего о том, чтобы короче этот допрос вести. И я прошу вас отвечать кратко на мои вопросы.

Розенберг: Я буду отвечать более кратко, если вопросы, поставленные мне будут фактическими.

Руденко: Следующий вопрос. Я задам вам несколько вопросов о целях войны против Советского Союза. Признаете ли вы, что, подготовив и совершив нападение на Советский Союз, нацистская Германия преследовала цели экономического разграбления богатств Советского Союза, истребления советских людей, порабощения народов Советского Союза и расчленения Советского Союза. Ответьте кратко, признаете или нет?

Розенберг: Здесь опять поставлено пять вопросов и если…

Руденко: Я спрашиваю вас, ответьте кратко — признаете вы цели этого нападения которые я изложил, или нет? Потом вы сумеете дать объяснения.

Председатель: Вы можете ответить на этот вопрос словами «да» или «нет».

Розенберг: На все четыре вопроса я должен ответить — нет.

Руденко: Нет? Хорошо. Обратимся к некоторым документам в связи с этим. Я имею в виду документ PS-2718, это стенограмма утреннего заседания 10 декабря 1945. Это ваш меморандум от 2 мая 1941. В этом документе говорится.

[*Подсудимому передали документ*]

Руденко: Следите. В этом документе говориться:

«1.Война может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России».

Председатель: Это начало документа?

Руденко: Да. У нас есть английский текст.

Председатель: Моя копия начинается:

«Как уже объявлено по телефону, я направил ответное письмо Гитлера дуче в присутствии Чиано[403] в 9 часов…».

Руденко: Я не слышу перевода. Нет перевода.

Председатель: Какой номер у документа?

Руденко: PS-2718.

Председатель: У меня неправильный документ.

Руденко: Я читаю, подсудимый:

«1.Война может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России.

2.Нет никакого сомнения в том, что в результате многомиллионное население погибнет голодной смертью, если мы возьмем от страны то, что нам необходимо».

Я вас спрашиваю — вы это писали?

Розенберг: Я этого не писал и не участвовал в этом совещании. Я также не могу установить, знал ли вообще кто-либо из моих сотрудников об этом совещании. Здесь написано: «Секретный документ для начальников высших штабов. Два экземпляра: 1-й экземпляр — в актах (I a), 2-й экземпляр — генералу Лимберту». Таким образом, об этом знали только два человека в вооруженных силах.

Руденко: Не распространяйтесь, подсудимый. Вы не знаете об этом?

Розенберг: Здесь два раза зачитывали этот документ.

Руденко: Следующий. Хорошо, перейдем дальше. В инструкции…

Председатель: Вопрос был, знали ли вы об этом документе?

Розенберг: Нет.

Руденко: Следующий документ, определяющий цели войны. В инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии вы указывали следующим. Документ я имею в виду PS-1029, там отмечено место, которое я буду цитировать.

«Целью имперского уполномоченного для Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой

403 Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Убит фашистскими элементами за предполагаемое предательство.

германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Вы припоминаете эту инструкцию? Ответьте сначала.

Розенберг: Да, этот документ мне знаком. Я уже вчера говорил, что вначале в моем бюро разрабатывались разного рода проекты, которых я не одобрял. Мной вносились поправки.

Руденко: Я вас спросил совершенно ясно — вам знакома эта инструкция?

Розенберг: Но, я опять услышал неправильный перевод. Ничего не упоминалось о «разрушении», но о «присоединении», и русский перевод снова сказал «разрушении». Если таким образом переводить, это кажется по–русски одобрением разрушении, и такой неправильный перевод который здесь делают, я могу понимать, только потому что я говорю по–русски.

Председатель: Подсудимый, вас прекрасно слышно без крика.

Розенберг: Прошу прощения.

Руденко: Итак, вы только вносите исправление в неточность перевода. В остальном — германизация, колонизация, это правильно по-немецки звучит? Отвечайте: правильно или неправильно?

Розенберг: Это тоже не совсем правильно переведено. Здесь оказано: «колонизация германских народов», а вы переводите «германизация и колонизация». Это — два существительных, которые придают соответственно другой смысл. Я должен сказать, что это проект одного из моих сотрудников; проект этот вообще не вышел в свет, и он ни в какой степени не является инструкцией.

Руденко: Я вас не спрашиваю, вышел ли он в свет. Я спрашиваю, был такой проект? Вы это не отрицаете?

Розенберг: Я не отрицаю, что такой проект был составлен в моем ведомстве.

Руденко: Очень хорошо. Перейдем дальше. В инструкции (это все касается целей войны) для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных областей от 8 мая 1941. (это документ PS-1030), здесь небольшая цитата, говорится. Итак, я цитирую, на странице 4, там отмечено место, в этой инструкции, вы указывали: «Эта грядущая борьба явится борьбой за снабжение Германии и всей Европы сырьем и продовольствием». Вы это подтверждаете?

Розенберг: Да.

Руденко: Подтверждаете?

Розенберг: Да, конечно. Этот документ был составлен в качестве проекта в моем ведомстве. Это верно, я этого не оспариваю.

Руденко: Не распространяйтесь. Еще раз я напоминаю: отвечайте кратко на мои вопросы. Вы подтверждаете, этот пункт, вы ответили: «Подтверждаете». Я не имею

к вам по этому…

Розенберг: Документ, да.

Руденко: Ясно. Это ваши высказывания до нападения на Советский Союз. Теперь я напомню вам, не предъявляя документа, ибо этот документ уже неоднократно предъявлялся суду и в суде здесь, я имею в виду совещание у Гитлера 16 июля 1941.

[*Обращаясь к трибуналу*] Я имею в виду, господин председатель, документ L-221.

[*Обращаясь к подсудимому*] На этом совещании вы присутствовали?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Там Гитлер говорил тогда, что «вся Прибалтика должна стать областью империи, точно так же, должен стать областью империи Крым с прилегающими районами; волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область». Вы припоминаете эти высказывания Гитлера?

Розенберг: Я впервые увидел этот документ, подразумевающий наблюдения Бормана здесь. Фюрер говорил тогда очень долго и пылко. Я не делал себе точных заметок, но он действительно говорил о Крыме и о том, что ввиду необычайной силы Советского Союза там не должно быть потом ни одного вооруженного лица...

Руденко: Я вас не спрашиваю почему, я спрашиваю, говорил он это?

Председатель: Генерал Руденко, вы слишком торопитесь. Вы должны ждать, пока человек закончит.

Руденко: Он очень говорит пространно, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Хорошо о Крыме, вы признаёте. Вы согласны были с установками Гитлера по вопросу захвата этих территорий?

Розенберг: Из документа, а также из моей речи следует, как я представлял себе право восточных народов на самоопределение в рамках новой государственной структуры и, как это видно здесь, я полемизировал с фюрером. Это здесь видно. Как я спорил.

Руденко: Я не спрашиваю вас. Я вас сейчас спрашиваю о том: вы были согласны с предложениями Гитлера или возражали против них?

Розенберг: Да, я возражал, и это указано даже в протоколе.

Председатель: Трибунал не интересует вопрос, может ли это быть доказано. Вопрос заключается в том, согласны ли вы с этим. Мне кажется, на это вы можете ответить. Скажите, были вы согласны с этим или нет?

Розенберг: Со многими пунктами я согласился, а с некоторыми — нет. Но всего там было, по меньшей мере, 10 - 15 пунктов.

Председатель: Что же, это ответ.

Руденко: Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся через несколько минут. Я

сейчас обращаюсь к вашим директивам, которые вы издавали в качестве министра оккупированных восточных областей. Они уже были представлены трибуналу под номером PS-1056 и ЕС-347.

Прежде всего, я имею такой один вопрос к вам: что это за «коричневая папка»?

Розенберг: «Коричневая папка» была составлена административным управлением министерства по делам Востока в соответствии с пожеланиями экономистов, политического управления, управления личного состава, управления технического снабжения; она была составлена для чиновников в балтийских странах и на Украине, то есть это являлась первой попыткой сведения воедино всех вопросов.

Руденко: Хорошо. Это, своего рода, — «зеленая папка». Такая же папка планировавшая ограбление и эксплуатацию. Понятно.

Обратимся к вашим директивам (документ ЕС-347). Сейчас вам дадут этот документ. Обратите внимание, там подчеркнуто место на странице 39, кажется, документа. Я вам зачитываю этот абзац:

> «Первой задачей гражданского управления в оккупированных восточных областях является проведение интересов империи».
>
> Несколько пропускаю:
>
> «Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, которыми предусматривается управление страной, оккупированной иностранной военной державой, не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным».
>
> И дальше:
>
> «Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными для проведения этой обширной задачи».

Вы согласны, что это выдает ваши тайные замыслы, хотя вы несколько и поторопились объявить Советский Союз уничтоженным?

Розенберг: Я в русском переводе снова услышал слово «ограбление», Слово «ограбление» в немецком тексте не встречалось. Если немецкий текст переводить таким образом, слово «ограбление» появится повсюду, хотя в немецком…

Руденко: Я вас перебиваю. В тексте русском, который я огласил, нет слова «разграбление», поэтому вы уже здесь измышляете или неточно дошло до вас.

Розенберг: Можно мне сказать несколько слов?

Руденко: Я вас спрашиваю, это вы писали?

Розенберг: Хотя я этого не писал, но это появилось в циркуляре министерства по делам Востока, и я несу служебную ответственность за «коричневую папку». Но я хочу сказать несколько слов относительно этого –

объяснение о статусе международного права на Востоке я получил из ставки фюрера. Оно заявляло, что в соответствии с отношением Советского Союза к определенным конвенциям, что касалось например Гаагской конвенции, она не применялась к Советскому Союзу. Кроме того, так как документ содержит много страниц, я не способен прочитать его целиком сейчас; но на второй странице я уже обнаружил параграф, который совершенно очевидно показывает, каким линиям формулировок следовали. Он заявляет следующее…

Руденко: Подсудимый Розенберг, одну минуточку.

Розенберг: Но мне должно быть позволено, прочитать документ.

Председатель: Мы должны проводить этот перекрестный допрос упорядоченно. Итак, в чем вопрос?

[*Обращаясь к генералу Руденко*] В чем ваш вопрос?

Руденко: Я поставил ему вопрос, в отношении признаёт ли он, что он знал о задачах поставленных в части управления в оккупированных областях, как они изложены в цитате, мною оглашённой. Он ответил, что знал. Я исчерпал в этой области свой вопрос. Этот документ имеется у защиты, и она может воспользоваться своим правом, чтобы возвратиться к другим местам неоглашённым этого документа, это очень большой документ и если бы я пытался цитировать весь его, это бы отняло очень много времени у трибунала.

Председатель: [*Подсудимому*] Вы ответили на вопрос. Я понял в чём заключался вопрос, и что вам сказали, что Гаагская конвенция не применялась к России.

Розенберг: Да. Могу я процитировать один абзац на странице 40, предпоследний абзац:

> «Самая важная предпосылка для этого» - то есть, для развития Востока – «обращение со страной и с населением в соответствующей манере. Война против Советского Союза – при всей необходимости относительно обеспечения продовольствием – политическая кампания по созданию длительного порядка в качестве её цели. Поэтому, завоеванная территория, не рассматривается как объект эксплуатации, даже если немецкая продовольственная и военная экономика должны снабжаться в крупной степени от значительных районов».

И мне кажется, я могу сказать о том, что факт о том, что потребности жителей принимали во внимание нельзя выразить более чётко.

Руденко: Хорошо. Как вы обращались с населением, я вам ещё поставлю несколько вопросов, хотя мы уже слышали очень много за пять месяцев об этом обращении, и вы слышали тоже. Перейдем дальше.

Я вас спрашивал в отношении Крыма. Вы сказали, что, да, Гитлер предлагал присоединить Крым к Германии. Припомните ли вы, что вы не только разделяли эти планы, но даже придумали новые названия городов: Симферополь вы решили переименовать в Готенбург,

а Севастополь — в Теодорихсхафен. Припоминаете это?

Розенберг: Да, это правильно. Фюрер сказал, чтобы я обдумал переименование этих городов. Мы говорили о переименовании еще многих других городов.

Руденко: Да, да.

Тома: Господин председатель, я ожидаю завершить всё своё представление доказательств в отношении Розенберга к 4 часам. Я не знаю, как я смогу так сделать.

Председатель: Доктор Тома, трибунал не устанавливал этого как условия. Я не делал об этом никакого распоряжения. Я лишь сказал, что трибунал надеется, и «надежда» была адресована больше обвинению, чем защите.

Тома: Господин председатель, если я могу позволить себе также сказать, советский обвинитель снова представил документы, которые я уже приобщал вчера, и о которых подсудимый уже давал ответы. Я ссылаюсь на документы PS-1029 и PS-1030. Подсудимый уже сам сказал…

Председатель: Доктор Тома, вы тратите время суда всем этим прерыванием.

Руденко: Итак, о Крыме вы признаете, переименование Симферополя и Севастополя.

Следующий вопрос. Вы также занимались преобразованием Кавказа и имели в своем ведении специальный штаб «К». Я прошу ответить «да» или «нет»?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Дальше. Вы даже подобрали в качестве грузинского престолонаследника проходимца из эмигрантов князя Багратион-Мухранского[404]. Это правильно, ответьте кратко?

Розенберг: Да, это верно. Мы говорили о нем – но мы отвергли такую кандидатуру.

Руденко: Ах, отклонили. Очень хорошо.

О преобразовании Кавказа, вы 27 июля 1942 года, составили специальный доклад. Это правда?

Розенберг: Возможно, что был подготовлен такой доклад. Да, да, конечно, это довольно длинный доклад, Его здесь предъявляли.

Руденко: Понятно. Я вам предъявлю этот доклад, для того, чтобы обратить ваше внимание на одну небольшую цитату.

[*Обращаясь к председателю*] Я имею в виду, господин председатель, документ, представленный уже суду под номером СССР-58.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый Розенберг, обратите внимание на страницу 7. Там отмечено. Там говорится:

> «Германская империя должна взять в свои руки всю нефть. Относительно нашего участия в использовании других богатств можно будет договориться впоследствии».

Вы нашли это место? Вы подтверждаете, что это принадлежит вам,

---

404 Багратион-Мухранский Ираклий Георгиевич (1909 — 1977) — князь из царской династии Багратионов, претендент на престол Грузии, Глава Грузинского Царского Дома (1957—1977).

подобное изречение?

Розенберг: Этот документ является меморандумом моего ведомства, и я подтверждаю, что он правилен.

Руденко: Верно. Хорошо.

Розенберг: Могу я сделать замечание в дополнение? Здесь мы не говорим о подавлении народа, но о гарантиях автономии и любого возможного смягчения для этих народов. Только я не мог сразу определить это в документе на 14 страницах, если я прочитал одно предложение.

Руденко: Подсудимый Розенберг, я вас спросил сейчас, в отношении задач германской империи, в части нефти. Обратите внимание на страницу 14 этого же доклада. Это в конце. Вы так определяете задачи:

> «Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент — сырьем. Задача Кавказа, прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Вы прочли это место?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Вы не отрицаете, что это действительно таковы были планы?

Розенберг: Я подтверждаю, что это верно, и что по нашей надежде о том, что мощь восточно-континентальной Европы, когда–нибудь, будет включена в общую экономическую систему и экономическую поддержку остального континента, как было до 1914; для такого времени Украина была важной страной для экспорта сырья и продовольствия.

Руденко: Так, ваши планы насчёт Украины известны. Я в связи с этим последний вопрос по разделу агрессии, ставлю следующий. После этих документов, которые вы не отрицаете, признаете ли вы агрессивный, грабительский характер войны Германии против Советского Союза и свою личную ответственность за подготовку и осуществление агрессии? Ответьте кратко: признаете или нет.

Розенберг: Нет.

Руденко: Нет?

Розенберг: Нет, потому что я не считаю эту войну агрессией с нашей стороны, но наоборот.

Руденко: Понятно, ясно. Хорошо, не будем распространяться.

Я имею несколько еще вопросов к вам в области администрации в оккупированных областях и германской политики в этих областях. Кто являлся высшим лицом немецкой гражданской администрации в имперских

комиссариатах?

Розенберг: Административную и законодательную власть осуществлял министр оккупированных восточных территорий, а функции местного правительства осуществлял рейхскомиссар.

Председатель: Генерал Руденко, трибунал уже слышал всё об администрации - бывшей администрации – и личном составе администраций.

Руденко: У меня здесь немного вопросов, господин председатель, два три вопроса из этой области.

[*Обращаясь к подсудимому*] Мог ли генеральный комиссар имперский своей властью издавать распоряжения об аресте и расстреле заложников?

Розенберг: В данный момент я не помню, имел ли он по закону такое право или это относилось к компетенции полиции. Я не могу определенно ответить на этот вопрос, так как не помню, существовал ли такой декрет, но это возможно. Я не знаю.

Руденко: Возможно? Хорошо. Я должен вам напомнить, я не намерен предъявлять документа, что это было в вашей директиве предусмотрено это право комиссара расстреливать властью своей заложников. Перейдем дальше.

Здесь очень много уже говорилось, и вы объясняли по поводу германской политики в оккупированных областях.

Я несколько вопросов вам поставлю только и прежде всего в отношении Украины. Вы здесь изображали положение так, что во всем был повинен Кох. Вы же протестовали и были «благодетелем» украинского народа.

Розенберг: Нет, это неправильно. Я никогда не говорил, что я — благодетель.

Руденко: В вашем документе, который представлен вашим защитником, поэтому я не буду вам представлять его, под номером RO-19, Рикке писал: «В письме к имперским руководителям прессы в ноябре 1942 года Кох заявил, что:

> «Украина является для нас лишь объектом эксплуатации, что она должна оплатить войну, и что население должно быть в известной степени как второсортный народ использовано при решении военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо».

Это — политика Коха на Украине. Документы, представленные вашим защитником. Я сейчас вам поставлю вопрос: вы писали Коху 14 декабря?

Розенберг: Можно мне ответить на вопрос? У меня нет сейчас текста этого документа. Я знаю только, что это письмо Рикке ко мне с большой жалобой, которые были у многих других, и, что он попросил меня...

Руденко: Правильно. Кох?

Розенберг: Да – жалоба, и что он использовал скорее резкий язык, и что мы оба стремились достичь упорядоченных методов работы там.

Председатель: Трибунал сегодня полностью прошёл вопрос о Кохе как и об

Украине, и прохождение этого снова не поможет трибуналу.

Руденко: Да. Хорошо, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы здесь неоднократно заявили трибуналу вчера в своих объяснениях в отношении зверств, истребления советского населения, что вы об этом не были осведомлены, что это были полицейские меры. Так я вас понял?

Розенберг: Нет, это не совсем правда. Я, как уже было сказано, получал донесения о многочисленных столкновениях с партизанами и бандами и о некоторых расстрелах, а также о том, что партизаны и банды нападали на немецких руководителей сельского хозяйства, немецких полицейских и чиновников и мирных советских фермеров и тысячами их убивали.

Руденко: Хорошо. Нам известно, что вы тех, которые боролись с врагами своей родины, партизан именуете бандитами, нам это известно, я не думаю с вами спорить. Я вас спрашиваю об истреблениях мирного населения — стариков, женщин, детей. Вы знали?

Розенберг: Мы стремились к тому, чтобы в этой борьбе крестьяне и прочие мирные жители были в безопасности. Когда мы узнавали о слишком строгих мерах полиции, мы решительно требовали, чтобы, несмотря на всю тяжесть борьбы, эти соображения учитывались. Полиция отвечала нам, что, сидя за письменным столом, очень легко этого требовать, но когда в Белоруссии партизаны убивают и сжигают 500 белорусских бургомистров вместе, с их семьями в их собственных домах и нам стреляли в спину, тогда должны были последовать ужасные конфликты.

Руденко: Я вам напомню, что в вашей директиве оккупированным областям по вопросу организации администрации, по вопросу первоочередных задачах администрации. Вы лично запланировали первой задачей полицейские меры. Я вас спрашиваю, не станете отрицать?

Розенберг: Если это документ номер 1056, то я там поставил семь первоочередных задач. Я не помню, какая из них первая. Я прошу представить мне этот документ.

Руденко: Хорошо. Я прошу показать ему только один пункт «а». На первом месте поставлена задача «Полицейские меры».

Председатель: Документ ему уже предъявляли?

Руденко: Совершенно правильно.

Председатель: Зачем предъявлять его снова?

Руденко: Он требует. Я устанавливаю только одно, господин председатель, что подсудимый пытался доказывать о своей неосведомлённости, что это де мол были меры полицейского порядка. Я устанавливаю, что именно он первоочередной задачей поставил проведение этих полицейских мер. Я к этому вопросу не возвращаюсь.

Розенберг: Совершенно очевидно, что в оккупированной области в ходе такой войны полиция должна проводить полицейские меры. И третий пункт это «снабжение населения продовольствием во избежание голода». Я повторяю: «Снабжение населения с целью избежать голода».

Руденко: Хорошо, хорошо. Это мы слышали вчера довольно пространно. Я имею несколько последних к вам вопросов. Прежде всего, я должен вас спросить об истории с Цуманом. Это уже здесь предъявлен документ, но я считаю необходимым как представитель Советского Союза поставить вам эти вопросы о расстреле советских граждан, только потому, что потребовалось место для охоты? Вы вспомните этот документ.

Розенберг: Да, я вчера уже дал исчерпывающие разъяснения по этому вопросу.

Председатель: Генерал Руденко, ранее это уже проходили в трибунале. Почему трибунал должен тратить время, проходя снова и снова одни и те же вопросы? Мы говорили, что мы не будем позволять кумулятивные вещи.

Руденко: Этот вопрос, некоторые детали этого вопроса очень важные, подсудимый не объяснил. И я желал бы поставить этот вопрос.

Председатель: Хорошо, трибунал прервется для рассмотрения вопроса.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Прежде всего, судебное разбирательство завтра будет закрыто в половине четвёртого.

Итак, что касается данного вопроса, трибунал думает, что вопрос существенно исследован; но, если есть отдельное положение, которое не разбирали ранее, в этой связи может быть задан вопрос.

Руденко: Хорошо, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый Розенберг, вы 2 апреля 1943 года, адресовали письмо Гиммлеру об этом случае, о расстреле сотен советских граждан в районе Цуман, так как это место требовалось для охоты. Такое письмо вы адресовали Гиммлеру. Вы до июня месяца 1943 года интересовались, какие же наступили последствия этого письма?

Розенберг: Я, прежде всего, сообщил главе германской полиции и должен был подождать сначала, что предпримет он, как ответственный за проведение мероприятий по безопасности на Украине. Когда я не получил более подробных разъяснений, я подал жалобу об этом случае лично фюреру.

Руденко: Когда вы доложили Гитлеру?

Розенберг: Эта жалоба фюреру рассматривалась в середине мая 1943 года. Она была довольно объемистой, так что, разумеется, до этого пролежала несколько недель у фюрера. С 2 апреля до середины или

до конца мая прошло пять - шесть недель, так что дело шло очень быстро: сначала жалобу должны были довольно подробно разобрать Ламмерс и Борман. Затем фюрер должен был принять решение и дать указания, а тогда уже пригласили меня.

Руденко: Когда, последний раз решалась эта жалоба?

Розенберг: В мае, между серединой и концом мая 1943 года.

Руденко: В присутствии Коха решалась эта жалоба?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Вы вчера сообщили трибуналу, что якобы Кох представил Гитлеру справку управления лесничества, верховного лесного управления?

Розенберг: Так точно.

Руденко: И якобы эта справка подтверждала, что это была борьба с партизанами?

Розенберг: Это не совсем так. Там было сказано, что этот лесной район должен быть обязательно использован для поставки леса военному ведомству или администрации и что в этом лесном районе очень много партизан и банд, представляющих большую опасность для рабочих в этих лесах; что дело доходило до перестрелок с партизанами и бандами и, так как нельзя было за всеми следить, было произведено переселение некоторых групп населения в лесные области, расположенные южнее. К этому Кох добавил, что переселенцы были даже благодарны, так как им была дана лучшая земля. Вот разъяснения, которые дал Кох по этому вопросу.

Руденко: Да. Понятно. Они были благодарны за то, что в одну декабрьскую ночь их выселили из их жилищ и перебросили за шестьдесят километров, а сотни расстреляли. Они были за это благодарны? Но я вас хочу спросить о следующем: вы, 2 апреля 1943 года, в письме на имя Гиммлера приложили тоже справку верховного лесного управления, правильно?

Розенберг: Так точно.

Руденко: И в этой справке лесного управления указывалось... Я прочту этот пункт, не предъявляя. Вы должны помнить этот случай, это страшный случай расстрела граждан из-за охоты. В справке лесного управления говорилось: «Несомненно, что прежде всего из интересов охоты была произведена эвакуация многих деревень, расположенных в лесном массиве Цуман». Так написано, это в справке лесного управления?

Розенберг: Я хочу отметить, что здесь речь идет о сотруднике лесного управления в Берлине, который это написал на основе своих материалов, а то, что сказал Кох, было сказано начальником лесного управления на самой Украине.

Руденко: Я последний вопрос имею по этому поводу. Вы верили Коху?

Розенберг: Это, если говорить по совести, трудно сказать, но в данном случае...

Руденко: Именно по совести, если вы хотите.

Розенберг: В данном случае это было сообщение лесного управления, и я не мог ничего возразить против этого сообщения, которое было обоснованно. Я должен был сказать себе, что ошибся, подавая эту жалобу.

Руденко: Не возражали, понимаю. Я заканчиваю этот вопрос одним только напоминанием вашей цитаты:

> «Но сотни людей в Цумане и окрестностях были расстреляны полицейской ротой, потому что они были коммунистически настроены. Ни один украинец этому не верит, немцы также удивляются этому аргументу, потому что тогда следовало бы, если бы это делалось ради безопасности страны, уничтожить заражённые коммунистические элементы и в других районах».

Я имею к вам последний вопрос. Вы здесь вчера трибуналу неоднократно заявляли, что вы хотели уйти в отставку. Вы даже больше сослались на свое письмо на имя Гитлера от 12 октября 1944 года , где вы просили указаний, как быть дальше. Мой коллега господин Додд напомнил вам, что уже к этому времени, к этой дате 12 октября 1944 года, имперский министр восточных областей оказался без областей. Но я вас о следующем спрошу: неужели вы могли просится в отставку, вы, который годами мечтали получить пост имперского министра и даже быть членом тайного совета? Вы, даже больше, просили у Гитлера, чтобы вам дали пост имперского министра. Вы это помните?

Розенберг: Во-первых, я никогда не был членом тайного совета. Это неправильно.

Руденко: Я оговариваюсь. Вы мечтали быть членом тайного совета?

Розенберг: Да, это верно.

Руденко: Верно. И мечтали быть имперским министром? Это тоже верно?

Розенберг: Когда остро встал вопрос о моем назначении, много говорилось о его форме. Доктор Ламмерс как уполномоченный фюрера сказал мне, что он не намерен назначать рейхсинспектора, так как оба рейхскомиссара...

Руденко: Подсудимый Розенберг. Одну минуточку. Чтобы нам не затягивать этот вопрос, я предъявлю сейчас трибуналу документ. Это ваше личное письмо – последний документ…

Председатель: В первую очередь, я не знаю, что у вас был за вопрос, и вы прервали свидетеля, прежде чем он ответил на любой вопрос.

Руденко: Нет, господин председатель. Я здесь преследую одну цель, чтобы сократить допрос, идя на встречу пожеланию трибунала. Поэтому я предъявлю письмо Розенберга от 6 февраля 1938 года

на имя Гитлера, где он ходатайствует об этой должности. Это краткое письмо. Мы предъявляем этот документ под номером СССР-117.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый Розенберг, я оглашу этот документ, он небольшой:

«6 февраля 1938 года. Мой фюрер, так как я не смог…».

Председатель: Документ переведен на немецкий язык, не так ли?

Руденко: Да, подлинник немецкий.

Председатель: Он на немецком изначально. Нет необходимости зачитывать его; вы можете предъявить его, как и остальные документы.

Руденко: Очень хорошо. В этом письме вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

Розенберг: Да, да.

Руденко: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть вы лично, подсудимый Розенберг. Это правда?

Розенберг: Да. Я не считаю чем-либо порочащим меня то, что после стольких лет деятельности я выразил желание быть использованным на государственной службе в Германском Рейхе.

Руденко: Хорошо. Вы в этом письме указываете о существовании тайного совета. Правильно?

Розенберг: Что же, позвольте мне прочесть это письмо. Я не могу отвечать на такие отрывочные вопросы.

Руденко: Пожалуйста.

Розенберг: Да, я прочел письмо.

Руденко: Все, что изложено в нем — правильно?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Это ваше письмо?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Хорошо. Вы просили назначить вас в тайный совет?

Розенберг: Так точно.

Руденко: Просили пост имперского министра?

Розенберг: Так точно. Я сообщил, что я говорил с членом партии Герингом об этом назначении, так как фюрер поручил мне идеологическое воспитание партии, и существовал еще внешнеполитический отдел партии; при тогдашних условиях создалось бы впечатление, что фюрер отклоняет мою кандидатуру. Поэтому я попросил фюрера лично принять меня, чтобы обсудить вопрос. Я считаю вполне понятным свое желание побеседовать о важном для меня деле.

Руденко: Итак, кончаю я. Последний вопрос. Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов. Правильно?

Розенберг: Нет, это не так. Это совершенно неверно.

Руденко: Хорошо, будем считать это ответом на мой вопрос. Я закончил, господин председатель.

Монерай: У меня есть лишь несколько вопросов к подсудимому.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый Розенберг, это верно, что депортация и казни евреев во Франции проводились вашей организацией с целью захвата интерьеров и ценностей, которые принадлежали этим евреям?

Розенберг: Это совершенно верно, что я получил правительственный приказ о конфискации архивов, предметов искусства, и позже, домашней утвари еврейских граждан во Франции.

Монерай: Массовая депортация евреев могла только повысить ваш доход от конфискаций и захватов; не так ли?

Розенберг: Нет. Депортация евреев не имела к этому никакого отношения. Предложение об этих мерах было дано только, когда я был проинформирован о том, что ответственные еврейские лица больше не ответственны за свои учреждения, замки, и апартаменты - что они оставили Париж и другие места и не вернулись.

Монерай: Однажды депортированные евреи отсутствовали; это неправда?

Розенберг: Когда германские войска вступили, Париж был почти полностью пустым. Оставшиеся парижане и жители городов на севере Франции возвратились с течением времени; но, как меня проинформировали, еврейское население не вернулось в эти города – в особенности в Париж. Поэтому их не депортировали, но они сбежали. Мне кажется число тех, кто сбежал, приводилось как 5, 6 или 7 миллионов или больше.

Монерай: Подсудимый Розенберг вы подразумеваете, говоря так, что в последующее время, когда во время немецкой оккупации Франции осуществлялись новые меры депортации, апартаменты и дома депортированных людей не захватывались вашей организацией?

Розенберг: Нет, я не могу так это выразить. Могло быть, что апартаменты еврейских лиц, которых арестовывали, также конфисковали при определенных обстоятельствах, но я не могу дать точную информацию об этом.

Монерай: Можно, следовательно, сказать, что меры депортации давали вашей организации большой шанс на успех в захватах и конфискациях; это неправда?

Розенберг: Нет, это не согласуется с фактами; но, как можно видеть из доклада, который французское обвинение сделало здесь, то что происходило в действительности было в основном опечатанными полицией конфискованными апартаментами. Давалось два месяца отсрочки, чтобы понять вернуться или нет собственники этих апартаментов, и только после установленного факта, что этого не произошло, домашняя утварь перевозилась в Германию для тех, чьи дома пострадали от бомб. Это видно из доклада, который французское обвинение представило здесь.

Монерай: Я полагаю, что было совсем мало случаев – и мне кажется вы согласитесь

со мной в этом – людей которых депортировали вернувшихся через два месяца?

Розенберг: Напротив! Я был проинформирован о таких делах. Даже в документе PS-001, печальном с гуманной точки зрения, ясно заявлено, что мы слышали, что большое число еврейских лиц, которых ранее арестовали, снова освобождали.

Монерай: Вы точно помните, меморандум, который вы отправили Гитлеру 3 октября 1942, который уже представлялся трибуналу как документ номер RF–1327. В этом документе вы напоминали Гитлеру о своей юрисдикции и своих полномочиях; и вы говорите, что это ваш вопрос, в качестве рейхсминистра оккупированных восточных территорий, захватывать дома евреев, которые сбежали, кто отсутствовал, или кого призвали оставить. Я могу представить вам документ с цель освежить вашу память если необходимо.

[*Документ передали подсудимому*]

Монерай: Можно я сошлюсь на первые строки документа. Я подчеркиваю слова «евреи, которых призвали оставить» Это документ от 3 октября 1942, который уже представлялся.

Розенберг: Да, это верно – это соответствует фактам. И я уже говорил раньше, возможно, что ряд апартаментов арестованных людей – других людей, которые отсутствовали – был включен в это; но как я ранее сказал, в другом докладе была более подробная информация. Но этот документ соответствует фактам; это моё письмо.

Монерай: Соответственно этим актом было то, что вам доверяли не только захват апартаментов, которые вы обнаружили свободными тогда, по прибытии немцев в Париж, но также апартаментов людей, которых, как вы говорили «призвали уйти» в последующий период.

Подсудимый Розенберг вам совершенно известно, о таких условиях, на территориях оккупированных немцами на Западе как и на Востоке, которые вынуждали евреев отсутствовать – а именно, в специальных поездах, которые в основном вели прямо в концентрационные лагеря?

Розенберг: Нет, я не знал о таких поездах. Мы точно занимались пустующими апартаментами, и я вероятно был проинформирован в итоге, о принимавшихся во внимание, об апартаментах людей, которых арестовали, кто еще был жив, или надолго сбежал. Ничего более не заявлялось здесь, и я не могу привести вам дальнейшую информацию. Что касается докладов, которые представлены суду, я вижу их впервые. Я могу только сказать, что в конце, я был проинформирован о том, что до покорения Парижа союзными войсками, все доступные интерьеры и домашняя утварь были переданы французскому Красному кресту.

Монерай: Вы согласны со мной в следующем положении: что ваша организация имела право захватывать ценности и апартаменты, которые были свободны после

прибытия немецких войск в Париж? Вы согласны со мной в этом положении?

Розенберг: Да.

Монерай: Подсудимый, вы только что сказали, что у вас не было сведений о каких–либо депортациях в специальных поездах в специальные места. Вам известно - и я полагаю вам это известно поскольку документ на который я ссылаюсь уже ранее представлялся трибуналу - что в Париже, каждый вторник с 1941 до конца германской оккупации собирались совещания называемые «совещания по вторникам» вместе с представителями различных германских организаций в Париже - то есть, экспертов в еврейских делах в различных германских административных органах – для точности, представитель германского военного командования, представитель гражданской администрации, представитель полицейского департамента и представитель экономического департамента? На этих встречах также присутствовал представитель немецкого посольства в Париже и также представитель вашего специального штаба.

Я сошлюсь на документ номер RF–1210, который доклад Даннекера[405] от 22 февраля 1942. Он был ответственным начальником и главным экспертом в антиеврейских террористических акциях в Париже в ходе оккупации. Если желаете, я представлю вам документ.

Розенберг: Я хорошо запомнил эти заявления в ходе суда, но я никогда не получал докладов о таких совещаниях по вторникам, которые проходили регулярно. Факт, что мой заместитель по интерьерной акции поддерживал ближайшие связи с полицией был само собой разумеющимся, поскольку конфискации таких предметов, не могли осуществляться моим ведомством, являясь исключительным, правом полиции. Поэтому, нужно было говорить с полицией о таких вопросах. Мне об этом не докладывалось, о регулярных совещаниях по вторникам. Я думаю, если такой доклад последовательно передавался, его представляли мне.

Монерай: Однако вы согласны, что эти совещания по вторникам были чрезвычайно полезны для интересов вашей организации. Как вопрос факта, различные коллективные акции, которые предпринимались против евреев – то есть, аресты, полицейские облавы и депортации – обсуждались на этих встречах. Поэтому кажется, не так ли, совершенно логичным и естественным для вашей организации регулярно информироваться о таких акциях с целью того, что может привести экономическим шагам – а именно, захватам собственности?

Розенберг: По моему мнению, это совсем не логично, потому что если этот определенный начальник полиции отправлял секретные транспорты такого рода в эти лагеря, как открылось здесь, тогда не следует, что он докладывал об этом каждый вторник остальным господам. Также я не уверен, что этот начальник полиции в подробностях информировал представителя министерства иностранных

---

405 Теодор Даннекер (1913-1945) – гауптштурмфюрер СС. В 1940-1942 начальник еврейского отдела СД в Париже. Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

дел о таких вещах.

Монерай: Вы, вероятно, плохо информированы по этому положению, но я хочу снова зачитать завершающий отрывок доклада, который говорит «Совещание имело результатом урегулирование еврейской политики как полностью осознанной на оккупированной территории…»

Председатель: Свидетель сказал, не так ли, что он не знает чего–либо о таких совещаниях по вторникам – он не получал докладов о них?

Монерай: Да, господин председатель.

Председатель: Тогда зачем вы спрашиваете его об этом?

Монерай: Службы в Париже активно содействовали в террористической политике полиции и благоприятствовали ей, через следующие экономические шаги – а именно, захват ценностей.

Председатель: Вы не способны связать с ним эти доклады - с документом. Он не подписывал документ. Ничего не показывает в документе, что он получал его - по крайней мере, я предполагаю нет – или о его представлении ему. Он сказал, что не знает документа.

Монерай: Позвольте мне, господин председатель, в таком случае спросить, возражает ли он доказательствам, касающимся его представительства в Париже на этой встрече.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы отрицаете присутствие на этой встрече?

Розенберг: Я не могу дать вам какую–либо информацию об этом, потому что я не получал доклад.

Монерай: Я хочу завершить этот перекрестный допрос, напомнив вам о документе, который уже представлялся, и обсуждался – то есть документ PS-001. В этом документе подсудимый предлагал, в первом параграфе, перевозку всей захваченной домашней утвари на Восток, и в параграфе 2 он предлагал Гитлеру, чтобы французских евреев вместо французов расстреливали в качестве заложников.

Учитывая, как итог вопросов и ответов, что организация подсудимого могла благоприятствовать этим мерам казней и депортации, он очень явно кажется реальным мотивом этого документа. Это необходимо – это не ваше мнение, подсудимый – сначала устранять людей с целью потом захватывать их собственность?

Розенберг: Нет, это неправда.

Монерай: У меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Доктор Тома, вы хотите спросить свидетеля о чем–нибудь еще?

Тома: Господин председатель, могу я совершенно кратко спросить подсудимого хочет ли он, чтобы я задал ему ещё один вопрос? Мне кажется я должен немедленно завершить.

Розенберг: Нет.

Тома: Спасибо. Подсудимый больше не хочет никаких вопросов. Тогда, с

разрешения суда, я хочу вызвать свидетеля Рикке.
Председатель: Он будет долго или нет?
Тома: Полчаса как самое большое.
Председатель: Хорошо. Что же, тогда подсудимый может удалиться.

[*Свидетель Рикке занял место свидетеля*]

Председатель: Ваше имя?
Рикке: Ганс Йоахим Рикке.
Председатель: Вы повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете присесть.
Доктор Тома, вы произнесете имя, пожалуйста?
Тома: Р-и-к-к-е.
[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, какую должность вы занимали в экономическом штабе «Восток» и в министерстве оккупированных восточных территорий?
Рикке: Я занимал обе должности по приказам Геринга. Я был ответственным за управление продовольствия и сельского хозяйства.
Тома: В чём заключалась задача этих ведомств?
Рикке: Первая основная задача этого ведомства заключалась в восстановлении русского сельского хозяйства, вторая задача заключалась в использовании районов с излишками для вооружённых сил и для целей пропитания.
Тома: Какие ведомства были созданы для управления на оккупированных восточных территорих?
Рикке: В дополнение к министерству иностранных дел здесь существовал ряд особых задач: Геринг для сельского хозяйства, Гиммлер для полиции и Заукель для вербовки рабочей силы.
Тома: Кто был ответственным за сельское хозяйство?
Рикке: Сельское хозяйство – и это также вся экономика – находилась в подчинении Геринга. Он давал указания напрямую или через государственных секретарей Кёрнера и Бакке.
Тома: Цифры поставок – квота в сельском хозяйстве – были выше чем установленные советской администрацией?
Рикке: Цифры установленные для поставок были подогнаны к бывшим русским цифрам. В течение первого года фактически поставленные количества были меньше чем в русскую эру. В следующий год, что касалось посевов, они были ниже, что

касалось скота, выше.

Тома: Фактические поставки были согласно директивам Геринга?

Рикке: Нет, Геринг ожидал значительно более высоких цифр.

Тома: Германия доставляла сельскохозяйственные машины – косы и так далее – на восточные оккупированные территории и в каких количествах?

Рикке: Масштабная программа по сельскохозяйственным машинам под названием восточная сельскохозяйственная программа была создана в Германии, соответственно, в отношении военных условий, большие количества сельскохозяйственных машин и оборудования были доставлены на оккупированные русские территории. Причиной этому был вывоз и масштабное разрушение сельскохозяйственной техники и оборудования русскими во время их отступления.

Тома: 5 февраля 1942 был издан сельскохозяйственный указ. В чём заключалась причина этого?

Рикке: Основная цель этого сельскохозяйственного указа заключалась в том, чтобы добиться от населения добровольного сотрудничества. В начале планировалось поддерживать коллективную экономику. Это оказалось невозможно, потому что – как отмечалось – часть тяжёлой техники, в особенности трактора, была недоступна. С другой стороны, было невозможно обратиться к индивидуальному фермерству, как того желало население, потому что малого инвентаря тоже не хватало. Поэтому было достигнуто компромиссное решение путём так называемых сельскохозяйственных кооперативов, соответственно русские крестьяне получали участок земли для работы, но часть работы всё равно выполнялась коллективно.

Тома: Каким был результат?

Рикке: Результат сельскохозяйственного указа был в целом благоприятным. Степень и количество пахотных земель возросло. Особо хорошим образцом результатов были условия в так называемом Харьковском бассейне, где весной 1942 фермы преобразованные в сельскохозяйственные кооперативы уже достигли более чем семидесяти процентной обработки полей, в то время как непреобразованные фермы достигли только тридацати процентов.

Тома: 3 июня 1943 была издана декларация о так называемой частной собственности. Какие принципы это включало?

Рикке: Основное предназначение декларации о частной собственности заключалось в передаче русским крестьянам как частной собственности земельных участков которые предоставили им по сельскохозяйственному указу.

Тома: Как руководили обеспечением овощами крупных городов – например в Украине?

Рикке: Вокруг крупных городов значительные земли для садоводства предоставлялись рабочему населению.

Тома: Теперь несколько вопросов о Латвии. Германская администрация в Латвии конфисковала землю латышских крестьян?

Рикке: Нет, наоборот. Меры национализации предпринятые русскими во время оккупации прекратились. Землю которую отделили от ферм в целях переселения вернули прежним владельцам. Одним словом: были воссозданы условия существовашие до русской оккупации.

Покровский: Я прошу извинения, но я при всём желании никак не могу понять, какое отношение, всё эти вопросы хоть в самой отдалённой степени имеют отношение к делу подсудимого Розенберга. Мне кажется, что дальнейшие вопросы защитника, если они построены в том же плане не должны иметь места.

Председатель: Доктор Тома, вы должны показать, что то о чём даёт показания свидетель неким образом связано с подсудимым Розенбергом.

Тома: Данным вопросом, я хочу, первое, опровергнуть советское утверждение о том, что после оккупации баронам возвращали их землю – я ссылаюсь на документ советского обвинения, документ номер СССР-41, который я представил вчера трибуналу. Во-вторых, я хочу этим подтвердить, что район предполагался для управления в обычном порядке и таким образом, что население сотрудничало добровольно. В-третьих, я хочу подтвердить, что за всё время немецкой оккупации не один украинец и не один гражданин Советского Союза не голодал, потому что соответственно велась сельскохозяйственная работа. Но я могу продемонстрировать такое доказательство только заявлениями эксперта. Мне кажется, что у меня очень мало вопросов, и тогда я закончу с этим предметом доказательств.

Председатель: Продолжайте, доктор Тома.

Тома: Германская администрация в Латвии конфисковала землю латышских крестьян?

Рикке: Я уже ответил на этот вопрос. Напротив, социализацию отменили, и землю отделённую для целей расселения вернули латышским крестьянам. Словом, были восстановлены условия существовавшие до русской оккупации.

Тома: Были восстановлены бывшие крупные немецкие поместья?

Рикке: Напротив, имущество латышских крестьян – которое после 1919 было создано за счёт немецких поместий – осталось в их руках. Оно осталось их имуществом.

Тома: В чём заключалась идея так называемой реприватизации?

Рикке: Реприватизация намечалась, чтобы предоставить латышским крестьянам чувство безопасности вытекавшее из работы на собственном имуществе.

Тома: Этот закон также применялся в Эстонии и Литве?

Рикке: Закон похожим образом применялся в Эстонии и Литве.

Тома: Вам известно высказывание Дарре[406] о том, что местных маленьких фермеров следовало удалять с их имущества и пролетаризировать?

Рикке: Я не помню никакое подобное заявление.

406 Рихард Дарре (1895 — 1953) — руководитель Главного расово-поселенческого управления СС. Рейхсминистр продовольствия (1933—1942). Обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Тома: Вы знаете про общество по администрации восточной территории?

Рикке: Было два общества с таким названием. Я полагаю, что то на которое вы ссылаетесь было основано для того, чтобы заботиться о государственном имуществе и заводах которые находились в процессе формирования во время русской оккупации в балтийских провинциях и которые остались после возвращения частной собственности. На бывших русских территориях так называемого рейхскомиссариата, также заботились об организациях МТС[407] в этих районах.

Тома: В чём заключалось отношение Розенберга к различным мерам, таким как вербовка рабочей силы, поставки продовольствия, и т.д.?

Рикке: Розенберг не мог избегать приказов отданных фюрером. При этом он всегда выступал за то, чтобы эти меры проводились безо всякого принуждения к населению, и чтобы они координировались друг с другом.

Тома: Кто заботился о восточных рабочих в Рейхе?

Рикке: По моим сведениям трудовая администрация, через свои трудовые отделы.

Тома: Как размещали восточных рабочих в деревне Рейха? Вам, что-нибудь об этом известно?

Рикке: Обеспечение продовольствием и проживание восточных рабочих в деревне Рейха было в целом вполне удовлетворительным. Я получал отчёты напрямую от ведомств продовольственной службы Рейха.

Тома: Вы можете нам, что-нибудь рассказать об отношении Розенберга к восточному народу?

Рикке: Как я уже сказал, Розенберг лично хотел добиться от восточного народа сотрудничества. Это было в особенности правдой в вопросе развития и поддержки их культурной жизни. Например, Розенберг, насколько мне известно, всегда вмешивался в связи с открытием училищ и специальных школ.

Тома: Розенберг имел какие-нибудь ограничения в этой области? Ему приходилось возражать другим точкам зрения на достижение этой цели?

Рикке: Мощные силы работали против усилий Розенберга, и в особенности в ставке фюрера где были Борман и Гиммлер, чьи мнения сильно поддерживал рейхскомиссар Кох, которого в свою очередь поддерживали Борман и Гиммлер в его работе. Это привело к такому факту, что большая часть мер запланированных Розенбергом, в особенности в Украине, саботировалась Кохом.

Тома: И последний вопрос: что вам известно о концентрационных лагерях и об обращении с заключёнными в превентивном заключении?

Рикке: Конечно я знал о существовании концентрационных лагерей, но не об их количестве и о том, что там происходило. В течение 1933 и 1934 были различные представления по отдельным случаям плохого обращения. Позднее, люди которые

---

407 Машинно-тракторная станция (МТС) — государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР и ряде других социалистических государств, обеспечивавшее техническую и организационную помощь сельскохозяйственной техникой крупным производителям сельскохозяйственной продукции (колхозам, совхозам, сельскохозяйственным кооперативам).

посещали концентрационные лагеря передавали чёткие, положительные сообщения. В последние дни апреля прошлого года, рядом с Берлином, я встретил заключённых концентрационного лагеря маршировавших в тыл. Условия были настолько ужасными, что я немедленно встретился с Гиммлером и попросил его не позволять этим людям маршировать, а передать их противнику. Эта дискуссия состоялась в присутствии фельдмаршала Кейтеля. Гиммлер, к сожалению, дал уклончивый ответ.

Тома: Есть ещё один вопрос, который пришёл мне на ум. В дополнение к предоставлению продовольствия для вооружённых сил, на восточных оккупированных территориях предпринимались меры, чтобы получить продвольствие для немецкого народа?

Рикке: Около двух-третей поставок продовольствия из оккупированных восточных территорий шли напрямую вооружённым силам. Остальную треть поставляли в Германию и мы всегда считали это компенсацией за питание иностранных рабочих, чьё количество постоянно возрастало.

Тома: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-либо вопросы?

Зейдль: Свидетель, вы были государственным секретарём в рейхсминистерстве продовольствия и сельского хозяйства, это правильно?

Рикке: Да.

Зейдль: Верно, что начальник главного управления продовольствия и сельского хозяйства в Генерал-губернаторстве часто бывал в Берлине для того, чтобы попытаться установить квоты которые были бы выносимыми для населения?

Рикке: Насколько я помню, он несколько раз выражал такое мнение во время обычных переговоров которые шли в Генерал-губернаторстве.

Зейдль: По вашим собственным наблюдениям, какой была продовольственная обстановка населения Генерал-губернаторства?

Рикке: По моим собственным наблюдениям и отчётам которые я получал, пайки который были установлены были гораздо ниже чем в Рейхе, но значительная компенсация получалась в результате как чёрного рынка так и открытого рынка.

Зейдль: Верно, что администрация Генерал-губернаторства прилагала все усилия для увеличения сельскохозяйственного производства?

Рикке: Генерал-губернаторство прилагало значительные усилия для развития сельского хозяйства, даже можно сказать, что вся оставшаяся промышленность, постольку поскольку её не использовали для вооружений, работала исключительно на производство продовольствия. Кроме того, удобрения доставляли из Рейха, хотя и в ограниченных количествах, а также машины и оборудование, в соответствии с программой для восточной территории.

Зейдль: Какой процент из общих немецких поставок продовольствия предоставляли оккупированные страны?

Рикке: Согласно расчетам, которые самостоятельно проводило наше министерство,

поставки из оккупированных стран в 1942 и 1943 насчитывали около 15 процентов из общих поставок продовольствия Германии, в течение остальных лет около 10 процентов, обычно меньше.

Зейдль: И последний вопрос: советское обвинение предъявило документ, документ СССР-170. Он касается встречи начальников германских ведомств на оккупированных территориях, которая состоялась 6 августа 1942 под председательством рейхсмаршала. Я вручу вам этот документ, и хочу, чтобы вы сказали мне правильно ли описание приводимое в данном документе характеризует отношения между Германией и оккупированными территориями. Вы лично присутствовали на встрече?

[*Документ передали свидетелю*]

Рикке: Документ представляет стенограмму встречи в которой я принимал участие. Во-первых, я должен сказать, что документ – то есть, стенограмма принципиально содержит речь рейхсмаршала, и не показывает подлинных отношений между Германией и оккупированными территориями в отношении продовольственной ситуации. Требования которые предъявил Геринг на этой встрече были настолько высокими, что их нельзя было воспринимать всерьез. Нам работавшим в продовольственном секторе также было ясно, что долгосрочно мы не никогда ничего не сможем добиться силой. Дополнительные требования которые предъявил Геринг на этой встрече на самом деле никогда не были выполнены. Не думаю, что сам Геринг верил в то, что эти квоты можно выполнить. Насколько мне известно, дополнительные требования Геринга вообще никогда не предъявляли Франции, Бельгия несмотря на запрет получала пшеницу и Чехословакия получала жиры несмотря на ещё один запрет.

За день до этой встречи, было совещание гауляйтеров, на котором – насколько я могу вспомнить – преобладали, ввиду увеличения воздушных атак на Западе, нарастающие трудности, в особенности для населения, возникающие из этого. Западные гауляйтеры считали, что снабжение продовольствием Германии становилось недостаточным в виду увеличения бремени для населения, но, что, с другой стороны, большая часть оккупированных территорий всё ещё пользовалась излишками. Рейхсминистерство продовольствия и сельского хозяйства и представители оккупированных территорий сами находились в некотором смысле обвиняемыми за недостаточные требования и недостаточные поставки с оккупированных территорий. Геринг выслушал эти требования, и ввиду его расположения и его темперамента, это привело к сильным преувеличениям содержащемся в стенограмме и в данном документе.

Зейдль: Больше нет вопросов.

Серватиус: Свидетель, как зарубежные рабочие питались в Германии?

Рикке: Все группы зарубежных рабочих за исключением восточных рабочих, получали такие же пайки как немецкое население.

Серватиус: А, что насчёт снабжения восточных рабочих?

Рикке: В определённых вещах восточные рабочие получали меньше других, и в случае хлеба и картофеля, более высокие пайки.

Серватиус: Обеспечение продовольствием было таким, что могло угрожать состоянию здоровья рабочих?

Рикке: На этот вопрос нельзя ответить четким образом. Это следует рассматривать в связи с производительностью требуемой от рабочих. Для нормальной работы этих пайков должно было полностью хватать.

Серватиус: Заукель особо вмешивался для более хорошего питания этих рабочих?

Рикке: Насколько мне известно, Заукель несколько раз обращался в моё министерство в интересах более хорошего обеспечения продовольствием, соответственно Бакке всегда отвечал взаимным требованием о том, что не следует доставлять в Германию дополнительных рабочих. Бакке постоянно предлагал, чтобы количество рабочих ограничили, и чтобы вместо этого их лучше обеспечивали продовольствием.

Серватиус: Больше нет вопросов.

Штейнбауэр: Свидетель, вы как государственный секретарь по сельскому хозяйству, также не посещали Голландию в конце 1944 или начале 1945?

Рикке: Да, тогда я находился в Нидерландах.

Штейнбауэр: По такому случаю, не было дела, что ведомства Вермахта и полиции заявили серьёзные жалобы на саботаж голландского сельского хозяйства, в частности со стороны ответственных правительственных ведомств в Голландии?

Рикке: Я не помню такой беседы.

Штейнбауэр: Вы знаете о том, что подсудимый Зейсс-Инкварт вмешивался для снижения экспорта продовольствия из Голландии в Германию?

Рикке: Да, по разным поводам, и также на этой встрече которую описывает документ.

Штейнбауэр: И также, несмотря на жалобы, что он оставил голландских чиновников в департаменте продовольствия?

Рикке: Да, так было дело.

Штейнбауэр: На этом всё.

Флекснер: Господин председатель, могу я задать свидетелю несколько вопросов?

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы можете предоставить мне информацию о следующих вопросах? Заключённые концентрационных лагерей которые работали в промышленности вооружений получали такие же дополнительные пайки за тяжёлый и очень тяжёлый труд как и остальные рабочие?

Рикке: В то время, когда я был ответственным за эти проблемы, было решено предоставлять всем заключённым, включая заключённых концентрационных

лагерей такие же пайки как и остальному населению, если они работали. Поэтому, они должны были получать такие же пайки.

Флекснер: Подсудимый Шпеер, или министерство под его руководством, были компетентны за правильное поддержание пайков на заводах постольку поскольку последние – заводы – были ответственными за обеспечение продовольствием.

Рикке: Нет, министерство Шпеера не было компетентно в этих вопросах. Что касалось обеспечения поставок по требованию, были компетентны продовольственные отделы. Распределение поставок продовольствия на заводах, однако, было делом лагеря или администрации завода.

Флекснер: И ещё один вопрос: какие меры предпринимал Шпеер для того, чтобы предотвратить общую продовольственную катастрофу которая равным образом могла бы повлиять на миллионы иностранных рабочих в Германии?

Рикке: Начиная с декабря 1944, Шпеер специально подчинил задачи вооружения проблеме пропитания с мыслью о смене режима, новой администрации, оккупационной державы. С этого времени, Шпеер предоставлял перевозкам продовольствия приоритет над перевозкой вооружения. Он следил за тем, чтобы семена для весеннего сева распределялись через перевозки которые находились в его распоряжении. Шпеер категорически выступал за восстановления продовольственных заводов повреждённых воздушной атакой даже до заводов вооружения. И прежде всего, в последний период, Шпеер помогал нам предотвратить бессмысленное уничтожение продовольственных заводов, вопреки инструкции изданной Гитлером. Он делал это с полным самоотречением и не учитывая никакие возможные последствия.

Флекснер: Спасибо.

Латернзер: Свидетель, вы принимали участие в Западной кампании?

Рикке: Да.

Латернзер: В каком качестве?

Рикке: Как командир батальона на поле боя.

Латернзер: В течение Западной кампании, вы получали какие-нибудь сомнительные приказы – я хочу сказать, приказы которые являлись нарушением международного права?

Рикке: Я не получал никаких подобных приказов.

Латернзер: У вас имелась какая-нибудь причина верить или вы установили, что грабёж допускался высшим военным руководством?

Рикке: Нет. Напротив, за грабёж наказывали самым суровым образом.

Латернзер: Позднее, вы также были на Востоке, но – как я слышал, не как солдат. Вы могли изучать оперативные районы, а также районы управляемые комиссариатами?

Рикке: Они оба были открыты для моих наблюдений.

Латернзер: Как обращались с местным населением германские солдаты?

Рикке: Взяв в целом, можно сказать, что, в особенности в Украине, обращение с гражданским населением в армейском секторе – в оперативном районе – было лучше чем где бы то ни было, учитывались потребности сектора гражданской администрации.

Латернзер: И в чём вы думаете заключалась причина такой разницы?

Рикке: Я приписываю это другому отношению солдата который был свободен от политических тенденций, а также факту, что войска, конечно хотели мира и покоя в тыловых районах.

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Додд: Если угодно вашей чести, я закончу за 2 минуты.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы были членом нацистской партии?

Рикке: Да.

Додд: Когда вы вступили?

Рикке: В 1925.

Додд: 1925?

Рикке: Да.

Додд: Вы также были членом СА?

Рикке: Да.

Додд: Какое звание вы имели в СА?

Рикке: Моё последнее звание, группенфюрер СА.

Додд: Ранее, вы были штурмфюрером СА, не так ли?

Рикке: В 1930, да.

Додд: Когда вы стали группенфюрером СС?

Рикке: В октябре 1944.

Додд: На этом всё. Больше нет вопросов.

Председатель: У вас есть какие-нибудь вопросы для повторного допроса?

Тома: Нет.

Председатель: Что же, на этом завершается дело в интересах подсудимого Розенберга, не так ли?

Тома: Господин председатель, я хочу заявить, что документ Розенберг-19, на который ссылался генерал Руденко, не представлен мною суду как экземпляр. Кроме того, я хочу проинформировать трибунал, что ряд письменных показаний, которые одобрили, пока не поступили.

Председатель: Конечно же, вы можете упомянуть их позднее.

Тома: Далее я хочу заявить прошение о том, чтобы мою документальную книгу номер 1 не принимали в качестве доказательства, а считали такой же как раньше, то есть, как имеющую общую доказательственную ценность согласно решению от 8 марта 1946, таким образом, не как доказательство, не как вопрос доказывания, а как аргументацию. Я полагаю её одобрили ранее в таком смысле, и в ней отказали только в качестве доказательства.

Председатель: Я ожидаю, что мы не будем вмешиваться в вашу аргументацию.
Рагинский: Господин председатель, я хотел дать очень краткую справку, документ под номером R-19, представляющий письмо Рикке на имя Розенберга от 30 марта 1943 года, был представлен защитником, доктором Тома. Этот документ находится во второй книге документов на странице 42, переведен на все четыре языка. Имеется у всех обвинителей и в книге документов, которые были переданы трибуналу. И трибунал в своём решении принял этот документ под защиту.
Председатель: Генерал Рагинский, положение такое: этот документ не приобщён в качестве доказательства пока его не приобщили в качестве доказательства. Доктор Тома не приобщал этот документ в качестве доказательства. Если вы хотите приобщить его в качестве доказательства, и документ - аутентичный документ – как я полагаю – вы можете приобщить его в качестве доказательства.
Рагинский: Да, мы не представляли его только потому, что мы полагали, что он уже имеется в книге документов защиты, и нет надобности вторично его представлять, если защитник Тома представивший этот документ суду отказывается в его представлении, тогда мы его представим.
Председатель: Вы ошибаетесь полагая так. Поймите, документы не приобщаются в качестве доказательств, пока их не приобщили в качестве доказательств. Тот факт, что они в книгах не означает, что они приобщены в качестве доказательства, если вы хотите приобщить его в качестве доказательства, вы должны так сделать.
Рагинский: Да, тогда, господин председатель, мы его представим.
Председатель: Очень хорошо, вы присвоите ему номер СССР.
Рагинский: Да, мы ему присвоим номер СССР, и завтра с вашего разрешения представим.
Председатель: Очень хорошо. И затем вручите ему.
Рагинский: Спасибо, господин председатель.
Председатель: Теперь мы приступаем к рассмотрению дополнительных ходатайств. Свидетель может удалиться.
Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, первое ходатайство, это доктор Зейдль о двух свидетелях. Первый это Хильгер[408], который ранее был одобрен в качестве свидетеля подсудимому фон Риббентропу, но отозван защитником 2 апреля. Мне кажется свидетель в Соединённых Штатах, есть сообщение, что он слишком болен для поездки. Но помимо этого, милорд, цель свидетеля дать показания о дискуссиях и договорных переговорах которые состоялись в Кремле в Москве до германо-советского соглашения от 23 августа 1939[409], и предполагается, что заключение предполагаемого секретного соглашения рассматривали

408 Густав Хильгер (1886 — 1965) — германский дипломат. В 1923 – 1941 сотрудник посольства Германии в СССР.
409 Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

письменные показания свидетеля Гаусса[410].

Милорд, ещё одно ходатайство о свидетеле фон Вайцзеккере, который должен рассмотреть тот же самый пункт.

Обвинение, конечно, лояльно принимает решение трибунала о допустимости письменных показаний Гаусса, но оно покорно полагает, что это не влиет на положение. Желают вызова свидетелей о ходе переговоров перед этими договорами – до заключения договорённости в отношении этих договоров – и это положение уже было несколько раз, и конечно, в то время как обстоятельства немного отличаются, трибунал – насколько мне известно – универсально распоряжался до сих пор о том, что он не будет исследовать предшествующие переговоры которые привели к соглашениям.

Также есть позицию, которую, конечно доктор Зейдль предъявил в письменных показаниях Гаусса, и он имел возможность допросить подсудимого фон Риббентропа, и обвинение покорно полагает, что вызов двух вторичных свидетелей – безотносительно их положения в германском министерстве иностранных дел, они свидетели вторичного значения в сравнении с подсудимым фон Риббентропом – обсуждать эти переговоры кажется обвинению исследованием вопроса не относящегося к делу и полностью ненужного для целей дела.

Признаюсь, лично я не замечаю никакого особого отношения которые эти свидетели могли быть иметь к делу Гесса, но я не настаиваю на данном основании, я высказал основание которое я обрисовал трибуналу.

В отношении третьего ходатайства доктора Зейдля, я не совсем уверен имеет ли он в виду то, что он хочет от обвинения предоставить ему подлинник или заверенную копию секретного соглашения, или же он желает сам представить копию. Но в отношении этого, обвинение вновь занимает такое положение – что, в конце концов, один из маленьких аспектов дела – достаточно охвачен показаниями уже предъявленными трибуналу из письменных показаний посла Гаусса и показаний подсудимого Риббентропа.

В этом заключается положение обвинения на этот счёт.

Председатель: Да, доктор Зейдль?

Зейдль: Господин председатель, письменные показания посла, доктора Гаусса, которые приняты трибуналом как экземпляр Гесс-16, описывают лишь часть переговоров. Посол Гаусс не присутствовал на переговорах предшествующих заключению пактов. Поэтому, я заявил дополнительное ходатайство о вызове советника посольства Хильгера в качестве свидетеля, после его одобрения в качестве свидетеля для подсудимого фон Риббентропа.

Кроме того, я попросил о том, чтобы трибунал истребовал текст секретного дополнительного приложения. Я вынужден признать, однако, что эта

---

410 Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий дипломат. Начальник правового департамента МИД Германии в 1923-1943.

просьба уже не имеет значения, какую имела в момент заявления. Между тем мы получили копию этого секретного дополнительного приложения.

Кроме того, у меня есть копия секретного приложения к германо-советскому пограничному пакту от 28 сентября 1939, и у меня есть письменные показания посла, доктора Гаусса от 1 апреля этого года удостоверяющие, то, что эти копии верны тексту секретных соглашений от 23 августа и 28 сентября 1938.

Председатель: Сэр Дэвид, у вас есть какое-либо возражение представлению этого документа после его рассмотрения трибуналом?

Максвелл-Файф: Вообще нет, милорд. Как я говорю, трибунал рассмотрел наше возражение об относимости к делу, и мы остановились на этом, и поэтому, у меня на самом деле нет возможности выступать по какому-либо вопросу об относимости документа в виду решения трибунала.

Единственное о чём я скажу, это то, если доктор Зейдль представит предполагаемую копию договора, поддержанную письменными показаниями посла Гаусса, тогда это дополнительно усилит мой аргумент, я полагаю, против разрешения его вызова в качестве свидетеля.

Покровский: Советским обвинением, по вопросу, который сейчас обсуждается трибуналом, сегодня передан документ в генеральный секретариат Международного военного трибунала, если он уже находится в вашем распоряжении, господа судьи, тогда, очевидно, я могу не высказывать здесь для стенограммы нашу позицию. Если же вы найдете нужным, я могу её изложить здесь. Мы возражаем, по тем соображениям, которые изложены в документе, подписанном генералом Руденко.

Председатель: Вы представляете аргументацию или некого рода документ?

Покровский: Нет, я не собираюсь аргументировать и возвращаться к этому вопросу, если вы уже располагаете тем документом.

Председатель: Полковник, вы меня неправильно поняли. Вы назвали документ который как вы утверждаете в распоряжении трибунала. Я не осведомлен, что у нас есть какой-либо документ от советского обвинения. Может быть его получили, и если так мы его конечно рассмотрим.

Что я хотел знать, была это аргументация или подлинный документ некого рода.

Покровский: Речь идёт об официальном ответе советского обвинения по вопросу о том считаем ли мы нужным удовлетворить ходатайство доктора Зейдля относительно группы вопросов связанных с германо-советским пактом 1939 года.

Председатель: Мы рассмотрим документ.

Покровский: Вы считаете возможным ограничиться тем документом который находится в вашем распоряжении?

Председатель: Что же, разумеется – до тех пор, пока вы не пожелаете, что-то сказать. Мы рассмотрим документ.

Покровский: Дополнительно, никаких дополнений у меня нет. Наша позиция

изложена совершенно определённо и точно в этом документе, за подписью генерала Руденко. И если вы располагаете этим документом мне нечего больше добавить.

Зейдль: Господин председатель, 13 апреля я заявил письменное ходатайство о разрешении представить документальное дополнение как экземпляр Гесс-17. Я представил шесть копий этого документа с просьбой о его переводе. Это включает следующие документы:

1) Германо-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939, который уже представило обвинение как экземпляр GB-145 2) Относящийся к нему дополнительный протокол от этой же даты; 3) германо-советский пакт о дружбе и границе от 28 сентября 1939; 4) секретный дополнительный протокол от той же даты который относится к нему и 5) вторые письменные показания посла, доктора Гаусса, указанные ранее.

Кроме того, 15 апреля я заявил ходатайство о вызове свидетеля, доктора Гаусса – который в Нюрнберге – сюда в суд если трибунал не сочтёт письменные показания достаточными. Я прошу трибунал принять решение по этим ходатайствам.

Председатель: Трибунал рассмотрит вопрос.

Максвелл-Файф: Милорд, данное ходатайство о свидетеле Дикхофе[411], в отношении которого уже одобрены опросные листы. Как я понимаю, причина заключается в том, что свидетель Чиршки[412] как оказалось ушёл из германского министерства иностранных дел почти на 18 месяцев раньше чем думали. Барон фон Людингхаузен предложил, чтобы, уравновешивая вызов Дикхофа в качестве свидетеля, он отказывается от вызова свидетеля Циммермана и получит вместо этого письменные показания или опросный лист. Милорд, обвинению это кажется весьма разумным предложением и мы не возражаем.

Председатель: Вы имеете в виду, нет возражения Дикхофу как свидетелю и письменным показаниям или опросным листам Циммерману.

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Милорд, на этом всё в отношении подсудимого фон Нейрата.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Затем, в отношении подсудимого Шахта, единственное ходатайство о свидетеле Гельсе и обвинение на самом деле не поняло, вызывает его доктор Дикс или предъявляет в виде письменных показаний. Думаю это единственный вопрос в том будет ли доступен свидетель, прибыв сюда из Гамбурга, и если он доступен, мы не возражаем его вызову в качестве свидетеля.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Затем, милорд, следующий список это ходатайство от имени

---

411 Ганс-Генрих Дикхоф (1884 – 1952) – немецкий дипломат. Посол Германии в США в 1937-1938.

412 Фриц фон Чиршки (1900 — 1980) — немецкий дипломат и политик. Представитель консервативного сопротивления национал-социализму. В 1933-1935 референт Франца фон Папена. Эмигрант.

подсудимого Заукеля: отказ от опросного листа для Менде одобрили 23 марта, так как соответствующий свидетель не найден, и опросные листы для Маренбаха вместо Менде, который может дать такие же показания. Доктору Серватиусу кажется, что Маренбах находится в лагере интернированных в Гармише. Обвинение этому не возражает.

Милорд, думаю было ещё одно формальное ходатайство от доктора Тома в отношении использования заявления под присягой профессора Денкера, но этому нет возражения.

Председатель: Мы уже разрешили это.

Максвелл-Файф: Вы уже разрешили это, это лишь формальное ходатайство.

Председатель: Да, очень хорошо. Тогда он рассмотрит эти вопросы. Есть ряд документов о предъявлении которых ходатайствует защитник подсудимого Заукеля.

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Нам предложили, чтобы защитник подсудимого Заукеля и представитель обвинения могут помочь в данном вопросе.

Максвелл-Файф: Милорд, мой друг, господин Робертс, рассмотрел с доктором Серватиусом это положение, поэтому, возможно, он сможет помочь трибуналу.

Председатель: Господин Робертс, это будет долго или нет?

Робертс: Милорд, я так не думаю. Трибунал, как я понимаю…

Покровский: Я должен доложить трибуналу, что советское обвинение не получало никаких документов о которых идёт речь. И мы просим отложить рассмотрение вопроса об этих документах, до того момента пока мы получим возможность с ними ознакомиться.

Председатель: Я понимаю, что эти документы ещё не перевели. На самом деле вопрос предварительный, о том какие документы следует переводить, и мы только изучаем документы для того, чтобы понять какие документы достаточно относятся к делу, чтобы их переводить, поэтому это не будет…

Покровский: Хорошо.

Робертс: Милорд, трибунал – я понимаю – предварительно распорядился об исключении документов которые я и доктор Серватиус решили не представлять. Милорд, при этом остаётся очень большое количество документов, список которых имеется у трибунала. Милорд, первые 68 документов – или даже документы с 6 по 68 – правила касающиеся условий трудоустройства рабочей силы в Германии. Милорд, я видел предложенную доктором Серватиусом документальную книгу и он отметил некоторые фрагменты которые он хотел бы прочитать, и которые нужно было переводить, милорд, и это весьма значительно сокращает объём документов.

Председатель: Что же, конечно, мы пока не читали все эти документы, и их не перевели. Вы можете указать нам имеются ли какие-нибудь возражения их переводу?

Робертс: Милорд, не думаю, что я могу возражать этим первым документам с 6 по

68 – фрагментам помеченным «для перевода», потому что из их описания они выглядят относящимися к делу.

Председатель: Да, 6-68.

Робертс: Да, милорд.

Председатель: Вы имеете в виду фрагменты которые на самом деле отмечены?

Робертс: Да, милорд.

Председатель: Значит вы продолжите?

Робертс: Да, милорд.

Председатель: 69-79 уже исключены.

Робертс: Да, милорд. Милорд, я возражаю 80 и 81. Это документы содержащие утверждения о нарушении Гаагских правил советской нацией. Милорд, я полагаю это не относится к делу.

Председатель: Утверждения о незаконных актах советского правительства в связи с отдельными лицами?

Робертс: Да, милорд. Милорд, я полагаю это вообще не может относится к делу.

Председатель: Да, и 82-89, вы им не возражаете?

Робертс: Милорд, этим я не возражаю – отрывки отмечены.

Председатель: Да.

Робертс: Доктор Серватиус обещал, насколько он сможет, сократить фрагменты которые предстоит отметить.

Милорд, я возражаю 90 и 91. Доктор Серватиус хочет предъявить под описанием документов, большое количество письменных показаний, ряд которых, я думаю, пока не установлен – письменные показания разных людей об условиях труда и условиях в которых работали иностранные рабочие. Милорд, подсудимому Заукелю разрешили ряд свидетелей, а также письменные показания или опросные листы других людей. Милорд, я полагаю, что это ходатайство в 90 и 91 – два материала письменных показаний – на самом деле вообще не ходатайство о документах, в нём следует отказать.

Милорд, номер 92…

Председатель: Номер 92 исключили.

Робертс: 92 исключили.

Милорд, номер 93, фактически, книга на которую ссылался французский обвинитель, и поэтому, конечно, доктор Серватиус будет вправе сослаться на неё в своём деле.

Председатель: Отрывки отмечены или нет?

Робертс: Что же, пока никак не отмечены. Есть кое-какие иллюстрации, милорд, из…

Председатель: Он хочет только иллюстрации?

Робертс: Думаю так, милорд, показывающие ангельское счастье зарубежных рабочих в Германии.

Председатель: Да.

Робертс: Милорд, 94 письменные показания сына Заукеля. Они требуются, как я понимаю, если не доступен один из трёх других свидетелей которых разрешили. Милорд, они касаются утверждения, что Заукель приказал об эвакуации Бухенвальда и милорд, я не могу возражать этим очень коротким письменным показаниям, если доктор Серватиус не сможет представить одного из трёх свидетелей которого ему разрешили.

Милорд, 95 – речи Заукеля, и доктор Серватиус снова пообещал сократить фрагменты которые он отметит. Сложно этому возражать в виду утверждения о заговоре.

Председатель: Да.

Робертс: Милорд, 96 и 97 книги в которых есть очень короткие фрагменты которые отмечены, и снова, это касается периода относящегося к предполагаемому заговору, милорд, я не вижу как я могу этому возражать.

Председатель: В такой же категории, да. Это вас устраивает доктор Серватиус?

Серватиус: Да, я обсудил вопрос с представителем обвинения и это принципиально представляет результат. Однако, я бы хотел добавить, кое-что в связи с несколькими документами – а именно, документами 80 и 81. Один – фотокопия приказа о депортации города Ольса, другой письменные показания касательно принудительного труда в Сааце. Первый документ мне нужен для того, чтобы доказать, что Гаагские правила сухопутной войны устарели – то есть, что до перемирия, пока борьба ещё шла, население восточногерманских провинций направляли в России для принудительного труда. В то время я дополнил ходатайство устно, потому что я считал доказательство депортации большой части населения принудительным трудом, полученное в результате опросов бургомистров из Верхней Силезии – Восточной Пруссии, недостаточным. Мне кажется у этого большое значение для защиты моего клиента, так как это доказывает, что Гаагские правила сухопутной войны рассматривались несуществующими на Востоке.

Документ 81 касается положения дел после перемирия, но оказывается лишь продолжением того, что раньше происходило на восточных территориях, и подтверждает тот факт, что в ходе оккупации Советской армией, такие условия в целом продолжали существовать – а именно, вербовка населения для работы не в смысле Гаагской конвенции например для ремонта местных дорог, а скорее в целях работы в промышленности и деятельности за рамками Гаагской конвенции и работе вне страны. Мне не кажется, что мне должны отказать в этом доказательстве.

Что касается документов номер 90 и 91, их содержание уже представили. Это две папки с коллекцией письменных показаний. Предпринята попытка представить доказательства в опровержение правительственного расследования, такого с которым мы здесь столкнулись. Мы получили отчёты от советского и французского обвинения, мы получили отчёты от чехов, все они образуют большое

количество материала подобного мозаике который можно рассмотреть только таким образом.

Я уже объяснял, что у меня нет в распоряжении правительства которое могло бы подготовить такой отчёт, и поэтому я предлагаю предъявить сборник письменных показаний. Сейчас я не намерен читать каждые из этих письменных показаний. Моё обращение к суду заключается в назначении заместителя который изучит эту папку и подготовить краткий отчёт о её презентации трибуналу. Схожая проблема возникнет позднее, когда будут рассматривать вопросы касательно политических организаций, а именно проблема о том как такое большое количество материала можно будет представить трибуналу.

Если я приведу одного свидетеля, только одного свидетеля, будет сказано: «Что же, конечно один свидетель не может охватить всё». С другой стороны, я не могу иметь сотню или больше свидетелей. Поэтому это будет средним: человек назначенный трибуналом изучит эти письменные показания и представит отчёт. Такое содержание этих двух папок.

Председатель: О скольких письменных показаниях вы думаете или получили?

Серватиус: Пока я получил очень мало. Это доказывает, что те кто мог бы предоставить информацию очень сдержаны, потому что опасаются того, что из-за этого могут быть обвинены. Однако, я надеюсь, что смогу отобрать разумные заявления, что, как мне кажется будет насчитывать 20 или 30 письменных показаний. Я ограничусь этим, потому что я не собираюсь озадачивать суд ненужной работой с этими письменными показаниями. Судя по нынешнему состоянию моего сборника, я даже могу рассмотреть отказ от своего ходатайства, потому что я сам вынужден признать, что количество материала дошедшее до меня весьма небольшое, но я прошу дать мне ещё один шанс, и в подходящий момент я снова представлю дело суду.

Председатель: Да. Это всё, что вы хотите сказать?

Серватиус: Ещё есть документ номер 93, иллюстрированная брошюра «Европа работает в Германии». Я хочу…

Председатель: Обвинение возражало?

Серватиус: Нет, обвинение не возражает. Я хочу спроецировать некоторые иллюстрации на экран с целью показать в частности в каких условиях прибывали эти люди с Востока и каким было их состояние потом, насколько это можно показать из пропагандистской брошюры.

Председатель: Да, спасибо.

Робертс: Есть ещё одно положение которое я должен упомянуть. Вероятно доктор Серватиус будет любезен выслушать.

Милорд, доктор Серватиус в письменном виде ходатайствовал перед трибуналом, письмо от 5 марта 1946, о всех медицинских отчётах доктора Егера, который был главным врачом лагеря Крупп-Эссен, во-вторых, всех ежемесячных

отчётах от человека по имени Грёне, который был коллегой доктора Егера, в-третьих, всех протоколах ежемесячных совещаний которые главный врач лагеря проводил с подчинёнными врачами Круппа.

Милорд, положение такое: французы приобщили это – ох, думаю наши американские коллеги приобщили – письменные показания доктора Егера, и доктор Егер лично одобрен в качестве свидетеля Заукелю? и он будет на месте свидетеля.

Милорд, обвинение не имеет возражения тому, чтобы доктора Егера попросили привезти свои отчёты с собой если они доступны. У нас их нет, и я не думаю, что мы знаем где они.

Председатель: Но свидетель вызван.

Серватиус: Я уже получил часть из этих документов, и полагаю, что остальное тоже поступит ко мне. Мне кажется, материала которой я имею достаточно для моих целей поэтому обвинение может больше не затруднять себя.

Председатель: Вы имеете в виду нам не нужно принимать решение?

Серватиус: Не нужно.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 18 апреля 1946*]

